

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

The Journal of MGIMO-University

Москва

№5(32) 2013

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Богатуров А.Д. – доктор политических наук, профессор (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор университета Мидл Теннеси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лукин В.П. – уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО(У) МИД России.

Мионов С.М. – руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва (Россия).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Подберезкин А.И. – проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Примаков Е.М. – академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации – Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. – ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России (Россия).

Степашин С.В. – доктор юридических наук, профессор (Россия).

Титаренко М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН (Россия).

Чубарьян А.О. – директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. – кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов России МГИМО(У) МИД России.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомяntenko Г.П. – доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. – доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. – доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».

Большова Н.Н. – кандидат политических наук, начальник управления научной политики МГИМО(У) МИД России.

Вишняков Я.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Иванов Н.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России.

Коннов В.И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Малиновский А.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Ручкин Г.Р. – директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Bogaturov A.D. – Doctor of Political Science, Professor (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Science at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Emeritus Professor of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lukin V.P. – Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Malgin A.V. – Candidate of Political Sciences, Vice Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mironov S.M. – Head of the Parliamentary Party "Just Russia" in the 6th State Duma (Russia).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Primakov E.M. – Academician of the RAS (Russia).

Prikhodko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation – Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Seregin A.V. – Executive Secretary of the Bureau of the Editorial-Review Committee of MGIMO University (Russia).

Stepashin S.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia).

Titarenko M.L. – Director of the Institute of Far-East of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Tchubarian A.O. – Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Board:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO University.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO University.

Gladkov G.I. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor, Head of Languages and Bologna Process Directorate, MGIMO University.

Engibarian R.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of International Institute of Administration, MGIMO University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO University.

Kirillov V.B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Legoyda V.R. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO University.

Orlov A.A. – Candidate of Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO University.

Salygin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University.

Skvorcov Y. L. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of School of International Journalism, MGIMO University.

Tolstopiatenko G.P. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of School of International Law, MGIMO University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO University.

Entin M.L. – Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO University.

Editorial Staff:

Muntian M.A. – Editor-in-Charge, Doctor of History, Professor.

Bolshova N.N. – Candidate of Political Sciences, Head of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Vishniakov I.V. – Candidate of History, Associate Professor of the Department of World and Russian History, MGIMO University.

Ivanov N.V. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department for Romance Languages, MGIMO University.

Konnov V. I. – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Philosophy Department, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of the Philosophy, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Malinovskiy A.A. – Doctor of Law, Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, MGIMO University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO University.

Ruchkin G.R. – Director of MGIMO University Press.

Svishchev A.V. – Candidate of Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Kharkevich M.V. – Candidate of Political Sciences, Head of the Office for Research Planning, Statistics And Accountancy of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал Вестник МГИМО- Университета 66009 (индекс издания) <table border="1" style="border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px;">количество комплектов</td> <td style="width: 40px; text-align: center; padding: 2px;">1</td> </tr> </table>	количество комплектов	1																					
	количество комплектов	1																						
	На 2013 год по месяцам																							
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
Куда (почтовый индекс) (адрес)																								
Кому																								
(фамилия, инициалы)																								

				ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА
				66009
	на журнал			(индекс издания)
	ПВ	место	литер	

Вестник МГИМО-Университета											
<u>Стоимость</u>	подписки переадресовки руб.		Количество комплектов	1							
На 2013 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда	
(почтовый индекс)	
(адрес)	
Кому	
(фамилия, инициалы)	

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Немченко Ю.А., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 41 усл. п. л. Заказ №652

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone./fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: Vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies 2000.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Лавров С.В. Выступление перед студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО(У) МИД России 2 сентября 2013 г.	9
Громыко Ан. А. Глобализация и глобальное управление.	16
Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г.	24
Ходынская-Голенищева М.С. Подготовка «Женевы-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса.	33
Киреева А.А. Китайская стратегия Японии.	39
Воробьев Н.И. Интересы ЕС в развитии арктических морских маршрутов.	47

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Сивоволов Д.Л. Роль российской дипломатии в построении «электронного государства» в РФ.	54
Демидов О.В. Новый приоритет для российской публичной дипломатии: предотвращение кибератак на объекты критической инфраструктуры.	58
Волков С.В. США и Япония в мировой политике.	62

К 70-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МГИМО

Торкунов А.В. МГИМО в книге рекордов Гиннеса.	69
Булатов Ю.А. Этапы большого пути.	72
Белявская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков.	76
Мазаева И.А. Формы оценивания профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности (критериальное оценивание).	84

ИСТОРИЯ

Падерин А.А. Курская битва в оценках западных историков: к 70-летию великого сражения.	90

ПОЛИТОЛОГИЯ

Евсеев В.В. Авторитаризм в Центральной Азии (на примере Казахстана).	101
Чекризова О.П. Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане.	108
Жигульская Д.В. Турецкий алевизм: религиозная идентификация.	118

ЭКОНОМИКА

Лиферов А.П. Родимые пятна российской ментальности и культура ведения международного бизнеса.	123
Евдокимова Е.М. Деятельность ЕБРР в области устойчивой энергетики.	131
Коробков И.А. Экспорт промышленных товаров из России в ЕС: тенденции, проблемы и возможности.	139
Петрова М.А. Проблемы приведения торговой политики России в соответствие с требованиями ВТО. ...	146
Вергун А.Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса.	153
Голомедов В.И. Стратегии российских ВИНК в условиях глобального рынка.	162
Евдокимова О.М. Присоединение Киргизии к ТС: предпосылки, проблемы, перспективы.	169
Колганова М.Д. Реинкарнация золотого стандарта – возможна ли?	176

ЭКОЛОГИЯ

Горбанев В.А. Природопользование и устойчивое развитие.	180
Банчева А.И. Экологические инновации Японии: основные направления развития и особенности управления.	190

ПРАВО

Вершинина Е.В., Стахеева Ю.А. Условия действительности сделки в России и Франции: сравнительно-правовой анализ	197

СОЦИОЛОГИЯ

Карпова Д.Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи	208
Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций	213

ФИЛОСОФИЯ

Братина Б. Краткая критика рассмотрения М. Хайдеггером этимологии слова «бытие»	221

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Денисенкова Ю.С. Развитие концепта «деньги» в историческом аспекте.	227
Водопьянов В.С. Сотрудничество государств Северной Европы в сфере науки и образования	232
Матюшина В.В. Аксиологический аспект понятия «толерантность».	239

ФИЛОЛОГИЯ

Цыбова И.А. О семантике словообразования (на материале французского языка)	247
Иванова В.Г. Лингвистические аспекты изучения understatement в современном английском языке	252
Григорьев Е.И. Восприятие и распознавание концептов речевых актов в условиях устной коммуникации	261

ПЕДАГОГИКА

Воронова Е.Ю. Дидактические аспекты обучения бухгалтерскому учету в высшей школе	270
Чеканова С.А. Методы исправления ошибок в письменной речи.	276
Лазарева А.В. Развитие коммуникативных компетенций студентов посредством тренинговых программ	279
Гринева М.В. Роль домашнего чтения в профессиональной языковой подготовке экономистов-международников	286

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Мелихов И.А. Т.В. Зонова – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации»	292
Чиронов С.В. Борис Павлович Лаврентьев	295
Павленко И.А. Р.А. Сергеев – президент Ассоциации выпускников МГИМО в 1991–2004 гг.	299
Силласте Г.Г., Джуринский А.Н. Профессор Юрий Владимирович Борисов.	301
Кадакин А.М. Залман Мошевич Дымшиц	304
Кан А., Кан Ада. Лариса Михайловна Ефимова	307
Печатнов В.О. Профессор МГИМО(У) МИД России Н.К. Капитонова.	310

РЕЦЕНЗИИ

Яковлев А.И., Авдаков И.Ю. Энергетика навсегда или возвращение в пустыню?	315
Никитин А.И. Воронин Е.С. Зведре Е.К., Земсков В.Н., Небольсина М.А., Гржа А.П., Новикова Д.Н., Сон О.Л. Каким видят мир в 2030 г. эксперты разведывательного сообщества США	318

Table of Contents

INTERNATIONAL RELATIONS

Lavrov S.V. The Speech for Students and Professors of MGIMO-University on September 2, 2013.	9
Gromyko An. A. Globalization and Global Governance.	16
Streltsov D.V. Qualitative Changes in Japan's Policy in the Field of Military Security in 2013	24
Khodynskaya-Golenischeva M. The International Conference on Syria ("Geneva-2"): difficulties of inter-Syrian talks and role of foreign players.	33
Kireeva A.A. Japans' Strategy toward China	39
Vorobyev N.I. EU Interests in Developing Arctic Sea Routes.	47

WORLD POLITIC

Sivovolov D.L. The Role of Russian Diplomacy in Launching of 'Electronic Government' in Russia	54
Demidov O.V. Preventing Cyber Attacks on Critical Infrastructure: a New Priority for the Russian Public Diplomacy?	58
Volkov S.V. The USA and Japan in World Politics	62

70th ANNIVERSARY OF MGIMO FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Torkunov A.V. MGIMO in the Guinness Book of Records.	69
Bulatov Yu.A. Stages of the Big Way.	72
Belyavskaya E.G. Cognitive Linguistics and Teaching Foreign Languages.	76
Mazaeva I.A. Assessment Forms for Professional Communication Competence in Foreign Languages (Criteria Assessment)	84

HISTORY

Paderin A.A. The Battle of Kursk: How the Western Historians See It	90

POLITICAL SCIENCE

Evseev V.V. Authoritarianism in Central Asia (as Exemplified by Kazakhstan).	101
Chektrizova O.P. Trends in Evolution of Pakistan's Islamism	108
Zhigulskaya D.V. Turkish Alevism: Religious Identification	118

ECONOMICS

Liferov A.P. Birth-Marks of Russian Mentality and the Culture of International Business	123
Evdokimova E.M. EBRD Activities in the Field of Sustainable Energy	131
Korobkov I.A. Export of Russian Manufactures to EU Countries: Tendencies, Problems and Opportunities	139
Petrova M.A. The Problems of Bringing Russian Trade Policy in Line with WTO requirements.	146
Vergun A.N. BRICS Cooperation as a New Integration Format.	153
Golomedov V.I. Strategies of Russian Vertically Integrated Oil Companies in the Global Market.	162
Evdokimova O.M. Accession of Kyrgyzstan to the Customs Union: Preconditions, Problems, Prospects	169
Kolganova M.D. New Life of the Gold Standard?.	176

ECOLOGY

Gorbanev V.A. Environmental Management and Sustainable Development	180
Bancheva A.I. Eco-Innovations in Japan: Main Trends	190

LAW

Vershinina E.V., Stakheeva J.A. Conditions of Transaction Validity under Russian and French Law.....	197

SOCIOLOGY

Karpova D.N. Internet Communication: New Challenges for the Youth	208
Bobova L.A. Manuel Castells: Impact of the Network Society on the Nature of Social Communications	213

PHILOSOPHY

Bratina B. Brief Critique of Heidegger's Ontological Analysis of the Term 'Being'	221

CULTURAL STUDIES

Denisenkova Yu.S. Diachronic Analysis of the Concept 'Money'	227
Vodopyanov V.S. Nordic Cooperation in Culture and Education.	232
Matyushina V.V. The Axiological Aspect of the Notion "Tolerance".	239

PHILOLOGY

Tsybova I.A. About Semantics of Word Formation (a Case Study of French)	247
Ivanova V.G. Linguistic Aspects of Understatement in Modern English	252
Grigoryev E.I. Perception and Recognition of Concepts of Speech Acts in Verbal Communication.	261

PEDAGOGICS

Voronova E.Yu. Didactic Aspects of Teaching Accounting in Higher School	270
Chekanova S.A. Methods of Correcting Mistakes in Written Speech	276
Lazareva A.V. Development of Communicative Competences in Students through Training Programs	279
Grineva M.V. The Role of Home Reading Class in the Language Training of Students of International Economic Relations	286

MGIMO GOLDEN FUND

Melikhov I.A. T.V. Zonova – 'The Honored Science Worker of the Russian Federation'	292
Chironov S.V. Boris Pavlovich Lavrentyev (1929-2010)	295
Pavlenko I.A. Sergeyev Rostislav Aleksandrovich – MGIMO Alumni President in 1991-2004	299
Sillaste G.G., Dzhurinsky A.N. Professor Yury Vladimirovich Borisov (1921-2013)	301
Kadakin A.M. Zalman Movshevich Dymshits	304
Kan A., Kan Ada. Larisa Mikhailovna Efimova	307
Pechatnov V.O. Natalia Kirillovna Kapitonova, Professor of MGIMO University.	310

BOOK REVIEWS

Yakovlev A.I., Avdakov I.Yu. Power Forever, or Return to the Desert?	315
Nikitin A.I., Voronin E.S., Zvedre E.K., Zemskov V.N., Nebolsina M.A., Grzha A.P., Son O.L., Novikova D.N. The World in 2030 as Seen by Experts of the US National Intelligence Council	318

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.В.ЛАВРОВА В МГИМО

2 СЕНТЯБРЯ 2013 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Уважаемый Евгений Петрович!

Дорогие коллеги и друзья!

Рад нашей очередной встрече, которую мы по традиции проводим в День знаний. Особенно хотел бы приветствовать первокурсников и пожелать им влиться в новый коллектив, в полной мере освоив его традиции, продолжая преемственность поколений.

МГИМО(У) прочно удерживает позиции среди флагманов российского образования. В Университете создана уникальная база для изучения практически любых аспектов современных международных отношений с учетом истории, происходивших событий, а также прогнозов, которые делаются ведущими мировыми центрами. Здесь же имеются исключительные возможности для овладения иностранными языками и в целом для получения образования, которое дает человеку, жаждущему выбиться наверх, прекрасные условия для качественного интеллектуального и профессионального роста.

Мы вступаем в период празднования 70-летия создания МГИМО(У). Официально Университет берет свое начало с 14 октября 1944 г., когда годом ранее созданный международный факультет МГУ был преобразован в самостоятельный институт. Первый набор состоял из 200 человек. А в 1946 г. на учебу в МГИМО стали принимать студентов-иностранцев. Это тоже прекрасная традиция, которую надо всячески поддерживать. Нам приятно, что в МГИМО(У) и Дипакадемии много студентов из самых разных стран – как наших близких соседей, так и из дальнего зарубежья. Это лишний раз подчеркивает качество предлагаемого здесь образования. Важно, что выпускники Университета занимают в своих странах очень серьезные позиции. В большинстве случаев они успешны в бизнесе, политике, журналистике. Среди них есть министры и главы государств.

Очень хорошая инициатива, которая, надеюсь, станет еще одной доброй традицией мгимовцев, проявлена в прошлом году нашими азербайджанскими друзьями. По предложению Президента Азербайджана И.Г. Алиева в Баку состоялся Пер-

вый Всемирный форум выпускников МГИМО, вызвавший живой интерес. В нем с огромным удовольствием участвовали представители из десятков стран. Мы приветствовали такое начинание. В послании форуму Президент России В.В. Путин отметил, что за прошедшие десятилетия из стен МГИМО вышла блестящая плеяда профессионалов – широко образованных, творческих людей. Президент подчеркнул, что диплом Университета является свидетельством серьезной подготовки и самых современных знаний на международном уровне. Следующий такой форум планируется провести в будущем году в Москве и посвятить его официальному 70-летию МГИМО.

Министерство иностранных дел продолжает полагаться на МГИМО(У) как на главную «кузницу» своих кадров. 80 процентов всех принятых в МИД России молодых специалистов в текущем году – выпускники МГИМО и Дипакадемии. Помимо пополнения нашего кадрового потенциала мы очень ценим отношения с МГИМО и Дипакадемией в том, что касается научно-исследовательской и аналитической работы. Сегодня эта сфера востребована как никогда.

В мире происходят сложнейшие процессы – а они только запущены, – и до их окончания еще далеко. Однако ясно, что конечной точкой движения, в которое пришло мировое сообщество и международные отношения, будет новая полицентричная система мироустройства. Она будет опираться на диалог и согласие цивилизаций, взаимоуважение и прочную основу международного права. Ценности этой системы будут общими, присущими всем мировым религиям. Это стремление к миру, добру, достоинству, свобода и ответственность, уважение старших. Попытки трактовать эти ценности односторонне, только по-своему, наблюдаются сейчас со стороны тех, кто не хочет терять доминирующие позиции, которые столетиями занимали наши западные коллеги. Идет серьезное сопротивление созданию более справедливого и демократического миропорядка, где новые центры экономического роста, финансовой мощи должны получить больше голосов в управлении мировым хозяйством и глобальными политическими процессами.

■ Международные отношения

Отсюда – задачи реформирования международной валютно-финансовой системы, Организации Объединенных Наций, включая ее Совет Безопасности. Мы активно всем этим занимаемся. У нас четкие ориентиры, заложенные в Концепции внешней политики Российской Федерации, одобренной президентом страны в начале нынешнего года. Концепция исходит из того, что Россия хочет добиваться целей своей внешней политики на основе национальных интересов, их твердого отстаивания (но без какой-либо конфронтации), прагматично, работая на равноправной и взаимовыгодной основе со всеми без исключения странами, которые готовы действовать с нами на тех же началах.

Что касается конкретных направлений применения этих базовых принципов нашей внешней политики, то рассчитываю раскрыть их в ответах на ваши вопросы.

Еще раз с праздником!

Вопрос: Долгое время основной целью экономической дипломатии России оставалось вступление в ВТО. Эта цель, к счастью, была достигнута. Хотелось бы узнать, что теперь стоит во главе угла нашей экономической дипломатии: вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), стремление успешно завершить Дохийский раунд переговоров (в рамках ВТО) или что-то еще?

С.В.Лавров: Экономическая дипломатия для нас – одно из приоритетнейших направлений, потому что, во-первых, экономика всегда определяет нормальную политику – я не говорю сейчас о политиканстве, которым занимаются некоторые деятели, причисляющие себя к политическим элитам. Нормальные политики всегда опираются на экономику. Во-вторых, без полноценной интеграции в мировое хозяйство мы не сможем максимально решать стоящие перед нами задачи по всестороннему подъему Российской Федерации. В-третьих, не решив задач нашего собственного ускоренного инновационного и эффективного развития, мы не сумеем укреплять и далее свои позиции на международной арене. Поэтому и членство в ВТО, и переговоры о вступлении в ОЭСР – шаги именно в таком направлении. Руководство нашего государства уделяет им приоритетное внимание.

Мы год с небольшим являемся полноправными участниками ВТО. Пока трудно сказать, как членство в ВТО сказалось на наших экономических операторах – будь то в промышленности, банковской сфере, сельском хозяйстве, в сфере страхования и финансов, – но никакого обвала не произошло. Не оправдались прогнозы тех, кто говорил, что российская промышленность и банковский сектор «умрут» и т.д. То, что перед всеми нами, перед нашей экономикой стоит сейчас колоссальный вызов конкурентоспособности, я считаю очень здоровым и полезным делом для нашего государства.

Что касается переговоров с ОЭСР, то они идут, но достаточно не просто, поскольку предстоит выработать очень большой объем договоренностей. В Организации действуют 22 комитета и рабочие группы, 6 из них (чуть меньше трети) высказали

рекомендации в пользу членства России. Эта работа продолжается. Мы уже стали участниками целого ряда механизмов, конвенций ОЭСР, в том числе касающихся борьбы с коррупцией. Не будем форсировать наше вступление любой ценой, как это сделали многие наши соседи, когда вступали в ВТО. Хотим присоединиться к ОЭСР на стандартных и недискриминационных по отношению к Российской Федерации условиях. Не буду гадать, сколько времени займет эта работа. Последние десять лет мы ежегодно предрекали вступление в ВТО, поэтому лучше сконцентрироваться не на искусственно сформулированных сроках, а на существе дела. Этим профессионально занимаются соответствующие ведомства, и МИД также активно участвует.

Вопрос: Считаете ли вы, что ситуация в Сирии является своеобразным повторением сценария, опробованного порядка десяти лет назад западными странами, когда были сформированы поводы (международный терроризм, обладание ОМУ) для их вмешательства, в итоге оказавшиеся фальшивками? Есть ли возможность на данном этапе избежать повторения иракского сценария в Сирии?

С.В.Лавров: Начну с более широкой картины, не просто чтобы связать происходившее в Ираке с нынешней ситуацией в Сирии, только из-за того, что и тогда, и сегодня намерения начать боевые действия обосновываются наличием в стране ОМУ. Наверное, ситуация является гораздо более объемной и комплексной, поскольку то, о чем я говорил в своем вступительном слове, а именно: глубинные процессы в направлении формирования более справедливой полицентричной системы мироустройства, опирающейся на опыт, культуру, достижения, ценности и мудрость всех цивилизаций, а не какой-то одной, очень болезненны. Те, кто в этих процессах объективно утрачивает некогда непререкаемые позиции, реагируют по-разному. Можно принять это как данность, на которую повлиять невозможно, потому что процессы в мире говорят сами за себя, а можно стараться цепляться за старое. В этом смысле людям, которые хотели бы подольше сохранить несправедливый миропорядок, на руку любые происходящие в мире «турбулентные» процессы.

Если говорить о Ближнем Востоке и Севере Африки, то налицо то, что мы называем «двойными стандартами», а также личностный момент. Речь о том, что личная неприязнь к какому-то одному авторитарному лидеру приводит к тому, что его нужно свергать всеми силами, а об авторитарных лидерах, к которым такой неприязни нет и которые являются помощниками, союзниками наших западных партнеров, речи вообще не идет. Нелогично и непоследовательно также описывать все под лозунгом демократических преобразований, которые так нужны региону. Еще раз повторю: в каких-то странах демократические преобразования действительно происходят и закрепляются, а где-то «демократические революции» – как их модно называть – используются просто для смены власти. А уже затем будут применяться другие методы управления государством.

Наша позиция очень проста: мы убеждены, что народы имеют право на лучшую жизнь. Если огромная масса людей на Ближнем Востоке и Севере Африки хотят жить лучше, улучшать свое социально-экономическое положение, доступ к образованию, позиции в обществе, в политической жизни, перемен, то эти чаяния необходимо поддерживать. Но не для того, чтобы подстрекать к применению силы и насильственному свержению режима, а чтобы всячески способствовать организации национального диалога, убеждать давно находящиеся у власти режимы, что в их же интересах и в интересах их страны начать процессы общенационального примирения, выработку моделей политического устройства, которые помогут сохранить единство страны, обеспечить ее прочные позиции на региональном и международном уровнях. Именно этим мы стараемся заниматься.

В случае с Ливией, когда, как вам известно, была объявлена задача установить сначала бесполетную зону и лишь потом демократию, произошла трансформация этой бесполетной зоны в элементарное, циничное участие авиации стран-членов НАТО во внутреннем конфликте на стороне противников режима М. Каддафи. Это проявилось в возмутительном факте, когда с помощью натовцев М. Каддафи был варварски уничтожен. Я говорю о последовательности и «двойных стандартах», когда чуть позже, как мы и предупреждали, из Ливии незаконными маршрутами стало распространяться оружие, когда отсюда же в разные стороны «потекли» боевики, которые больше ничем другим заниматься не могут (поскольку являются участниками экстремистских, террористических организаций) – им нужна где-то новая война по свержению кого-то. Кстати, по оценкам ООН, незаконные перетоки стрелкового оружия из Ливии, которым в основном и пользуются участники «заварух» в том регионе, уже произошли в 12 странах.

В Мали, вы, наверное, слышали, началась битва за свержение правительства, отторжение от государства северной части. Занимались этим террористические группировки, спекулировавшие на чаяниях части населения Мали (племен, проживающих на севере) о большей самостоятельности. Когда французы – по просьбе руководства Мали – отправили свои войска для борьбы с террористами, пытавшимися расколоть страну и захватить власть в Бамако, то эти войска воевали с теми, кого они поддерживали и вооружали в Ливии. Когда я говорю об этом моим французским коллегам, они отвечают: «C'est la vie». Плохо, что это «C'est la vie». Нельзя делить террористов на хороших и плохих. Если они помогли свергнуть М. Каддафи – они, мол, хорошие, а если после хотят свергнуть нашего «друга в Мали» – то плохие. Так нельзя строить политику. Это абсолютно непрофессионально и, как минимум, недальновидно.

Теперь что касается Сирии. Безусловно, сирийский режим допустил очень много ошибок. Гораздо раньше, два с лишним года назад, можно и нужно было начинать национальный диалог. Россия неоднократно предлагала содействие в организации та-

кого диалога. Мы убедили режим поддержать инициативу ЛАГ о направлении наблюдателей, убедили правительство Б. Асада принять план К. Аннана и согласиться разместить наблюдателей ООН на своей территории. Но в обоих случаях очень быстро – как только наблюдатели стали докладывать более или менее объективную картину – их оттуда отзывали или не продлевали их мандат.

Мы были инициаторами проведения Женевской встречи 30 июня 2012 г., где удалось принять коммюнике, которое сейчас для всех стало «библией». И все теперь говорят, что только на такой основе можно урегулировать сирийский кризис. Россия вместе с США призвала провести специальную конференцию для того, чтобы договориться о полной реализации Женевского коммюнике прошлого года. Как и было условлено, мы добились согласия режима Б. Асада, который заявил о готовности направить на такую конференцию делегацию без предварительных условий для выполнения поставленных задач, а именно – с целью реализации всех положений Женевского коммюнике. От оппозиции пока таких сигналов мы не слышим.

Оппозиция же, в принципе находясь под воздействием не столько даже наших западных партнеров, сколько богатых стран региона и стран, занимающих непримиримую позицию по отношению к режиму и, наверное, реально не желающих никакой конференции, а делающих ставку на военную победу оппозиционеров, никак не проявляет стремления к какому-либо диалогу. Оппозиция хочет полной капитуляции режима, своих сил у нее не хватает, поэтому требует военного вмешательства Запада. Сейчас оппозиционеров очень вдохновило заявление американцев о том, что в связи с некими фактами, свидетельствующими о применении режимом химического оружия, президент Б. Обама принял решение ударить по Сирии, но хочет посоветоваться еще и с Конгрессом.

Проблема химоружия всплывает далеко не первый раз. Когда в марте 2013 г. недалеко от г. Алеппо произошел очень похожий на применение химического оружия инцидент, Правительство САР попросило ООН срочно направить экспертов для его расследования. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун согласился, но затем – не буду скрывать, потому что об этом говорилось открыто, – на него было оказано давление со стороны Великобритании и Франции, которые сказали, что просто направить группу экспертов расследовать данный конкретный инцидент не получится. Они предложили затребовать у правительства Б. Асада согласие на допуск любого количества инспекторов с любым оборудованием в любое место и в любое время на всей территории Сирии, чтобы не было ни одного уголка, куда инспекторы не могли бы войти. Такой мандат имелся у инспекционной группы в Ираке, который вы вспомнили в своем вопросе. Все мы знаем, чем это закончилось.

Во-первых, Ирак находился под действием санкций СБ ООН, введенных в 1990-х гг. в рамках главы VII Устава ООН, а Сирия под такими санкциями не находится. Во-вторых, нет никаких сви-

■ Международные отношения

детельств тому, что такой абсолютно интрузивный, безразмерный мандат требуется для расследования конкретного инцидента 19 марта 2013 г. Когда сирийское правительство – и я его понимаю – отказалось от совершенно колониального мандата, который навязывали англичане и французы, оно обратилось к нам. Российские эксперты в полном соответствии с правилами Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) взяли пробы, сделали их анализ и представили полный доклад с выкладками, фотографиями, конкретными датами, временем, именами, результатами анализа, проведенного в сертифицированных ОЗХО лабораториях. Этот доклад (почти 200 страниц) был передан в СБ ООН, его членам. Мы сказали, что в отсутствие действий ООН вносим свой вклад и просим оценить его с профессиональной точки зрения. От американцев мы так и не получили никаких ответов, как не получили их от французов и англичан или еще кого бы то ни было. Но и англичане, и французы, и американцы последние месяцы говорили о том, что есть неопровержимые доказательства того, что режим раньше применял химоружие. А в последние дни, как вы все знаете, американцы заявили о наличии у них достоверных данных, подтверждающих, что 21 августа этого года около Дамаска, в районе Гуты, режим использовал химическое оружие.

Мне было очень странно услышать, что, выступая недавно на эту тему, мой хороший товарищ и коллега, госсекретарь США Дж. Керри, заявил, что американская сторона предъявила российской эти неопровержимые данные о применении режимом химоружия, а Россия сознательно отказалась признать этот факт. Что касается сознательного-бессознательного, мы стараемся все делать сознательно, когда признаем или не признаем факт. Никому не желал бы во внешней политике действовать бессознательно.

Во-вторых, да, нам действительно показывали некие выкладки, которые не содержали ничего конкретного – географических координат, имен, доказательств того, что пробы были взяты профессионалами, каких бы то ни было комментариев по поводу того, что многочисленные эксперты подвергают серьезному сомнению видеокadres, «плавающие» по Интернету. В этих выкладках масса несоответствий, несуразностей, если говорить о том, что это картинки применения химоружия и самочувствия жертв. В общем, очень много сомнений. Поэтому то, что наши американские партнеры, равно как британские и французские, демонстрировали нам раньше и показывают в последнее время, нас абсолютно не убеждает. Там нет фактов, а есть просто разговор о том, что «мы знаем наверняка». Когда же их просят предъявить более детальные подтверждения, отвечают, что это секретно, поэтому показано быть не может. Значит, нет таких фактов для целей международного сотрудничества.

Есть еще один, более глобальный аспект этой темы, выходящий далеко за рамки сирийского кризиса и вообще касающийся проблемы нераспространения ОМУ. Режимы нераспространения в последнее время подвергаются все большим рискам

и угрозам. Одна из проблем, которая грозит стать очень серьезной, – неспособность обеспечить созыв конференции по созданию зоны, свободной от ОМУ на Ближнем Востоке (ЗСОМУ). В 2010 г., когда проходила Обзорная конференция по выполнению ДНЯО (такие конференции проводятся один раз в пять лет), консенсусом была принята резолюция, что не позднее 2012 г. будет созвана конференция по формированию ЗСОМУ в Ближневосточном регионе. Причем речь идет не только о ядерном оружии, а о любом оружии массового уничтожения и средствах его доставки. Россия, Великобритания и США в качестве государств-депозитариев ДНЯО были определены соучредителями этой конференции вместе с представителем Генерального секретаря ООН. Несмотря на все наши усилия (именно наши, не буду этого скрывать, поскольку нас во многом начинают обвинять, поэтому нужно знать правду), из-за позиции США учредители не смогли даже объявить дату созыва этой конференции. Наши американские партнеры ссылались на многочисленные обстоятельства. Мы согласны, что эти обстоятельства существуют, многие из них объективны, в частности касающиеся обеспечения участия всех стран региона с соответствующими потенциалами, и не только арабских государств, но также Израиля и Ирана. Это очень непростая задача.

Но ссылаться только на то, что задача сложная, поэтому следует, мол, отложить ее реализацию, неправильно. Это является отходом от уже принятых решений, под которыми все подписались. Конференция должна была состояться в прошлом году. Теперь мы добиваемся определения даты в самое ближайшее время, поскольку через полтора года грянет новый обзор ДНЯО, и арабские страны региона – на мой взгляд, совершенно справедливо – говорят о том, что если не будут выполняться обещания о поддержке идеи создания ЗСОМУ и другого оружия массового уничтожения, то они не будут конструктивно относиться к другим проблемам таких обзорных конференций.

А проблемы серьезнейшие, и прежде всего связанные с тем, чтобы укреплять, а не расшатывать режим нераспространения. Сирия, кстати сказать, была одним из инициаторов идеи создания на Ближнем Востоке такой зоны. Через такие механизмы надо решать проблемы, касающиеся рисков попадания компонентов ОМУ не в те руки. Нужно действовать через вовлечение всех, у кого есть подобные технологии, в диалог, в обеспечение мер доверия, транспарентности и т.д. А угрозами, тем более основанными на бездоказательных (с нашей точки зрения, поскольку мы видели эти бумаги) утверждениях, ничего не решить. Если действительно имеются некие суперсекретные данные, надо эту секретность снимать. Речь о вопросах войны и мира. И продолжение «игр в секретность» здесь просто неуместно.

Вопрос: Россия и Китай называют двусторонние отношения стратегическими. Насколько это стратегическое партнерство проявилось во время ликвидации последствий наводнения и паводков на Дальнем Востоке? После того как некоторое время

назад сменилось политическое руководство в КНР, остались ли наши отношения на столь же высоком уровне и какие у них перспективы?

С.В.Лавров: У нас с Китаем действительно налажены отношения стратегического взаимодействия и всестороннего партнерства, переживающие самый длительный и лучший, на мой взгляд, период за всю их историю. В двусторонних делах все проблемы решены, включая пограничные, наблюдается мощнейший экономический разворот. Китай – наш главный торгово-экономический партнер, при этом один из главных и растущих рынков наших энергоносителей и высоких технологий, что очень важно.

Нас с Китаем объединяет стремление государств и лидеров обеспечивать на деле добрососедские отношения. Отсюда – огромное внимание, которое уделяется не только экономике и инвестиционным проектам, но и поощрению культурного, гуманитарного сотрудничества. Проводятся такие масштабнейшие мероприятия, как Год России в Китае, Год Китая в России, Год русского языка в Китае, Год китайского языка в России. Сейчас проходят перекрестные годы туризма – российского в Китае и китайского в России.

Развиваются очень тесные связи между научными учреждениями, политологами, укрепляются отношения дружбы между нашими гражданами. Это проявляется в различных ситуациях, в том числе в периоды, когда на китайскую и российскую территории приходят стихийные бедствия. Когда в Китае возникли проблемы после землетрясений, мы приглашали китайских детей на отдых в Россию; когда же в наших регионах происходили стихийные бедствия, китайцы отвечали взаимностью. Это очень конкретные проявления человечности наших отношений на уровне граждан.

Если брать международные дела, то – не побоюсь этого слова – мы с КНР, наверное, главные гаранты защиты норм и принципов международного права. У нас огромное количество сторонников, просто не все страны (в силу своих размеров, позиций в мировой экономике и политике) могут активно выступать в защиту международного права. У нас с КНР таких ограничителей нет. Мы принципиально действуем по всем вопросам, включая сирийскую проблему, иранскую ядерную программу (ИЯП), ядерную проблему Корейского полуострова (ЯПКП). Отстаиваем исключительно переговорные решения, противимся попыткам – а они есть – возвращаться к языку ультиматумов, санкций и отказа от переговоров. Замечу также, что мы заинтересованы в мирном урегулировании споров конечно же потому, что это требование Устава Организации Объединенных Наций – важнейшая часть международного права.

Россия и Китай сейчас решают очень масштабные, я бы сказал, грандиозные задачи внутреннего развития. Китай стал второй экономикой мира, обладает крупнейшими по объему золотовалютными резервами. Но при всех колоссальных достижениях общества в экономике и развитии технологий, ресурсной базы Китай все-таки еще находится далеко не в первых рядах по статистике

ВВП на душу населения. Пекину совершенно не нужны какие-то рискованные игры на международной арене, он заинтересован в спокойном окружении. И Россия заинтересована в том, чтобы по периметру своих границ не было никаких хлопот, требующих отвлечения внимания государства на несозидательные задачи.

Именно поэтому Россия и Китай действуют в пользу создания систем безопасности, которые гарантировали бы интересы всех и каждого. Одна из таких инициатив касается формирования системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где пока нет объединяющей все страны структуры. Наряду с такими открытыми структурами, как механизмы Восточноазиатских саммитов, АТЭС, Форум по безопасности, который созывают страны АСЕАН со своими партнерами, в регионе есть несколько военно-политических закрытых блоков. Важно, чтобы в АТР, который остается локомотивом в развитии мировой экономики, не возникало угроз безопасности.

И в Европе, и в АТР Россия выступает за создание такой системы безопасности, которая обеспечивала бы интересы каждого, в рамках которой любое государство имело бы право на равную и неделимую безопасность и ни одно государство не обеспечивало бы свою безопасность за счет ущемления безопасности другого. Об этом мы сейчас говорим в рамках Совета Россия–НАТО, ОБСЕ, Восточноазиатских саммитов. Кстати, одной из конкретных проблем, которая может в случае ее воплощения в жизнь стать реальным нарушением принципа неделимости безопасности, является проблема противоракетной обороны.

В Европе и АТР создаются компоненты глобальной ПРО США, причем в таких конфигурациях, которые затрагивают интересы безопасности Российской Федерации. Насколько я понимаю, в Китае также очень пристально присматриваются к тому, что делается достаточно близко от его границ. Это как раз тот самый случай, когда стремление укрепить свою безопасность и сделать неуязвимым собственное государство осуществляется путем воспроизводства угроз и рисков для безопасности других государств. Поэтому мы будем отстаивать именно продекларированный уже всеми западными лидерами при нашем участии подход о необходимости обеспечить всем и каждому равную и неделимую безопасность. Для этого, конечно, нужно заниматься юридическим оформлением таких политических лозунгов.

Вопрос: В последнее время появились сообщения, что Республика Корея и КНДР хотят возобновить встречи разделенных семей. Является ли это, на ваш взгляд, признаком того, что молодой лидер Северной Кореи отходит от воинственной риторики, к которой мы привыкли за последнее время?

С.В.Лавров: Я бы осторожно комментировал происходящее в этом очень близко расположенном регионе, в соседних с нами странах. Мы были озабочены риторикой, которая звучала не так давно, угрозами вообще никогда не возвращаться в процесс шестисторонних переговоров и применить ядерное

■ Международные отношения

оружие. Действительно, сейчас ситуация немного успокоилась, и мы связываем с этим определенные надежды на возобновление политического процесса. Сразу же подчеркну, что мы не приемлем попытки северокорейского руководства в одностороннем порядке объявлять себя де-факто или де-юре военной ядерной державой. О мирном атоме речи не идет. Когда мы закроем ЯПКП, все блага мирного атома будут доступны и КНДР, и другим странам этого региона.

Мы не приемлем шагов, нарушающих режим нераспространения (ОМУ), тем более сопровождаемых угрозами применить такое оружие. Мы также призывали к сдержанности и других участников этой драмы. Нам показалось, что ответные меры, которые были объявлены и начали осуществляться со стороны США, Японией, Республикой Корея в виде массированных маневров, расширения планов в области создания в этом регионе системы ПРО, переброски дополнительных сил и средств, были совсем не адекватны реальным рискам, которые представляет собой Северная Корея в военном отношении. Поэтому мы вместе с нашими китайскими коллегами призывали всех к сдержанности. По крайней мере, на данном этапе есть причины для очень осторожного оптимизма.

Вы упомянули о готовности возобновить режим встреч родственников. Как я понимаю, есть договоренность о возобновлении работы Свободной экономической зоны Кэсон, имеются и другие признаки, что стороны стремятся к контактам, а не к тому, чтобы разбежаться в разные стороны и, как говорится, ужесточать крайние позиции. Мы убеждены, что в такой ситуации особое значение приобретают не просто тема шестисторонних переговоров, не просто усилия по их возобновлению. Особый акцент мы хотели бы сделать на той части договоренностей, которые были достигнуты в рамках повестки дня шестисторонних переговоров с призывом создать в Северо-Восточной Азии систему мира и безопасности. Кстати, была создана соответствующая рабочая группа, в которой Россия является координатором, и мы постараемся использовать этот свой статус, чтобы оживить эти разговоры (а они сейчас начались) и тем самым помочь возобновлению шестисторонних переговоров. Среди позитивных факторов упомяну и то, что руководство КНДР, вопреки прежним угрозам выйти из этого процесса, заявило о своей готовности работать над выполнением документа, который участники шестисторонних переговоров приняли в сентябре 2005 г. Он содержит поэтапный подход, позволяющий в конце концов решить ядерную проблему Корейского полуострова.

Вопрос: США остаются ведущей мировой державой, но отношения Москвы и Вашингтона в последнее время развиваются достаточно сложно. Есть ли шансы вернуться к логике «перезагрузки» или это уже вопрос истории?

С.В.Лавров: Логика «перезагрузки» стала этапом в наших отношениях. Ее смысл, как его нам объяснили американские партнеры, заключался в том, что администрация Б. Обамы хотела выйти

из абсолютно ненормального состояния дел, когда при администрации Дж.Буша-младшего у лидеров были хорошие, приятельские отношения, они достигали каких-то договоренностей, но которые американская сторона потом не выполняла. Импульсы с самого «верха» «глушились» на американской стороне, и конструктивных проектов, о которых договаривались президенты, не получалось.

Как я понимаю, оценив российское направление американской внешней политики, администрация Б.Обамы в первый срок своего пребывания в Белом доме выдвинула идею «перезагрузки», то есть работать по-честному, разморозить целый ряд проектов, которые были отложены на «дальнюю полку» при Дж.Буше-младшем. Так это было воспринято нами, и американцы не отрицали.

На первой встрече с Х. Клинтон в качестве госсекретаря США со знаменитой желто-красной кнопкой, на которой по-русски было написано «перезагрузка» (мы тогда посмеялись, пошутили, потом разобрались). Мы восприняли такой настрой очень позитивно. Нам действительно казалось ненормальным, что ничего хорошего в наших отношениях не происходит, а идет лишь наслоение проблем, которые придумывают чиновники среднего звена, а потом все разводят руками, говоря, что Президент США об этом не знал.

Как вы все знаете, в результате импульса, приданного в ходе «перезагрузки», было сделано не так уж и мало. Конечно, мы тоже старались реагировать конструктивно, добавляя практических шагов, которых мы ранее не делали в отсутствие интереса США при администрации Дж.Буша-младшего. Появился Договор о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений, был ратифицирован Договор о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, достигнуты Соглашение об облегчении визовых формальностей для туристов и бизнесменов, а также Соглашение о сотрудничестве в сфере усыновления, которое, однако, американская администрация оказалась не в состоянии выполнять. Она совершенно не смогла преодолеть проблемы, создаваемые штатами, полностью отказываясь сотрудничать с Вашингтоном в выполнении его обязательств.

Появилось и немало экономически интересных проектов по линии концерна «Боинг» и других высокотехнологичных компаний. Во время встречи президентов России и США в Лос-Кабосе «на полях» саммита «Группы двадцати» в 2012 г. лидеры двух стран договорились сделать упор на серьезном подъеме экономических, прежде всего инвестиционных, связей, поскольку, как мы сегодня с вами говорили, экономика – это основа политики. Когда экономика в порядке, то и политические расхождения преодолеваются гораздо легче, нежели в ситуации отсутствия взаимного экономического интереса.

Этот сигнал президентов, посланный в июне 2012 г., был воспринят. Рабочие группы Президентской комиссии (их более двадцати) встречаются на уровне руководителей и экспертов. Специальное развернутое заявление с изложе-

нием инициатив в сферах экономики, технологий и инвестиций готовилось к планировавшемуся на эти дни визиту в Россию президента Б. Обамы. Было согласовано и несколько других важных документов. Как вы знаете, затем было объявлено, что этот визит не может состояться по причинам, изложенным американской стороной. Приглашение президенту США сохраняется, а подготовленный к этому саммиту набор документов, конечно, не пропадет. Рассчитываем, что Б. Обама использует имеющееся приглашение и посетит Российскую Федерацию.

Еще А. де Токвиль назвал Россию и США наиболее важными государствами мира. Мы слышим от наших американских партнеров, что они считают российско-американские отношения ключом к урегулированию многочисленных проблем сегодняшнего мира. Мы убеждены в необходимости таких действий, и именно поэтому (а не потому, что нам нравится быть причисленными к одной из двух самых главных стран) заинтересованы работать с американцами над урегулированием ситуации вокруг иранской ядерной программы, решением ядерной проблемы Корейского полуострова, по сирийскому кризису и любым другим конфликтным ситуациям.

У нас только одна просьба, которую мы постоянно выдвигаем на переговорах. Если мы согласовываем какую-то линию, включая санкционное давление на тех, кто может быть замешан в отказе от сотрудничества с МАГАТЭ, необходимого для прояснения «темных пятен» в той же иранской ядерной программе, то мы договариваемся в СБ ООН, принимаем резолюции и коллективно, от имени всего мирового сообщества, вводим соответствующие санкции. Если мы таким же образом стремимся посылать сигналы Пхеньяну, когда он проводит запрещенные испытания ядерного оружия и ракетные пуски, и коллективно и единогласно принимаем резолюции, обязательные для всего мирового сообщества, то зачем в дополнение к этому действовать односторонними методами и еще самостоятельно вводить санкции? Они все не имеют никакого отношения к ядерным делам ни Ирана, ни Северной Кореи, а направлены на экономическое «удушение» соответствующих стран.

Вот здесь у нас не хватает понимания. Если уж договариваемся о чем-то, то, по моему разумению, из этой договоренности нельзя ничего вычитать, но нельзя ничего и добавлять к ней. Если же наш партнер считает так: «Вот, мы получим на коллективной основе по максимуму что-то от России, Китая и других сторонников коллективных действий, а потом, когда поймем, что получили от них в виде консенсуса, в одностороннем порядке добавим то, что не удалось «вырвать» на переговорах», то, по моему мнению, это не очень этично с точки зрения дипломатической работы.

Мы с американцами выступили за созыв конференции по Сирии. Это была наша совместная инициатива, ставшая очередным примером того, что мы осознаем свою ответственность за состояние дел в различных регионах мира, особенно в

таких кризисных. Конечно, мы сожалеем, что пока нашим американским партнерам не удалось убедить сирийскую оппозицию принять инициативу Москвы и Вашингтона.

Не думаю, что оппозиция станет сговорчивее, если будет реализована угроза применения силы против Сирии в наказание, как я понимаю, за имеющиеся подозрения о применении режимом химического оружия. Сначала надо разобраться с тем, кто это сделал. Эксперты должны сказать свое слово и представить все факты в СБ ООН. На саммите «Группы восьми» в Лох-Эрне в июне 2013 г. в сирийском разделе Декларации было записано, что страны-участницы «восьмерки» не приемлют применение кем бы то ни было химического оружия и что любые сообщения о таком использовании должны профессионально расследоваться и результаты быть представлены в Совет Безопасности ООН. Я не имею ничего против того, чтобы президенты советовались со своими парламентами, но когда речь идет о вопросе, согласованном на многостороннем уровне, когда определено, что результаты расследования должны быть представлены СБ ООН, то свое слово надо держать. Мы рассчитываем, что американская сторона будет уважать свои обязательства по документам, принятым на саммите «Группы восьми» в Лох-Эрне. Тем более что, повторю, речь идет о серьезнейших вопросах, от решения которых во многом зависит судьба этого многострадального региона.

Вопрос: Сегодня упоминался термин «экономическая дипломатия». Не могли бы вы дать более точное определение этому понятию?

С.В.Лавров: Если бы меня взяли профессором, я бы прочитал длинную лекцию на эту тему. Но поскольку это не лекция, то скажу коротко. Я уже упоминал приоритетность экономической дипломатии потому, что главная задача нашей внешней политики – сделать жизнь россиян лучше. Это предполагает подъем экономики, создание новых рабочих мест, обеспечение недискриминационного отношения к нашим товарам, услугам, капиталам за рубежом, объединение усилий с теми, кто готов развивать с нами интеграционные процессы. Этим мы, собственно, и занимаемся, когда ведем двусторонние переговоры или консультации, скажем с ЕС, АСЕАН. Экономические вопросы выходят на первое место. Любая беседа Президента Российской Федерации обязательно начинается с разговора о том, как обстоят дела в экономике между нашей страной и государством, которое представляет собеседник.

Так что тот, кто выбрал факультет мировой экономики, не прогадал. Надеюсь, что по мере прохождения всех курсов, вы приобщитесь и к научно-аналитической работе. Возможно, даже поможете нам развивать конкретные направления экономической дипломатии. Еще раз поздравляю всех, хорошей вам учебы, у вас прекрасные преподаватели, берегите их!

Адрес: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/2593435AF73E9B4E44257BDA00408930

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

А.А. Громыко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье профессор МГУ, член-корреспондент РАН Анатолий Андреевич Громыко размышляет о судьбах человечества и наиболее сложных проблемах, решаемых мировым сообществом в начале XXI в., в эпоху глобализации и востребованного ею глобального управления. В своем анализе автор исходит из того, что многие стороны и грани этих двух феноменов успешно исследуются российскими и зарубежными учеными, и все же вопросов остается больше, чем ответов, имея в виду даже вызовы уже ближайшего будущего людей. Он считает, что глобализация вполне способна стать силой, служащей всеобщему благу, а не только доминирующим государствам, транснациональным корпорациям. И коль скоро в нашем мире многое становится взаимосвязанным, то и глобальное управление нельзя трактовать узко, попадать в плен "идеальных" схем, ибо с их помощью глобальную модель управления для всех не найдешь. Идейный потенциал статьи сгруппирован вокруг трех фундаментальных проблем современного мира: – во-первых, необходимости мыслить по-новому, подходя к решению позитивных и негативных моментов глобализирующегося мира с учетом уроков истории и достижений человеческой мысли в интерпретации социальной справедливости; – во-вторых, в нахождении нравственно обоснованных соотношений унифицирующих интенций и потенций глобализации, перспективного раскрепощения производительных сил глобальной экономики и роли государств, остающихся последней и единственной инстанцией защиты интересов создавших их наций; – в-третьих, в рассмотрении Организации Объединенных Наций как площадки, на которой симбиоз политической и социальной демократии сможет стать фундаментом глобального управления. Именно поэтому автор уделяет особое внимание изучению дихотомии силы права и права силы и оценке перспектив построения нового мирового демократического правопорядка, способного обеспечить устойчивое развитие человеческой цивилизации в будущем.

Ключевые слова: глобализация, глобальное управление, сила права, право силы, ООН, международные отношения, школа конструктивизма.

Часто пишут и говорят, что человечество выходит на новый уровень развития. Такие понятия, как "глобализация" и "глобальное управление" используются в речах политиков и в научных трудах, звучат в средствах массовой информации так же часто, как недавно использовались термины "холодная война" и "мирное сосуществование". Остаются в научном обороте и такие понятия, как "международные отношения", "мировая политика", "мировой порядок", "миропорядок" и "правопорядок". Утвердилась междисциплинарная область научных исследований – глобалистика – для изучения причин глобализации, ее влияния на человека и биосферу [4].

Конечно, возможности и риски глобализации и глобального управления связаны с влиянием на международные отношения баланса сил (военных, экономических, идеологических), но в статье я рассматриваю их лишь в самых общих чертах. Разумеется, баланс сил, особенно военных, применяемые при этом стратегические доктрины и тактические концепции играют в мировой политике громадную, временами решающую, роль. Ее понимание требует специального анализа, в том числе и в рамках теории международных отношений. Такой анализ российскими учеными и военными специалистами проводится весьма успешно. Но и в этой области многие вопросы остаются без ответов. Например, как остановить гонку вооружений и запретить ядерное оружие? Как реально остановить уничтожение людьми друг друга? Является ли нападение одних членов ООН на другие, если оно не санкционировано Советом Безопасности, военным преступлением, или это "новая норма" мировой политики? [7].

Мыслить по-новому

Глобализация и глобальное управление – явления сложные. Остановлюсь на некоторых вопросах теории международных отношений, связанных с глобальным управлением. Его современные аспекты по силам оценить только научным школам, фабрикам мысли – в первую очередь институтам Российской академии наук и ведущим российским университетам [4]. Мир людей быстро растет и насчитывает уже 7,5 млрд человек. Достижения науки и техники настолько велики, что делают реальными самые смелые мечты. Мы живем в мире крупных преобразований, события мирового масштаба бесцеремонно вторгаются в жизнь людей. Средства связи сделали жителей разных континентов близкими соседями. Деловой мир действует в условиях транснациональной среды, которая часто доминирует. Налицо взаимозависимость различных силовых центров.

Очевидно и другое. Мировое сообщество XXI в. живет в разбалансированном состоянии. Экономическая ситуация, и особенно финансовая, подвержены частым и болезненным кризисам. Окончание холодной войны, процессы интеграции в мировой экономике сами по себе проблемы

отсталости не решают. Социальная напряженность усиливается. По статистике ООН, в начале XXI в. половина населения мира, главным образом в Африке, Азии и Латинской Америке, существует на 1–2 доллара в день. Около 1 млрд человек неграмотны, 100 млн детей не имеют возможности посещать школу. Треть землян, 2,4 млрд человек, не имеют доступа к водопроводу и канализации. В мире не снижается, а растет число безработных [9].

Мы привыкли к таким удручающим цифрам статистики. Они больше ужасают, когда знаешь, что каждые две-три секунды от голода и недоедания где-то в мире умирает ребенок. Каждый из нас видел по телевизору лица потерявших всякую надежду исхудавших чернокожих детей. Я их видел в Африке не один и не два раза, особенно когда проводил "полевые исследования", посещал глубинку африканских стран.

За столбиком цифр важно видеть живого человека. Даже при оценке макроэкономической политики нельзя забывать об острых социальных проблемах. Если их не решать, неизбежны катаклизмы и революции. Безусловную необходимость глобального управления помогают осознать исследования по экологии и изменению климата, проблеме пресной воды, выбросов парниковых газов, глобальной демографии и миграции, опасности терроризма, пиратства, наркотрафика и многие другие. Встает ряд вопросов:

– Где находится центр (центры) глобального влияния?

– Кто принимает решения по основным вопросам управления?

– Кто и как исполняет эти решения?

Единого центра управления мировыми делами сегодня нет. Глобальные проблемы, лучше или хуже, решаются в сетевой структуре, где управляющих достаточно много. В этой системе выделяются страны "восьмерки" и "двадцатки", другие региональные и коалиционные союзы. Ни одно из этих образований не придает международным акциям необходимую легитимность. Это можно делать только с помощью ООН. Ее Устав и позитивная дипломатия – необходимые гаранты мировой стабильности и глобального управления. На практике это в должной мере не происходит. Налицо другая реальность – деструктивные действия по подрыву международных отношений, например военные конфликты. Они ставят под угрозу возможность прочного мира и эффективного управления.

Проблемы, встающие перед мировым сообществом, не сводятся к экономике и финансам, и тем более к нормам прибыли. На первый план выходят, хотя многим это и не нравится, требования социальной справедливости. Демократия уже не рассматривается как проблема только политическая. Миллионы людей осознали, что у демократии две стороны медали – демократия политическая и демократия социальная. Без их совместного наличия устойчивой демократии быть не может. Глобальное управление без полной демократии остается лишь мечтой.

■ Международные отношения

При оценке проблем, сопутствующих глобализации, важно избавиться от высокомерного цинизма в отношении наследия человеческого разума. Такая "забывчивость" ведет к крупным ошибкам. Чтобы их не допускать, надо видеть не только впечатляющие достижения глобализации, но и ее опасные риски. Большим риском для глобализации является стремление создать новую экономическую и финансовую глобальную империю, перевести мировую историю на рельсы политики с позиции силы. Это делается в условиях, когда противостоявший атлантистам центр влияния, а им был Советский Союз, разрушен.

Его место может занять, если будет достаточно сплоченной, влиятельная группа государств, например БРИКС. Последняя – носитель идеологии социального развития, политического согласия и человеческой толерантности. В международных делах эта коалиция государств постепенно набирает вес. Ее члены активно участвуют в работе ООН и ее Совета Безопасности. Индия и Бразилия по праву претендуют на статус его постоянных членов. Международные отношения станут менее устойчивыми, если геополитический союз БРИКС не состоится.

Глобальное управление, и это аксиома, возможно только в условиях становления в мировых делах парадигмы сотрудничества и толерантности, силы права и укрепления правопорядка, основанного на целях и принципах Устава ООН. В случае ослабления и тем более разрушения ООН международное сообщество завязнет в парадигме права силы, бесконечной веренице конфликтов и войн. В условиях расползания ядерного оружия эта опасность особенно зловеща.

Сильное влияние на мир, в котором мы живем, оказывает субъективный фактор. Историю все-таки делают люди, политические элиты и их лидеры. От их активности зависит многое. Порой, однако, они предпочитают играть в международных делах пассивную роль. Оценивая ту или иную ситуацию, в том числе на мировой арене, такие робкие политики заявляют: "Процесс пошел", "История нас рассудит" – и этим и ограничиваются. Пока они занимаются созерцанием, в мировых делах результата добиваются другие политики и дипломаты, опирающиеся на силу. В этом случае история развивается по сценарию, выгодному не мировому сообществу, а группе государств или даже одному из них.

Глобализация, конечно, вполне способна стать силой, служащей всеобщему благу, а не только доминирующим государствам и крупным финансовым корпорациям. Если в нашем мире многое становится духовно и материально взаимосвязанным, то и глобальное управление нельзя трактовать узко, нельзя попасть в плен "идеальных" идеологических схем. С их помощью модель управления для всех не найдешь. Трудно отделаться от ощущения, что глобальное управление многими мыслится как модель жестких мер, включая военные. Глобализация ставит вопрос стратегического характера. Например, остро сто-

ит вопрос о преодолении многими странами отсталости и даже голода. Министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечает: "Обостряется проблема доступа всех государств, прежде всего развивающихся, к преимуществам глобализации. Тем самым закладывается основа для потенциала конфликта и в будущем" [6, с. 265].

Вот почему внешняя политика и дипломатия России так упорно осуществляет поиск механизмов коллективных усилий и многосторонней дипломатии по укреплению мира. Важной планетарной площадкой для таких усилий является ООН, а также такие возникшие плацдармы сотрудничества, как страны "восьмерки" и "двадцатки". Приоритетом для России остается постсоветское пространство и выстраивание взаимовыгодных отношений с Украиной и Беларусью, Казахстаном и государствами Средней Азии. Для сохранения славянской православной цивилизации и Евразийского союза другой дороги просто нет. Глобализация и в этом регионе сокращает расстояния и дает новое прочтение геополитике [6, с. 267].

Россия настойчиво развивает свои отношения и со странами дальнего зарубежья. Эта линия проводится в условиях нарастающей конкуренции и частого использования в политике другими центрами силы двойных стандартов. Привлечение в Россию иностранных инвестиций, устранение дискриминационных торговых барьеров, повышение конкурентоспособности национальной экономики остаются важными условиями для успешного развития страны. Усиливается экономическая дипломатия, продвижение на мировой арене достижений России в сфере науки, культуры, образования, культуры и спорта. Особое значение имеет работа по усилению влияния в мире русской культуры и языка. Российское гражданское общество только нарождается, но у него уже немало достижений. Плодотворно работает, например, такая влиятельная организация, как фонд "Русский мир".

Глобализация ставит перед Россией и другие проблемы, например задачу повышения эффективности использования дипломатии как средства защиты российских государственных и национальных интересов. Площадки для это есть: Совет Россия – НАТО, механизмы сотрудничества Россия – ЕС, новый механизм Россия – АСЕАН и взаимодействие с Организацией Исламская конференция [7].

ООН – планетарная площадка для глобального управления

Реальной площадкой для претворения в жизнь возможностей эффективного глобального управления является Организация Объединенных Наций. В ее Уставе заложена идеология международного сотрудничества и управления делами мирового сообщества. Глобальное управление без ООН невозможно, и вот почему. Идеология глобального управления прежде всего нуждается в ясных целях и принципах, она должна объединять мировое сообщество, а не разделять его на враждующие части. Что касается целей, то Устав ООН

говорит о них предельно ясно. Это повышение уровня жизни, полной занятости населения в условиях экономического и социального прогресса и развития. В Уставе ООН говорится и о том, в каких условиях глобальное управление состояться может. Вот уже почти 70 лет после Второй мировой войны подтверждается такая простая, но трудная для понимания сторонниками права силы истина – экономическое и социальное благосостояние людей зависит от прочного международного мира и безопасности для всех. Без такого мира не может быть и глобального управления, тем более демократического [5].

Плоды глобализации для многих землян остаются всего лишь мечтой. Мировой рынок не поднялся до уровня норм и правил, основанных на общечеловеческих гуманных целях. Они в ряде областей жизни как бы не существуют. В мировой торговле и экономике на первом месте – погоня за наживой. И когда поклонники глобализации говорят о транснациональных корпорациях как о "корпоративном гражданстве", которое якобы способствует глобальному управлению и благополучию людей, вспоминаются мудрые слова Генерального секретаря ООН Кофи Аннана: "Мы должны поставить в центр нашей деятельности народ. Только в этом случае мы будем знать, что глобализация действительно становится всеобщей, позволяя каждому воспользоваться ее возможностями" [8, с. 185].

Какими преимуществами обладает ООН как управляющий орган? Отмечу следующие:

- у ООН глобальная сфера деятельности, от вопросов защиты прав человека и охраны окружающей среды до самых важных проблем безопасности, включая борьбу с терроризмом и особенно с ядерной опасностью;

- ООН для глобализации – оплот уже созданный, а не виртуальный. Это демократическая организация, где при принятии решений все государства обладают весомым правом голоса. Они носители суверенитета. Интересы транснациональных корпораций в ООН напрямую не представлены. Это укрепляет ее демократичность;

- ООН обладает большой сетью представительств и органов, координирующих деятельность в области развития. На эти программы каждый год мобилизуются большие финансовые средства. Деятельность ООН затрагивает жизнь людей повсюду, она – самый важный управляющий институт глобализации [8, с. 182].

Важным оперативным рычагом глобального управления является Экономический и социальный совет (ЭКОСОС). Здесь обсуждаются экономические и социальные проблемы, в случае необходимости по ним даются рекомендации. При ЭКОСОС действует Комитет по политике в области развития, в нем работают видные эксперты. Генеральный секретарь ООН с помощью своего секретариата содействует координации работы по развитию. В рамках Секретариата ООН работает Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ).

В ООН действует пять региональных комиссий. Они занимаются экономической и социальной политикой в регионах Азии и Тихого океана, Африки, Европы, Западной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна. Оперативной деятельностью ООН также занимаются различные фонды и программы, специальные учреждения ООН. Работа всех этих звеньев подчинена задаче содействия политике в области развития.

В системе ООН важным центром управления исследованиями в области науки и культуры является ЮНЕСКО. Здесь создается новое понятийное пространство, оно расширяет и углубляет наше представление о глобальных процессах в области культуры и цивилизаций. ЮНЕСКО помогает осознать мир людей во всем его многообразии и сложностях. Мы видим жизнь землян не только глобально, но и локально, проникаем в ее специфику. Исследование культур требует от ученых такта и отказа от скептического отношения к цивилизационным особенностям развития разных народов. Полноводная река сознания человечества несет весь накопленный им опыт и знания.

Политические решения становятся эффективными, когда проявляются не только знания, но и понимание исторических событий. Как говорил мой отец, "из истории нельзя выпрыгнуть". Контрпродуктивно судить о событиях большой давности исключительно с позиций настоящего: у прошлого своя специфика. Оно, как правило, не воспринимает категоричных оценок.

Процессы глобализации влекут за собой взаимопроникновение и взаимообогащение культур, но они одновременно ставят под угрозу самобытность стран и народов [3, с. 66]. Очевидно, что, даже находясь в состоянии конкуренции, мировые культуры и цивилизации взаимно дополняют друг друга. Настало время не только констатировать потенциал взаимодополняемости, но и делать его одним из ключевых фактов мирового развития [3, с. 66].

До сих пор устоявшегося научного знания о глобализации нет. Наука о ее процессах находится на стадии поиска. Пройдет ряд лет, прежде чем знания о мироустройстве и государственная внешняя политика сложатся во внешнеполитическую парадигму XXI столетия. Сегодня возникают разные оценки этой парадигмы. В них отражаются интересы разных центров силы и действующих коалиций. Достоверность этих подходов проверяется практикой мировой политики. Толкование глобализма распадается на две основные составляющие – право силы и сила права.

Высказываются весьма спорные, но популярные суждения. Например, что от созданного в 1648 г. Вестфальского мира мало что осталось. Под вопрос ставятся принципы невмешательства во внутренние дела других государств и их равенство. Покушаются и на Устав ООН. Ставятся под сомнение суверенное равенство и наличие в мировых делах прав, присущих суверенитету, нерушимость границ, территориальная целостность государств. За примерами последних лет далеко

■ Международные отношения

ходить не надо: Югославия, Ирак, Ливия, Сирия. В этой вакханалии попыток пересмотреть наследие и опыт прошлого прослеживается желание утвердить выгодные для себя правила поведения на мировой арене.

Важно отметить следующее. Устав ООН и Хельсинкский акт не теряют свою правовую силу от того, что группа государств, когда им это выгодно, нарушают их. Правила игры в мировых делах не устанавливаются нарушителями, как бы им этого ни хотелось. Основы легитимности закладываются не противоправными действиями, а международно-правовыми актами. Если новых международных норм нет, поле легитимности не меняется.

Ялтинско-Потсдамские решения и Устав ООН остаются важными факторами современной международной жизни. Они действуют до тех пор, пока новые закономерности не приведут к появлению и утверждению обновленной планетарной модели мироустройства.

Устав ООН и Хельсинкский акт – это отражение все еще близкой истории, они не исчерпали свой ресурс, несут в себе мощный заряд разума и победы союзников во Второй мировой войне. Историю второй половины XX в. творили оружием советские, американские, британские солдаты и офицеры. Эту историю надо защитить, тогда и она защитит нас. Плодами исторической Победы сполна воспользовались страны Антигитлеровской коалиции, и нельзя ставить их под сомнение. Последствия Второй мировой войны все еще остаются частью современной модели мироустройства. История и новые веяния в мировых делах необязательно вступают в противоречия. Они восполняют друг друга.

Глобализация как процесс, и роль в нем государств

Глобализация как явление и процесс возникла не на пустом месте. Она выросла из середины XX в., из либерализации мировой торговли и снижения тарифных барьеров. Бреттон-Вудская система была создана в 1944 г., она регулировала в капиталистическом мире экономические и финансовые отношения, как их тогда замыслили США и Великобритания. Советский Союз не стал частью этого развития. В то же время Москва не препятствовала созданию специальных международных институтов, например Международного банка реконструкции и развития. Позднее на его основе создается Всемирный банк. Появился Международный валютный фонд и было подписано Генеральное соглашение по тарифам и торговле. Вместо него в 1995 г. создается Всемирная торговая организация (ВТО). Сегодня Бреттон-Вудская система как опора стабильности сходит на нет.

Глобализация как современная модель укрпления влияния стран капитализма на международной арене основывается на взаимозависимости политики, экономики и финансов. Ее мультитриллионные масштабы впечатляют. Все более явно проявляют себя риски, неспособность

глобализации справиться с крупномасштабными кризисами. Мировая экономика и финансы никак не могут покинуть "красную зону". Глобализация в ее нынешнем виде, и это становится все более очевидным, не обеспечивает человечеству устойчивое развитие. У нее другие цели – нажива с помощью транснационального капитала.

В целом влияние глобализации на мировую политику остается все же скромным. Это проявляется в нерешенности многих проблем международной стабильности, в региональных и локальных конфликтах, раскрученной гонке вооружений, пассивной политике по охране окружающей среды и человеческой жизни. Большой риск для глобализации размывание и ослабление таких опор по поддержанию мира и стабильности, как ООН и вся система прав, осуществляемых на базе международного права.

Что это за система прав? Сегодня главными игроками на мировой арене, несмотря на все разговоры об обратном, остаются государства. Именно они создают обычаи, правила общения и международное право. Эта целая система управления на различных уровнях. Это и есть глобальное управление. В создании современного международного экономического порядка и экономических правоотношений решающую роль играют также государства. Они устанавливают правовые режимы товарооборота, доступа товаров на внутренние рынки, использование тарифных и нетарифных мер регулирования внешней торговли, контроль за мировыми ценами, правовой статус частных лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, и многие другие функции.

Государства регулируют товарные рынки и транспортировку товаров, они регулируют и товаропотоки. При этом используются разные методы: двустороннее регулирование отношения с помощью договоров о торговле, многостороннее регулирование в системе ВТО, наднациональное регулирование в рамках международных организаций (ЕС, МВФ). Налицо усиление в мировых делах и роли неправительственных организаций, юридических и физических лиц. В международных экономических отношениях особенно активны транснациональные корпорации. Финансовые ресурсы отдельных из них превосходят бюджеты целых государств. ТНК обладают статусом субъектов международного экономического права.

Основные правовые документы ООН целью международного экономического права делают устранение из международных отношений неправомерного и неэквивалентного обмена, обеспечение международной экономической безопасности. ООН выступает за принцип запрещения противоправного экономического принуждения, за режим наибольшего благоприятствования как нормы международного права, за принцип суверенитета государств над их природными ресурсами, за право контролировать и регулировать инвестиции и деятельность ТНК на суверенных территориях.

Глобальное управление осуществляется в мирное время. Во времена войн оно, образно выражаясь, "испаряется", так как применяться не может. Международная экономическая интеграция резко идет на спад, когда растет напряженность и имеют место силовые конфликты. Становится не до глобального управления и международной экономической интеграции. Берут верх принципы "кто сильнее, тот и прав" и "каждый за себя". Возникает парадигма принуждения и права силы. Ее может одолеть только парадигма силы права, толерантности и сотрудничества в условиях демократии.

Впереди работа, и большая, по определению возможностей России в многополярном мире. Предстоит оценить возможности страны не только как сырьевой и ядерной державы, но и как центра многообещающего евразийского проекта. Он подтверждает, что Россия – часть Большой Европы и одновременно влиятельная часть Азии. Россия и коалиция сотрудничающих с ней государств становятся значимым фактором "мягкой силы" в мировой политике. Это утверждает образ России как страны, которая отказалась на всех уровнях от военно-политической конфронтации. Все, однако, должны знать, что на постсоветском пространстве Россия имеет свою зону интересов, важную сферу безопасности. По существенным для нашей безопасности вопросам нужно избавляться от комплекса неполноценности и излишней политкорректности. Не делай ничего во вред человеку, люди это оценят, безопасность укрепит.

Вот лишь один пример, когда из-за политкорректности не раскрывают до конца отрицательные последствия действий по борьбе с терроризмом. Разве не приводит порой борьба за безопасность к нарушению прав человека? Приводит, и часто. Это признает руководитель одного из подразделений ООН Маргарет Ансти: "Основной ценой, которую мы сегодня платим за безопасность, является ограничение основных прав человека. Это и слежка, которой люди подвергаются круглосуточно и ежедневно, куда бы они не пошли, вплоть до процедур тщательного осмотра в аэропортах и даже задержание любых подозреваемых в обход юридических процедур, например для помещения в тюрьму Гуантанамо Бэй. Сегодня ради безопасности избавляются от многих этических головоломок" [1].

Становление идеологии внешней политики России в XXI в. налицо. Отмечу ряд моментов. В мировых делах наблюдается стремление атлантистов создать в Европе региональную и за ее пределами глобальную модель власти на выгодных для себя условиях. Их внешняя политика становится все более жесткой. Либеральная модель демократии насаждается силой, в обход норм международного права и основных принципов Устава ООН. Этой политике эффективного противовеса пока нет.

У правящих элит атлантического стана налицо несколько школ теоретической мысли,

которые попеременно, в зависимости от обстоятельств, играют роль идеологической платформы их внешней политики. Это школы "реализма" и "либерализма", сегодня часто говорят и о "неолиберализме". Их подход к международным делам хорошо известен.

Проявляет себя и такая сравнительно новая школа международных отношений, как "конструктивизм". Конструктивисты выступают за активное "глобальное управление" и многостороннее сотрудничество. Они предлагают сосредоточиться на реализации конкретных проектов, например на развитии международного режима прав человека, запрещении оружия массового уничтожения, совершенствовании правил и практик "гуманитарных интервенций". Эти области сотрудничества России подходят. Конструктивисты за то, чтобы несправедливые организации и научное сообщество активнее вырабатывали и внедряли в международные отношения новые нормы и правила поведения, другими словами, не нарушали, а развивали международное право. И это России также подходит.

Конструктивизм выражает неудовлетворенность научной общественности разных стран силовыми действиями политиков и дипломатов. У людей возникает оправданное беспокойство, которое перерастает в глубокую тревогу за будущее своей семьи, страны, мира. Российская внешнеполитическая идеология в духе такого конструктивизма найдет многочисленных сторонников по утверждению мирового демократического правопорядка. Он отвергает право силы и подводит под мировую стабильность прочные несущие конструкции, укрепленные новыми нормами и толерантными принципами Устава ООН и позитивной дипломатии. Правильные решения должны быть в интересах всех. Мировому сообществу нужен конструктивизм в мышлении и действиях на основе правопорядка.

Пришло время, когда сильным мира сего пора перестать, указывая на себя и на народ управляемой ими страны, твердить одно и то же: "Мы народ-совершенство, мы народ божий, следуйте за нами, иначе...". Пора понять, что люди живут разной жизнью, она не поддается влиянию никаких "измов". Более того, в условиях глобализации просчеты в глобальном управлении выходят наружу. Об этом честно говорят многие ученые, например англичанин Уилл Хаттон. "Наименее развитый мир считает, – пишет он, – что его проблемы – явная нищета, отставание в экономическом развитии, рост народонаселения и преступности – это наследие западного капитализма и несправедливой организации мировых дел... Многими овладевает чувство бессилия от того, что они не более чем пешки на глобальной шахматной доске..." [2, р. 392–393].

Призыв к справедливой организации мировых дел должен быть услышан. "Народ божий" – это все земляне, а не отдельные их группы.

Список литературы

1. Anstee M.J. The John Holmes Memorial Lecture: What Price Security? // Global Governance. 2011. Vol. 17, No 1. P. 1-16.
2. Hutton Will. Them and Us. Changing Britain. Little, Brown Book Group, 2011. 446 p.
3. Гатилов Г.М. «Голубые каски» Организация Объединенных Наций на службе человечества // Международная жизнь. 2010. № 9. С. 33-42.
4. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы // Институт Европы РАН. М., 2013.
5. Громыко Ан. А. Вызовы XX века и ООН. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 76 с.
6. Лавров С.В. Между прошлым и будущим. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 493 с.
7. Мир XXI века: сценарии будущего для России // Под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. М.: Русский сувенир, 2011. 219 с.
8. Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. 456 с.
9. ООН в начале XXI века / Под ред. Ан. А. Громыко. М.: Институт Африки, 2008. 232 с.

Об авторе

Громыко Анатолий Андреевич – д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

GLOBALIZATION AND GLOBAL GOVERNANCE

A.A. Gromyko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Anatoly Andreevich Gromyko, a professor of the Moscow State University, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences reflects in his article on the destinies of mankind and the most complex problems facing the world community at the early 21 century under globalization and increased demand in global governance. In his analysis the author concedes that after numerous pieces of research on various aspects of these two phenomena, there are still more questions than answers. He believes that globalization might become a force serving not only private interests of big corporations but also the common good of humanity. Since interdependence is the main feature of our world we should not fall prey to the ideal images of global governance because there is no one size fit all global governance.*

The article elaborates the three most pressing world problems:

- *the need in a new way of thinking about globalization. According to the author the problems of globalization must be approached with knowledge of history and acknowledgement of social justice;*
- *the need in morally acceptable balance among unifying potential of globalization, unchained global market and the state as the last resort of its nation;*
- *the need to make United Nations a platform, where political and social democracy should lay ground for global governance so craved for by the mankind. The author pays special attention to the dichotomy between the force of law and the law of force as well as to the prospects for the new democratic global order accommodating the sustainable development of human civilization.*

Key words: globalization, global governance, the power of the law, the law of force, UN, international relations, world politics, constructionism school.

References

1. Anstee M. J. The John Holmes Memorial Lecture: What Price Security? Global Governance. 2011. Vol. 17, No 1. PP. 1-16.
2. Hutton W. Them and Us. Changing Britain. Little, Brown Book Group, 2011. 446 p.
3. Gatilov G.M. Blue Helmets, the United Nations in the Service of Humanity. Mezhdunarodnaia zhizn' [international life]. 2010, No. 9. P. 33-42.
4. Global'noe upravlenie v 21 veke: innovatsionnye podkhody. [Global governance in the twenty-first century: innovative approaches]. Institute of Europe of RAS. Moscow, 2013. ? p.
5. Gromyko An. A. Vyzovy 20 veka i OON [Challenges of the twentieth century, and the United Nations]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2012. 76 p.
6. Lavrov S.V. Mezhdru proshlym i budushchim [Between the past and the future]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2011. 493 p.
7. Gromyko Al. A. (ed.) Mir 20 veka: stsennarii budushchego dlia Rossii [The world of the twenty-first century: future scenarios for Russia]. Moscow: Russkiy suvenir, 2011. 219 p.
8. Osnovnye fakty ob Organizatsii Ob"edinennykh Natsii [Basic facts about the United Nations]. Moscow: Ves' mir, 2005. 456 p.
9. Gromyko An.A. (ed.) OON v nachale 21 veka [The UN at the beginning of the twenty-first century]. Moscow: Institut Afriki, 2008. 232 p.

About the author

Anatoliy A. Gromyko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Moscow State University. M.V. Lomonosov, Corresponding Member of Academy of Sciences of the Russian Federation. E-mail: vestnik@mgimo.ru

КАЧЕСТВЕННЫЕ СДВИГИ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В СФЕРЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 2013 г.

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются качественные изменения, которые произошли в политике Японии в области военной безопасности после прихода в декабре 2012 г. к власти второго кабинета С.Абэ. Речь идет об ужесточении политики в отношении Китая, более активной координации оборонной политики со странами, озабоченными ростом военных амбиций Пекина, а также о пересмотре базового курса в области военного строительства. Особое место в политике Токио занимали шаги, направленные на пересмотр конституции. Конституционная реформа рассматривается Токио в качестве завершающей вехи послевоенного периода японской истории, когда страна была на положении «младшего партнера» Соединенных Штатов. Однако даже в рамках действующей конституции кабинет Абэ добивается полной легитимизации отправки сил самообороны за рубеж, формально «для поддержания мира и безопасности», а фактически – для реализации любых миссий, которые будут востребованы в рамках «договора безопасности». Автор резюмирует, что на дальнейшую политику Японии в сфере безопасности ключевое воздействие будет оказывать ситуация вокруг территориального спора с Китаем. По всей видимости, в дальнейшем для Китая патрулирование вокруг Сэнкаку станет рутинной практикой, а Япония будет вынуждена если не примириться, то привыкнуть к постоянному китайскому присутствию в спорных акваториях. Таким образом, вопрос заключается в том, чтобы наладить на двустороннем уровне механизмы, предотвращающие эскалацию напряженности, сопровождающую эту практику в стадию вооруженного конфликта.

Ключевые слова: Япония, конституция, Совет национальной безопасности, ограничения на экспорт вооружений, право на коллективную самооборону, территориальный спор, Конвенция ООН по морскому праву, диалог Шангри-Ла.

Состоявшиеся 16 декабря 2012 г. внеочередные парламентские выборы вернули к власти в Японии Либерально-демократическую партию, которая получила в нижней палате парламента уверенное большинство. Демократы оставили «новой» власти в наследство целый комплекс нерешенных проблем в финансово-экономической, социальной и политической сферах, что дало повод С. Абэ назвать свой кабинет «правительством кризисного управления».

Особое место в ряду этих проблем занимали вопросы военной безопасности, которые особенно актуализировались на фоне ухудшения ее отношений со странами-соседями. Пока ДПЯ находилась у власти, у Японии появились серьезные проблемы в отношениях с Китаем, Южной Кореей и Россией. Среди прочих направлений внешнеполитического курса именно в сфере военной безопасности страны в 2013 г. наметился наиболее отчетливый сдвиг. В политике кабинета С. Абэ по вопросам безопасности появились новые моменты, позволяющие говорить о ее качественных отличиях по сравнению с предыдущей администрацией ДПЯ.

Во-первых, глава кабинета явно отошел от политики «умиротворения» Китайской Народной Республики, перейдя к достаточно жесткой риторике. Например, 23 июня 2013 г. в ответ на информацию о появлении восьми китайских судов в районе Сэнкаку С. Абэ недвусмысленно заявил, что, если Китай высадится на острова, Япония будет готова применить силу [1].

Во-вторых, Абэ не только достиг прогресса в деле восстановления доверительных отношений с США, которые были ослаблены в период пребывания у власти ДПЯ, но и фактически добился проявления солидарности со стороны Вашингтона по вопросу о Сэнкаку. В ходе встречи с японским лидером 22 февраля 2013 г. Б. Обама заявил о том, что именно Китай «усиливает напряженность вокруг островов Сэнкаку» [16]. Многие обратили внимание на то, что американский президент использовал в ходе саммита японское название островов (Сэнкаку), а не китайское (Дяюйдао).

Японские силы самообороны приступили к налаживанию оперативного сотрудничества с американскими союзниками для решения боевых задач, связанных с обороной «отдаленных островов». Например, именно с этой целью в июне 2013 г. в Калифорнии были проведены совместные учения с участием сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил самообороны – редкий случай, когда в подобных учениях принимали участие все рода японских войск. В японской печати сообщалось, что в ходе этих учений отрабатывалась техника посадки американских конвертопланов «Оспрей» на палубу японских эсминцев [6]. Примечательно, что Китай призвал стороны приостановить маневры на период проведения китайско-американского саммита, проходившего как раз в те дни в Калифорнии, но этот призыв остался без ответа [6].

В-третьих, Япония в своей военной политике по отношению к Китаю стала отходить от узкой

нацеленности на потенциальный военный конфликт вокруг островов Сэнкаку. На смену понимания проблемы Сэнкаку как вопроса двусторонних взаимоотношений с Китаем в Токио пришло осознание того, что ситуация в Восточно-Китайском море тесным образом связана с ситуацией в Южно-Китайском море, а потому необходимо проводить тесную координацию оборонной политики со странами, озабоченными ростом военных амбиций Пекина. С. Абэ выдвинул идею «ромба безопасности» – объединения Японии с Австралией, Индией и американским штатом Гавайи в целях обеспечения гарантий безопасности морских коммуникаций в регионе. Еще будучи лидером оппозиции, С. Абэ пригласил в ноябре 2012 г. Великобританию и Францию активно участвовать в укреплении азиатской безопасности и выдвинул идею о том, чтобы Япония присоединилась к группе пяти держав по вопросам обороны с участием Великобритании, Малайзии, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии [9].

Одновременно Япония приступила к пересмотру базового курса в области военного строительства. Еще в период ведения предвыборной кампании 2012 г. С. Абэ выдвинул идею создания оборонительных вооруженных сил, которые олицетворяли собой превращение сил самообороны в полноценную армию. Новым правительством сразу стали предприниматься шаги, направленные на усиление компоненты военного строительства в политике обеспечения национальной безопасности.

В 2013 фин. г. впервые за одиннадцать лет был увеличен военный бюджет страны и впервые за восемь лет – штат сил самообороны. Дополнительные средства были направлены на защиту морских и воздушных рубежей страны, и в первую очередь на юго-западном направлении, где находится граница Японии с Китаем. На 40% больше средств, чем в предыдущем году, было выделено на укрепление технического потенциала воздушного и морского патрулирования. Планы правительства предусматривали приобретение новых самолетов для воздушного патрулирования, проведение капитального ремонта более полутора десятков подводных лодок в целях продления их службы, внедрение в войска современных средств раннего обнаружения, проведение НИОКР по созданию разведывательных беспилотников Global Hawk с повышенными потолками полета, модернизацию конвертопланов «Оспрей» и т.д. [5].

В конце июня 2013 г. министерство обороны Японии приступило к рассмотрению вопроса о разработке собственных баллистических ракет среднего радиуса действия (дальностью 400–500 км), мотивируя это необходимостью защиты островов Сэнкаку от китайского военного вторжения [8]. Ожидается, что это будет первый тип баллистической ракеты под управлением сил самообороны. Согласно информации газеты «Санкэй», подобная ракета может долететь до цели всего за пять минут, в отличие от обычной крылатой ракеты, время полета которой с базы на Окинаве составит десятки минут. Это, как предполагается, су-

■ Международные отношения

существенно облегчит задачу защиты островов. В случае одобрения данного плана законодательной властью работа над созданием ракеты начнется уже в начале 2014 г. По мнению некоторых экспертов, боевые возможности данной ракеты ставят ее в разряд наступательного оружия, существенно превосходящего пределы самообороны.

В «Белой книге по вопросам обороны» 2013 г., опубликованной кабинетом Абэ в июле, особый акцент сделан на необходимость «защиты национальной территории». Как и в предыдущих изданиях, «Белая книга» 2013 г. отражала качественный поворот в оборонной политике Японии, а именно упор на оборону «отдаленных островов». С этой целью большое место в издании занимали вопросы качественного перевооружения сил самообороны, их оснащения современными средствами разведки, наблюдения и раннего оповещения [23].

Для координации государственной политики по вопросам безопасности кабинет министров представил 7 июня 2013 г. в парламент законопроект о реорганизации Совета национальной безопасности. Аналога подобного органа в правительственной структуре Японии послевоенного времени не существовало. Задуманный по образу и подобию Совета национальной безопасности США, японский СНБ будет служить своего рода «командным центром» в выработке политики в сфере дипломатии и национальной безопасности, обобщая информацию, поступающую от различных ведомств, перед тем как она поступит премьер-министру [4]. С целью ускорить процесс принятия решений в кризисной ситуации в совете предполагается создать руководящую группу в составе премьер-министра, генерального секретаря кабинета министров, министров обороны и иностранных дел. У премьер-министра появится специальный советник, отвечающий за работу СНБ, а в самом совете будет создан постоянно действующий секретариат, который позволит СНБ действовать в качестве органа, независимого от прочих министерств и ведомств [22]. Централизация системы сбора информации в сфере национальной безопасности и особые полномочия совета, как ожидается, позволят преодолеть ведомственный сепаратизм и более эффективно координировать работу ведомств в кризисных ситуациях.

Примечательно, что одной из важных целей дипломатической активности правительства Абэ стали шаги, призванные продемонстрировать единство позиций Японии с ключевыми западными странами в отношении не только региональных, но и глобальных проблем. Япония стала энергично позиционировать себя как союзницу Запада даже по тем вопросам, по которым она традиционно занимала нейтральную позицию. Одним из примеров является позиция Японии по сирийской проблеме. 11 июня 2013 г. министр иностранных дел Японии Ф.Кисида заявил на пресс-конференции о намерении японского правительства начать прямые поставки силам оппозиции «гуманитарной помощи» – товаров медицинского назначения,

продуктов, автотранспорта, а также электрогенераторов. Еще с 2012 г. японское правительство признавало сирийскую оппозицию (Сирийский национальный совет) «представителем сирийского народа», однако воздерживалось от прямых поставок сирийской оппозиции, хотя для решения гуманитарных проблем в сотрудничестве с международными организациями ей было ассигновано около 80 млн долл. США. Очевидно, что решение Токио о начале поставок было принято в контексте курса на всемерное укрепление японо-американского союза.

На саммите «Большой восьмерки» в Северной Ирландии в июне 2013 г. обсуждался вопрос о согласовании подходов и распределении обязанностей в политике решения сирийского конфликта между ключевыми союзниками – США, Японией, Великобританией и Францией. На вооружение была взята многократно опробованная формула стратегического взаимодействия, в соответствии с которой западные страны берут на себя военную, а Токио – гуманитарную компоненту курса по решению конфликтов.

Поставки «гуманитарной помощи» оппозиции японским правительством привлекают дополнительное внимание к проблеме ослабления законодательных и нормативных ограничений на экспорт вооружений. Известно, что, хотя Токио в соответствии с «тремя принципами запрета на экспорт вооружений» не допускает их вывоза за пределы страны, частные компании в течение нескольких десятилетий находят способ обойти запреты, экспортируя компоненты вооружений либо продукцию двойного назначения. Например, грузовики «Тойота» уже много лет используются в боевых действиях на Ближнем Востоке, хотя в интерпретации правительства это практика их применения «не по назначению».

Еще в 2011 г. правительство Ё. Нода объявило об ослаблении ограничений на экспорт, заявив о том, что признает экспорт оружия, если оно разрабатывается совместно со странами, сотрудничающими с Японией в обеспечении национальной безопасности. С приходом второго кабинета С. Абэ официальные лица предпочитают не вспоминать о внутренних законодательных ограничениях на экспорт, указывая лишь на то, что вывоз оружия должен основываться на «строгом соблюдении Устава ООН», а главным критерием является «недопущение распространения любых международных конфликтов».

Резонансным примером обновленного подхода правительства к вопросам экспорта вооружений является участие страны в разработках высокотехнологичного оружия в рамках союзнических обязательств по «договору безопасности». Так, многие компоненты новейшего истребителя F-35, создаваемого на многонациональной основе, имеют японское происхождение. Поскольку истребитель, который предполагается поставлять в Израиль, будет с большой степенью вероятности использоваться в боевых операциях, участие Японии в его разработке напрямую противоречит

провозглашенным правительством страны «трем принципам». Помимо стратегических соображений, связанных с укреплением союза с западными странами, важным мотивом Токио, очевидно, является стремление оказать поддержку национальному военно-промышленному комплексу, подключив его к разработке новейших военных технологий. Немаловажным представляется и региональный аспект – решение о полноценном участии в разработке F-35 совпало по времени с провозглашением кабинетом Абэ доктрины «поддержания военного потенциала для нападения на вражеские базы», связанной с успехами ракетно-ядерной программы Пхеньяна.

В качестве одного из приоритетов своей политики в сфере безопасности кабинет Абэ явственно обозначил курс на пересмотр конституции. Конституционная реформа рассматривается Токио в качестве завершающей вехи послевоенного периода японской истории, когда страна была на положении «младшего партнера» Соединенных Штатов. Кабинет выступил с инициативой об облегчении порядка внесения поправок в конституцию, реализация которой позволит, как ожидается, отменить пресловутую 9-ю статью либо изменить ее формулировку в сторону меньшей категоричности. В стране разгорелась дискуссия о том, позволяет ли действующая конституция осуществлять право на коллективную самооборону и иметь оборонительную армию.

28 апреля 2013 г. японское правительство провело церемонию «дня национального суверенитета» в честь 61-й годовщины подписания Сан-Францисского договора 28 апреля 1952 г., ознаменовавшего собой окончание американской военной оккупации и восстановление всей полноты суверенитета Японии. Выступая в присутствии императорской четы, Абэ заявил о том, что «следующая цель заключается в пересмотре конституции» [11]. Своим заявлением японский премьер подчеркнул особый контекст вопроса о пересмотре конституции, который (в интерпретации главы кабинета) напрямую связан с обретением страной национального суверенитета. Между тем пересмотр конституции, если он произойдет, вне всякого сомнения, вызовет бурную реакцию со стороны Китая и Южной Кореи, которые увидят в этом шаге угрозу возрождения японского милитаризма. Бесспорно, Япония лишится и важного внешнеполитического инструмента – возможности апеллировать к мировому сообществу как страны с пацифистской конституцией, которая составляет важный элемент ее «мягкой силы».

Однако даже в рамках действующей конституции кабинет Абэ добивается полной легитимизации отправки сил самообороны за рубеж: формально – «для поддержания мира и безопасности», а фактически – для реализации любых миссий, которые будут востребованы в рамках «договора безопасности». Речь идет о возможности вовлечения Японии в военные конфликты, напрямую не затрагивающие территориальную целостность Японии. В случае принятия предло-

жений ЛДП для участия сил самообороны в боевых действиях каждый раз не потребуются, как это было ранее, например в период миротворческой миссии в Ираке, принимать специальный закон. Таким образом, принцип «исключительно оборонительного характера» японской военной доктрины, окажется дезавуированным. Как отмечала газета Japan Times, «с учетом памяти о военной агрессии Японии в АТР в 1930–1940-х гг., подобный курс вызовет подозрения среди соседей относительно подлинных намерений страны, что в свою очередь нанесет ущерб доверию к Японии со стороны международного сообщества» [14].

В августе 2013 г. министр обороны Японии И. Онодэра, обосновывая необходимость законодательного оформления права на коллективную самооборону, заявил о том, что при отсутствии такого права Япония не сможет в полном объеме выполнить свои союзнические обязательства перед США. По его мнению, если Япония не сможет защищать американские суда класса «Иджис», выполняющие совместную с Японией миссию в случае нападения на них со стороны общего противника, «японо-американскому союзу будет нанесен серьезный ущерб» [24]. Ожидается, что к концу этого года правительства США и Японии начнут консультации по вопросу о пересмотре Основных направлений японо-американского сотрудничества в области обороны, с тем чтобы обозначить в них новые приоритеты при выполнении совместных боевых миссий [21].

Между тем внешнеполитическая линия кабинета Абэ вызвала рост недовольства со стороны ряда восточноазиатских стран, которые стали подозревать Японию в реваншистских амбициях. По мнению старшего исследователя Центра изучения политики в США Института Брукингса Мирэя Солис, «среди стран-соседей Японии большую тревогу вызывают предложенные ЛДП лозунги изменения конституции, признания права на «коллективную самооборону», а также позиционирование С. Абэ на выборах в качестве политика, способного занять жесткую позицию с Китаем по территориальному вопросу» [20].

Ухудшению отношений с соседями способствовала двусмысленная, а порою – и открыто ревизионистская позиция кабинета С. Абэ и его главы по сложным вопросам исторического прошлого. Так, не остались незамеченными публичные высказывания С. Абэ о том, что правительство «необязательно» разделяет позицию, изложенную тогдашним премьер-министром Японии Т. Мураяма, который в 1995 г. обратился с официальными извинениями к народам Азии за военную агрессию в период Второй мировой войны и колониальное прошлое. В одном из своих публичных выступлений С. Абэ отрицал наличие доказательств фактов насильственного рекрутирования корейских женщин в бордели для японской армии в период Второй мировой войны [17]. Оправдывая японскую военную экспансию, японский премьер даже заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», доба-

■ Международные отношения

вив, что понятие «агрессия» еще подлежит определить научному сообществу [19]. В другом своем выступлении японский премьер посетовал, что так и не посетил храм Ясукуни во время своего первого срока в качестве главы кабинета. Еще одним примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами «731» на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским «отрядом 731», занимавшимся в годы Второй мировой войны разработкой бактериологического оружия в Маньчжурии. Масла в огонь подлил состоявшийся в апреле 2013 г. визит в храм Ясукуни 168 японских парламентариев, в том числе трех членов кабинета министров. Когда Китай и Республика Корея выступили с протестами, японский лидер заявил: «Мы не поддадимся никаким угрозам» [2].

Недовольство эпатажными действиями членов кабинета Абэ стали выражать даже в Соединенных Штатах. Критические статьи в адрес Токио появились в ведущих американских газетах, включая «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс». Вашингтон неофициально дал понять японским партнерам, что не в восторге от дестабилизации внешнеполитического климата в регионе. Особую озабоченность в Вашингтоне, особенно в свете потребности в консолидированной политике в отношении КНДР, вызвал разлад в отношениях между Японией и Южной Кореей, являющимися ключевыми союзниками США в Восточной Азии. В докладе исследовательской службы Конгресса США от 1 мая 2013 г., посвященном текущему состоянию двусторонних отношений США и Японии, утверждалось, что «комментарии и практические действия, предпринимаемые премьер-министром С. Абэ и членами его кабинета по сложным вопросам истории, дают основания для озабоченности по поводу того, что Токио может внести разлад в региональную систему отношений, что нанесет ущерб американским национальным интересам» [10].

Что же касается стран-соседей, то критика нового курса Токио прямо сказалась на состоянии двусторонних политических отношений, которые стали обостряться уже в первые месяцы 2013 г. Особенно это было заметно в отношениях с Китаем, которые переживали, пожалуй, наихудший период с момента их установления в 1972 г. С учетом нарастающей критики С. Абэ пришлось внести в свою позицию некоторые коррективы. Вскоре после вступления в должность он заявил, что его правительство будет сохранять верность позиции, изложенной в заявлении Т. Мураяма 1995 г. [15]. 15 мая 2013 г. японский премьер подтвердил, что его кабинет «в целом придерживается» положений заявления Т. Мураяма [13].

Открестился С. Абэ и от нашумевшего заявления лидера Общества реставрации Т.Хасимото, публично оправдавшего 13 мая 2013 г. сексуальную эксплуатацию японскими военными корейцев в период войны. Генеральный секретарь кабинета министров Ё.Суга, озвучивая официальную позицию правительства Абэ, заявил о том, что «женщины комфорта» перенесли «несказанно

мучительный опыт», а «кабинет Абэ испытывает на этот счет те же чувства, что и предшествующие кабинеты» [18].

Показательным явилось выступление министра обороны Японии Ицунори Онодэра на конференции по проблемам безопасности в Азии в сингапурском отеле Шангри-Ла 1 июня 2013 г. (диалог Шангри-Ла) [12]. И. Онодэра заявил о том, что представление о том, будто Япония отказывается от своей идентичности как «миролюбивой страны» и бросает вызов существующему мировому порядку, является «абсолютно неправильным». Цель Японии, по его мнению, заключается в том, чтобы «вносить более активный и творческий вклад в региональную стабильность». Подтвердив, что кабинет Абэ солидаризуется с позицией предшествующих кабинетов, согласно которой Япония «нанесла огромный ущерб и страдания народам многих стран», министр обороны Японии обозначил намерение японского правительства пересмотреть до конца 2013 г. действующие «Основные направления программы в области национальной обороны». Целью новой редакции «Основных направлений...» станет, по словам министра, создание оборонного потенциала, который позволит «оборонять нашу территорию, территориальные воды и воздушное пространство путем повышения боеготовности сил самообороны, вносить еще больший вклад в улучшение международной среды в области безопасности».

И. Онодэра коснулся также базовых установок Японии по вопросам национальной безопасности. Он заявил о том, что американское военное присутствие в регионе «не только выступает единственным видом сдерживания в отношении непредсказуемого разворачивания военных конфликтов, но и создает шанс для диалога и сотрудничества среди стран региона, столь необходимых для создания стабильной международной среды».

Не обошел вниманием И. Онодэра и страны АСЕАН. Напомнив о «пяти принципах японской дипломатии по отношению к странам АСЕАН», выдвинутых С. Абэ в ходе его визита в ЮВА в начале 2013 г., японский министр сосредоточился на взаимодействии с блоком в области национальной безопасности. В выступлении министра прозвучала решимость Японии «играть еще большую роль в защите базовых принципов свободы навигации, приверженности законам морского права, в центре которых лежит Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS)». Реверанс в сторону АСЕАН был явно сделан в контексте обострения проблемы споров по вопросам территориальных вод в Восточно-Китайском море.

В целом трудно избавиться от впечатления, что министру обороны Японии выпала незавидная миссия оправдываться за неуклюжие действия своего кабинета, ухудшившие в глазах азиатских стран имидж Японии как страны, приверженной идеалам мира. Как отмечала газета «Асахи», «тот факт, что министр обороны чувствовал необходимость выступить с подобными

пояснениями на международной конференции, является чем-то экстраординарным» [3].

На дальнейшую политику Японии в сфере безопасности ключевое воздействие будет оказывать, бесспорно, ситуация вокруг территориального спора с Китаем. В 2013 г. китайские военные и гражданские суда регулярно заходят в акваторию вокруг спорных островов, которую Япония считает своими территориальными водами. В феврале китайский военный корабль навел боевой радар системы наведения на японский катер береговой охраны. Новый премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил о том, что Япония «украдала» у Китая острова Дзяюйдао, а газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой выражались сомнения по поводу принадлежности Окинавы к территории Японии [7]. 7 августа 2013 г. четыре китайских судна вошли в территориальные воды Японии в районе островов Сэнкаку.

Проблема для Токио заключается в том, что выбор вариантов выхода из создавшегося положения остается у него крайне ограниченным. Ясно, что международно-правовые механизмы, скорее всего, не могут быть эффективными в свете того, что Япония не признает проблемы Сэнкаку и возможность решения данного вопроса через Международный суд ООН оказывается фактически равной нулю. Достаточно узким можно назвать и потенциал дипломатического решения данной проблемы, хотя усилия в этом направлении и имеют определенную перспективу. Главное препятствие заключается в том, что любые договоренности в публичном формате предполагают для обеих сторон необходимость проявления гибкости и готовности к взаимным уступкам, что практически неосуществимо в отношении территориального вопроса: на кону слишком большие ставки, связанные с соображениями престижа и национального достоинства.

Для Японии официальное признание проблемы Сэнкаку означало бы проявление слабости и «потерю лица» в глазах всех ее соседей. Для Китая же уступить – значит ослабить свои позиции на других фронтах сражений за территории, например в спорах с Вьетнамом, Филиппинами, Республикой Корея, Малайзией и т.д. На этом фоне наиболее реалистичным выглядит сценарий «сохранения статус-кво» – возврата к прежнему положению, при котором территориальная проблема носит латентный характер, а формы ее проявления находятся под взаимным согласованным контролем правительств двух стран.

По всей видимости, в дальнейшем для Китая патрулирование вокруг Сэнкаку станет рутинной практикой, а Япония будет вынуждена если не примириться, то привыкнуть к постоянному китайскому присутствию в спорных акваториях. Таким образом, вопрос заключается в том, чтобы наладить на двустороннем уровне механизмы, предотвращающие эскалацию напряженности, сопровождающую эту практику, в стадию вооруженного конфликта.

Новый «кодекс поведения» сторон может включать пункты, согласно которым в спорные воды с обеих сторон не будут допускаться любые боевые единицы регулярных вооруженных сил. Примечательно, что с китайской стороны патрулирование проводится кораблями Китайской береговой охраны (Chinese Coast Guard, CCG), которая с недавних пор взяла на себя функции контроля за морским промыслом, океанографических исследований, таможенной службы и пограничной охраны. Именно это ведомство становится ключевым агентом китайской стороны в реализации политики в отношении Сэнкаку. Кроме того, речь может идти о недопущении на спорные острова, причем как с китайской, так и с японской стороны, членов националистических организаций. Опыт прошлого показывает, что высадки националистов сопровождаются риском прямых стычек с Японской береговой охраной. Если подобные стычки повлекут за собой человеческие жертвы, это неизбежно вызовет новый всплеск враждебности, что многократно повышает риск конфронтации (в том числе военной), поскольку руководства Японии и Китая находятся, пусть и в разной степени, в зависимости от общественного мнения. Проведенные в 2013 г. опросы показали, что около 90% граждан (как Японии, так и Китая) относятся к стране-партнеру негативно.

Немалое значение с точки зрения перспективы дальнейшего развития конфликта будет иметь ситуация вокруг нефтяных месторождений вокруг срединной линии между Исключительными экономическими зонами двух стран. В 2008 г. Япония и Китай договорились начать совместное освоение шельфа, однако соглашение так и не заработало. Если Китай начнет разработку в одностороннем порядке, действуя со своей стороны срединной линии, в Токио это будет воспринято как очередная пощечина, что немедленно приведет к новому витку эскалации напряженности.

Список литературы

1. Абэ сюсё: туюку дзёрику-но сай ни ва бурёку коси дзюмби ару (Премьер-министр Абэ: в случае высадки Китая на острова Япония готова применить силу)// Available at: http://japanese.ru/vr.ru/2013_04_23/111520489/ (accessed 12 September 2013).
2. Асахи симбун. 25.04.2013.
3. Асахи симбун. 4.06.2013.
4. Асахи симбун. 10.06.2013.

■ Международные отношения

5. Йомиури симбун. 02.02.2013.
6. Йомиури симбун. 25.06.2013.
7. Майнити симбун. 12.06.2013.
8. Санкэй. 26.06.2013.
9. Abe Shinzo. Asia's Democratic Security Diamond. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe/> (accessed 12 September 2013).
10. Chanlett-Avery Emma, Manyin Mark E., Cooper William H., Rinehart Ian E. Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. August 2, 2013 P. 5. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33436.pdf> (accessed 12 September 2013).
11. Crowell Todd Shinzo Abe Taps his "Inner Nationalism". Available at: http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=5381&Itemid=176/ (accessed 12 September 2013).
12. Defending National Interests; Preventing Conflict. Shangri-La Dialogue 2013 Second Plenary Session. Available at: <https://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2013-c890/second-plenary-session-8bc4> (accessed 12 September 2013).
13. Gustafsson Karl. Japanese Prime Minister Abe's U-turn on the Murayama Statement. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/05/31/japanese-prime-minister-abes-u-turn-on-the-murayama-statement/> (accessed 12 September 2013).
14. Japan Times. 17.12.2012.
15. The Japan Times 05.01.2013.
16. Japan Times. 04.03.2013.
17. Mayor defends using women as 'sex slaves' in Japan during WWII claiming soldiers needed them for discipline. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html> (accessed 12 September 2013).
18. Osaka mayor Toru Hashimoto: Sex slaves in World War Two were necessary to 'maintain discipline' for Japanese military. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/osaka-mayor-toru-hashimoto-sex-slaves-in-world-war-two-were-necessary-to-maintain-discipline-for-japanese-military-8614959.html> (accessed 12 September 2013).
19. Retired politician behind Japan sex slave apology says Abe wrong to challenge it. Available at: <http://www.foxnews.com/world/2013/06/29/ap-interview-retired-politician-behind-japan-sex-slave-apology-says-abe-wrong/#ixzz2XxxUtlhk> (accessed 12 September 2013).
20. Shinkman Paul. Experts: Japan's New PM Could Follow Through on Tough Talk. Available at: <http://www.usnews.com/news/articles/2012/12/17/experts-japans-new-pm-could-follow-through-on-tough-talk> (accessed 12 September 2013).
21. Smith Sheila. Abe Reassures After Election Victory. Available at: <http://thediplomat.com/the-editor/2013/07/24/abe-reassures-after-election-victory/> (accessed 12 September 2013).
22. Takahashi Toshiya. Abe and a Japanese National Security Council. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/16/abe-and-a-japanese-national-security-council/> (accessed 12 September 2013).
23. Takahashi Toshiya. Japan's 2013 Defence White Paper Stirs Tensions with China. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/31/japans-2013-defence-white-paper-stirs-tensions-with-china/> (accessed 12 September 2013).
24. Yoshida Reiji. Abe revived body looks to authorize collective defense. Available at: <http://www.japantimes.co.jp/news/2013/08/05/national/abe-revived-body-looks-to-authorize-collective-defense/> (accessed 12 September 2013).

Об авторе

Стрельцов Дмитрий Викторович – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД России. Внешняя и внутренняя политика современной Японии. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Данное исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта 13-01-00032.

QUALITATIVE CHANGES IN JAPAN'S POLICY IN THE FIELD OF MILITARY SECURITY IN 2013

D.V. Streltsov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the qualitative changes that have taken place in the course of Japan in the field of military security in December 2012 after the rise of the second Abe Cabinet. These changes include tightening of the policy towards China, stronger defense policy coordination with the countries concerned with the growth of Beijing's military ambitions, as well as the revision of the basic strategy of defense capacity-building. A special place in Tokyo's new policy was taken by the moves aimed at revising the Constitution. Constitutional reform is seen in Tokyo as a sort of milestone marking the end of the post-war Japanese history when Japan held the position of the "junior partner" of the United States. However, even within the framework of the Constitution the Abe Cabinet strives to achieve a full legitimization of the self-defense forces' missions outside Japan, formally to maintain peace and security, but essentially to meet the requirements of the Security Treaty. The author concludes that the future policy of Japan in the field of military security will be to a large extent determined by the situation around the territorial dispute with China. Apparently, the Chinese ships' patrolling of the areas around the Senkaku will become a routine practice, and Japan will have to if you do not accept, but at least to get used to a permanent Chinese presence in the disputed waters. Thus, the question is how to establish bilateral mechanisms of preventing escalation of tension to the stage of an armed conflict.* **Key words:** Japan, the Constitution, the National Security Council, the restrictions on the export of arms, the right of collective self-defense, territorial dispute, the UN Convention on the law of the sea, the Shangri-La dialogue.

Key words: China-Japan relations, Japan's China strategy, China's rise, Japan's foreign policy, East Asia.

References

1. Abe shusho: Chugoku joriku no sai ni wa buryoku koshi jumbi aru (Prime Minister Abe: In Case of the Chinese Intrusion Japan is Ready to Use Force)// Available at: http://japanese.ru/r/2013_04_23/111520489/ (accessed 12 September 2013).
2. Asahi shimbun 25.04.2013.
3. Asahi shimbun. 4.06.2013.
4. Asahi shimbun. 10.06.2013.
5. Yomiuri shimbun. 02.02.2013.
6. Yomiuri shimbun. 25.06.2013.
7. Mainichi shimbun. 12.06.2013
8. Sankei. 26.06.2013.
9. Abe Shinzo. Asia's Democratic Security Diamond. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe/> (accessed 12 September 2013).
10. Chanlett-Avery Emma, Manyin Mark E., Cooper William H., Rinehart Ian E. Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. August 2, 2013 P. 5. Available at: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33436.pdf> (accessed 12 September 2013).
11. Crowell Todd Shinzo Abe Taps his "Inner Nationalism". Available at: http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=5381&Itemid=176/ (accessed 12 September 2013).
12. Defending National Interests; Preventing Conflict. Shangri-La Dialogue 2013 Second Plenary Session. Available at: <https://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue->

- 2013-c890/second-plenary-session-8bc4 (accessed 12 September 2013).
13. Gustafsson Karl. Japanese Prime Minister Abe's U-turn on the Murayama Statement. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/05/31/japanese-prime-minister-abes-u-turn-on-the-murayama-statement/> (accessed 12 September 2013).
 14. Japan Times. 17.12.2012
 15. The Japan Times 05.01.2013.
 16. Japan Times. 04.03.2013
 17. Mayor defends using women as 'sex slaves' in Japan during WWII claiming soldiers needed them for discipline. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html> (accessed 12 September 2013).
 18. Osaka mayor Toru Hashimoto: Sex slaves in World War Two were necessary to 'maintain discipline' for Japanese military. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/osaka-mayor-toru-hashimoto-sex-slaves-in-world-war-two-were-necessary-to-maintain-discipline-for-japanese-military-8614959.html> (accessed 12 September 2013).
 19. Retired politician behind Japan sex slave apology says Abe wrong to challenge it. Available at: <http://www.foxnews.com/world/2013/06/29/ap-interview-retired-politician-behind-japan-sex-slave-apology-says-abe-wrong/#ixzz2XxxUtLhk> (accessed 12 September 2013).
 20. Shinkman Paul. Experts: Japan's New PM Could Follow Through on Tough Talk. Available at: <http://www.usnews.com/news/articles/2012/12/17/experts-japans-new-pm-could-follow-through-on-tough-talk> (accessed 12 September 2013).
 21. Smith Sheila. Abe Reassures After Election Victory. Available at: <http://thediplomat.com/the-editor/2013/07/24/abe-reassures-after-election-victory/> (accessed 12 September 2013).
 22. Takahashi Toshiya. Abe and a Japanese National Security Council. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/16/abe-and-a-japanese-national-security-council/> (accessed 12 September 2013).
 23. Takahashi Toshiya. Japan's 2013 Defence White Paper Stirs Tensions with China. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/31/japans-2013-defence-white-paper-stirs-tensions-with-china/> (accessed 12 September 2013)
 24. Yoshida Reiji. Abe revived body looks to authorize collective defense. Available at: <http://www.japantimes.co.jp/news/2013/08/05/national/abe-revived-body-looks-to-authorize-collective-defense/> (accessed 12 September 2013)

About the author

Dmitri V. Streltsov – Professor, Head of the Department of Oriental Studies, MGIMO-University.
Email: d.streltsov@inno.mgimo

ПОДГОТОВКА «ЖЕНЕВЫ-2» В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

М.С. Ходынская-Голенищева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского 76.

В данной статье рассматриваются сложности, которые могут возникнуть при организации Международной конференции по Сирии и в ходе нее, имея в виду прежде всего межсирийские переговоры, целью которых является достижение компромисса по важнейшим вопросам будущего Сирийской Арабской Республики (САР). В этой связи автор:

- проводит сравнительный анализ степени готовности сирийских сторон к диалогу;*
- исследует переговорные документы, подготовленные различными фракциями сирийской оппозиции и содержащие их видение модальностей переходного периода в САР;*
- рассматривает позиции и действия внешних игроков (США, Франции, Турции, Катара, Саудовской Аравии и др.), имеющих влияние на сирийские конфликтующие стороны;*
- освещает варианты возможного их поведения в случае переговорного тупика или сложностей в имплементации достигнутых решений;*
- рассматривает креативную роль России в обеспечении успеха готовящейся Международной конференции по Сирии. В статье утверждается, что действия российской стороны в сирийском вопросе подтвердили, что в Москве придерживаются последовательной политики, направленной на обеспечение примата международного права и недопущение действий, способных размыть миропорядок, базирующийся на принципах Устава ООН;*
- акцентирует особое значение для сопровождения переговоров Спецпредставителя ООН по Сирии Л. Брахими. Представленный материал особо актуален в условиях оживления политического процесса по урегулированию ситуации в Сирии и активизации работы по подготовке к созыву Международной конференции, целью которой станет полное выполнение Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г. и достижение всеобъемлющего политического урегулирования кризиса в Сирии.*

Ключевые слова: сирийский кризис, «Женева-2», дипломатия, международное право, Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН.

Резолюция 2118 Совета Безопасности ООН, принятая в развитие российско-американских договоренностей по сирийскому химическому оружию (итог переговоров 13–14 сентября 2013 г. в Женеве министра иностранных дел России С.В. Лаврова и госсекретаря США Дж. Керри), открыла окно возможностей для реализации задачи созыва Международной конференции по Сирии («Женева-2»), основной целью которой станет выполнение Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г. через всеобъемлющий межсирийский диалог.

«Женева-2»: проблема организации межсирийских переговоров и особенности их внешнего сопровождения

Надо отметить, что по рекомендации России сирийское правительство сразу после согласования Женевского коммюнике согласилось участвовать в диалоге без предварительных условий. Оно назначило делегацию переговорщиков и представило собственные предложения по урегулированию кризиса, которые включали создание механизма мониторинга прекращения огня и параметры политического перехода (разработка Национальной хартии, формирование расширенного правительства с участием всех сегментов сирийского общества, написание проекта новой конституции, проведение выборов) [1].

С другой стороны «баррикад» дело обстоит сложнее. Умеренные оппозиционные группы – Национальный координационный комитет за демократические перемены (НKK), Партия демократического союза Курдистана (ПДС), Национальный демократический альянс Сирии, Национальный совет сирийских сирьядков и др. – подтвердили готовность приехать на переговоры. Однако понадобились многие месяцы, а главное, отказ США от планов нанесения ударов по Сирии, чтобы непримиримая часть политической оппозиции – Национальная коалиция революционных и оппозиционных сил – согласилась на участие в диалоге с правительством САР. Однако она обусловила свой приезд в Женеву рядом требований. По ее мнению, центральной темой переговоров должен стать политический переход [2], в понимании коалиции означающий отказ Б. Асада от власти. По сути, оппозиционеры потребовали пересмотреть повестку дня конференции, переориентировав ее со скрупулезной работы по полной имплементации Женевского коммюнике (это и прекращение огня, и политурегулирование, и гуманитарная сфера, и др.) на подписание Дамаском своего рода «акта о капитуляции». И дальше должно было последовать обсуждение оппозиционерами состава предусмотренного Женевским коммюнике переходного управляющего органа, который будет руководить Сирией в период до принятия новой конституции и проведения выборов. Подобный подход свидетельствовал о том, что в коалиции думают прежде всего о дележе мест в будущем временном правительстве САР и рассматривают

конференцию в качестве инструмента получения «портфелей» в сирийском кабинете.

Между тем никакой внятной переговорной платформы Национальная коалиция не представила. Единственным цементирующим ее лозунгом остается требование об «уходе Б. Асада». Однако на вопрос, как в случае падения режима предотвратить разрушение государственных структур, эскалацию насилия и скатывание Сирии в пучину тотальной этно-конфессиональной резни, ответить в коалиции не могут. Между тем множатся признаки того, что в случае ухода нынешнего руководства Сирии верх возьмет не пестуемая Западом «умеренная» оппозиция, а отряды джихадистов, стремящихся установить в стране свои, далекие от демократических, порядки.

Иной подход характеризует умеренную внутреннюю оппозицию, представители которой, в отличие от Национальной коалиции, состоящей из эмигрантов и перебежчиков, никуда из страны не уезжали и знают изнутри сирийское общество и особенности социально-политического устройства САР. Осознавая свою часть ответственности за итоги межсирийского диалога, эти группы подготавливались к переговорам:

– НKK разработал объемный документ, который он намерен предложить в ходе диалога с правительством. В нем предлагается набор рекомендаций, реализация которых, по мнению организации, позволит сделать государственную систему Сирии более прозрачной и эффективной. Как вариант рассматривалась возможность трансформации САР из президентской в парламентскую республику [3];

– свое видение путей развития Сирии представил и Национальный демократический альянс во главе с Рифатом Асадом. Его план предусматривает реформирование государственного аппарата Сирии в сторону транспарентности и подотчетности обществу [4]. Разработанный им же проект новой конституции САР предлагает выстроить принцип функционирования сирийских государственных институтов на основе верховенства права [5];

– свою переговорную программу разработала и Партия демократического союза Курдистана во главе с С.Муслимом, цель которой – обеспечение прав курдов в будущей Сирии при соблюдении принципа территориальной целостности. К ним присоединились другие меньшинства, озабоченные перспективой прихода к власти экстремистов;

– «Союз сирийских христиан» представил ряд мер по недопущению массового исхода христиан из Сирии [6], исконно являвшейся колыбелью сосуществования различных этносов и конфессий.

Все эти документы объединяет одна цель: реформирование системы управления Сирией без разрушения системы государственных институтов, при соблюдении основных принципов Устава ООН – суверенитета и территориальной целостности и недопущения внешнего вмешательства в дела САР. Таким образом, большинство фракций оппозиции приедут в Женеву с собственным видением путей развития Сирии, вобравшим приоритеты тех или иных групп сирийского общества. Интересы

кого будет представлять Национальная коалиция (кстати, его глава – А. Джарба имеет саудовский паспорт) – непонятно.

В таких условиях ожидать, что диалог будет легким, не приходится. Потребуется активное внешнее сопровождение процесса. Причем не только со стороны Спецпредставителя ООН по Сирии Л. Брахими, в задачу которого будет входить поощрение сирийских сторон к достижению компромиссов, но и со стороны внешних игроков, поддерживающих различные оппозиционные группировки. Катар, Саудовская Аравия, Турция, США, Франция и др. должны будут отложить конъюнктурные интересы и соперничество за региональное лидерство. Их задача – убедить противников режима не думать о борьбе за власть, а сосредоточиться на скрупулезном поиске развязок по экзистенциальным вопросам будущего страны.

Приведем некоторые сложности, которые могут возникнуть в ходе межсирийских переговоров и по их итогам. Определив их, можно будет проанализировать роль, которую должны сыграть международные и региональные игроки для успеха «Женева-2» и эффективной реализации достигнутых по ее итогам договоренностей:

- во-первых, ход и результаты межсирийских переговоров будут во многом зависеть от того, в каком виде приедут на диалог противники официального Дамаска. Американцы не оставляют попыток сгруппировать все оппозиционные группировки «под зонтиком» своего «детисца» – Национальной коалиции. Однако эта организация не только не имеет веса внутри Сирии, но и об отказе приехать в Женеву в качестве ее составной части уже заявило большинство умеренных оппозиционеров [7]. Не обладает коалиция и влиянием на боевиков: 26 сентября 13 вооруженных группировок, воюющих в Сирии, уже заявили о том, что они более не считают себя частью этого объединения [8]. Представляется, что внешние игроки должны объединять сирийскую оппозицию не исходя из собственных «предпочтений» (этим занимаются США и ЛАГ), а основываясь на императиве формирования репрезентативной и полномочной делегации, которая вобрала бы представителей всех слоев сирийского общества и недвусмысленно отмежеввалась от орудующих в САР экстремистов;

- во-вторых, важно не допустить, чтобы в ходе самого диалога переговорный процесс скатился к взаимным обвинениям и перепалкам (между группами оппозиции, что не исключено) по составу переходного управляющего органа. Его создание – часть пакета договоренностей, к которым сирийцы должны прийти по итогам переговоров. Эта цель должна рассматриваться в комплексе с другими задачами. Ведь сторонам предстоит достичь компромисса по многим другим важнейшим вопросам, без решения которых формирование временного кабинета теряет смысл. Это и прекращение огня, и национальное примирение, и параметры международной гуманитарной помощи. Внешним, прежде всего западным, спонсорам оппозиции придется объяснить противникам Б. Асада контрпродук-

тивность «выпячивания» одной тематики и забвения другой, как бы ни хотелось Национальной коалиции поскорее обсудить распределение мест в переходном сирийском правительстве;

- в-третьих, необходимо выстроить работу конференции таким образом, чтобы совместить ход межсирийских переговоров с реализацией российско-американских договоренностей по сирийскому химическому оружию (именно в этих целях были выработаны решение Исполкома Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и Резолюция 2118 СБ ООН) [9]. В соответствии с последней химическое разоружение Сирии является отдельным «техническим» процессом под эгидой ОЗХО, который способствует урегулированию ситуации вокруг САР, однако никак не связан с субстантивным наполнением переговоров по существенным параметрам сирийской государственности. Вместе с тем представляется, что, не добившись успеха в реализации своих первоначальных планов принятия «силовой» Резолюции СБ по главе VII Устава ООН, западные государства от стратегии давления на официальный Дамаск через Совет Безопасности не откажутся.

Не желает отступить от своей цели свержения Б. Асада и радикальная оппозиция. Она крайне негативно отреагировала на российско-американские договоренности по химическому оружию, вернувших ситуацию на дипломатические рельсы [10]. Ведь, применив отравляющие вещества в районе Восточной Гуты, под Дамаском, 21 августа, джихадисты – а именно они стояли за атакой – рассчитывали на то, что этим воспользуются западные страны, чтобы обвинить режим в «совершении преступления против человечности» и ударить по Сирии. О том, что именно радикалы организовали атаку с применением отравляющих веществ под Дамаском, свидетельствуют многочисленные и становящиеся достоянием гласности факты: свидетельства очевидцев, в частности независимое расследование настоятельница монастыря Св. Якова в сирийском городе Кара Марьям-Агнес ас-Салиб [11, с.44], разведданные (радиоперехваты и т.п.) [12], результаты анализов и изучения проб примененных боевых отравляющих веществ и возможных средств их доставки и т.д. Так что джихадисты наверняка будут стремиться осуществить очередную «провокацию с химией», дабы дать своим западным покровителям повод требовать в СБ ООН принятия «силовой» антисирийской резолюции в соответствии с главой VII Устава ООН.

Подобный сценарий был бы выгоден Национальной коалиции, связанной с непримиримой вооруженной оппозицией. Участвовать в достижении компромисса с правительством для нее непросто, поскольку сразу после своего создания эта финансируемая Катаром, Францией и США структура провозгласила своей целью «победу революции» и свержение Б. Асада. Она может пытаться использовать любую зацепку для того, чтобы сорвать диалог. Внешние спонсоры оппозиции должны будут применить все свое влияние на противников Б. Асада, с тем, чтобы они вели себя на переговорах ответ-

■ Международные отношения

ственно и удерживались от провокаций. Готов ли к такой работе Катар, потративший миллиарды долларов на «содержание» радикалов? Или открывшая в Париже «посольство» Национальной коалиции Франция? Очевидно, нужна предметная работа США со своими союзниками, которым Вашингтон должен объяснить бесперспективность продолжения ставки на силовое решение кризиса, способной только усугубить страдания сирийцев;

– в-четвертых, необходимо, чтобы все международные игроки работали на создание политической атмосферы, которая бы способствовала межсирийским переговорам. В этой связи крайне важна роль, которую сыграет СБ ООН. Наверняка наши партнеры в Совете Безопасности будут стремиться использовать его в качестве инструмента нагнетания напряженности и давления на стороны (в их прочтении – на правительство САР), включая установление искусственных сроков для переговоров и последующее введение санкций. Причем делаться это может «руками» третьих стран. Тактика – вычленив одну составляющую кризиса, накалить вокруг нее атмосферу, требуя «безотлагательных мер». Примеров этому множество: это и неоднократные австралийско-люксембургские инициативы в СБ ООН по гуманитарной тематике («каждый день умирают люди, а мы бездействуем»), и инициированное Швейцарией коллективное письмо в СБ ООН с требованием передать сирийское досье в Международный уголовный суд («виновные как можно скорее должны понести наказание») и т.д.

Можно ожидать подобных инициатив и от более крупных игроков. Пример – поспешный «вброс» французами (видимо, даже без согласования с Вашингтоном) еще до достижения российско-американской договоренности по химическому оружию жесткого антисирийского проекта резолюции СБ [13]. Очевидно, что Париж, столь рьяно выступавший за нанесение ударов по Сирии, пытался таким образом «компенсировать» тот факт, что его оставили «за бортом» ведущейся по сирийскому досье дипломатической работы. Таким образом, нельзя допустить использования СБ в качестве инструмента оказания давления на сирийцев в ходе диалога. Россия и Китай должны будут противодействовать попыткам заставить Совет заниматься рабочими вопросами, связанными с ходом переговоров, тем более что в Женевском коммюнике четко постулировано, что сирийские стороны сами, без вмешательства и угроз извне, должны договориться о будущем своей страны [14]. Несмотря на то что коммюнике было одобрено Резолюцией 2118 СБ ООН, прямого подкрепления Совбеза к переговорам не предусматривается;

– в-пятых, сложности могут возникнуть и по итогам межсирийского диалога, в процессе имплементации эвентуальных договоренностей. Допустим, сирийские стороны достигнут компромисса по вопросам реализации ключевых положений Женевского коммюнике, определяют состав переходного управляющего органа, согласуют параметры прекращения огня. Очевидно, что воюющие

в Сирии экстремисты, получающие щедрую финансовую и военную помощь из-за рубежа, будут срывать выполнение решений, поскольку прогресс на политическом треке противоречит их интересам и задачам их внешних спонсоров.

В этом контексте остро будет стоять вопрос о выполнении членами «восьмерки» и всеми внешними игроками принятого на саммите в Лох-Эрне решения, в котором четко поставлена задача объединения международного сообщества и сирийских сторон для искоренения терроризма в Сирии. На радикалов могут значительно повлиять их внешние спонсоры, прежде всего монархии Персидского залива и Турция. Запад довольно давно начал осознавать опасность роста влияния радикальных группировок (в прессе открыто обсуждаются захваты джихадистами партий оружия, предназначенного для Свободной сирийской армии (ССА) [15], а также случаи объединения на локальном уровне ССА с правительственными войсками с целью борьбы с исламистами). Похоже, что пагубные последствия заигрывания с джихадистами теперь осознает и Анкара. Президент Турции А. Гюль в ходе своего выступления на 68-й сессии Генассамблеи ООН отметил, что гражданской войной в САР могут воспользоваться «экстремистские группировки, которые создают угрожающие самой Сирии и соседним странам автономные структуры» [16].

Иными словами, борьба с терроризмом может стать задачей, которая объединит государства, имевшие политические разногласия, вокруг задачи реализации пункта коммюнике «Группы восьми» о необходимости объединения сил правительства и оппозиции для изгнания террористов [17]. Самой непростой задачей станет получение гарантий прекращения поддержки радикалов со стороны арабских монархий. Этим, как представляется, должны будут заняться наши западные партнеры, слишком долго отказывавшиеся признать очевидное.

Международная конференция по Сирии станет комплексным и непростым процессом. Диалог между правительством САР и оппозицией по важнейшим вопросам будущего страны потребует сопровождения со стороны международных и региональных игроков. Необходима предметная работа США с Турцией и монархиями Персидского залива для недопущения срыва ими переговоров путем организации провокаций, а также для обеспечения реализации коллективно согласованных обязательств в области борьбы с терроризмом. Вашингтон должен надавить и на своих западных союзников, чтобы они не пытались использовать СБ ООН для продвижения своих узкоконъюнктурных целей, таких, как смена режима в САР и т.п.

России как одному из немногих, если не единственному, государству, выстроившему конструктивные отношения с обеими сирийскими сторонами и не выдвигающему нереалистичных политизированных запросов, также принадлежит важнейшая роль в подготовке Международной конференции по Сирии. Ее посреднические усилия будут востребованы для содействия достижению

компромисса между сирийцами. Необходимо также, чтобы Россия продолжала последовательную линию на недопущение задействования СБ ООН для реализации силового сценария в отношении САР. Действия российской стороны в сирийском вопросе подтвердили, что в Москве придерживаются последовательной политики,

направленной на обеспечение примата международного права и недопущение действий, способных размыть миропорядок, базирующийся на принципах Устава ООН. Именно инициатива России позволила вернуть ситуацию вокруг Сирии в дипломатическое русло. Такую линию необходимо закреплять.

Список литературы

1. لحل ديأل راشب سيئرل ريسل هقلطأ يزلي سياسي لجم انربل زيفنن تل ةموكلحل ةطح لايروسلا يف ةمزالا (Политическая программа по разрешению сирийского кризиса, предложенная президентом САР Б. Асадом. Дамаск, 2013 г.).
2. Syrian National Coalition to Attend Geneva-2 if Transitional Government on Table. 22 September, 2013 // RT.
3. ينطولا قيسنن تل ةئي ه // يروسلا ينطولا قاثيمل (Национальный координационный комитет за демократические перемены: «Национальный сирийский пакт: предложения к переговорам с правительством». Дамаск, 2013 г.).
4. دحومل يطارق ول مل دلل عم جتل // ةسعي رشتل و ةيلاقنن ال ةلحرمل عورشم («Проект реформ в законодательной сфере в переходный период». - Национальный демократический альянс Сирии. Париж, 2013).
5. Projét de Constitution Syrienne //Réunion Democratique Unifié. Paris, 2013.
6. Report on the Situation of Syriac Christians in Syria. – Syrian National Council of Syria. Damascus,- 2013.
7. عانم مئي ه؟ يطارق وم يرل عورشم ل سكارم لاتغت له (Означает ли встреча «группы друзей Сирии» в Марракеше конец демократии в Сирии? Х. Манаа).
8. رل س رل نالعال :رل يروسلا شيجلل ةماعل ةرايقل (Руководство Сирийской свободной армии: официальное заявление. 26 сентября, 2013).
9. Security Council Resolution 2118 (2013); Decision: Destruction of Syrian Chemical Weapons (EC-M-33/DEC/CRP (2013).
10. Framework For Elimination of Syrian Chemical Weapons. Geneva, September 14, 2013.
11. Mother Agnes Mariam of the Cross. The Chemical Attack on East Ghouta: to Justify Military Right to Protect Intervention in Syria / Mother Agnes Mariam of the Cross. – International Institute for Peace, Justice and Human Rights, 2013.
12. «Резолюция по Сирии поддается контролю». Коммерса нт. 27 сентября, 2013.
13. French Draft UN Resolution Gives Syria a 15-day Deadline. The Telegraph. 11 September, 2013
14. Action Group for Syria. Final Communiqué. Geneva, 30 June 2012.
15. Rebel-on-Rebel Violence Seizes Syria // The Wall Street Journal. September 18, 2013.
16. H.E.Mr.Abdullah Gul, President of the Republic of Turkey to the General Debate of the 68th Session of the United Nations General Assembly. New York, 24 September, 2013.
17. G8 Final Communiqué. Lough Erne, 2013.

Об авторе

Ходынская-Голенищева Мария Сергеевна – к.и.н., сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве. Автор ряда публикаций и монографии по ближневосточной проблематике. E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

THE INTERNATIONAL CONFERENCE ON SYRIA (“GENEVA-2”): DIFFICULTIES OF INTER-SYRIAN TALKS AND ROLE OF FOREIGN PLAYERS

V.S. Vodopyanov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

■ Международные отношения

Abstract: The article deals with the difficulties that may arise in organizing "Geneva-2" as well as those that may appear in the course of the Conference itself. It focuses on the inter-Syrian talks that will be aimed at achieving a compromise on the key issues of Syria's future. The author provides us with a comparative analysis of the Syrian parties' "degree of readiness" to engage in dialogue as well as with a review of the negotiation documents prepared by various factions of the Syrian opposition in which they outline their vision of transition in Syria. Emphasis is made on how outside players with influence on the Syrian sides (USA, France, Turkey, Qatar, Saudi Arabia and others) should act in the case of impasse of talks or difficulties in the implementation of decisions taken. The paper examines the role that Russia must play in order for the Conference to succeed, as well as that of Lakhdar Brahimi, Special Representative of the UN on Syria. The material presented is particularly relevant in the framework of the revival of the political process around Syria, especially in terms of the intensifying efforts to organize the International Conference with the purpose of finding a comprehensive political settlement to the crisis in Syria through the full implementation of the Geneva Communiqué (30 June, 2012).

Key words: crisis in Syria, "Geneva-2", diplomacy, international law, United Nations Organization, UN Security Council.

References

1. مة زالا لحل دي ال راشب سيئرل ري سل هق ل طأ ي زلا ي ساسي ل ج م ان ر ب ل زي فن تل ة م و ك ح ل ة ط ح Hutta al-Hukuma li at-Tanfiz al-Barnamag as-Siasi allathi Atlaqaha ar-Rais Bashar al-Asad li-Hal al-Azma As-Surya [Political Program for Resolving the Syrian Crisis Proposed by B.Assad, President of the SAR – Damascus, 2013]
2. Syrian National Coalition to Attend Geneva-2 if Transitional Government on Table. September 22nd, 2013 // RT
3. ق ا ث ي م ل ي ن ط و ل // ح ا ي ا ت u at-Tansiq al-Watany // al-Mithaq al-Watany as-Sury [National Coordination Committee for Democratic Change: "The Syrian National Compact: Propositions for Negotiations with the Government". - Damascus, 2013]
4. م و ح ت ل د ح و م ل ي ط ا ر ق و ل م ي د ل ل // ع و ر ش م ة ل ح ر م ل ة س ع ي ر ش ت ل و ة ي ل ا ق ت ن ا ل Tagammu al-Muwahhad ad-Dimuqraty // al-Mashru al-Marhala at-Tashriiyya wa al-Intiqaliyya ["Draft Reforms in the Legislative Field for the Transition Period. – the Syrian National Alliance. – Paris, 2013]
5. Projét de Constitution Syrienne // Réunion Democratique Unifié. – Paris, 2013 [Draft Syrian Constitution // United Democratic Assembly. – Paris, 2013]
6. Report on the Situation of Syriac Christians in Syria. – Syrian National Council of Syria. Damascus, 2013
7. ل ه ل ا ت غ ت س ك ا ر م ع و ر ش م ل ؟ ي ط ا ر ق و م ي ر ل م ث ي ه ع ا ن م Hat Takhtal Marakesh al-Mashru ad-Dimuqraty? Haytham Mannaa [H.Mannaa – Does the Meeting of the "Friends of Syria Group" in Marrakech Signify the End of Democracy in Syria?]
8. ا ل ا ع ا ل ا م س ر ل ا : ن ا ل ع ا ل ا ر ح ل ا ش ي ج ل ل ي ر و س ل ا ا ل Qiyada al-Amma lil-Geish as-Sury al-Hurr: lalan Rasmy [Free Syrian Army Command: Official Statement. September 26th, 2013]
9. Security Council Resolution 2118 (2013); Decision: Destruction of Syrian Chemical Weapons (EC-M-33/DEC/CRP (2013)
10. Framework For Elimination of Syrian Chemical Weapons. – Geneva, September 14th, 2013
11. Mother Agnes Mariam of the Cross. The Chemical Attack on East Ghouta: to Justify Military Right to Protect Intervention in Syria / Mother Agnes Mariam of the Cross. – International Institute for Peace, Justice and Human Rights, 2013
12. Kommersant. «Rezoljucija po Sirii poddaetsja kontrolju». – 27 sentjabrja, 2013 [Kommersant. "The Resolution on Syria Lends Itself to Monitoring". – September 27th, 2013]
13. The Telegraph. French Draft UN Resolution Gives Syria a 15-day Deadline – September 11th, 2013
14. Action Group for Syria. Final Communiqué. – Geneva, 30 June 2012
15. Rebel-on-Rebel Violence Seizes Syria // The Wall Street Journal. September 18th, 2013
16. N.E.Mr.Abdullah Gul, President of the Republic of Turkey to the General Debate of the 68th Session of the United Nations General Assembly. New York, September 24th, 2013.
17. G8 Final Communiqué. – Lough Erne, 2013

About the author

Maria S. Khodynskaya-Golenischeva – PhD (history) – diplomat at the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and Other International Organizations in Geneva. Author of numerous articles and a monograph on Middle East issues. E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЯПОНИИ

А.А. Киреева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается трансформация современной стратегии Японии по отношению к КНР. Китай и Япония являются самыми мощными экономическими, политическими и военными державами в Восточной Азии и составляют два главных центра силы, вокруг которых формируется региональная подсистема международных отношений. Усиление Китая представляет собой самый значительный вызов для всей внешней политики Японии, но вместе с тем предполагает и огромные возможности для развития страны. И от того, какова будет стратегия Японии по отношению к Китаю, зависят будущие позиции не только самих Японии и Китая, но и стабильность в Восточной Азии. Стратегия Японии по отношению к КНР после Второй мировой войны до 2010–2011 гг. может быть охарактеризована как преобладание вовлечения с элементами сдерживания: политика Японии в целом способствовала реализации главной внешнеполитической цели КНР – восстановлению статуса великой державы, который Китай утратил в ходе опиумных войн середины XIX в. В 2000-х гг. произошла переоценка и активизация внешней политики Японии. Существуют две противоположные оценки стратегии Японии по отношению к Китаю в 2000-х гг.: одна группа исследователей полагает, что произошел сдвиг в сторону балансирования, а другая считает, что такого изменения не наблюдалось и можно говорить лишь о стратегии «перестраховывания», позволяющей защищаться от рисков с помощью коалиций с другими странами. В начале 2010-х гг. под влиянием усиливающегося восприятия действий Китая в Восточно-Китайском море как угрозы безопасности стратегия Японии по отношению к КНР демонстрирует все больше признаков перехода к балансированию и сдерживанию. Однако вероятность перехода к стратегии «двойного перестраховывания» велика, так как Китай рассматривается, прежде всего, как ключевой экономический партнер, без которого невозможно процветание Японии.

Ключевые слова: китайско-японские отношения, стратегия Японии по отношению к Китаю, усиление Китая, внешняя политика Японии, Восточная Азия.

После распада биполярной системы и становления Китая в качестве самостоятельного экономического и политического центра силы в Восточной Азии здесь изменилась региональная силовая конфигурация, в том числе благодаря тесным экономическим контактам КНР с США и другими государствами региона (прежде всего, со странами АСЕАН). В этом макрорегионе произошло оформление двух основных центров силы, каждый из которых имеет свои собственные векторы развития в сфере политики и безопасности: китайский и японский с ориентацией на США. Китай и Япония, без сомнения, главные акторы в регионе Восточной Азии, представляющие два основных полюса, вокруг которых формируется региональная подсистема международных отношений [6, с.59].

Китай и Япония (благодаря японо-американскому союзу безопасности) являются самыми мощными экономическими, политическими и военными державами в Восточной Азии, причем обе страны связаны, хотя и разными по сути, но высокими по степени интенсивности, отношениями с единственной сверхдержавой – США, что приводит к формированию стратегического треугольника КНР – Япония – США. Именно от состояния китайско-японских отношений стран зависит развитие Восточно-Азиатского регионализма [20, с.232].

Усиление или возвышение Китая представляет собой комплексный феномен увеличения в первую очередь экономической, а затем политической и военной мощи страны. Этому способствовала хорошо продуманная внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия руководства страны, что вылилось в начавшееся в 1990-х гг. и окончательно оформившееся в 2000-х гг. усиление роли КНР в мировой политике и мировой экономике. Экономический рост, демографические показатели, военная мощь и геополитические позиции делают Китай ключевым актором в Восточной Азии, а по отдельным показателям – и самым главным [13, с.3–4; 12]. Этот факт представляет собой вызов для Японии в политической, экономической сферах и сфере безопасности, который является наиболее важным и значимым для всей внешней политики страны в начале XXI в., но вместе с тем предлагает огромные возможности для экономического развития страны.

Сможет ли Япония использовать возможности сотрудничества с Китаем для собственного развития? Насколько эффективным окажется ответ Японии на вызов, который ставит усиление Китая? Как будет эволюционировать внешняя политика Китая? Какие тенденции будут преобладать в китайско-японских отношениях? Какие сценарии их развития будут реализованы, начиная от мирного сосуществования и заканчивая конфронтацией и военным конфликтом? От ответов на эти вопросы зависят будущие позиции в регионе не только самих Японии и Китая [11, с.837], но и стабильность в Восточной Азии и будущие процессы региональной интеграции. По мнению

японского профессора Ёсихидэ Соэя, усиление Китая представляет собой главный фактор, который будет влиять на изменение мирового порядка в будущем. Поэтому долгосрочной задачей для Японии и других стран Восточной Азии, которые будут вынуждены сосуществовать с КНР, является политика вовлечения Китая в многосторонние институты, направленная на совместное построение свободного и открытого мирового порядка [4].

Стратегия Японии по отношению к Китаю: вовлечение или балансирование?

Стратегия Японии по отношению к КНР после Второй мировой войны до 2010–2011 гг. может быть охарактеризована как преобладание вовлечения с элементами сдерживания [11, с.837–838], результатом которой стала политика, в целом содействующая усилению позиций Китая, выражающаяся в уважении коренных национальных интересов КНР и способствующая успешной реализации ее внешнеполитической стратегии – восстановлению статуса великой державы, который Китай утратил в ходе опиумных войн середины XIX в. [12, с.218]. Послевоенная политика Японии по отношению к Китаю базировалась на предпосылке, что КНР является слишком важным долгосрочным партнером в экономике, политике и даже области безопасности, чтобы его можно было игнорировать. Как следствие, во внешней политике Японии возобладал прагматический настрой, нашедший свое выражение в политике вовлечения (engagement). «Красный или белый, Китай остается нашим ближайшим соседом. Я верю, что география и экономические законы в итоге преодолеют идеологические различия и искусственные торговые барьеры» – эта фраза премьер-министра Японии С. Ёсида в 1951 г. определила отношение к КНР на долгие годы вперед [11, с.839].

Данный курс начиная с 1978 г. выражался в содействии политике реформ и открытости в КНР, включая:

- активный рост торгово-экономического сотрудничества, японских инвестиций и помощь по линии Официальной помощи развития;

- содействие мирному вхождению Китая в международные отношения и региональные структуры Восточной Азии;

- уважительное отношение к территориальной целостности Китая (за исключением неоднозначной позиции Японии по вопросу Тайваня), его национальному суверенитету и легитимности режима КПК [11, с.837; 12, с.220–242].

Начиная с политики реформ и открытости 1978 г., Китай позиционирует себя как мирно развивающаяся страна, которая не ставит целью достижение гегемонии в регионе. В то же время КНР активно модернизирует свои вооруженные силы, делая акцент на их исключительно оборонном характере, а военный бюджет увеличивает на более чем 10% в год, а в 2000-х гг. его рост составил около 14,2% [19, с.240]. С 1989 по 2012 г. расходы КНР на оборону возросли на 750% – с 18 млрд долл. до 157 млрд долл., согласно расчетам

SIPRI [14]. В связи с этим у Японии и США возникают опасения по поводу реальных мотивов, стоящих за укреплением оборонного потенциала КНР [19, с.240]. Хотя концепция «китайской угрозы» стала обсуждаться в экспертных кругах и в СМИ начиная с 1990-х гг., официальные оценки в течение длительного времени были значительно мягче и явно избегали употребления самого термина «угроза». В официальных документах Японии середины первого десятилетия XXI в. присутствовало упоминание о наращивании расходов на оборону и модернизации НОАК как вопросов, требующих пристального внимания, а также необходимости повышения прозрачности военного бюджета, что, по мнению специалистов, означает восприятие Китая как потенциальной угрозы [3, с.112–117]. При этом необходимо отметить, что Китай в течение длительного времени не воспринимался как реальная военная угроза по отношению к Японии, так же, как, например, всегда воспринималась КНДР [9, с.297–314].

В 2000-х гг. произошла переоценка и активизация внешней политики Японии, целью которой стало приведение политического веса и военной мощи в соответствие с экономическим влиянием страны, для того чтобы увеличить роль Японии в регионе и мире [16, с.2]. Усиление Китая стало главной причиной, породившей данные изменения и дискуссию о том, может ли Япония стать «нормальной державой», и если да, то каким образом [13, с.153]. Это отразилось:

- в дебатах по поводу изменения или отмены 9-й статьи конституции Японии, в соответствии с которой она отказывается от войны как суверенного права нации, от угрозы или применения силы как средства разрешения международных споров;

- в создании министерства обороны вместо управления национальной обороны в 2007 г.; всесторонней модернизации сил самообороны;

- в укреплении японского участия в японо-американском военно-политическом альянсе, связанного с принятием таких документов, как «Совместная декларация по безопасности 1996 г.», «Руководящие принципы безопасности 1997 г.», «Общие стратегические цели 2005 г.»;

- в развертывании начиная с 2003 г. совместно с США системы ПРО ТВД; отправке Японией войск за рубеж в Индийский океан и Ирак [9, с.297–298].

В целом стоит отметить, что, хотя Китай и Япония не позиционировали друг друга как непосредственную угрозу своей безопасности, модернизация и усиление военных потенциалов двух стран явно шли с оглядкой друг на друга, а в двусторонних отношениях существовала обеспокоенность относительно намерений другой стороны [5, с.28–29].

Многие исследователи (например, Р. Сэмюэлс, К. Пайл, Дж. Миршаймер, К. Хьюз, М. Грин, Р. Росс и др.) считают, что в 2000-х гг. в японской политике произошел сдвиг в сторону балансирования, в соответствии с идеями реализма, неиз-

менно сопровождающего появление и усиление великих держав. Ибо в таком случае в рамках концепции баланса сил страны имеют тенденцию предпринимать ответные шаги, чтобы не допустить чрезмерного усиления региональной державы. В соответствии с определением представителя школы неоклассического реализма Р. Швеллера, балансирование (balancing) понимается как противодействие более сильной или угрожающей стороне в ходе конфликта, внутренняя составляющая которого направлена на мобилизацию национальных ресурсов, а внешняя – на использование альянсов с третьими странами.

Сдерживание (containment) определяется как стратегия, направленная на сохранение баланса сил для того, чтобы воспрепятствовать возвышению региональной державы [12, с.221]. В случае Японии многие исследователи полагают, что внутреннее балансирование заключалось в ее превращении в «нормальную страну», а внешнее – в усилении военно-политического союза с США. Например, декан Института современных международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтунь оценивал ухудшение китайско-японских отношений в 2001–2006 гг. как результат ужесточения внешней политики Японии по отношению к Китаю, ставшего ответом на вызов, которым для Японии предстает усиление Китая [12, с.216–217]. Решение Японии о создании системы ПРО ТВД совместно с США объяснялось многими китайскими аналитиками как ее участие в совместной с американской стороной политике сдерживания по отношению к КНР [3, с.117–118].

Альтернативные точки зрения представлены американским профессором Дэвидом Кэнгом и шведскими исследователями Бьорном Джерде-ном и Линусом Хагстромом. По оценке Д. Кэнга, уникальность усиления роли Китая в Восточной Азии в 2000-х гг. состоит в том, что оно носило мирный характер и не вызывало потребности в сдерживании или балансировании со стороны региональных держав. Причины этой тенденции заключаются в прагматических интересах стран региона: в усилении экономического сотрудничества с КНР и получении выгод от роста китайской экономики. При этом именно Япония всегда наиболее настороженно относилась к усилению Китая среди всех стран Восточно-Азиатского региона. Но она не была вовлечена в военное сдерживание Китая, что позволяет говорить о стратегии «перестраховывания» (hedging), предполагающей курс на развитие сотрудничества, но с наличием достаточно серьезных опасений, которые и заставляют страну «перестраховываться» от потенциальной угрозы с помощью военных альянсов.

Хотя в российских исследованиях данная стратегия зачастую переводится как стратегия «отгораживания», представляется, что термин «перестраховывание» более четко отражает смысл данной стратегии, так как она позволяет стране «размазывать» риски взаимодействия с внушающим опасения партнером с помощью коалиций с другими странами [13, с.50–54]. По

■ Международные отношения

мнению шведских ученых, отношение Японии к «мирному развитию» КНР на фоне ее военной модернизации не было однозначным. Однако не существует оснований полагать, что Япония была вовлечена в политику сдерживания или балансирования Китая, так как в данном случае она бы увеличивала расходы на оборону [12, с.236]. Этот аргумент подтверждает незначительное увеличение расходов на оборону с 1988 до 2012 гг. с 46 млрд долл. до 59 млрд долл. [14].

2010-е гг.: от вовлечения к балансированию и сдерживанию

В начале 2010-х гг. японская стратегия по отношению к Китаю начинает трансформироваться, демонстрируя превалирование балансирования и сдерживания. Как показал американский профессор Р. Сэмьюэлс, внешнеполитическая стратегия Японии, как и у любого другого государства, является продуктом внутренних дебатов, результатом которых стал консенсус относительно такой стратегии, которая не является слишком жесткой или слишком мягкой, слишком азиатской или прозападной [18, с.9]. По его оценке, в Японии существует четыре видения стратегии по отношению к КНР и США:

1) автономная стратегия, предполагающая развитие собственного военного и технологического потенциала Японии при отсутствии необходимости «перестраховываться» от влияния Китая;

2) стратегия, направленная на экономическое сотрудничество с усиливающимся Китаем и фокус на развитие Восточно-Азиатского регионализма в ущерб отношениям с США;

3) военное балансирование против Китая с помощью укрепления военно-политического альянса с США;

4) «двойное перестраховывание» означает, что в экономике Япония защищается от НАФТА и ЕС с помощью экономических отношений с Китаем, а в сфере политики и безопасности – от Китая с помощью союзнических отношений с США.

Во время холодной войны наиболее сильными были позиции сторонников «двойного перестраховывания», а в 2000-х гг. возобладали лидеры, поддерживающие «военное балансирование» против Китая. Пришедшая к власти в Японии в 2009 г. Демократическая партия сначала приняла стратегию, направленную на экономическое сотрудничество с Китаем, «перестраховываясь» от влияния США, но к концу ее недолгого правления произошел «откат» обратно. После возвращения к власти в результате победы на выборах в декабре 2012 г. Либерально-демократической партии кабинет премьер-министра Синдзо Абэ больше склоняется к стратегии «военного балансирования». К проведению прагматической политики его подталкивают сторонники стратегии «двойного перестраховывания» и стратегии экономического сотрудничества с Китаем [17].

Эта трансформация произошла под влиянием обострения в 2010 и 2012 гг. конфликта вокруг спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточ-

но-Китайском море, в который вовлечены контролирующая эти территории Япония, а также КНР и Тайвань, оспаривающие японский суверенитет над островами. Произошли следующие изменения стратегии Японии по отношению к КНР:

– во-первых, действия Китая в Восточно-Китайском море все чаще начинают восприниматься в Японии как угроза безопасности. Это приводит к возникновению дилеммы безопасности в отношениях Китая и Японии, при которой действия одной стороны воспринимаются как угроза позициям другой [5, с.24]. Хотя на официальном уровне термин «угроза со стороны Китая» не используется, дискурс в сфере безопасности демонстрирует более жесткие формулировки. В 2010 г. были опубликованы «Основные направления программы национальной обороны», в которых наряду с КНДР в качестве стран, чьи действия вызывают нестабильность в области безопасности в Восточной Азии, был отмечен и Китай. Военная модернизация КНР, увеличивающая возможность проецировать мощь страны на значительном расстоянии, а также усиление китайского присутствия в окружающих водах были названы «предметом озабоченности для мирового сообщества и в регионе» [15].

В «Белой книге Японии по обороне 2012 г.» помимо озабоченности недостаточной прозрачностью процесса военной модернизации КНР и заявления о том, что это «может привести к отсутствию доверия и понимания со стороны других стран», отмечается возросшая китайская активность в водах вблизи Японии, что «вызывает озабоченность в регионе и международном сообществе» [7]. В «Белую книгу Японии по обороне 2013 г.», опубликованную в июле 2013 г., были включены прямые указания на то, что:

а) китайские корабли и самолеты совершали вторжения в японское территориальное пространство и «совершали опасные действия, которые могли привести к чрезвычайным ситуациям»; упоминается случай с наведением китайскими кораблями боевого радара на японский корабль и вертолет в январе 2013 г.;

б) одной из целей действий КНР является снижение эффективного японского контроля над островами, на которые она претендует, а также усиление ее позиций путем разведки и использования силы в районах около спорных островов;

в) Китай должен по вопросу об островах принять международные нормы и действовать в соответствии с ними [8];

– во-вторых, Япония начинает проводить политику балансирования в отношении Китая. Внутреннее измерение этой политики выражается в наращивании военного потенциала на китайском направлении. В «Основных направлениях программы национальной обороны» было принято решение пересмотреть военную стратегию Японии и перейти от «базовых сил самообороны», призванных защищать свою территорию, к новым «динамичным силам самообороны», способным выполнять больший спектр задач в окружающих

Японию районах. Кроме того, «Среднесрочная программа развития обороны на 2011–2015 гг.» предполагает передислокацию сил самообороны Японии для защиты юго-западной части страны, расположенной наиболее близко к Восточно-Китайскому морю [15].

Кабинет С. Абэ временно приостановил исполнение «Основных направлений программы национальной обороны» и «Среднесрочной программы развития обороны на 2011–2015 гг.» для анализа их целесообразности и принял решение увеличить военный бюджет на 2013 г. на 40 млрд иен (около 40,9 млн долл.) до общего объема 4734 трлн иен (около 48,13 млрд долл.). Главной причиной увеличения военного бюджета наряду с северокаорейской угрозой называется необходимость укреплять оборону в связи с возросшей китайской активностью в Восточно-Китайском море [8]. В промежуточном докладе по пересмотру «Основных направлений программы национальной обороны», выпущенном 26 июля 2013 г., содержится упоминание об увеличении активности Китая в Восточно-Китайском море. А в качестве приоритетов дальнейшего укрепления военного потенциала Японии названо усиление разведывательных возможностей, увеличение мобильности войск и отработка проведения десантных операций для отражения атаки на «отдаленных островах» [15].

Внешнее балансирование Япония пытается проводить с помощью усиления взаимодействия в рамках военно-политического альянса с США, заручившись поддержкой своего союзника в территориальном споре с КНР. Именно военно-политический альянс с США рассматривается как основное средство противодействия угрозам безопасности Японии, таким, как реализация ракетно-ядерной программы КНДР, форсированное строительство и модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК), активизация деятельности китайских ВМС в прилегающей к Японии акватории [2, с.30]. В 2011 г. состоялись беспрецедентные по своему масштабу японо-американские военные учения «Томодати» («Друзья»).

В июне 2013 г. на небольшом острове у калифорнийского побережья США прошли американско-японские военно-морские учения «Нападение на рассвете» (Dawn Blitz), во время которых американские и японские войска отбивали атаку противника, явно эмулируя ситуацию в случае нападения китайских войск на острова Сэнкаку/Дяоюйдао. В июле 2013 г. в Японии было принято решение о создании Совета национальной безопасности по примеру США с целью укрепить совместный союз. Но если взаимодействие союзников в рамках японо-американского альянса восстановилось после провала переговоров о переносе американской базы Футенма и даже усилилось, принимая во внимание договоренность об обмене разведывательной информацией, то с получением поддержки США в конфликте вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао все не так однозначно.

Двойственность позиции США в этом вопросе заключается в том, что, с одной стороны, американские представители неоднократно подчеркивали обязательства защищать территории, находящиеся под административным контролем Японии, в соответствии с V статьей Договора безопасности, но, с другой стороны, они заняли нейтральную позицию по поводу суверенитета над спорными островами. Военное противостояние США и Китая не отвечает интересам американской стороны, и политика Японии, направленная на усиление конфронтации с КНР, способна нанести ущерб их позициям в регионе. Поэтому в Японии существуют опасения, что ради стабильных отношений с Китаем США могут пренебречь интересами Японии и неясно, будут ли они ее поддерживать в случае реального военного конфликта вокруг спорных островов [1];

– в третьих, многие исследователи отмечают, что политика Японии в Восточной Азии становится все больше направленной на сдерживание Китая. Премьер-министр Японии С. Абэ выдвинул идею создания «бриллианта безопасности» (security diamond) в составе Австралии, Индии, Японии и США – демократических стран, уважающих верховенство закона и права человека, «для защиты морского пространства от Индийского до западного побережья Тихого океана», особенно выделяя приверженность Японии «универсальным ценностям» [10, с.13]. Акцентируя внимание на увеличении китайской активности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях как угрозы региональной безопасности, Япония ищет поддержку у стран Юго-Восточной Азии. По мнению многих экспертов, она пытается создать собственную «антикитайскую сеть» вместе со странами, имеющими конфликты в отношениях с Китаем или опасаящихся его усиления.

На это были направлены визиты С. Абэ во Вьетнам, Таиланд и Индонезию в январе и в Малайзию, Сингапур и Филиппины в июле 2013 г., а также визиты высокопоставленных представителей сил самообороны в девять стран Азии, в том числе во Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индию, Пакистан и Австралию [1]. В то же время эта политика может указывать не на сдерживание, а на стратегию «перестраховывания» с помощью партнерств со странами региона, основанных на общем понимании ценностей, что особенно заметно на примере концепции «бриллианта безопасности». С. Абэ пытался реализовать похожую стратегию во время своего предыдущего срока в качестве премьер-министра Японии в 2006–2007 гг. с помощью концепции «Дуга свободы и процветания», выдвинутой министром иностранных дел Таро Асо [10, с.12–14].

Заключение

В настоящее время стратегия Японии по отношению к Китаю претерпевает трансформацию от преобладания вовлечения к преобладанию

■ Международные отношения

балансирования. Если до начала 2010-х гг. политика Японии в целом способствовала усилению Китая, то под влиянием все более частой идентификации действий Китая в Восточно-Китайском море как угрозы безопасности Япония начинает проводить политику сдерживания по отношению к Китаю, стремясь ограничить его влияние в Восточной Азии. Наилучший прием это стремление Японии получает в Филиппинах и Вьетнаме, – странах, которые имеют территориальный спор с Китаем в Южно-Китайском море. Реакция других стран Юго-Восточной Азии и Индии, вопреки ожиданиям Японии, оказалась гораздо более сдержанная [1].

Для кабинета премьер-министра Японии С. Абэ исключительно важной задачей является выведение Японии из затяжной экономической рецессии. В этой связи Китай рассматривается прежде всего как ключевой экономический партнер, без которого невозможно процветание Японии [10, с.14]. В будущем велика вероятность трансформации стратегии «военного балансирования» в стратегию «двойного перестраховывания», которая позволяет получать плоды от экономического сотрудничества с Китаем без явного позиционирования его как угрозы безопасности и ухудшения двусторонних отношений.

Список литературы

1. Кистанов В.О. Антикитайская сеть Японии // Независимая газета. 10.07.2013 http://www.ng.ru/ideas/2013-07-10/5_anti_china.html (дата обращения: 13.08.2013).
2. Семин А.В. Зигзаги японо-американского альянса // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6
3. Семин А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века) / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2008.
4. Соэя Ё. Синсэйкэнно кадай (3). Тюгокуно тайтото хигасиадзия гайко (Задачи нового кабинета (3). Возвышение Китая и Восточноазиатская дипломатия) // NHK. 23.01.2013. – Режим доступа: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/400/144918.html> (дата обращения: 20.08.2013).
5. Bush R.C. The Perils of Proximity: China-Japan Security Relations. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2010.
6. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Defense of Japan (Annual White Paper) 2012. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2012.html (дата обращения: 10.08.2013).
8. Defense of Japan (Annual White Paper) 2013. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2013.html (дата обращения: 10.08.2013).
9. Hanstrom L., Turesson C. Among threats and a “perfect excuse”: understanding change in Japanese foreign security policy // The Korean Journal of Defense Analysis. September 2009. Vol. 21. No. 3.
10. Hemmings J., Kuroki M. Shinzo Abe: Foreign Policy 2.0 // Harvard Asia Quarterly. 2013. Vol. 15. No. 1.
11. Hughes W.C. Japan's Response to China's rise: regional engagement, global containment, dangers of collision // International Affairs. 2009. Vol. 85. No. 4.
12. Jerden B., Hangstrom L. Rethinking Japan's China Policy: Japan as an Accommodator in the Rise of China, 1978-2011 // Journal of East Asian Studies. 2012. No. 12.
13. Kang D. China rising: peace, power and order in East Asia. – New York: Columbia University Press, 2007.
14. Kang D. Paper Tiger: Why isn't the rest of Asia afraid of China? // Foreign Policy. April 25, 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/25/paper_tiger_china_military_buildup (дата обращения: 14.07.2013).
15. National Defense Program Guidelines. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/national.html (дата обращения: 10.08.2013).
16. Pyle K.B. Japan Rising: The Resurgence of Japan Power and Purpose. – New York: Public Affairs, 2007.
17. Samuels R. Evolution of Japan's Grand Strategy // East Asia Forum. 04.06.2013. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/04/evolution-of-japans-grand-strategy/> (дата обращения: 20.08.2013).
18. Samuels R.J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.
19. Smith J.P. China-Japan Relations and the Future Geopolitics of East Asia // Asian Affairs. 2009. Vol. 35. Issue 4.

Об авторе

Киреева Анна Андреевна – преподаватель кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru
Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 12-03-00538а.

JAPANS' CHINA STRATEGY

A.A. Kireeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the transformation of Japan's strategy vis-a-vis China. China and Japan are the most powerful states in East Asia in economic, political and military dimensions. They constitute two poles which shape the regional subsystem of international relations. China's rise presents a considerable challenge for Japan's foreign policy alongside with immense opportunity for the state's development, with Japan's and China's positions, as well stability in East Asia resting upon Japan's strategy towards China. Japan's China strategy in the aftermath of World War II prior to 2010-2011 can be characterized as engagement with elements of containment. Japan has to a significant degree accommodated China's rise by facilitating the successful implementation of its grand strategy, seen as the restoration of a great power status that China lost in the 19th century opium wars. The beginning of the 21st century saw a reassessment of Japan's foreign policy and adopting a proactive stance. There is a divergence of opinion as to Japan's strategy towards China in 2000s: while a number of scholars believe that there was a shift to balancing, others conclude that no such trend existed and "hedging" would be a more accurate definition, as it enables a state to protect from risks with regional coalitions. The early 2010s have seen Japan's China strategy increasingly transforming into balancing and containment influenced by Japan's growing perception of China's maritime activities in the East China Sea as a threat to its security. However, there is growing possibility of adopting a "dual hedging" strategy, as China is first of all regarded as the key economic partner for Japan's successful development.*

Key words: China-Japan relations, Japan's China strategy, China's rise, Japan's foreign policy, East Asia.

References

1. Kistanov V.O. Antikitaiskaia set' Iaponii [Japan's anti-Chinese coalition]. Nezavisimaia gazeta. 10.07.2013. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2013-07-10/5_anti_china.html (accessed 13 August 2013)
2. Semin A.V. Zigzagi iaponno-amerikanskogo al'iansa [Fluctuations of Japan-American alliance]. Aziia i Afrika segodnia – Asia and Africa Today, 2011, № 6
3. Semin A.V. Iaponno-kitaiskie otnosheniia: sostoianie, problemy i tendentsii (konets XX - nachalo XXI veka) [Japan-China Relations: Current state, Problems and Trends (late 20th – early 21st century)] / In-t Dal'nego Vostoka RAN. - Moscow, 2008.
4. Soeya Y. Shinseikennokadai (3). Chyugokuno taitoto higashiajia gaiko (New cabinet's objectives (3). China's rise and East Asian diplomacy). NHK. 23.01.2013. Available at: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/400/144918.html> (accessed 20 August)

5. Bush R.C. The Perils of Proximity: China-Japan Security Relations. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2010.
6. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Defense of Japan (Annual White Paper) 2012. Available at: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2012.html (accessed 10 August)
8. Defense of Japan (Annual White Paper) 2013. Available at: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2013.html (accessed 10 August 2013)
9. Hanstrom L., Turesson C. Among threats and a “perfect excuse”: understanding change in Japanese foreign security policy // The Korean Journal of Defense Analysis, September 2009, Vol. 21, No. 3.
10. Hemmings J., Kuroki M. Shinzo Abe: Foreign Policy 2.0 // Harvard Asia Quarterly, 2013, Vol. 15, No. 1.
11. Hughes W.C. Japan's Response to China's rise: regional engagement, global containment, dangers of collision // International Affairs, 2009, Vol. 85, No. 4.
12. Jerden B., Hangstrom L. Rethinking Japan's China Policy: Japan as an Accommodator in the Rise of China, 1978-2011 // Journal of East Asian Studies, 2012, No. 12.
13. Kang D. China rising: peace, power and order in East Asia. – New York: Columbia University Press, 2007.
14. Kang D. Paper Tiger: Why isn't the rest of Asia afraid of China? // Foreign Policy. April 25, 2013. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/25/paper_tiger_china_military_buildup (accessed 14 August 2013)
15. National Defense Program Guidelines. Available at: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/national.html (accessed 10 August 2013)
16. Pyle K.B. Japan Rising: The Resurgence of Japan Power and Purpose. – New York: Public Affairs, 2007
17. Samuels R. Evolution of Japan's Grand Strategy. East Asia Forum. 04.06.2013. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/06/04/evolution-of-japans-grand-strategy/> (accessed 20 August 2013)
18. Samuels R.J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.
19. Smith J.P. China-Japan Relations and the Future Geopolitics of East Asia // Asian Affairs, 2009, Vol. 35, Issue 4.

About the author

Kireeva A. Andreevna – Lecturer at Department of Asian and African Studies, MGIMO-University.
Email: a.kireeva@my.mgimo.ru

ИНТЕРЕСЫ ЕС В РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКИХ МОРСКИХ МАРШРУТОВ

Н.И. Воробьев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются особенности политики Европейского союза в отношении развития арктических морских маршрутов, прежде всего Северного морского пути, а также Северо-Западного прохода. Ключевое внимание уделяется стратегическим интересам ЕС к увеличению интенсивности использования данных морских трасс с учетом значимой роли морских перевозок в экономике Европейского союза. Обосновываются существенные преимущества от использования имеющихся технологических, финансовых, кадровых ресурсов ЕС для целей развития арктических маршрутов. Отмечается роль ЕС в текущем формировании базовых правил мореплавания в арктических водах, включая попытки повлиять на правовой и административный режим прибрежных государств с целью обеспечения наиболее благоприятных условий для прохода судов, обеспечивающих связь государств-членов ЕС с третьими странами, а также активное участие в формировании высоких стандартов защиты окружающей среды и безопасности судоходства. Также подчеркивается важность развития морского транспорта в Арктике с точки зрения доставки добываемых углеводородных ресурсов региона, что представляет значительный интерес для ЕС. Приводятся примеры реализации проектов ЕС, направленных на соединение транспортной системы союза с северо-западом России и в перспективе с Северным морским путем. В результате отмечается существенная заинтересованность ЕС в развитии потенциала арктических морских маршрутов и использовании международного сотрудничества в качестве ключевого инструмента в этом направлении. В этой связи сотрудничество ЕС с прибрежными арктическими государствами, включая Россию, может быть взаимовыгодно для обеих сторон, учитывая новые возможности, которые открывает использование морских путей в Арктике, а также опыт и ресурсы ЕС, способные существенным образом повлиять на реализацию данных возможностей.

Ключевые слова: Арктика, Европейский союз, морской транспорт, Северный морской путь, Северо-Западный проход, международное сотрудничество, инфраструктура.

Арктический регион, интерес к которому сегодня проявляет не только восьмерка арктических держав – Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия и Исландия, – но и значительное число иных международных акторов. Регион рассматривается ими как источник получения существенных конкурентных преимуществ самого различного рода, однако зачастую связанных между собой: от наращивания геополитического влияния до получения доступа к обширным запасам природных ресурсов.

Наблюдаемое в последние годы стремительное сокращение площади ледового покрова в Арктике в летние месяцы способствует также расширению обсуждений перспектив полного освобождения региона ото льдов и бурного развития судоходства в арктических водах, которое позволит сократить расстояние, время и соответственно издержки по сравнению с традиционными морскими маршрутами. Это даст значительные преимущества как прибрежным государствам, через воды которых проходят трассы, так и странам-отправителям и странам-получателям грузов, перевозимых в северных широтах. Безотносительно обоснованности тех или иных подходов и прогнозов очевидно, что данный вопрос актуален и для крупнейшей экономики мира, Европейского союза (ЕС), 90% грузооборота которого с третьими странами осуществляется морским транспортом [6]. В контексте арктических морских трасс наиболее значимым для ЕС может стать полноценное развитие Северного морского пути (СМП), проходящего вдоль береговой линии России и являющегося ключевым звеном альтернативного маршрута из Европы в Азию.

СМП – «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике» [9] – главная судоходная магистраль РФ в регионе, проходящая по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) и частично Тихого океана (Берингово) и простирающаяся на расстояние около 5600 км (от Карских Ворот до бухты Провидения). Учитывая роль СМП по соединению европейских и дальневосточных портов России, трассу нередко проводят от Владивостока или Петропавловска-Камчатского до Санкт-Петербурга или Мурманска.

Потенциальный интерес для ЕС представляет также Северо-Западный проход (СЗП) – морской путь между Атлантическим и Тихим океанами. Это второй крупнейший арктический маршрут, проходящий через моря и проливы Канадского арктического архипелага. Расстояние по СЗП в рамках определенных маршрутов из ЕС в страны Восточной Азии сопоставимо с расстоянием по СМП (например, Роттердам–Шанхай) или даже короче его (Марсель–Йокогама). Рассмотрение ключевых особенностей политики ЕС в отношении развития арктических морских маршрутов поможет выявить основные предпосылки сотрудничества Союза с прибрежными арктическими

государствами, и прежде всего Россией, с которой ЕС объединяет не только географическая близость, но и глубокая экономическая взаимозависимость, в том числе в части торговли, во многом определяющей перспективность морских перевозок.

Учитывая высокую степень неопределенности дальнейшего направления и интенсивности развития не только СЗП, но и СМП, последовательная реализация политики ЕС в Арктике в целом и в сфере арктического мореплавания в частности может стать существенным фактором будущего освоения и использования данных маршрутов.

Стратегия ЕС в отношении морских маршрутов в Арктике

Ключевыми стратегическими документами Европейского союза, затрагивающими вопросы использования арктических морских маршрутов, являются обновленная Арктическая стратегия ЕС от 2012 г. [4], а также Стратегия ЕС в области развития морского транспорта до 2018 г. [1]. Эти два документа дополняют друг друга, обозначая концептуальную позицию Европейского союза в отношении развития мореплавания в арктических водах. Морская стратегия ЕС подчеркивает роль морского транспорта в глобальном развитии международной торговли – по всему миру 80% товаров доставляется морем. При этом важно отметить, что ЕС сегодня является крупнейшим как экспортером, так и импортером мира, обеспечивающим порядка 20% всего товарооборота.

Кроме того, через европейские порты ежегодно проходит более 400 миллионов пассажиров, а морские перевозки между странами-членами обеспечивают порядка 40% внутрирегионального грузооборота. 90% поставок нефти в ЕС осуществляется морем. Таким образом, морской транспорт в целом имеет ключевое значение как для экономики ЕС, поддерживаемой внешней торговлей, так и для качества жизни европейских граждан, зависящих от своевременных морских поставок. Этим объясняется 40-процентная доля ЕС в мировом морском флоте (исходя из тоннажа) и развитость данного сектора экономики в целом.

В этой связи принципиальны также акценты ЕС в контексте дальнейшего развития европейского морского транспорта и поддержания его конкурентоспособности, что особенно было важно во время подготовки рекомендаций Европейской комиссии в 2008 г., в разгар мирового кризиса, хотя не теряет актуальности и сегодня, в период продолжающегося экономического спада. Комиссия подчеркивает первостепенность поддержания высокого качества морских перевозок, развития кадрового потенциала, обеспечения безопасности мореплавания, применения высоких экологических стандартов, развития морских сообщений между странами-членами, активного участия ЕС на мировой арене, а также внедрения передовых технологий и развития инноваций. Наращивание диалога с зарубежными партнерами ЕС проходит «красной нитью» через текст стратегии. Данная

мера, по мнению комиссии, позволит внедрить наиболее продвинутый опыт ЕС в различных компонентах развития морского транспорта в практику других стран, повысив привлекательность европейских технологий и в конечном итоге конкурентоспособность транспортных компаний региона.

Что касается использования потенциала и ресурса ЕС применительно к арктическим маршрутам, то на данный момент этот процесс ограничен, прежде всего, вследствие низкой интенсивности использования как СМП, так и СЗП. Однако если рассмотреть перечень основных проблем, препятствующих активному развитию обоих путей (сложные природно-климатические условия, предъявляющие повышенные требования к оснащению судов и используемому оборудованию; уязвимая окружающая среда, для защиты которой требуется использование высоких «зеленых» стандартов; неразвитость инфраструктуры и несоответствие современным техническим требованиям существующих объектов), то становится понятным, что в перспективе преодоление указанных трудностей и повышение роли данных маршрутов будет выгодно для ЕС как раз с точки зрения реализации технологического и кадрового потенциала стран-членов ЕС.

Примером этому может служить опыт Финляндии, верфи которой уже выполняют российские заказы на строительство арктических кораблей. Более того, крупнейшая российская судостроительная компания – ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» – владеет 50% финского предприятия, специализирующегося на производстве сложной морской техники для работы в ледовых условиях, и рассматривает вариант полного выкупа верфи. Россия в данном случае выигрывает как конечный пользователь столь необходимых для СМП судов ледового класса, а Финляндия – как производитель высокотехнологичной продукции, выпуск которой обеспечивает сохранение рабочих мест и приток инвестиций.

В ожидании реального роста грузопотока по арктическим морским маршрутам и сопутствующих выгод ЕС уже сегодня участвует в формировании «правил игры» судоходства в Арктике. В Стратегии ЕС в области развития морского транспорта поднимается вопрос обсуждения в рамках Международной морской организации (International Maritime Organization – ИМО) общих международных требований к плаванию в экстремальных условиях, имея в виду прежде всего наличие льдов, угрожающих безопасности навигации. Сегодня такая работа в рамках ИМО уже осуществляется – идет разработка обязательного Международного кодекса безопасности для судов, осуществляющих плавание в полярных водах, и ЕС принимает в ней самое активное участие.

Завершение работы намечено на 2015–2016 гг. Важно отметить, что данное направление сотрудничества весьма перспективно, поскольку все без исключения пять прибрежных арктических государств заинтересованы в обеспечении наиболь-

шей безопасности в зоне своей ответственности. При этом ни права этих государств на соответствующие морские пространства, ни возможности устанавливать дополнительные требования разрабатываемым Международным кодексом не ограничиваются [7]. Возможным минусом данного документа для развития арктических морских маршрутов может стать еще большее удорожание перевозок по трассам вследствие увеличения издержек на соблюдение устанавливаемых требований, однако существенное снижение риска аварий и экологических катастроф – необходимое условие регулярного использования арктических вод для прохода судов.

Вопросам защиты и сохранения морского бассейна Арктики, а также обеспечения устойчивого использования вод региона для целей коммерческого мореплавания уделяется значительное внимание арктической стратегии ЕС, разработанной в 2008 г. и обновленной с учетом достигнутых результатов и изменившихся условий в 2012 г. Основная цель ЕС в Арктике – обеспечение более активного участия (engagement) Европейского союза в развитии региона. Оно основывается на двух ключевых понятиях: «знание» (knowledge: использование европейских технологических ноу-хау, систем космического мониторинга, спонсирование исследований по вопросам изменения климата и экологическим проблемам) и «ответственность» (responsibility: ответственность за влияние арктических вызовов на будущие европейские поколения – реализация региональных программ и поддержка безопасного и устойчивого управления ресурсами Арктики) [5]. Последнее естественным образом связано с высокой степенью зависимости ЕС от углеводородов и тем значительным ресурсным потенциалом – около 13% всех разведанных запасов нефти и 30% газа [2], – которым обладает Арктика. Использованию данного потенциала будет также способствовать развитие морского транспорта: более 80% углеводородных запасов Арктики располагается на шельфе, что требует не только развития технологий добычи в особых условиях, но и средств доставки добытого сырья, создания специализированного флота, обеспечения необходимой портовой инфраструктуры и т.д.

В части непосредственно развития морского транспорта в Арктике в стратегии отмечается значительный опыт ЕС в мореплавании, кораблестроении, спутниковой навигации, поиске и спасении, а также в развитии инфраструктуры. ЕС готов к содействию развитию навигации по морским маршрутам, включая СМП. Как и в стратегии морского транспорта, в арктической стратегии ЕС значительное внимание уделяется вопросам защиты окружающей среды, в том числе в контексте развития судоходства, которое должно быть устойчивым и безопасным с экологической точки зрения. ЕС подтверждает приверженность стран-членов Союза к разработке обязательного «Полярного кодекса» в рамках ИМО, который установит особые требования для судов, проходящих через арктические воды. Что касается

■ Международные отношения

европейских технологий и инноваций, то особое внимание уделено системе спутниковой навигации Galileo – аналогу системам GPS и ГЛОНАСС, – которая планируется к запуску в 2014 г. Отмечено, что данная система призвана внести вклад ЕС в обеспечение безопасности мореплавания и облегчению поисково-спасательных операций.

Особое внимание уделяется Еврокомиссией правовым вопросам арктических маршрутов, поскольку они имеют принципиальное значение для получения доступа к проходу через СМП и СЗП. ЕС подчеркивает приверженность положениям международного права, определенным в Конвенции ООН по морскому праву, включая прежде всего принцип свободы судоходства и право мирного прохода. Согласно Конвенции ООН по морскому праву, не нарушающее «мир, добрый порядок и безопасность прибрежного государства» плавание иностранного судна через территориальное море с целью: а) пересечь это море; или б) пройти во внутренние воды прибрежного государства, или выйти из них, или стать на рейде или у портового сооружения за пределами внутренних вод.

Для изучения особенностей правовых режимов мореплавания прибрежных арктических государств был подготовлен доклад «Правовые аспекты арктического судоходства», в котором обозначены ключевые проблемы таких режимов. Основной из них является определение статуса вод, по которым проходят арктические морские маршруты.

В частности, Европейская комиссия отмечает избыточность требований, выдвигаемых Канадой к проходу через СЗП и основанных на классификации вод вокруг Канадского арктического архипелага – группы островов у северного побережья Северной Америки, принадлежащих Канаде. В связи с отнесением Канадой данных вод к внутренним она обосновывает правомочность жесткой регламентации прохода через СЗП, включая передачу обязательной информации и прохождение определенных таможенных процедур. Внутренние морские воды, являющиеся интегральной частью суверенной территории государства, априори предполагают более жесткие требования к их использованию и разрешительный порядок прохождения. Однако категорически против такой трактовки выступают не только ЕС, но и США, естественным образом желающие получить полноценный и беспрепятственный доступ к СЗП.

В отношении СМП в приложении к арктической стратегии прямые претензии юридического характера не содержатся. Это во многом связано с тем, что де-факто маршрут СМП проходит по водам с различным юридическим статусом (внутренние воды, территориальное море, исключительная экономическая зона). Данный момент отмечается и в правовом анализе ЕС, где в качестве спорных вопросов указывается юридический статус лишь нескольких морских районов СМП. Кроме того, подчеркивается не-

обходимость накопления правоприменительной практики, которая, в условиях пока еще незначительного грузопотока, не так обширна. Европейская комиссия намерена продолжить мониторинг использования как СМП, так и СЗП, включая устанавливаемые требования и практику их реализации.

В арктической стратегии ЕС отмечены усилия по созданию Трансевропейских транспортных сетей (trans-European transport network – TEN-T), которые также покрывают Европейский Крайний Север. Согласно стратегии, программа Трансевропейских транспортных сетей остается ключевым инструментом участия ЕС в развитии Арктического региона – здесь происходит определенная связка между стратегическими целями Европейского союза и их практической реализацией.

Практические меры ЕС, связанные с арктическими морскими маршрутами

Координация национальной политики в области транспорта на наднациональном уровне представляет особую значимость в деле создания единого развитого транспортного сектора в Европейском союзе. Создание такого сектора было одним из первых общих направлений деятельности ЕС, поскольку развитая транспортная сеть была необходима для усиления рыночной интеграции и развития внутреннего рынка. Вступление Швеции и Финляндии в ЕС привело к расширению северной границы Союза, включив тем самым «северную проблематику» в повестку дня ЕС. В рамках субрегиональных объединений и через программы ТАСИС и ИНТЕРРЕГ ЕС стал оказывать поддержку проектам развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера, способствуя, в частности, улучшению коммуникаций с северными и северо-западными областями России [8].

В рамках одного из таких проектов в 2002 г. была реализована концепция Северного морского коридора (СМК), призванного соединить побережье северо-запада России с портами ЕС в Северном море и ставшего тем самым логическим продолжением Северного морского пути. Изначально цель создания СМК соответствовала стремлению Европейского союза перенести с дорог на море часть транспортного движения, поскольку комиссия рассматривает морское судоходство как способ разгрузить европейские дороги и сократить выбросы углекислого газа. СМК – проект, объединяющий 9 стран и 20 регионов. С российской стороны в нем участвуют представители частного и государственного сектора из Мурманской, Архангельской областей и Ненецкого автономного округа [10].

С развитием Трансевропейских транспортных сетей, призванных создать единую транспортную систему европейского континента, и появлением концепции так называемых «морских магистралей» проект СМК получил новый импульс. Хотя таких магистралей, имеющих

все ту же цель замещения наземных перевозок морскими, изначально было четыре, и СМК не вошел в их число, впоследствии западноевропейская магистраль была расширена, включив маршрут на север Европы и северо-запад России.

Поскольку страны-участники проекта Норвегия, Великобритания и Россия – крупнейшие нефтяные и газовые производители, соответственно нефтегазовое направление является одним из приоритетов проекта СМК. Мурманская и Архангельская области, замыкающие СМК с востока, становятся ключевыми российскими зонами освоения углеводородных месторождений в Баренцевом море, которое потребует огромного количества перевозок груза и рабочей силы к месторождениям и от них. И хотя на момент запуска концепции «морских магистралей» и обсуждения транспортных маршрутов в сопредельные страны разведка нефти в Баренцевом море находилась на гораздо более низком уровне, а использование СМП в качестве перспективного маршрута не было очевидным [3], сегодня необходимость построения связи между морскими маршрутами ЕС и СМП становится очевидной. Таким образом, Северный морской коридор призван обслуживать как внутриевропейские потребности в логистике, так и служить связующим звеном между Северным морским путем и Европой.

Проект СМК направлен не только на усиление морского звена транспортной цепочки, но и на улучшение портовых операций, а также соединений с удаленными от побережья регионами [10]. Был осуществлен мониторинг рейсов по данному маршруту, результатом которого стало получение объективной информации о проблемах, возникающих при осуществлении морских перевозок между Европой и северо-западом России. В рамках исследований проводились интервью как с судоходными компаниями, так и с представителями портов вдоль Северного морского коридора. Судоходная компания Eimskip создала регулярную морскую линию от Великобритании до Мурманска, которая, не в последнюю очередь благодаря поддержке СМК, была улучшена и расширена до частоты регулярных перевозок раз в 10 дней [3].

Действие очередного проекта по развитию СМК, так называемого StratMoS (Motorways of the Seas Strategic Demonstration Project), истекло в конце 2011 г., однако установленный диалог между чиновниками и представителями бизнеса позволяет продолжать работу над повышением эффективности маршрута СМК. Одним из практических результатов проекта стало создание регулярных морских транспортных связей между северо-западом России, прежде всего Мурманском, и портами Западной Европы. Предстоящим направлением развития является создание транспортно-логистических узлов на Крайнем

Севере, в качестве которых руководитель проекта StratMoS Улаф Хауге предложил норвежский Киркенес и российские Мурманск, Архангельск и Нарьян-Мар. Данные города обладают богатым опытом работы в сфере логистических услуг и играют существенную роль в разработке шельфовых нефтегазовых месторождений, что важно для ЕС и европейских компаний. В качестве инструмента финансирования проекта рассматривается возможность привлечения созданного в 2008 г. Партнерства «Северного измерения» по транспорту и логистике (ПСИТЛ). Предлагается создание совместной рабочей группы по СМК и СМП с целью подготовки скоординированных предложений по инвестированию в развитие портов и внутриконтинентальных сообщений.

Несмотря на отсутствие морских границ ЕС в Арктике, заинтересованность Европейского союза в развитии региона и использовании его потенциала, включая морские пути, чрезвычайно велика. Основной целью политики ЕС в данном направлении является получение полноценного доступа не только к критически важным для экономики ЕС энергоресурсам Арктики, но и новым транспортным путям, способным повысить конкурентоспособность европейского экспорта.

Несмотря на текущие высокую стоимость использования СМП и СЗП и наличие ряда трудностей (природно-климатические условия, повышенные технические требования к судам, административные препятствия, вопросы правового регулирования и т.д.), руководство ЕС осознает необходимость постоянного участия в развитии арктических морских маршрутов для получения потенциальных преимуществ в будущем. При этом Европейский союз обоснованно делает ставку на те сферы, связанные с морским транспортом, в которых страны-члены ЕС обладают конкурентными преимуществами: технологии и инновации, квалифицированные кадры, высокие стандарты защиты окружающей среды, опыт в создании условий для устойчивого развития. Политика ЕС в этом направлении является системной и позволяет постепенно реализовывать свои стратегические цели через конкретные практические мероприятия. Международное сотрудничество – основной инструмент проведения данной политики, и Россия имеет возможность использовать опыт и ресурс ЕС для целей развития СМП. Речь идет как о технологическом сотрудничестве, к примеру в сфере судостроения, использования систем спутниковой навигации или применения безопасных для окружающей среды инженерных решений, так и о привлечении необходимых инвестиций и кадровых ресурсов к высокочувствительным и трудоемким инфраструктурным проектам СМП. Такого рода сотрудничество было бы взаимовыгодно для обеих сторон.

Список литературы

1. Commission Communication: Strategic Goals and Recommendations for the EU's Maritime Transport Policy until 2018 / European Union, 2009.
2. Gautier D.L., Bird K.J., Charpentier R.R., Grantz A., Houseknecht D.W., Klett T.R., Moore T.E., Pitman J.K., Schenk C.J., Schuenemeyer J.H., Sorensen K., Tennyson M.E., Valin Z.C., Wandrey C.J. Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic // Science. 2009. Vol. 324.
3. Hauge O. Northern Maritime Corridor – Extending Motorways of the Seas to the High North. Stavanger, 2011.
4. Joint Communication: Developing a EU Policy towards the Arctic Region: Progress since 2008 and Next Steps / European Union, 2012.
5. Offerdal K. New EU Arctic communication. Oslo, 2012
6. The European Union's Maritime Transport Policy for 2018 / European Union, 2009.
7. Бекашев Д.К., Глубоков А.И., Загорский А.В., Саваськов П.В., Хмелева Е.Н. Арктика. Предложения к дорожной карте международного сотрудничества. М., 2012.
8. Воронков Л.С. Страны Северной Европы, "Северное измерение" и Россия // Аналитические записки. М., 2009.
9. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №31. Ст. 3833
10. Хауге О. Северный морской коридор – путь Европы на Крайний Север // Транспорт Российской Федерации. М., 2008.

Об авторе

Воробьев Никита Игоревич – аспирант кафедры европейской интеграции Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации; ведущий специалист отдела по связям с государственными организациями ОАО «НЛМК». E-mail: nikita.vorobyev@gmail.com

EU INTERESTS IN DEVELOPING ARCTIC SEA ROUTES

N.I. Vorobyev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article considers the European Union's key strategic interests in the increased use of the Arctic routes, especially the Northern Sea Route (NSR), but also the Northwest Passage. This issue is high on the agenda given the EU dependence on the maritime transport accounting for the predominant share of the Union's trade. The EU technological, financial and human resources can contribute greatly to the development if the Arctic seaways which would in turn benefit the member states. The author notes that the EU has already actively engaged in designing the framework regulation for the Arctic maritime shipping including the legal, environmental and safety provisions. Securing an innocent passage of ships through the Arctic waters is one of the main objectives in this regard considering that none of the EU members are Arctic coastal states. Another issue at stake is delivering Arctic oil and gas reserves highly important for the EU to the continent for which developed seaborne transport is crucial. The article also gives an overview of the EU practical steps with regards to the Arctic routes including projects aimed at connecting the Union's transport system with the Russian North West and potentially the NSR. It is noted that the EU is highly interested in exploiting the potential of the Arctic sea routes and focuses on international cooperation to achieve the goal. Increased EU cooperation with the Arctic coastal states including Russia would be mutually beneficial given the opportunities the new routes offer and the EU resources that can be used to support their development.*

Key words: Arctic, European Union, maritime transport, Northern Sea Route, Northwest Passage, international cooperation, infrastructure.

References

1. 2009 Commission Communication: Strategic Goals and Recommendations for the EU's Maritime Transport Policy until 2018, European Union.
2. Gautier D.L., Bird K.J., Charpentier R.R., Grantz A., Houseknecht D.W., Klett T.R., Moore T.E., Pitman J.K., Schenk C.J., Schuenemeyer J.H., Sorensen K., Tennyson M.E., Valin Z.C., Wandrey C.J. 2009, Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic, Science, Vol. 324.
3. Hauge O. 2011, Northern Maritime Corridor – Extending Motorways of the Seas to the High North, Stavanger.
4. 2012 Joint Communication: Developing a EU Policy towards the Arctic Region: Progress since 2008 and Next Steps, European Union.
5. Offerdal K. 2012, New EU Arctic communication, Oslo.
6. 2009 The European Union's Maritime Transport Policy for 2018, European Union.
7. Bekjashev D.K., Glubokov A.I., Zagorskij A.V., Savaskov P.V., Hmeleva E.N. 2012, Arktika. Predlozhenija k dorozhnoj karte mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Arctic. Suggestions for the Roadmap of International Cooperation], Moscow.
8. Voronkov L.S. 2009, Strany Severnoj Evropy, "Severnoe izmerenie" i Rossija [Countries of the Northern Europe, Northern Dimension and Russia]. Analiticheskie zapiski [Analytical Notes], Moscow.
9. 1998 Federalnyj zakon ot 31 ijulja 1998 g. № 155-FZ O vnutrennih morskikh vodah, territorialnom more i prilozhashhej zone Rossijskoj Federacii [Federal Law on the Inland waters, Territorial Sea and Contiguous Zone of July 31, 1998, no.155-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of the Russian Legislation], no.31, p.3833.
10. Hauge O. 2008, Severnyj morskoy koridor – put Evropy na Krajnij Sever [Northern Maritime Corridor – Europe's way to the High North]. Transport rossijskoj federacii [Transport of the Russian Federation], Moscow.

About the author

Vorobyev N. Igorevich – Ph.D. student, Department of European Integration, MGIMO-University; Senior manager, Government Relations Department, Novolipetsk Steel. E-mail: nikita.vorobyev@gmail.com

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОСТРОЕНИИ «ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.Л. Сиволов

Институт фундаментального образования Уральского федерального университета
им. Б.Н. Ельцина.

В настоящей статье исследованы текущие задачи по борьбе с информационным неравенством, защита российской интеллектуальной собственности и информационных ресурсов, недоработки в создании «электронного государства» в РФ, а также проблемы, которые, по мнению автора, с высокой долей вероятности встанут перед нашей страной в не таком далеком будущем. И роль российской дипломатической службы в предотвращении неблагоприятных последствий развития ИКТ велика. По мнению автора, перед российской дипломатией стоит принципиально новая задача – формирование благоприятных для России условий социально-экономического развития и сохранения национального суверенитета в условиях глобального трансграничного и транспарентного информационного пространства.

Автор выделяет три основных подхода к управлению Интернетом: американский, российский и европейский (ЕС). США декларируют принцип невмешательства государства в сферу Интернета. Россия занимает противоположную позицию – правовое вмешательство государства в регулирование Интернета. ЕС придерживается позиции «разумного вмешательства» государства, что ближе к точке зрения России в этих вопросах. Кроме этих «трех точек опоры» существует огромный спектр между информационным диктатором государства (КНДР, Куба) и информационным неолиберализмом.

К стратегическим вопросам современной российской дипломатии относятся:

- участие МИД РФ в формировании международного информационного права, изобилующего сегодня пробелами;*
 - защита российского IT-сектора в условиях почти монопольного положения ТНК на международном рынке IT.*
-

Ключевые слова: Внешняя политика и дипломатия России, электронное правительство, Интернет и информационные технологии.

В 1989 г. в СССР была издана книга Ф.М. Серафимовича «Завтра всегда поздно». Если включить ретроспективный взгляд, то название книги прозвучало для СССР трагично: в 1989 г. уже никто не мог и ничто не могло помешать распаду Советской России. Поверхностный взгляд на историю непродуктивен и отдает высокомерием. Прошлое нам не дано изменить. Но мы можем изменить будущее, если попытаемся понять его и сделать все возможное еще сегодня, чтобы наступило желаемое будущее.

Информационное общество уже наступило – мы живем не на стадии перехода к информационному обществу, мы живем уже в информационном обществе. В настоящей статье будут рассмотрены не только текущие задачи по борьбе с информационным неравенством, защита российской интеллектуальной собственности и информационных ресурсов, недоработки в создании «электронного государства» в РФ, но и проблемы, которые с огромной долей вероятности встанут перед нашей страной в не таком далеком будущем. И роль российской дипломатической службы в предотвращении этих неблагоприятных последствий велика.

Министерство иностранных дел России – форпост России на международных рубежах информационного общества

Посольский приказ как специальное государственное учреждение, ведающее внешнеполитическими делами России, был учрежден Иваном Грозным в 1549 г. А первый международный договор «О мире и любви» русская дипломатия подписала с Византией еще в 860 г. История российской дипломатии – это история России, богатая горькими ошибками и великими победами.

Сегодня, когда Россия вместе со всем мировым сообществом вступила в новую информационную эпоху, перед российской дипломатией стоит принципиально новая задача. Ее суть – формирование благоприятных для России условий социально-экономического развития и сохранения национального суверенитета в условиях глобального трансграничного и транспарентного информационного пространства. «Для этого мы должны сделать так, чтобы IT служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международным миром и стабильности. Достижение этих целей и решение возникающих проблем потребует разработки эффективных национальных и международных стратегий» – этот призыв Окинавской хартии напрямую относится и к российской дипломатии.

К стратегическим вопросам современной российской дипломатии относятся:

- участие МИД РФ в формировании международного информационного права, изобилующего сегодня пробелами;
- защита российского IT-сектора в условиях

почти монопольного положения ТНК на международном рынке IT.

Перечень стратегических, тактических и организационных задач, стоящих перед российской современной дипломатией и «защитой информационно-коммуникационного суверенитета» РФ, огромен. Для краткости сошлемся на Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации: «Необходимо уже в среднесрочной перспективе реализовать имеющийся культурный, образовательный и научно-технологический потенциал страны и обеспечить Российской Федерации достойное место среди лидеров глобального информационного общества».

Российское «электронное государство» в деятельности МИД РФ

Хочу обратить внимание на «электронное правительство» в «стенах» МИД России. Концепция «электронного правительства» реализуется в России в узком смысле. Дело в том, что правительство – исполнительная ветвь власти. Следовательно, создание «электронного правительства» – это формирование «электронных» исполнительных органов государственной власти РФ. А где законодательная и судебная ветви власти, где местное самоуправление? Если подходить не с формальной точки зрения, а с содержательной, то в России создаются и «электронный суд» на основе ГАС «Правосудие». Хорошее качество информационного представительства (ИП) ГД РФ в Интернете. (Хотя отсутствуют «электронные приемные» депутатов, что не вписывается в последнюю концепцию «электронного государства» – связанное, соединенное, имеющее широкие связи государство).

Обобщение практики «электронных государств», постоянно проводимое специализированным учреждением ООН по вопросам создания «электронного государства» UNPAN (United Nations Public Administration Network) в 2008 г. привело к новой версии – Connected government. ««Государство, имеющее широкие связи», не замыкается в рамках конкретного учреждения – любое учреждение связано со всеми другими конкретными органами власти (G2G), с бизнесом (G2B), с гражданами и структурами гражданского общества (G2C). Государство связано (connected) не только как поставщик информации, но и поставщик услуг в лице конкретных учреждений. Что не одно и то же.

Анализ концепций UNPAN требует развернутого изложения. Для краткости можно привести качество использования МИД РФ современных ИКТ. МИД России предоставляет 11 услуг, среди них 8 – для российских граждан и организаций. Через портал Государственных услуг предоставляется 8 услуг, то есть только для россиян и российских организаций. Особо необходимо обратить внимание, что все предоставляемые МИД государственные услуги через портал «gosuslugi.ru» предоставляются не в электронном виде. Современная форма взаимодействия «электронный вид» для МИД РФ не действует, по крайней мере, сегодня. Автор этой статьи не является экспертом деятельности МИД

■ Мировая политика

России, а только констатирует факт, не анализируя причины наличной ситуации. Хотя древние римские юристы учили: «Если вещь не названа, ее не существует».

Роль российской дипломатии в формировании суверенной «электронной России»

Сегодня национальный суверенитет распространяется не только на территорию, государственное устройство, экономику. В информационном обществе национальный суверенитет тесно переплетается с «информационным суверенитетом». Это сформулировано в Доктрине информационной безопасности РФ. Данная доктрина была принята в сентябре 2000 г. Многое за эти двенадцать лет изменилось, особенно в информационной сфере. Сегодня информационная безопасность требует «обновленного стратегического» подхода, учитывающего современную международную ситуацию в сфере ИТ, современные средства защиты публичных и частных информационных ресурсов.

Интернет трансграничен. Возникает множество проблем при борьбе с киберпреступностью. Национальное информационное право, в силу трансграничной природы Интернета, ограничено в возможностях. Самая сложная проблема заключается в том, что требуется создание международного информационного права. Выработка и принятие общих принципов, строгих юридических определений, юридического алгоритма международного взаимодействия, системы международных информационных судов (по аналогии с экономическими судами, когда субъекты информационных правоотношений априори соглашаются с юрисдикцией конкретного суда).

Роль дипломатии с ее особыми методами в этом международном сотрудничестве огромна. Для российской дипломатии – это новая задача (несмотря на вековую историю, традиции, авторитет и богатый опыт) связана с тем, что современная инфосфера – особая и слабо изученная сфера деятельности. Борьба государственных интересов мировых держав и экономических интересов влиятельных ТНК в информационной сфере создает новые принципы и формы сотрудничества и конкуренции. И нужно вырабатывать дипломатические меры воздействия, адекватные возникшим вызовам.

Необходимо учитывать, что США в вопросе регулирования Интернета (инфраструктуры информационного общества) занимают особую позицию. Как государство, они декларируют принцип невмешательства государства в сферу Интернета. Этакий нелиберализм в условиях информационного общества. Но при этом нельзя не учитывать, что США были пионерами создания законодательства о защите интеллектуальной собственности на ПО. Они первыми приняли и закон «Об электронном государстве». Данный факт вкуче с технологическим преимуществом американских ТНК в сфере ИТ заставляет сомневаться в искренности американской информационной политики «невмешательства».

Россия занимает противоположную позицию – правовое вмешательство государства в регулирование Интернета. ЕС придерживается позиции «разумного вмешательства» государства, что ближе к точке зрения России в этих вопросах. Кроме этих «трех точек опоры» существует огромный спектр между информационным диктатом государства (КНДР, Куба) и информационным нелиберализмом. Отрабатываются приемы использования «современных социальных сетей» в целях экспорта революций. Такой разнополярный информационный мир создает новое поле деятельности для российской дипломатии.

Подготовка дипломатов поколения информационного общества

Информационно новое общество предполагает новое образование, точнее говоря – новое управленческое мышление (мировоззрение). В настоящий момент наблюдается отставание теории управления от вызовов информационного общества. Это ведет к накоплению нерешенных социальных проблем. Многие социально-управленческие структуры не знают, что делать и как делать в условиях реальной виртуальности, как управлять этой неопознанной социальной энергией, что ярко проявилось в вызовах 2011 г. Разные по своему политическому, экономическому и социокультурному устройству государства – на Ближнем Востоке, «развитые страны», Россия – столкнулись с неуправляемой энергией «современных социальных сетей». Теоретическим и образовательным ответом на вызовы «электронной революции» должна стать теория «электронного правления» (theory «e-governance»).

Теория электронного правления может и должна стать платформой управляемого перехода в развитое информационное общество, то есть к созданию правления нового типа, способного гармонизировать и сгладить обостряющиеся управленческие противоречия. Это ни много ни мало вызов всем современным социальным и управленческим наукам – найти «know how» «электронного управления». Драматизм нынешней ситуации усиливается близостью нового технологического скачка в ИТ.

Теория «электронного управления» должна базироваться на философии информации, социальной философии, социальной синергетике. В рамках вариативной части образовательных стандартов последнего поколения можно разработать и внедрить дисциплины, формирующие общие и профессиональные компетенции и навыки. Главная задача образования сегодня, и дипломатического образования безусловно, – формирование философии информационного мышления, пластичной и быстрой структуры управления рисками информационного общества, трансграничного, транспарентного и быстрого.

В заключение обозначу еще две проблемы (которые могут показаться на первый взгляд фантастикой). Первая – формирование новой «информационной» элиты. Видимая часть айсберга

этой проблемы связана со спамерами и хакерами, киберпреступностью. Вполне уместно провести аналогию между американскими бутлегерами, поднявшимися на лифте гигантских противозаконных прибылей в высшую страту американского общества. Спамеры и хакеры уже вкладывают свои незаконные средства (или не совсем законные в условиях пробелов в информационном праве) в легальные виды бизнеса. Но кроме них есть другие социальные группы, заявившие о своих претензиях на власть. Ассанж и Навальный, как «низвергатели государств», пользуются возможностями современных информационных технологий, которые создают Apple, Microsoft, Samsung & companies. Их много, они пока еще разрозненны, но они уже имеют огромное технологическое влияние (читай – власть) и действуют новыми методами. Для них нет границ, нет законов в их традиционном смысле, они действуют очень быстро. Современное государство сегодня может с ними находить общий язык (или бороться в правовом поле), а завтра? Завтра может быть поздно.

Вторая проблема (еще более фантастичная, как кому-то может показаться). Это продвижение по пути создания искусственного интеллекта. Известно, что идея создания искусственного интеллекта возникла вместе с кибернетикой и созданием первых компьютеров, то есть в середине XX в. Она еще не решена. Но уже сегодня мы в быту используем прикладные технологии ИИ – распознавание речи,

«транслэйтеры», распознавание образов и т.д. Не затихает работа по совершенствованию компьютеров нейронного типа. Базовые элементы реального искусственного интеллекта – самообучающиеся компьютеры (ПО), новые материалы, Интернет следующего поколения – WEB 6.0 – 8.0.

Нынешние государства, принимая управленческие решения и стратегии, действуя традиционными способами, развивают свои «электронные государства». «Электронное государство» стимулирует ускоренное развитие информационного общества. Очень вероятно, что традиционные способы государственного управления приведут к проблеме противоречия ИИ и человека, борьбе ИИ и социума за власть. Для данного противоречия сегодня не хватает синергии базовых элементов ИИ с компьютерными технологиями в медицине, телеметрии физических параметров человека на основе нанотехнологий.

Когда этот синергетический эффект сработает, проблема борьбы искусственного интеллекта с человечеством за власть выйдет за рамки фантастики и приобретет реальные черты. Если не подумать об этом сегодня, то завтра можно не успеть принять меры, а послезавтра будет поздно. Хочется надеяться, что создание условий для международного сотрудничества в информационном обществе и одновременно сохранение суверенитета России в этом обществе невозможно переоценить.

Об авторе

Сиволов Дмитрий Леонидович – к.соц.н., доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. E-mail: dioma@inbox.ru

THE ROLE OF RUSSIAN DIPLOMACY IN THE CONSTRUCTION OF "ELECTRONIC GOVERNMENT" IN RUSSIA

D. L. Sivovolov

The article reviews the current challenges to international efforts invested in solving information inequality. It dwells on issues of Russian role in these efforts and the protection of Russian intellectual property and information resources, development of "electronic government" in Russia, and the role of the Russian diplomacy in preventing the adverse effects of information revolution. Author believes that the Russian diplomacy faces today a new challenge – nurturing the international environment conducive to goals of socio-economic development and preserving national sovereignty under the conditions of transnational information flows. The author singles out three main approaches to Internet governance: the U.S., Russian and the EU. U.S. states the principle of state non-intervention in Internet. Russia takes the opposite position – state intervention on legal basis. The E.U. occupies the middle ground of "smart state intervention", which is closer to the Russian position. There multiple variations of these three positions stemming from state information dictatorship to information neoliberalism.

The author states three main strategic goals of the Russian diplomacy in information sphere:

- partaking in shaping international information legislation which is prone to many problems today.*
- protecting IT sector of the Russian economy with TNCs enjoying almost monopoly on international IT market.*

Keywords: Russian foreign policy and diplomacy, e-government, Internet and ICT.

About the author

Sivovolov Dmitriy Leonidovich – PhD in Sociology, associate professor of the Department of Sociology and Social Governance Technologies at the Institute for Fundamental Education of the Urals Federal University named after B.N. Yeltsin. E-mail: dioma@inbox.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КИБЕРАТАК НА ОБЪЕКТЫ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: НОВЫЙ ПРИОРИТЕТ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ?

О. В. Демидов

ПИР-Центр, Россия, 119019, Москва, 4-й Добрынинский пер., д. 8.

В статье рассматривается проблема кибернетических атак на объекты критической инфраструктуры, включая объекты атомной промышленности. На сегодняшний день международно-правовые нормы практически не охватывают использование информационно-коммуникационных технологий в целях нанесения ущерба информационным системам, обеспечивающим деятельность объектов критической инфраструктуры. В последние годы происходит беспрецедентный рост угроз объектам критической инфраструктуры, обусловленных бурным развитием информационно-коммуникационных технологий. Как стало известно в 2010 г., ряд государств Ближнего Востока, в первую очередь Иран, с 2008 г. подвергались серии систематических и беспрецедентно изощренных компьютерных атак неизвестного авторства, направленных прежде всего на сбор информации об объектах критической инфраструктуры данных стран, а также на программное поражение информационной инфраструктуры данных объектов. Автор поддерживает тезис о необходимости скорейшей выработки международно-правовых инструментов предотвращения и запрещения подобных кибератак. При этом бремя лидерства в постановке и решении данной задачи на международной арене может взять на себя Российская Федерация, чьи инициативы еще с 1998 г. задают глобальную повестку дня в части регулирования поведения государств в киберпространстве. Несмотря на существенные расхождения различных государств в данной сфере, их позиции в части обеспечения защиты от кибератак мирной атомной инфраструктуры наиболее близки к консенсусу, что создает коридор для практического продвижения в этом вопросе уже в 2013–2014 гг.

Ключевые слова: атомная отрасль, кибербезопасность, кибератаки, международная информационная безопасность, международное право, киберпространство.

На сегодняшний день международно-правовые нормы практически не охватывают использование информационно-коммуникационных технологий в целях нанесения ущерба информационным системам, обеспечивающим деятельность объектов критической инфраструктуры. Многие из таких объектов (предприятия топливно-энергетического комплекса, энергораспределяющие сети, системы контроля и управления наземным, морским и в особенности воздушным трафиком) в случае поражения программными средствами могут представлять угрозу национальной и международной безопасности.

Особое значение в этой связи имеют объекты мирной атомной отрасли и элементы инфраструктуры национальных программ развития атомной энергетики – атомные электростанции, обогатительные предприятия, инфраструктура хранения, транспортировки и утилизации отходов атомной промышленности. Недавняя авария на АЭС «Фукусима-1» в Японии в 2011 г. наглядно подтверждает тезис о том, что обеспечение безопасности объектов мирной атомной инфраструктуры и их защищенности от всевозможных факторов риска и угроз является задачей не только национального, но и международного уровня, решение которой должно значиться в числе приоритетов международного сообщества.

Между тем за последние годы происходит беспрецедентный рост угроз объектам критической инфраструктуры, обусловленных бурным развитием информационно-коммуникационных технологий. Как стало известно в 2010 г., ряд государств Ближнего Востока, в первую очередь Иран, с 2008 г. подвергались серии систематических и беспрецедентно изощренных компьютерных атак неизвестного авторства, направленных прежде всего на сбор информации об объектах критической инфраструктуры данных стран (в том числе объектах ТЭК и атомной отрасли), а также на программное поражение информационной инфраструктуры данных объектов. Характер деятельности, технические характеристики ряда программных средств, использованных для осуществления атак (в том числе компьютерных программ Gauss, Ma(h)di, Duqu, Flame, Wiper, Stuxnet и ряда других) привели международное экспертное сообщество к выводу о том, что для создания использовались ресурсы, доступные лишь государственным структурам, а цели применения данных программных средств лежат не в криминальной, а в международно-политической плоскости.

При этом эффект от поражения программными средствами объектов критической инфраструктуры уже не исчерпывается похищением данных, а переходит в плоскость нанесения физического ущерба работе промышленных и логистических объектов вплоть до их полного разрушения. Символом беспрецедентной опасности кибернетических атак стал компьютерный червь Stuxnet, который в 2009–2010 гг. поразил информационные системы иранского комбината по обогащению урана в г. На-

танз, результатом чего стало разрушение более чем 100 центрифуг, предназначенных для обогащения урана, и нанесен стратегический ущерб развитию иранской атомной программы. Дальнейшее развитие подобных средств программного воздействия уже позволяет применять их для осуществления диверсий на электростанциях, в том числе для разрушения энергогенерирующих турбин атомных электростанций и тому подобных составляющих критической атомной инфраструктуры. Подобные последствия выходят за рамки национальных границ государств, чья инфраструктура подвергается атакам, и представляют непосредственную угрозу международной безопасности наравне с международным терроризмом, трансграничной преступностью, а в перспективе и использованием оружия массового уничтожения.

Разработка и применение подобных программных инструментов осуществляется анонимно, в силу того что существующие технические возможности не позволяют достоверно и однозначно идентифицировать конечный источник атаки и непосредственного ее автора. Кроме того, даже при наличии технической возможности определить, откуда осуществляется атака, не существует каких бы то ни было юридических и международно-правовых механизмов, позволяющих отнести ответственность за осуществление такой деятельности к конкретным лицом и тем более субъектом международного права.

Таким образом, международное сообщество сегодня находится в ситуации, когда действующие нормы международного права ни в коей мере не регулируют использование в деструктивных целях информационных технологий, потенциал которых приближается к оружию массового уничтожения. Отсутствие единого международно-правового режима противодействия кибернетическим угрозам в отношении объектов критической, и в том числе атомной инфраструктуры, обуславливает непосредственную опасность расшатывания фундамента международной безопасности и стабильности, а также создает риск дальнейшего роста подобного рода атак.

Российская Федерация, как государство, занимающее лидирующие позиции в мире в области атомной энергетики и обладающее сложной и высококоразвитой инфраструктурой атомной энергетики, как и немногие другие участники международного сообщества, заинтересована в обеспечении безопасности объектов мирной атомной отрасли, в том числе от угроз. Именно РФ впервые поставила на глобальную повестку дня вопрос о формировании международно-правового режима обеспечения международной информационной безопасности (МИБ). С 1998 г. по российской инициативе был принят ряд резолюций Генеральной ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», в которых, в частности, отмечается целесообразность строительства международно-правовых режимов с целью запрещения разработки особо опасных форм информационного оружия [1].

■ Мировая политика

В настоящее время Российская Федерация продолжает акцентировать внимание на выработке международно-правового инструментария по запрету политически мотивированной агрессии в информационном пространстве, занимая в этой сфере лидерские позиции. Современное российское видение проблематики обеспечения международной информационной безопасности с учетом национальных интересов и потребностей международного сообщества во многом суммирует концепция Конвенции об обеспечении МИБ, обнародованная в ноябре 2011 г., а также Правила поведения в области обеспечения МИБ, направленные Генеральному секретарю ООН в сентябре 2011 г. письмом за подписью представителей РФ, КНР Таджикистана и Узбекистана. Ключевыми приоритетами в рамках этих инициатив являются предотвращение военных конфликтов в информационном пространстве, и сотрудничество государств в определении источников кибератак [2].

Принятие предложенного Россией проекта документа в качестве Конвенции ООН могло бы стать шагом вперед в задаче обеспечения безопасности критической инфраструктуры от кибератак. Однако на данный момент российский подход по ряду причин наталкивается на серьезные противоречия, связанные с неприятием комплексного и всеобъемлющего характера российских инициатив рядом других государств. Дискуссии в ходе Международных конференций по киберпространству в Лондоне (2011 г.) и Будапеште (2012 г.) показали, что западные партнеры России не готовы поддерживать российскую концепцию Конвенции, равно как и ставить подпись под иными международными соглашениями, фиксирующими широкий круг их обязательств в части поведения в информационном пространстве.

В этих условиях на первый план выходит выработка точечного, предметного международно-правового механизма, проблематика которого будет ограничена вопросами защиты объектов атомной отрасли от кибератак как от наиболее острой и чреватой катастрофическими последствиями угрозы МИБ. Такой механизм, в частности, может включать в себя адаптацию действующих норм международного гуманитарного права (Гаагских, Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к последним) в части ненападения на

невоенные объекты и объекты гражданской инфраструктуры [3].

Однако такая задача в настоящее время не акцентирована и не сформулирована четко как российским МИД, так и зарубежными партнерами России. Одной из причин такой ситуации является то, что вопросы использования международно-правового инструментария для предотвращения и запрещения кибератак на мирные атомные объекты недостаточно активно поднимаются российскими и международными экспертами. В частности, уровень вовлеченности российских экспертов в международную дискуссию по этому вопросу сегодня недопустимо низок – прежде всего в смысле практически полного отсутствия международных площадок, где российские и зарубежные специалисты имели бы возможность совместно и подробно проработать эту проблему. Кроме того, для нахождения эффективных решений в этой области необходимо обеспечить совместную работу междисциплинарной (и международной группы) технических специалистов, экспертов по международному праву, а также дипломатов и международных чиновников.

При этом угроза катастрофических атак в политических целях на объекты атомной отрасли и иные объекты атомной инфраструктуры нарастает с каждым годом – с момента обнаружения Stuxnet уже выявлено порядка 10 схожих программ, которые превосходят своего предшественника по сложности исполнения и разнообразию возможностей. 2013 и 2014 гг. должны стать поворотной точкой в активизации усилий международного сообщества в направлении решения этой проблемы на уровне международного права. Российская Федерация, традиционно выступающая лидером в сфере международных инициатив по обеспечению МИБ, имеет все шансы сыграть ключевую роль в этом вопросе. Однако для этого необходимо активизировать усилия российской публичной дипломатии, которая пока не еще не проявила себя в этом направлении, а также в короткие сроки, не позднее начала 2014 г., обеспечить ее мощным импульсом экспертной поддержки, отражающим приоритет российских национальных интересов в сфере международно-правового предотвращения и запрещения кибернетических атак на атомную инфраструктуру и иные критически важные объекты.

Список литературы

1. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Fact Sheet. New York. United Nations Office for Disarmament Affairs, 2013
2. Mauer, T. (2011, September). Explorations in Cyber International Relations Discussion Paper Series. Discussion Paper #2011-11. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. Available at: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/maurer-cyber-norm-dp-2011-11-final.pdf>
3. Rausher, K., & Korotkov, A. (2011). Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. East West Institute. Available at: <http://www.ewi.info/working-towards-rules-governing-cyber-conflict>.

Об авторе

Демидов Олег Викторович – координатор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление Интернетом» ПИР-Центра, аспирант МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

PREVENTING CYBER ATTACKS ON CRITICAL INFRASTRUCTURE: A NEW PRIORITY FOR THE RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY?

O.V. Demidov

PIR Center, Moscow, 119019, 4th Dobryninsky pereulok, 8.

Abstract: *The article analyses the problem of cyber attacks on critical infrastructure, including facilities of the nuclear industry. At present there is almost no international legal regulation of the possible usage of information technologies in order to information systems used by object of the critically important infrastructure. Still, there has been an unprecedented growth in the information threats in recent years. As it was revealed in 2010, several Middle East States, first of all Iran in 2008, were the target for a series of systematic and sophisticated computer attacks, whose initiators remain unknown, which were aimed at the collection of information about the objects of critical information infrastructure of these states and its program intrusion. The author supports the thesis of the need for early development of international legal instruments to prevent and prohibit such cyber attacks. At the same time the leadership in the formulation and solution of this problem on the international scene can assume the Russian Federation, whose initiatives have since 1998 shaped the global agenda in terms of regulating the behavior of states in cyberspace. Despite the significant differences of different countries in this area, their positions on ensuring protection against cyber attacks peaceful nuclear infrastructure are the closest to a consensus, creating a window of opportunity for practical progress on this issue in 2013-2014.*

Keywords: critical infrastructure, cybersecurity, cyberspace, cyber attacks, international law, nuclear industry, Stuxnet.

References

1. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Fact Sheet. New York. United Nations Office for Disarmament Affairs, 2013
2. Mauer, T. (2011, September). Explorations in Cyber International Relations Discussion Paper Series. Discussion Paper #2011-11. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School: Available at: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/maurer-cyber-norm-dp-2011-11-final.pdf>
3. Rausher, K., & Korotkov, A. (2011). Working Towards Rules for Governing Cyber Conflict. Rendering the Geneva and Hague Conventions in Cyberspace. East West Institute. Available at: <http://www.ewi.info/working-towards-rules-governing-cyber-conflict>.

About the author

Demidov O. Viktorovich – coordinator of the program “International Information Security and Global Internet Governance” at the Center of Political Research of Russia (PIR- Center). E-mail: vestnik@mgimo.ru

США И ЯПОНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

(1951–2010 гг.)

С.В. Волков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Сложность и важность изучения японо-американского взаимодействия в мировой политике требует постоянного совершенствования методов исследования. Однако работ, обращенных непосредственно к анализу данного взаимодействия как связанного с внешней средой единого организма, практически нет. Вместе с тем лишь на основе обобщенного, системного представления о японо-американских отношениях можно выявить логику, детерминанты и закономерности в их развитии. Статья посвящается рассмотрению взаимоотношений Соединенных Штатов Америки и Японии как целостной интегративной системы, обладающей специфической структурой. Особое внимание уделяется институционализации японо-американской системы, ее взаимодействию с мировой политикой. Определяются состав и структура этой системы, обнаруживаются ведущие взаимодействия между ее элементами. Раскрывается целостность системы, ее уровни и иерархия, динамика функционирования. Выявляются и выделяются главные внешние связи системы Соединенные Штаты – Япония. Доказывается авторская позиция, рассматривающая в качестве основы системы институты двустороннего взаимодействия Вашингтона и Токио. В рамках такого подхода вводится и обосновывается понятие консеквенции взаимодействия США и Японии. Также анализируется сопряженность американско-японской системы и мировой политики. Устанавливается зависимость системы от изменений в мировой политике и зависимость мировой политики от изменений в развитии японо-американских отношений. В результате дается целостная картина отношений, выявляются логика, детерминанты и закономерности в их развитии. Показывается, что глобализационные процессы, изменения в балансе сил, выход на мировую арену большого количества негосударственных акторов изменили и изменяют японо-американские отношения. Более того, изменения в японо-американских отношениях и есть трансформация самой мировой политики.

Ключевые слова: мировая политика, США, Япония, система, институты, взаимодействие.

Межгосударственное взаимодействие США и Японии в послевоенное время остается одним из важнейших центров развития мировой политики. Сложность и значимость изучения японо-американских отношений в мирополитическом контексте требует постоянного совершенствования методов исследования. Однако работ, специально посвященных методам взаимодействия Вашингтона и Токио как целостной интегративной системы, обладающей специфической структурой и взаимодействующей с внешней средой, практически нет. Вместе с тем анализ лишь политических, военных и экономических связей между Соединенными Штатами и Японией как единого организма, взаимодействующего с внешней средой, мог бы дать целостную картину их взаимоотношений. Только на основе этого обобщенного, системного представления и можно выявить логику развития отношений. Поэтому анализ взаимодействия на базе системного подхода необходим и актуален. Вопрос лишь в том, является ли японо-американское взаимодействие системой? Для ответа на этот вопрос следует понимать взаимодействие Вашингтона и Токио как институциональную систему.

Ведь институты составляют в целом традиционную основу любых межгосударственных отношений. Они определяют и реальность самого японо-американского взаимодействия. То есть без институциональных основ, как показывает исторический опыт, были бы невозможны ни противостояние «советской угрозе», ни развитие военно-политического сотрудничества между Вашингтоном и Токио, ни «торговые войны» между ними, ни глобальное и региональное взаимодействие, ни многое другое. Изучение этих институтов помогает увидеть целостную картину развития отношений в их непрерывной динамике.

В качестве среды взаимодействия Вашингтона и Токио автор предлагает рассмотреть мировую политику. Это определяется не только растущей актуальностью мирополитических исследований. Не менее важно понять, как мировая политика меняет японо-американские отношения и как эти отношения меняют ее. Системный подход призван дать теоретико-методологическое обоснование возможности анализа взаимоотношений, выявить логику, детерминанты и зависимости в системе взаимодействия Вашингтона и Токио. Для этого необходимо понять целостность системы, рассмотреть ее элементы, структуру, уровни и иерархию, динамику функционирования.

Автор выделяет следующие элементы взаимодействия США и Японии:

- институты политического взаимодействия – вход;
- институты военного взаимодействия;
- институты экономического взаимодействия;
- консеквенция взаимодействия – выход.

Мировая политика рассматривается нами как среда системы. В операциональном смысле мировая политика может быть определена как

«совокупность политической деятельности, политические отношения различных (государственных и негосударственных) акторов и формируемых ими политических институтов и процессов на мировой арене, носящие как глобальный, так и региональный или локальный характер» [1, с. 149]. Важно подчеркнуть, что изучение мировой политики фиксирует внимание на том, что со второй половины XX в. государственно-центристская система кардинально меняется. Происходит ее расширение за счет негосударственных акторов. Главный актор – государство – оказывается неоднородным по отношению к самой государственно-центристской системе и ее принципам. При этом число «невестфальских» государств оказывается чрезмерно большим. Становятся и все более неопределенными традиционные функции (роли) акторов [2, с. 80]. Как следствие, возникает ключевой вопрос: по каким правилам «живет» мировая политика? [3, с. 98]. Попытка ответить на данный вопрос предпринята Д.М. Фельдманом [4].

Что в мировой политике наиболее существенно для японо-американских отношений? С нашей точки зрения, это сочетание общего и частного. Под «общим» понимается глобальный уровень. Под «частным» – региональный уровень, то есть в данном случае политика в АТР и Восточной Азии. Устойчивое соотношение глобального и регионального уровня, вся структура мировой политики после окончания Второй мировой войны охарактеризовалась конфронтацией между двумя наиболее мощными в военном отношении державами – США и СССР. В целях политического и экономического регулирования мировой политической системы были созданы ООН, МВФ, МБРР и ГАТТ.

В Восточной Азии противостояние двух лагерей выразилось в провозглашении ДРВ, образовании КНР, войне на Корейском полуострове и противостоянии двух восточноазиатских государств. Еще – в заключении Вашингтоном договора АНЗЮС и договора безопасности с Филиппинами, Южной Кореей и Тайванем; в подписании Манильского пакта и образовании на его основе СЕАТО. Более того, мировая политика в Восточной Азии – это война и фиаско США во Вьетнаме, подписание договора АНЗЮК, установление режима «красных кхмеров» в Камбодже и коммунистического контроля над Лаосом. Однако противостояние двух блоков в Восточной Азии не было монолитным. Оно выразилось в противостоянии СССР и КНР. Другим важным событием стало образование АСЕАН. Важно отметить и ограничение Вашингтоном своей ответственности по обеспечению безопасности союзных ему режимов в регионе.

На глобальном уровне также произошли знаковые события. Они выразились в ослаблении экономических позиций США после вьетнамской войны, трансформации Бреттон-Вудского порядка, мировом экономическом спаде в капиталистических странах. Как следствие, началась более масштабная экономическая координация между странами Запада. Одним из ее примеров стало со-

■ Мировая политика

глашение «Плаза», на основе которого повысилась ценность йены и немецкой марки к американскому доллару.

С распадом СССР изменения в мировой политике и экономике только усилились. Центральное место на глобальном уровне занял процесс глобализации. Он выразился в росте «взаимозависимости государств мира в результате резкого повышения интенсивности международных финансово-экономических, торговых и сопряженных с ними политических связей между ними...» [5, с. 58]. Более того, на мировой арене все большее значение приобрела деятельность транснациональных корпораций, банков, межправительственных и неправительственных организаций, религиозных движений и т. д. Обратной стороной глобализации стал рост числа внутригосударственных конфликтов. Угроза усилилась и со стороны террористических организаций (особенно в свете событий 11 сентября 2001 г.), криминальных сетевых сообществ, пиратства и т. д. На передний план вышли и такие нетрадиционные угрозы, как «наводнения, землетрясения, тайфуны, цунами, пандемии, проблемы экологии и климатические изменения...» [6, с. 106]. Еще одной важной чертой развития мировой политики стало увеличение количества интеграционных процессов. Среди них – АТЭС, НАФТА, МЕРКОСУР.

В Восточной Азии также произошли существенные изменения. Так, значительно возросла мощь КНР, способная бросить вызов американскому военному и экономическому влиянию в регионе. Появилась ракетно-ядерная угроза для Соединенных Штатов и их союзников со стороны КНДР. Еще – выросла экономическая взаимозависимость между странами региона. Она выразилась в интенсивном развитии международных производственных сетей, а также в создании зон свободной торговли. Наконец, произошло усиление значимости многостороннего диалога: образовались АТЭС, АРФ, АСЕАН+3, ВАС и др. При этом остаются и застаревшие проблемы: конфликт на Корейском полуострове, проблема Тайваня, многочисленные территориальные споры.

Система взаимодействия США и Японии

В инструментальном плане может быть определена как целостная взаимосвязанная совокупность иерархических элементов («институтов» и «консеквенции»), способная адаптироваться к окружающей среде, то есть мировой политике, и изменять ее (мировую политику) в соответствии с заложенным в ней (в системе) потенциалом. «Институт» в данной работе понимается в универсальном плане. В таком понимании этот термин может относиться «к общему принципу или категории деятельности или к конкретной социальной (human-constructed) структуре, формально или неформально организованной» [7, р. 383]. По поводу данного понимания института теоретик международных отношений Р. Кеохейн писал: «Некоторые из этих институтов [общие принципы де-

ятельности] лишь совокупность объектов, каждый из которых является институтом. Институт международного права, например, может рассматриваться как множество институтов, закрепленных в правовой форме. В этом смысле все формальные международные режимы части международного права, как и формальные двусторонние договоры и конвенции» [7, р. 383].

Указанные построения можно продолжить. Однако главное в сказанном то, что институты могут быть производными от других. Важность этого замечания проявляется, если указать, что относится в данной работе к институтам двустороннего взаимодействия: это формальные договоры, соглашения, декларации, программы, комитеты и другие подобные им единицы (например, совместные исследования) политического, военного и экономического характера. Отнести данные единицы анализа к институтам обоснованно тем, что они являются производными (или частями) таких общих принципов деятельности, как международное право и дипломатия. Также эти единицы (комитеты) можно рассмотреть как формально организованные структуры. Как теперь видно, каждая из указанных единиц соответствует приведенному определению института. Это и позволяет нам рассматривать договоры, соглашения, декларации и комитеты как институты. Выбор же этих единиц анализа сделан потому, что в первую очередь они детерминируют реальность взаимоотношений Вашингтона и Токио.

Взаимодействие США и Японии – процесс двусторонней институционализации отношений Вашингтона и Токио в политической, военной и экономической сферах межгосударственных отношений. Определение взаимодействия как двусторонней институционализации следует из того, что она является традиционным ядром любых межгосударственных отношений, в том числе японо-американских.

Институты политического взаимодействия США и Японии

На фоне становления биполярной конфронтации в Восточной Азии Вашингтоном и Токио в 1951 г. был подписан Сан-Францисский мирный договор. Япония с этого момента получила суверенитет, стала независимым актором мировой политики. Она также интегрировалась в пространство норм и правил мирового политического и экономического регулирования во главе с США.

Следующим институтом политического взаимодействия стал Договор безопасности 1951 г. На его основании Вашингтон получил от Японии право защищать ее. При этом она не была обязана защищать Соединенные Штаты. В 1960 г. Договор безопасности был заменен на новый. Положения договора обуславливали развитие японского военного потенциала, декларировали намерение Вашингтона и Токио проводить совместные консультации, провозглашали стремление двух сторон устранить противоречия в экономических отношениях и развивать экономическое сотрудни-

чество между ними. Еще одним институтом политического взаимодействия стал Договор о дружбе, торговле и навигации 1953 г. Главное в этом договоре то, что благодаря ему Япония получила большие возможности для экономического развития.

Указанные договоры заложили основы межгосударственного взаимодействия в политической, военной и экономической сферах. Они являются политическими потому, что наделили и наделяют Вашингтон и Токио властными полномочиями на осуществление совместной межгосударственной деятельности в отношении друг друга в политической, военной и экономической областях. Можно поэтому сказать, что в отмеченных институтах заложен потенциал генерирования (порождения) других институтов политико-военного и политико-экономического характера.

Институты военного взаимодействия США и Японии

Первоочередным институтом такого взаимодействия Вашингтона и Токио является Договор безопасности (1951 г., 1960 г.). Это объясняется тем, что он не только ключевой институт политического, но и военного характера. Данный договор открывает возможность формировать другие совместные институты политико-военного характера. Можно сказать, что институты военного взаимодействия порождаются Договором безопасности. Среди них необходимо назвать:

- Административное соглашение (1951 г., 1960 г.);
- Соглашение о помощи в обеспечении взаимной обороны (1954 г.);
- Соглашение о содействии обмену патентами и техническими знаниями в области оборонного производства (1956 г., 1988 г.);
- Консультативный комитет безопасности 1960 г.;
- Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны (1978 г., 1997 г.);
- Совместная декларация по безопасности (Союз безопасности на XXI столетие);
- совместное заявление Консультативного комитета от 1997 г.;
- Соглашение в области ПРО 1999 г.;
- заявление «Общие стратегические цели» от 19 февраля 2005 г.;
- заявление «Японо-американский союз: трансформация и реорганизация для будущего» от 29 октября 2005 г.;
- Соглашение о сотрудничестве по ПРО 2006 г.;
- заявление «Трансформация альянса: для развития японо-американского сотрудничества по безопасности и обороне» от 2007 г.;
- совместное заявление Консультативного комитета от 2010 г.

Данные и другие институты политико-военного характера закрепили и закрепляют военно-политические и военно-стратегические позиции Вашингтона в Восточной Азии. Они сформировали основу для становления в Японии

своей собственной военной промышленности и стандартизации вооружений, усилили и усиливают роль Токио в рамках военно-политических отношений с Вашингтоном, наконец, развили и развивают в Союзе гибкость и способность своевременно адаптироваться к изменениям в мировой политике.

Институты экономического взаимодействия США и Японии

Первоочередную роль в экономическом взаимодействии двух стран играет Договор о дружбе, торговле и навигации, поскольку именно с этого договора начинается их экономическое взаимодействие. Следовательно, данный договор выступает основанием для образования других институтов в экономической сфере. Среди них необходимо назвать Соглашение о производительности 1955 г., Совместный комитет по торговле и экономике 1961 г., программы «Американо-японская повестка дня во имя нового экономического партнерства» (1993–1997), «Американо-японская расширенная инициатива по дерегулированию и политике в области конкуренции» (1997–2001), «Американо-японское партнерство во имя развития» (с 2001 г.) и др.

Институты экономического взаимодействия были направлены и направляются на стимулирование экономического роста, модернизацию промышленности, обмен технологиями, либерализацию отношений, дерегулирование рынков обеих стран, развитие взаимных инвестиций. В общем, эти институты способствуют формированию «японо-американского комплекса на базе развития торгово-экономических и финансовых связей, производственной кооперации, взаимных переливов капиталов, товаров и технологий, взаимопроникновения и сращивания хозяйственных интересов» [6, с. 552].

Консеквенция взаимодействия США и Японии

Она представляет собой промежуточные состояния, сложившиеся в результате институционализации отношений в политико-военной и политико-экономической сферах. Промежуточные состояния влияют на формирование Вашингтоном и Токио все новых и новых институтов взаимодействия политико-военного и политико-экономического характера. Данные институты, в свою очередь, порождают промежуточные состояния. Таким образом образуется реальность и консеквенция – реакция системы на вызовы мировой политики. Реакция представляет собой адаптацию политики США и Японии к глобальным и региональным вызовам.

Так, послевоенные отношения двух стран озаменовались противостоянием влиянию СССР в Восточной Азии. На первоначальном этапе оно выразилось в размещении американского военного контингента на японской территории и ее использовании в качестве базы для ремонта американских вооружений во время Корейской войны,

■ Мировая политика

в появлении Сил самообороны, в приобретении Японией у США на коммерческой основе военной техники и лицензий для ее производства.

Важно при этом, что развитие японского военного потенциала определялось стремительным экономическим ростом экономики. Рост, в свою очередь, привел не только к дальнейшему укреплению боевой мощи Японии, но и вызвал экономические противоречия в отношениях двух стран. Их корни лежали в экспансии японских товаров на американский рынок. Она привела к началу «торговых войн». Отчасти проблема решилась путем девальвации доллара по отношению к йене на 51%. В результате началось развитие прямых инвестиций обеих стран в экономики друг друга.

Одновременно Токио взял курс на увеличение своего участия в союзе с Вашингтоном в связи с ослаблением американских позиций в мире. Здесь следует указать на расширение зоны ответственности японских ВМС и ВВС до 1000 морских миль от берегов Японии, интенсификацию совместных боевых учений между американскими и японскими вооруженными силами, преодоление японским парламентом «порога» ассигнований на оборону в 1% ВВП. Более того, вклад Токио в борьбу с советским влиянием усилился за счет Официальной помощи развитию (ОПР). Следствием этой помощи должна была стать зависимость восточноазиатских государств от капиталистического блока.

С усилением глобализационных процессов и появлением новых угроз двусторонние связи Вашингтона и Токио претерпели драматические изменения. Так, произошло расширение зоны совместного патрулирования морских путей. Япония начала принимать участие в операциях по поддержанию мира. Еще она принимала участие совместно с США и другими странами в операции по оказанию помощи Индонезии после цунами 2004 г. Япония также отправила свои ВМС в Аденский залив для борьбы с пиратством и основала с этой целью военную базу в Джибути.

В новых мирополитических условиях Вашингтон и Токио выступили единым фронтом в борьбе с терроризмом. Это проявилось в обеспечении японскими ВМС тыловой поддержки антитеррористической операции в Афганистане и участии японских вооруженных сил в постконфликтном урегулировании в Ираке [8, с. 35]. Более того, на фоне угроз со стороны КНР и КНДР Вашингтон и Токио приступили к развитию совместной программы ПРО, а также развернули совместный пункт управления противовоздушной обороной на базе ВВС США Йокота. Данные формы сотрудничества говорят о существенном продвижении японо-американского военно-политического союза в развитии систем общего командования, управления и связи (СЗ). Еще появились перспективы развития военно-политических отношений Вашингтона и Токио на базе трехсторонности. К этому виду отношений необходимо отнести квазиальянсы США – Япония – Южная Корея, США – Япония – Австралия, США – Япония – Филиппины, США – Япония – Индия. Союз безопасности

укрепляется и благодаря неразрешенной проблеме Тайваня и участившимся обострениям споров Китая и Японии вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао.

Между тем в военно-политических отношениях Вашингтона и Токио сохраняются традиционные проблемы. В первую очередь – это необходимость передислокации базы морской пехоты Футама на острове Окинава [9]. Препятствия для полноценного развития военно-политического союза также сохраняются. Главное из них – 9-я статья японской конституции, интерпретация которой запрещает Японии ведение «коллективной самообороны». Другая преграда заключается в отсутствии в Японии общего закона, легализующего отправку военнослужащих за пределы страны [10, с. 59–60].

В области экономических отношений между США и Японией также произошли изменения. Так, во-первых, возрастает деятельность компаний и банков обеих стран на рынках друг друга. Во-вторых, в развитии отношений все более существенную роль играют международные производственные сети. В-третьих, важное значение приобретает НАФТА. Это выражается в том, что для увеличения экспорта в Соединенные Штаты японские компании используют в качестве плацдарма Мексику [11]. Наконец, повышается роль многосторонних площадок ВТО и АТЭС в решении экономических противоречий между Вашингтоном и Токио [12].

Целостность системы заключается в том, что институционализация отношений Вашингтона и Токио в послевоенное время приобретает характер интеграции. Необходимо в этой связи подчеркнуть, что при возникновении интеграционных процессов в мире главным критерием интеграции выступали наднациональные институты. Однако к сегодняшнему моменту такое видение интеграции изменилось. Отныне «достаточными» признаками интеграции «в любом регионе мира логично считать не меру реализованности принципа наднациональности, а устойчивую ориентацию участников интеграции на преференциальность отношений друг с другом, приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовность ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе права, льготы и привилегии» [13, с. 575.].

Комплексность и интенсивность институционализации отношений США и Японии выражают устойчивую ориентацию Вашингтона и Токио на преференциальность связей друг с другом. Совместные институты указывают также на готовность Вашингтона и Токио предоставлять друг другу на взаимной основе права, льготы и привилегии. Таким образом, институционализация японо-американских отношений носит интеграционный характер. В этом целостность рассматриваемой нами системы. Поскольку институты политического взаимодействия США и Японии образуют институциональную основу отношений, то это первый уровень системы. Поскольку конвенция взаимодействия двух стран является

результатом институционализации их отношений, то это исходный уровень. Следовательно, институты военного и экономического взаимодействия Вашингтона и Токио образуют средний уровень.

Наконец, многосторонний контекст становится магистральным в развитии японо-американских отношений в рамках мировой политики. На них все большее влияние оказывают глобализационные процессы, изменения в региональном балансе сил, рост числа негосударственных акторов на мировой арене, возрастающая значимость многостороннего диалога. Развитие отношений ведет их, таким образом, к необходимости кардинальной модификации совместных целей и задач. Это необходимо для эффективного ответа на вызовы мировой политики. Очевидно поэтому, что необходим больший прирост знаний о многостороннем контексте отношений Вашингтона и Токио.

Вместе с тем развитие японо-американских отношений под воздействием мировой политики меняет и саму мировую политику. Она меняется в том смысле, что сам факт активного участия в ней США и Японии преобразует ее. Трансформация мировой политики проявилась в совместном противостоянии Советскому Союзу, в превращении Японии в экономическую сверхдержаву, в «торговых войнах», в адаптации японо-американского военно-политического союза к угрозам со стороны КНР и КНДР, в участии Токио в миротворческих операциях, в борьбе США и Японии с террористическими угрозами и пиратством, в росте взаимных инвестиций, в усилении роли международных производственных сетей в двусторонних экономических отношениях, в увеличивающемся значении многостороннего диалога в отношениях друг с другом и т. д.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Мировая политика и ее развитие в России // Космополис. 2004. № 2. С. 147–158.
2. Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. 2009. № 4. С. 72–83.
3. Лебедева М.М. Такие разные государства // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. М., 2008. С. 91–98.
4. Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 35–47.
5. Системная история международных отношений в двух томах. Т. 2. Изд. 2-е. М., 2009. 720 с.
6. Меньшикова С.М. Роль АСЕАН в становлении региональной архитектуры АТР // Вестник МГИМО-Университа. 2012. № 4. С. 101–108.
7. Keohane R.O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 42. №. 4. P. 379–396.
8. Парамонов О.Г. Адаптация японо-американского альянса к вызовам нового столетия: успехи и неудачи // Вестник МГИМО-Университа. 2011. № 4. С. 33–43.
9. Смирнова О.С. Проблема военных баз США в Японии: современный этап // Вестник МГИМО-Университа. 2012. № 3. С. 227–232.
10. Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 54–60.
11. Лебедева И.П. Японо-американские экономические отношения в контексте глобализации // Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008. С. 176–202.
12. Beyond Bilateralism: U.S.-Japan Relations in the New Asia Pacific / Ed. by E. Krauss, T. Pempel. Stanford University Press, 2003. 421 p.
13. Современная мировая политика: прикладной анализ. М., 2009. 588 с.

Об авторе

Волков Сергей Владимирович – специалист по связям с общественностью. Компания «Бизнес-Стиль», соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: volkvolkvolk@mail.ru

THE USA AND JAPAN IN WORLD POLITICS

S.V. Volkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The complexity and importance of the study of the U.S. – Japan relations in world politics requires continuous improvement of scientific methods. However, works which would analyze the U.S. – Japan relations as a single organism are practically nonexistent. The article analyzes the U.S. – Japan relations as a whole integrative system with a specific structure. The institutionalization of the American-Japanese system, its interaction with world politics are considered especially. The author determines structure of the system, detects leading interactions between its elements, examines the integrity of the American-Japanese system, its levels and hierarchy, dynamics of functioning. The study attempts to prove the author's methodology which considers bilateral U.S. – Japan institutions as the basis of the American – Japanese system. As part of this methodology the conjugation between the system of bilateral American-Japanese institutions and world politics is analyzed. The dependence of the system on world politics and the dependence of world politics on changes in the U.S. – Japan relations are also revealed. As a result of the study an integral picture of the U.S. – Japan relations is demonstrated. The logic and patterns of their development are determined. It is shown that globalization, changes in balance of power, emergence of a vast number of non-state actors on a world stage changed and continue to change U.S. – Japan relations. What is more, the transformation of the U.S. – Japan relations is the transformation of world politics itself.*

Key words: World politics, USA, Japan, system, institutions, interaction.

References

1. Lebedeva M.M. Mirovaia politika i ee razvitie v Rossii [World politics and its development in Russia]. Kosmopolis, 2004, № 2, pp. 147-158.
2. Lebedeva M.M. Mirovaia politika: tendentsii razvitiia [World politics: tendencies of development]. Polis, 2009, no. 4, pp. 72-83.
3. Lebedeva, M.M. 2008. Takie raznye gosudarstva [Such different states], «Privatizatsiia» mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye rezul'taty [«Privatization» of world politics: local actions – global results], Moscow. S. 91-98.
4. Fel'dman D.M. O pravilakh mirovoi politiki [About the rules of world politics]. Voprosy filosofii. 2012. № 5, pp. 35-47.
5. Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v dvukh tomakh [The systemic history of international relations in two volumes] T. 2. Izd. 2-e. Moscow. 2009. 720 S.
6. Men'shikova S.M. Rol' ASEAN v stanovlenii regional'noi arkhitektury ATR [The role of ASEAN in the development of Asia-Pacific regional architecture]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012. № 4, pp. 101-108.
7. Keohane R.O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 42. № 4 pp. 379-396.
8. Paramonov O.G. Adaptatsiia iaponno-amerikanskogo al'iansa k vyzovam novogo stoletii: uspekhi i neudachi [Adaptation of the Japan-US alliance to the challenges of the new century: successes and failures]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2011. no. 4, pp. 33-43.
9. Smirnova O.S. Problema voennykh baz SShA v Iaponii: sovremennyi etap [The problem of the U.S. military bases in Japan: the current stage]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012. № 3, pp. 227-232.
10. Strel'tsov D.V. Novye tendentsii v razvitiu iaponno-amerikanskikh voenno-politicheskikh otnoshenii [New tendencies in the development of Japan – U.S. military-political relations]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2012. № 6, pp. 54-60.
11. Lebedeva, I.P. 2008. Iaponno-amerikanskii ekonomicheskie otnosheniia v kontekste globalizatsii [The Japanese-American relations in the context of globalization], Global'nye vyzovy – iaponskii otvet [Global challenges – Japanese response], Moscow. S. 176-202.
12. Beyond Bilateralism: U.S.-Japan Relations in the New Asia Pacific / Ed. by E. Krauss, T. Pempel. Stanford University Press, 2003. 421 p.
13. Sovremennaiia mirovaia politika: prikladnoi analiz [Contemporary world politics: applied analysis] Moscow. 2009. 588 p.

About the author

Volkov S. Vladimirovich – Public Relations Specialist. Business-Style Company, applicant for PhD. at the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).
E-mail: volkvolkvolk@mail.ru

В октябре 2013 г. в МГИМО(У) МИД России были проведены три важных мероприятия:

– 4-5 октября проходила приуроченная к 70-летию факультета МО МГИМО международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников». В работе этого форума приняли участие более 100 представителей российских и зарубежных научных и учебных центров из 22 стран. С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов;

– 11 октября состоялось заседание ученого совета факультета международных отношений, посвященное празднованию его 70-летнего юбилея. В работе совета приняли участие ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов и заместитель Министра иностранных дел России Г.М. Гатиллов. С докладом выступил декан факультета МО МГИМО, д.и.н., профессор Ю.А. Булатов;

– 14 октября более 1000 выпускников МГИМО разных факультетов и поколений собрались в стенах alma mater, чтобы отпраздновать День МГИМО и 70-летие факультета международных отношений. С приветственным словом выступил перед ними С.В. Лавров, министр иностранных дел России, председатель Попечительского совета МГИМО. На своем заседании попечители приняли решения о поддержке ряда социальных и научных проектов Университета. Особое внимание было уделено обсуждению предстоящего 70-летнего юбилея МГИМО(У) и проведению Второго Всемирного форума выпускников Университета.

МГИМО В КНИГЕ РЕКОРДОВ ГИННЕССА

А.В. Торкунов

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Прежде всего, разрешите сердечно приветствовать всех, кто откликнулся на наше приглашение и согласился приехать для участия в конференции, которая проходит в стенах МГИМО. Для нас – это большая честь. Огромная благодарность оргкомитету, нашим профессорам и преподавателям, которые занимались подготовкой этой конференции.

Я думаю, что когда некоторые из присутствующих получили приглашение, то были несколько удивлены: почему вдруг МГИМО, да еще в связи с семидесятилетием факультета международных отношений, проводит конференцию не по актуальным проблемам современной мировой политики, а по такой интригующей теме, как «Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-междуна-

родников». Но, думаю, что после некоторых размышлений все вы прекрасно осознали, что знание языка, педагогическое мастерство, которое применяется преподавателями для того, чтобы студенты и выпускники хорошо знали языки – это важнейшие составляющие деятельности нашего университета на протяжении уже не десятилетий, а столетий.

В связи с этим я хочу напомнить, что наш университет формально берет свои истоки в 1815 г. В этом году указом императора Александра I было создано так называемое «Лазаревское училище» для практического овладения восточных языков. Здесь при финансовой поддержке двух вельмож и одновременно зажиточных купцов Лазаревых, армян по происхождению, началось преподавание восточных языков на системной основе. Конечно, были курсы восточных языков

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

и ранее. Вы помните, наверное, что еще Петр I создавал школу восточных языков, и при Екатерине была в Иркутске создана школа японского языка (в результате того, что потерпевшие кораблекрушение - большая группа японцев оказалась на территории России). Естественно, что и до этого, и при Иване Грозном, и до него, при его предшественниках, а потом и при Алексее Михайловиче, особенно в XVII в., существовали школы изучения персидского языка, затем появились школы изучения китайского языка. Но если говорить о системной, университетской основе, то преподавание восточных языков появилось именно в Лазаревском училище в 1815 г. Потом оно уже как филологическая серьезная специальность появилось и в университетах.

Лазаревское училище всегда очень тесно работало с МИД Российской империи. И в 1954 г., после долгих мучений, страданий и переименований, Лазаревское училище оказалось частью Института международных отношений. И мы говорим об этом с полной уверенностью не только потому, что об этом говорят постановления правительства, которые были приняты в Советском Союзе. Но и в связи с тем, что мы получили в наследство замечательную, потрясающую библиотеку Лазаревского института, включая персидские рукописи XIII в., арабские рукописи XIV–XV вв., которые сегодня находятся в музее редкой книги нашей библиотеки. Если наши гости захотят ознакомиться, то, естественно, мы такого рода экскурсию для них организуем. Кстати, некоторые из рукописей мы несколько лет тому назад оцифровали, и сегодня они находятся для всеобщего обозрения в Интернете – в нашей e-Library.

Хотел бы отметить, что и научная, и практическая деятельность многих здесь присутствующих, особенно тех, кто провел какую-то часть своей жизни на дипломатической службе, является очень ярким подтверждением: язык – это не просто инструмент для ведения дипломатической работы, не просто инструмент международного. Он всегда – основная составляющая вообще понимания проблем, их восприятия и реализации задач, которые всегда стоят перед дипломатической службой. Любой дипломат, если он за рубежом занимается не проблемами международных организаций, а находится в той или иной стране и занимается двухсторонними отношениями, особенно с проблемными странами, то для того, чтобы эффективно работать, он должен быть, конечно же, грамотным специалистом и полюбить страну, в которой он находится. Если вы приезжаете в страну и относитесь к ней либо пренебрежительно, либо неуважительно, когда там многое вас раздражает, что бывает нередко, вы, тем не менее, для того, чтобы посылать на Родину правдивую информацию, для того, чтобы способствовать улучшению отношений вашей Отчизны с этой страной, обязаны относиться к этой стране с симпатией. А для того, чтобы относиться с симпатией к стране, надо ее

понимать, что просто невозможно без хорошего и глубокого знания языка.

И должен сказать, что многие успехи российской дипломатии, советской дипломатии были связаны именно с тем, что многие наши дипломаты, начиная с 1943 г. обучались на международном факультете МГУ, о чем говорил Юрий Алексеевич Булатов, а затем, с 1944 г., уже и в МГИМО (а также в Институте востоковедения, который в 1954 г. стал факультетом МГИМО). Они демонстрировали фантастически глубокое, замечательное знание и западных, и восточных языков. И это относилось не только к языкам больших европейских наций, но и к языкам малых стран, что нередко позволяло даже при ограниченных ресурсах добиваться весьма и весьма существенных результатов.

Конечно, со временем, многое из этого было растеряно. Должен сказать, что большинство российских ВУЗов существенно сократило количество преподаваемых иностранных языков. К сожалению, со временем уходили и поколения тех, кто закладывал основы преподавания того или иного иностранного языка и у нас. В результате некоторые языки вообще исчезли из перечня тех иностранных языков, которые мы еще недавно преподавали. Речь может идти о сингальском языке, на котором говорят на Цейлоне, о непальском языке. У нас не преподается уже на протяжении ряда лет бирманский и хмерский языки, хотя наши преподаватели, по существу с нуля создавали учебники по этим языкам, и газет-то иностранных невозможно было получить. Это сейчас в Интернет вышел, с утра читаешь Washington Post и многие другие газеты, а тогда, вы сами помните, какая была ситуация. Наши коллеги, наши друзья просто героически трудились над созданием школ преподавания этих языков, некоторых из них, к сожалению, уже нет сегодня с нами. Они сделали очень многое, но мы кое-что растеряли.

Вместе с тем я должен сказать, что МГИМО остается единственным ВУЗом в мире, который вошел в книгу рекордов Гиннеса. И чтобы включить в эту книгу, здесь работала целая инспекция от компании Гиннес. Это не просто так, вы что-то объявили и вас туда включили. Инспекция работала, проверяла программы и убедилась, что это действительно полнопрофильные программы преподавания 53 иностранных языков. И только тогда нас включили в эту книгу как единственный ВУЗ, где имеется восьми семестровые, как минимум, программы преподавания 53 иностранных языков. Есть немало школ, где преподаются и большее количество языков, например, в Training Centre в Вашингтоне, который при Госдепе. Я там бывал не раз, там преподаются до семидесяти языков. Они преподаются, главным образом, по коротким программам, а не по университетским программам, когда все осваивается, как говорится, с алфавита до разговорной речи.

И я считаю, это огромное достижение нашего университета. Почему, когда мы говорим

о языке, мы имеем в виду, естественно, не просто лингвистическую подготовку? Дело в том, что языковые преподаватели, пожалуй, лучше, тоньше понимают народ, который на этом языке разговаривает, и страну народа, который говорит на этом языке. Дело в том, что можно быть специалистом по истории страны. Ну, знаешь историю, знаешь язык, много по истории публикаций на иностранных языках. Можно хорошо разбираться в экономике и даже в политической ситуации в той или иной стране. Но понять психологию народа и отсюда понимать, как принимаются политические решения, какие тренды проявляются вообще в развитии того или иного общества, невозможно без знания языка. И вот наши преподаватели, даже чистые лингвисты, которые не заканчивали МГИМО, или, условно говоря, экономический факультет МГУ, они, приходя в университет, дают студентам не чисто лингвистический объем знаний, а страноведческий, культурологический. Именно это позволяет нашим выпускникам быть весьма конкурентными на рынке труда и, в общем, по-прежнему являться главным пополнением дипломатической службы России.

В последнее время мы пытаемся существенно расширить нашу базу преподавания языков, в том числе за счет открытия новых магистратур. У нас учреждены сегодня магистратуры «Лингвистика» и «Педагогика». «Лингвистика» открыта, прежде всего, для того, чтобы готовить переводчиков-синхронистов для системы Организации Объединенных Наций. Там сегодня ощущается острая нехватка кадров – опытные старики уходят, а пополнение было слабенькое, особенно, если иметь в виду пополнение из России. Есть, откровенно говоря, хорошие знатоки русского языка, которые не являются гражданами России. Но имея в виду представительство российских граждан в международных организациях, мы должны вести дело к тому, чтобы наши толковые молодые люди, обученные в магистратуре по лингвистике, участвовали в очень тяжелых конкурсах и попадали на переводческую работу ООН, в ее учреждения и центры, расположенные в Женеве, Нью-Йорке, Найроби и т.д.

И для того, чтобы такой дидактический момент присутствовал более ярко в нашей жизни, мы открыли также магистратуру по педагогике. Короче говоря, сегодня наш университет уже не просто университет, который готовит специалистов на выход, но мы стремимся подготовить и новое поколение кадров педагогов для себя, в

том числе педагогов по иностранным языкам. И, завершая, хочу сказать, сколь сильно изменились технологии преподавания иностранного языка. Даже если вы мимоходом в нашем книжном магазине увидели учебники, которые мы издаем, то не могли не заметить их многообразия. Должен сказать, что я, конечно, как человек консервативный, одобряя применение новых средств, вместе с тем понимаю, что когда мы 30–40 лет назад с деканом Ю.А. Булатовым, а мы с ним с одного курса, учили восточные языки, то я учил корейский в группе всего из четырех человек, встречаясь каждый день с преподавателями лицом к лицу, и нам, наверное, особенно сильные технические средства не нужны были. Один из преподавателей к тому же был чистокровным корейцем, поэтому он был и носителем языка и культуры, истории тех корейцев, которые переместились после установления японского протектората над Кореей в Россию на Дальний Восток, а потом и в Москву. Замечательные были педагоги, и память о них мы всегда будем хранить. И те, кто работал и работает после этого в Корее, конечно, сохраняют прекрасное знание языка. Я, к сожалению, не могу сказать этого о себе, поскольку в Корее работал в совсем ранней юности и после этого бываю там только наездами, на несколько дней. Но, тем не менее, я проникся и уважением, и любовью к Корее, к очень богатому корейскому языку.

Но ясно, что сегодня мы очень часто этого позволить себе не можем: групп гораздо больше, преподавателей не меньше, студентов стало намного больше, и, более того, было бы глупо не использовать те технические возможности, которые сегодня есть. И с точки зрения возможности использования дистантного обучения, технических средств обучения, с учетом уже сделанных в последние годы открытий, в том числе на ниве психологии преподавания, для того, чтобы эффективнее подавать материал студентам. Где-то это получается, где-то, наверное, не очень. Но мне кажется, что сегодняшняя конференция, несомненно, станет очень серьезным вкладом в обогащение наших представлений о том, как нужно сочетать традиционные и новые методы уже на совершенно новом этапе, когда у нас есть и Скайп, и возможность переписываться постоянно, поставить лекцию, как говорится, онлайн и т.д.

Я хочу еще раз всех сердечно поблагодарить за участие в нашей конференции и пожелать конференции творческих успехов. Спасибо за внимание!

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Ю.А. Булатов

Добрый день, дорогие друзья и коллеги!

Приветствую всех мгимовцев, собравшихся в этом зале. Сегодня в нашем доме на Юго-Западе день особый и торжественный. В нашей факультетской семье юбилей. Факультет – МО, факультет – патриарх, чье название составляет частицу имени славного МГИМО и гордого звания мгимовец, празднует свое 70-летие.

История факультета неразрывно связана с историей нашей Родины. Факультет международных отношений создавался в грозные годы войны. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге ознаменовал начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. На Тегеранской конференции руководителей антигитлеровской коалиции «Большая тройка» наряду с определением даты открытия Второго фронта включила в повестку дня вопросы послевоенного устройства мира и становления новой системы международных отношений после разгрома фашистской Германии.

Все это поставило перед руководством страны задачу в кратчайшие сроки развернуть расширенную подготовку кадров специалистов-международников. Решением правительства осенью 1943 г. в Московском госуниверситете был открыт новый, тринадцатый по счету, факультет. Первым деканом факультета МО стал профессор И.Д. Удальцов, имя которого носит одна из улиц в нашей округе на Юго-Западе.

13-й факультет, невзирая на суеверия, оказался поистине счастливым. Ведущие профессора МГУ активно включились в работу на факультете. Именно благодаря им факультет МО всего лишь за 1 год своего существования сумел набрать такой потенциал, что 14 октября 1944 г. Постановлением СНК СССР он был преобразован в Институт международных отношений.

Выдающие ученые с мировым именем, преподававшие на факультете МО с момента его создания, основали свои собственные научные школы. И среди них хотелось бы назвать в первую очередь научные школы академика Е.В. Тарле, академика Л.Н. Иванова, члена-корреспондента Академии

наук А.В. Ефимова, корифеев международного права С.Б. Крылова, В.Н. Дурденевского, профессоров Л.И. Зубока, Ф.И. Натовича, В.М. Хвостова и многих других. В 1945 г. МГИМО был включен в число высших учебных заведений страны 1-й категории.

О высокой оценке качества образования, получаемого студентами на факультете МО, свидетельствовал, например, такой факт, что сам министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, а также будущий премьер А.Н. Косыгин полностью одобрили выбор своих дочерей после окончания средней школы поступать не куда-нибудь, а именно на факультет МО нашего Института.

Костяк первых студентов факультета МО составили прежде всего молодые ребята – фронтовики. Рядом с ними за парты сели вчерашние школьники, не достигшие еще призывного возраста. Именно тогда начали формироваться традиции студенческого коллектива, который сегодня мы все называем мгимовским. В июле 1945 г. факультет МО в составе МГИМО справил свое новоселье на Метростроевской, дом 53, и на долгие годы поселился в знаменитом доме у Москвы-реки.

В 1946 г. на факультете появились первые студенты-иностранцы из далекой Монголии. Семья мгимовцев факультета МО разрасталась, и в конце 1940-х гг. набор на 1-й курс увеличился вдвое и составил уже 400 человек. Знаменательным событием как для профессорско-преподавательского состава, так и для студентов МГИМО стал первый выпуск специалистов-международников на факультете МО в 1948 г. Они поистине были первыми. Из-за недостатка времени не представляется возможным перечислить всех поименно, но все-таки назову некоторых из них, составивших славу первых мгимовцев и гордость страны: академик Георгий Арбатов, академик Владимир Виноградов, Анатолий Ковалев – первый заместитель министра иностранных дел СССР – автор «Азбуки дипломата», послы: Сергей Романовский, Ростислав Сергеев, политические обозреватели радио и телевидения: Валентин Зорин и Юрий Фокин. Упомянем также и их сокурсника поэта

Владимира Харитонов – автора песни «День Победы», который закончил три курса на факультете МО, а затем завершил свое образование в Литературном институте.

В начале 1950-х гг. факультет международных отношений поистине становится международным. В соответствии с распоряжением Совмина СССР от 26 мая 1952 г. МГИМО было предоставлено право принимать на учебу граждан из стран народной демократии. К учебе на факультете МО приступили студенты из ряда стран Европы и Азии. В середине 1950-х гг. факультет МО развертывает подготовку и специалистов-международников по странам Востока. Постановлением Совета Министров СССР от 1 июля 1954 г. МГИМО был объединен с Московским институтом востоковедения (МИВ) в единый институт. Ныне МГИМО является полноправным наследником Института востоковедения, бережно сохраняя его архив, его уникальную библиотеку и традиции научных школ востоковедов.

В 1950-х гг. наши студенты слушали лекции преподавателей, составивших со временем гордость советской науки, – академика Н.Н. Иноземцева, академика А.Л. Нарочницкого, академика В.Г. Трухановского, академика С.Л. Тихвинского, члена-корреспондента АН СССР М.С. Капицы. По совместительству на факультете сотрудничали известные дипломаты: А.Ф. Добрынин (в будущем Посол СССР в США), А.А. Роцин (представитель СССР в Комитете по разоружению в Женеве), Л.Н. Кутаков (в дальнейшем заместитель Генерального секретаря ООН). На преподавательскую работу из МИД СССР пришли на факультет будущие именитые профессора Ф.Д. Волков, В.И. Московченко, подготовившие многие поколения специалистов-международников.

Вспомним, с чего мы начинали. В 1943 г. на факультете МО МГУ имени М.В. Ломоносова была создана первая факультетская кафедра – кафедра английского языка, именуемая ныне кафедрой английского языка №1. Именно она стала родоначальницей всех кафедр иностранных языков МГИМО. И сегодня кафедра английского языка №1 сохраняет свои лидирующие позиции на факультете и в Институте. Подтверждением тому является организация сотрудниками кафедры Международной конференции «Магия Инно: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников». В работе этого международного форума, состоявшегося в первую неделю октября 2013 г. приняли участие более 100 посланцев российских и зарубежных центров из 22 стран.

В 1950-х гг. география изучаемых языков на факультете МО стала стремительно расширяться. В результате объединения МГИМО с Московским институтом востоковедения на факультет МО пришли маститые преподаватели-востоковеды. Были образованы: кафедра арабского языка во главе с выдающимся ученым-арабистом профессором Х.К. Барановым; кафедра индийских языков во главе с академиком Е.П. Чельшевым; кафедра китайского языка, которую долгие годы возглавлял

член-корреспондент В.М. Солнцев. Была также образована кафедра японского языка, где работали выдающиеся японисты С.Ф. Зарубин и лауреат Государственной премии профессор С.В. Неверов. Эти корифеи положили начало формированию научных школ по иностранным языкам на факультете МО.

Сегодня мы можем сказать, что нынешние выпускники факультета МО стали более «общительными», ибо могут объясняться на 53 языках народов мира. Наш факультет не имеет аналогов в мире и представляет собой уникальный центр по изучению языков стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, государств СНГ и Балтии. Все это обеспечило МГИМО возможность по праву занять свое место и в Книге (рекордов) Гиннеса.

Но в жизни не все и всегда проходит гладко. Неожиданный удар по выпускникам факультета МО нанесло Постановление Совета Министров СССР от 1 июля 1954 г. «Об упорядочении подготовки специалистов по международным отношениям, а также по филологии и истории стран зарубежного Востока». Не все выпускники факультета МО середины 1950-х гг. смогли получить по окончании МГИМО работу по специальности. В дипломе, выданном выпускнику факультета МО образца 1955 – 1956 гг., отдельной строкой вместо специальности было вписано: «Преподаватель средней школы со знанием иностранного языка».

Однако жизнь в конечном итоге все расставила по своим местам, доказав несостоятельность данного постановления по отношению к выпускникам факультета МО. Получив диплом МГИМО в середине

1950-х гг. по специальности «преподаватель средней школы со знанием иностранного языка», многие из них и ныне являются гордостью российской дипломатии и науки. Назову лишь некоторые имена – это послы России И.А. Рогачев, Б.Д. Пядышев, Б.Л. Колоколов, академик Н.А. Симония и др.

Более того, дважды ошиблись составители этого пресловутого постановления, так как наши выпускники 1950-х с мгимовским дипломом преподавателя средней школы были зачислены на преподавательскую работу на факультет и стали гордостью высшей школы России и гордостью МГИМО: это – лауреат премии Дж. Неру профессор О.Г. Ульциферов, профессор-арабист Н.К. Усманов, профессор кафедры мировой экономики В.В. Алексеев, деканы факультета МО разных лет – к.и.н., доцент В.В. Егоров, д.и.н., профессор Г.В. Фокеев, д.э.н., профессор В.Д. Щетинин и др.

В 1960–1970-х гг. родилась еще одна традиция. Руководство факультета стало преимущественно формироваться из числа выпускников МГИМО, в том числе и выпускников факультета МО. В тот период деканами факультета МО работали хорошо всем известные В.К. Собакин, В.В. Егоров, Н.И. Лебедев, В.Д. Щетинин, В.М. Кулагин. Вместе с тем мгимовское образование и мгимовская закалка в руководстве факультетом сочеталась и с большим опытом работы в высшей школе и просто

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

с житейской мудростью, привнесенной в работу деканата его руководителями: заслуженным деятелем науки профессором Ф.И. Кожевниковым и ветераном Великой Отечественной войны профессором М.А. Пережогиним. Следует также отметить, что декан факультета МО д.и.н., профессор Н.И.Лебедев стал первым выпускником факультета, кто в течение 11 лет возглавлял МГИМО. В этой связи не могу не упомянуть также еще одного выпускника факультета МО – нашего коллегу и друга И.Г. Тюлина, проработавшего бессменно в течение 15 лет на посту 1-го проректора Института, имя которого носит научная библиотека МГИМО.

Особо сложным периодом в истории факультета был конец 1980 – начало 1990-х гг., когда распался Советский Союз, рухнули общественные организации, начали складываться рыночные отношения. Все это существенным образом отразилось на работе факультета. Возникла проблема распределения выпускников, осложнились воспитательная работа, да и сам набор новых студентов. В этот трудный период факультет МО возглавил его выпускник, д.полит.н., профессор Анатолий Васильевич Торкунов. Была проделана огромная работа по адаптации факультета к новым условиям общественного развития. Существенно была укреплена учебная база факультета. С назначением А.В. Торкунова ректором МГИМО в 1992 г. для Института и факультета МО наступила пора обновления:

1) с 1993 г. на факультете МО начинает функционировать 3-ступенчатая система подготовки международных: «бакалавр-специалист и магистр»;

2) в 1994 г. наш Институт получил статус Университета. Высокая марка университетского образования потребовала от всех факультетов МГИМО, в том числе от факультета МО, привести учебные планы и программы в соответствие с университетскими стандартами;

3) в 1997 г. состоялся на факультете первый выпуск бакалавров;

4) в 1999 г. от факультета МО отпочковалось отделение политологии, ставшее самостоятельным факультетом;

5) в 2003 г. лучшие студенты факультета получили право проходить практику не только в МИДе, но и в Администрации Президента РФ.

Перемены на факультете были связаны также с решением большой и сложной задачи – интеграции мгимовского образования в систему международных образовательных стандартов в рамках Болонского процесса. В 2003 г. на факультете была введена рейтинговая система качества учебной работы студента. С учетом новых задач на факультете МО была образована 16-я по счету кафедра «Европейской интеграции», а в 2005 г. выпускники магистратуры – воспитанники факультета МО стали первыми получившими дипломы европейского образца. В 2009 г. состоялся последний выпуск студентов по пятилетнему циклу обучения и факультет перешел на двухступенчатую систему подготовки специа-

листов-международников. В 2011 г. на факультете МО было создано отделение МИЭП.

В сентябре 2012 г. в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина МГИМО стал седьмым российским вузом с правом самостоятельно осуществлять разработку образовательных стандартов. В июне 2013 г. МГИМО, в том числе и факультет МО, прошел международную аккредитацию по полному циклу обучения. Таким образом, и поныне наш факультет остается 1-м профессиональным факультетом МО – факультетом профессионалов, который оказывает помощь и содействие братским факультетам международных отношений, открывшихся во многих городах России – от Калининграда до Владивостока.

Меняется и система набора на первый курс факультета МО. Почти половину первокурсников образца 2013 г. составили юноши и девушки из 75 субъектов РФ по сравнению с представителями 40 субъектов в 2003 г. Факультет МО стремится к тому, чтобы его студентами становились наиболее способные и талантливые молодые люди. В ходе приемных экзаменов в нынешнем году из 78 победителей Всероссийской олимпиады по истории 27 человек выразили желание учиться только в МГИМО и 20 из них пришли на факультет МО. По итогам ЕГЭ к зачислению на факультет МО были также представлены абитуриенты, имевшие необычайно высокие средние суммарные баллы: 96,31 – по бюджету и 81,71 – по договору. Каким он будет, выпускник факультета МО юбилейного набора в 2013 г.? Все это зависит от нас с вами, дорогие мои коллеги.

В честь юбилея коллектив факультета МО подготовил альбом, посвященный его 70-летней истории. Мы постарались перечислить всех поименно, кто внес свой вклад в дело создания и становления нашего факультета на протяжении семидесяти лет. К сожалению, в одном выступлении всех перечислить невозможно. Однако не могу не назвать тех, кто посвятил факультету всю свою жизнь и вошел в историю МГИМО. Это профессор кафедры немецкого языка Н.А. Соловьян, ее стаж работы в МГИМО шел с победного 1945 г. и продолжался до нулевых лет XXI в., это доцент кафедры мировой экономики А.И. Мухин, работавший в МГИМО с 1947 г. в течение более полувека. Они были первыми среди представленных к высшей награде Института – к званию Почетных профессоров МГИМО.

Почетные профессора МГИМО – это люди-легенды. Я бы сказал, что абсолютным рекордсменом среди них является профессор кафедры английского языка № 1 Е.М. Зелтынь, которая с момента образования факультета с 1943 г. до 2003 г., то есть 60 лет, служила ему верой и правдой. Хотя Елена Мартыновна давно находится на заслуженном отдыхе, она до сих пор не порывает связей с факультетом. Некоторые из почетных профессоров МГИМО и по сей день продолжают служить своему факультету: профессор А.А. Ахтамзян, профессор А.И. Медовой, профессор О.Г. Ульциферов.

В этот юбилейный день хочу также особо поблагодарить профессоров и преподавателей МГИМО, чей трудовой стаж преодолел отметку 40 лет работы на факультете. К этому числу «сорокалетних» относятся: профессор Н.М. Никулин, профессор В.К. Ломакин, профессор Т.В. Зонина, профессор Л.М. Ефимова, профессор Н.П. Малетин, доценты Н.Е. Клейменова, И.Г. Долбина, Н.П. Серегина, Т.Ф. Куликова, Л.Г. Владыкина, Г.М. Зиборова, Е.Ю. Кудрявцева, Н.В. Михеева, А.Н. Чеканский, Давлетшина и ряд других.

Сегодня почти половина профессорско-преподавательского состава факультета составляют его выпускники, то есть факультет МО – это не только кузница кадров высококвалифицированных специалистов-международников, но и кузница кадров профессорско-преподавательского состава МГИМО. Факультет МО является также кузницей кадров командного состава МГИМО. Помимо ректора, выпускниками факультета МО являются проректоры В.Б. Кириллов, А.В. Мальгин, А.В. Худайкулова, А.И. Подберезкин, зам. проректора по кадровой политике В.М. Морозов, деканы В.Н. Шишкин и В.Н. Шитов, а также декан факультета МО, выступающий перед вами.

Величие и сила образовательной школы, как известно, определяется славой ее учеников. Гордостью факультета и Института являются его выдающиеся ученики: премьер-министр России Е.М. Примаков, министр иностранных дел СССР А. Бессмертных, министры иностранных дел России А. Козырев и С.В. Лавров, 1-ый заместитель министра иностранных дел В.Г. Титов, зам. министра иностранных дел Г.М. Гатилов, присутствующий в этом зале. Во главе Комитета по международным делам в Госдуме последних двух созывов успешно работали и работают наши выпускники – К. Косачев и А. Пушков. Выпускниками факультета МО являлись и руководители СВР Л. Шебаршин и В. Трубников.

Помимо уже названных академиков-преподавателей и академиков-выпускников факультета МО, хотелось бы также назвать имена российских ученых – мгимовников, ныне составляющих славу российской науки: академики РАН Сергей Рогов, Алексей Арбатов, Анатолий Торкунов, Юрий Пивоваров. Золотой фонд выпускников факультета МО составляют чрезвычайные и полномочные послы СССР и России. Не представляется возможным зачитать весь список наших послов-мгимовников. Поэтому назову только тех послов-выпускников факультета МО, которые ныне «аккредитованы» на факультете МО и щедро делятся с нашими студентами своим богатым опытом и секретами мастерства. Это профессура кафедры дипломатии: Юрий Дубинин, Игорь Мелихов, Владислав Терехов, Павел Лядов, Вячеслав Долгов, Евгений Астахов, Александр Панов, Анатолий Кузнецов и многие другие. Председателями ГЭК на факуль-

тете МО на протяжении последних лет являются послы России – действующие сотрудники МИД РФ – Г.М. Гатилов, З.Н. Кабулов, Б.М. Хакимов, Д.Е. Любинский и др.

Наш факультет поистине международный, и его слава давно перешагнула рубежи нашей Родины. Если вы посмотрите на кадровый состав работников ООН, то увидите, что большинство сотрудников этой международной структуры из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Латинской Америки и Азии составляют выпускники факультета МО и МГИМО в целом.

Дипломатия XXI в. вершится на наших глазах, и иностранные выпускники факультета МО представляют собой скорее не исключение, а правило, занимая высокие посты в государствах дальнего и ближнего зарубежья. Наши иностранные выпускники МО в недавнее время являлись и являются руководителями внешнеполитических ведомств в Словакии и Болгарии, в Монголии и Вьетнаме, Белоруссии и Казахстане и т.д. Выпускники факультета МО из Казахстана и Молдовы в XXI в. стали премьер-министрами, а на днях Ильхам Алиев вновь был избран президентом Азербайджана. Уверен, что к 100-летию юбилею факультета МО мы узнаем имя президента России с дипломом выпускника МГИМО.

Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить руководство МИД РФ и лично министра иностранных дел России С.В. Лаврова за ту заботу, внимание и поддержку, которые оказывает МИД нашему факультету и Институту во всех начинаниях. По случаю нашего юбилея руководство МИД России представило пятерых наших коллег к государственным наградам: зав. кафедрой английского языка № 1 В.Н. Трибунскую, зав. кафедрой индоиранских и африканских языков Е.Л. Гладкову, зав. кафедрой немецкого языка С.В. Евтеева, профессора кафедры востоковедения С.Б. Дружиловского и зав. кафедрой всемирной и отечественной истории В.И. Уколову. Одиннадцать преподавателей и сотрудников факультета удостоены ведомственных наград МИД России и 9 человек получают награды Минобрнауки России.

Хотел бы отметить, что, согласно штатному расписанию, на факультете трудятся 293 преподавателя. Сегодня 244 из них отмечены различного рода поощрениями – от государственных наград до благодарностей ректора Института. Отрадно, что руководство Института во главе с ректором А.В. Торкуновым приняло решение материально поощрить всех без исключения награжденных и выдать 244 денежные премии.

От имени всех присутствующих выражаю еще раз огромную признательность руководству МИД и ректору МГИМО за высокую оценку нашего коллективного труда в деле подготовки высококвалифицированных специалистов-международников.

С праздником, дорогие друзья и коллеги!

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е.Г. Беляевская

ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Москва, ул. Остоженка, 38.

В статье показано, что интерференцию родного языка при изучении иностранного языка можно минимизировать, если исходить при введении нового иноязычного материала не из сопоставления родного и иностранного языков, а из концептуальных представлений (обобщенных смыслов), стоящих за изучаемыми языковыми формами. Такие концептуальные структуры выступают в качестве когнитивной внутренней формы, отражающей особенности выражения смыслов в данном языковом сообществе; они лежат в основе выбора слов в процессе коммуникации и определяют сочетаемость слов. Введение информации о когнитивной внутренней форме в процесс преподавания и изучения иностранного языка позволяет избежать внутреннего перевода с родного языка на иностранный при коммуникации на иностранном языке, способствуя таким образом минимизации интерференции.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингводидактика, преподавание английского языка как иностранного, интерференция родного языка, минимизация интерференции, моделирование, концептуальные основания семантики, концептуальная внутренняя форма, лексические единицы, конструирование текстов на иностранном языке.

На первый взгляд может показаться, что рассмотрение проблем повышения эффективности преподавания иностранного языка, прежде всего преподавания английского языка, русскоязычным обучающимся в контексте когнитивной лингвистики – это соединение двух областей, которые мало связаны друг с другом. Действительно, когнитивная лингвистика, по признанию большинства лингвистов в настоящее время, – это не столько новое направление в теории языка, сколько новая научная парадигма в лингвистических исследованиях. В отличие от предыдущей научной парадигмы лингвистического знания – структурной, – которая ставила своей целью максимально полно описать единицы языковой системы, их взаимодействие и структурные составляющие, когнитивная лингвистика в первую очередь направлена на изучение того, каким образом язык реализует свою способность служить в качестве важнейшего способа получения, хранения, переработки и передачи информации об окружающем человека мире. Иными словами, когнитивная лингвистика – это новая парадигма решения исследовательских задач в теории языка, т.е. область сугубо теоретическая [Беляевская 2003]. С другой стороны, методика преподавания иностранных языков, или лингводидактика, – это наука, изучающая цели, содержание, средства, методы, организационные формы обучения иностранному языку [Щукин 2006: 11]. Лингводидактика – наука, непосредственно выходящая в практику, наука экспериментальная, проверяющая свои теоретические концепции посредством обучающих экспериментов.

Каким образом эти две области знания могут найти точки соприкосновения?

Необходимо отметить, что исследователи всегда постулировали связь теории языка и лингводидактики, поскольку преподавание иностранных языков во многом опирается на данные о системе изучаемого языка, которые получены в ходе лингвистических исследований. Долгое время лингводидактика даже считалась одним из разделов прикладной лингвистики. Вместе с тем лингводидактика основывается на наиболее общих положениях лингвистической теории, а также на самых общих представлениях об уровнях языковой системы, ее единицах и закономерностях их функционирования. Кажется очевидным, что ни методы исследования, принятые в лингвистике, ни многочисленные концепции устройства того или иного участка языковой системы, существующие в лингвистике, не могут найти непосредственного применения в практике преподавания иностранного языка, во-первых, вследствие их сугубо специального характера, который не будет понятен обучающимся, и, во-вторых, вследствие того, что знание частных свойств вряд ли будет способствовать повышению эффективности обучения.

В своей статье мы постараемся показать, что с появлением когнитивной лингвистики взаимодействие и взаимосвязь языкознания и лингводидактики приобретает новое измерение, а то видение

языка, которое когнитивная лингвистика представляет как новая научная парадигма, позволяет реально повысить эффективность обучения. Особая роль, которую когнитивная лингвистика начинает играть в практике преподавания иностранных языков, обусловлена прежде всего тем, что основной целью лингвистических исследований в рамках этой научной парадигмы становится моделирование языковой способности человека, а это очень близко тем конечным целям, которые ставит перед собой лингводидактика.

Основной причиной тех сложностей, которые возникают при изучении иностранного языка, является влияние родного языка обучающихся. Когда маленький ребенок приобретает знание родного языка в процессе общения прежде всего, с родителями (отсюда язык матери – *mother tongue*), его мозг «не занят» никакой другой языковой системой, в результате чего информация о языке и о процессе коммуникации беспрепятственно закладывается в ментальные структуры. Эта информация запоминается и систематизируется автоматически, создавая возможность (путем проб и ошибок) выбирать нужные формы в ходе общения ребенка с окружающими. Другое дело, когда уже в сознательном возрасте человек стремится выучить иностранный язык. В этом случае вся информация о новой, изучаемой, языковой системе воспринимается сквозь призму родного языка и на подсознательном уровне сравнивается с тем, что человек знает на основании знания родной языковой системы. В результате возникает явление «интерференции» родного языка.

В зарубежной лингводидактической традиции сложилось представление о переносе (*transfer*), который определяется как влияние уже имеющегося у индивида знания языка (родного или иностранного) на усвоение им новой иноязычной информации. Подобное влияние подтверждается практикой преподавания, которая показывает, что обучающиеся не могут не переносить свое знание системы родного языка на иноязычный языковой материал. Такой перенос, по мнению современных методистов, может давать как положительный, так и отрицательный результат. Считается, что если факты родного (или ранее изученного иностранного) языка совпадают с новым изучаемым языковым материалом, то он усваивается лучше и ошибки в речи на иностранном языке не возникают. Соответственно несовпадения приводят к прямо противоположным последствиям. В отечественной лингводидактической традиции обычно рассматривается только негативный перенос, то есть влияние родного языка, приводящее к языковым и коммуникативным ошибкам в речи на изучаемом иностранном языке. Это явление получило название «интерференции».

Интерференция – общенаучный термин, который употребляется в разных научных сферах. В самом общем виде интерференция (от лат. *inter* ‘между’ + *ferens* (*ferentis*) ‘несущий, переносящий’) определяется как взаимовлияние двух или более явлений, приводящее к их модификации (к усиле-

нию или ослаблению). Именно в таком значении этот термин используется в естественных науках, прежде всего в физике. В лингвистике интерференция определяется как взаимовлияние двух или нескольких языковых систем или же взаимодействие и взаимовлияние соотносительных явлений в двух или нескольких языках, приводящее к негативным последствиям (к снижению эффективности обучения) в процессе изучения иностранного языка.

Согласно сложившимся в современной лингводидактике представлениям, различия между системами родного и изучаемого иностранного языка автоматически приводят к интерференции родного языка, то есть к негативным последствиям. В свою очередь, предполагается, что отсутствие таких различий не требует особого внимания преподавателя, поскольку интерференции родного языка в данном случае возникать не должно.

Если следовать этой логике, то проблема элиминации (или, по крайней мере, минимизации), влияния родного языка при изучении иностранного языка сводится к рассмотрению сходных черт и различий, существующих в системах родного языка обучающихся и изучаемого иностранного языка. Поэтому неслучайно, что при рассмотрении проблемы интерференции лингводидактика обращается к данным сопоставительной (контрастивной) лингвистики. Однако акцент в контрастивной лингвистике – особом разделе языкознания, имеющем давнюю историю, – делается именно на сопоставлении языковых фактов, а не на демонстрации того, что произойдет, если, например, носитель другого языка построит высказывание на иностранном языке по моделям, принятым в его родном языке. Лингвистам такая постановка проблемы, естественно, кажется искусственной. Поэтому в собственно лингвистических исследованиях проблема интерференции как бы остается в тени: ей посвящено очень мало исследований, а в имеющихся работах не ставится задача объяснения явления интерференции. В настоящее время лингвисты редко задаются вопросом о том, как влияние родного языка сказывается на процессе межкультурной коммуникации, несмотря на то что с лингвистической точки зрения эта проблема небезынтересна. В частности, такой ракурс рассмотрения языкового материала может помочь определить тенденции изменения языка в условиях активной иноязычной инвазии, например при активной миграции.

То, что проблема интерференции родного языка при обучении иностранному языку не обусловлена сходством языковых систем и различиями между ними, а является более глубокой и сложной, подтверждается парадоксальными данными, пришедшими из преподавательской практики. Преподавателям иностранного языка, например английского, хорошо известно, что некоторые весьма существенные различия между русским и английским языками часто не вызывают трудностей у русскоязычных обучающихся, изучающих английский язык. Студентов информируют о новой для них форме выражения, и они начина-

ют внимательно относиться к выбору языковых средств, в результате чего ошибки элиминируются (например, в случае *typical for vs typical of).

Одновременно хорошо известно, что в этих языках имеются также и сходные явления (или же явления, кажущиеся на первый взгляд сходными), которые вызывают систематические и трудно преодолимые ошибки. В частности, хорошо известно, что обучающиеся имеют тенденцию переносить правила сочетаемости, принятые в своем родном языке, на сочетаемость соответствующих слов изучаемого иностранного языка: сильная буря → *strong storm (следует: heavy storm). Причина этой парадоксальной ситуации, по нашему мнению, заключается в том, что лингводидактика исходит в настоящее время из несколько упрощенного принципа, согласно которому, различия между языковыми системами напрямую соотносятся с теми трудностями, которые могут возникнуть у обучающихся при изучении иностранного языка. Лингвистическая традиция в определенном смысле поддерживает это упрощение.

Для того чтобы рассмотреть проблему интерференции в полном объеме, необходимо уточнить, где возникает интерференция родного языка при коммуникации на иностранном (изучаемом) языке и каковы ее причины.

Первый вопрос сводится к систематизации типов интерференции. В связи со сложившейся в структурной лингвистической парадигме традицией, которая оказала существенное влияние на лингводидактические концепции середины XX в., когда говорят об интерференции, то связывают интерферирующее воздействие родного языка с уровнями (и подуровнями) языковой системы. Поэтому среди основных типов интерференции выделяют:

- интерференцию на фонетическом уровне;
- интерференцию на уровне морфологии и грамматики;
- интерференцию на уровне семантики;
- интерференцию на уровне организации текста.

К этому списку можно было бы добавить интерференцию на коммуникативном уровне, т.е. нарушение правил поведения в процессе коммуникации (неправильное использование формул обращения, начала и конца выступления и др.), которая в последнее время привлекает особое внимание в связи с активизацией лингвокультурологических исследований.

Наиболее подробно изучена (и учтена в имеющихся методиках преподавания иностранного языка) интерференция на фонетическом уровне, а также интерференция на уровне морфологии и грамматики. Любой преподаватель иностранного языка, прежде всего английского языка, прекрасно знает о таких типичных ошибках студентов, как: неправильное использование префиксов и суффиксов (*unexperienced вместо inexperienced); неправильное использование грамматических времен; нарушение порядка слов в высказывании; неправильная сочетаемость (*strong storm вместо

heavy storm)); неправильное употребление предлогов (*typical for вместо typical of) и т.д.

Под интерференцией на уровне семантики мы понимаем несовпадение смысловой интенции говорящего с семантикой слов, выбираемых им в процессе коммуникации на иностранном языке. Под интерференцией на уровне конструирования текста мы понимаем нарушение правил конструирования текста (определенного стиля и жанра) в иностранном языке. Существование этих двух разновидностей интерференции в настоящее время мало кем признается. Действительно, мысли, которые рождаются у человека в голове, и соответственно смыслы, которые он передает в процессе коммуникации, являются индивидуальными. Они не зависят от того языка, на котором говорит человек, и, как может показаться, не могут интерферировать. Аналогичным образом каждый текст, который пишет человек, является результатом его индивидуального творчества. Справедливо ли в этом случае говорить об интерференции, если, например, текст, написанный на иностранном языке, покажется необычным носителям языка, поскольку они являются представителями другой культуры?

Следует отметить, что в вопросе о семантической интерференции и интерференции на уровне формирования текста в аргументации как противников, так и сторонников существования таких типов интерференции имеется рациональное зерно. Противники существования семантической интерференции совершенно справедливо указывают на относительную независимость мысли и вербализации. Однако, даже если принять положение о том, что мышление осуществляется в языковой форме, при вербализации должен наступать этап «приспособления» сообщения к условиям коммуникации, в ходе которого определяется регистр высказывания, выбор слов и т.д. И здесь выбор слов может быть неправильным вследствие семантической интерференции, поскольку употребляются слова разных языков, кажущиеся равнозначными семантические особенности, которые могут обеспечить коммуникативный сбой при их выборе.

Проявления семантической интерференции можно заметить во всех видах коммуникативной деятельности на иностранном языке – при говорении, при написании текстов, а также при чтении, когда из-за недостаточно хорошего знания семантики слов иностранного языка обучающиеся могут терять значительную часть содержащейся в тексте информации (см. об этом подробнее: Беляевская, Маляр 2011).

Эти рассуждения логично подводят нас к проблеме источников интерференции родного языка при изучении иностранного языка. Только установив, что вызывает интерференцию, можно попытаться разработать такие методы преподавания, которые позволят ее минимизировать. В качестве основного источника интерференции родного языка мы выделяем внутренний перевод с родного языка на иностранный, которого очень трудно избежать как в процессе обучения ино-

странному языку, так и в процессе самостоятельной межкультурной коммуникации (см. схему 1).

Схема 1. Процесс вербализации смыслового содержания на иностранном языке (стихийно складывающийся процесс)

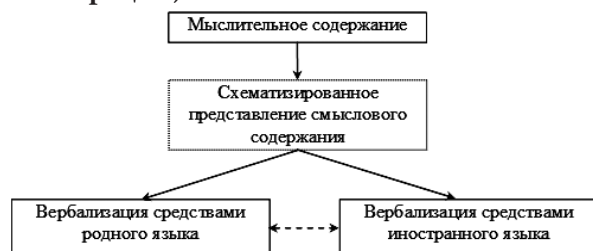
Для того чтобы элиминировать, или, по крайней мере, минимизировать, влияние интерференции родного языка, необходимо сделать процесс вербализации сообщения на иностранном языке управляемым, используя определенную оторванность мыслительного содержания от конкретной вербализации. В этом плане особую роль может сыграть когнитивная лингвистика, в рамках которой разрабатывается новая модель семантики языковых сущностей, непохожая на ту семантическую модель, которая была принята в структурной парадигме лингвистического знания.

Когнитивная лингвистика исходит из представления о семантике слов и других языковых и речевых единиц как о двухуровневой конструкции, где на первом уровне располагается вся информация об обозначаемом (или о предмете сообщения), отражающая всю совокупность знаний об обозначаемом, существующую в данном языковом социуме на данный момент. Эта информация особым образом структурирована благодаря концептуальной структуре, составляющей второй уровень семантики слова [Беляевская 2005]. В семантике языковой единицы, прежде всего слова, в качестве такой структурирующей сущности, связывающей информационные ментальные образования с языковой системой, выступают концептуальная внутренняя форма (КВФ), схематизированное представление, которое выделяет наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его, менее важных для данного обозначения признаков. Концептуальная внутренняя форма формирует своеобразный концептуальный «скелет» обозначаемого фрагмента действительности, превращая его в лексико-семантический вариант многозначного слова или в отдельное однозначное слово. Именно поэтому, по-видимому, существует синонимия – один и тот же фрагмент действительности может получить разные наименования, поскольку разные КВФ закрепляют разные ракурсы «видения»

одного и того же обозначаемого объекта. Многие ошибки в употреблении слов при изучении иностранного языка обусловлены тем, что человек, изучающий иностранный язык, знакомясь с новым для него словом изучаемого языка, идентифицирует обозначаемый им фрагмент действительности и затем ... переносит на этот фрагмент КВФ соответствующего слова своего родного языка. Когнитивные основания семантики лексем носят характер образных, визуальных представлений, целостных схематизированных «картинок» (pictures in your head), причем таких, что каждая из них является уникальной и не повторяется в других лексемах.

Если ввести информацию о неких образах или неких «картинках», стоящих за семантикой слова, в процесс преподавания иностранного языка, то при выборе нужного слова в процессе коммуникации они смогут исходить не из соответствующей единицы родного языка, а из ментальной картинки, соответствующей их замыслу. В этом случае они могут подбирать нужное слово по соответствию его КВФ конкретной ситуации, минуя свой родной язык. Суть предлагаемой модели можно представить в виде следующей схемы. На схеме 2 смысловая соотнесенность высказывания на родном языке обучающихся и на иностранном языке показана пунктирной линией.

Схема 2. Процесс вербализации смыслового содержания на иностранном языке (управляемый процесс)

Приведем примеры.

Английское слово space «пространство», с одной стороны, хорошо усваивается изучающими английский язык, поскольку оно достаточно точно соответствует понятию, обозначаемому русским словом пространство. Например, английское словосочетание three-dimensional space «трехмерное пространство» легко составляется в речи из уже изученных студентами английских слов. Однако целый ряд контекстов употребления данного слова вызывает у обучающихся затруднения. Так, например, фраза Towns need more green space вызывает у них непонимание, и требуется достаточно длительное логическое построение, чтобы восстановить передаваемый смысл. Для этого необходимо помнить, что в русском языке понятие, обозначаемое словом пространство, предполагает наличие некоторых границ, что является для этого слова определяющим. Наличие каких-либо объектов в пространстве не фиксируется данной номинацией в русском языке. В отличие от русского языка для английского языка представление о заполненности пространства некоторыми предметами (объектами) является определяющим, поэтому

словосочетание green space должно трактоваться как «пространство, заполненное зелеными объектами». Далее на основании выводного знания легко сделать заключение о том, что здесь имеются в виду зеленые деревья, лужайки и т. д. и, таким образом, приведенная английская фраза означает «В городах должно быть больше парков и скверов/больше зелени».

Представление о заполненности пространства и о наличии некоторого центра, по отношению к которому это пространство, собственно, и определяется, дает еще один контекст, характерный для английского языка, но полностью отсутствующий в русском языке, что вызывает трудности с пониманием данного контекста у носителей русского языка. Так, по-английски можно сказать: The children were given little personal space (букв. – Детям дали слишком мало личного пространства) или же It isn't within her space (букв. – Это не в ее пространстве). Первый импульс носителя русского языка – восприятие этих контекстов в буквальном смысле, то есть соотнесение описываемых ситуаций с конкретным физическим пространством. В этом случае в переводе на русский язык могут появиться такие высказывания, как: У детей было мало места для игры. У нее для этого мало места. На самом деле в английском языке под словом space здесь понимается «time and freedom to do things how and when you want», то есть «абстрактная возможность делать то, что человек хочет, а также так и когда он хочет». Поэтому первую из приведенных выше английских фраз следует перевести: Детям не разрешали играть так, как они того хотели/Детям не предоставляли необходимой для них свободы действий. Перевод второй фразы будет зависеть от контекста. Если в более широком контексте идет речь о возможности понять ситуацию и предпринять действия, адекватные этой ситуации, то, например, фраза Don't expect any understanding on her part, it isn't within her space фактически означает: Не ожидайте от нее понимания. Подобные вещи ей просто непонятны. В свою очередь, для контекста Don't expect her to be helpful, it isn't within her space, в котором говорится о возможной помощи со стороны той женщины, о которой идет речь, перевод может быть следующим: Не ожидайте от нее помощи, она на это не способна.

Приведем также и другие примеры, которые редко принимаются во внимание, но могут существенно дополнить уже имеющиеся в лингводидактической литературе материалы. Изучающий английский язык студент, для которого русский язык родной, в своей речи на английском языке может сказать: *Dust stood in the air 'Пыль стояла в воздухе' или *Dust was flying in the air 'Пыль летала в воздухе', хотя по-английски в обоих случаях надо сказать: Dust was floating in the air. Другие примеры: вместо *I want my money to lie in the bank for a while 'Пусть мои деньги полежат в банке' следует сказать: I want my money to sit in the bank for a while to grow a little; вместо *The tape-recorder stands on the night table 'Магнитофон стоит на ночном столике'

подходящей формой выражения на английском языке была бы: *The tape-recorder sits on the night table*; вместо **He sits in prison* 'Он сидит в тюрьме' правильно было бы сказать: *He is in prison*. Для носителя английского языка фразы, отмеченные звездочками как невозможные в этом языке, непонятны, бессмысленны. Носителю русского языка, напротив, они кажутся вполне корректными, поскольку в них воспроизводятся привычные для этого языка сочетания слов и они представляют собой буквальный (пословный) перевод русских фраз на английский язык.

Приведем еще один пример, который обычно вызывает значительные затруднения при обучении английскому языку русскоязычных студентов. В русском языке продуцируемый в ходе речевой деятельности текст воспринимается как некоторое множество слов, формируемое автором текста, причем сам текст рассматривается как некое пока еще не завершенное единство, автор которого в определенном смысле общается с возможным читателем, рассказывая ему о некоторых событиях, описывая некоторые картины и объясняя некоторый материал. Поэтому, говоря о тексте или же составляя на некоторый текст рецензию, носитель русского языка будет часто использовать такие конструкции, как в тексте говорится, автор подробно описывает, текст распадается на три части, в тексте содержится описание (важная информация) и т. д.

В отличие от русского языка, в английском языке текст воспринимается как некий контейнер, в котором содержится некоторая информация, а также как некое пространство, которое имеет некоторый объем и некоторую протяженность. Соответственно в английском тексте реализуются многочисленные маркеры, указывающие на порядок расположения информации в тексте и в определенном смысле на направление движения читателя по тексту, то есть на порядок получения читателем содержащейся в тексте информации [Беляевская 2010]. Подобные концептуальные различия проявляются в том, что носитель английского языка и носитель русского языка, рассказывая о тексте, выберут разные формы выражения. Носитель английского языка использует следующие выражения, которые в большинстве своем не будут совпадать с теми формами, которые приняты в русском языке:

The text centers on... (букв. – *Текст концентрируется на...);

The text contains three parts (букв. – Текст содержит три части);

The text presents an episode... (букв. – *Текст представляет эпизод...);

The text sums up the up-to-date findings (букв. – *Текст суммирует известные к настоящему времени (научные) результаты);

Further on the text develops the theory of... (букв. – *Далее текст развивает теорию...) и т. п.

Таким образом, в английском языке текст описывается как живое существо, которое рассказывает, показывает, суммирует информацию,

передавая ее читателю. Текст рассматривает проблему, анализирует ее. В русском же языке в аналогичных ситуациях преобладают безличные формы выражения.

В русском языке текст также персонифицируется, но в гораздо меньшей степени, чем в английском. По-русски можно сказать: Текст повествует о событиях, но остальные из приведенных выше примеров, которые представляют дословные переводы английских форм выражения на русский язык, воспринимаются носителями русского языка как невозможные, то есть не соответствующие нормам русского языка. И наконец, в английском языке текст – это своеобразное путешествие, которое начинается (*We start with the description of...*; *It provides an excellent point of departure* и т. п.), продолжается (*Now we pass over to the discussion of...*; *proceeding from...* и т. д.) и заканчивается (*We are close to our destination now...*); при этом путешественник (автор или читатель) может уклоняться от основной линии движения (*It is a side-issue in our discussion, but...*), возвращаться к предыдущему изложению (*Going back it is possible to state that...*) и т. д. Буквальный перевод приведенных выше форм на русский язык показывает, что не все они воспринимаются как допустимые в соответствии с нормами русского языка. Ср.: Мы начинаем с описания...; *Это создает прекрасную отправную точку для (дальнейшего изложения)...; Теперь мы переходим к...; исходя из...; *Мы приближаемся к пункту назначения...; *Это побочный вопрос в нашем обсуждении...; Возвращаясь (к уже сказанному), можно констатировать, что...

Описанная выше трактовка пространства текста в английском языке наиболее ярко проявляется в аргументативном дискурсе, в частности в научном изложении. Она характерна для научных статей, отзывов и рецензий, когда описывается содержание текста. Использование пространственной модели формирования текста в научном изложении обусловлено прежде всего тем, что научный стиль повторяет ход научного исследования, которое также может быть представлено как путешествие от начальной точки (постановки задачи) к финальной точке (получению научных результатов). В русском языке пространственная модель текста также реализуется в научном стиле, однако она имеет ограниченное распространение, что и обуславливает интерференцию родного языка в тех случаях, когда русскоязычные студенты составляют высказывания на изучаемом английском языке.

Новые примеры, которые мы постарались привести для иллюстрации уже хорошо известных положений лингводидактики о том, что интерференция родного языка проявляется в переносе норм лексической и грамматической подсистемы родного языка (русского) в речь на изучаемом иностранном языке (английском), подводят нас к важному выводу. Он заключается в том, что конкретные проявления интерференции родного языка на лексическом и грамматическом уровне представляют собой

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

не отдельные, разрозненные, случаи семантических несовпадений в родном и изучаемом иностранном языке, но являются результатом более глубоких процессов – процессов формирования концептуальных структур, лежащих в основе организации высказываний и текстов. Соответственно, для минимизации интерференции

необходимо не только корректировать отдельные неправильные употребления лексических единиц и/или грамматических конструкций, но и формировать у обучающихся знание глубинных концептуальных принципов организации системы изучаемого иностранного языка (английского).

Список литературы

1. Беляевская Е.Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С.60 – 72.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколько словные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. Вестник МГЛУ, вып. 500. М.: Изд-во МГЛУ, 2005. С. 9 – 24.
3. Беляевская Е.Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) // Когнитивные исследования языка. Вып.7. Типы категорий в языке. Сб. науч. трудов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 101–109.
4. Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 179 с.
5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. 480 с.
6. Fillmore Ch. J. Topics in lexical semantics // Current Issues in Linguistic Theory (ed. By R. W. Cole). – Bloomington and London: 1977. P.76 – 138.

Об авторе

Беляевская Елена Георгиевна – д.филол.н., профессор кафедры стилистики английского языка факультета Гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет». Научная специализация: общая семантика, когнитивная лингвистика, общая и английская лексикология, общая и английская стилистика, лингвистика текста. E-mail: vestnik@mgimo.ru

COGNITIVE LINGUISTICS IN SECOND LANGUAGE AQUISITION

E.G. Beliaevskaya

Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation, 119034.

Abstract: *The paper sets out to prove that the influence of the learner's first/second language on the acquisition and use of other languages may be minimized, and ultimately eliminated, if the process of language teaching and language learning centers on the conceptual structures underlying the semantics of language units. Such conceptual structures (the conceptual inner form) shaping the peculiarities of the mode of expression characteristic of the given language community determine the choice of words in the process of communication and word combinability; if applied in second language teaching and learning they help avoid subconscious translation from the learner's first language into a second/third, thus bringing down the interfering effects.*

Key words: cognitive linguistics; second language teaching; English as a second language; native tongue negative transfer; minimizing negative transfer; modeling; conceptual structures underlying semantics; conceptual inner form; lexemes; second language text construal.

References

1. Beliaevskaya E. G. Three scientific paradigms in semantics (traditional approach vs cognitive approach to lexical semantics) // Linguistic Scientific Paradigms of the XXI century: on the Crossroads: grammar, semantics, word-formation: Proceedings of the International Conference: Kaliningrad: Kaliningrad University Press, 2003. P. 60 – 72. – Tri paradigm semanticheskikh issledovaniy (chem otlichaetsia kognitivniy podkhod ot traditsionnogo) // Na styke paradigm lingvisticheskogo znaniya: grammatika, semantika, slovoobrasovaniye: Materialy mezhdunarodnoy konferentsiyi: Kaliningrad, 2003. – S.60 – 72.
2. Beliaevskaya E. G. Conceptual Structures Underlying the Semantics of Language Units (from lexicology to phraseology) // Multiword language units in English (from lexicology to phraseology). – Proceedings of Moscow State Linguistic University, No 500. – Moscow: MGLU University Press, 2005 – P. 9 – 24. – Kontseptual'nyie osnovaniya semantiki yazykovykh yedinit (ot leksikologiyi k fraseologiyi) // Neskol'koslovnyie yedinity nominatsiyi v angliyskom yazyke (ot leksikologiyi k fraseologiyi). – Vestnik MGLU, vypusk 500. – Moskva, 2005. – S. 9 – 24.
3. Beliaevskaya E. G. Text as a Spatial Structure (the problem of the levels of categorization) // Cognitive Studies of Language. Vol. 7. Types of Categories in the Language. Collection of papers. – Moscow – Tambov, 2010. – P. 101 – 109. – Tekst kak prostranstvennaya struktura (k probleme urovney kategorizatsiyi) // Kognitivniye issledovaniya yazyka. Vyp. 7. Typy kategoriy v yazyke. Sb. nauch. trudov. – Moskva – Tambov, 2010. – S. 101 – 109.
4. Beliaevskaya E. G., Malyar T. N. Principles of Minimizing Native Language Negative Transfer in Second Language Acquisition (spatial and temporal conceptual structures in English and in Russian) – Moscow: MGLU University Press, 2011. – 179 p. – Printsypy minimizatsiyi interferentsiy rodnogo yazyka pri obutchenii inostrannomu yazyku (Kontseptual'nyie struktury prostranstva i vremeni v angliyskom i russkom yazykakh). – Moskva: IPK MGLU "Rema", 2011. – 179 s.
5. Stchukin A.N. Teaching Foreign Languages: Theory and Practice: A guide for teachers and students. 2nd ed. Revised. – Moscow: Philomatis, 2006. – 480 p. – Obucheniye inostrannym yazykam: teoriya i praktika: uchebnoye posobiye dlya prepodavateley i studentov. 2-ye izd. ispr. i dop. – Moskva: Filomatis, 2006. – 480 s.
6. Fillmore Ch. J. Topics in lexical semantics // Current Issues in Linguistic Theory (ed. By R. W. Cole). – Bloomington and London: 1977. – P.76 – 138.

About the author

Beliaevskaya E. Georgiyevna – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of English Stylistics (Department of Humanities and Applied Sciences) of Moscow State Linguistic University. Domain of research: general semantics, cognitive linguistics, general lexicology, English lexicology, general stylistics, English stylistics, text linguistics. E-mail: vestnik@mgimo.ru

КОМПЕТЕНТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

И.А. Мазаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского 76.

Статья содержит описание педагогического опыта проектирования и включения в педагогическую практику профессионального компетентностно - ориентированного обучения иностранному языку единых преемственных рейтинговых шкал критериального оценивания умений (компетенций) иноязычной профессиональной речи в различных жанрах профессиональной речи для уровней владения иноязычной коммуникативной компетентностью A1 - C1 по классификации Совета Европы. Проектирование было осуществлено кафедрой английского языка факультета политологии МГИМО(У). В статье анализируются теоретические положения относительно содержания и оценки компетентностных результатов образования, а также вопросы проектирования и введения в педагогическую практику высшего образования инновационных компетентностно-ориентированных педагогических технологий оценивания. В статье рассматривается технология создания и внедрения критериального оценивания продуктов учебной деятельности студентов, как один из видов компетентностно - ориентированного оценивания, который способствует достижению компетентностного результата образования и позволяет определять, описывать и стандартизировать образовательные результаты с точки зрения заданных характеристик овладения компетентностью, создавать оценочные шкалы, которые направляют оценочную деятельность преподавателя и учебную деятельность студента, определять этапность и скорость становления отдельных составляющих компетенции, снижать уровень конфликтности во взаимоотношениях «преподаватель – студент» при оценивании достижений студентов, информировать преподавателя и студентов в отношении темпов и качества становления иноязычных профессиональных компетенций.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, компетентностный подход, критериальное оценивание.

В последнее десятилетие XXI в. российское высшее образование характеризуется, как известно, разработкой и внедрением новых стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) на основе компетентностного подхода, в котором компетентность/компетенции рассматриваются как цель и результат образования. При существующей множественности трактовок понятий «компетенция» и «компетентность» следует фиксировать прежде всего принципиальное отличие компетентностного результата образования от понимания результата образования в рамках предыдущей парадигмы. Так, например, авторы документа «Стратегии модернизации содержания общего образования» определяют содержание понятия «компетентность» в сравнении с традиционной трактовкой результата образования следующим образом: «это понятие шире понятия знания, или умения, или навыки, оно включает их в себя. Понятие «компетентность» включает не только когнитивную и операционально-технологические составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую (курсив – И.А.М.)» [Стратегии модернизации содержания..., с. 14].

С психологических позиций понимание компетентностного результата образования существенно получило развитие в работах академика РАО, профессора И.А. Зимней [Зимняя, 2003; 2005; 2006; 2007; 2012]. В соответствии с И.А. Зимней «компетентность» воплощает в себе результаты образовательного процесса и представляет собой «прижизненно формируемое, этносоциокультурно обусловленное, актуализируемое в деятельности, во взаимодействии с другими людьми, основанное на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленное интегративное личностное качество человека, которое, развиваясь в образовательном процессе, становится и его результатом» [Зимняя, 2012, с. 9]. Для обучения иностранным языкам важно, что коммуникативная компетентность обучающегося также определяется автором как «достижимый в объемном многоплановом разном по стилю и жанру общении результат, который представляет собой: «а) прижизненно формируемое на базе врожденной языковой способности приобретения и использования языковых средств и речевых способов формирования и формулирования мысли, б) этносоциокультурно обусловленное личностное качество человека, в) актуализируемое его рецептивно-продуктивной речевой деятельностью в процессах вербального общения и г) реализующее высшую психическую функцию человека – коммуникативную (ВКФ)» [Зимняя, 2012, с. 14].

При этом для рассмотрения вопросов оценивания компетентности особую значимость имеет положение И.А. Зимней о том, что «компетенции» как внутренние потенциальные когнитивные образования затем актуализируются в деятельности (курсив – И.А.М.) и являются предпосылкой и основой формирования «компетентности» как «актуализированного, интегративного, базирующего-

ся на знаниях, интеллектуально и социо-культурно обусловленного личностного качества, проявляющегося в деятельности, поведении человека, в его взаимодействии с другими людьми в процессе решения разнообразных задач (курсив – И.А.М.)» [Зимняя, 2012, с. 14].

Изменение парадигмы результата образования неизбежно влечет за собой изменение способов и форм оценивания результатов образования. В этом отношении современная теория образования делает акцент на существовании неразрывной связи между образовательными целями, содержанием образования и объектами оценивания. Отмечается, что данный вид связи представляет собой динамический цикл: образовательные цели – содержание обучения – объекты оценивания [Chase, 1999, с. 20-21].

В западной педагогической литературе термин оценивание (assessment) является общим для различных процедур по сбору информации об успеваемости обучающихся, которые используются для оценки степени достижения образовательных результатов. Оценивание (оценка) в узком смысле (evaluation) представляет собой определение ценности события, объекта или индивида в соответствии с определенным критерием [Chase. 1999. С. 4-5].

В условиях смены парадигмы образовательного результата, когда в качестве результата образования рассматривается «компетентность», проявляющаяся в деятельности и поведении человека, в его взаимодействии с другими людьми в процессе решения разнообразных задач, включая профессиональные, востребованными оказываются такие виды оценивания, которые позволяют оценивать целостные деятельностные и поведенческие проявления компетентности обучающегося (performance assessment). Такое оценивание производится при демонстрации обучающимся усвоенных умений при его вовлеченности в деятельность или при создании им продукта учебной деятельности [Chase. 1999. С. 213]. Оценивание деятельности и поведения существует во многих формах и имеет различные виды сложности. Наибольшее распространение в высшей школе получили такие виды, как критериально-ориентированное оценивание, листы оценивания, а также технология «Портфель». Далее в статье рассматривается критериально-ориентированное оценивание продуктов иноязычной речевой деятельности (текстов) как пример компетентностно-ориентированного оценивания.

Под критериально-ориентированным (criterion referenced) оцениванием понимают «процесс оценивания (и оценки) учения студентов относительно совокупности заранее определенных критериев» [Analytic Quality Glossary]. Такое оценивание требует создания стандартов соответствия, которые служат для преподавателей своеобразным «гидом» при проведении оценивания. Такие критерии обычно содержат в первую очередь основные составные части умений, этапы выполнения деятельности, а также основные характеристики действий, составляющих оцениваемые

умения. Инструктирующие материалы по критериальному оцениванию уточняют параметры, уровень или стандарт демонстрируемого поведения, который студенты должны продемонстрировать [Constructing Assessment Criteria].

Оценивание демонстрируемых умений (компетенций) основано на сравнении наблюдаемого поведения с существующей для данного вида деятельности уровневой системой описания качества выполнения действий. Последняя чаще всего основывается на рейтинговых шкалах, которые представляют собой континуум от полностью несоответствующего требованиям владения умением до полностью соответствующего. Обычно деления в шкалах соответствуют этапам освоения умения, каждый отмеченный на шкале этап маркируется словами и фразами, определяющими и описывающими степень освоения умения. Они получили название «дескрипторов». При осуществлении оценки умения преподаватель выбирает дескриптор, который наиболее точно характеризует демонстрируемое обучающимся умение. В некоторых рейтинговых шкалах для каждого из дескрипторов существует числовой эквивалент [Chase. 1999. С. 226-227].

Критериальное оценивание широко используется в практике обучения иностранным языкам и оценки уровня владения, в частности, оно имеет длительную историю функционирования в практике западных экзаменов, верифицирующих уровень владения иностранным языком (FCE, IELTS и других). Примером широкомасштабной разработки критериальной таксономической схемы уровней владения иноязычными компетенциями является проект «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком», выполненный Отделом современных языков Совета Европы в 2002 г. [The Common European Framework, 2001].

Кафедра английского языка факультета политологии МГИМО(У) МИД России провела опытное проектирование критериев оценивания продуктивных видов речевой деятельности (письменной и устной речи для образовательных программ по дисциплинам «Английский язык (основной)» и «Английский язык (второй)» для направления подготовки «Политология» (квалификация – бакалавр политологии) для различных уровней освоения профессиональной иноязычной компетентности (от A1 до C1) для восьми семестров обучения.

На первом этапе опытного проектирования основной задачей являлось определение преемственных критериев оценивания иноязычной письменной речи для жанров письменных текстов различного уровня сложности в целях создания стандартов достижений обучающихся относительно конечных образовательных результатов, в качестве которых выступает профессиональная иноязычная коммуникативная компетентность политолога. Последняя включает в себя такие «компетенции», как готовность создавать письменные тексты различных жанров, таких, как деловые письма, тексты письменных докладов, аналитиче-

ских справок, эссе (сравнительное, «за и против», аргументативное, «причина – следствие») и др.

Программа дисциплины «Английский язык» на факультете политологии [Мазаева, Павлова, 2008] предусматривает последовательное освоение студентами этих жанров в логике «от простого к сложному», в основу которого положена иерархия коммуникативных задач, отражающая сложность интеллектуальных умений, требуемых для их выполнения [Зимняя, Малахова, Путиловская, Хараева, 1980; Мазаева, 2003]. Последовательность коммуникативных задач суть следующая: первыми подлежат освоению обучающимися коммуникативные задачи информирования и описания и соответствующие им текстовые фреймы, реализующиеся в соответствующих жанрах, затем коммуникативные задачи сравнения, объяснения, доказательства и убеждения.

Опытное проектирование единых критериев оценивания для рейтинговых шкал ставило перед собой задачу определения «сквозных» характеристик речевой деятельности, которые могли бы характеризовать достижения обучающегося в овладении профессиональной речью на всем континууме научения. Теоретической основой для определения таких критериев стали основные характеристики текста как продукта речевой деятельности [Зимняя, 2001]: а) его мотивационного уровня, то есть того воздействия, которое текст должен произвести на читающего/слушающего; б) предметно-денотативного уровня; в) смыслового уровня (уровня смыслового содержания и его логической организации); г) языкового плана как совокупности языковых средств по критерию отбора и сочетаемости лексики, а также по критерию их нормативности и сложности; д) речевого плана как своеобразия способов формирования и формулирования мысли, отражающих форму и условия общения и индивидуальные особенности говорящего; е) фонационного плана для устного текста и орфографического для письменного [Зимняя. 2001. С. 191-193].

Разработанная кафедрой шкала оценивания представляет эти характеристики в дидактической адаптации как девять критериев оценки письменной речи: соответствие теме задания, соответствие заданному текстовому фрейму, логичность высказывания, связность высказывания, объем высказывания, функциональная адекватность высказывания, вариативность языковых средств, распространенность синтаксических структур, языковая корректность. Полученные в результате опытного проектирования критерии оценки письменной речи обнаруживают большие зоны пересечения с критериями оценивания речи, используемыми в западной практике оценивания умений устной и письменной речи, например в серии Кембриджских экзаменов по общему английскому языку. Так, оценочные шкалы для письменной речи FCE (First Certificate in English) включают следующие критерии: «содержание», «вариативность языковых средств», «организация текста и его связность», «адекват-

ность регистра и стиля», а также эффективность влияния на заданного читателя [Cambridge First Certificate, с.10].

На втором этапе опытного проектирования экспериментально решалась задача создания дескрипторов для каждого из выше означенных критериев для отдельных видов письменных текстов, определяющих и описывающих степень освоения каждого умения. Это требовало определения стандарта проявления каждого умения (текстовой характеристики), который оценивается как «отличное владение», а также разработки дескрипторов в соответствии с пятибалльной шкалой оценивания для описания других уровней качества владения данным умением. Каждый из дескрипторов описывает проявление качества умения, а также в большинстве случаев имеет числовые показатели, характеризующие это качество. Таким образом, кафедрой были разработаны критериальные оценочные шкалы для всех видов письменных текстов, которые осваивают студенты в процессе профессиональной подготовки по иностранному языку. Суммарно эти рейтинговые шкалы позволяют проследить становление умений профессиональной письменной речи студентов за весь период обучения в соответствии с основными характеристиками текста.

При том, что опытное проектирование таких оценочных шкал проводилось в два этапа, как показала практика, следует учитывать тот факт, что для того, чтобы перевести новую педагогическую технологию на уровень эффективной педагогической практики, требуется организовать еще два важных образовательных процесса. Первый сопряжен с достижением консенсуса в педагогическом коллективе в отношении необходимости и эффективности применения новой технологии, а также с последующим обучением педагогического коллектива использовать новые технологии. А второй – с обучением студентов понимать, принимать и эффективно использовать результаты критериального оценивания для развития своих иноязычных речевых умений.

Второй процесс требует разработки доступных студентам критериальных оценочных шкал. В качестве таковых могут использоваться листы

оценивания. Листы оценивания (checklists) обычно представляют собой набор компонентов, составляющих умение. В ряде случаев в виде таких компонентов выступают этапы выполнения действия, которые должны быть представлены в требуемой последовательности. В других случаях, как в случае с иноязычными умениями речевой деятельности, листы оценивания включают характеристики продукта, созданного в процессе учебной деятельности. Такие листы используются в качестве измерительной шкалы, с помощью которой проводится измерение учебных результатов обучающегося и принимается решение в отношении того, насколько им усвоено содержание обучения [Chase. 1999. С. 229]. Листы оценивания основываются на рейтинговых шкалах, которые также должны быть известны обучающимся.

Опыт использования компетентно-ориентированного критериального оценивания кафедрой позволил определить его следующие образовательные характеристики.

Во-первых, такой вид оценивания создает единый стандарт проведения оценивания, что делает результат оценивания (оценку) более объективным и надежным.

Во-вторых, критериально-ориентированное оценивание организует оценочную деятельность преподавателя: направляет внимание при оценочном чтении на заданные критериями характеристики текста; служит ориентиром для того, какие баллы присваивать за каждую из характеристик; обеспечивает согласованность действий педагогического коллектива в отношении оценивания каждого вида текста; снимает конфликтность в отношениях с обучающимися при выставлении оценки; создает «обратную связь» с обучающимися, так как указывает на те характеристики речевой деятельности, которые нуждаются в дальнейшем совершенствовании в образовательном процессе.

В-третьих, такой вид оценивания, организует учебную деятельность обучающегося: способствует пониманию и принятию требований к характеристикам продукта учебной деятельности (текста); информирует о достижениях в освоении речевых умений; создает условия для принятия внешней оценки и ее перехода во внутреннюю (самооценку).

Список литературы

1. Зимняя И.А., Малахова В.А., Путиловская Т.С., Хараева Л.А. Педагогическое общение как процесс решения коммуникативных задач // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся / Под ред. А.А. Бодалевой, В.Я. Ляудис. М., 1980. С.53-65.
2. Зимняя И.А. Текст как продукт речевой деятельности// Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.
4. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11.

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

5. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8.
6. Зимняя И.А., Лаптева М.Д., Морозова Н.А. Социальные компетентности выпускников вузов в контексте государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и проекта TUNING // Высшее образование сегодня. 2007. № 11.
7. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе № 6. 2012. С. 6-16.
8. Мазаева И. А. Профессиональная коммуникативная культура в содержании подготовки специалиста (на материале профессий "человек – человек"). Дисс. на соиск. ученой степени кандидата пед. наук. М., 2003.
9. Мазаева И.А., Павлова Н.Н. (общая редакция). Образовательная программа дисциплины «Английский язык» (основной). Специальность 0202200 «Политология». Квалификация – бакалавр политологии. Компетентностно-ориентированная образовательная программа дисциплины М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2008. 63 с.
10. Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001.
11. Analytic Quality Glossary. <http://www.qualityresearchinternational.com/glossary/>
12. Cambridge First Certificate in English 6. TEACHER'S BOOK. Examination papers from University of Cambridge ESOL Examinations: English for Speakers of Other Languages. – 2003, Cambridge University Press.
13. Chase, Clinton, I. Contemporary assessment for educators. – 1999, Addison Wesley Longman, Inc.
14. Constructing Assessment Criteria. Assessment resource center. <http://www.polyu.edu.hk/assessment/arc/action/index.htm>
15. The Common European Framework of Reference for Languages. The Language Policy Division, Council of Europe, Strasbourg. Cambridge University Press, 2001.

Об авторе

Мазаева Ирина Александровна – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой английского языка факультета политологии МГИМО(У) МИД России, научный руководитель магистратуры «Подготовка переводчиков для международных организаций» по направлению «Педагогическое образование». E-mail: mazaieva@yandex.ru

THE COMPETENCE-BASED FOCUSED FORMS OF ESTIMATION OF PROFESSIONAL FOREIGN-LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE (CRITERIA ESTIMATION)

I.A. Mazaieva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article contains a description of an experimental criterion referenced assessment marking schemes design based on the theory of the socio-cultural approach to cognitive development (Zimnaya I.A.). The article envisages the progress in ESP writing and speaking skills as a part of cognitive development and suggests a cognitive development oriented progression of communication tasks necessary to reach the required ESP learning outcomes - communicative competence in ESP. It also contains a pedagogical strategy of developing criteria-referenced descriptors of performance assessment which serve as guidelines for teachers as well as a strategy of developing checking lists for students. The article provides some significant insights into the effect of criteria- referenced assessment on teacher and student development.*

Key words: competence, communicative competence, competence-based approach, performance assessment, criterion referenced assessment.

References

1. Zimnaya I.A., Malakhova V.A., Putilovskaya T.S., Kharayeva L.A. Teacher - student communication as a process of managing communication tasks / Edited by A.A. Bodaleva, V.Y. Liaudis. - M.: 1980, 53-65.
2. Zimnaya I.A. Text as a product of speech activity // Language Psychology of speech activity. - M.: Moscow Psychological-Social University, Voronezh, 2001.
3. Zimnaya I.A. Key competencies: a new learning outcomes paradigm // Vysshee Obrazovanie Segodnja. 2003. № 5
4. Zimnaya I.A. A person's culture and social and professional competence // Vysshee Obrazovanie Segodnja. 2005. № 11.
5. Zimnaya I.A. Competence-based approach: its place in the system of contemporary approaches to university education challenges (aspects of theory and methodology) // Vysshee Obrazovanie Segodnja. 2006. № 8.
6. Zimnaya I.A., Lapteva M.D., Morozova N.A. Social competencies of university graduates in the context of the State Education Standard and the TUNING project // Vysshee Obrazovanie Segodnja. 2007. № 11.
7. Zimnaya I.A. Competence and competency in the context of the competence - based approach // Inostrannye Jazyki v Shkole. № 6, 2012.
8. Mazaieva I.A. Professional culture and communication in the content of university education (the analysis of State Standards in people-oriented professional education). PhD Dissertation in Education. – M., 2003.
9. Mazaieva I.A., Pavlova N.N. (ed). English as the first foreign language. Competence-based syllabus for students of Political Affairs - M.: MGIMO University, 2008.
10. The strategy of school curriculum modernization. Materials on Curriculum and instruction innovation for developing documents on school education. – M., 2001.
11. Analytic Quality Glossary. <http://www.qualityresearchinternational.com/glossary/>
12. Cambridge First Certificate in English 6. TEACHER'S BOOK. Examination papers from University of Cambridge ESOL Examinations: English for Speakers of Other Languages. – 2003, Cambridge University Press.
13. Chase, Clinton, I. Contemporary assessment for educators. – 1999, Addison Wesley Longman, Inc.
14. Constructing Assessment Criteria. Assessment resource center. <http://www.polyu.edu.hk/assessment/arc/action/index.htm>
15. The Common European Framework of Reference for Languages. The Language Policy Division, Council of Europe, Strasbourg. Cambridge University Press, 2001.

About the author

Irina A. Mazaieva – PhD in Education, Head of the Department of English at the School of Political Affairs, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Academic Director of Master's Degree Program "Translators' and Interpreters' Training for International Organizations - «Methodology of Training Translators and Interpreters for International Organizations». E-mail: mazaieva@yandex.ru

КУРСКАЯ БИТВА В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ

А.А. Падерин

Россия, 620146, Екатеринбург, ул. Фурманова, д. 125, кв. 155.

В статье рассматривается, как в западной историографии освещается одна из крупнейших битв Великой Отечественной и в целом Второй мировой войн – битва под Курском: замыслы противоборствовавших сторон, степень готовности к предстоявшему сражению, соотношение имевшихся людских ресурсов и боевой техники, ход выполнения поставленных задач, особенности стратегии и оперативно-тактических действий, допущенные германской стороной ошибки и просчеты, приведшие к поражению. Автор считает, что фундаментом для формирования представлений большинства западных историков о событиях на советско-германском фронте летом 1943 г. явились подготовленные по заданию Военно-исторической службы армии США разработки пленных гитлеровских генералов и офицеров. Именно их труды сыграли важную идеологическую и в какой-то степени методологическую роль для всей последующей западной литературы об антигитлеровской войне. Пытаясь оправдать самих себя, немецкие генералы объясняли поражение вермахта случайными факторами, непосредственно не связанными с их собственной деятельностью как военных руководителей, в частности ошибками высшего политического и военного руководства Германии, климатическими и географическими особенностями театра войны в России и т.д. В статье рассмотрены противоречивые оценки битвы под Курском западными историками; формы, методы и средства фальсификации истории и роли этой битвы в ходе всей войны; использована методика разоблачения попыток исказить суть событий и итоги битвы; сформулирована современная научная оценка величайшего сражения лета 1943 г. на советско-германском фронте и во всей Второй мировой войне.

Ключевые слова: Курская битва, завершение коренного перелома в войне; замыслы противоборствовавших сторон; основные причины провала операции «Цитадель», противоречивые оценки хода и итогов битвы.

Нам, россиянам, крайне неприятно сознавать, что о России в мире знают мало и зачастую выдумывают всякую несуслаицу. К сожалению, эти выдумки на уровне молвы нередко формируют репутацию нашей страны и ее граждан за рубежом. Конечно, не среди высокообразованных интеллектуалов, так или иначе знакомых с российской историей и культурой. Имеются в виду преувеличивающие в сознании разношерстного и весьма многочисленного слоя западных обывателей мнения. Они поражают нелепостью суждений и оценок. Так, в канун Дня Победы, 8 мая 2009 г., в Интернете появились письма американцев, сильно возмущенных «российскими наездами на Америку» [11]. Их авторы явно ознакомились с историей Второй мировой войны, важнейшей частью которой являлась Великая Отечественная, только по фильмам типа «Спаси рядового Райана», в связи с чем свято верят в то, что эту войну выиграла Америка, а русские лишь «немного помогли».

Вот что пишет в своем письме, например, гражданин США по имени Марк: «Я был в Петербурге в 1997 г. и был шокирован холодными огромными зданиями. Сталинский стиль, не так ли вы это называете? Безобразно. Увидев на стенах следы разрушений от пуль и бомб, я спросил гида, откуда это. Она сказала: «Следы войны». Я удивился: какой войны? Я жил в Лондоне одно время, но там не было подобных следов разрушений. Что же такое происходило в Санкт-Петербурге? Может, я проспал урок истории? Я попросил уточнить. Она подтвердила, что речь идет о Второй мировой войне. Но это уже не выдерживает никакой критики – спустя 50 лет, после того как США спасли Россию от Гитлера (выделено мной. – А.П.) они даже не смогли очистить город» [11]. А вот отрывок из письма – укоризненного обращения к россиянам жительницы штата Огайо: «Вы не должны быть настолько предвзяты по отношению к стране, которая спасла вас от нацистского главенства во Второй мировой войне и которая постоянно оказывает вам помощь...» [11]. Бен Ричардсон из штата Калифорния сокрушается: «Мне тяжело думать о том, насколько вы, русские, неблагодарны США. Мы слишком много помогли вам в последние годы. Мы протянули руку дружбы вашему правительству и людям. Мы отдали бесчисленное количество долларов вашему правительству, бизнесменам, церквям и просто людям. Америка – самая великая страна на земле...» [11].

Думается, многословного комментария здесь не требуется: сами выдержки из писем достаточно ясно свидетельствуют о лживом пропагандистском источнике содержащихся в них сведений. Именно это имел в виду президент России В.В. Путин, когда в выступлении на встрече с российскими посланцами и постоянными представителями в июле 2012 г. отмечал: «Образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, ни ее вклад в мировую науку и культуру» [8].

Какую цель преследуют западные распространители антироссийских исторических фальсификаций? В частности, о ходе и итогах Второй мировой войны? Если говорить прямо, то велика ответственность историков за то, чтобы убедительно объяснить соотечественникам, прежде всего молодому поколению, вредоносный характер распространяемых на Западе пропагандистских выдумок о нашем Отечестве. По существу, верный ответ на поставленный выше вопрос содержится в книге российского историософа и литературоведа В. Кожина: «Великая Отечественная война не закончилась в 1945 г. Война продолжается до сих пор – не в окопах, а на «идеологическом фронте», за умы и сердца людей. Враги и ненавистники России (как внешние, так и внутренние) хотят переиграть итоги Второй мировой, взяв реванш хотя бы задним числом. У нас пытаются отнять Великую Победу. За этим стоит очевидный геополитический заказ: лишив русский народ гордости за свое прошлое, опорочив или вовсе вычеркнув из памяти самую славную страницу отечественной истории, духовные наследники гитлеровцев убирают последние препятствия на пути нового мирового порядка. И если мы хотим сохраниться как страна и нация – мы обязаны вступить за дедовскую славу, отстоять память о Победе. Потому что восстановить Россию как великую державу можно, лишь вернув себе национальную гордость и веру в героическое прошлое нашей Родины» [6, с. 4].

Одно из важнейших направлений отстаивания правды о Великой Отечественной войне – это разоблачение фальсификаций истории крупнейших битв Красной армии, приведших к разгрому войск вермахта. Достойное место среди них занимает завершившаяся 70 лет тому назад безоговорочной победой советских войск Курская битва, сыгравшая судьбоносную роль в ходе не только советско-германской, но и всей Второй мировой войны. Прежде чем приступить к рассмотрению того, какое отражение битва под Курском получила в западной историографии войны, представляется целесообразным привести ниже краткую историческую справку об этой битве.

Историческая справка

Курская битва (1943 г.) — это совокупность стратегической оборонительной (5—23 июля) и стратегических наступательных (12 июля — 23 авг.) операций Красной армии в районе так называемого Курского выступа. Их целями были срыв крупного наступления войск вермахта и разгром его стратегической группировки. ...Замысел операции противника (условное наименование «Цитадель») предусматривал ударами по сходящимся направлениям с севера и юга по основанию Курского выступа на 4-й день боевых действий окружить и затем уничтожить здесь советские войска.

Для проведения операции «Цитадель» привлекались лучшие генералы вермахта и наиболее боеспособные войска: в общей сложности 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных) и большое число отдельных частей, входивших в 9-ю

и 2-ю армии группы армий «Центр» (ген.-фельдм. Г. Клюге), а также в 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» группы армий «Юг» (ген.-фельдм. Э.Маништейн). Их поддерживала авиация 4-го и 6-го воздушных флотов. Всего эта группировка насчитывала свыше 900 тыс. чел., около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, почти 2050 самолетов. Это составило около 70% танковых, до 30% моторизованных и более 20% пехотных дивизий, а также свыше 65% боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте. Особые надежды немецкое командование возлагало на широкое применение новой боевой техники — танков «тигр» и «пантера», штурмовых орудий «фердинанд», истребителей «Фокке-Вульф-190Д», штурмовиков «Хениель-129» и других.

При планировании летне-осенней кампании 1943 г. Ставка ВГК избрала наиболее рациональный вариант — преднамеренной стратегической обороной на Курском выступе истощить наступательный потенциал вражеской группировки. Затем, перейдя в контрнаступление, завершить разгром группировок врага в районе Курского выступа. К началу битвы советские войска превосходили противостоящую им под Курском немецкую группировку в личном составе в 2,1; артиллерии — в 2,5; танках и САУ — в 1,8; самолетах — в 1,4 раза.

Войска наших фронтов и Степного военного округа к началу битвы создали мощную оборону, включившую 8 оборонительных полос и рубежей общей глубиной 250 — 300 км. Она строилась как противотанковая, противопехотная и противовоздушная с глубоким эшелонированием боевых порядков и фортификационных сооружений, с широко развитой системой опорных пунктов, траншей, ходов сообщения и заграждений.

Утром 5 июля основные силы ударных группировок противника, ослабленные нашей упреждающей артиллерийской контрподготовкой, перешли в наступление, бросив против оборонявшихся на орловско-курском направлении до 500, а на белгородско-курском — около 700 танков и штурмовых орудий. В течение семи суток непрерывно атаковавшие немецкие войска были измотаны и обескровлены стойкой, глубокой и активной обороной наших войск. В полосе Центрального фронта к исходу 11 июля враг смог вклиниться в нашу оборону только на 8–12 км, а в полосе Воронежского фронта (к 16 июля) — на глубину до 35 км.

12 июля начался новый этап битвы — контрнаступление советских войск. Концентрическими ударами войск фронтов была прорвана глубоко эшелонированная оборона противника. Наступая по сходящимся направлениям на Орел, наши войска 5 августа освободили город. Преследуя отходящего врага, к 17–18 августа они вышли к оборонительному рубежу «Хаген», заранее подготовленному противником на подступах к Брянску. В результате Орловской операции советские войска нанесли поражение орловской группировке врага (разгромили 15 дивизий) и продвинулись на запад до 150 км. Войска Воронежского (с 16 июля) и Степного (с 19 июля) фронтов, преследуя отходящие вражеские войска,

к 23 июля вышли на рубежи, занимаемые до начала оборонительной операции, а 3 августа перешли в контрнаступление. Стремительным ударом их армии разгромили войска немецкой 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», а 5 августа освободили Белгород. Вечером того дня в Москве впервые был произведен артиллерийский салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород.

Курская битва была одной из крупнейших битв Второй мировой войны. С обеих сторон в нее было вовлечено более 4 млн чел., свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. самолетов. В ее ходе советские войска разгромили 30 дивизий (в том числе 7 танковых) противника. Его потери составили свыше 500 тыс. чел., 3 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 3,7 тыс. самолетов. Провал операции «Цитадель» навсегда похоронил созданный фашистской пропагандой миф о «сезонности» советской стратегии, в соответствии с которой Красная армия якобы способна наступать только зимой.

Эта битва привела к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте в пользу Красной армии, окончательно закрепила за ней стратегическую инициативу и создала благоприятные условия для развертывания общего наступления на широком фронте. Разгром врага под Курском стал важным этапом в достижении коренного перелома в ходе всей Второй мировой войны. Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне и на других ее театрах. В результате разгрома значительных сил вермахта на советско-германском фронте создались более выгодные условия для развертывания действий американско-английских войск в Италии, было положено начало распаду фашистского блока: потерпел крах режим Муссолини, и Италия вышла из войны на стороне Германии. Под влиянием побед Красной армии возросли масштабы движения Сопротивления в оккупированных вермахтом странах, укрепился авторитет СССР как ведущей силы антигитлеровской коалиции. (Справка подготовлена на основе данных Военной Энциклопедии: В 8 т. М.: Воениздат, 1999 Т.4. С. 358 – 360).

Под Курском Красная армия преподнесла гитлеровскому командованию очередной урок русского военного искусства. После этой битвы даже самые преданные нацизму генералы и фельдмаршалы третьего рейха засомневались в способности Германии возвернуть себе военную фортуна. Русские оказались совсем не теми «недочеловеками», о которых им твердил Гитлер. «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству», — утверждал он. — Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения» [5, с. 13–14].

Красная армия научила гитлеровцев более уважительно отзываться о русском и других на-

родах Советского Союза. Правда, это произошло постепенно: сначала поучительный урок преподали им Московская и Сталинградская битвы. А затем настала очередь Курской. К ней фашистская верхушка готовилась особенно тщательно: очень уж им хотелось доказать самим себе и своим союзникам, что еще есть у них «порох в пороховницах». Однако их вновь подвели самоуверенность, недооценка сил противника, которому якобы просто повезло под Москвой и Сталинградом. Сегодня уже вряд ли возможно точно установить, на что реально рассчитывали ответственные германские военачальники и верховное командование, решившиеся проводить операцию «Цитадель» по весьма примитивной схеме. Английский историк Р. Кросс, автор книги об операции «Цитадель», изучая причины ее провала, предположил: «По всей вероятности, операция планировалась в расчете на то, что советская оборона развалится после первых серьезных ударов, и ничего не планировалось и не готовилось на тот случай, если этого не произойдет» [7, с. 264]. А произошло по русской поговорке: «Не зная броду, не суйся в воду».

Приведу также мнение российского историка Ю.М. Мухина: «У немцев в 1943 г. была альтернатива Курской битве — они могли быстро откатиться за Днепр, очень сильно выровняв фронт, и зарыться на левом берегу в землю. И требовать переговоров о мире или перемирии. Но они полезли под Курском решать войну в свою пользу. И не в Гитлере дело — здесь все фельдмаршалы пытались доказать «Иванам» свое превосходство. Готовились, готовились, два месяца откладывали битву, чтобы уж совсем хорошо подготовиться, наконец «поехали по шерсть» и через две недели «вернулись стриженными» [9]. Вот как Г. Гудериан описывает обстоятельства, в которых родилась идея организовать наступление в районе Курской дуги: «Беда Германии, заключавшаяся в том, что, сжатая со всех сторон противником, она вела войну на два фронта, давала знать о себе все больше и больше. После потери Северной Африки и последовавшей за этим высадки союзников в Италии возник третий фронт. Воздушные базы противника угрожающе приблизились к границам Германии. Видя эти трудности, тогдашний начальник немецкого генерального штаба (генерал Курт Цейтцлер. — А.П.) задумал сделать попытку снова взять инициативу на Востоке в свои руки и решающим образом ослабить наступательную мощь русских. Он предложил Гитлеру провести наступление на выступ русского фронта под Курском, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск. Гитлер долго колебался, потому что хорошо понимал трудности этого предприятия, о которых ему, кстати, очень убедительно рассказал командующий войсками под Курском генерал-полковник Модель. Но в конце концов Гитлер согласился с мнением Цейтцлера» [3].

Бесславный ход операции «Цитадель» вызвал восторженные отклики ведущих политиков Запада. Например, в начале августа 1943 г. президент США Франклин Рузвельт в специальном послании главе Советского правительства писал: «В течение месяца

гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия». А еще через несколько дней премьер-министр Великобритании У. Черчилль в очередном своем послании И.В. Сталину дал аналогичную оценку действиям советских войск на Курской дуге, подчеркнув, что «поражения германской армии на этом фронте являются вехами на пути к нашей окончательной победе» [4]. Так на Западе думали и писали во время войны. Но после ее окончания, когда угроза со стороны полчищ нацистской Германии миновала, подули леденящие ветры холодной войны.

Историческая правда о решающем вкладе Советского Союза и его Вооруженных сил в победу над фашизмом уже не устраивала бывших союзников. Их правительства, политики и идеологи делали все для того, чтобы сформировать в сознании народов убеждение в решающей роли своих армий в разгроме вермахта. Как и можно было ожидать, помощь им в фальсификации реального хода и результатов победных битв Красной армии, в том числе такой крупнейшей битвы, как Курская, оказали плененные ими немецкие генералы и офицеры. Военно-историческая служба армии США, в руки которой в конце войны попало много германских архивных материалов, в 1946–1947 гг. организовала обобщение оперативно-стратегической информации, знаний и опыта германских командиров и штабных работников в интересах военного ведомства США. Из числа немецких военнопленных ею было отобрано около 800 бывших гитлеровских генералов и офицеров для обобщения опыта войны. Среди них оказались генерал-фельдмаршалы А. Кессельринг, Э. Клейст, Э. Манштейн, генералы Ф. Гальдер, Х. Гудериан, К. Цейтцлер, Г. Гот, Г. Блюментрит, К. Типпельскирх и др.

Первоначально намечалось всю программу по обобщению опыта войны завершить к 1948 г. Но многие из них этих авторов продолжали работать по приказам американцев до 1961 г. В их распоряжение в 1948 г. были предоставлены захваченные армией США германские военные архивы. Всего для американцев генералами и офицерами вермахта было подготовлено более 2500 разработок (меморандумов) общим объемом свыше 200 тыс. машинописных страниц. Большинство из них освещали особенности действий вермахта на советско-германском фронте. Эти разработки переводились на английский язык и широко использовались в американских военных штабах и военно-учебных заведениях. В начале 1960-х гг. они были переданы в Национальный архив США в Вашингтоне, где стали доступными для историков, занимающихся проблемами истории советско-германской войны [12, с. 19].

Эти разработки одновременно сыграли важную идеологическую и в какой-то степени методологическую роль. Они стали фундаментом, на котором формировались представления

большинства западных историков о событиях на советско-германском фронте. Пытаясь оправдать себя, гитлеровские генералы объясняли поражение вермахта случайными факторами, непосредственно не связанными с их собственной деятельностью как военных руководителей: ошибками высшего политического руководства Германии, климатическими и географическими особенностями театра войны в России и др.

Выводы и оценки, использованные в своих военно-исторических разработках, бывшие гитлеровцы позднее стали широко распространять в открытых публикациях. С конца 1940-х гг. в ФРГ, а затем и в других западных странах приступили к изданию книг бывших гитлеровских генералов, основанных на материалах, которые писались ими по заказам военного ведомства США. Это были публикации Ф. Гальдера, Х. Гудериана, Х. Фрисснера, А. Хойзингера, К. Цайтцлера, Э. Вестфала и многих других. Ими делалось немало попыток отмежевать германский генералитет от Гитлера и его нацистских сообщников. Стремясь реабилитировать «честь» немецкой армии, битые фашистские генералы объясняли поражение под Курском в основном ошибками Гитлера и его ближайшего окружения. Вместе с тем в своих объемных «исследованиях» и мемуарах они пытались завуалировать авантюристический характер гитлеровского плана реванша летом 1943 г.

Фальсифицируя историю Второй мировой войны, западные авторы стремятся всячески умалить значение выдающейся победы Красной армии летом 1943 г. При этом либо вообще умалчивают о Курской битве, либо говорят о ней скупо и невразумительно, пытаясь внушить своим читателям мысль, будто Курская битва – это обычный, ничем не примечательный эпизод войны. У. Черчилль в своей книге «Вторая мировая война» (воспоминания о периоде 1940–1945 гг.), в 1997 г. изданной в СССР на русском языке, акцентирует такие ключевые события в ходе войны, как «битва за Англию», открытие второго фронта и т.д., но не уделяет должного внимания крупнейшим победным битвам Красной армии. На роль творцов коренного перелома во Второй мировой войне Черчилль «выдвинул» не героев Сталинграда и Курска, истинные заслуги которых он ранее вынужден был признавать, а английских и американских генералов и солдат, действовавших на второстепенных фронтах. Например, в январе 1952 г. Черчилль заявил: «Вторая мировая война представляла собой почти непрерывный ряд неудач и поражений до битвы у Эль-Аламейна и высадки войск генерала Эйзенхауэра в Северной Африке... Эти два события изменили весь ход войны» [4]. Черчилль явно преувеличивает масштабы и значение названных операций, «забыв» при этом упомянуть о Московской битве. Может быть, по его мнению, она не относилась ко Второй мировой войне или относилась, но никак на ее ход не повлияла?!..

Многие западные авторы усердно изыскивали способы принижения роли Красной армии в победе над гитлеризмом. Они пытались, в част-

ности, доказать, будто не сами советские войска сорвали немецкое наступление в районе Курского выступа летом 1943 г., а этому способствовала высадка 10 июля американско-английских войск в Сицилии, которая якобы вынудила гитлеровское командование по собственной инициативе «внезапно прекратить» операцию «Цитадель». «Гитлер, – пишет Р. Пейн (США), – отменил битву за Курск, так как его потери в танках достигли головокружительных размеров. Но была и другая, возможно даже более важная, причина: 10 июля союзники высадились в Сицилии». Автор изданной в ФРГ книги «Вторая мировая война» (Мюнхен, 1967) Л. Грухман пишет, будто 13 июля 1943 г. немцы прекратили свое наступление под Курском, чтобы «перебросить силы в район Средиземного моря». Эта же мысль присутствует в работах М. Говарда (Англия), Э. Зимке и М. Блюменсона (США) и других западных исследователей. Как это можно взять да и «отменить» или «прекратить» битву, находящуюся в самом разгаре? А советская сторона, по их понятиям, как отреагирует на создавшуюся ситуацию? Тоже отменит начатое ею 12 июля широкомасштабное контрнаступление и пожелает немцам доброго пути до Сицилии?

Кстати, «главной целью» Сицилийской операции союзников, по признанию самого Эйзенхауэра, который ею руководил, являлось отнюдь не освобождение Италии, а «очищение средиземноморского пути». В самом деле, заняв летом–осенью 1943 г. Сицилию и южную часть Италии, то есть в общей сложности менее трети территории страны, союзники как-то нелогично остановились. И возобновили наступление лишь в июне 1944 г., когда было предпринято их вторжение во Францию.

Для западной историографии послевоенного периода (до середины 1980-х гг.) характерен, как отмечала английская газета «Гардиан» в 1978 г., взгляд на историю Великой Отечественной войны, на участие в ней советского народа «сквозь затемненные очки холодной войны». В работах западных авторов основное внимание уделялось германской стороне, а в действиях советской стороны главным образом выискивались негативные моменты, о которых советские историки обычно умалчивали или говорили вскользь. Лишь небольшое число западных историков, таких, как англичане Дж. Эриксон и А. Кларк, американец Д. Гланц, француз А. Костантини, австралиец Дж. Джукс, а также некоторые представители университетской исторической науки США и Англии стремились по возможности уйти от односторонности в изображении Великой Отечественной войны, дать ее более или менее объективное описание.

Для общей характеристики содержания на тот период западной исторической литературы о советско-германской войне сошлюсь на мнение известного американского военного историка Д. Гланца. В выступлении на первом советско-американском коллоквиуме по проблемам Второй мировой войны, состоявшемся в 1986 г., он подчеркнул, что среди американцев преобладают

представления о Великой Отечественной войне, основанные на концепциях бывших гитлеровцев. «Весь период с 1945 г. по настоящее время, – отметил Гланц, – ... немецкие взгляды на войну на Восточном фронте являлись доминирующими... В результате эти взгляды были внедрены в учебные пособия для средних школ и колледжей, в программы военно-учебных заведений США». По мнению американского историка, взгляды эти являются «вульгарными» и занимают место «где-то между мифами и реальностью».

С ослаблением остроты идеологического противоборства, происходившего в период холодной войны, и в связи с коренными социально-политическими изменениями в СССР в западной историографии Великой Отечественной войны наметились положительные тенденции. Прежде всего, такая наиболее важная: поскольку исследователи получили больше возможностей для использования в своих работах советских источников, в том числе ранее засекреченных, их работы перестали быть односторонними. О действиях Советского Союза в годы войны зарубежные авторы стали писать не меньше, чем о действиях нацистской Германии.

Например, ряд новых советских источников, не бывших ранее в научном обороте, использованы в книге «Война Германии против Советского Союза 1941 – 1945», изданной в ФРГ в 1991 г. в связи с 50-летием нападения Германии на СССР. В ней использованы материалы из Центрального архива Министерства обороны РФ, Мемориального музея немецких антифашистов (г. Красногорск), Центрального музея Вооруженных сил (г. Москва), других российских музеев и частных коллекций.

Дэвид М. Гланц и Джонатан Хаус издали книгу «Битва за Курск» (1999), написанную в результате использования широкого доступа к советским архивам. Многие рецензенты оценили ее как перспективное научное исследование роли Красной армии в этом сражении. В конце 1980– начале 1990-х гг. в США и Англии историки опубликовали несколько объективных работ, посвященных действиям Красной армии в 1941 – 1945 гг. К их числу относится, в частности, объемный труд Д. Гланца «От Дона до Днепра: Советские наступательные операции с декабря 1942 г. по август 1943 г.». И его же широко известная работа «Курская битва: решающий поворотный пункт Второй мировой войны» (М., 2007). Назову также недавно изданную работу М. Кайдина «Тигры» горят! Разгром танковой элиты Гитлера» (М., 2011).

Однако, на мой взгляд, не нужно и преувеличивать место этой тенденции в западной историографии. Общая направленность западной литературы о Великой Отечественной войне во многом еще сохраняет прежние тенденции, в том числе имеющие своей целью принизить значение победы Советского Союза над фашизмом. Это в какой-то степени спровоцировал и поворот нашей отечественной военной историографии с конца 1980-х гг. к анализу прежде всего негативных сторон прошедшей войны, в чем западные историки

усмотрели поддержку своим прежним критическим утверждениям о предвоенной политике Советского Союза и о действиях его Вооруженных сил во время войны. Поэтому наслоения холодной войны по инерции продолжают сказываться и в ряде новых публикаций западных авторов о советско-германской войне. В большей или меньшей степени политика и теперь влияет на западную историографию.

Во введении к вышедшему в 2006 г. – впервые на русском языке – сборнику работ непосредственных участников операции «Цитадель», подготовленных ими еще в конце 1940-х гг. по заданию американского командования, подчеркивается, что «наше (имеются в виду западные историки. – А.П.) понимание произошедшего слишком долго находилось в зависимости от мемуаров, написанных немецкими командующими Эрихом фон Манштейном и Фридрихом Вильгельмом фон Меллентином», а также опубликованных историй немецких соединений.

«Эти и подобные им источники продолжали преобладать в историографии сражения, освещавшей действия немецкой стороны: Курск: столкновение бронетанковых войск (1968) Джеффри Юкеса; Горят «тигры» (1974) Мартина Кайдина; Курск 1943: волна поворачивает на восток (1992) и Цитадель: битва за Курск Робина Кросса (1993); Операция «Цитадель», Курск и Орел: величайшее танковое сражение Второй мировой войны Януша Пикалькевича (1987); Решение на Украине, лето 1943: второй и третий танковые корпуса СС Георга М. Нипа (1996) и Курск: авантюра Гитлера, 1943 Вальтера С. Дана (1997).

Авторы этих работ пытались каждый по-своему расширить горизонты немецких источниковедческих материалов, однако «ни в одной из них не было воссоздано всесторонней истории этого сражения» [10, с. 5–6]. Составитель названного выше сборника — американский историк Стивен Ньютон собрал в нем статьи небольшой группы разработчиков – от генерала Т. Буссе до майора М. Франке. Затем Ньютон написал обширные комментарии к их статьям и дал собственный анализ с выводами. Правда, как отмечено в аннотации к сборнику, «парадоксальными» выводами с точки зрения отечественного читателя. В частности, такими, как в заключительной главе книги «Был ли Курск решающим сражением?», написанной самим составителем. Применительно к ним эпитет «парадоксальный» вполне оправдан: Ньютон не уделяет никакого внимания взглядам российских историков на данный вопрос. Кстати, такой пример приводит сам автор главы: «После работы с огромным количеством советских архивных материалов Дэвид Гланц и Джонатан Хаус начали оспаривать многие из прижившихся предубеждений, связанных с операцией «Цитадель». В конце концов они соглашались с давно принятой точкой зрения, что Курск был решающим моментом в войне и стратегически, и оперативно, и тактически» [10, с. 513].

Естественно, читая книгу, я старался понять, в чем же заключается парадоксальность сделанных составителем выводов. Остановлюсь только

на своих впечатлениях от последней главы, написанной самим Ньютоном. Ее название поначалу не вызвало у меня каких-либо возражений: «Были ли Курск решающим сражением?» Думаю, не беда, что просто «Курск», ведь и так понятно – имеется в виду Курская битва. Но все-таки подумалось, что название главы было бы более корректным, если бы вместо слова «Курск» дать «Курская битва». Тогда было бы точнее и понятнее, для какой из противоборствующих сторон данное сражение явилось действительно решающим и в достижении какой именно стратегической цели.

Кратко сообщив о точке зрения Дэвида Гланца и Джонатана Хауса, С. Ньютон, по сути, всю главу посвящает анализу книги других исследователей: «...Недавно Никлас Цеттерлинг и Андрес Франксон в своем важнейшем исследовании «Курск 1943: статистический анализ» попытались опровергнуть вывод Гланца и Хауса. Цеттерлинг и Франксон опубликовали (Лондон, 2000) первое полное исследование о численности и потерях сражавшихся армий, основанное исключительно на архивных материалах, как немецких, так и русских. Избегая излишнего внимания к деталям, авторы создали важную справочную работу (хочется назвать ее точной), которую обязательно должны учитывать авторы всех последующих трудов о Курске. В заключительной главе своего труда, названной «Последствия сражения», Цеттерлинг и Франксон анализируют стратегическое, оперативное и тактическое значение этой битвы и, учитывая новую информацию, которую им удалось обнаружить, объявляют: «Нельзя утверждать, что «Цитадель» привела к решающему для войны на востоке результату» [10, с. 513].

Стоп, уважаемые коллеги! Разве речь должна идти о потерпевшей фиаско немецкой операции «Цитадель», а не о проведенной войсками Красной армии победной Курской битве? Странная логика! Окончательный вывод, к которому пришли два вышеназванных автора, состоит в том, что график, показывающий общие потери в личном составе, свидетельствует о постоянном росте немецких потерь без каких-либо заметных или неожиданных всплесков в численности. Они постепенно и подточили силы немцев. Отталкиваясь от этого вывода, Цеттерлинг и Франксон утверждают, что Курск может считаться решающим сражением, как своего рода пик, проявившийся на протяжении последующих шести месяцев и указывающий на огромное уменьшение немецких сил. Иначе говоря, операция «Цитадель», по мнению исследователей, стала еще одним толчком к сокращению численности немецких войск. С этим согласился и высоко оценивший их труд С. Ньютон.

Извините, уважаемые коллеги, но у нас с вами разное толкование понятия «решающий»: вы упорно рассуждаете о «Цитадели», в результате фиаско которой резко сократилась численность немецких войск. Но не договариваете, кто и о чем «решающем» в данном случае вправе вести речь. А вот Гудериан тяжелые последствия разгрома войск вермахта в сражении на Курской дуге

описал очень точно: «Наступление провалилось, армия понесла тяжелые потери, невосполнимые при нашем бедственном положении. Инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к противнику. С этого времени немецкая армия постоянно отступала. Истощенные в боях дивизии беспорядочно отходили, не образуя сплошного фронта и не находя поддержки в тылу. Организация тыла была не налажена, в связи с чем войска несли излишние потери, а при тех недостатках, которые мы имели во многих областях, они вели к еще большему ослаблению фронтовых войск...» [3, с. 130].

Вот смысл эпитета «решающий»! И относится он не к «Цитадели», а к Курской битве, в ходе которой войска Красной армии привели немецкие войска в состояние, описанное выше Гудерианом. Тем самым они и обеспечили достижение Красной армией окончательного коренного перелома не только на Восточном фронте, но и в ходе всей Второй мировой войны. Не могу утверждать, что Стивен Ньютон в рассматриваемой главе занял такую позицию из каких-либо далеких от науки соображений. Может быть, его увлек исследовательский азарт, стремление взглянуть на проблему с разных сторон в целях объективности. Однако даже если это так, то вывод из данной попытки получился, к сожалению, отнюдь не объективный. Увы, это не единичный факт, о чем свидетельствует, в частности, содержание им же написанной 14-й главы под красноречивым названием «Начальный этап наступления группы армий «Юг»: анализ и критика».

«Под Курском советские войска, – отмечает автор, – выстроили глубоко эшелонированную оборону; советская разведка лишила немецкие войска эффекта внезапности, и, как всячески подчеркивают Гланц и Хаус, советское командование на всех уровнях вело боевые действия тактически грамотно, что позволило полностью использовать численное превосходство и в живой силе, и в технике. Однако ни одна из этих причин не должна отвлекать от того факта, что немецкое командование в тактическом плане само обеспечило поражение своих войск. В силу того что немецким танковым дивизиям еще никогда не приходилось терпеть неудачу при прорыве советских оборонительных рубежей, многие офицеры – Гот, Кемпф, фон Кнобельсдорф и Брайт – значительно переоценили возможности своих войск... Стоит еще раз повторить, что если бы планы наступления 48-го и 3-го танковых корпусов были разработаны более тщательно, исход всей операции «Цитадель» был бы совершенно иным» [10, с. 508–509].

И далее следуют рассуждения в том же духе: «Однако целый комплекс более мелких недочетов свел шансы на успех практически к нулю. От не обнаруженных минных полей в полосе наступления 168-й пехотной дивизии до фантастической надежды на то, что 10-я танковая бригада прокатится по линии советской обороны. Все это были в целом в таком ужасающем количестве ошибки, которые допустили офицеры штабов дивизий,

корпусов и армии, что они стали определять ход, а в конечном итоге и исход всего сражения. При чтении документации о планировании всей операции поражает отсутствие какого-либо четкого доктринального подхода. Создается впечатление, будто каждый старший офицер изобретал свой собственный велосипед. ...Поэтому тот, кто занимается исследованием войны в России, должен осознать тот факт, что оперативно-тактические ошибки, допущенные командованием на всех уровнях, от дивизии до армии, и их штабными офицерами, во многом объясняют, почему война закончилась взятием Берлина, а не Москвы» [10, с. 510–512]. Такое впечатление, что Красная армия, по мнению этого американского историка, как бы ничего не сделала для разгрома вермахта!

Вместе с тем в книге есть пример, на мой взгляд, более объективного подхода к анализу ситуации и формулированию вывода из него. Автор первой главы, бывший начальник штаба группы армий «Юг», генерал пехоты Теодор Буссе, сделал обзор операции «Цитадель», привел рассматриваемые с немецкой точки зрения сжатые сведения о ней и поднял ряд важных исторических вопросов. О принципиальной позиции генерала можно судить по тому факту, что он через три года после окончания войны назвал операцию «Цитадель» победной для немцев. Тогда, еще в 1940-х гг., он поступил порядочно, описав ход боевых действий и дав им реальную оценку: «Операция «Цитадель», – констатирует генерал, – не привела к результатам, которые ожидал Гитлер. Сражение не лишило советские войска баз для операций вокруг Курска, не привело к уничтожению их значительных сил и даже не изменило намерений Ставки начать главное наступление в 1943 г. Немецкая армия не вышла на оперативный простор и не смогла сократить линию фронта, чтобы компенсировать свою сокращающуюся численность. Совсем наоборот, в этой операции были задействованы почти все резервы Восточного фронта. Эта неудача не должна списываться на солдат или командование на фронте. Они показали, что могут справиться с любой задачей. Выше всяких похвал оказались дух, терпение и самоотверженная преданность людей. Не обеспокоенные решениями, влиявшими на высокую стратегию, наши солдаты уверенно шли в бой и, несмотря на исход сражения, солдаты группы армий «Юг» вышли из операции с чувством, что они победили противника (подчеркнуто мной. — А.П.), значительно превосходившего их и в людских резервах, и в обеспечении. Причины неудачи надо искать не там... » [10, с. 42–43].

Думается, что генерал, как реальный участник битвы, вправе дать такую оценку настроений солдатской массы. Хотя мне она представляется явно идеализированной: едва ли обстановка полнейшего разгрома могла способствовать такому настрою немецких военнослужащих. В общем, заключает Буссе, «можно утверждать следующее: операция «Цитадель» провалилась, поскольку проводилась недостаточными силами, учитывая

затягивание с началом операции. Более того, советское командование выявило наши намерения и было полностью готово к обороне и контрудару. 1943 г. мог принести совсем другие результаты, если бы Красная армия потратила свои силы в наступлении на наш непрерывный фронт, подержанный мощными мобильными резервами. Вместо этого советское командование само смогло провести наступление, начатое как контрнаступление. Причем его главный удар был направлен против наших войск, участвовавших в неудачном наступлении, поглотившем все наши мобильные силы» [10, с. 44–45].

Необходимо признать, что штабной генерал Буссе достаточно убедительно и исчерпывающе объяснил, почему провалилось наступление войск вермахта. Авторы следующих глав мало что нового добавили к его суждениям. Разве только то, что более остро обвиняли высшее политическое и военное руководство Германии. Вместе с тем представляется важным подчеркнуть, что не только генерал Буссе, но и авторы других глав справедливо отметили высокую готовность к сражению войск Красной армии. Так, командир 8-го авиакорпуса генерал авиации Ганс фон Зайдеман пишет: «Наступление «Цитадель» потерпело неудачу, поскольку немецкие войска, наступавшие севернее Белгорода и в районе Орла, встретили мощную и подготовленную Красную армию, имевшую поддержку в виде стратегических резервов пехоты и танков, которые заранее были расположены на выгодных позициях. Нам казалось, что Советы были проинформированы с превосходной точностью не только о времени начала наступления, но и о его целях и районах наших главных ударов» [10, с. 252].

Завершая рассмотрение вопроса, отраженного в названии данной статьи, следует сделать следующий вывод: американские и западноевропейские авторы, фокусируя основное внимание на операции вермахта «Цитадель», по сути, не исследуют должным образом превосходившие «Цитадель» по своим масштабам и последствиям операции Красной армии – Орловскую (кодовое наименование плана — «Кутузов») и Белгородско-Харьковскую (кодовое наименование плана — «Полководец Румянцев»). Одна из причин этого, на мой взгляд, — нежелание западных историков показать реальную картину разгрома войск вермахта.

Исследования западных историков характеризуются отсутствием достоверных данных о потерях противоборствовавших сторон на различных этапах битвы. Правда, в отношении германской стороны данный недостаток был частично устранен, в частности, благодаря труду шведских военных историков Н. Цеттерлинга и А. Франксона «Курск 1943: Статистический анализ», изданному в Лондоне в 2000 г. Эти авторы опирались в основном на документы фондов Федерального военного архива Федеративной Республики Германия. Используя те же источники, Н. Цеттерлинг в 1996 г. осуществил исследование «Потери на Восточном фронте во время Второй мировой войны». Однако

■ История

названные работы являются в значительной мере тенденциозными и отражают взгляды воевавших немецких генералов. Так, авторы стремятся приуменьшить как потери германских войск в ходе операции «Цитадель», так и вообще значимость операции в целом.

Как свидетельствует анализ западной литературы, между методологическими принципами изучения западными авторами истории Курской битвы имеются определенные отличия. Однако почти все их исследования, за редким исключением, являются в первую очередь различными интерпретациями событий, которые вольно или невольно отражают идеологические позиции авторов в оценке истории. Не избежал этого, как показано выше, тот же С. Ньютон: пытаясь объективно критиковать немецких военачальников и четко показывая допущенные ими ошибки, он в целом оказывается «заложником» их версий происшедшего и разделяет общие выводы германского генералитета по поводу Курской битвы. Аналогичная тенденция характерна и для отдельных трудов одного из лучших аналитиков в сфере военной истории Б. Лиддел Гарта в той их части, которая посвящена войне на советско-германском фронте.

Современный этап развития военно-исторической науки, характеризующийся переосмыслением событий прошлого, расширением источниковой базы, включением в научный оборот новых, ранее не известных документов и материалов, столкновением и даже противоборством мнений, концепций, теорий, предъявляет высокие требования к применению форм, методов и средств разоблачения фальсификаций военной истории. Это особенно важно, ибо общий механизм фальсификации военной истории становится все изощреннее, сочетает как открытую ложь в освещении событий, фактов военной истории, так и замаскированные попытки «подправить», исказить содержание военно-исторических процессов. «Человеческий разум, – откровенничает, например, американский историк М. Чукас, – должен быть нейтрализован или поставлен в условия

бездействия путем сокрытия относящихся к делу фактов, должен быть введен в заблуждение и дезориентирован путем искаженного изображения действительности» [2, с. 33].

В современных условиях наиболее распространенными методами извращения событий и фактов военной истории являются: «барраж» («постановка заграждения», «затуманивание»); «ред херринг» («копченая селедка»); «тестимониал» («лжесвидетельство, подлог»); «кард стокинг» («подставка карт»); «глиттеринг дженерелити» («лакировка, представление в розовом свете»); «нейм коллинг» («навешивание ярлыков, кличек»); «персонификация» и другие [2, с. 33]. Их необходимо уметь различать и противопоставлять им свои, эффективные, методы. Прежде всего — опровергать их измышления на основе неопровержимых документов.

Имея в виду данный фактор, следует признать, что советские историки, исходя из идеологических установок, в частности, длительное время исключали из числа используемых источников некоторые весьма авторитетные материалы, например специальное исследование участника Курской битвы с германской стороны, командира частей и соединений войск СС С. Штадлера «Наступление под Курском». Более того, вообще не учитывались обширные, но разрозненные данные, которые содержались в историях отдельных немецких частей и соединений, участвовавших в Курской битве, публиковавшиеся в Западной Европе и США [1, с. 16–17].

Сказанное выше, на мой взгляд, означает, что мы, российские историки, призваны не ограничиваться критическим разбором военно-исторических публикаций западных исследователей истории Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Напротив, несомненную пользу для военно-исторической науки мы можем извлечь, если, вскрывая тенденциозность и политическую ангажированность их выводов и оценок, будем одновременно брать на вооружение все поучительное и действительно новое в их трудах.

Список литературы

1. Букейханов П.Е. Курская битва. Оборона. Планирование и подготовка операции «Цитадель». Сражение на северном фланге Курской дуги. Июль 1943 г. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011. 541 с.
2. Военная история как объект идеологической борьбы. М.: Воениздат, 1991.
3. Гудериан Г. Опыт войны с Россией / Итоги Второй мировой войны. Сборник статей: пер с немецкого. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб. М.: Полигон • АСТ, 2002. 640 с. BILANZ DES ZWEITEN WELTKRIEGES. Erkenntntnisse und Verpflichtungen fur die Zukunft. Hamburg. 1953. 640 с.
4. Интернет: РИА Новости» <http://ria.ru/spravka/20080705>.
5. Капто А. С. Нацизм и «либеральный антисталинизм»: Отпор фальсификаторам истории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 656 с.
6. Кожин В.В. Великая война России. Почему непобедим русский народ? М.: Эксмо, 2010. 544 с.
7. Кросс Р. Операция «Цитадель»: пер. с англ. Смоленск: Русич, 2006. 352 с. Оригинал найти не удалось.

8. Материалы международной конференции «Россия–Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики». Германия, г. Берлин, 30 – 31 октября 2012 г.
9. Мухин Ю.М. Они иногда возвращаются // Газета «Дуэль». 2006. № 46.
10. Ньютон Стивен Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 576 с.
11. США: Мы спасли Россию от Гитлера. Интернет, 8 Мая 2009 г.
12. Якушевский А.С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941 – 1991 гг.). Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. 58 с.

Об авторе

Падерин Александр Александрович – к.и.н., член-корреспондент РАН, полковник в отставке, ветеран Института военной истории МО РФ. E-mail: paderin41@mail.ru

THE BATTLE OF KURSK: HOW THE WESTERN HISTORIANS APPRECIATE IT

A.A. Paderin

Россия, 620146, Екатеринбург, ул. Фурманова, д. 125, кв. 155.

Abstract: *In the article the author analyses how the largest battle of the Great Patriotic War and the second World War, the Battle of Kursk, is shown in the west historiography: the intentions of the opposite sides, the degree of preparation to the coming battle, the correlation between number of people and military machines, the realization of decreed tasks, the peculiarities of strategy and moving fighting forces for the battle, the mistakes of German side which were the result of defeat. There are some arguments that the foundation for the forming ideas of western historians about the events on the Soviet German front in summer 1943 is in the workings of captured German generals and officers which were prepared by the task of military – historical service of US army. The workings played the important ideological and methodological role. Trying to excuse themselves these authors explained the defeat of Wehrmacht using some accidental factors which were not connected with their activity as military leaders. In particular there were some mistakes of the highest German political and military leadership, climatic and geographical peculiarities of the war in Russia. In the article the controversial battle Western historians, forms, methods and means of falsification of history and the role of the battle; exposure technique attempts to distort the essence of the events and the outcome of the battle.*

Key words: Spain, Iberia, Iberians, Celts, Celtiberians, Phoenicians, Greeks, Indo-European tribes, Basques, Tartess, Gades, Carthago, Rome, Atlantis, nationalism, separatism, regionalism, Basque Country, Catalonia, Andalusia.

References

1. Bukeykhanov P. E. Kurskaja bitva. Oborona. Planirovanie i podgotovka operacii «Citadel'». Srazhenie na severnom faze Kurskoj' dugi. Ijul' 1943 g. — M.: 3AO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2011. 541 s. (Na linii fronta. Pravda o voi'ne). Kursk battle. Defense. Planning and preparation for operation "Citadel". Battle on the northern front of Kursk salient. July 1943 r. — M.: 3AO The publishing house Of Tsentrpoligraf, 2011. - 541 p. (On the front line. Pravda about the war).
2. Voennaja istorija kak ob`ekt ideologicheskoi' bor'by. M.: Voenizdat, 1991. Military history as the object of the battle of ideas. — M.: Voenizdat, 1991.

3. Guderian G. Opyt voi'ny s Rossiei' / Itogi vtoroi' mirovoi' voi'ny. Sbornik statei'. Perevod s nemeckogo. – M.: Izd-vo inostranoi' literatury, 1957. 640 s. // Tippel'skirx K., Kessel'ring A., Guderian G. i dr. Itogi Vtoroi' mirovoi' voi'ny. Vyvody pobezhdennykh. – M.: Poligon • AST, 2002 ; BILANZ DES ZWEITEN WELTKRIEGES. Erkenntnisse und Verpflichtungen fur die Zukunft. Hamburg. 1953. – 640 p. Experience of war with Russia / Sums World War II. Collection of the articles. Transfer from the the German. – M.: Izd - in the foreign literature, 1957. Tippelskirx K., Kesselring A., Guderian G. and other. Sums World War II. Conclusions of those conquered. – M.: Range • AST, 2002. Original: BILANZ DES ZWEITEN WELTKRIEGES. Erkenntntnisse und Verpflichtungen fur dieZukunft. Hamburg. 1953. - 640 p.
4. Internet: RIA Novosti <http://ria.ru/spravka/20080705>. RIA of the news <http://ria.ru/spravka/20080705>.
5. Kapto A. S. Nacizm i «liberal'nyj antistalinizm»: Otpor fal'sifikatoram istorii. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. — 656 s. (Argumenty istiny.) Capto A. C. Nazism and the "liberal anti-Stalinism": Repelling the falsifiers of history. Moscow: Publishing house «LIBROKOM", 2012. - 656 p. (The arguments of the truth.)
6. Kozhinov V. V. Velikaja voi'na Rossii. Pochemu nepobedim russkii' narod? — M.: Jeksmo, 2010. — 544 s. — (Voenno-istoricheskii' bestseller). Great war of Russia. Why the Russian people is invincible? — M.: Eksmo, 2010. — 544 p. — (Military history bestseller).
7. Cross R. Operacija «Citadel'» / Per. s angl. Smolensk: Rusich, 2006. - 352 s. Operation is "Citadel" / Trans. with the Eng. Smolensk: Rusich, 2006.- 352 p.
8. Materialy mezhdunarodnoi' konferencii «Rossija-Evropa: aktual'nye problemy sovremennoi' mezhdunarodnoi' zhurnalistiki». Germanija, g. Berlin, 30 – 31 oktjabrja 2012 g. Materials of the international conference «Russia - Europe: the vital problems of contemporary international journalism». Germany, g. Berlin, 30 – 31 october 2012.
9. Mukhin YU.M. Oni inogda vozvrakhajutsja / Gazeta «Dujel'», 2006. № 46. They sometimes return / The newspaper "Duel", 2006. № 46.
10. Newton Steven X. Kurskaja bitva: nemeckii' vzgljad. - M.: Jauza, Jeksmo, 2006. — 576 s. — (Srazhenija VOV). Kursk battle: the German view. - M.: Yauza, Eksmo, 2006. — 576 p. — (Battles VOV). As the originals for this book served the work of direct participants in the operation "Citadel" from the German side, the prepared by them by assignment American commands in the end 1940- x of years for the purpose of the study of the experience of the war.
11. SShA: My spasli Rossiju ot Gitlera. Internet, 8 Maja 2009. USA: We saved Russia from Hitler. – Internet, 8 May 2009.
12. Yakushevskiy A.S. Zapadnaja istoriografija Velikoi' Otechestvennoi' voi'ny Sovetskogo Sojuza: jetapy i osnovnye koncepcii (1941 – 1991). Dissertacija v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoi' stepeni doktora istoricheskix nauk. M., 1997.- 58 s. Western historiography of the Great Patriotic War of the Soviet Union: stages and the basic concepts (1941 – 1991). Thesis in the form of scientific report to the competition of the scientific degree of the doctor of the historical sciences. – M., 1997. – 58 p.

About the author

Aleksander A. Paderin – Ph.D History, a member of RANS, a retired colonel, veteran of the Institute of Military History, the Defense Ministry. E-mail: paderin41@mail.ru

АВТОРИТАРИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

В.В. Евсеев

Институт востоковедения РАН. Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

.....

В статье рассмотрена проблема становления и трансформации авторитарного стиля правления в государствах Центральной Азии. Отмечено, что в этих государствах исполнительная, законодательная и судебная ветви власти реально не разделены. При этом исполнительная власть остается той силой, которая определяет основные пути развития общества. Как следствие, проводимые в регионе реформы носят верхушечный характер. В работе показаны основные причины появления в Центральной Азии авторитаризма: сохранение родоплеменной (клановой) структуры общества, усиление в нем консерватизма и влияния со стороны ислама, неразвитость институтов гражданского общества, а также формирование местной элиты на базе старой партийной номенклатуры. Автором установлено, что политические партии Центральной Азии, как правило, не имеют идеологической платформы, а при их формировании основную роль играют региональные, клановые и родо-племенные интересы. Их поддержка со стороны избирателей определяется не заявляемой программой, а отношением к партийному лидеру. На примере Казахстана автором рассмотрены наиболее важные этапы развития политической системы за последние 20 лет, отмечено, что авторитарный откат произошел в период 1993–1995 гг. на фоне резкого усиления социально-политической напряженности внутри общества. Далее начался процесс авторитарной модернизации в условиях «большой приватизации». Это привело к формированию в Казахстане полицентризма, когда клан стал господствующей формой группирования элит. В 1998–2004 гг. политическая система Республики Казахстан строилась на основе модели «управляемой демократии». В ее основе лежала идея повышения устойчивости системы через укрепление президентской власти при одновременном развитии институциональных элементов демократии. Нынешний этап развития характеризуется тем, что авторитарный стиль правления республикой на фоне значительных экономических успехов и стабилизации социального положения граждан стал препятствовать их деловой и гражданской активности. Это потребовало либерализации политической жизни, что вынудило правящую власть пойти на некоторые уступки.

.....

Ключевые слова: авторитаризм, Казахстан, клан, либерализация, политическая партия, политическая система, Центральная Азия, правящая элита.

За последние 20 лет государства Центральной Азии так и не смогли избавиться от авторитарного стиля правления. Это объясняется особенностями социальной специфики, отсутствием либеральных демократических традиций, а также сложностями все еще не завершенного переходного периода, что требовало ранее и продолжает требовать сейчас принятия непопулярных идей со стороны исполнительной власти. Рассмотрим далее эту проблему более подробно на примере Казахстана.

Особенности формирования авторитарных режимов

Как отмечает известный востоковед И. Звягельская, «обретение независимости государствами Центральной Азии сопровождалось процессом формирования авторитарных режимов» [5, с. 224]. Все они стали не догонять передовые в политическом отношении страны путем проведения либеральных реформ, а строить собственную политическую модель, отвечающую потребностям местных элит. Учитывая культурные традиции, руководство расположенных в регионе государств не препятствовало возрастанию роли религии в обществе, но жестко пресекало любые попытки религиозных институтов и их представителей оказывать влияние на процесс принятия политических решений.

Конечно, авторитарный стиль правления предполагал возможность высказывания собственного мнения, создание неправительственных организаций (НПО), наличие оппозиционных партий, экспертного сообщества и независимых средств массовой информации (СМИ). Однако одновременно сохранялись элементы традиционного общества, имевшего свою иерархию и территориальную структуру в виде больших групп населения, отстаивающих общие интересы. В качестве таких групп часто выступали племена и их союзы, роды, кланы, землячества и другие объединения людей в местах их компактного проживания. Это приводило к созданию сложной системы взаимных обязательств, которая определяла правила поведения конкретного человека. Как следствие, процесс создания политических систем государств Центральной Азии шел достаточно трудно – путем сочетания традиционности и модерна, авторитаризма и элементов либерализма.

Запад оказывал влияние на формирование в регионе политических систем. Но, учитывая вышеизложенное, местные элиты с восточным лукавством больше имитировали элементы демократии, плюрализма мнений и равенства возможностей. США и их европейские партнеры старались этого не замечать, принимая созданные на основе родо-племенных отношений организации за политические партии, а контролируемые государством структуры – за неправительственные организации. Это позволяло развивать отношения со странами, которые откатывались порой к более жестким методам управления, чем практиковалось при советской власти. В результате

либеральные ценности становились «разменной монетой в захватывающей гонке за прибылью и влиянием» [5, с. 226].

Помимо того, в силу множества причин республики Центральной Азии не могли получить «приглашения» в Европейский союз, что лишило их стимула подстраивать под Запад свои политические системы. Как следствие, все политические новации носили в большей степени формальный характер, а их целесообразность и содержание определялись интересами правящей элиты, стремившейся удержать власть на волне демократического популизма. Следует заметить, что местную элиту, как правило, образовывала старая партийная номенклатура, отказавшаяся от коммунистической идеологии, но сохранившая прежние управленческие подходы с упором на административный ресурс.

По мнению казахстанского исследователя Е. Сейлеханова, тогда «негативное влияние на развитие демократизационных процессов на постсоветском пространстве оказывала ...политико-идеологическая зависимость от России» [11, с. 62]. В какой-то степени с этим можно согласиться, так как после октябрьских событий 1993 г. в России с целью недопущения коммунистической реставрации стала укрепляться президентская вертикаль в ущерб остальным ветвям власти. Аналогичное произошло и в республиках Центральной Азии, но оно было обусловлено нерешенностью экономических проблем. Обретение независимости для государств Центральной Азии также сопровождалось поиском национальной идентичности путем написания собственной истории, основанной на реальных или мифических персонажах, а также переименования названий населенных пунктов, улиц и объектов культуры.

Все это способствовало усилению в обществе консерватизма как системообразующего элемента и укреплению кланово-семейных связей, что неминуемо вело к авторитарному стилю правления. Как следствие, все пять центральноазиатских государств, несмотря на ряд отличий, имеют схожие политические системы, в которых власть поддерживается при помощи «твердой руки» при отсутствии какого-либо реального контроля со стороны парламента, СМИ, а также институтов гражданского общества [3].

Специфические черты приобрела и возникавшая после обретения независимости многопартийность. В отличие от Запада, политические партии Центральной Азии, как правило, не имеют идеологической платформы. При их формировании основную роль играют региональные, клановые и родо-племенные интересы. Как правило, политические партии не являются общенациональными, а их лидеры происходят из властных структур, что исключает предложение ими реальных альтернатив проводимому в стране курсу. При этом, как полагает известный киргизский исследователь З. Курманов, поддержка со стороны избирателей определяется не заявляемой программой, а отношением к партийному лидеру [8].

Это ярко проявлялось во время многочисленных парламентских избирательных компаний.

Анализируя ситуацию в целом, следует заметить, что в авторитарных государствах Центральной Азии исполнительная, законодательная и судебная ветви власти реально не разделены. Именно исполнительная власть остается той силой, которая определяет основные пути развития общества. Как следствие, проводимые в регионе реформы носят верхушечный характер. Рассмотрим далее особенности становления в Казахстане авторитарного стиля правления.

Мягкий авторитаризм

Политическая система Республики Казахстан (РК) определяется патронально-клиентельными отношениями, которые реализуются в ходе борьбы за власть представителей трех племенных объединений: Старшего (Южный и Юго-Восточный Казахстан), Среднего (Северный, Центральный и Восточный Казахстан) и Младшего (Западный Казахстан) жузов. Эти объединения возникли в начале XVII в., но противоречия между ними глубоко укоренились среди жителей республики. В настоящее время к Старшему жузу (11 родовых групп) причисляют себя 35% казахов, к Среднему (7 родовых групп) – 40%, к Младшему (3 родовые группы) – 25%. Не входят в жузовую иерархию особо почитаемые, малочисленные группы «торе» и «кожа» – потомки Чингисхана и первых арабов, пришедших ислам в казахские степи.

Бессменный президент РК, ранее первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии республики Н. Назарбаев грамотно выстраивает отношения между жузами (кланами). Это позволяет избегать излишней напряженности и ограничивать их влияние на политическую систему республики, которая за последние 20 лет прошла несколько важных этапов своего развития [4].

Первый из них (1991–1993 гг.) был обусловлен распадом Советского Союза и «катапультированием в независимость» большинства союзных республик. В это время основное внимание уделялось не столько созданию новой политической системы, сколько разрушению существующей. Логическим завершением этого этапа стало принятие в конце января 1993 г. Конституции, согласно которой Республика Казахстан есть «форма государственности самоопределившейся казахской нации» [2, с. 15]. По своей сути, эта Конституция носила переходный характер, так как ее ввел еще советский Верховный Совет Республики Казахстан.

Одновременно шел процесс становления независимости и государственности Казахстана. Официально при этом заявлялось, что целью такого процесса является демократическое, светское, правовое и социальное государство, основанное на общепризнанных либеральных ценностях и принципах гражданские права и свободы, политического плюрализма, конституционного разделения властей и верховенства права. Как следствие,

была осуществлена деидеологизация аппарата государственного управления, сформированы институты президентства, парламентаризма и конституционной юстиции, заложены основы многопартийной системы, на основе созданной законодательной базы начата либерализация политической жизни страны.

Во время второго этапа (1993–1995 гг.) в РК произошло резкое усиление социально-политической напряженности, что подтолкнуло руководство страны к авторитарному откату. Этому способствовало то обстоятельство, что в период перехода от Верховного Совета к двухпалатному парламенту страны (нижняя – мажилис, верхняя – сенат) в республике действовал закон «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий». Этот закон утратил свою силу только с 1 января 2005 г., хотя выборы в парламент прошли уже в марте 1994 г. Помимо того, продолжала действовать морально устаревшая Конституция страны. Возникший вакуум власти заполнил президент, который в конце апреля 1995 г. на основе референдума продлил свои полномочия до 1 декабря 2001 г. Принятая в конце августа 1995 г. на основе референдума новая Конституция узаконила это положение, сделав президентскую власть фактически самостоятельной и стоящей над другими ветвями – законодательной, исполнительной и судебной. По официальным данным, такое решение поддержали 89% из числа голосовавших на референдуме.

Согласно ст. 61 новой Конституции президент страны получил право определять приоритетность рассмотрения законопроектов, а также вносить в парламент предложение о рассмотрении проекта закона в срочном порядке. В последнем случае парламент был обязан рассмотреть данный проект в течение месяца со дня его внесения. При неисполнении настоящего требования президент мог издать указ, имеющий силу закона до момента принятия парламентом нового закона.

Президент получил также возможность влиять на парламент, а через систему личного назначения судейского корпуса – и на судебную систему. Кроме того, Конституционный суд, имевший по Конституции 1993 г. право контролировать высшую исполнительную власть, был преобразован в Конституционный совет, обладавший только консультативно-совещательными правами. Все это подтверждало авторитаризм в стиле правления страной, хотя и способствовало скорейшему решению ряда неотложных задач в сфере экономики. Именно тогда в качестве основополагающего принципа развития политической системы РК была признана политическая стабильность.

В ходе этого же этапа был начат процесс так называемой «малой приватизации», когда государство объявило себя юридическим собственником средств производства, но при этом «сбросило» с себя всю ответственность за социальную сферу, продолжая говорить о необходимости «социальной справедливости» и «социальной защищенно-

сти». Это привело к негативным тенденциям в политической и социальной сферах жизни общества.

На третьем этапе (1995–1998 гг.) шел процесс авторитарной модернизации в условиях «большой приватизации», что привело к следующему:

- во-первых, транснациональные корпорации стали контролировать до 40% промышленного производства и 50% внешней торговли РК;

- во-вторых, по мнению казахстанского исследователя Н. Амрекулова, «клан (в отличие от партий, профессиональных общностей и т.д.) вновь стал господствующей формой группирования элит» [1, с. 71]. Это стало предпосылкой для формирования в Казахстане полицентризма, то есть одновременного существования множества самостоятельных центров власти–собственности;

- в-третьих, произошла значительная дифференциация населения по уровню доходов. Так, на конец 1990-х гг. в Казахстане доля наиболее обеспеченного населения составила 3,3%, а наименее обеспеченного – от 61 до 68%. По сути, общество оказалось расколотым в духе «прав–привилегий». В рассматриваемый период проводилась политика по значительному усилению президентской власти в стране. Это обуславливалось следующими причинами:

- до конца 1990-х гг. продолжалось падение объемов валового внутреннего продукта страны;

- не были преодолены тяжелые социальные последствия экономической политики под названием «шоковая терапия»;

- ожидавшаяся от Запада масштабная финансовая помощь, необходимая для преодоления экономического кризиса, так и не поступила;

- пришлось опираться на собственные силы, поэтому была выбрана модель экономического развития «азиатских тигров».

На четвертом этапе (с 1998 по 2004 г.) политическая система РК строилась на основе модели «управляемой демократии». В ее основе лежала идея повышения устойчивости системы через укрепление президентской власти при одновременном развитии институциональных элементов демократии. На самом деле основная цель состояла в том, чтобы не допустить передела собственности, сосредоточенной в руках узкой группы лиц, состоящей из «семьи» и ее ближайшего окружения. Именно поэтому власть все больше испытывала страх от концентрации материальных ресурсов в руках тех людей, которые хоть в некоторой степени были от нее независимы [13]. Периодически такая борьба стала приводить к возникновению политических кризисов.

В октябре 1998 г. Н. Назарбаев инициировал внесение изменений в Конституцию РК. С одной стороны, это способствовало укреплению авторитаризма ввиду удлинения срока президентских полномочий с 5 до 7 лет и отмены верхнего 65-летнего порога возрастного ценза для избрания президента. А с другой – привело к появлению некоторых элементов демократизации за счет, например, появления в нижней палате парламента РК 10 дополнительных мест для депутатов, избираемых по партийным спискам.

В дальнейшем правящей власти приходилось постоянно отстаивать свои права, как в январе–апреле 2002 г. перед «демократической оппозицией», и урегулировать внутренние конфликты (например, осенью 2001 г. между Р. Алиевым и «младотюрками»). Одновременно спускался накопившийся «пар» социально-политической напряженности.

Реформирование политической системы

Новый этап реформирования пришелся на 2004–2007 гг. Тогда достаточно жесткий (авторитарный) стиль правления Республикой Казахстан на фоне значительных экономических успехов и стабилизации социального положения населения страны стал препятствовать деловой и гражданской активности людей. Усиление оппозиции, нарастание противоречий внутри элиты и стремление общества к демократии потребовали либерализации политической жизни. Это полностью соответствовало международным обязательствам Казахстана по демократизации своей политической системы.

Правящая власть пошла на некоторые уступки, согласившись на повышение роли парламента во взаимоотношениях с исполнительной властью, введение пропорциональной избирательной системы и усовершенствование партийной системы путем объединения провластных партий в Народно-демократическую партию «Нур Отан» («Свет Отечества»). Помимо того, отечественные НПО получили поддержку через систему государственного социального заказа. Однако парламент так и остался органом, подконтрольным президенту.

Вместе с тем поправки о сокращении президентского срока с 7 до 5 лет вводились после 2012 г., когда истек срок пребывания на посту главы государства Н. Назарбаева, для которого исключалась норма о числе переизбраний. А главная задача проводимых реформ состояла в том, чтобы укрепить режим его личной власти и устранить всякую конкуренцию. В 2008 г. Президент Республики Казахстан выдвинул новые предложения по развитию и совершенствованию политической системы страны. Они включают правовые механизмы формирования парламента с участием не менее двух партий, обеспечение более благоприятных условий для государственной регистрации политических партий, совершенствование процедурных механизмов электорального процесса, а также снятие излишних бюрократических барьеров, регулирующих деятельность СМИ.

В середине июня 2010 г. за Н. Назарбаевым был официально закреплён статус Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации, а в декабре на форуме в Усть-Каменогорске общественные деятели Казахстана предложили продлить полномочия президента страны до 2020 г. путем проведения общереспубликанского референдума. В конце декабря Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Республики Казахстан зарегистрировала соответствующую инициативную группу, которая чрезвычайно быстро собрала

около 315 тыс. подписей казахстанцев (для назначения референдума было достаточно 200 тыс. подписей). Мажилис парламента РК единогласно принял обращение к президенту Н. Назарбаеву о внесении изменений в конституцию о назначении референдума по продлению его президентских полномочий. Это решение было поддержано сенатом парламента РК.

Однако уже 7 января 2011 г. президент Н. Назарбаев отклонил предложения парламента страны о вынесении на республиканский референдум изменений в Конституцию РК по продлению собственных полномочий без всенародных выборов. Основная причина этого состояла в том, что ЕС и США осудили указанную инициативу, посчитав ее «отходом республики от демократии» [10]. 31 января Конституционный совет Республики Казахстан признал закон о замене выборов на референдум неконституционным. Выход из этого был найден в том, чтобы провести 3 апреля 2011 г. досрочные президентские выборы. По итогам их проведения Н. Назарбаев получил более 95% голосов избирателей и был переизбран президентом на четвертый срок.

Формально идея многопартийности в РК была реализована. Для этого в ноябре 2011 г. президент Н. Назарбаев подписал указ «О роспуске Мажилиса Парламента Республики Казахстан четвертого созыва и назначении внеочередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан». В январе 2012 г. были проведены выборы, в ходе которых Народно-демократическая партия «Нур Отан» получила 81% голосов избирателей, Демократическая партия «Ақ Жол» и Коммунистическая народная партия – по 7% голосов [9]. Другие политические партии в парламент не прошли.

Столь ожидавшиеся результаты парламентских выборов не следует относить только к использованию административного ресурса. Российский исследователь А. Зубов полагает, что «азиатское общество признает за реальной властью право на ее постоянное употребление, что предполагает длительность безраздельного господства доминантной партии, поэтому такого рода партиям в восточных обществах удается обеспечить поддержку большинства в большинстве социальных групп» [6, с. 24]. При этом отношение к партиям не связывается напрямую с идеологией, а определяется личностью партийного лидера.

Кроме того, уровень доверия к Президенту Н. Назарбаеву в Республике Казахстан чрезвычай-

но высок. Так, в октябре 2007 г. ему выразили доверие 87% респондентов. А по данным «Евразийского монитора», в Казахстане своей жизнью удовлетворены 72% населения, и только 27% ею не удовлетворены [7]. В таких условиях созданная сверху единственная пропрезидентская партия просто обречена на политический успех. Тем не менее, как считает известный казахстанский исследователь К. Сыроежкин, построенная в Казахстане система авторитарной власти является «структурой закрытого типа, которая практически исчерпала свой внутренний ресурс» [12, с. 161]. Подтверждением этого стали трагические события мая 2011 г. в Жанаозене, когда забастовка нефтяников привела к социальному взрыву.

Во всех государствах Центральной Азии сохраняется авторитарный стиль правления, относительно мягкий в Казахстане и Киргизии и достаточно жесткий в Узбекистане и Туркменистане. При этом политические реформы проводятся только в первых двух государствах. В остальных они только имитируются с целью сохранения хороших отношений с Западом. Существуют несколько факторов, которые подталкивают правящую элиту государств Центральной Азии к политическим переменам:

- во-первых, это вопрос о передаче власти. Он наиболее актуален для нынешних лидеров Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, которые уже достигли пенсионного возраста;

- во-вторых, на политических переменных в государствах Центральной Азии настаивают США и их европейские партнеры, которые заинтересованы в демократизации региона. Однако исторически сложившиеся политические и культурные условия требуют взвешенного подхода к этому вопросу. Насаждение демократии может привести к тому, что светская оппозиция не удержит исламистов от захвата власти. Более привлекателен другой путь – дозированного ослабления авторитаризма, что вполне отвечает интересам местного населения [5];

- в-третьих, необходимость реформирования политических систем расположенных в регионе государств обусловлена обилием межнациональных проблем, которые носят как внутригосударственный, так и межгосударственный характер. Они оказывают сильное дестабилизирующее влияние на все государства, за исключением Казахстана и Туркменистана.

Список литературы

1. Амрекулов Н. Размышления о главном. Пути к устойчивому развитию. Алматы, 1998. 312 с.
2. Ашимбаев М.С. Политический транзит в Казахстане: содержание процесса и его особенности. Алматы, 2001. 56 с.
3. Владимиров В. Политика России на южных рубежах. Поиск новой стабильности (2004-2005 гг.) // Разоружение и безопасность 2004-2005: новые подходы к международной безопасности / Отв. ред. А.А. Арбатов. М., 2007. С. 270-276.
4. Годы, которые изменили Центральную Азию / Научный ред. И.Д. Звягельская. М., 2009. 332 с.
5. Звягельская И.Д. Авторитаризм в Центральной Азии: от старта и далее (какие дали он догоняет?) // Что догоняет догоняющее развитие / Отв. ред. А.М. Петров. М., 2011. С. 224-243.
6. Зубов А.Б. Парламентская демократия в незападных обществах. М., 1991. 276 с.
7. Интеграция в Евразии. Социологическое измерение. М., 2008. Вып. 2. 192 с.
8. Курманов З. О проблемах партогенеза в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция), 2004. № 5 (35). С. 9-14.
9. Объявлены окончательные итоги парламентских выборов в Казахстане. - URL: <http://vesti.kz/polit/97162/>.
10. Референдум о продлении полномочий главы Казахстана станет отходом от демократии, считают в Вашингтоне. - URL: <http://newskaz.ru/politics/20110104/1027342.html>.
11. Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. Алматы, 2006. 296 с.
12. Сыроежкин К. Социально-политический процесс в Казахстане (опыт реконструкции) // Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы / Отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: ЦСПИ; Институт востоковедения РАН, 2011. С. 92-201.
13. Фурман Д. Постсоветский политический режим Казахстана. М.: Огни, 2004. 104 с.

Об авторе

Евсеев Владимир Валерьевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, докторант Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН. Научная специализация: новейшая история Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. E-mail: vlad.evseev@gmail.com

AUTHORITARIANISM IN THE CENTRAL ASIA (AS EXEMPLIFIED BY KAZAKHSTAN)

Cherkasova V.P.

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 107031, Moscow, Rozhdestvenka St, 12.

In the article the problem of formation and transformation of an authoritarian style of governance in Central Asia has been considered. Its author claims that the executive, the legislative and the judicial branches of government are not really divided. The executive branch remains the force which determines the main development trends in society. Consequently, reforms in region have superficial nature. Among the main reasons of authoritarianism, established in Central Asia, the author emphasizes on the maintenance of tribal (clan) society structure, strengthening of conservatism and influence on the part of Islam, weak civil society institutions and the formation of local elite based on old party nomenclature. As it was established in the article, the political parties in Central Asia, as a rule, don't have an ideological platform, and their formation is dominated by regional, clan and tribal interests. Their support from voters is determined by the attitude towards the party leader. As an example of Kazakhstan the author examines the major stages of its political system development for the last twenty years. It was suggested that an authoritarian setback took place amid the high politico-social tensions in 1993-1995. After, the process of authoritarian modernization began in the context of "large privatization". As a result, polycentrism, when a clan became

a prevailing form of elite grouping, was formed. In 1998-2004, the political system of Kazakhstan was built on basis of "managed democracy" model. An idea of improving system's stability through strengthening of presidential power with simultaneous development of institutional elements of democracy forms its basis. A present stage of Kazakhstan's political development is marked by that the authoritarian style of government amid the substantial economic progress and social stabilization has become to discourage the business and civic engagement activities. The situation demanded the liberalization of political life and the ruling elite had to make concessions.

Keywords: authoritarianism, Central Asia, clan, Kazakhstan, liberalizing, the political system, the political party, ruling elite.

References

1. Amrekulov N. Razmyshleniya o glavnom. Put'i k ustoychivomu razvitiyu [Reflection above all. Path to sustainable development]. Almaty, 1998. 312 p.
2. Ashimbaev M.S. Politicheskiy transit v Kazakhstane: sodержaniye protsessa i yego osobennosti [Political transit in Kazakhstan: subject-matter of process and its special aspects]. Almaty, 2001. 56 p.
3. Vladimirov V. Politika Rossii na yuzhnykh rubezhakh. Poisk novoy stabil'nosti (2004-2005 gody) [Russian policy on the southern borders. Search for new stability (in 2004-2005)], Razoruzheniye i bezopasnost' 2004-2005: novyye podkhody k mezhdunarodnoy bezopasnosti [Disarmament and security in 2004-2005: new approaches to the international security], ed.: Arbatov A.A. Moscow, 2007, pp. 270-276.
4. Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nuyu Aziyu [Years which changed the Central Asia], ed.: Zvyagel'skaya I.D. Moscow, 2009. 332 p.
5. Zvyagel'skaya I.D. Avtoritarizm v Tsentral'noy Azii: ot starta i dalee (kakie dali on dogonyaet?) [Authoritarianism in the Central Asia: from start and all (What distance does it overtake?)], Chto dogonyaet dogonyayushee razvitiye [What does the catching-up development catch?], ed.: Petrov A.M. Moscow, 2011, pp. 224-243.
6. Zubov A.B. Parlamentskaya demokratiya v nezapadnykh obshchestvakh [Parliamentary Democracy in Non-Western Societies]. Moscow, 1991. 276 p.
7. Integratsiya v Evrazii. Sotsiologicheskoye izmereniye [Integration in Eurasia: Sociological Dimension], Issue 2. Moscow, 2008. 192 p.
8. Kurmanov Z. O problemakh partogeneza v Kyrgyzstane [About problems of political party genesis in Kyrgyzstan], Tsentralnaya Aziya i Kavkaz [Central Asia and Caucasus]. Luleo (Sweden), 2004, № 5 (35), pp. 9-14.
9. Ob'yavlenie okonchatel'nykh itogov parlamentskikh vyborov v Kazakhstane (Final results of parliamentary elections in Kazakhstan were declared). Available at: <http://vesti.kz/polit/97162/> (accessed 11 September 2013).
10. Referendum o prodl'enii polnomochiy glavy Kazakhstana stanet otkhodom ot demokratii, schitayut v Vashingtone [People in Washington, D.C. consider that the referendum on extension of the term of Kazakhstan president office will be retreat from democracy]. Available at: <http://newskaz.ru/politics/20110104/1027342.html> (accessed 11 September 2013).
11. Seylekhanov, E.T. Politicheskaya sistema Respubliki Kazakhstan: opyt razvitiya i perspektivi [Political system of the Republic Kazakhstan: an experiment of development and prospects]. Almaty, 2006. 296 p.
12. Syroezhkin K. Sotsial'no-politicheskiy protsess v Kazakhstane (opyt rekonstruktsii) [Politico-social process in Kazakhstan (experience of reconstruction)], Politicheskiy protsess v Tsentral'noy Azii: resul'taty, problemy, perspektivy [Results, problems, prospects], ed.: Zvyagel'skaya I.D. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 92-201.
13. Phurman, D. Postsovetskiy politicheskiy rezhim Kazakhstana [Post-soviet political regime of Kazakhstan]. Moscow, 2004. 104 p.

About the author

Vladimir V. Evseev – Candidate of Science (technics), Senior Research Fellow, Doctoral Candidate of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and Urals-Volga Region Studies, the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. E-mail: vlad.evseev@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В ПАКИСТАНЕ

О.П. Чекризова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена исследованию исламского радикализма в Пакистане. Основное внимание сфокусировано на выделении особенностей усиления радикального ислама в Пакистане, а также сочетания местного и «импортного» элементов в радикально-экстремистской идеологии. В прогнозной части статьи рассматриваются возможные варианты (сценарии) дальнейшей эволюции исламорадикализма. В Пакистане исламский радикализм (идеологический уровень) и экстремизм (практическое воплощение идей) набрали высокие темпы роста во время политики исламизации 80-х гг. XX в., оставаясь до настоящего времени ключевыми факторами турбулентности ситуации в стране и регионе. Развитие радикального исламизма в Пакистане носит очаговый и дискретный характер. Каждый период этого развития характеризуется определенными внешними или внутренними факторами, определявшими ход развития событий. Так, резкий подъем радикального ислама с конца 1970-х гг. был в немалой степени связан с мировым и в особенности с региональным контекстом. С середины 1980-х гг. на первый план выходит внутренний фактор межрелигиозного противостояния между суннитами и шиитами, тем более острый, что стороны получали помощь извне. После 90-х гг. XX в. – периода относительно ровного развития – очередная фаза усиления радикального исламизма в начале 2000-х гг. была вызвана резкой сменой внешнеполитического и внутривнутриполитического курса Исламабада, поддержавшего борьбу с крайними формами исламизма – терроризмом, – как в рамках международной коалиции, так и внутри страны. В настоящее время на фоне углубления социально-экономического кризиса в стране, а также усталости населения от последствий участия Пакистана в глобальной войне против террора на первый план стали выдвигаться легальные движения исламистов. При этом не следует преуменьшать и значение экстремистов, которые могут использовать нынешний период затишья для передышки и перегруппировки сил. Инерция развития исламистских политических, общественных и радикальных организаций позволяет утверждать, что данная тематика будет и в дальнейшем сохранять высокую актуальность для Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, афгано-пакистанское приграничье, радикализм, экстремизм, исламизм, исламистские движения.

Современную фасадную часть партийно-политической системы Пакистана определяет господство центристских сил, полюсами остаются либерально настроенные демократы и их антиподы – исламисты. Практически с момента образования независимого Пакистана в 1947 г. его политическую систему характеризует неуклонный рост фактора ислама как его конфессиональной «связующей константы» и исламской идеологии.

В эволюции базирующихся на этих основаниях общественно-политических течениях исламорадикализма, носящих к тому же очаговый и дискретный характер, можно выделить три основных периода:

- сильный рост с конца 1970-х гг. до конца 1980-х гг.;
- достижение «плато» (ровного развития) с конца 1980-х гг. по 1990-е гг.;
- новый рост с начала 2000-х гг. вплоть до настоящего времени.

Причиной возрастания роли ислама являлись внутренние факторы: а) ослабление роли светского национализма; б) неоправдавшиеся надежды значительных масс населения, живущих за чертой бедности и связывающих с исламом перспективы лучшей жизни; в) реакция традиционалистских слоев пакистанского общества на проводимую властями модернизационную политику.

Помимо внутренних условий, на развитие исламорадикализма в Пакистане в различные хронологические периоды оказывали влияние и внешние факторы. Резкий подъем радикального ислама в конце 70-х гг. XX в. в немалой степени был связан:

- с вооруженным противостоянием в Афганистане, Исламской революцией в Иране 1978 – 1979 гг.;
- позднее, с рубежа 1980–1990-х гг., – с национально-конфессиональным восстанием в индийском штате Джамму и Кашмир и с вызванным этим очередным витком напряженности отношений с Индией «выплеснувшейся» мини-войной в мае – июле 1999 г., известной как Каргильский кризис;
- с середины 80-х гг. XX в. на первый план выходит антагонизм между представителями суннитского большинства и шиитского меньшинства среди населения Пакистана, обострившийся помощью извне – от стран, на которые эти силы ориентировались в политическом и идеологическом плане. В 1990-х гг. пакистанский исламский радикализм развивается относительно ровно, существуя при поддержке сменяющихся в Исламабаде правительств, а также армии и военных спецслужб. Поддержка Пакистаном на этом этапе исламистских сил обуславливалась главным образом его желанием влиять на ситуацию в соседнем Афганистане, где к власти, не без пакистанской помощи, пришли исламисты из движения «Талибан»;
- на начало 2000-х гг. приходится очередная фаза усиления сил политического ислама, что

было вызвано резкой сменой внешнеполитического курса Исламабада. Немаловажно, что крайние формы исламизма (экстремистские, террористические организации) были объявлены военными властями страны – режимом генерала П. Мушаррафа – вне закона. Умеренный же (парламентский) исламизм не без помощи армии и ее специальных служб добился заметных успехов – блок шести религиозно-политических партий «Муттахида маджлис-е амаль» (Объединенный фронт действия) на всеобщих выборах 2002 г. стал третьим по количеству мест в нижней палате парламента страны. Сложившаяся в результате кризиса военно-парламентского режима в 2007 г. обстановка не позволила «легальным» исламистам закрепить и тем более развить свой предыдущий успех на выборах в 2008 г.

Исламизация 80-х гг. XX в.

Хотя активизацию процесса исламизации в Пакистане связывают прежде всего с нахождением у власти генерала М. Зия-уль-Хака в 1977 – 1988 гг., начало его тем не менее было заложено в правление З.А. Бхутто (1971 – 1977 гг.), который не только отстаивал концепцию «исламского социализма», пытаясь совместить социалистические идеи с принципами ислама, но и пошел навстречу многим требованиям религиозных партий. Так, в Конституции 1973 г., действующей до настоящего времени, ислам провозглашался государственной религией, в обязанности государственной власти вменялась поддержка религиозных устремлений граждан-мусульман, а во внешней политике правительство должно было исходить из принципов мусульманского единства.

Курс на всестороннюю исламизацию пакистанского общества, объявленный М. Зия-уль-Хаком вскоре после прихода к власти, был провозглашен в качестве государственной идеологии строительства пакистанского общества на фоне роста в мире как исламских, так и этнонациональных настроений. Успеху исламизации способствовало и то, что за предыдущий период независимого развития, проходившего под лозунгом национализма (хотя и мусульманского) и создания отличного от индийского «своего государства», политэлиты оказались неспособны сформировать эффективную модель пакистанского государства. Причинами стали: отсутствие национального консенсуса относительно будущего пути государственного развития и нерешенность социальных проблем общества.

Программа М. Зия-уль-Хака была предложена в момент всеобщего разочарования как альтернатива развития и переход на истинно исламский путь развития. Важно, что одновременно с усилением политического ислама в Пакистане в соответствии с заявленными им целями создания подлинного исламского государства происходила его радикализация. В качестве своей опоры режим М. Зия-уль-Хака использовал две силы – армию и улемов (мусульманских богословов). Вооруженные силы, которые еще с конца

1950-х гг. превратились в постоянный активный фактор пакистанской политики, сыграли весьма существенную, если не решающую, роль в сдвиге Пакистана вправо, в сторону исламизма. За время пребывания генерала у власти (более 8 лет) армия получила широкое представительство в гражданской сфере управления и хозяйствования. Помимо того, постоянно увеличивались расходы на вооруженные силы как за счет бюджета, так и за счет значительно возросшей в тот период внешней помощи Пакистану.

Многочисленное сословие богословов за время правления М. Зия-уль-Хака также существенно улучшило свое положение. Новый режим активно привлекал улемов для консультаций в качестве знатоков мусульманского права, нередко были их назначения на ответственные административные и судебные посты, они даже вошли в правительство. Партнером режима выступила старейшая и наиболее организованная, влиятельная панисламистская религиозно-политическая партия Пакистана «Джамаат-и-ислами» (ДИ, «Общество ислама»), пользующаяся определенной популярностью на всей территории Пакистана. Основной целью партии ее основатель Абул Ала Маудуди, чьи идеи получили широкое распространение в арабском мире, считал создание общества «истинного» ислама.

Небезынтересно, что исламизация «сверху» не подразумевала построения теократического государства. Богословы выступали лишь в роли партнеров-консультантов и советников, помогающих легитимизировать военный режим. Процесс вовлечения исламистов в политический процесс сохранялся как самоподдерживающийся. Участие ДИ в управлении страной в период военной диктатуры укрепило позиции умеренного крыла партии, выступающего за постоянное и полномерное участие в политическом процессе. Однако и представители радикального крыла активизировались в стремлении не потерять авторитет «консервативно-революционной» силы и не растерять сторонников из числа ортодоксов. Им на руку играло то обстоятельство, что любой правящий в стране режим, не желая допустить ослабления основы государства – ислама, – не мог себе позволить непримиримое и тем более враждебное отношение к религиозным идеологам.

Пакистанское общество во многом было подготовлено к широкой исламизации. За прошедшие годы независимого развития произошло изменение социального состава общества: возросло число мелких собственников в городе и деревне, увеличилась численность маргинальных слоев. Представители этих социальных прослоек ощущали потребность в морально-психологической защите и компенсации. Ощутимые изменения произошли также в командном составе армии. Вместо выходцев из элитных слоев общества, прошедших выучку еще во времена колониальной Индии, в командный корпус пришли представители средних и низших слоев общества, получившие образование не за границей, а в Пакистане. Им

были ближе религиозные взгляды.

Немаловажную роль в исламизации самой армии сыграли помощь, оказанная ею моджахедам в Афганистане, конфронтация с Индией и поддержка исламских сепаратистов в Кашмире. В результате многие военнослужащие, особенно те, в чью сферу компетенции входила работа с радикалами и экстремистами, «заражались» исламистскими идеями. С началом военных действий в Афганистане Пакистан фактически превратился в прифронтовую зону. На его территории нашли убежище основные оппозиционные силы афганцев, создавались базы для подготовки вооруженных отрядов. В основном через Пакистан шла огромная, на несколько миллиардов долларов США, военная помощь моджахедам.

Ставка на афганскую религиозную оппозицию способствовала активизации роли Пакистана в движении исламской солидарности. В 1980 г. в Исламабаде прошли две конференции Организации Исламская конференция, на одной из которых была принята резолюция с призывом к вмешательству в афганские дела.

Парламентско-демократические режимы и исламский радикализм

Период с конца 80-х гг. по конец 90-х гг. XX в. в Пакистане по форме можно назвать демократическим. Он характеризовался острой борьбой за власть двух ведущих партий страны – Пакистанской народной партии (ПНП, другой перевод – Партия пакистанского народа), которую возглавила дочь З.А. Бхутто Беназир Бхутто, и Пакистанская мусульманская лига во главе с выходцем из клана крупных пенджабских промышленников Миан Наваз Шарифом (ПМЛ-Н). Острота противоречий объяснялась политико-идеологическим соперничеством двух линий преемственности, идущих от З.А. Бхутто и М. Зия-уль-Хака. Последователем Зия и сторонником исламизации, хотя и более умеренного типа, считался Н. Шариф. Существенной была к тому же роль фактора региональной идентичности, разделившей Пенджаб и Синд [1]. Религиозные же партии оказались в конце 1980-х гг. в сложном положении, лишившись покровительства верховной власти после гибели в авиакатастрофе М. Зия-уль-Хака.

Одним из основных итогов правления Зия-уль-Хака, во многом определившее как внешнеполитическое, так и внутривнутриполитическое развитие страны в будущем, была вовлеченность Исламабада в афганскую проблему. Рассчитывая на приход к власти в Кабуле лояльного к Пакистану правительства, Исламабад надеялся на признание Афганистаном установленной еще в 1893 г. «линии Дюранда» в качестве законной границы и на благоприятное для себя решение пуштунской проблемы, то есть отказа Кабула от поддержки идей независимого от Пакистана Пуштунистана. Кроме того, роль прифронтового государства, активная вовлеченность в конфликт, который приобрел глобальное значение, сделали Пакистан игроком мирового масштаба [4].

В 1994 г. у пакистанских властей сложился консенсус в пользу поддержки новой военной силы в Афганистане – талибов (учеников, ищущих подлинное знание; множественное число на языке пушту – талибан). Это были выпускники и учащиеся пакистанских медресе в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистане из числа афганских беженцев, в основном примыкавших к суннитской партии деобандской школы «Джамиат-и улема-и ислам» (ДУИ, «Сообщество исламских богословов»). Так же, как и упоминавшаяся выше ДИ, эта партия является одной из старейших в Пакистане, уступая ей в тот период по авторитету и популярности. В 1972 г. она довольствовалась тем, что вместе со светской пуштунской партией «Авами нэшнл партии» сформировала правительство в СЗПП; в этой части страны она обладает наибольшим числом последователей. За несколько десятилетий своего существования ДУИ стала практически пуштунской по национальному составу [13, с.395–397]. В первой половине 1990-х гг. партия смогла приобрести немалый вес в глазах пакистанского руководства, что облегчило ей вхождение во власть.

Надо отметить, что уже к концу 1980-х гг. в Пакистане появилось немало боевиков, принимавших участие в военных действиях в Афганистане. И после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. центр исламской экстремистской борьбы сместился в индийский штат Джамму и Кашмир, где началась активная фаза вооруженной борьбы против властей Индии. Прошедшие в Афганистане боевое крещение кашмирцы составили ядро наиболее агрессивно настроенных участников движения сопротивления.

Таким образом, вывод советских войск из Афганистана давал возможность Пакистану объявить о победе идеологии джихада в соседней стране и одновременно шанс перенести фронт действий на территорию Индии. Заметим, что обстановка в индийском Кашмире представляла собой крайне благоприятное поле для пакистанского вмешательства – население там было недовольно фальсификацией итогов местных выборов 1987 г. Массовые выступления в 1993 – 1994 гг. были жестко подавлены индийскими правоохранительными органами.

Однако достигнутая, казалось бы, победа обернулась для Пакистана международной изоляцией. США в 1990 г. прекратили военно-экономическую помощь в надежде воспрепятствовать военной ядерной программе Исламабада. Россия возражала против поддержки Пакистаном кашмирских сепаратистов. Пакистан во многом оказался в региональном окружении, не дававшим ему возможности для маневра:

- непростыми были отношения с шиитским Ираном;
- замороженными оставались связи с бывшими советскими республиками, новыми независимыми государствами Центральной Азии;
- в довершение ко всему поддержка моджахедов не привела к установлению в Афганистане

прочной структуры власти, которая бы соответствовала ожиданиям Исламабада.

Под влиянием продолжавшейся борьбы исламистов в Афганистане и Кашмире в первой половине 1990-х гг. в Пакистане усилились фундаменталистские настроения, на первые роли в пакистанской политике вышли некоторые новые религиозные лидеры, которые во главу угла поставили «достижение недостижимого».

ДУИ из партии сравнительно умеренных взглядов уподобилась ДИ не только в идеологической сфере, но и в тактической, значительно укрепив свои позиции и претендуя на право быть центром притяжения исламистских экстремистов. Она вступила в успешную конкуренцию с ДИ, долгое время бывшей ядром оппозиционных религиозных сил. К усилению ДУИ приложила усилия и ПНП, которая стремилась расколоть коалицию из трех основных религиозных партий (ДИ, ДУИ и суннитская партия барелвийской школы «Джамиат-и улема Пакистан», ДУП, или Сообщество пакистанских богословов). Последние поддержали на выборах 1990 г. соперника ПНП – Мусульманскую лигу Наваз Шарифа.

В этом «треугольнике» ДУИ находилась на вторых ролях, но после новых парламентских выборов и прихода к власти в 1993 г. во второй раз Б. Бхутто связи этой партии с правительством упрочились – лидер ДУИ Маулана Фазлур Рахман возглавил парламентскую комиссию по международным делам. В этом качестве он посетил Вашингтон и европейские столицы, а также страны Персидского залива. Целью визитов было отстаивание интересов афганских исламистов и получение ими финансовой поддержки [18, с.128].

Успехи талибов в Афганистане в середине 1990-х гг. привели к росту популярности их идей в Пакистане. Кроме того, пакистанские боевики «Лашкар-и Джангви» и «Сипах-и сахаба Пакистан» в 1994–1998 гг. участвовали в боевых действиях на стороне талибов. Во многих населенных пунктах СЗПП власть фактически перешла к проталибским силам, которые устанавливали законы шариата на подконтрольных им территориях [17].

Еще одним внешним фактором, помимо афганского конфликта, способствовавшим повышению роли ДУИ и ее радикализации, стала ирано-иракская война 1980 – 1988 гг. ДИ и близкая к ней идеологически афганская партия «Хезб-и ислами» Г. Хекматъяра симпатизировали Ираку, чем вызвали недовольство саудовских ваххабитов (на протяжении десятилетия обе организации получали значительную помощь от Эр-Рияда). Разочаровавшись в ДИ и стремясь сохранить свое влияние в пакистанском религиозном пространстве, Саудовская Аравия начала поддерживать ДУИ, чья строгая религиозная ортодоксия были близка ваххабитской практике.

Связанная с «народным» исламом школа улемов-барелви и их политическая организация ДУП, по некоторым сведениям, получала помощь из Ирака. Во время войны она проводила митинги в поддержку режима С. Хуссейна и создавала

центры набора желающих сражаться на иракской стороне, утверждая, что ей удалось мобилизовать 110 тысяч волонтеров [3, с.224–225].

Далеко не последнее влияние на ситуацию в стране оказала проблема афганских беженцев, лагеря которых располагались в пограничных с Афганистаном районах СЗПП и северной части Белуджистана. Международная гуманитарная помощь и деятельность исламских благотворительных организаций позволили развернуть в лагерях и близлежащих деревнях провинции сеть учебных заведений, в основном религиозного характера [6].

Исламизм в период военно-парламентского режима П. Мушаррафа

Еще один мощный подъем радикального исламизма в Пакистане имел место в начале XXI в., в период, последовавший за резкой сменой курса Исламабада в отношении режима талибов в Афганистане. После событий 11 сентября 2001 г. военное правительство П. Мушаррафа приняло решение о присоединении к антитеррористической коалиции под эгидой США. Этот шаг вызвал массовое недовольство в стране, спровоцировал рост оппозиционных происламских и антиамериканских настроений. Особенно эти тенденции были сильны в СЗПП, где большинство населения составляли пуштуны. Они восприняли новую афганскую политику Исламабада как «предательство братьев по вере и крови», поскольку значительная часть талибов этнически относились к пуштунам. В крупных городах страны были организованы массовые демонстрации протеста, набирались добровольцы для участия в военных действиях на стороне талибов.

Столь резкому повороту предшествовал целый ряд событий. В 1999 г. произошел четвертый выход военных на политическую авансцену, ставший результатом столкновения между исполнительной властью в лице Н. Шарифа (его партия победила на внеочередных выборах 1997 г.) и военным истеблишментом, который возглавлял начальник штаба армии генерал Первез Мушарраф. Конфликт разворачивался на фоне крайне неблагоприятного для Пакистана ухудшения отношений с Индией, низшей точкой которых на том этапе стал Каргильский кризис в мае – июле 1999 г. (мини-война между регулярными частями Пакистана и Индии на линии контроля в Кашмире) [2, с.400–402].

Первое время после переворота процесс исламизации, получивший довольно широкий размах, продолжался, создавались новые джихадистские организации, которые ставили своей целью всемерную помощь талибам в Афганистане и «борцам за свободу» в Кашмире [5, с. 86]. Поначалу власти занимали нейтральную позицию и бездействовали, возможно, потому, что к указанному времени исламисты представляли собой значительную силу, а кроме того, в армейских рядах было много сторонников радикалов.

В попытке пересмотра отношения к исламизации П. Мушарраф включил в свою политиче-

скую программу задачу «строительства демократического государства на принципах ислама» [15, с.168–169]. Он представил план действий «Путь к демократии», который предусматривал организацию системы выборов в органы местного самоуправления, подготовку и проведение всеобщих выборов в октябре 2002 г., превращение прямого военного режима в военно-парламентский.

На выборах в Национальную ассамблею (нижнюю палату Федерального собрания) и законодательные собрания провинций, состоявшихся в октябре 2002 г., убедительную победу в СЗПП и Белуджистане одержали исламисты. Они действовали в блоке «Муттахид маджлис-и амаль» (ММА, Объединенном фронте действия, который был образован шестью религиозно-политическими партиями: ДИ (лидер Кази Хусейн Ахмад), расколовшейся еще в 1980 г. на две фракции «Джаммиат-и улема-и ислам»–ДУИ Фазлур Рехмана и ДУИ Сами-уль-Хака; ДУП (возглавлял Шах Ахмад Нурани), шиитской «Ислами техрик Пакистан» и ваххабитской «Джамаат-и ахль-и хадис»). В Национальной ассамблее (парламенте) блок ММА получил 20% мест и вошел в тройку лидеров. По результатам состоявшихся впоследствии непрямых выборов в сенат (высшую палату Федерального собрания) ММА занял второе место [11]. Глава ДУИ Ф. Рехман стал лидером оппозиции.

Первый период военно-парламентского правления прошел в острой, но безрезультатной борьбе пропрезидентских сил (генерал П. Мушарраф провозгласил себя президентом в 2001 г.) и оппозиционных партий, получивших солидное число мест в парламенте. Расстановка сил в нем не давала ни одной из сторон существенного преимущества. Разногласия в стане оппозиции мешали ей выступить единым фронтом, и это побудило правительство начать поиск силы, способной помочь в разрешении сложившейся ситуации.

До выборов правительство использовало блок исламистов для контроля над ситуацией в парламенте (по соглашению с блоком ММА П. Мушарраф 1 января 2004 г. был избран президентом по конституционной процедуре, а ММА было разрешено возглавить администрацию в СЗПП, кроме того, были освобождены из тюрем активисты религиозных партий). Но после них П. Мушарраф приступил к борьбе с экстремизмом, начав с чистки в армии и спецслужбах (на тот период традиционалисты составляли весьма внушительную силу – примерно треть командующего состава [2, с. 438]).

При поддержке армии правительство развернуло наступление на радикалов. Были запрещены либо взяты под контроль некоторые исламистские террористические организации (в частности, Пакистано-афганский совет обороны и входившие в него «Сипах-и сахаба Пакистан», «Лашкар-и Джангви», «Лашкар-и тоиба», «Сипах-и Мухаммад»), многие их активисты были задержаны, перекрыты пути финансирования этих организаций. Под государственный контроль перешли несколь-

ко тысяч мечетей и медресе, было запрещено их финансирование из зарубежных источников.

В рамках борьбы с религиозным экстремизмом П. Мушарраф выдвинул в сентябре 2003 г. концепцию «просвещенной умеренности» [15, с. 295–297], в которой были изложены принципы руководства ИРП в отношении религии, а именно: полная поддержка и развитие истинного ислама и решительная борьба с его радикалистским направлением. Поскольку факторами роста исламского радикализма официально были объявлены социально-экономические проблемы, а не религиозные либо цивилизационные особенности мусульманской культуры, постольку для борьбы с явлением первостепенное значение приобретало решение проблем экономического развития и социальной справедливости [8].

По мере действий сил международной коалиции в соседнем Афганистане усиливалась вовлеченность Пакистана в афганские дела, что влекло за собой ухудшение ситуации в стране. Под давлением Вашингтона режим П. Мушаррафа был вынужден усиливать свои действия на северо-западе страны. В «зону племен» (официальное название – Территория племен федерального управления, ТПФУ), где по сложившейся традиции никогда не дислоцировались войска, был введен значительный армейский контингент общей численностью 80 тыс. военнослужащих [12]. Кроме того, в Белуджистане активизировались антиправительственные объединения. Стоит отметить в этой связи и негативные последствия землетрясения 2005 г., а также урагана 2007 г. В этих условиях правительство Мушаррафа продолжило контртеррористические операции, сочетая их с «замирением» в отдельных районах путем заключения компромиссных соглашений со старейшинами местных племен.

Внутренним фактором нестабильности было наличие в стране широкой инфраструктуры исламизма: неподконтрольных властям сети медресе, где зачастую проходили подготовку джихадисты, происламских издательств и печатных органов, а также значительных финансовых фондов, таких, как «Аль-Рашид». В этих условиях армия старалась заявить о себе как о силе, единственно способной оказать сопротивление исламизму.

Исламский радикализм как опасная для устоев государства сила дал о себе знать уже в 2007 г. Исламисты с начала этого года окопались в комплексе зданий Красной мечети и учебных заведений при ней, расположенном в самом центре Исламабада. Штурм Красной мечети в июле, проведенный правительственными войсками, привел к многочисленным жертвам (более 100 погибших, в том числе учащихся). После взятия мечети по стране прокатилась волна терактов, осуществленных исламистами в знак протеста резко обострилась ситуация на пуштунском северо-западе, в ТПФУ и округах Северо-Западной пограничной провинции Свате и Дире. Самым громкими из террористических актов был взрыв бомбы в Карачи в момент торжественной встре-

чи вернувшейся из заграничной ссылки Беназир Бхутто и ее убийство 27 декабря 2007 г. на митинге в Равалпинди.

Масштабное использование военной силы против радикальных исламистов власти начали в 2004 г., однако контртеррористические кампании 2004 – 2008 гг., чередовавшиеся мирными переговорами и соглашениями с боевиками, оказались малоуспешными. Во многом потому, что власти проводили весьма непоследовательную линию в сфере борьбы с терроризмом, опасаясь потери взаимопонимания с умеренной частью богословов, которые зачастую выступали на стороне правительства. Созвучными новому внутриполитическому курсу были и изменения в афганской политике Исламабада. Отсутствие единства в пакистанской политической элите привело к двойственности официального курса – оказывая содействие силам международной коалиции, Пакистан фактически не препятствовал тому, чтобы афганские экстремисты, бежавшие из Афганистана в «зону племен», получали передышку и действовали против международной коалиции с его территории. В итоге Пакистан, как и в 1980-х гг., снова оказался в положении прифронтового государства, но на этот раз он действовал вразрез интересам США.

Активизация афганского направления деятельности радикализма не означала прекращение террористической деятельности исламских экстремистов в Кашмире. Более того, они развернули свои действия не только там, но и в других районах Индии. Наиболее масштабной акцией террора стало нападение на здание индийского парламента 13 декабря 2001 г. Действия исламистов стали причиной сильной напряженности в пакистано-индийских отношениях, низшей точкой которых стало лето 2002 г., когда оба государства близко подошли к состоянию полномасштабной войны. Ее удалось избежать. Исламабад пошел на свертывание деятельности по поддержке боевиков. В результате принятых им мер проникновение диверсантов на территорию индийского Кашмира была если не полностью прекращена, то по крайней мере приостановлена.

Исламизм на современном этапе

Если умеренный парламентский политический ислам в 2002 – 2007 гг. во многом растерял завоеванные позиции, то обратная, по существу, картина наблюдалась с «подпольным» исламским экстремизмом. Повторим, что крутой его подъем пришелся на 2004 – 2008 гг., хотя территориально он и ограничивался главным образом узкой полосой вдоль границы Пакистана с Афганистаном. Вынужденное отступление исламистов, как нам представляется, началось в первой половине 2009 г. и продолжается вплоть до настоящего времени.

Овдовевший муж Б. Бхутто Асиф Али Зардари был избран президентом страны в сентябре 2008 г. после досрочного ухода в отставку сложившего с себя обязанности военного руководителя президента П. Мушаррафа. Избрание

А.А. Зардари состоялось благодаря победе возглавляемой им Пакистанской народной партии на парламентских выборах в феврале 2008 г. Президент «унаследовал» непростые задачи, прежде всего в сфере безопасности государства. Ситуация в Пакистане, особенно на северо-западе страны и в провинциальных центрах, была непростой. Усилению радикальных настроений в стране в немалой мере способствовало недовольство населения вмешательством Вашингтона и иностранного военного контингента в дела Афганистана и рейдами американской беспилотной авиации в районе пакистано-афганской границы [10].

На Территории племен федерального управления, в некоторых округах провинции Хайбер-Пахтунхва (в 2010 г. решением парламента так стала называться Северо-Западная пограничная провинция) проявлялись процессы «ползучей» талибанизации [7, 9, 14]. Надо отметить, что талибские отряды экстремистов, действовавших на северо-западе Пакистана, представляли собой «пестрый ковер» выходцев из разных племен, придерживавшихся отчасти разных идейно-политических взглядов. Популярность талибов среди населения объяснялась строгим следованием ими исламским законам нравственности и права, которое выгодно отличалось от коррумпированности представителей властей.

С лета 2007 г. по лето 2010 г. в Пакистане продолжалась долгая волна терактов. С 2009 г. пакистанская армия, действовавшая по приказам политического руководства в соответствии с решениями парламентского большинства и под воздействием общественного мнения, провела ряд успешных карательных операций против пакистанских талибов и других организаций радикально-исламского толка. Во многом благодаря такому консенсусу уже в 2010 г. обозначилась тенденция к снижению уровня террористической активности.

Успехи Исламабада в сфере контртеррора нужно рассматривать на фоне перегруппировки сил в стане действовавших легально сил исламского радикализма. Здесь возник новый альянс исламистских организаций «Дифа-и Пакистан» («Защита Пакистана»). В нем одно из ведущих мест, наряду с лидерами таких партий, как ДУИ и ДИ, занял Хафиз Саед – лидер наиболее радикальной по идеологии исламистской организации «Джамаат-уд-дава» («Общество призыва»). Эта организация была «фасадной» для активно действовавшей в 2000-х гг. на индийском направлении боевой группировки «Лашкар-и тоиба» («Армия чистых»), организатора одного из самых громких терактов последних лет – нападения группы диверсантов в ноябре 2008 г. на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей). Перегруппировка сил среди легальных исламистов, попытка «легализовать» крайних представителей исламистского движения свидетельствует об учете ими новой реальности.

Следует заметить, что если в 2008 – 2010 гг. исламский экстремизм имел исключительно

большое значение для Пакистана, то в дальнейшем, как представляется, его значение несколько снизилось. На первый план выдвинулись новые легальные движения исламистов. На фоне протестных акций конца 2012 г. – начала 2013 г. выступлением в поддержку реформирования политической системы Пакистана заявил о себе еще один политический игрок – партия «Пакистан авами техрик» («Народное движение Пакистана») во главе с Тахир-уль Кадри, представляющим школу барелви. До последнего времени эта партия находилась на периферии политической жизни, а ее лидер проживал в Канаде. Но возвращение Т. Кадри на родину стало заметным явлением. «Авами техрик» под его руководством провела несколько крупных мирных демонстраций, не сопровождавшихся насилием. Партия апеллирует к тому же электорату, что и более влиятельная и мощная структура «новой волны» – «Пакистан техрик-и инсаф» («Пакистанское движение за справедливость») во главе с бывшим капитаном национальной сборной по исключительно популярной в стране игре в крикет Имран Ханом.

Хотя в целом радикальные движения с 2011 г. несколько снизили свою активность на северо-западе страны, обострилась ситуация в главном портовом и экономическом центре Карачи. Там развернулись настоящие уличные бои, атаки террористов, подрывы бомб и череда заказных убийств. За один 2012 г. в городе погибли более 2,5 тыс. человек. Основания для кровавых разборок разнообразны – вражда между криминальными бандами, группами боевиков, опекаемых в целях самообороны и отмщения различными политическими партиями и религиозными корпорациями, бытовые разборки. Все больше данных свидетельствуют о том, что одной из главных причин насилия стало перемещение в многомиллионный город из ТПФУ группировок пакистанского движения талибов («Техрик-и талибан Пакистан», ТТП) [20].

Исходя из предпринятого анализа роли и места радикального исламизма в современном Пакистане и с учетом наработок, имеющихся на этот счет в отечественной и зарубежной аналитической и прогностической литературе, можно наметить несколько вариантов (сценариев) дальнейшего развития событий в случае победы радикальных тенденций:

– в случае развития событий по джихадистскому сценарию (что на данный момент представляется маловероятным) Пакистан может превратиться в воинствующее исламистское государство, наподобие Афганистана эпохи талибов (1996 – 2001 гг.). Такой режим будет пытаться противопоставлять себя соседям и глобальному сообществу в целом, добиваясь победы джихада (установления строгих, ригористических норм и порядков ислама) в Пакистане и вокруг него. Идеология радикального политизированного ислама займет тогда центральное место в качестве господствующей в обществе и государстве

системы ценностей и не сможет обойтись без курса на изоляционизм и экспансию;

– при развитии Пакистана по турецкой модели религиозный радикализм будет вытеснен на обочину и сохранит региональную роль в сублимированном виде, значимую для определенных районов, то есть он будет ощущен в отдаленных районах пуштунского пояса и оставит за собой значение существенного, но не решающего фактора дальнейшего развития Пакистана. Его распространение будет сдерживаться контрсилами, нацеленными на модернизацию страны. Главная же роль будет принадлежать умеренному исламу, который не препятствует светскому в его интерпретации пути развития;

– в случае весьма своеобразного течения событий по иранскому варианту победы исламской революции в стране утвердится закрытая демократическая модель, использующая опыт создания

исламского государства. В нем будут соблюдаться некоторые демократические процедуры при господстве клерикально-бюрократических кругов. Для суннитского направления в исламе такой вариант представляется менее органичным, чем для шиитского;

– Пакистан может двинуться и по самобытному, отличному от других мировых примеров, военно-исламскому варианту развития, заложенного моделью управления М. Зия-уль-Хака. В этом случае армия будет играть определяющую роль, ее представители будут широко представлены в гражданской сфере управления и хозяйствования. Влияние сил, представленных радикальным исламом на систему власти будет умеренным. Он может использоваться в качестве одного из главных элементов официальной идеологии. При этом возможно привлечение улемов в качестве союзников и партнеров по властной коалиции.

Список литературы

1. Белокреницкий В.Я. Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО(У), 2005. С.407-432.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. 576 с.
3. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма: пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. 480 с.
4. Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан: прошлое и настоящее // Афганистан и сопредельные страны. М., 2003. С. 24-50.
5. Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 236 с.
6. Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 260 с.
7. Плешов О.В. Талибанизация Пакистана – угроза реальная или мнимая? // Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы). М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 148-156.
8. Пресс-релиз Министерства иностранных дел Пакистана. Февраль 2007. <http://www.mofa.gov.pk/PressReleases./2007/Feb/PR-64-07.htm>
9. Сотников В.И. Насколько реальна «талибанизация» Пакистана и его распад как государства? / Цент-рАзия. 24 февраля 2009. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235460240>
10. Bergen P, Tiedemann K. The Year of the Drone. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net/drones>
11. Elections 2002, Pakistan. <http://elections.com.pk/elecindex.php>
12. Kronstadt K.A., Vaughn B. Terrorism in South Asia. CRS Report for Congress. August 9, 2004. US Department of State. <http://fpc.state.gov/documents/organization/35167.pdf>
13. Lieven A. Pakistan. A Hard Country. London, Public Affairs, 2011.
14. Masud K.A. Will Pakistan be ultimately talibanised? / South Asia Analyses Group. Paper No.3230. June 4, 2009. <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers33%5Cpaper3230.html>
15. Musharraf P. In the line of fire. A Memoir. London, Pocket books, 2005.
16. Newsweek New York, 01.10.2001, No 4, p.31.
17. Rashid A. Afghan conflict eroding stability in Pakistan. // the Nation. 21.01.1998.
18. Rashid A. Taliban: Islam, oil and the new great game in Central Asia. London, I.B. Taurus Publishers, 2000.
19. Zaman F., Ali N.S. Taliban in Karachi: the real story. // the Dawn. 30.03.2013.

Об авторе

Чекризова Ольга Павловна – аспирантка кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: pakdesk@yandex.ru

TRENDS IN EVOLUTION OF PAKISTAN'S ISLAMISM

O.P. Tchekrizova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the main trends in the evolution of Islamist movements in Pakistan. It assesses inside and outside factors of radical Islam growth. In the prospective part of the article the author examines the possible developments (scenarios) of the Islamism evolution. Islamic radicalism (ideology) and Islamic extremism (practical implementation of ideas) in Pakistan gained momentum due to the policy of Islamisation in the 1980s. Until now, the phenomena mean much to turbulent political situation in Pakistan and in the region. Radical Islam in Pakistan has the character of local and discrete evolution. Each period of this evolution is determined by external or internal development factors define. Thus, the rise of radical Islam in the late 1970s was largely linked to the global and regional context. Since the mid 1980s at the forefront comes the internal factor of inter-sectarian conflict between the Sunnis and the Shias, that both receive support from the outside. After the relatively even period of the 1990s radical Islam gains strengthen in the early 2000s when Pakistan made a U-turn in its external and domestic policy, having supported the international counter-terror fight both within the international coalition and inside the country. Currently, the deepening economic and social crisis, as well as the burden of Pakistan's involvement in the global war on terror bring legal Islamists to the forefront. Also one should not underestimate the might of extremists who can take advantage from this pause. All in all, the dynamics of the Islamist political, social and radical organizations' evolution suggests that the issue will maintain its high relevance for Pakistan.*

Keywords: Pakistan, Afghanistan, Afghan-Pakistani border region, Kashmir, radicalisms, extremism, Islamism, Islamist movements.

References

1. Belokrenitskii V.Ia. Etnicheskie, religioznye i sektantskie konflikty v Pakistane [Ethnic, religious and sectarian conflicts in Pakistan], Etnosy i konfessii na Vostoke: konflikty i vzaimodeistvie [Ethnic groups and religions in the East: conflicts and interaction]. Moscow, Inst. of International Relation Publ., 2005. pp. 407-432.
2. Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N. A Political History of Pakistan, 1947-2007. Karachi, Oxford University Press, 2013. 520 p. (Russ. ed.: Belokrenitskii V.Ia., Moskalenko V.N. Istoriia Pakistana. XX vek. M., 2008. 576 p.).
3. Kepel G. Jihad: expansion et Déclin de l'Islamisme. Paris, Éditions Gallimard, 2000. 452 p. (Russ. ed.: Kepel' Zh. Dzhikhad. Ekspansiia i zakat islamizma. Moscow, Ladomir, 2004. 480 p.).
4. Moskalenko V.N. Pakistan i Afganistan: proshloe i nastoiashchee [Afghanistan and Pakistan: the past and future prospects], Afganistan i sopredel'nye strany [Afghanistan and neighbouring countries]. Moscow, Inst. of Israel and Middle East Studies Publ., 2003. pp.24-50.
5. Pleshov O.V. Islam i politicheskaia kul'tura v Pakistane [Islam and political culture in Pakistan]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2005. 236 p.
6. Pleshov O.V. Islam, islamizm i nominal'naia demokratiia v Pakistane [Islam, Islamism and nominal democracy in Pakistan]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2003. 260 p.
7. Pleshov O.V. Talibanizatsiia Pakistana – ugroza real'naia ili mnimaia? [Talibanisation of Pakistan is real or alleged threat?], Musul'manskie strany u granits SNG (Afganistan, Pakistan, Iran i Turtsiia – sovremennoe sostoianie, istoriia i perspektivy) [Muslim countries near the CIS borders (Afghanistan, Pakistan, Iran and

- Turkey. The current situation, history and evolution prospects]. Moscow, RAS Inst. of Oriental Studies Publ., 2002. 148-156 pp.
8. Press-release of the Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Pakistan. February, 2007. Available at: [http://www.mofa.gov.pk/Press Releases./2007/Feb/PR-64-07.htm](http://www.mofa.gov.pk/Press%20Releases./2007/Feb/PR-64-07.htm) (accessed 20 January 2011).
 9. Sotnikov V.I. Naskol'ko real'na «talibanizatsiia» Pakistana i ego raspad kak gosudarstva? [Are talibanisation and disintegration of Pakistan real?] / CentrAsia. February 24, 2009. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235460240> (accessed 14 April 2013).
 10. Bergen P., Tiedemann K. The Year of the Drone. New America Foundation. February 24, 2010. Available at: http://www.newamerica.net/publications/policy/the_year_of_the_drone (accessed 14 April 2013).
 11. Elections 2002, Pakistan. Available at: <http://elections.com.pk/elecindex.php> (accessed 15 April 2013)
 12. Kronstadt K.A., Vaughn B. Terrorism in South Asia. CRS Report for Congress. August 9, 2004. Available at: <http://fpc.state.gov/documents/organization/35167.pdf> (accessed 21 August 2011).
 13. Lieven A. Pakistan. A Hard Country. London, Public Affairs, 2011. 558 p.
 14. Masud K.A. Will Pakistan be ultimately talibanised? / South Asia Analyses Group, 2009, Paper No.3230. Available at: <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers33%5Cpaper3230.html> (accessed 20 January 2011).
 15. Musharraf P. In the line of fire. A Memoir. London, Pocket books, 2006. 352 p.
 16. Newsweek New York, 2001, 1 October, No 4, p.31.
 17. Rashid A. Afghan conflict eroding stability in Pakistan. The Nation, 1998, January 21.
 18. Rashid A. Taliban: Islam, oil and the new great game in Central Asia. London, I.B. Taurus Publishers, 2000. 274 p.
 19. Zaman F., Ali N.S. Taliban in Karachi: the real story. The Dawn, 2013, March 30.

About the author

Olga P. Tchekrizova – PhD student of the Moscow State Institute of International Relations (University).
E-mail: pakdesk@yandex.ru

ТУРЕЦКИЙ АЛЕВИЗМ: РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Д.В. Жигульская

Посольство Турецкой Республики в Российской Федерации. Россия, 115127, Москва, 7-Ростовский пер.,12.

Алевиты представляют собой многочисленную конфессиональную общность Турции. По разным оценкам, они составляют от 10 до 20% населения страны и исповедуют алевизм: одно из гетеродоксных исламских течений, окончательное формирование которого завершилось на территории Анатолии в XVI в. Философия, культ и ритуал в алевизме сильно разнятся с традициями доминирующей религии Турции – суннитского ислама ханафитской правовой школы. Данная статья посвящена проблеме религиозной идентификации алевизма. В статье использован сравнительный метод исследования: в ней рассматриваются вопросы о степени корреляции алевизма с еще одной формой «народного ислама» Анатолии – бекташизмом. Стоит отметить, что зачастую понятия «алевизм» и «бекташизм» используют как синонимичные, что некорректно. Кроме того, в статье рассматривается вопрос о правомерности отнесения алевизма к шиизму и отождествления его с сирийским нусайризмом. Известно, что довольно часто нусайритов Сирии называют «арабскими алавитами», и таким образом у широкого круга читателей может возникнуть ошибочное представление о том, что эти понятия идентичны. В заключение статьи алевитам отводится отдельное место в разноцветной религиозной мозаике Турции.

Ключевые слова: алевизм, кызылбашество, шиизм, мусульманская гетеродоксия, ислам.

В последнее время в связи с напряженной ситуацией на Ближнем Востоке с экранов телевизоров, страниц газет и радиоэфиров на людей, в большей или меньшей степени интересующихся изменениями в политической ситуации в мире, обрушился буквально шквал ранее не известной им информации.

Среди этого бесконечного потока кроме прочих терминов и определений важное место занимали нусайриты, или, как их именуют иначе, алавиты Сирии. Здесь не обошлось без сравнений с алевитами Турции и даже неоднократно осуществлялись попытки по их отождествлению.

Данная статья нацелена дать определение турецкому алевизму как религиозному явлению. Задача непростая. Первой причиной тому является отсутствие работ по данной проблематике в отечественном востоковедении. Вторая причина заключается в большом количестве некомпетентной информации, подмене определений, спекуляции понятиями в СМИ и околонучных кругах.

Чтобы дать определение турецкому алевизму как религиозному феномену, необходимо провести параллели и выявить общие черты, а также отличия с такими религиозными системами, как шиизм в целом и отдельными его течениями; суфизм в целом и опять же многочисленными его тарикатами (например, бекташизм), и прочими мусульманскими гетеродоксными течениями, как, к примеру, хуруфизм. И это – лишь верхушка айсберга.

В данной статье философское и идеологическое содержание доктрины алевизма рассматриваться не будет – это необходимо особо подчеркнуть. Задача статьи – определение места турецкого алевизма в сложной религиозной парадигме гетеродоксного ислама, которого до сегодняшнего дня, к сожалению, не имелось. Вероятно, с этим связаны попытки вписать турецкий алевизм в те или иные рамки, ранее очерченные и строго определенные. Это снимает ряд проблем – ведь известно, что адаптировать некое явление и вписать его в уже имеющуюся систему гораздо проще, чем принять это явление в качестве самостоятельного феномена и отвести для него отдельное пространство.

Нам представляется необходимым начать с вопроса возникновения алевизма на территории Турции. Примечательно, что зачастую указать период возникновения алевизма на территории Анатолии с точностью до столетия затруднительно. Так, Ю. Аверьянов пишет, что необходимо учитывать две даты: XI–XII вв. – приход части тюркских (огузских и др.) племен в Малую Азию и XV–XVI вв. – апофеоз антиосманской борьбы шиитов в Малой Азии и Азербайджане. Именно между этими двумя веками происходило становление алевизма в Малой Азии [4, с. 515].

Алевизм, по-видимому, можно считать порождением династии Сефевидов, и в этом случае речь идет о формировании самостоятельной религиозной доктрины. Безусловно, до XVI в. тюркские племена, проживавшие на территории Восточной Анатолии, были лишь отчасти исламизированы. Отчасти, так как в их понимании ислама большую

роль играли доисламские верования (различного происхождения, включая элементы шаманизма, буддизма и, возможно, манихейства), кроме того, отдельно можно выделить влияние суфизма. Тем не менее все это можно назвать своего рода религиозным синкретизмом, «коктейлем» из различных религиозных воззрений. Но в качестве самостоятельного явления кызылбашество (или алевизм, как позднее его стали называть) сформировалось лишь к XVI в. Конечно, неправильно отрицать, что в основу этого религиозного течения легли верования, которые исповедовались на территории Восточной Анатолии прежде этого периода, но все же формирование оси, вокруг которой держится религиозное вероучение, было заложено Сефевидами.

Точка зрения ученого–османиста И. Меликофф, посвятившей себя изучению истории и культуры бекташи, схожа с нашим видением этой проблемы. И. Меликофф указывает на то, что полностью алевизм оформился только в XVI в. Однако еще династия Каракуюнлу в начале XV в. поддерживала гетеродоксное учение среди туркменских полукочевников. Вера в реинкарнацию, в манифестацию Бога в человеческом обличье, поклонение Али и двенадцати имамам в качестве единой божественной сущности, траур по мученикам Кербелы и культ мученичества были характерны для этого крайнего шиитского вероучения, не имевшего тогда определенного наименования, и повлияли на сложение доктрины кызылбашей, получившей оформление уже в XVI в. [2, р. 162].

Таким образом, под терминами «алевизм» и «кызылбашество» исторически понималось одно и то же социальное и культурно-религиозное явление. Термин «алевизм» получил распространение только в XX столетии, заменив собой, а затем и полностью вытеснив термин «кызылбашество» (так как последнее наименование имело оттенок презрительности – «красноголовые», в смысле «еретики»). Так, В.А. Гордлевский употребляет исключительно термин «кызылбаша», следовательно, во время его полевых работ в Турции в 1913 г., термин «алевиты» к ним еще не применялся. Он начинает широко использоваться только в республиканской Турции.

Современный турецкий исследователь и политический деятель Р. Чамуроглу также приходит к аналогичному выводу относительно времени возникновения алевизма. Он утверждает, что не представляется возможным говорить о существовании такой религиозной группы, как алевиты до XVI в. На территории Анатолии находились различные гетеродоксные группы, контактировавшие друг с другом. Однако с распространением власти династии Сефевидов синкретические по своей природе воззрения этих групп стали приобретать более четкие правовые и понятийные очертания [1, s. 11].

Второй пункт, на котором непременно нужно остановиться, – что представляет собой бекташизм. Очень часто, особенно в турецкой литературе, понятия бекташизм–алевизм употребляются как синонимы. Здесь также необходимо внести ясность. Начнем с вопроса о возникновении этого явления.

Примечательно, что в отношении возникновения бекташизма турецкий ученый, специализирующийся на гетеродоксных течениях Анатолии, А.И. Оджак пишет следующее: тарикат бекташи возник в XVI в. как следствие трансформации течения бабаи (бабаи – дервиши–мятежники в Малой Азии), которое появилось в XIII в. как движение протеста против династии Сельджукидов, тесно связанное с суфийскими кругами и возглавлявшееся «харизматическим лидером», шейхом Баба Ильясом. В качестве центральной фигуры был выбран один из последователей Баба Ильяса – Хаджи Бекташ-вели, который сам с большой долей вероятности был приверженцем суфийского тариката хайдария, к которому принадлежали многие странствующие дервиши, выходцы из персидской области Хорасан (хайдария – суфийский орден, связанный с именем шейха Хайдара (XIII в.). Хайдария отличались крайним аскетизмом). Он умер в 1271 г. Таким образом, в несколько измененном виде течение бабаи стало носить имя бекташи [3, с. 27].

Оценка этой проблемы должна быть, по-видимому, более осторожной, и при этом необходимо отметить, что большое влияние на мистические воззрения этого суфийского тариката также оказали хуруфиты. Здесь крайне важно привести мнение по этому поводу И.П. Петрушевского.

В Иране на рубеже XIV–XV вв. получила известность крайняя шиитская секта хуруфитов («буквенников»). Секта быстро распространилась во всем Иране, Азербайджане, Османской Турции, Сирии. У исмаилитов хуруфиты заимствовали учение о мистическом значении букв арабского алфавита – хуруф. Буквы служили мистическими символами циклов мирового круговращения. Помимо этого в буквах сектанты видели мистические знаки линий и элементов лица человека. Из-за репрессий и казней хуруфиты вскоре исчезли в Иране, но прочно укоренились в Турции, следуя принципу «сокрытия учения» – такийя. Им удалось оказать влияние на верхушку дервишеского ордена бекташи, который официально оставался суннитским, но между избранными членами его передавалась из поколения в поколение тайная, якобы суфийская доктрина, в действительности являвшаяся несколько трансформированным учением хуруфитов [5, с. 322–325].

И. Меликофф, сопоставляя бекташизм с алевизмом, указывает на то, что они оба являются двумя главными формами турецкой «народной религии» (*religion populaire*). Более того, Меликофф настаивает на том, что «алевиизм – всего лишь форма бекташизма» [2, р. 23–24].

Помимо проблемы возникновения и формирования бекташизма и его взаимодействия с алевизмом, хотелось бы вкратце обратиться к идейному наполнению этих вероучений. Безусловно, оба религиозных течения крайне синкретичны и формировались из сплетения несходных между собой элементов и их взаимопроникновения. Это конкретизировано в работе А.И. Оджака, который указывает на синкретичную природу верований бекташи и алевитов: в основе алевизма и бекта-

шизма присутствуют среднеазиатский шаманизм, древние восточные верования, такие, как буддизм, зороастризм, маздеизм, манихейство. В некоторой степени христианство и иудаизм и, конечно же, мифология Древней Анатолии и Месопотамии внесли свой вклад в формирование религиозных основ алевизма и бекташизма. О шиитских чертах же в составе бекташи и кызылбашей (таких, как культ двенадцати имамов, строгое деление членов общины по степени посвящения в тайны учения, запрет на контакты с суннитами и др.) возможно говорить лишь с началом сефевидской пропаганды. Именно в этот период они начали усваивать эти черты. Вследствие этого профессор Оджак приходит к заключению, что главный фактор, определяющий суть вероучения тюркской гетеродоксии («инакомыслия»), – не шиизм, а верования, которые сохранились со времен, предшествующих принятию ислама, наряду с суфийскими воззрениями [3, с. 281–282].

Примечательно, что сегодня консервативные алевитские и бекташийские круги отрицают этот синкретизм; они специально подчеркивают тот факт, что их верования целиком берут свое начало из ислама и ниоткуда более [3, с. 16].

В противовес мнению консервативных алевитских и бекташийских кругов, и в этом смысле разделяя точку зрения А.И. Оджака, Р. Чамуроглу также указывает на гетеродоксную природу учений алевитов и бекташи. По его мнению, чтобы понять алевизм, явно ошибочно и недостаточно обращаться лишь к исламу. Ислам и его история являются лишь одной из составных частей алевизма; для того чтобы его понять, необходимо обращаться к различным религиям [1, с. 45].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Бекташизм и алевизм – различные по происхождению гетеродоксные течения Анатолии. Время их окончательного формирования – ориентировочно XVI в. В основе обоих течений лежат древние восточные верования и культ святого Хаджи Бекташа Вели. Оба течения находились в тесной связи друг с другом, происходило их взаимопроникновение и обмен информацией. Однако бекташизм по своей форме более тяготеет к суфизму, в алевизме же более четко заметен шиитский оттенок – с поклонением Али, культом Кербелы и отказом от канонических предписаний сунны. Однако если сравнивать алевизм с другими шиитскими толками, например нусайризмом, то, безусловно, общих черт именно с бекташизмом найдется во много раз больше.

Теперь самое время затронуть еще один важный вопрос: о степени корреляции алевизма с шиизмом и вообще о его праве именоваться одним из шиитских течений.

Течений крайних шиитов много. Всем им свойственно учение о хулул и танасух (хулуль – ар. «воплощение», вселение божественного духа или света в человека, танасух – ар. «последовательный переход, переселение души», метемпсихоз), а также разделение верующих на посвященных и непосвященных (с разными наименованиями), отрицание

внешней обрядности ислама, несоблюдение его ритуальных запретов и отказ от посещения мечетей. Взамен этой обрядности крайние шиитские течения создали свои обряды; наконец они приняли принцип такийя – скрывания веры, религиозной маскировки [5, с. 321].

В работах турецких ученых практически повсеместно встречается утверждение, согласно которому, нусайриты – это «арабские алевиты». Еще одно довольно распространенное заблуждение, бытующее в турецкой научной среде, – заключается в том, что практически любое направление в шиизме отождествляется с алевизмом только на основании свойственного им всем обожествления имама Али. Здесь стоит обратить внимание на замечание, сделанное в свое время И.П. Петрушевским, согласно которому, «некоторые западноевропейские авторы отождествляли секту ахл-и хакк (ар.–п., «люди истины») с нусайрийя. Но после исследований русских востоковедов это мнение должно быть отвергнуто. То, что объединяет ахл-и хакк и нусайрийя, то есть обожествление Али, – это общая черта всех крайних шиитских сект (гулат). Но космогония, доктрина и культ у обеих сект далеко не тождественны» [5, с. 326].

Течение нусайрийя (алавиты) названо по имени предполагаемого основателя Ибн Нусайра. Позднее эта секта локализовалась в Северо-Западной Сирии. Учение нусайрийя представляет эклектическое смешение элементов шиизма, христианства и народных домусульманских верований. По их учению, бог есть нераздельное единство трех ипостасей, именуемых Мана (ар. Смысл), Исм (ар. Имя) и Баб (ар. Врата). Эта троица периодически воплощалась в пророках. Последнее воплощение совпало с основанием ислама: троица воплотилась

в Али, Мухаммеде и Сальмане ал-Фариси. Нусайрийя признают метемпсихоз. Они делятся на два разряда: непосвященных – амма (ар.) и избранных, или посвященных, – хасса (ар.). У посвященных есть свои священные книги, их толкуют аллегорически и не открывают непосвященным. У нусайрийя много заимствований (или, скорее, пережитков) из христианства: почитание Иисуса как воплощение Бога, почитание апостолов, ряда христианских святых и мучеников, христианские праздники (Рождество, Пасха и др.), литургия, причащение вином и т.д. [5, с. 322]

Здесь необходимо привести точку зрения в отношении нусайритов выдающегося исламоведа современности С.М. Прозорова, который считает, что нусайриты, равно как и друзья, представляют собой региональное направление исмаилитов [6, с. 298].

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что турецкий алевизм представляет собой региональную форму ислама, тяготеющего к шиизму. Этот факт сложно опровергнуть, так как в основе религиозного вероучения заложен культ «божественного» Али и отрицание канонических предписаний суннизма. Характер вероучения синкретический. Время формирования этого течения относится приблизительно к XVI в.

В заключение необходимо отметить, что, пережив долгие столетия изолированного существования, руководствуясь принципом сокрытия веры, и благодаря массовой миграции из деревень в большие города в 50-х гг. XX в., алевиты стали представлять собой нечто большее, чем просто религиозную общность. Сегодня это отдельно стоящее и окрепшее общественное явление и политическая сила в жизни современной Турции.

Список литературы

1. Çamuroğlu R. Değişen Koşullarda Alevlik. İstanbul, 2008. S. 11–45.
2. Melikoff I. Hadji Bektach: un mythe et ses avatars. Genese et evolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden: Brill, 1998. P. 23–162.
3. Yaşar Ocak A. Alevi ve Bektaşî İnançlarının İslam Öncesi Temelleri. İstanbul, 2010. S. 16–282.
4. Аверьянов Ю.А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя. М., 2011. С. 515.
5. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 321–326.
6. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004. С.298.

Об авторе

Жигульская Дарья Владимировна – выпускница восточного факультета СПбГУ, кафедры истории Центральной Азии и Кавказа, аспирантка Института востоковедения РАН в Москве, сотрудник Посольства Турции в Москве. E-mail: vzhig@rambler.ru

TURKISH ALEVISM: RELIGIOUS IDENTIFICATION

Zhigulskaya D.V.

Embassy of the Republic of Turkey in the Russian Federation. 12, 7-Rostovskiy per., Moscow, 115127, Russia.

Abstract: *Alevism is forming a large religious community in Turkey. According to different estimations they compose 10 up to 20% of the country's population. Their system of religious belief is called Alevism which is one of the heterodox Muslim sects. Formation of Alevism has completed in Anatolia in the XVI century. The philosophy, ritual and worship in Alevism extremely differ from those, which are attributed to dominant Islam of Turkey (Hanafi school of Sunni Islam). This article is dedicated to the question of religious identity of Alevism. Comparative method has been used in the article: it focuses on the problem of correlation between Alevism and Bektashism, which is considered to be another «popular Islam» of Anatolia; It should be mentioned that the terms of Alevism and Bektashism are often used as synonyms, which is incorrect. The question of possibility of ascribing Alevism to Shi'ism is also investigated in the article, as well as comparison of Alevism with Syrian Nusayri doctrine. It is well known that Nusayris of Syria are quite often called «Arab Alawites». This denomination causes misunderstanding between the wide range of readers. At the end of the article Alevism's own place is finally being defined within the religious mosaic of Turkey.*

Keywords: Alevism, Kizilbash (Qizilbash), Shia Islam, Muslim heterodoxy, Islam.

References

1. Çamuroğlu R., Değişen Koşullarda Alevlik. İstanbul, 2008. S. 11-45.
2. Melikoff I., Hadji Bektach: un mythe et ses avatars. Genese et evolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden: Brill, 1998. P. 23-162.
3. Yaşar Ocak A., Alevi ve Bektaşî İnançlarının İslam Öncesi Temelleri. İstanbul, 2010. S. 16-282.
4. Averyanov Yu., Haji Bektash Veli i sufyskoe bratstvo bektashiya [Haji Bektash Veli and Sufi order of Bektashi]. Moscow, 2011. S. 515.
5. Petrushevskiy I.P., İslam v İrane v VII-XV vv [Islam in Iran in the VII-XV centuries] . Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2007. S. 321-326.
6. Prozorov S.M., İslam kak ideologicheskaya sistema [Islam as an ideological system]. Moscow, 2004. S.298.

About the author

Daria V. Zhigulskaya – graduated from the Oriental faculty of the Saint-Petersburg State University. PhD student in the Institute of Oriental Studies in Moscow. Works in the Embassy of Turkey in Moscow. E-mail: vzhig@rambler.ru

РОДИМЫЕ ПЯТНА РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРА ВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

А.П. Лиферов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. Россия, 390000,
г. Рязань, ул. Свободы, 46.

В статье рассматривается взаимосвязь отдельных черт российской ментальности с точки зрения возможностей продвижения страны на глобальных рынках. Цель работы – установить уровень соответствия исторически сложившихся элементов отечественной деловой культуры современным потребностям международных бизнес-практик. В статье:

- утверждается мысль о дуалистическом характере российской ментальности и деловой жизни, возвращенных на стыке западной и восточной культур;*
- подчеркивается сформировавшийся в этих условиях маятниковый характер внешних устремлений российского бизнеса;*
- выделяются на основе оценок отечественных и зарубежных специалистов наиболее характерные черты отечественной ментальности, сдерживающие индивидуальную привлекательность России:*
 - а) преимущественно гуманитарная, а не практическая направленность ментальности;*
 - б) неустойчивость интереса к зарубежным контактам;*
 - в) отсутствие необходимого внимания к договорным обязательствам;*
 - г) слабая проработанность выдвигаемых проектов, повышенная аттрактивность при их разработке;*
 - д) прерывность внимания к делам;*
 - е) двойственность подходов к проблемам и др.*

В работе выводится образ современного отечественного предпринимателя и анализируется тенденции его восприятия за рубежом.

Ключевые слова: отечественная деловая культура, российская ментальность и международный бизнес, маятниковый характер восприятия внешних влияний.

Ментальность – составная часть национальной деловой культуры, которая, в свою очередь, во многом определяет успех международного бизнеса.

Степень подобного взаимовлияния у разных народов проявляется по-разному – от малозаметного у народов Центральной и Северной Европы до весьма выразительного у жителей Восточной и Юго-Восточной Азии и стран арабского мира. В этом измерении россияне занимают срединное место, без доминирующего влияния западной и восточной ментальности. Возможно, отсюда проистекает типичное прежде для жителей России исторически неустойчивое отношение ко всему извне привнесенному. В литературе, посвященной взаимодействию жителей России с внешним миром, довольно часто звучит мотив об укоренявшемся у россиян веками недоверия и даже неприязни ко всему иностранному. Наличие самого факта неоднозначного восприятия нашими согражданами всего приходящего извне, отрицать невозможно. Корни этого явления кроются в глубинах отечественной истории. «Вплоть до XVIII века даже вполне образованные русские люди, которых было еще крайне мало, не осознавали роли античного наследия, не понимали сущности гуманистических идей, распространившихся в Европе в XIV – XV вв., и не придавали им особого значения. Поэтому большинство русских людей боялись нововведений, особенно проникающих с Запада, считая их страшным злом» [20, с.28]. В новейшей истории, в период «железного занавеса» контакты с иностранцами не только не поощрялись, но и могли привести к самым суровым последствиям. После его падения ситуация стала меняться, но довольно медленно и с оглядкой. При этом степень подозрительности и недоброжелательности была, как правило, наиболее стойкой и агрессивной у людей, ни разу не бывавших за границей.

Картина последних десятилетий в принципе иная. В результате интенсивных международных контактов резко возросла, прежде всего у молодых, кросскультурная адаптивность, способность общаться и работать в различных интернациональных коллективах. И все же рецидивы недоверия и предвзятости к иностранному дают о себе знать и сегодня, тем самым определенным образом осложняя деловые отношения между странами. Известный французский предприниматель Александр Моруа так характеризует отношение россиян к иностранцам: «Столкнулся с еще одной проблемой – «иностранец», «чужой». Уж на что французы недолгобливают англичан, а итальянцы немцев, но в России это создает почти непреодолимый барьер. Неважно, кто ты: француз, англичанин, немец – у русских ты вряд ли найдешь понимание. Натолкнувшись на эту культурную традицию, я больно ударился... Практика опровергла теорию» [13, с. 219]. Несмотря на всю жесткость такой оценки, надо заметить, что позитивные тенденции все же берут верх. Особенно это касается крупных транснациональных коллективов, где в процессе

совместной работы «выковывается» новый тип межличностных, межнациональных отношений, лишенный предвзятости и подозрительности. И по мере развития в России совместного производства, роста числа межнациональных творческих, исследовательских коллективов, увеличения в них доли молодых специалистов эта выше упомянутая специфическая черта отношения русских к иностранному, несомненно, будет уходить в прошлое. Да и в целом, на наш взгляд, нельзя рассматривать ментальность русского человека по отношению к иностранцам только как однозначно негативную. В отечественной истории были периоды, когда контакты с иностранцами, прежде всего с европейцами, обеспечивали России не только определенные «политические дивиденды», но и приносили в ее жизнь тенденции, которые сейчас принято называть новаторскими.

Еще в допетровские времена Иван III, женившись на представительнице императорского дома рухнувшей Византии, выписал из Рима итальянцев, строивших Московский Кремль. А его внук Иван Грозный «охотно прибегал к помощи западных иностранцев (самые заметные фигуры в опричнине) и стремился к поддержке английской королевы Елизаветы – на всякий случай». И позднее – Годунов, Алексей Михайлович (с его любовью к немецкому платью и стремлением к централизованной власти), Романовы – все они «оставили следы повышенного внимания к западному влиянию» [13, с.219].

Известно, что Россия, занимая промежуточное положение между Востоком и Западом, ранее получила деловую культуру, вобравшую в себя элементы как восточного, так и западного типа. От культуры восточного типа (высокого контекста) мы унаследовали «что-то недоговаривать», «умение читать между строк» и «слушать между слов», невысокое внимание ко всякого рода деловым документам. Представители же западной культуры (низкого контекста), ценящие определенность и точность исполнения договоренности, долго не могут понять, когда его деловой партнер на конкретный вопрос отвечает: «Да, но...» И в конечном итоге убеждаются, что такой ответ практически означает отказ. Кроме того, россияне любят поговорить о больших целях, глобальных проблемах, теряя при этом из поля зрения конкретные вопросы. «Аттрактивность» (любовь к большим и неясным целям) исторически присуща русскому человеку.

Подчеркивая вытекающий отсюда дуализм влияния западного и восточного миров на характер российской цивилизации, В. Ключевский утверждал, что «исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда привлекали ее к Азии или в нее вовлекали Азию» [6, с.7]. Можно, вероятно, утверждать, что вектор влияния каждого из миров на российский менталитет в историческом аспекте

имеет маятниковый характер. После многовекового преимущественного европейского влияния в настоящий период времени маятник, очевидно, качнулся в сторону стремительно прогрессирующей Азии. С этим связывается повышенное внимание к восточной культуре, в том числе и ее деловым чертам. И в подобном «маятнике» нет чего-то необычного. Мусульманская культура, например, знакома европейцам еще со времен арабо-мусульманского вторжения на Иберийский полуостров, когда европейцы впервые начали испытывать заметное влияние восточной культуры. Обращение к Востоку одновременно является и проявлением кризиса культуры западноевропейской, исчерпания ее прежних моделей.

Отсюда проистекает, в частности, и типичная для сегодняшнего российского предпринимательства определенная двойственность деловой практики, поведения управленческих звеньев российских компаний. С. П. Мясоедов так характеризует сложившуюся ситуацию: «Двойственность подходов к проблемам, двойные стандарты, скачки из одной крайности в другую при выборе стратегии и принятии решений, переход от авралов в состоянии спячки и т.п. далеко не редки в отечественной практике бизнеса» [13, с.211]. А шеф-корреспондент московского корпункта газеты «Нью-Йорк таймс» К.Леви, рассуждая о крайней противоречивости русского характера, замечает, что его переменчивость напоминает смену времен года в России, когда летом день может продлиться 20 часов, а зимой – 4 часа [5, с.33].

Уже упоминавшийся А. Моруа в своей книге «Управлять по-русски» описывает проблему ведения бизнеса в России так: «В русской компании все идет не так, как привыкли к этому менеджеры Лихтенштейна или Лондонского Сити. Русские бизнесмены всегда имеют какие-то «но», их логика сложна и непонятна. А для русского персонала это характерно вдвойне» [12, с.8].

В подобном дуализме действий и подходов отечественных менеджеров формировался противоречивый образ российского предпринимателя. Главный редактор русскоязычного журнала Harvard Business Review Е. Евграфова в этой связи замечает: «Умение собраться в ответственный момент и выдать результат «через не могу» – это и самая сильная, и самая слабая черта российских менеджеров... И это, конечно, хорошо. Но нет ничего хорошего в том, что авральный подход является нормой в жизни и работе». Развивая эту же мысль, М. Пахомкина (директор «ТНК-ВР» по развитию) утверждает: «Российские менеджеры великолепны в «тушении пожаров». Это их сильная сторона... Обратная сторона медали – слабость – проистекала отсюда же: отсутствие долгосрочного планирования, меньше продуманности решений, нет детализации заданий, много импульсивного риска и т.п.» [13, с.215–216]. Подобная форма поведения отечественных менеджеров отчасти определяется и традиционной для русского человека прерывистостью трудовой деятельности. Для него в недостаточной мере свойственно отношение к

труду как к одному из обязательных проявлений повседневной жизни, как это имеет место, например, в протестантской деловой практике. Период работы «до пота» может сопровождаться у русского человека в последующем периодом равнодушия к ней или даже полного забвения. И, вероятно, потребуется достаточно длительное время, чтобы граждане новой России начали осмысливать труд как обязательную системообразующую часть своей жизни.

Профессор А. Купрейченко, ссылаясь на результаты проведенного ею в молодежной среде исследования, отмечает, что на вопрос: «Если бы у вас было достаточно денег, то продолжали ли бы все равно работать?» – значительная часть опрошенных ответила: «Нет» [7].

Подобные стереотипы делового поведения, вероятно, еще длительное время будут присутствовать в нашей жизни и, несомненно, должны учитываться в формировании культуры управления, в международных деловых связях. Но можно надеяться, что они будут преодолеваются по мере распространения в России иных, более эффективных, типов организационных культур, без скидок на суровый климат, обширность наших пространств и т.п.

Не будучи ни социологом, ни экономистом, великий И. Павлов тем не менее был весьма выразителен в оценке нашего отношения к труду: «У нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налет. Это, очевидно, мы и считаем признаком талантливости, а кропотливость и усидчивость для нас плохо вяжется с представлением о даровитости... Как только человек привязался к одному вопросу, у нас сейчас же говорят: «А! Это скучный специалист». И посмотрите, как к этим специалистам прислушиваются на Западе, их ценят и уважают как знатоков своего дела... Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта» [22, с.38].

Такие параметры деловой культуры, как «мужественность» и «женственность», в российском бизнесе примерно сбалансированы. «Женское начало» в отечественной культуре можно выразить формулой «если нельзя, но очень хочется, то можно». Из этого свойства русской души, как утверждает профессор К. Момджян, вытекает «дефицит организованности, который компенсируется эмоциональными порывами, когда рассудочное стремление к успеху заменяется надеждой на удачу» [10, с.177–178].

В новейшее время отечественная бизнес-культура довольно уверенно движется в сторону индивидуализма и «мужественности», что особенно ощутимо в крупных городах и в компаниях негосударственного сектора. Но нестабильность политического фона, «размытость» законодательной базы, однако, зачастую поворачивает ситуацию вспять – возвращая бизнес к коллективистским и «женственным» ценностям.

Вообще понятие и привычный западному деловому человеку индивидуализм пока еще с

трудом воспринимается большинством россиян. В отечественной реальности исторически иерархия хозяйственной этики выстраивалась по принципу от общего к частному – сначала интересы государства, коллектива, отдельной хозяйственной общности и только затем учитывались индивидуальные интересы. Добавим, как справедливо отмечает Ф. Власов, что «в процессе хозяйственной практики у россиян не вырабатывались обычные для европейского человека поведенческие навыки, связанные с отстаиванием личных экономических интересов» [3, с. 219].

Иностранные коллеги сетуют, что «при открытости, гибкости мышления и трудолюбии русские одновременно могут быть ленивы, неуправляемы, бестактны, пессимистичны, необязательны, нелогичны и непредсказуемы... Зарубежные топ-менеджеры, которым пришлось руководить русскими подчиненными, недоумевают, почему их подопечные обижаются на замечания, стыдятся собственных амбиций, часто в течение рабочего дня меняют настроение, опаздывают, а нередко их поведение и вовсе не поддается никакой логике [15, с. 66]. Сформировавшийся подобный имидж коллективов российских компаний, естественно, не способствует их продвижению на зарубежных рынках.

В анализе ряда авторов детально раскрываются истоки, архетипы русского делового поведения, осложняющие становление в стране современной деловой культуры. Так, Л. Сергеева в работе «Русские стереотипы поведения. Традиции. Ментальность» пишет: «Сравнение российской и западной ментальности показало, что для русского массового сознания характерна не практическая, а скорее гуманитарная направленность... Западный менталитет более рационален: для него важнее «здоровый смысл», логика, проблемы социального устройства с акцентом на «терпимость» (толерантность), «равенство», «право»... Российское сознание более идеологизировано: в нем чаще используют термины «мировоззрение», «мировосприятие», «отношения между людьми» и т.п.» [16, с.197]. С подобными ментальными различиями связаны довольно многочисленные случаи неэффективной реализации или отказа от ряда проектов, в том числе и в международном бизнесе. «Сталкиваясь с русскими, зарубежные партнеры часто раздражаются и от их необязательности, но гораздо больше – от их неточности в следовании инструкциям, приблизительности исполнения» [16, с.276].

Образное определение различий в культурных кодах у разных народов дал немецкий философ В. Шубарт: «Англичанин хочет превратить мир в фабрику, француз – в салон, немец – в казарму, русский – в церковь. Англичанин хочет добычи, француз – славы, немец – власти, русский – жертвы. Англичанин хочет наживаться от ближнего, француз – понравиться ближнему, немец – командовать ближним, а русский ничего от него не хочет. Он не желает превращать ближнего в свое средство» [4, с.36].

Что касается истоков становления сегодняшней отечественной деловой культуры, то, по мнению академика В. Степина, они лежат в глубинах нашей истории. «История России (начиная с реформ Петра I) – это во многом история догоняющих модернизаций. В свое время Г. Плеханов точно отметил, что Россия – это кентавр, который возник в результате Петровских реформ, когда Петр I пришил европейскую голову к азиатскому туловищу традиционной России» [19, с. 35]. Добавим, что в современной России характер проводимых реформ связан не только с догоняющей, но и ярко выраженной повторительной модернизацией, охватывающей как непосредственно производство, так и подготовку и переподготовку кадров для него. Существует реальная опасность рождения в ходе подобной модернизации целого сонма «кентавриков» различной направленности.

Исторически в нашей стране так и не сложились ряд типичных для Запада социальных институтов. Об одном из них – рыцарстве – Н. Бердяев пишет так: «Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии Земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история» [2, с.13].

Характерно, что в новейшей истории России предпринимательство не имело ни объединяющего центра, ни своих организаций. Лишь в 1870 году в Петербурге прошел Первый Всероссийский съезд фабрикантов-заводчиков и «лиц, интересующихся развитием промышленности». Именно из числа представителей этого съезда затем выросли отечественные магнаты: Савва Морозов, братья Прохоровы, братья Варгунины, Золотарев, Садовников и др. [23, с.138]. Двадцатый же век для российского предпринимательства был периодом не просто забвения, но в советский период даже уголовно наказуемым.

Н. Михайловская в работе «Метафорические модели – инструмент для сравнительного изучения организационной культуры» на примере исследования, проведенного Байкальским учебным комплексом и учеными Университета Мэриленд (США), попыталась определить степень индивидуальности российских менеджеров. По ее данным, оказалось, что степень индивидуализма российских менеджеров в целом выше, чем это считалось ранее. Однако самым главным явилось то, что этот показатель у испытуемых подвержен более сильным колебаниям, чем у их зарубежных коллег. «... В случае карьерного роста или успеха в бизнесе склонность к индивидуализму и «мужественности» стремительно растет. Вместе с ним растет уверенность в себе и самомнение, готовность к быстрым и нестандартным решениям... Но, поскольку «жизнь, как зебра, «полосатая», белые полосы сменяются черными. Вслед за успехом часто приходят неудачи, которые резко понижают

степень «мужественности» и индивидуализма» [9, с.57]. И как это контрастирует с прививаемым с детства американцам умением стоически переносить неудачи, демонстрировать, что «все обязательно наладится» и что он, несомненно, поднимется с колен. Или с японцем, который любую неудачу, провал воспринимает не как нечто катастрофическое, а лишь как необходимость работать еще больше и еще усерднее.

В этой связи Л. Смирнягин отмечает противоречивый характер деловых отношений России с зарубежными партнерами. «Издвеле наша культура была замкнутой, интровертной, со множеством фобий насчет иностранцев, и в то же время она ухитрялась перенимать культурные традиции других стран в таких громадных размерах, что это придало русской культуре во многом межеумочный характер (В. Соловьев называл это «евразийством»). Казалось бы, найден искомый авторами баланс, сочетание двух противоположных черт, но на самом деле это выглядит патологией. Ее В. Гохман описал лозунгом стремительного перехода от огульного охаивания к некритическому заимствованию» [18].

Понятно, что речь не идет об отторжении заимствования как такового. Более того, это активно необходимый процесс взаимного обмена духовными и материальными ценностями. Весь вопрос в том, насколько любые заимствования соответствуют особенностям исторического бытия, фундаментальным основам национальной культуры. «Заимствования становятся прочными тогда, когда они становятся неотъемлемой частью национальной культуры» [20, с. 31]. Примером таких удачных «заимствований» является Япония, где в ходе сотворения так называемого «японского чуда» удалось добиться эффективного включения в национальную культуру передовых достижений европейской и американской цивилизаций. Россия же, по замечанию О. Шкаратана, остается в этом смысле редкостным исключением, в течение десятилетий примеряющим чужеземные «одежки» менеджмента, не особенно заботясь об отделении универсальных черт организации экономики от ее институционально-культурной специфики [22, с.33].

Ряд специалистов (А. Фурсов, Ю. Пивоваров) выделяют еще один системообразующий фактор подавления в русской ментальности черт индивидуализма – всеохватывающее подчинение Власти: «Власть не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще» [14, с.188–189]. Сформировавшийся еще с ордынских времен принцип «Власть – все, население – ничто» превратил в российской истории Власть в единственный значимый социальный субъект. С его внедрением в сознание русского человека там практически не оставалось места для проявлений индивидуальности, личностного самоутверждения. Сегодняшняя российская Власть всех уровней своими действиями поддерживает эту ментальную черту

россиян. Сегодня в стране действуют около сотни различных административных структур, способных осложнить или вообще закрыть предпринимательскую деятельность. В международных деловых связях это вызывает у зарубежных партнеров оправданную настороженность при заключении контрактов.

Россия в разные периоды времени могла и опережала западные страны в отдельных направлениях научно-технического прогресса, сфере культуры, но практически никогда в общественном обустройстве, в организации производства. Для нас более характерен «догоняющий» и «повторительный» подход, западные «трансплантации» (термин В.С. Степина). Исторически законсервированный подобный вектор развития дает возможность иностранным партнерам продвигать в Россию уже отслужившие там свой век технологии и разработки, товары «вчерашнего дня». И тем не менее, исходя из привычной для них деловой практики, западные бизнесмены понимают и вполне готовы к тому, что в связях с нашей страной необходимо отстаивать не только свои интересы, но и идти навстречу достаточно ясным и устойчивым интересам партнеров. Но вполне понятно, что для налаживания подобной системы связей нужны соответствующие послы, исходящие от представителей самого отечественного бизнеса.

Пока же ситуация далека от реальных потребностей. На данном этапе отечественная деловая культура, а также система подготовки кадров в России не соответствует ни американской, ни немецкой, ни японской моделям. Ее параметры размыты и не поддаются четким определениям. Происходит это от высокой степени неопределенности внешней и внутренней среды самих отечественных корпораций, а также от несовершенства действующего российского законодательства.

В работе «Корпоративный университет как ключевой момент консультирования корпоративности» Д. Реут пишет: «В нашей стране... корпорации более или менее аккуратно проектируются по западным образцам или чаще – стихийно складываются – одновременно с корпоративной культурой. При реализации проектов она (культура. – А.Л.) часто вообще ускользает из поля зрения первых лиц и формируется спонтанно. Действительно, внесистемное пересаживание на отечественную почву элементов западной корпоративной культуры дает скорее косметический эффект, взаимодействие их с нашей национальной культурой требует каждый раз отдельного рассматривания». Стране же сегодня необходимо инициировать «не компрадорские, а национальные интересы в бизнесе» [8, с.26].

Многие ведущие отечественные специалисты (А. Флиер, В. Лапкин, И.Малыгина и др.) считают, что сегодняшняя Россия живет в состоянии, когда прошлое отброшено и забыто, а новое еще реально не сложилось. Страна находится в состоянии кризиса ценностей и устоев, «глубоких трансформаций, серьезно изменивших русское

самосознание, утраты прежних традиций и неуверенности сочетать имеющийся культурный опыт с процессами модернизации» [11, с.8].

Как и в ряде других случаев, в поисках путей становления новой деловой культуры российская интеллигенция мучается двумя традиционными вопросами: первым – Герцена «Кто виноват?», вторым – Чернышевского «Что делать?». К ним история добавляет еще два: Толстого «В чем моя вера?» и Достоевского «Когда же придет настоящий день?» [17, с.38]. Несомненно, прав профессор В. Беленький, обращающий внимание на нетождественность понятий класса капиталистов и класса предпринимателей. В этом он усматривает искажение образа российского предпринимателя в общественном сознании, принижение его роли в прогрессе отечественной экономики. «Сейчас, – пишет он, – всякий «замурзанный» гражданин, владеющий одним ПАЗом или киоском и зарегистрированный как предприниматель, рекламируется как соль земли Российской» [1, с.19].

По большому счету, продвижением позитивного образа российского предпринимательства у нас никто серьезно и системно не занимается. Зато в отечественных СМИ сформировалась своеобразная «пятая колонна», подающая миру все худшее, что в нем происходит.

Сегодня вести речь о наличии устоявшейся российской деловой культуры – преждевременно. Можно говорить лишь о противоречивом характере ее становления, постепенном освобождении от исторически сложившихся факторов, тормозящих этот процесс. Помимо рассматриваемых особенностей российской ментальности, ему мешает также несовершенство законодательной базы, всеохватывающая коррупция, постоянная и неоправданная ротация предпринимателей. И вернее будет говорить сейчас не о сложившейся культуре, а лишь о зарождении определенных особенностей делового поведения. Но они пока еще слабы и ущербны и, конечно, при благоприятных условиях имеют шанс закрепиться в качестве элементов условий культуры, а могут и не закрепиться. Деловые люди Запада смогли на практике

убедиться в том, что в условиях российской тотальной коррумпированности, прежде чем решать саму сущность совместного проекта, необходимо выяснить: «Кому и сколько надо заплатить?». Им трудно понять почему, «современные российские бюрократы, по сути, стали «кастой неприкасаемых» и в случае необходимости государственный аппарат активно защищает их от внешнего воздействия...» [21, с.47].

В современных обстоятельствах вернее будет рассуждать не о сложившейся культуре ведения бизнеса, а лишь о зарождении соответствующих современным тенденциям элементов делового поведения. Пока еще они слабы и ущербны, но при благоприятных условиях имеют шанс закрепиться в качестве каркаса эффективного международного бизнеса. А могут и не закрепиться.

Конечно, при оценке трудовых качеств русских работников и русских традиций менеджмента необходимо делать серьезную поправку с учетом глобальных тенденций и перспектив, поскольку эти традиции все более в большей мере приобретают «не практический, а лишь исторический интерес» [22, с.31]. Составляя уже более 17% населения страны, представители класса предпринимателей могут и должны, как это имеет место в развитых государствах, решающим образом повлиять на динамику всех сторон жизни страны, стать реальной опорой и гарантом ее успешного будущего.

Определенную позитивную роль в формировании делового образа русского человека за рубежом играла и играет отечественная эмиграция. Созданные ее усилиями образовательные и просветительские центры в Европе, Америке имели важное значение для развития международного культурного общения и влияния. В отдельных случаях российские эмигранты в ходе адаптации к условиям зарубежной исследовательской и деловой сферы создавали даже свои корпоративные анклавные, куда привносились лучшие традиции отечественной технической мысли и деловой практики. Так это происходило, например, на американских заводах И.И. Сикорского в Стратфорде.

Список литературы

1. Беленький В.Х., Паульман В.Ф. Предпринимательство: развитие, природа, проблемы // СОЦИС. 2012. № 10. С. 11–20.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
3. Власов Ф.Б. Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие. СПб: СПбГУП, 2011. 302 с.
4. Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Национальная хозяйственная культура и культура предпринимательства // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 8. С. 35–48.
5. Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России // Вестник аналитики. 2008. № 3. С. 31–36.
6. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М.: Рассвет, 1992. 192 с.
7. Константинова Е.Ю. Малые общины в большом государстве // Независимая газета. Приложение НГ – религии. 3 октября 2012. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-10-03/4_minority.html
8. Кочергин А.Н. Университет и глобализация. Интеграция вызовов современности или «руинизация»? // Alma mater. 2012. № 11. С. 22–26.

9. Михайловская Н.В. Метафорические модели – инструмент для сравнительного изучения организационной культуры // Бизнес-образование. 1999. № 2. С.54–61.
10. Момджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 3. С. 65–66.
11. Мордовцева Т.В. Русская идентичность в России: национальная или гражданская принадлежность // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 4–8.
12. Моруа А. Управлять по-русски. СПб: Би, 2005. 176 с.
13. Мясоедов С.П. Управление бизнесом в различных деловых культурах. М.: Вершина, 2009. 302 с.
14. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы. Альманах. М., 1999. С. 182–194.
15. Сардарян А.Р., Чернова В.А. Мультинациональные команды // Управление персоналом. 2008. № 24 / 202. С. 65–68.
16. Сергеева Л.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта; Наука, 2006. 328 с.
17. Силласте Г.Г. Выступление на конференции «Идея университета и вызовы современной эпохи» (февраль 2012) // Социология образования. 2012. № 10.
18. Смирнягин Л.В. Глобализм и национальные деловые культуры. Газета «География». 1 сентября, 2002. № 18.
19. Стенин В.С. Цивилизация и культура. СПб: СПбГУП, 2011. ??
20. Строгетский В.М. Проблема «заимствования» и развитие межкультурных контактов в истории цивилизаций // Вопросы культурологии. 2010. № 7. С. 26–32.
21. Шиобара Т. Коррупция и модернизация: новая теория // Экономическая наука современной России. 2011. № 3. С. 32–55.
22. Шкаратан О.И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 30–54.
23. Юргенс И. О развитии предпринимательской деятельности в России // Вестник аналитики. 2005. № 1. С. 137–147.

Об авторе

Лиферов Анатолий Петрович – академик РАО, д.пед.н., профессор, советник ректора по стратегическому развитию – Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: a.liferov@rsu.edu.ru

BIRTH-MARKS OF RUSSIAN MENTALITY AND THE CULTURE OF INTERNATIONAL BUSINESS

A.P. Liferov

Ryazan State University named for S.A. Yesenin 46, Svobody str., Ryazan, 390000, Russia.

Abstract: *The paper deals with the analysis of typical features of Russian mentality, the so-called «birth-marks», and their influence upon the ways business is conducted in the global economic markets. The aim of the paper is to examine how historically determined elements of Russian business culture correlate with demands of contemporary international business practice. It is shown that Russian mentality and business, nurtured on the boarder-line between Western and Eastern cultures, possess a dual character. The paper shows the pendulum character of Russian business strategies in their interrelations with other countries. Taking into consideration foreign experts' appreciation and attitudes the author distinguishes the most typical features of Russian mentality, which demolish the specific attractiveness of Russia. They include predominantly humanitarian, but not practically oriented mentality, changeable interest to foreign contacts, inability to follow treaties, numerous weak points in suggested projects, high expectations at the beginning, dubious character of approaches to problems, etc. The paper generalizes the image of the modern Russian entrepreneur and the way he is perceived abroad.*

Key words: Russian business culture; Russian mentality; international business; pendulum character of perception of external influences.

References

1. Belen'kiy V. Kh., Paul'man V.F. Entrepreneurship: development, nature, problems. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. 2012. No 10. PP. 11–20.
2. Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii* [Russia's Destiny], Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. 346 p. (in Russ.)
3. Vlasov F. B. *Evolutsiya нравstvennogo soznaniya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye* [Evolution of Moral Consciousness and Socioeconomic Development]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2011. 302 p. (in Russ.)
4. Emel'ianov Iu. S., Khachaturian, A.A. National Business Culture and Culture of Entrepreneurship. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of Theory and Practice of Management]. 2009. No.8. P. 35–48.
5. Foreign Correspondents about their Life and Work in Russia. *Vestnik analitiki* [Bulletin of Analytics]. 2008. No. 3. PP. 31–36.
6. Kalinina N.N., Sapunov M.B., Tebiev B.K. Transformatsii idei universiteta: vyzovy vremeni i akademicheskogo soobshchestva [Transformations of the Idea of the University: Challenges of the Time and the Academic Society]. Speech at the conference "The Idea of the University and Challenges of the Modern Epoch" (February 2012). *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. 2012. No, 10. PP. 12–41
7. Kluchevskiy V.O. *Kratkoe posobie po russkoy istorii* [Concise Guide to Russian History]. Moscow: Rassvet, 1992. 192 p. (in Russ.)
8. Konstantinova E.Iu. Small Communities in a Large State. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. 2012, October 3. Available at http://www.ng.ru/ng_religii/2012-10-03/4_minority.html
9. Kochergin A.N. University and Globalization. Cooptation of Modern Challenges or Destruction. *Alma Mater*. 2012, no. 11. P.22–27.
10. Mikhaylovskaya N.B. Metaphorical Models – an Instrument for studying the Organisational Structure of Culture. *Bizness-obrazovaniye* [Business Education]. 1999, no. 2. P.54–61.
11. Momdzhian K. Kh. An Anthropological Aspect of the Russian Identity. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. 2011. Vol. XII, no 3. PP. 65–66.
12. Mordovtseva T.V. Russian Identity in Russia: National or Civil Identity? *Voprosy kul'turologii* [Questions of Culturology]. 2011. No. 2. P. 4–8.
13. Morua A. *Upravliat' po-russki* [Russian way of Management], Saint-Petersberg: Bi Publ. House, 2005. 176 p. (in Russ.)
14. Miasoedov S.P. *Upravlenie biznesom v razlichnykh delovykh kul'turakh* [Business Management in Different Business Cultures]. Moscow: Vershina, 2009. 302 p.
15. Pivovarov Iu.S., Fursova, A.I. Russian Government, Russian System, Russian History. *Krasnye kholmy. Al'manakh* [Red Hills. Almanac]. Moscow, 1999. PP. 182–194. (in Russ.)
16. Sardarian A.R., Chernova, V.A. Multinational Teams. *Upravleniye personalom* [Personel Management]. 2008, no. 24/202. PP. 65–68.
17. Sergeeva L.V. *Russkiye stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russian Behavioral Stereotypes. Traditions. Mentality]. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 328 p.
18. Smirniagin L.V. Globalism and National Business Cultures. *Gazeta "Geografiya"* [Newspaper "Geography"]. 2002, September 1. No.18. Available at http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200201803
19. Stepin V. S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2011. 407 p.
20. Strogetskiy V.M. The problem of "Borrowing" and the Development of Intercultural Contacts in the History of Civilisations. *Voprosy kul'turologii* [Questions of Culturology]. 2010. No. 7. P. 26–32.
21. Shiobara T. Corruption and Modernization : A New Theory. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Studies and Modern Russia]. 2011. No. 3. P. 32–55.
22. Shkaratan O.I. Russian Culture of Work and Management. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary Life]. 2003. No.1. P. 30–54.
23. Iurgens I. About the Development of Entrepreneur Activity in Russia. *Vestnik analitiki* [Bulletin of Analytics]. 2005. No.1. P. 137–147.

About the author

Anatoliy P. Liferov – academician of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Rector's Adviser on Strategic Development – Ryazan State University named for S.A. Yesenin. E-mail: a.liferov@rsu.edu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕБРР В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Е.М. Евдокимова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена одному из ключевых направлений работы Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) – деятельности в области устойчивой энергетики. С конца прошлого века было запущено значительное количество инициатив, призванных способствовать рациональному и экономически оправданному использованию энергоресурсов, среди которых по праву особое место занимают программы ЕБРР по предоставлению финансирования и оказанию технической поддержки. За более чем 20-летнюю историю существования банком накоплен большой практический опыт реализации и участия в проектах в области устойчивой энергетики, на основании которого, в частности, в 2006 г. была запущена Инициатива в области устойчивой энергетики (ИУЭ). Среди приоритетных областей деятельности – экологически чистое производство энергии, энергоэффективность в промышленном секторе, возобновляемая энергетика, механизмы финансирования через местные банки небольших проектов в области устойчивой энергетики и др. К концу 2011 г. было завершено два этапа ИУЭ, за 2006-2012 гг. ЕБРР инвестировал в рамках ИУЭ примерно 11 млрд евро в более чем 620 проектов. В 2012 г. был запущен третий этап, рассчитанный на период до 2014 г., целевой объем инвестиций – 4,5 – 6,5 млрд евро. На долю ИУЭ в последние годы приходится примерно 20-30% совокупных инвестиций банка. При этом наибольшую часть как одна из ключевых стран операций получает Российская Федерация на цели перехода к устойчивой модели развития, в т.ч. за счет низкоуглеродной стратегии роста: совокупный объем инвестиций – 2,4 млрд евро, число проектов – более 100. Благодаря ИУЭ выбросы парниковых газов (эквивалент ежегодного объема выбросов углекислого газа) в стране сократились на 18 млн тонн, энергосбережение составило 9 млн тонн в год в нефтяном эквиваленте. Многих целей еще только предстоит достичь. ЕБРР планирует и дальше активно развивать операции в области устойчивой энергетики, в т.ч. за счет их максимальной увязки с предоставляемым финансированием, оказания технической поддержки и ведения политического диалога.

Ключевые слова: международные финансовые организации, банки развития, ЕБРР, устойчивое развитие, устойчивая энергетика, энергоэффективность, проектное финансирование.

Одно из центральных мест в рамках достижения целей устойчивого развития занимает энергетика. Основные проблемы – медленные темпы обновления энергетического потенциала, истощение невозобновляемых природных энергетических ресурсов, усиление конфронтации при их использовании, обострение проблемы энергетической безопасности. Современная мировая экономика, ориентированная на инновационную модернизацию, нуждается в более эффективной системе международного энергетического партнерства в целом и перестройке управления национальными энергетическими системами в частности [2, с. 37].

Доступ к современным энергетическим услугам, использование энергоэффективных технологий и возобновляемых источников энергии с акцентом на развивающиеся государства и государства с переходной экономикой позволяют решить целый ряд экономических и социальных проблем: преодоление бедности, улучшение здоровья, увеличение производительности, содействие конкуренции и экономическому росту. С точки зрения экологии стоит упомянуть, что на сегодняшний день энергетика занимает ключевое место в экологической политике, поскольку на ее долю приходится примерно 60% общемирового объема выбросов парниковых газов, существенно влияющих на изменение климата на планете [6]. Об озабоченности мирового сообщества этой проблемы свидетельствует значительное количество запущенных международных инициатив в сфере энергоэффективности.

Международные программы в области энергоэффективности

Среди крупнейших международных программ стоит упомянуть о программе Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) «Энергетическая эффективность-21» (ЕЕ21), ориентированном на предоставление помощи странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и СНГ в целях повышения энергоэффективности и безопасности в рамках процесса перехода к рыночной экономике, а также содействие выполнению международных экологических обязательств. ЕЕ21 сменила аналогичную программу «Энергетическая эффективность-2000» (ЕЕ2000), рассчитанную на 1991–2000 гг.

В 1999 г. на базе Европейской ассоциации предприятий электроэнергетики и Союза производителей и распределителей электроэнергии создается международная неправительственная организация «Евроэлектрик» (European Union of the Electricity Industry – EURELECTRIC), к основным задачам которой относятся содействие единству европейских энергосистем и реформированию электроэнергетического сектора в странах Европейского региона [5, с. 80]. В Европейском союзе проблематикой устойчивой энергетики занимается Европейская комиссия, а также ряд неправительственных институтов и организаций, например Европейский совет в области энерго-

эффективной экономики (European Council for an Energy Efficient Economy – ECEEE).

В 2010 г. Европейская комиссия представила новую энергетическую стратегию на период до 2020 г., которая является частью программы экономического развития «Европа-2020». Было предложено сосредоточить инициативы (инновационные стимулы и финансовые инструменты) в двух секторах экономики, имеющих значительный потенциал для энергосбережения – транспорт и строительство. Кроме того, к 2015 г. планируется завершить формирование единого европейского энергетического рынка и единой инфраструктуры. В конечном итоге ЕС преследует довольно амбициозные цели в сфере энергетики и борьбы с изменением климата: сокращение выбросов парниковых газов на 20%, увеличение до 20% доли возобновляемой энергии и 20%-ное увеличение энергоэффективности [13, с. 4].

Энергоэффективность стала одним из стратегически важных направлений и для большинства международных финансовых институтов, как глобальных – Международного валютного фонда (МВФ), Группы Всемирного банка (ГВБ), так и региональных – Межамериканского банка развития, Африканского банка развития, Северного инвестиционного банка (Nordic Investment Bank – NIB) и др.

Как пример можно привести Международную финансовую корпорацию (МФК), входящую в Группу Всемирного банка, которая предоставляет кредитные линии в области развития энергоэффективности и экологически чистой энергетики, а также мезонинное финансирование для венчурных проектов в области возобновляемой энергетики. В 2010 г. в рамках направления устойчивой энергетики было выделено 455 млн долл. США; на проекты в области возобновляемой энергетики – более 220 млн долл., в области энергоэффективности – более 224 млн долл. США [20]. Северный инвестиционный банк, членами которого являются страны Скандинавии и Балтии, запустил в начале 2008 г. кредитную линию в области изменения климата, энергоэффективности и возобновляемой энергии (Climate Change, Energy Efficiency and Renewable Energy Facility – CLEERE) с первоначальной капитализацией в 1 млрд евро. К 2013 г. в рамках CLEERE было профинансировано проектов на общую сумму более 4 млрд евро [15].

«Содействие во всей своей деятельности экологически здоровому и устойчивому развитию» является, согласно Соглашению об учреждении Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), одной из ключевых функций организации [7, с. 3]. Борьба с загрязнением природной среды, помощь в области совершенствования экологической инфраструктуры, следование стандартам в сфере экологии и безопасности с первых дней остаются приоритетными вопросами в проектной деятельности ЕБРР. Ввиду снижения экономической активности в странах операций ЕБРР в 1990-х гг. произошло существенное замедление их негативного влияния на экологию. Однако эта

тенденция изменилась в начале 2000-х гг. Развивающиеся государства и государства с переходной экономикой сталкиваются с особыми трудностями в рамках принятия мер в области устойчивого развития и ресурсно-экологической проблематики. В регионе операций ЕБРР находятся одни из самых энергоемких стран мира: Азербайджан, Казахстан, Украина, Узбекистан. Страны с переходной экономикой находятся на первых местах после США и Китая по выбросам парниковых газов, в совокупности – 13% мировых выбросов [3]. Государства региона не только в значительной степени зависят от ископаемых видов топлива, в том числе и с точки зрения обеспечения устойчивого экономического развития. Но в них заметно устарели системы производства и доставки энергии, отмечается недостаточность норм и стандартов, отсутствие должного внимания со стороны государства и бизнеса к энергетической проблематике.

Мандат ЕБРР по переходу стран к открытой рыночной экономике предусматривает оказание прямой поддержки мер по смягчению последствий изменения климата путем повышения энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии [1, с. 23]. За более чем 20-летний период существования ЕБРР был накоплен значительный опыт и достигнуты заметные успехи как в теоретической разработке, так и в практической реализации мер в области борьбы с климатическими изменениями и за обеспечение устойчивой энергетики. ЕБРР был одним из первых среди международных финансовых институтов, которые еще в 1994 г. сформировали специализированные подразделения по энергоэффективности. Деятельность на данном направлении была расширена в последующие годы. В 2006 г. была запущена программа обеспечения устойчивой энергетики (ИУЭ) [4].

Инициатива ЕБРР в области устойчивой энергетики

За 2006–2012 гг. ЕБРР инвестировал в рамках ИУЭ примерно 11 млрд евро в более чем 620 проектов, общая стоимость которых превышает 62 млрд евро. При этом в последние годы инвестиции в области устойчивой энергетики в совокупном объеме операций приближаются к 20–30% [14]. Наибольшая доля финансирования приходится на Россию (22% от совокупного объема инвестиций ИУЭ в 2006–2012 гг.), государства Восточной Европы и Кавказа (21%), Юго-Восточную Европу (20%), а также Центральную Европу и страны Балтии (17%) [25, с. 2].

Инвестиционная деятельность и техническое сотрудничество осуществляется в следующих приоритетных областях:

- энергоэффективность в крупной промышленности и таких энергозатратных отраслях, как производство стали, алюминия, цемента, стекла, а также в сфере транспортной инфраструктуры, в том числе железнодорожной;
- механизмы финансирования устойчивой энергетики (МФУЭ) через финансовых посред-

ников в целях поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП);

- энергоэффективность муниципальной инфраструктуры;
- экологически чистое производство энергии в энергетическом секторе;
- энергоэффективные энергосистемы, теплоэлектростанции;
- возобновляемая энергетика;
- развитие рынков углеродных квот [9].

Финансирование по основным направлениям распределяется следующим образом: экологически чистое производство энергии (26% от совокупного объема инвестиций в 2009 г. – третьем квартале 2012 г.); энергоэффективность в промышленном секторе (23%); возобновляемая энергетика (20%); МФУЭ (18%); энергоэффективность муниципальной инфраструктуры (13%) [22]. Программа в области энергоэффективности в промышленности была запущена еще в 2003 г. Корпоративный сектор в странах операций ЕБРР в большинстве случаев ориентирован на быстрое получение прибыли, пренебрегая при этом проблематикой повышения энергоэффективности производства. ЕБРР предлагает своим клиентам техническую поддержку (прежде всего проведение энергетического аудита) и разработку соответствующих программ долгосрочного финансирования. При этом банк на всех этапах контролирует реализацию уже запущенных проектов. В качестве примеров проектов в промышленности с учетом энергоэффективной составляющей можно привести: строительство завода по производству алюминиевых банок в Сербии (20 млн евро), реструктуризация металлургического комбината «Huta Ostrowiec» в Польше (20 млн евро) [18].

МФУЭ МСП через финансовых посредников успешно применяются в партнерстве с примерно 60 местными банками в 15 странах. Объемы займов в среднем составляют примерно 500 тыс. евро для компаний и 1,5 тыс. евро для мелких домохозяйств. Благодаря получаемым от доноров грантам каждая кредитная линия предусматривает техническое сопровождение. Именно передача опыта и знаний местному рынку (как сотрудникам банков, так и специалистам инженерно-технического профиля) является одним из значительных преимуществ программ ЕБРР. Примеры кредитных линий МФУЭ в странах ЦВЕ: Болгария – 3 отдельные инициативы (Bulgarian Energy Efficiency and Renewable Energy Credit Line – BEERECL, EU/EBRD Energy Efficiency Finance Facility – EUEEFF, Residential Energy Efficiency Credit Line – REECL), совокупный объем которых составляет 170 млн евро; Словакия – 150 млн евро в рамках Slovakia Sustainable Energy Finance Facility – SlovSEFF и 20 млн в рамках Slovak Municipal Finance Facility; Румыния – 80 млн евро (Energy Efficiency Finance Facility – EEFF) [21].

Энергетическая эффективность муниципальной инфраструктуры связана с осуществлением проектов в области отопления, общественного транспорта, переработки отходов, водоснабжения. Примеры проектов – модернизация автобусного

парка болгарской компании «Hebros Bus», комплексное усовершенствование систем теплоснабжения в Украине [18].

Производство чистой энергии предполагает использование эффективных энергосистем, то есть модернизацию устаревших электростанций и инфраструктуры в целях снижения объемов загрязнения, а также затрат на эксплуатацию. Примеры проектов при участии банка: модернизация теплоэлектроцентрали «Saturn Biomass» в Польше, включая оборудование для использования биомассы (кредит ЕБРР – 30 млн евро); модернизация линий электропередачи в Албании (кредит ЕБРР – 50 млн евро) [18].

Страны с переходной экономикой обладают значительными возможностями в области использования возобновляемых источников энергии как с точки зрения модернизации отрасли, так и проведения институциональных и законодательных преобразований. ЕБРР – один из крупнейших инвесторов в регионе операций в области возобновляемой энергетики. Среди проектов – строительство ветроэлектростанций в Польше (средства ЕБРР – 30 млн евро) и Болгарии (90 млн евро) [18].

В сфере углеродного финансирования основной целью ЕБРР является участие в проектах по снижению выбросов. Кроме того, есть и ряд дополнительных инициатив. Например, учреждение фондов в целях покупки квот на выбросы углерода. Так, в 2003 г. совместно с правительством Голландии был создан Нидерландский фонд сотрудничества в области сокращения выбросов, а в 2006 г. совместно с Европейским инвестиционным банком (ЕИБ) – Многосторонний фонд торговли углеродными квотами (Multilateral Carbon Credit Fund – МФТУК).

Как уже было отмечено, на регион операций ЕБРР приходится 13% мировых выбросов парниковых газов, при этом используется всего 3% квот. Страны с переходной экономикой обладают значительным потенциалом в области потенциального сокращения выбросов за счет модернизации производства, если сравнивать с уже использующими новейшие технологии развитыми странами. Кроме того, из-за экономического спада в ряде стран-операций в 1990-х и 2000-х гг. их показатели были значительно ниже принятых обязательств по Киотскому протоколу. МФТУК, объем которого составляет 208,5 млн евро, позволяет государственным и частным компаниям стран-акционеров ЕБРР и ЕИБ приобретать квоты, высвобождающиеся за счет сокращения выбросов в рамках финансируемых проектов. Кроме того, государства могут продавать квоты друг другу напрямую, инвестируя полученные средства в экологические проекты. В фонд вошли шесть стран (Финляндия, Бельгия, Ирландия, Люксембург, Испания, Швеция) и пять частных компаний из Испании, Чехии и Греции [16].

Стоит, однако, отметить, что не все проекты являются удачными с точки зрения реализации задач повышения энергетической эффективности. Так, в 2006 г. украинскому «Арселор Миталл Кри-

вой Рог» был предоставлен кредит в размере 200 млн долл. (примерно 190 млн евро) для модернизации сталелитейного завода [17]. Из первоначально заявленных целей удалось оптимизировать процесс производства и расширить долю компании на рынке, однако результаты в области повышения энергоэффективности и решения экологических проблем оказались неудовлетворительными [19].

Неотъемлемой составляющей ИУЭ является политический диалог ЕБРР с правительствами стран-операций, позволяющий передавать накопленный опыт и в некоторых случаях влиять на принятие решений на государственном уровне. С практической точки зрения ключевой элемент диалога – планы действий, подписываемые с отдельными государствами и предусматривающие постановку конкретных целей и приоритетных направлений деятельности по их достижению. На настоящий момент завершено два этапа ИУЭ. На первом этапе (2006 – 2008 гг.) объем инвестиций ЕБРР в области устойчивой энергетики вырос почти на 80%, до 2,7 млрд евро, общая стоимость 166 проектов составила 14 млрд евро (прирост – 180%). В 2008 г. на долю ИУЭ приходилось 20% от совокупного объема инвестиций Банка. Важно отметить, что ежегодные выбросы углекислого газа в странах-операций сократились на 21 млн тонн (эквивалент ежегодного объема выбросов Хорватии), а энергосбережение составило 8 млн тонн в нефтяном эквиваленте (что в три раза превышает энергорасходы Албании) [24].

В мае 2009 г. Совет управляющих ЕБРР утвердил второй этап Инициативы в области устойчивой энергетики на период 2009 – 2011 гг., в рамках которого существенно расширился масштаб осуществляемой деятельности и охват областей. Были обозначены новые направления, такие, как энергоэффективность зданий, продвижение технологий биомасс, смягчение последствий изменения климата в секторах добычи полезных ископаемых, энергоэффективность на транспорте и адаптация к последствиям изменения климата. Банк также расширил свою деятельность в рамках политического диалога, включая подписание Плана действий в области устойчивой энергетики с правительствами Казахстана, Украины, России и др. [9]. Объем финансирования ЕБРР в рамках второго этапа составил 6,1 млрд евро, количество проектов – 298, их общая стоимость – 32 млрд евро. В 2012 г. был запущен третий этап, рассчитанный на период до 2014 г., заявленный целевой размер инвестиций – 4,5 – 6,5 млрд евро [25, с. 5].

Реализация Инициативы в области устойчивой энергетики в России

В энергетическом секторе России накопился целый ряд обусловленных преимущественно изношенностью основных фондов внутриотраслевых проблем, требующих постоянных огромных капиталовложений. Одним из методов достижения задач устойчивого развития, особенно актуальным для страны, является диверсификация традиционной энергетики углеводородов, в том

числе за счет использования возобновляемых источников энергии [12].

В последней Стратегии ЕБРР для Российской Федерации (2009–2012 гг.) [11, с. 42] а также в действующей (до 2015 г.) [10, с. 41] переходу страны к устойчивой траектории развития уделяется первоочередное внимание, в том числе и за счет низкоуглеродной стратегии роста. В ходе реализации первого этапа ИУЭ ЕБРР предоставил России инвестиции на сумму 755 млн евро в рамках 37 проектов общей стоимостью более 3,7 млрд евро [11, с. 17]. Больше всего выделенных средств приходилось на промышленность (38%), сектора энергетики и природных ресурсов (30%), а также муниципальную инфраструктуру (23%).

За период 2009–2012 гг. ЕБРР был предоставлен рекордный объем средств для продвижения к устойчивой энергетике – 1,1 млрд евро [10, с. 9]. Приоритетные отрасли – промышленное производство, транспорт, строительство жилых зданий, добыча природных ресурсов, совершенствование инфраструктуры.

Важным звеном реализации ИУЭ в России являлась запущенная в 2009 г. программа Russian Sustainable Energy Financing Facility (RUSEFF), которая предоставляет кредиты до 300 млн рублей через 7 банков-партнеров (ОАО АКБ «РОСБАНК», ОАО «НБД-Банк», ОАО КБ «Центр-инвест» и др.) частным компаниям и индивидуальным предпринимателям для инвестиций в современное оборудование

и материалы, способствующие энергосбережению [8]. Среди реализуемых в России проектов:

- по сокращению сжигания попутного газа с компаниями «Монолит» и «Иркутская нефтяная компания»;
- всероссийская программа повышения энергоэффективности жилых зданий;
- программа «Северстали» по снижению энергопотребления на сталелитейных предприятиях и др.

В целом по состоянию на конец первого квартала 2013 г. в Россию по линии ИУЭ было инвестировано 2,4 млрд евро (более 100 проектов общей стоимостью 17 млрд евро). Благодаря реализации ИУЭ в России удалось сократить выбросы парниковых газов (эквивалент ежегодного объема выбросов углекислого газа) на 18 млн тонн (примерно 1% выбросов страны в 2010 г.), энергосбережение составило 9 млн тонн в нефтяном эквиваленте [23].

Несмотря на заметные успехи и активное расширение деятельности ЕБРР в области устойчивой энергетики в России, многое еще предстоит сделать. На основе уже полученного опыта Банк планирует максимально эффективно увязывать финансирование в России с развитием устойчивой энергетики и создавать дополнительные механизмы помощи (в том числе информационные) с целью обхода и устранения существующих барьеров (например, в области тарифной политики, нормативной базы, а также низкой степени информированности).

Список литературы

1. Годовой отчет за 2010 год // Европейский банк реконструкции и развития, 2011. - <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/annual/ar10r.pdf>
2. Зверев П.Б. Проблемы управления устойчивым развитием национальной энергетики: международный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2009. № 5. С. 36-43.
3. Изменение климата – общая информация // Европейский банк реконструкции и развития, 2010 - <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/climate.shtml>
4. Инициатива в области устойчивой энергетики // Европейский банк реконструкции и развития, 2010 - <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei.shtml>
5. Исаков И.И. Проблема международного электроэнергетического сотрудничества государств в рамках международных организаций // Вестник РУДН, серия "Юридические науки". 2010. №1. С. 79-88.
6. Конференция по устойчивому развитию «Рио+20», Устойчивая энергетика для всех – факты и цифры // Организация объединенных наций, 2013. - <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/energy.shtml>
7. Основные документы – Соглашение об учреждении Европейского банка реконструкции и развития // Европейский банк реконструкции и развития, 1990. - <http://www.ebrd.com/downloads/research/guides/basicsru.pdf>
8. Российская программа финансирования устойчивой энергетики -<http://rus.ruseff.com/>
9. Стратегии и операции по линии ИУЭ // Европейский банк реконструкции и развития, 2010.- <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/strategy.shtml>
10. Стратегия для Российской Федерации // Европейский банк реконструкции и развития, 2012. - http://www.ebrd.com/russian/downloads/country/strategy/russia_l.pdf
11. Стратегия для Российской Федерации на 2009-2012 гг. // Европейский банк реконструкции и развития, 2009. - http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/russia_l.pdf
12. Тарнопольский С.А. Диверсификация энергетики – основа устойчивого развития России // Научно-аналитический журнал "Обозреватель" – Observer. 2012. Т. 265. №2. С. 33-39.
13. A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy // European Commission, 2011. - http://ec.europa.eu/energy/publications/doc/2011_energy2020_en.pdf
14. Climate Finance, Key Facts about the SEI (2006-2012) // European Bank for Reconstruction and Development, 2013 - <http://www.ebrd.com/pages/sector/energyefficiency.shtml>

■ Экономика

15. Environmental Lending Facilities // Nordic Investment Bank, 2013 - http://www.nib.int/loans/environmental_lending_base_cleere
16. Multilateral Carbon Credit Fund // European Bank for Reconstruction and Development, 2012 - <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/carbon/markets.shtml>
17. Project Summary Documents – Arcelor Mittal Kriviy Rih // European Bank for Reconstruction and Development, 2006 - <http://www.ebrd.com/english/pages/project/psd/2006/36813.shtml>
18. Project Summary Documents // European Bank for Reconstruction and Development, 2013 - <http://www.ebrd.com/saf/search.html?type=project>
19. Strategy for Ukraine 2011-2014 // European Bank for Reconstruction and Development, 2011 - http://www.ebrd.com/downloads/country/strategy/ukraine_country_strategy_2011_2014.pdf
20. Sustainable Energy Finance // International Finance Corporation, 2013 - http://www1.ifc.org/wps/wcm/connect/Industry_EXT_Content/IFC_External_Corporate_Site/Industries/Financial+Markets/Sustainable+Energy+Finance/
21. Sustainable Energy Financing Facilities // European Bank for Reconstruction and Development, 2012 - <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/seff.pdf>
22. Sustainable Energy Initiative Factsheet // European Bank for Reconstruction and Development, 2012 - <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/sei.pdf>
23. Sustainable Energy Initiative in Russia // European Bank for Reconstruction and Development, 2013 - <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/seiruss.pdf>
24. Sustainable Energy Initiative Results // European Bank for Reconstruction and Development, 2010 - <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/results.shtml>
25. Sustainable Energy Initiative, Financing Sustainable Energy: EBRD Action and Results // European Bank for Reconstruction and Development, 2013 - <http://www.ebrd.com/downloads/research/brochures/sei.pdf>

Об авторе

Евдокимова Екатерина Михайловна – аспирант кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России.
E-mail: k.evdokimova@gmail.com

EBRD ACTIVITIES IN THE FIELD OF SUSTAINABLE ENERGY

E.M. Evdokimova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on one of the strategic European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) sector priorities – sustainable energy. A vast amount of initiatives aiming at efficient energy use have been launched since the late XX century. Among others a pivotal role play the EBRD programmes comprising investments and technical assistance. Within over 20 years of activity the EBRD has gained great experience carrying out projects in the field of energy efficiency and therefore Sustainable Energy Initiative (SEI) was launched in 2006. Sub-sector breakdown include cleaner energy production, industrial energy efficiency, renewable energy, sustainable energy financing facilities for small and medium-scale projects implemented through local banks etc. SEI Phase 1 and 2 had been carried out by the end of 2011. In 2006-2012 the EBRD invested €11 billion in more than 620 projects. In 2012 Phase 3 was launched for the period 2012-2014, financing target – €4,5 to €6,5 billion. SEI accounts for 20-30% of the total EBRD financing volume. The greatest share as a core country of operations receives Russia: total SEI investments – €2,4 billion, number of projects – over 100, avoided greenhouse gases emissions – 18 million tonnes (CO₂ equivalent per year), energy savings – 9 million tonnes of oil equivalent per year. Thus the EBRD encourages sustainable low-carbon economic development of the country. The EBRD will further extend sustainable energy activities, combining investments with technical assistance and policy dialogue.*

Key words: International financial institutions, development banks, EBRD, sustainable development, sustainable energy, energy efficiency, project finance.

References

1. Godovoj otchet za 2010 god [Annual Report 2010] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2011. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/annual/ar10r.pdf> (accessed 9 June 2013)
2. Zverev P.B. Problemy upravlenija ustojchivym razvitiem nacional'noj energetiki: mezhdunarodnyj aspekt [Management problems in the context of national energy sustainable development: international aspect] // Evrazijskaja integracija: ekonomika, pravo, politika – Eurasian Integration: economics, law, politics, 2009, № 5. S. 36-43
3. Izmenenie klimata – obshhaja informacija [Climate change – general information] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2010. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/climate.shtml> (accessed 9 June 2013)
4. Iniciativa v oblasti ustojchivoj energetiki [Sustainable energy initiative] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2010. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei.shtml> (accessed 9 June 2013)
5. Isakov I.I. Problema mezhdunarodnogo elektroenergeticheskogo sotrudnichestva gosudarstv v ramkah mezhdunarodnyh organizacij [The problem of international electro energetic cooperation of states within the international organizations] // Vestnik RUDN, serija Juridicheskie nauki – RUDN Herald, 2010, №1. S. 79-88
6. Konferencija po ustojchivomu razvitiju «Rio+20», Ustojchivaja energetika dlja vseh – fakty i cifry [«Rio+20» Sustainable Energy Conference, sustainable energy for all – facts and figures] // Organizacija ob'edinennyh nacij – United Nations, 2013. Available at: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/energy.shtml> (accessed 9 June 2013)
7. Osnovnye dokumenty – Soglasenie ob uchrezhdenii Evropejskogo banka rekonstrukcii i razvitija [Basic documents - The Agreement Establishing the European Bank for Reconstruction and Development] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 1990. Available at: <http://www.ebrd.com/downloads/research/guides/basicru.pdf> (accessed 9 June 2013)
8. Rossijskaja programma finansirovanija ustojchivoj energetiki [Russian Sustainable Energy Financing Facility]. Available at: <http://rus.ruseff.com/> (accessed 9 June 2013)
9. Strategii i operacii po linii IUE [SEI strategies and operations] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2010. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/strategy.shtml> (accessed 9 June 2013)
10. Strategija dlja Rossijskoj Federacii [Strategy for the Russian Federation] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2012. Available at: http://www.ebrd.com/russian/downloads/country/strategy/russia_l.pdf (accessed 9 June 2013)
11. Strategija dlja Rossijskoj Federacii na 2009-2012 gg. [Strategy for the Russian Federation 2009-2012] // Evropejskij bank rekonstrukcii i razvitija – European Bank for Reconstruction and Development, 2009. Available at: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/russia_l.pdf (accessed 9 June 2013)
12. Tarnopolskij S.A. Diversifikacija jenergetiki – osnova ustojchivogo razvitija Rossii [Diversification of energetics - foundation of sustainable development of Russia] // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel – Scientific analytical magazine Observer, 2012, T. 265, №2. S. 33-39
13. A Strategy for Competitive, Sustainable and Secure Energy // European Commission, 2011. Available at: http://ec.europa.eu/energy/publications/doc/2011_energy2020_en.pdf
14. Climate Finance, Key Facts about the SEI (2006-2012) // European Bank for Reconstruction and Development, 2013. Available at: <http://www.ebrd.com/pages/sector/energyefficiency.shtml> (accessed 9 June 2013)

■ Экономика

15. Environmental Lending Facilities // Nordic Investment Bank, 2013. Available at: http://www.nib.int/loans/environmental_lending_base_cleere (accessed 9 June 2013)
16. Multilateral Carbon Credit Fund // European Bank for Reconstruction and Development, 2012. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/carbon/markets.shtml> (accessed 9 June 2013)
17. Project Summary Documents – Arcelor Mittal Kriviy Rih // European Bank for Reconstruction and Development, 2006. Available at: <http://www.ebrd.com/english/pages/project/psd/2006/36813.shtml> (accessed 9 June 2013)
18. Project Summary Documents // European Bank for Reconstruction and Development, 2013. Available at: <http://www.ebrd.com/saf/search.html?type=project> (accessed 9 June 2013)
19. Strategy for Ukraine 2011-2014 // European Bank for Reconstruction and Development, 2011. Available at: http://www.ebrd.com/downloads/country/strategy/ukraine_country_strategy_2011_2014.pdf (accessed 9 June 2013)
20. Sustainable Energy Finance // International Finance Corporation, 2013. Available at: http://www1.ifc.org/wps/wcm/connect/Industry_EXT_Content/IFC_ExternaE_Corporate_Site/Industries/Financial+Markets/Sustainable+Energy+FinancF/ (accessed 9 June 2013)
21. Sustainable Energy Financing Facilities // European Bank for Reconstruction and Development, 2012. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/seff.pdf> (accessed 9 June 2013)
22. Sustainable Energy Initiative Factsheet // European Bank for Reconstruction and Development, 2012. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/sei.pdf> (accessed 9 June 2013)
23. Sustainable Energy Initiative in Russia // European Bank for Reconstruction and Development, 2013. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/downloads/research/factsheets/seiruss.pdf> (accessed 9 June 2013)
24. Sustainable Energy Initiative Results // European Bank for Reconstruction and Development, 2010. Available at: <http://www.ebrd.com/russian/pages/sector/energyefficiency/sei/results.shtml> (accessed 9 June 2013)
25. Sustainable Energy Initiative, Financing Sustainable Energy: EBRD Action and Results // European Bank for Reconstruction and Development, 2013. Available at: <http://www.ebrd.com/downloads/research/brochures/sei.pdf> (accessed 9 June 2013)

About the author

Ekaterina M. Evdokimova – Ph.D. student, Department of European Integration, MGIMO-University.
E-mail: k.evdokimova@gmail.com

ЭКСПОРТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ ИЗ РОССИИ В ЕС: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

И.А. Коробков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Концепция социально-экономического развития России до 2020 г. ставит перед страной долгосрочную задачу специализации экономики на производстве высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью, нацеленных в перспективе на экспорт. Согласно концепции, Евросоюз сохранит ведущие позиции в географической структуре экспорта и сыграет значительную роль в интеграции России в международные производственные процессы. Вместе с тем поставка промышленных товаров на рынки стран ЕС представляет непростую задачу для России, учитывая высокий уровень развития европейских стран и их сильные позиции в экспорте готовых изделий, в том числе высокотехнологичных. В настоящее время отечественные промышленные товары, поставляемые в ЕС, широко представлены продукцией, прошедшей неглубокую обработку, в частности металлами, алмазами и химикатами. Российские товары с высокой добавленной стоимостью экспортируются ограниченному числу партнеров в сравнительно небольших объемах, поставки осуществляются на непостоянной основе и подвержены сильным колебаниям. Тем не менее ряд высокотехнологичных российских товаров уже сейчас успешно реализуется на рынке стран Евросоюза и пользуется растущим спросом со стороны потребителей как из Центральной, так и Западной Европы. Здесь выделяются страны ЦВЕ, структура российского экспорта в них более насыщена готовыми изделиями и товарами с высокой добавленной стоимостью, а рост продаж отечественных машинно-технических изделий в страны Евросоюза обусловлен прежде всего увеличением объема поставок в Польшу, Словакию, Чехию и Болгарию.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, экспорт промышленных товаров, структура экспорта.

Принятая 17 ноября 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. в качестве главной задачи ставит достижение уровня социально-экономического развития, соответствующего «статусу России как ведущей мировой державы XXI в., занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции» [2, с.4]. Вместе с тем предусматривается, что Россия не только останется мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создаст конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий, а также займет значимое место на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг [2, с.5].

Переводу экономики на инновационный тип развития призвано содействовать формирование конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной производственной системы. Она будет включать в себя все звенья инновационной цепи, вплоть до коммерциализации научных разработок и обеспечения поставок товаров с наукоемкой составляющей на мировые рынки. Названы отрасли промышленности, где Россия имеет наибольший потенциал и может быть интересна глобальному рынку: авиационная (включая двигателестроение), ракетно-космическая, судостроение, радиоэлектроника, а также атомный энергопромышленный комплекс [2, с.54–71].

В документе подчеркивается, что повышение конкурентоспособности российской экономики и усиление ее роли в мире невозможно без прорыва на новые рынки товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости. В противном случае России «обречена на уменьшение своей роли в развитии мировой экономики и вытеснение ее из эффективного участия в мировом разделении труда» [2, с.71–72]. Для реализации эффективной модели участия России в международном разделении труда поставлено несколько задач, первой из которых является развитие специализации на высокотехнологичных товарах, интеллектуальных товарах и товарах с высокой степенью переработки [2, с.72–73].

Развитие экспорта промышленных товаров как стратегическая цель

Европейский союз традиционно является важнейшим торговым партнером Российской Федерации. В 2011 г. на страны ЕС пришлось 47% внешнеторгового товарооборота, в том числе 48% экспорта и 43% импорта [1]. С 2000 по 2012 г. стоимость экспортированных в страны ЕС товаров выросла более чем в три раза, что превышает общий темп прироста мировой торговли. Согласно Концепции социально-экономического развития России до 2020 г., страны ЕС сохраняют ведущие позиции в географической структуре экспорта и выступают ключевым источником инвестиций, технологий и бизнес-компетенций для высокотехнологичных отраслей российской экономики

[2, с.76–77]. Приоритетными направлениями сотрудничества, помимо поставок энергоресурсов, станет расширение производственной кооперации, в том числе в авиационно-космической индустрии, автомобилестроении, телекоммуникациях и пищевой промышленности.

Основная часть российского экспорта в страны ЕС приходится на сырье, включая топливо. В 2012 г. доля энергоносителей в стоимости поставок составила 76% [3], увеличившись по сравнению с 2000 г. на 20 процентных пунктов. Совокупная доля промышленных товаров в российском экспорте в ЕС равнялась в 2012 г. 8%, тогда как в общем экспорте России она составляла 19% [5, с.84]. Говоря о развитии поставок промышленных товаров из России в ЕС, следует понимать, что Евросоюз является одним из центров силы в современной мировой экономике. Накануне мирового экономического кризиса на государства ЕС (с учетом внутрирегиональной торговли) приходилось 36% мирового экспорта машин и оборудования. По этому показателю ЕС опережал США, занимая второе место в мире после Азиатского региона. Евросоюз являлся ведущим мировым производителем и поставщиком химических товаров, в том числе лекарственных средств.

Из этого следует, что поставки готовой продукции на рынки стран Евросоюза представляют собой весьма сложную задачу для любой страны с формирующимися рынками, в том числе и для России. Облагораживание товарной структуры российского экспорта и увеличение поставок промышленных изделий в среднесрочной перспективе связано с освоением и расширением нашего присутствия на рынках стран со схожим уровнем экономического развития. Особое место среди них принадлежит государствам СНГ. Задача развития экспорта промышленных товаров в ЕС носит долгосрочный характер, тем не менее она может ставиться и решаться уже сегодня. Ведь достижение стратегических целей невозможно без тщательного анализа существующей ситуации, поиска новых направлений и их активной разработки с соответствующей поддержкой государства.

Показательным и обнадеживающим в этом плане является наметившийся сдвиг в номенклатуре поставляемых Россией энергоносителей. Как указывает И.Д. Иванов, в последнее десятилетие «именно нефтехимия вносит основной вклад в облагораживание российского экспорта, осваивая и продвигая на внешний рынок вместо нефти и газа промежуточную и конечную готовую продукцию все возрастающего ассортимента. К прежним простейшим – мазуту, фенолу и толуолу – здесь прибавились продукты высокой перегонки (бензины, авиакеросин)... [4, с.115]».

Структура и тенденции экспорта промышленных товаров из России в ЕС

В данной статье для анализа товарной структуры экспорта применяется Стандартная международная товарная классификация – СМТК

(Standard International Trade Classification – SITC), которая используется в статистических справочниках ООН и Евростат. Источником данных служит база данных Евростат. Согласно методологии ВТО, к промышленным товарам относят следующие разделы и товарные группы СМТ: раздел 5 «Химические вещества и аналогичная продукция, не включенные в другие категории»; раздел 6 «Промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала» за вычетом подраздела 68 «цветные металлы»; раздел 7 «Машины и транспортное оборудование»; раздел 8 «Различные готовые изделия» за вычетом группы 891 «оружие и боеприпасы» [6].

Экспортные потоки промышленных товаров из России в страны Евросоюза динамично развивается в последние годы. За период с 2000 по 2008 г. стоимостной объем поставленной в ЕС промышленной продукции увеличился в 2 раза и составил более 16 млрд евро по результатам 2008 г. Однако вследствие мирового экономического кризиса в 2009 г. экспорт промышленных товаров из России сократился на треть. На восстановление объемов потребовалось два года: по итогам 2011 г. экспорт промышленных товаров составил 17 млрд евро. В 2012 г. этот объем сохранился.

Основная часть поставок российских промышленных товаров в ЕС (до 80%) направляется в государства Западной Европы. Наиболее крупными импортерами выступают Бельгия, ФРГ, Италия, Великобритания, Финляндия, Швеция и Франция. Вместе с тем в ходе посткризисного восстановления отмечается рост удельного веса покупателей из стран ЦВЕ, главным из которых является Польша. По данным результатов 2011 и 2012 гг., доля данного региона поднялась до 24% благодаря росту продаж российских химикатов и машинно-технических изделий.

Промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала (раздел 6 СМТК), составляют почти половину российского экспорта промышленной продукции в ЕС. В 2012 г. общая стоимость поставок составила 8,3 млрд евро, из которых 7,3 млрд было направлено в страны Западной Европы и 1,2 млрд – в страны ЦВЕ. В товарной структуре выделяются металлы (железо и сталь) и драгоценные камни, представленные практически полностью алмазами. Объем поставленных в 2012 г. железа и стали составляет 4,4 млрд евро, из которых на страны ЦВЕ пришлось 700 млн. Экспорт данной группы товаров понес значительные потери вследствие мирового экономического кризиса, в том числе вследствие падения мировых цены на все виды металлов. Так, по итогам 2008 г. стоимостной объем поставленных из России железа и стали составил более 6,5 млрд евро, но уже в следующем году он сократился: наполовину в страны Западной Европы и втрое в страны ЦВЕ.

В 2012 г. экспорт обработанных и необработанных алмазов составил более 2,2 млрд евро (из них почти на 2 млрд необработанных). Главным их импортером является Бельгия – крупнейший

мировой центр торговли драгоценными камнями. Стоимость поставленных в эту страну драгоценных камней возросла с 2007 по 2012 г. более чем в два раза. В меньших объемах Россия поставляет в ЕС изделия из древесины и металла – по 400 млн евро в 2012 г. Среди них преобладают соответственно фанера и кованые изделия из титана. Кроме того, поставляются различные виды бумаги (газетная, оклеечная и крафт) и изделия из резины, представленные в основном автомобильными покрышками.

Продукция химической промышленности (раздел 5 СМТК) является второй по значимости статьей промышленного экспорта России в ЕС, занимая в нем чуть более трети. По данным результатов 2012 г., стоимостной объем поставок составил 6,3 млрд евро, из которых 1,7 млрд было направлено в страны ЦВЕ. В группе товаров выделяются органические и неорганические химикаты (1,6 и 3,1 млрд евро соответственно), минеральные удобрения (1,1 млрд евро) и пластмассы в первичных формах (0,2 млрд евро).

Неорганические химикаты представлены обогащенным ураном-235, плутонием (1,2 млрд евро), коллоидными ценными металлами (0,6 млрд евро), аммиаками (0,5 млрд евро), углеродами (0,4 млрд евро) и прочими химикатами. Органические химикаты представлены главным образом углеводородами (0,9 млрд евро), алкоголями и фенолами (0,4 млрд евро). Готовая продукция и потребительские товары, такие, как лекарственные средства, бытовая химия, парфюмерия и косметика, поставляются в ЕС в ограниченных объемах. В 2012 г. их совокупный экспорт не превысил 100 млн евро.

Позитивные сдвиги происходят в экспорте российских химикатов в Центральную и Восточную Европу, который растет заметно быстрее, чем экспорт в ЕС в целом. Ныне на государства региона приходится почти 30% всего российского экспорта химикатов в ЕС. Положительная динамика обусловлена прежде всего увеличением объемов продаж органических химикатов и минеральных удобрений. Стоит отметить, что структура экспорта химикатов в страны ЦВЕ более насыщена готовой продукцией, чем в страны Западной Европы. Так, в страны ЦВЕ поставляется почти две трети поставляемых в ЕС промежуточных изделий из пластмасс, 60% парфюмерных и косметических изделий (прежде всего мыла и средств личной гигиены), а также треть красящих веществ.

В то же время сокращается объем поставляемых в ЦВЕ лекарственных средств (на треть с 2000 г.). Так, если вплоть до 2007 г. доля стран ЦВЕ составляла от половины до трех четвертых, то после 2009 г. на страны ЦВЕ приходится не более 20%. Данная тенденция обусловлена быстрым увеличением продаж российских лекарственных средств и медикаментов в страны Западной Европы – Нидерланды, Австрию, ФРГ, Финляндию и Бельгию.

Машины и оборудование (раздел 7 СМТК) представляют собой наиболее важную с точки

зрения позиций в международном разделении труда статью экспорта. Их удельный вес в структуре поставляемых из России в ЕС промышленных товаров сравнительно невелик и, как правило, не превышает 13%. По результатам 2012 г. объем реализованных в ЕС российских машин, оборудования и электротехники равнялся 2,1 млрд евро. Из них 0,9 млрд евро составили поставки в страны ЦВЕ, несмотря на то что их вступление в НАТО существенно ограничило продажи российской военной техники и вооружений, даже в счет погашения задолженности по советским долгам [7, с.7]. Из стран Западной Европы основными импортерами российских машинно-технических изделий являются ФРГ, Франция и Нидерланды.

Номенклатура поставляемых в ЕС машин, оборудования и электротехники постепенно претерпевает изменения. В ней прослеживается тенденция к увеличению доли промежуточных товаров и, следовательно, сокращению удельного веса готовых изделий. В 2012 г. доля промежуточной продукции (с учетом ТВЭЛ) составила 57%. В рамках действующих концепций международной торговли доминирование в структуре экспорта промежуточных товаров рассматривается как положительное явление, так как оно свидетельствует об активном участии страны в международном разделении труда и кооперации производства. Так, в 2008 г. доля промежуточной продукции в мировом обороте товарами (за исключением сырья и энергоресурсов) превысила 40% [8, с.2]. Она продолжала увеличиваться и в последующие годы [9, с.14] благодаря установлению более прочных связей между участниками производственного и сборочного циклов продукта.

Отличительной чертой российского экспорта машин и оборудования в страны ЕС является высокая волатильность показателей. Например, в 2000 г. поставки в Чехию составили 117 млн евро, в следующем году они сократились до 90 млн евро, в 2003 г. их стоимость возросла до 126 млн евро, но в 2004 г. она упала до 60 млн евро. Значительная часть товаров поставляется ограниченному количеству потребителей, контракты заключаются непостоянно, на разовой основе или один раз в несколько лет. Как следствие, объемы поставок отдельных групп товаров и их удельный вес подвержены сильным колебаниям, что усложняет выявление общих тенденций и качественную оценку происходящего. Ведь в случае взлета объема продаж по той или иной товарной статье и стране трудно определить, является ли это началом перспективного сотрудничества или эпизодической сделкой.

Из числа товаров, поставляемых в крупных объемах на постоянной основе можно выделить силовое оборудование и комплектующие к нему (0,6 млрд евро). Однако при анализе экспорта в рамках данной группы следует иметь в виду, что из-за специфики отраслевой структуры СМТК наблюдаемая на высшем уровне агрегации однородность продукции носит весьма условный характер [10, с.82]. Так, силовое оборудование в

значительной степени представлено ТВЭЛами (0,41 млрд евро). Рост физического объема реализуемой продукции происходит за счет увеличения спроса со стороны стран ЦВЕ, а именно за счет Чехии и Словакии. Важным покупателям российских ТВЭЛов является также Венгрия, однако объемы поставляемой продукции подвержены значительным колебаниям. В целом проследить и доказать наличие тенденции к росту экспорта пока не представляется возможным. Указанная продукция также поставляется в страны Западной Европы: Швецию, ФРГ и Финляндию. Непосредственно на силовые установки по результатам 2012 г. пришлось немногим более 0,1 млрд евро. Еще на 0,1 млрд евро было поставлено различной промежуточной продукции и комплектующих.

В качестве положительного сдвига следует отметить трехкратное увеличение за последние три года отечественного экспорта товаров, включенных в группу «крупногабаритные транспортные средства и комплектующие к ним», куда относится авиационная, водная и воздушная техника. В 2012 г. объем поставленных изделий составил почти 0,7 млрд евро. Из транспортных средств в сборе поставлялись: железнодорожные локомотивы и вагоны в Болгарию и Эстонию (суммарно 0,1 млрд евро), танкеры и рыболовные суда в Польшу (0,2 млрд евро), комплектующие для авиации (0,2 млрд евро) в Чехию, ФРГ, Францию и Польшу.

В меньших объемах экспортируется электротехническое оборудование – 0,3 млрд евро по результатам 2012 г. В ФРГ и Финляндию поставляются стартеры, провода зажигания, мелкий электроинструмент, передающие телевизионные трубки, печатные платы и выключатели. Подобное российское оборудование можно считать конкурентоспособным на рынке ЕС, стоимость его экспорта увеличилась с 2000 г. более чем в 2,5 раза. В последние годы отмечается повышение спроса на отечественные электротехнические изделия в странах ЦВЕ. Чехия, Польша и Румыния увеличивают закупки бытовой техники (в основном стиральных машин), коммутационной и защитной аппаратуры, мелких комплектующих.

Отечественная продукция общего машиностроения пользуется невысоким спросом на рынке Евросоюза, в последнее время ее среднегодовые поставки оцениваются в 140 млн евро. Примерно треть из них приобретается ФРГ, крупными покупателями выступают также Польша и Румыния. В основном экспортируется затворная и клапанная арматура, комплектующие для охлаждающего и нагревательного оборудования. В Западную Европу поставляются комплектующие для механических и крановых установок, а в Центральную и Восточную – комплектующие для нагревательного и охлаждающего оборудования, шариковые и роликовые подшипники.

Понижительную динамику имеют поставки отечественных транспортных средств, прежде всего автомобилей и специальной техники. Так, еще 10 лет назад Венгрия и Финляндия закупали до половины отправлявшихся в Евросоюз авто-

мобилей, теперь же они практически отказались от их приобретения. На сегодняшний день российские средства транспорта продолжают покупать ФРГ, Франция, Испания, Чехия, Словакия и Латвия. Специальная техника, поставляемая в Евросоюз, представлена в значительной степени комплектующими, поставляемыми в Бельгию, ФРГ и Францию.

Различные готовые изделия (раздел 8 СМТК), куда относят прочие промышленные товары, не включенные в разделы 5–7 СМТК, не играют сколько-нибудь заметной роли в российском промышленном экспорте в ЕС. Их доля в нем не превышает 3%. По данным результатов 2012 г., объем поставок оценивался в 0,5 млрд евро. Страны ЕС вывозили из России научное, профессиональное и измерительное оборудование, а также ювелирные украшения, культурные ценности и предметы искусства.

Выводы

Одной из центральных задач Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. является реализация эффективной модели участия России в международном разделении труда и освоение новых рынков высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью. Согласно концепции, страны ЕС сохраняют ведущие позиции в географической структуре экспорта и играют значительную роль в интеграции России в международные производственные процессы. Учитывая сильные позиции Евросоюза (в особенности передовых стран Западной Европы) в экспорте готовых изделий, наращивание поставок промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью на рынки стран ЕС является непростой задачей для России, подлежащей решению в долгосрочной перспективе.

В настоящее время положительная динамика поставок отечественных промышленных товаров в ЕС достигается в основном за счет изделий с невысокой степенью обработки. Отсутствие

устойчивых объемов экспорта и отказ некоторых стран ЕС от приобретения неконкурентоспособных на рынке Евросоюза образцов российской промышленности создают серьезные вызовы для поставщиков из России. Вместе с тем уже сегодня отмечаются позитивные сдвиги в экспорте промышленной продукции с высокой добавленной стоимостью. Неоспоримо лидерство России в производстве ТВЭЛов, которые закупаются не только для АЭС, построенных в странах ЦВЕ в период социализма, но и для станций, построенных в Западной Европе в последнее время. Уверенный рост показал экспорт комплектующих для крупногабаритных транспортных средств, в частности авиации (с 2000 г. поставки авионики возросли в 8 раз, шасси и их составляющих в 50 раз) и железнодорожного транспорта (с 2000 г. в 10 раз). Два года подряд, в 2011 и 2012 гг., отмечается взлет продаж грузовых и рыболовных судов в Польшу, успешно поставляются железнодорожные локомотивы и вагоны в страны ЦВЕ.

Повышенным спросом в последние годы пользуется российское электротехническое оборудование: экспорт электродрелей в ФРГ (начавшийся в 2008 г.) прирастает на 10 млн евро ежегодно, поставки бытовых стиральных машин увеличились в 20 раз с 2007 г., а объем отправленных электротехнических компонентов (провода зажигания, дворники) для авто возрос в 10 раз с 2005 г. Экспорт кабельной продукции, коммутационной и защитной аппаратуры, традиционно поставляемой в страны ЕС, увеличился с 2000 г. в два раза. Поставки телекоммуникационного оборудования и комплектующих к нему возросли почти в пять раз.

В последние годы значительно возросли экспортные потоки затворно-клапанной арматуры, теплообменных установок, генераторов, светосигнального оборудования, реактивных двигателей, гидро- и газотурбинных моторов. Кроме того, успешно продвигаются российские лекарственные средства в странах Западной Европы и средства личной гигиены в странах ЦВЕ.

Список литературы

1. Статистическая база данных ООН по международной торговле товарами. Официальный сайт: <http://comtrade.un.org/> (дата обращения: май 2013г.).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года №1662-р.
3. Юргенс И.Ю. Россия – Европейский Союз: к новому качеству отношений. М.: Эконинформ, 2008. 51 с.
4. База данных статистической службы Европейского Союза Евростат. Официальный сайт: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database (дата обращения: май 2013г.).
5. Иванов И.Д. Российские предприятия в открытой рыночной экономике. М.: Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), 2011. 351 с.
6. Доклад о мировой торговле 2012 // Всемирная торговая организация, 2012. 252 с. Официальный сайт: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report12_e.pdf (дата обращения: май 2013г.).

7. Технические примечания к статистическим потокам данных – метаданным Всемирной торговой организации. IV. Определения товаров. Официальный сайт: http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDStatProgramTechNotes.aspx?Language=E#Product_Def (дата обращения: май 2013 г.).
8. Инвестиционные партнеры России: страны Центральной и Восточной Европы. // Бюллетень ТПП РФ: Инвестиции. Факты и комментарии, 2012, №23. С.4-10. Официальный сайт: http://www.tpprf.ru/common/upload/invest/IFK_23.doc (дата обращения: май 2013 г.).
9. Статистический справочник по мировой торговле 2009 // Всемирная торговая организация, 2009, С.2. Официальный сайт: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2009_e/its09_toc_e.html (дата обращения: май 2013 г.).
10. Статистический справочник по мировой торговле 2012 // Всемирная торговая организация, 2012, С.14. Официальный сайт: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its2012_toc_e.html (дата обращения: май 2013 г.).
11. Клинов В.Г. Мировой рынок высокотехнологичной продукции. Тенденции развития и особенности формирования конъюнктуры и цен. М.: Экономика, 2006. 199 с.
12. Кузнецов А. Экономические связи России и ЕС // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. / Под ред. О.Ю.Потемкиной (отв.ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. С. 477-499

Об авторе

Коробков Илья Александрович – соискатель кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России.
E-mail: ilyakorobkov@yahoo.com

**EXPORT OF RUSSIAN MANUFACTURES TO EU COUNTRIES: TENDENCIES,
PROBLEMS AND OPPORTUNITIES**

I.A. Korobkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The modernization and specialization of the economy in hi-tech and high-value-added goods is the long term goal defined and set forward within the frame of Russian Federation 2020 Concept for the Social and Economic Development. According to the principles and clauses of the abovementioned document these high-tech and high-value-added products in the long run are intended to be exported to the European Union countries. For the foreseeable future EU will remain Russia's key trade partner and moreover will play an immense and significant role for the integration of the Russian Federation in the international manufacturing and industrial processes. However, considering the high level of economic development of the EU countries and their strong positions in global exports of processed products including hi-tech goods, the export of the manufactures to the EU countries is quite a challenging task for Russia. Currently the manufactures that are supplied to the European Union mainly consist of semi-processed commodities, e.g., metals, diamonds and chemicals. Russian high-value-added products are exported to a limited number of partners; export volumes are comparatively moderate and volatile. However, some high-tech Russian products are successfully exported to the EU countries and meet growing demand from consumers from Central and Western Europe. The share of finished products and high-value-added goods exported to the Central and Eastern Europe slightly exceeds the EU average; the growing machinery and transport equipment sales are determined by an increased supply towards Poland, Slovakia, Bulgaria and Czech Republic.*

Key words: Russia, European Union, economy, export of manufactures, export structure.

References

1. United Nations Commodity Trade Statistics Database. Available at: <http://comtrade.un.org/> (accessed May 2013).
2. Konceptija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federaciina period do 2020 goda [Concept for the Long-Term Social and Economic Development of Russia through 2020]. Russian Federation Government Resolution of November 17, 2008 No. 1662-p.
3. Yurgens I.Yu. Rossiya – Evropejskij Soyuz: k novomu kachestvu otnoshenij [Russia and the European Union: exploring opportunities for greater cooperation]. Moscow, Ekoninform, 2008. 51 S.
4. European Union statistical office – Eurostat Database. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database (accessed May 2013).
5. Ivanov I.D. Rossijskie predpriyatiya v otkrytoj rynochnoj ekonomike [Russian corporate community in the age of open market economy]. Moscow, Obshestvo sohraneniya literaturnogo naslediya (OSLN), 2011. 351 S.
6. World Trade Organization. World Trade Report 2012. Available at: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report12_e.pdf (accessed May 2013).
7. Technical notes to World Trade Organization statistical datasets – metadata. IV. Product definitions. Available at: http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStatProgramTechNotes.aspx?Language=E#Product_Def (accessed May 2013).
8. Investicionnye partnery Rossii: Strany Centralnoj i Vostochnoj Evropy. [Russia's investment partners: Central and Eastern Europe countries] // Byulleten TPP RF: Investicii. Fakty i kommentarii [Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation bulletin: Investment. Facts and comments], 2012, no.23. S.4-10. Available at: http://www.tpprf.ru/common/upload/invest/IFK_23.doc (accessed May 2013).
9. World Trade Organization. International Trade Statistics 2009. Available at: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2009_e/its09_toc_e.html (accessed May 2013).
10. World Trade Organization. International Trade Statistics 2012. Available at: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its2012_toc_e.html (accessed May 2013).
11. Klinov V.G. Mirovoj rynek vysokotekhnologichnoj produkcii. Tendencii razvitiya i osobennosti formirovanija konyunktury i cen. [World high-technology products market. Trends and characteristics of market situation and price formation]. Moscow, Ekonomika, 2006. 199. S.
12. Kuznetsov A. Ekonomicheski svyazi Rossii i ES. [EU-Russia economic relations] in Evropejskij Sojuz v XXI veke: vremya ispytanij [The European Union in the XXI century: the test]. / Potemkina O.Yu., Kaveshnikov N.Yu., Kondrateva N.B. (eds.) Moscow, Ves Mir, 2012. s.477-499.

About the author

Ilia A. Korobkov – Ph.D. student, Department of European Integration, MGIMO-University.
E-mail: ilyakorobkov@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЕДЕНИЯ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СООТВЕТСТВИЕ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВТО

М.А. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется роль торговой политики в обеспечении конкурентоспособности предприятий отечественной автомобильной промышленности, которая требует постоянного поиска баланса между необходимостью регулирования внутреннего рынка и выполнением обязательств, принятых в связи со вступлением в ВТО. В работе дана оценка современному состоянию российского автомобилестроения, заключающаяся в том, что, несмотря на незначительные объемы в мировом производстве и экспорте в настоящий момент, Россия имеет большой потенциал к его росту, главным образом за счет ненасыщенного внутреннего рынка. Доказано, что для развития автомобильной промышленности как одной из инновационных отраслей в стране существуют все необходимые предпосылки. Причем приоритетным направлением развития автомобильной отрасли является создание производств полного цикла с привлечением иностранных инвестиций.

Мерам по привлечению и регулированию ПИИ в статье уделяется большое внимание, что обусловлено их взаимосвязью с инструментами торговой политики, поскольку производство капиталоемких товаров, в частности автомобилей, требует импорта комплектующих, а ПИИ, в свою очередь, способствуют развитию экспорта готовой продукции. Принятые Россией обязательства в сфере автомобилестроения включают снижение пошлины на ввоз автомобилей, пересмотр условий инвестиционных программ и правил функционирования особых экономических зон. Наиболее остро в настоящее время стоит вопрос об утилизационных сборах, который стал причиной торгового спора с Европейским союзом и может по итогам разбирательства привести к компенсационным мерам в отношении российских товаров.

В статье сформулированы рекомендации по применению инструментов внешнеэкономической политики, направленные на: повышение конкурентоспособности российского автомобилестроения, включая рационализацию импорта и привлечение новых технологий за счет диверсификации таможенных ставок по отдельным группам автокомпонентов; снижение налога на прибыль; постепенное уменьшение значения фискальной функции таможенного тарифа; обеспечение стабильности и транспарентности инструментов внешнеэкономической политики; упрощение таможенных процедур.

Ключевые слова: торговая политика, ВТО, автомобильная промышленность, таможенные пошлины, утилизационный сбор, инвестиционные программы.

Важным этапом для России стало присоединение в 2012 г. к Всемирной торговой организации. С этого момента таможенно-тарифная политика страны должна формироваться с учетом требований ВТО. Одним из наиболее дискуссионных вопросов на протяжении переговоров о присоединении, а также по итогам первого года членства России в ВТО стал вопрос регулирования автомобильного рынка.

Традиционно автомобильная отрасль является важной для российской экономики с точки зрения обеспечения рабочих мест на предприятиях, производящих автомобили и комплектующие, в дилерских компаниях, а также дополнительной занятости на предприятиях смежных отраслей. Автомобилестроение и производство автокомпонентов являются высокотехнологичными и наукоемкими отраслями, что обусловлено необходимостью постоянного совершенствования продукции, внедрения инноваций, инвестиций в исследования и разработки. Все это подтверждает важность развития автомобильного производства в стране.

Доля России в мировом экспорте автомобильной продукции является крайне незначительной и составляет 0,29% [3], в мировом производстве – 2,7% [1]. По этим показателям Россия уступает как развитым странам, так и государствам с формирующимися рынками. В то же время Россия является привлекательным рынком сбыта: доля в мировом импорте – 3% (39 млрд. долл.) при среднегодовых темпах прироста в 2000-е гг. – 22% (в докризисном 2007 г. – 65%) [3]. В этой связи на протяжении последних лет остро стоит вопрос о необходимости регулирования автомобильного рынка, в том числе с помощью инструментов торговой политики.

Роль торговой политики в обеспечении конкурентных преимуществ российских производителей автомобилей

В настоящее время уровень защиты национальных производителей от иностранной конкуренции достаточно высок: импортные пошлины на новые автомобили были повышены в 2009 г. с 25% до 30% и снова снижены до 25% с момента присоединения России к ВТО. В 2010 г. вступил в силу новый технический регламент «О безопасности колесных транспортных средств». Для финансирования текущей деятельности предприятий в 2009-2010 гг. отрасль получила от государства 170 млрд. руб.

Для определения роли мер торговой политики в развитии российского автомобильного рынка можно провести SWOT-анализ конкурентных преимуществ национальных производителей. Он является одним из самых распространенных методов комплексной оценки внутренних и внешних факторов, влияющих на рыночное положение предприятий, включает изучение сильных и слабых сторон национальных производителей, выявление благоприятных возможностей, предоставляемых внешним окружением, и установление потенциальных угроз, исходящих из внешнего окружения (см. Табл. 1).

Таблица 1

SWOT-анализ конкурентных преимуществ российских производителей автомобилей

Сильные стороны	Возможности
– богатая сырьевая база; – квалифицированная и недорогая рабочая сила; – рост покупательной способности российских потребителей; – обширный ненасыщенный внутренний рынок; – выгодное географическое положение.	– сотрудничество с передовыми компаниями развитых стран; – доступ к передовым технологиям иностранных партнеров; – наращивание экспорта товаров, произведенных в рамках совместных предприятий; – налаживание производства компонентов и комплектующих внутри страны.
Слабые стороны	Угрозы
– технологическое отставание; – низкая производительность труда; – невысокое качество продукции; – отсутствие компонентной базы; – нестабильность спроса в кризисных условиях; – высокий уровень налогообложения; – недостаток инвестиций; – неразвитая инфраструктура; – несовершенство законодательной базы, регулирующей внешнеэкономическую деятельность; – несбалансированная структура международной торговли; – интенсивная конкуренция со стороны иностранных товаров.	– вытеснение национальных товаров импортными после снижения таможенных барьеров согласно требованиям ВТО; – уменьшение притока ПИИ в связи со снижением таможенных пошлин, делающим условия для импорта продукции более выгодными.

Важно отметить, что под российскими производителями в настоящее время понимаются все предприятия, осуществляющие производство на территории России. Это не только традиционные российские заводы АвтоВАЗ, предприятия Группы «ГАЗ» и др.), но и предприятия с участием иностранного капитала (Автотор, Автофрамос, Джeneral Моторс, Опель, Ниссан Тойота и Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус в г. Санкт-Петербурге, Форд в Ленинградской области, ПСМА Рус в Калужской области, Фольксваген в Калужской и Нижегородской областях и др.).

Безусловными сильными сторонами России являются богатая сырьевая база и более

дешевая по сравнению с развитыми странами квалифицированная рабочая сила. Кроме того, в 2000-е гг., за исключением кризиса 2008-2009 гг., наблюдался рост экономики и покупательной способности россиян, сопровождающийся ростом цены на нефть и снижением инфляции, появился ряд кредитных программ. Уже в 2011-2013 гг. началось преодоление кризисных тенденций, стал наблюдаться экономический рост и положительная динамика развития автомобильного рынка. Насыщенность рынка РФ автомобилями значительно отстает от развитых стран и многих стран с формирующимися рынками, что означает наличие большого потенциала к дальнейшему росту продаж. В 2012 г. на 1000 россиян приходилось 260 легковых автомобилей. Для сравнения: в Европейском союзе на 1000 человек приходится 483 автомобиля [2], в США – 641 автомобиль, в Южной Корее – 301 [4].

Выгодное географическое положение регионов, производящих автомобили, обусловленное, прежде всего, близостью к европейскому рынку, открывает инвесторам перспективы наращивания экспорта в страны ЕС после насыщения автомобилями российского рынка. Сильные стороны указывают на возможность развития собственного конкурентоспособного производства с привлечением ПИИ, что подтверждает и успех ряда стран с формирующейся экономикой. Создание сборочных производств с участием ведущих зарубежных автомобильных компаний способно обеспечить применение передовых технологий менеджмента, маркетинга и производства автомобильной техники, создание новых рабочих мест и закрепление страны на мировом рынке.

Соответственно, благоприятные возможности, которые предстают перед российскими заводами, включают:

- сотрудничество с передовыми компаниями развитых стран;
- доступ к передовым технологиям иностранных партнеров;
- наращивание экспорта товаров, произведенных в рамках совместных предприятий;
- налаживание производства компонентов и комплектующих внутри страны. Доля автомобилей, собранных в России, в общих продажах значительно увеличилась за последние несколько лет, главным образом за счет повышения таможенных пошлин в 2009 г.

В то же время слабые стороны российских производителей обуславливают необходимость регулирования импорта иностранной продукции и ПИИ. Среди них: 1) технологическое отставание; 2) невысокое качество продукции; 3) низкая производительность труда; 4) отсутствие достаточного количества производящихся комплектующих. Кроме того, кризис 2008–2009 гг. показал, что спрос на автомобили не стабилен и зависит от многих факторов, в том числе цены на нефть, уровня инфляции, кредитных программ и т.д. Для развития обрабатывающей промыш-

ленности необходимо дальнейшее снижение налоговой нагрузки. Еще одним неблагоприятным фактором является высокая стоимость капитала в России по сравнению с другими странами.

Соответственно, важным шагом в стимулировании ПИИ является создание приемлемых условий предоставления долгосрочных и среднесрочных кредитов для промышленных предприятий, снижение ставки межбанковского кредита для производственных инвестиций коммерческих банков. Перегруженная транспортная инфраструктура, необходимая для доставки машин и комплектующих в города России (контейнерные порты, терминалы, железнодорожное и автотранспортное сообщение), также требует совершенствования в соответствии с имеющимся спросом.

В этой связи применение инструментов торговой политики должно быть нацелено на:

- рационализацию импорта и привлечение новых технологий, включая реализацию принципа эскалации таможенного тарифа с целью снижения издержек производителей и стимулирования организации конкурентоспособного производства в России;
- постепенное уменьшение значения фискальной функции таможенного тарифа;
- применение нетарифных мер и инструментов регулирования внутреннего рынка;
- обеспечение стабильности и транспарентности инструментов внешнеэкономической политики; упрощение таможенных процедур.

Наращивание экспорта отечественной автомобильной продукции требует объединения усилий государственных структур и деловых кругов, создание механизма предоставления финансовой, налоговой, консультационной, аналитической и дипломатической помощи российским компаниям. Необходимые меры включают кредитование и страхование экспорта с участием государства, сертификацию российских товаров с целью облегчения их доступа на внешние рынки, предоставление скидок на экспортные перевозки, налоговых льгот экспортерам в форме возврата ранее уплаченных пошлин (в случае использования в производстве экспортной продукции импортных компонентов).

Даже с учетом переходного периода для приведения торговой политики в соответствие с требованиями ВТО, основными угрозами в настоящее время являются ужесточение конкуренции со стороны импортных товаров и вытеснение национальных товаров импортными, а также уменьшение притока ПИИ в связи со снижением таможенных пошлин, делающим условия для импорта продукции более выгодными. Таким образом, SWOT-анализ выявил сильные и слабые стороны российских производителей. Обеспечение конкурентных преимуществ национальных производителей важно с точки зрения обеспечения национальной экономической безопасности страны, формирования технологического облика российской экономики,

определяющего ее конкурентные преимущества по отношению к ведущим развитым странам и странам с формирующимися рынками. Важную роль в обеспечении конкурентоспособности отечественных предприятий играет государственная поддержка и защита их интересов на внутреннем и внешнем рынке, развитие производств на территории страны с привлечением иностранного капитала, причем новым фактором является приведение мер торговой политики в соответствие с правилами ВТО.

Обязательства России в рамках ВТО в сфере автомобильной промышленности

Таможенные пошлины и утилизационные сборы. Принятые Россией обязательства в сфере автомобилестроения повлекли за собой снижение пошлины на ввоз новых автомобилей с 30% до 25% с момента присоединения к ВТО. В течение последующих семи лет они должны быть снижены до 15%. При этом пошлины на старые автомобили (бывшие в употреблении от 3 до 7 лет) сохраняются на уровне 20% после снижения с 25% в течение переходного периода.

Однако одновременно со снижением пошлин было объявлено о введении так называемого утилизационного сбора, который стали обязаны платить импортеры легковых и коммерческих автомобилей. Защита рынка с помощью утилизационных сборов противоречит нормам ВТО и поэтому незамедлительно вызвала жалобы со стороны основных торговых партнеров России. В июле 2013 г. Евросоюз подал официальный запрос о начале консультаций по вопросу о несоответствии данного сбора положениям ВТО. Практика ВТО показывает, что большинство споров обоюдно разрешаются сторонами на стадии консультаций, на которые отводятся 60 дней, либо в ходе разбирательства до принятия решения третейской группы.

Несмотря на принятие в октябре 2013 г. законопроекта о введении утилизационного сбора для российских автопроизводителей, Евросоюз попросил ВТО создать специальную третейскую группу, чтобы провести разбирательство спора с Россией. Требования ЕС включают отмену сбора или его зависимости от производителя, объема двигателя и возраста автомобиля. В случае сохранения утилизационного сбора Россией и признания претензий правомерными, ЕС получит право ввести компенсационные меры в отношении российских товаров. Например, повысить пошлины, чтобы компенсировать ущерб, который понесли европейские производители за время действия сбора (речь идет о сумме, взимаемой с импортеров и части российских производителей, не принявших на себя обязательство по утилизации своей продукции, в размере 54 млрд руб. в год) [5].

Условия инвестиционных программ. В настоящее время согласно Автомобильной инвестиционной программе №1 объем производства для иностранных компаний должен составлять

не менее 25 тыс. автомобилей в год, а локализация производства комплектующих в России – 50%; согласно Программе №2 – 300 тыс. автомобилей и 60% соответственно. В рамках договоренностей с ВТО условия действующих инвестиционных программ были пересмотрены, поскольку согласно требованиям Организации, нормативы, устанавливающие долю товаров местного производства в конечном продукте, долю импортируемых деталей, а также экспорта произведенной продукции, приравниваются к количественным ограничениям и являются запрещенными.

В ходе переговоров было решено, что заключенные соглашения остаются в силе, но расчет уровня локализации будет осуществляться применительно к фактической цене автомобиля на складе с учетом НДС и прочих налогов. Таким образом, доля российских деталей не будет превышать 35% от общей стоимости. Кроме того, предусматривалось, что не позднее 1 июля 2016 г. Российская Федерация начнет консультации с заинтересованными членами Организации относительно соответствующих ВТО мер, которые могут применяться в связи с Инвестиционными программами №1 и №2, и не менее чем за 6 месяцев уведомит членов Организации о замене мер, не соответствующих правилам ВТО. После 1 июля 2018 г., когда закончится срок действия всех соглашений о промышленной сборке, правила ВТО в отношении регулирования деятельности предприятий с участием иностранного капитала будут применяться в полном объеме.

В связи с тем, что с 1 июля 2018 г. инвесторы будут вынуждены уплачивать полную ставку ввозной пошлины при импорте комплектующих в соответствии с правилами ВТО, для обеспечения Россией своих обязательств по соглашениям об инвестиционном режиме промышленной сборки был принят закон «О государственной поддержке производителей моторных транспортных средств, их узлов и агрегатов». Согласно этому документу, государство берет на себя обязательства по компенсации из федерального бюджета потерь инвесторам. Условия, размер, сроки и порядок предоставления субсидий будут установлены правительством РФ.

В настоящее время требования по локализации на территории России не выполняются полностью: иностранным автопроизводителям выгоднее импортировать комплектующие. По состоянию на 2013 г. самый высокий уровень локализации у Автофрамоса – 75%, завода «Фольксваген Груп Рус» – 50% и «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус» – 47%. Уровень локализации комплектующих на российских заводах «Форд Соллерс», «Ниссан Мануфактуринг Рус» и «ПСМА Рус» составляет около 30%. Уровень локализации других предприятий не превышает 15–20%.

Для развития производства автокомпонентов в стране необходим действенный механизм контроля над ходом локализации производства

и поощрение создания совместных предприятий с зарубежными производителями и консолидации.

Особые экономические зоны. В рамках мер по улучшению инвестиционного климата важная роль отводится созданию свободных экономических зон. Под ОЭЗ понимается «часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны» [6]. В условиях повышенной конкуренции в области привлечения иностранных инвестиций, предоставление торговых, налоговых, финансовых льгот в рамках экономических зон позволяет интенсифицировать процесс мобилизации капитала (как российского, так и иностранного) в автомобильной отрасли.

В условиях ОЭЗ работает калининградское ЗАО «Автотор». В настоящее время здесь выпускаются автомобили «БМВ», «Киа», «Дженерал Моторс». В 1996 г. Автотор получил десятилетний льготный режим, который предусматривал возможность беспошлинно ввозить автомобильные комплектующие и осуществлять отверточную сборку. Тем не менее, перехода на промышленную сборку, включающую сварку, окраску и штамповку, так и не произошло. В 2007 г. исключительный статус ЗАО «Автотор» был продлен еще на 10 лет. При этом Автотор получил налоговые и таможенные льготы, освобождение от сборов, поступающих в областной бюджет, а также льготу по арендной плате за землю.

Однако если налоговые преференции, предоставленные предприятию при его создании, можно назвать оправданными, то в настоящее время, следует стимулировать на нем промышленную сборку. В противном случае другие предприятия (Автофрамос, Форд, Дженерал Моторз-АвтоВАЗ и др.) оказываются в менее выгодном положении, что негативно сказывается на инвестиционном климате страны и нарушает принцип равноправия сторон, принятый странами-участницами ВТО. Соответственно, ОЭЗ необходимо привести в соответствие с правилами Организации.

В то же время Соглашением о субсидиях и компенсационных мерах разрешается поддержка неблагополучных в социально-экономическом отношении регионов. Также, в ОЭЗ возможна поддержка российских предприятий с помощью механизмов налогово-бюджетного

регулирования, которое не попадает под правила ВТО. Согласно поправкам в закон №116-ФЗ, действующим с 1 января 2012 г., в промышленных ОЭЗ региональная часть налога на прибыль может быть снижена до нуля. Для сохранения преимуществ производителей Калининградской ОЭЗ могут быть разработаны различные меры экономического стимулирования. Например, рассмотреть вопрос заключения специального соглашения по ОЭЗ в Калининградской области по аналогии с Ирландией (свободная экономическая зона «Шеннон») или ассоциированного членства в ВТО по аналогии с Гонконгом [10].

Правительственные закупки. На момент присоединения к ВТО Россия не взяла на себя обязательства по участию в Соглашении о государственных закупках, которое относится к числу так называемых соглашений с ограниченным количеством участников, и рассмотрит возможность участия в нем в течение четырех лет. По правилам Соглашения, государственные организации должны предоставлять справедливые и равные возможности продажи своей продукции национальным и иностранным поставщикам. Соответственно, в настоящее время за счет государственных закупок существует возможность увеличения спроса на продукцию отечественных автопроизводителей. В 2009 г. с учетом необходимости обновления автопарка социальных отраслей, милиции, Министерства обороны, МЧС, было принято решение увеличить государственные закупки автомобильной техники, и выделено на эти цели 12,5 млрд руб. Помимо стимулирования спроса, эта мера нацелена на обновление парка автотранспорта общественного пользования, повышение его качественных характеристик, экологичности и безопасности.

Для развития автомобильной промышленности и роста конкурентоспособности российской экономики в целом должны быть предприняты меры по обеспечению благоприятного инвестиционного климата для привлечения прямых иностранных инвестиций в производство автомобилей и автокомпонентов с целью развития в России производства полного цикла. Для этого также необходимо диверсифицировать таможенные ставки по отдельным группам автокомпонентов, снизить налог на прибыль, привести в соответствие с правилами ВТО такие инструменты внешнеэкономической политики, как утилизационный сбор и соглашение о промышленной сборке.

Список литературы

1. Production statistics [electronic resource] / International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. 2013. URL: <http://oica.net/category/production-statistics/> (Accessed 10 September 2013).
2. The automobile industry pocket guide [electronic resource] / European automobile manufacturers association. 2013. URL: http://www.acea.be/images/uploads/files/POCKET_GUIDE_13.pdf (Accessed 12 July 2013).
3. World Trade Organisation. International trade statistics [electronic resource] / WTO. 2012. URL: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its2012_e.pdf (Accessed 10 September 2013).
4. Автомобильный рынок России и СНГ. Обзор отрасли [электронный ресурс] // Ernst and Young. 2013. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-industry-overview-2012-RUS/\\$FILE/Automotive-industry-overview-2012-RUS.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-industry-overview-2012-RUS/$FILE/Automotive-industry-overview-2012-RUS.pdf) (дата обращения 20.09.2013).
5. Дума в первом чтении одобрила утилизационный сбор для автопроизводителей РФ [электронный ресурс] // РБК. – 2013. – 8 октября. – URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20131008171656.shtml?utm_source=send&utm_medium=email&utm_campaign=rbc (дата обращения 08.10.2013).
6. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон № 116-ФЗ от 22 июля 2005 г. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия 4012.00.43. Режим доступа: локальный. Дата обновления 23.07.2013.

Об авторе

Петрова Марина Алексеевна – заместитель директора Фонда развития МГИМО, аспирант кафедры МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России. E-mail: marina.a.petrova@gmail.com

THE PROBLEMS OF BRINGING RUSSIAN TRADE POLICY IN LINE WITH WTO REQUIREMENTS

M.A. Petrova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes the role of trade policy in ensuring the competitiveness of the automotive industry – one of the most sensitive to the changes of economic conditions and important for providing national economic security – and finding a balance between the need to regulate the internal market and the implementation of the commitments under WTO. The analyze of the current condition of the Russian automotive industry has shown that, despite the low share in the world production and exports, Russia has a great potential for growth, mainly due to the unsaturated domestic market. It is proved, that the development of the automotive industry as one of the innovative industries in the country has all the necessary terms. Moreover, the priority areas for the development of the automotive industry include, first of all, the creation of a full range production with foreign investment. Measures of attracting and regulating FDI received much attention due to their relationship with the instruments of trade policy, as the production of capital goods, particularly automobiles, require imports of components, and FDI, in turn, promote the export of finished products. The commitments taken by Russia in the automotive industry include reduction of duties on imported cars, the renegotiation of investment programs and rules for the functioning of special economic zones. At present, the most acute question is car recycling tax, which has led to a trade dispute with the European Union, and may lead to countervailing measures against Russian goods. Considering WTO rules, recommendations on the use of the most effective instruments of foreign policy, aimed at improving the competitiveness of the Russian automotive industry, were made, including the rationalization of import and the attraction of new technologies due to the diversification of customs duties on certain groups of automotive components, lowering income taxes, a gradual decrease of the fiscal functions of the customs tariff; the stability and transparency of the instruments of trade policy and simplification of customs procedures.*

Key words: trade policy, WTO, automobile industry, customs duties, car recycling tax, investment programs.

References

1. Production statistics / International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. 2013. Available at: <http://oica.net/category/production-statistics/> (Accessed 10 September 2013).
2. The automobile industry pocket guide / European automobile manufacturers association. 2013. Available at: http://www.acea.be/images/uploads/files/POCKET_GUIDE_13.pdf / (Accessed 12 July 2013).
3. World Trade Organisation. International trade statistics / WTO. 2012. Available at: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its2012_e.pdf. (Accessed 10 September 2013).
4. Avtomobil'nyi rynek Rossii i SNG. Obzor otrasli [Automobile market of Russia and CIS. Industry profile] // Ernst and Young. 2013. Available at: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-industry-overview-2012-RUS/\\$FILE/Automotive-industry-overview-2012-RUS.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Automotive-industry-overview-2012-RUS/$FILE/Automotive-industry-overview-2012-RUS.pdf) (Accessed 20 September 2013). (in Russ.).
5. Duma v pervom chtenii odobrila utilizatsionnyi sbor dlia avtoproizvoditelei RF [The Duma approved in the first reading car recycling tax for Russian automakers] // RBC. 2013. Available at: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20131008171656.shtml?utm_source=send&utm_medium=email&utm_campaign=rbc (Accessed 08 October 2013). (in Russ.).
6. Ob osobykh ekonomicheskikh zonakh v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon № 116-FZ ot 22 iul'ia 2005 g. [About special economic zones in Russian Federation: Federal law №116-FZ dated 22 July 2005] // Spravochno-pravovaia sistema «Konsul'tantPlus» [Legal-reference system "ConsultantPlus". Version 4012.00.43. Revision date: 23 July 2013. (in Russ.).

About the author

Marina A. Petrova – deputy-director of MGIMO Endowment, PhD Student of the Department of MGIMO (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: marina.a.petrova@gmail.com

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА БЫСТРОРАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

А.Н. Вергун

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Данная статья посвящена анализу феномена стран БРИКС, причин и предпосылок возвышения, а также стремления к объединению данных стран в начале XXI в., в связи с чем автор в ней:

- обозначает сотрудничество БРИКС как новый формат интеграции стран-лидеров быстроразвивающегося мира;
- прослеживает историю появления на мировой арене сначала БРИК, а в дальнейшем БРИКС;
- анализирует политические и экономические взаимодействия данных стран внутри блока, а также с остальными странами мира;
- рассматривает специфику отношений между государствами этой группы в различные периоды истории последних десятилетий;
- исследует реакцию Запада на появление данной интеграционной группировки.

В заключение автор приходит к выводу, что современный мир вступает в новую эпоху своего развития.

Он становится более демократичным, более открытым для взаимодействия различных акторов. На сцену выходят новые глобальные игроки, меняющие прежние правила международной жизни, создающие новые возможности развития для себя и других. Большую роль в этом мире будут играть не столько интеграционные группировки регионального уровня, но в большей степени такие структуры трансконтинентального характера, как БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, интеграционные процессы, международная интеграция, глобализация, экономическая корпорация, геополитический баланс.

Мировая экономическая и финансовая архитектуры переживают нелегкие времена. К ключевым особенностям современной международной обстановки можно отнести нестабильность, разбалансированность и кризис глобального регулирования. Мировой экономический спад многократно усилил эти проявления, нанеся вред в первую очередь зонам традиционного развития. Надежды на то, что западные страны самостоятельно найдут внутренние резервы и стабилизируют мировой порядок, все больше ослабевают.

Однако у каждой монеты есть обратная сторона, следовательно, у финансово-экономического кризиса есть свои положительные моменты. Влияние мирового кризиса образно можно сравнить с землетрясением, в результате которого появляются новые горы, холмы и долины. Так и в мире после депрессии происходит перераспределение сил и влияния в пользу развивающихся стран, в том числе стран БРИКС, что приведет мир к подъему и новым экономическим трансформациям. Особое место среди государств с быстроразвивающимися рынками занимают страны БРИКС, которые выступают против сложившегося миропорядка.

Чтобы понять, почему именно страны БРИКС влияют на создание другой, принципиально новой мировой экономики и какие меры они принимают для этого, необходимо ответить на другой вопрос: «Кому мешают страны БРИКС?»

Основой сегодняшней мировой финансовой системы является доллар. Именно в этой валюте осуществляется более пятидесяти процентов сделок в мире и устанавливаются цены на ресурсы. Помимо того что доллар – это основное средство платежа, данная валюта – основное средство накопления государств-субъектов мировой экономики, поскольку больше половины золотовалютных резервов стран хранятся в долларах. При этом реальный объем золота в ЗВР очень мал. Так, в России удельный вес золота в ЗВР составляет всего лишь 10%, все остальное – не обеспеченные ничем бумажные «фантики».

Вы думаете, какой бизнес на земле самый выгодный? Оружие? Наркотики? На деле оказывается, что самый выгодный бизнес – это «раскрашивать бумажки». Но есть нюанс: этот бизнес монополизирован! Действительно, самый прибыльный бизнес – это печатать красивые бумажки, то есть деньги. Определенная группа людей на планете Земля это поняла давно и долго работала над тем, чтобы добыть для себя права печатать деньги для всего мира.

К началу XX в. все основные мировые валюты имели «бумажный» вид и были обеспечены золотом. В таких условиях каждый живет в соответствии с результатами своего труда. Но если отвязать бумажные деньги от обеспечения золотом, то можно печатать их в любом количестве. Главное – грамотно внедрить в сознание людей, что эти цветные бумажки чего-то стоят. Так и начала группа банкиров в США реализовывать свой план, создав 23 декабря 1913 г. Федеральную

резервную систему (ФРС). Так что на самом деле доллар принадлежит акционерному обществу (частной компании) ФРС, акционерами которой являются 12 федеральных резервных банков, которые, в свою очередь, организованы частными банками.

Встает вопрос: «Причем здесь БРИКС? И почему в последнее время США так настороженно относятся к данному объединению?» Ответом на этот вопрос является официально заявленное уже не на одном саммите желание БРИКС ликвидировать либо смягчить сложившиеся в мире так называемые «чрезмерные глобальные дисбалансы». Следует отметить, что страны не только заявили о своем желании, но приводят его в действие. Так вынесенный на рассмотрение на четвертом саммите БРИКС в Дели в 2012 г. вопрос о создании собственного Банка развития БРИКС был согласован. Помимо того, на пятом саммите стран в ЮАР в конце марта 2013 г. было подписано соглашение по валютным свопам между соответствующими странами и дано согласие на подготовку к созданию пула валютных резервов. Данные решения могут стать первыми шагами на пути к переходу от доллара к собственной резервной валюте и расширению диапазона управления глобальной экономикой.

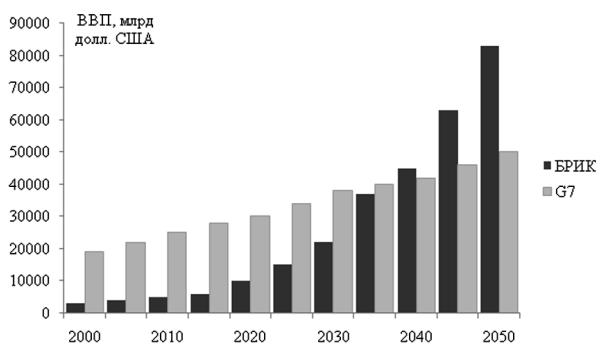
Таким образом, сегодня четко прослеживается, что страны БРИКС стремятся к взаимодействию на международной арене, но, несмотря на это, споры о том, как следует относиться к этому явлению и как его квалифицировать, продолжают. Особенно неоднозначно отношение развитых стран к данному блоку. В этом плане небезынтересно припомнить, как и с чего начинался БРИКС. Термин-акроним «БРИК» был предложен Goldman Sachs в 2001 г. в документе Building Better Global Economic BRICs, Global Economics Paper, № 66, автором которого является лично Джим О'Нилл, руководивший на тот момент отделом глобальных экономических исследований компании. Следует отметить, что сначала были объединены четыре страны – Бразилия, Россия, Индия и Китай, однако в 2010 г. к данной группе стран присоединилась Южно-Африканская Республика, в связи с чем появился термин БРИКС.

С 2001 по 2003 г. акроним не привлекал серьезного внимания ни журналистов, ни экспертов, ни тем более инвесторов, он оставался просто удобным сокращением. С 2003 г. начинается процесс формирования дискурсов вокруг концепта БРИК как среди экономистов из стран-участниц блока, так из других государств. Анализ этих дискурсов показывает, что позиции политического руководства стран-участниц, а также позиции экономистов и экспертных сообществ можно типологизировать как позиции «БРИК-энтузиастов» и «БРИК-скептиков». Следует в первую очередь отметить, что экономистов и аналитиков Goldman Sachs относят к «энтузиастам».

В 2003 г. Goldman Sachs опубликовал документ Dreaming With BRICs: The Path to 2050, Global Economics Paper, № 99. Основной идеей данного

исследования является прогноз об утрате странами «Большой семерки» экономического лидерства к 2050 г. В документе представляется концепция, согласно которой экономики или рынки стран БРИК продолжат свой бурный рост и станут играть еще более важную роль в глобальной экономике в самом ближайшем будущем.

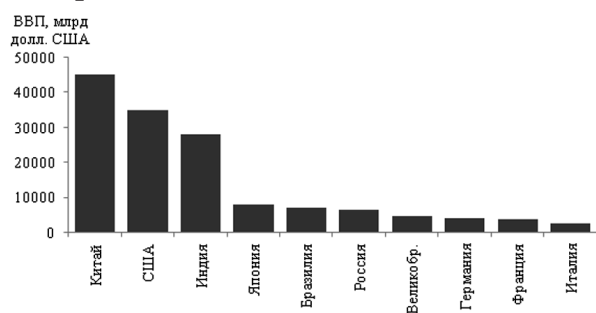
Диаграмма 1
Прогноз роста ВВП стран БРИК и «Большой семерки» в 2000 – 2050 гг. (в млрд долл. США)

Источник: *Dreaming With BRICs: The Path to 2050* // Goldman Sachs Global Economics, Commodities and Strategy Research. – October 2003. – P. 20.

Из диаграмм 1 и 2 видно, что по предположению аналитиков Goldman Sachs Индия обгонит Японию по ВВП уже в 2032 г., а Китай в 2041 г. обойдет США. Россия в течение 50 лет окажется впереди Германии, Франции, Италии и Великобритании. К 2050 г. только США и Япония будут входить в первую шестерку стран по ВВП.

Диаграмма 2
Прогноз объема ВВП стран БРИК в 2050 г. (в млрд долл. США)

Источник: *Dreaming With BRICs: The Path to 2050* // Goldman Sachs Global Economics, Commodities and Strategy Research. – October 2003. – P. 20.

По мнению Джима О'Нилла, самые быстрые темпы роста ВВП для БРИК будут наблюдаться в течение ближайших 30 лет, а потом рост замедлится. При этом наибольшим потенциалом в плане экономического роста обладает Индия, для которой в течение последующих 30 – 50 лет ежегодные темпы прироста ВВП составят около 5%. Это связано с тем, что Индия обладает самым молодым в возрастном отношении населением из всех четырех стран. Поэтому сокращение трудоспособного населения в Индии произойдет позже, чем в других странах БРИК.

Вступивший в острую фазу осенью 2008 г. мировой финансовый кризис и состоявшийся летом 2009 г. саммит стран БРИК в Екатеринбурге стали ключевыми моментами в радикальной трансформации структуры концепта БРИК. По-видимому, эти события стали основополагающими факторами трансформации «картин мира» и моделей будущего стран-участниц блока, что, естественно, нашло отражение и в существенной трансформации дискурса вокруг концепта БРИК.

Ключевым элементом произошедших изменений становится появление метафоры «хорошего кризиса», который трансформирует существовавший до этого «несправедливый» мировой экономический и политический порядок и представляет собой «шанс» для формирования нового глобального порядка, то есть для восстановления справедливости [1, с. 45].

Следующим периодом в истории становления концепции является присоединение к четырем странам Южно-Африканской Республики в 2010 г. Именно в этом году министр международных отношений и сотрудничества ЮАР Маите Нкоане-Машабане во время визита в Пекин для поддержки заявки своей страны на принятие в БРИК искусно использовала нюансы английского языка. В данном случае это было сходство произношения слова «brick» («кирпич») и «BRIC». В частности, она заявила: «If you want to build house, you need more than one BRIC» («Если вы хотите построить дом, то нужен не один кирпич»), добавив, что ЮАР «могла бы прибавить энергии группе БРИК» [8].

По словам посла ЮАР в России Мандиси Мпхалвы (бывшего министра торговли и промышленности, а затем экономического советника президента ЮАР Джейкоба Зумы), стремление ЮАР присоединиться к четверке стран было обусловлено тем, что с самого начала группа БРИК рассматривалась не только как потенциальная сила, которая «возникла, чтобы поделить центральную сцену с ведущими экономическими державами», но и как объединение, стремящееся к созданию справедливого миропорядка, «ценности и чаяния» которого ЮАР разделяла [2, с. 201].

Представляется, что для приема ЮАР в БРИК, помимо высокого показателя ВВП, было еще несколько причин. Одна из них – желание ликвидировать разрыв в географическом смысле. Несомненно, желаемые перемены в мире не могут быть осуществлены без участия Африки. Дело не только в природных ресурсах континента, но и в человеческом капитале (1 млрд человек), и в способности к переменам. Еще одно преимущество ЮАР заключалось в том, что превосходная инфраструктура позволяла ей играть роль «ворот» при продвижении товаров и инвестиций в другие страны африканского континента. И наконец, что не менее важно, она была страной, которая избавилась от режима апартеида и создала подлинно демократическое общество, в связи с чем обладала весомым моральным авторитетом во всем мире [2, с. 205].

Следует отметить, что феномен восхождения стран-гигантов исторически ненов. Достаточно сослаться на прецедент США. Исторический факт заключается в следующем: эффект восхождения одних сопровождается эффектом абсолютного либо относительного нисхождения других. В сложившейся ситуации мирового экономического кризиса в 2008 – 2011 гг. можно отметить относительное торможение экономического роста и технологического обновления в старых странах (США и другие страны «Большой семерки») на фоне опережающего развития экономик стран БРИКС. По прогнозам зарубежных и отечественных аналитиков (сделанным до кризиса 2008 г.), через три десятилетия по абсолютному объему ВВП в лидирующей семерке останутся только США и Япония. Обгон может состояться несколько раньше либо несколько позже (в частности, в зависимости от последствий нынешнего кризиса в мировой экономике). Но дата не настолько важна, как долговременная тенденция и общие ее пропорции.

В рамках этих рассуждений, по мнению автора, будет логично ответить на вопрос: «Почему в так называемых «старых» странах возобладала нисходящая тенденция, а в странах БРИКС – восходящая?». Во-первых, из-за перегрузки экономики непроизводительными расходами (особенно в случае США), в силу избыточной сатурации внутреннего рынка, из-за растущего разрыва между «виртуальной» и «реальной» экономикой, когда «виртуальная» плодит производные производных финансовых инструментов в отсутствие соответствующих институциональных регуляторов [3, с. 9]. Во-вторых, из-за расхождений между мотивациями действий политического руководства и мотивацией поведения бизнеса в условиях глобализации, приводящей к эмиграции производства и соответственно к утере рабочих мест. Еще одно обстоятельство – изменение структуры издержек производства, которое ведет к понижению уровня конкурентоспособности в центрах мировой экономики.

Причиной же восхождения, проявляющегося в странах БРИКС, является ранее упомянутое ключевое значение «критической массы» ресурсного обеспечения, а также структуры издержек производства, которая более благоприятна для высокой динамики экономического роста по сравнению со структурой, присущей традиционным полюсам [4, с. 73]. Несмотря на огромный потенциал, которым обладают страны БРИКС, следует отметить, что каждое из государств имеет как свои особые преимущества, так и слабые места. Очевидные слабые места в российском случае – неблагоприятная демографическая обстановка, малая плотность и низкое качество базовой инфраструктуры. В Китае, Индии и Бразилии – массовая бедность и отсталость в распространении образования.

Общий фон пяти стран – большая степень социальной дифференциации и территориальная диспропорциональность экономического

развития. При высоком ресурсном обеспечении и в Китае, и в Индии ограничителем роста остается энергодефицитность экономики. Еще недавно тем же характеризовалась и ситуация в Бразилии. Но недавнее открытие в этой стране крупных месторождений нефти и газа обещает переход к ситуации энергоизбыточности [3, с. 9]. Конечно же, Россия превосходит остальные страны по обеспечению как энергетическим сырьем, так и многими другими природными ресурсами. Другое преимущество Российской Федерации, так же как и ЮАР, – это достаточно высокий уровень грамотности населения, а также развитие науки.

В Китае и Индии низкий уровень образованности компенсируется наращиванием численности специалистов высшей квалификации, что позволяет решать задачи кадрового обеспечения на перспективных направлениях экономического развития. Также Китай, Индия и Бразилия проявляют в последнее десятилетие способность к преодолению отставания в научно-технической области. Что касается военно-технической области, то здесь лидирующие позиции занимает Россия. К ней приближается Китай. Также догоняет эти страны Индия, которая де-факто становится ядерной державой. Бразилия, хотя и владеет полным циклом ядерной технологии, все-таки придерживается сдержанной позиции.

Если рассматривать страны БРИКС с точки зрения динамики экономического роста, то несомненным лидером уже в течение последних двух десятилетий будет Китай (7,8–2012 г., 9,2%–2011 г., 10,4%–2010 г.) Менее высокие темпы роста, но превосходящие среднемировые демонстрируют Россия (3,4% – 2012 г., 4,3% – 2011 г., 4,3% – 2010 г.) и Индия (6,5% – 2012 г., 6,8% – 2011 г., 10,1% – 2010 г.). На фоне показателей этих трех стран темпы экономического роста в Бразилии и ЮАР были наименьшими. В 2010 г. темпы роста Бразилии повысились до 7,5%, однако в 2011 г. опять снизились до 2,7%, в 2012 г. составили всего 1,3%. В ЮАР темпы роста ВВП в 2011 г. составляют 3,1%, в 2012 г. – 2,6% [9].

Немаловажным является и тот факт, что в условиях мирового кризиса торможение роста ВВП происходит во всех странах группы БРИКС, в Китае и Индии – практически вдвое. В России, не успевшей завершить до кризиса консолидацию своей хозяйственной системы, разбалансированной в 1990-х гг. и не сумевшей предпринять стратегический разворот в сторону инновационной модели, также наблюдался заметный спад (темпы роста ВВП в 2009 г. составляли – 7,8%) [9].

Также в группе БРИКС имеется ряд общих преимуществ, значение которых особенно возросло в условиях мирового экономического и финансового кризиса. Автор выделяет следующие наиболее важные преимущества:

- многоотраслевой промышленный комплекс;
- ключевая роль внутреннего рынка;
- особо значимая, исторически обусловленная и направляющая роль государства.

Еще недавно считалось, что общей слабостью экономик стран БРИКС, препятствующей вхождению в круг мировых лидеров, являлось отсутствие мощных структур транснационального бизнеса, выросших на национальной почве. Но в последнее время данная ситуация меняется. Примерами тому являются компьютерный гигант Lenovo и финансовая группа CITIC (Китай), промышленная группа TATA Industries и нефтегазовая компания ONGC (Индия), горнодобывающая THK CVRD и нефтегазовая Petrobras (Бразилия). Гигант в сфере телекоммуникаций MTN Group и в розничной торговле Steinhoff International (ЮАР). В России можно выделить такие компании, как «Газпром», «Лукойл», «Русал», «Северсталь», ВымпелКом и «Норникель».

Несмотря на то что количество корпораций и банков из стран БРИКС в списке мировых гигантов еще пока невелико, их доля увеличивается с каждым годом. Западные аналитики с тревогой стали говорить, что темпы роста транснационалов из зоны БРИКС существенно превосходят темпы роста THK, базирующихся в старых центрах мировой экономики [3, с. 11]. Показательным фактом является то, что сфера деятельности этих корпораций не сосредоточена только на развивающихся рынках, а все больше распространяется на рынки развитых стран. Пошатнувшиеся в США, Канаде, Западной Европе активы скупаются китайскими, индийскими и бразильскими THK. Есть примеры подобных инвестиций и со стороны российских и южноафриканских компаний.

Следует отметить, что помимо сторонников концепции БРИКС есть достаточное количество экономистов и аналитиков, расценивающих БРИКС как некую виртуальную группу, лишенную объективных основ для активного взаимодействия. По мнению автора, такой взгляд продиктован инерционностью мышления, так как в размышлениях скептиков прослеживаются в большей степени представления вчерашнего дня. Один из аргументов скептиков в подтверждение виртуальности БРИКС связан с тем, что эта группа не институционализирована должным образом. Но на сегодняшний день такая точка зрения тоже устарела, так как события развиваются и на этом направлении. Более того, посол Бразилии в России Карлос Антонио да Роша Параньюс по этому вопросу высказал свою точку зрения на конференции, прошедшей в МГИМО(У) 9–10 ноября 2011 г. Он считает, что страны БРИКС могут рассматриваться как эффективный механизм политической координации и экономического сотрудничества без жестко формализованной структуры. Данный механизм обеспечивает гибкость и динамизм деятельности группы в деле выработки общих позиций по наиболее важным международным вопросам – без ущерба для собственной повестки дня каждой страны и, принимая во внимание, что каждое государство по-разному представлено в различных международных организациях.

Институционализация взаимодействия, формирование консультационного механизма

исходили от разных отправных точек. На евроазиатском пространстве происходило сближение Китая и России, институционально реализовавшееся в рамках ШОС. Затем к процессу подключилась Индия, получив статус наблюдателя. Это благоприятствовало возникновению механизма постоянных политических консультаций в формате РИК (Россия – Индия – Китай) на уровне министров иностранных дел [5, с. 55].

Экономической основой «стратегического треугольника» является разностороннее торговое, научно-техническое, производственное и другое сотрудничество между Россией, Индией и Китаем, которое в 1990–2000 гг. развивалось по восходящей линии. По мнению ряда политологов, укреплению стратегического партнерства трех стран способствует их экономическая взаимодополняемость [6, с. 501]. Помимо того, в 2003 г. появилось объединение IBSA, в состав которого вошли Бразилия, Индия, ЮАР. Отчетливо прослеживается, что связующим звеном для Бразилии и Нью-Дели в созданной конструкции служит ЮАР, что говорит о стратегическом интересе обеих стран укрепить свои позиции на африканском континенте. Первоначальной целью создания IBSA являются совместные решения экономических и социально-гуманитарных проблем. Также в последнее время приоритетной целью является проведение мероприятий по обеспечению международной безопасности в сопредельных зонах стратегического контроля. Показательно, что уже в момент создания IBSA в устах «отцов-основателей» звучал тезис о том, что IBSA – организация, открытая для таких стран, как Россия и Китай [3, с. 18].

С 2005 г. ежегодно проводятся встречи министров иностранных дел на Генассамблее ООН в формате БРИК (а с 2011 г., после присоединения ЮАР, в формате БРИКС). Решающим рубежом следует считать совещание министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая, проведенное в мае 2008 г. в Екатеринбурге. На нем было согласовано проведение скоординированной политики по ключевым глобальным проблемам. В конце 2008 г. в Бразилии прошла встреча министров финансов «четверки». А 16 июня 2009 г. прошел первый официальный саммит БРИК в Екатеринбурге. По итогам саммита главы государств группы БРИК приняли Совместное заявление, а также отдельный документ по глобальной продовольственной безопасности.

Второй саммит БРИК прошел в столице Бразилии – Бразилиа 15 апреля 2010 г. Участники саммита обсудили такие темы, как:

- взаимодействие в контексте международных усилий по преодолению глобального финансово-экономического кризиса и задач посткризисного развития, в том числе в рамках процессов саммитов «Группы двадцати»;

- актуальные вопросы противодействия новым вызовам и угрозам, включая международный терроризм и ядерную безопасность в контексте вашингтонского саммита;

- проблематика изменения климата;
- новые перспективные направления сотрудничества в формате БРИК.

Среди региональных вопросов были иранская ядерная программа, ближневосточное урегулирование и ситуация на Гаити. По итогам консультаций лидеры БРИК приняли Совместное заявление, в котором отразили общее видение современного этапа мирового развития. Кроме того, в рамках саммита Внешэкономбанк, Банк развития Китая, Национальный банк социально-экономического развития Бразилии и Экспортно-импортный банк Индии подписали Меморандум о сотрудничестве. В документе идет речь о взаимодействии уполномоченных государственных финансовых инструментов стран-членов БРИК по вопросам финансирования проектов, в том числе в сфере высоких технологий, инноваций, энергосбережения. Меморандум стал первым практическим документом в формате БРИК, ориентированным на создание инфраструктуры финансового обеспечения многостороннего торгово-экономического и инновационного сотрудничества четырех стран.

14 – 16 апреля 2011 г. в Китае прошел первый саммит в формате «пятерки» – с участием ЮАР. Из итогов саммита необходимо в первую очередь выделить следующее. На встрече в Санье лидеры БРИКС определили место этого форума в современной международной системе, сформулировали принципы его функционирования. «БРИКС служит одной из главных платформ диалога и сотрудничества в сферах экономики финансов и развития. Мы твердо настроены на дальнейшее укрепление партнерства в рамках БРИКС в интересах общего развития и дальнейшего постепенного продвижения сотрудничества между членами БРИКС на основе прагматичного подхода и в соответствии с принципами открытости, солидарности и взаимопомощи. Мы подтверждаем, что такое сотрудничество носит инклюзивный характер и не направлено против какой-либо третьей стороны. Мы открыты к наращиванию взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС, в особенности со странами с формирующейся рыночной экономикой и развивающимися странами, а также соответствующими международными и региональными организациями», – заявили участники встречи в итоговой Декларации.

Основной акцент в своей деятельности на данном этапе БРИКС делает на финансово-экономических вопросах, входящих в компетенцию «Группы двадцати». Это вполне обоснованно. Во-первых, в данной сфере у всех стран БРИКС сложилась общность интересов стратегического характера. Партнеры по форуму выступают за глубокую реформу финансово-экономической архитектуры, за ее приведение в соответствие с новыми реалиями мировой экономики, в которой появились и успешно развиваются сразу несколько новых центров силы. Образно говоря, БРИКС – это альянс реформаторов международных финансово-экономических отношений. Указанный мощный коренной инте-

рес служит мощным стимулом к долговременному сотрудничеству государств, расположенных на четырех континентах и имеющих разную историю.

Во-вторых, как показали события глобального финансово-экономического кризиса, от «конструкции» мировой финансово-экономической системы в огромной мере зависит уже не только международная экономическая безопасность, но и международная безопасность в широком смысле слова. Сохранение архаичной системы, которая не смогла ни предвидеть кризис, ни предпринять эффективные меры для его предотвращения или хотя бы локализации, просто рискованно. Ведь мировое сообщество не может позволить себе второго глобального кризиса схожих масштабов, особенно с учетом того, что социальные и экономические последствия кризисных событий 2008 – 2009 гг. еще не ликвидированы полностью, а их глубинные причины не устранены [7, с. 32].

Помимо расширения географического охвата происходит расширение поднимаемых проблем в рамках форума. Если раньше на первый план выходили экономические вопросы, теперь в повестке дня стали выделяться и международные вопросы, например поддержка Японии, пострадавшей после землетрясения и угрожающей региону ядерным заражением. Также были подняты проблемы продовольственного рынка и климатические изменения. В рамках данного форума страны БРИКС подписали меморандум о сотрудничестве государственных финансовых институтов развития. По словам главы Внешэкономбанка В.А.Дмитриева, этот документ является первым практическим шагом к использованию национальных валют для взаимного кредитования.

В марте 2012 г. в Индии состоялся четвертый саммит БРИКС. Его участники обменялись мнениями о состоянии мировой экономики, реформах институтов глобального управления и проблематике международной стабильности и безопасности. По итогам саммита была обнародована Делийская декларация. Основным наиболее важным пунктом декларации стало пятистороннее «Генеральное соглашение об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС». Банки пяти государств теперь могут финансировать друг друга и совместные проекты в национальных валютах, что позволит странам БРИКС продвинуться в укреплении статуса своих валют.

Алгоритм работы выглядит так: банки развития БРИКС будут вкладывать средства в единый банк, который будет инвестировать их в проекты развития, давать кредиты малому и среднему бизнесу, реализовывать инфраструктурные проекты, инвестировать в другие развивающиеся страны [8]. В дальнейшем движение будет идти от взаимных расчетов к общей экономической политике. Валютное обособление БРИКС, по мнению участников саммита, не означает замкнутость внутри только этой группы стран. Наоборот, отказ от доллара и евро позволит Бразилии, России, Индии, Китаю и ЮАР выступить с согласованной неза-

висимой позицией по многим международным вопросам, в том числе и внутри группы G-20. Следует отметить хорошие перспективы: в 2012 г. страны БРИКС добились увеличения своей доли во Всемирном банке с 44 до 47%. Доля стран БРИКС в МВФ также выросла с 39,5 до 42,25 %.

В марте 2013 г. в Дурбане (ЮАР) прошел пятый саммит стран БРИКС, на котором страны-члены подписали Этеквинскую декларацию и план действий, а также декларацию об учреждении консорциума экспертных центров стран БРИКС. В присутствии лидеров было подписано многостороннее соглашение о софинансировании сотрудничества в сфере зеленой экономики, а также соглашение о софинансировании инфраструктурных проектов в Африке и декларация о создании Делового совета БРИКС.

Основным решением, принятым на саммите в ЮАР, стало создание Банка развития БРИКС, обсуждавшееся на саммите в Нью-Дели. Данная мера сможет не только способствовать финансированию строительства инфраструктуры в странах-участницах данного формата, но будет также содействовать распространению практики расчетов в национальных валютах. Осуществление проектов в третьих странах может стать одним из инструментов повышения роли национальных валют в международных расчетах.

В настоящее время основная роль в резервных активах современной валютно-финансовой системы принадлежит американскому доллару. В странах БРИКС, ставших крупнейшими держателями международных резервов (42% мировых резервов и 62% резервов развивающихся стран), преобладающая часть валютных резервов содержится в долларах (58%). Соответственно повышение спроса на долларовые активы по мере роста мировой экономики (в частности, в секторе БРИКС) приводит к избыточному накоплению задолженности США и увеличивает мировые дисбалансы. Это ставит под сомнение устойчивость существующей системы в долгосрочном плане. Таким образом, увеличение использования других валют в качестве резервных активов и сокращение доли доллара США должны послужить ключевыми ориентирами в деле реформирования мировой финансовой архитектуры.

Теоретически юань может стать мировой резервной валютой на горизонте 10 – 15 лет. Но для этого потребуются более энергичное формирование зарубежных рынков юаня. До сих пор они складывались в основном в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Россия, Бразилия и Ин-

дия уже начали создавать условия для создания крупных рынков юаня на своих «площадках» (на ММВБ контракты на юань начали торговаться еще в 2010 г.). Формат БРИКС адекватен для интенсификации переговоров на эту тему.

Объединение БРИКС стало одним из ключевых факторов современной системы международных отношений. Более того, речь должна идти об объективных предпосылках возвышения его позиций в мировой иерархии, поскольку в этом формате сочленяются интересы и представления новых центров мировой экономики и мировой политики.

Проект БРИКС – продукт переходной эпохи, предполагающей постепенный перевод мирового порядка на полицентричную основу. Однако наивно рассчитывать на прямолинейную смену лидерства, на бесконфликтную «смену караула». Необходимость минимизации издержек перехода требует рождения эффективных механизмов глобального регулирования, тем более что «коллективный Запад» не намерен покорно сдавать господствующие позиции. В США и Евросоюзе вызревают новые стратегические планы соответствующего структурирования планетарного пространства. Речь идет, с одной стороны, о создании своего рода «экономического НАТО» – Евро-Атлантической зоны свободной торговли, а с другой стороны, о тихоокеанском торгово-экономическом альянсе при лидерстве Вашингтона и отсутствии КНР и России.

Какую внешнюю опору в таком случае будет иметь Российская Федерация, которую инициаторы не видят ни в составе первого, ни в составе второго объединения? Важно, что наконец-то сдвинулся с мертвой точки процесс евразийской интеграции, выходящий ныне даже за рамки Таможенного союза. Важно, что уже удалось создать ряд структур регионального значения (ШОС, ОДКБ), которые укрепляют позиции России. Все это – условия необходимые, но недостаточные. В XXI в. в качестве несущих конструкций мирового порядка станут выступать не только нации-государства, не только и не столько региональные интеграционные группировки, сколько макроструктуры трансконтинентального действия. Отмеченную тенденцию в полной мере учитывает проект БРИКС. На его основе есть возможность выдерживать геополитический (стратегический) баланс. Но несомненно одно – по мере созревания политической воли в странах-членах БРИКС должна произойти внутренняя консолидация объединения на более прочной институциональной основе.

Список литературы

1. Круглый стол: БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии // Вестник МГИМО(У). 2010. №1 (10).
2. Восходящие государства–гиганты БРИКС: роль в мировой политике стратегии модернизации: Сборник научных трудов / Отв. ред. Л.С. Окунева, А.А. Орлов // МГИМО(У) МИД России. М.: Изд-во МГИМО(У). 2012.
3. Давыдов В. М. Восходящие страны-гиганты на современной мировой арене // Латинская Америка. 2009 г. № 7.
4. Хейфец Б. БРИК: миф или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2010 г. № 9.
5. Панченко М. Ю. Экономические основы стратегического партнерства России, Индии и Китая // Проблемы Дальнего Востока, 2010.
6. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2006.
7. Луков В. БРИКС – фактор глобального значения // Международная жизнь. 2011. № 6.
8. Айвазов А. Итоги Делийского саммита стран БРИКС [Электронный ресурс] // Институт эволюционной экономики. Апрель, 2012. Режим доступа: <http://iee.org>.
9. Radyushin V. Medvedev Wants South Africa in BRIC [electronic resource] // The Hindu. August 2010. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/international/article553840.ece>.
10. The World Factbook: GDP – real growth rate [electronic resource] // Central Intelligence Agency. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2003.html?countryName=World&countryCode=xx&regionCode=oc&#>.

Об авторе

Вергун Алла Николаевна – ведущий специалист Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО(У) МИД России. E-mail: alla_vergun@mail.ru

BRICS COOPERATION AS A NEW FORMAT OF THE INTEGRATION PROCESS BETWEEN EMERGING COUNTRIES

A. N. Vergun

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the analysis of the phenomenon of the BRICS countries, the reasons for their rise and consolidation at the beginning of the XXI century. The author notes that cooperation of BRICS is a new format for the integration of the leaders of the emerging countries, analyzes the political and economic cooperation of these countries within the group, as well as with the rest of the world and the specific nature of relations between BRICS in different periods of modern history. The author also calls attention to the response of the Western countries to the creation of this integration group. In conclusion, the author means that the world is entering a new era. It becomes more democratic and more open for interaction processes. The new global players have already appeared at the world scene, they get ready to change the old rules of the game and create new opportunities for themselves and for others.*

Key words: BRICS, Brazil, Russia, India, China, Republic of South Africa, integration processes, international integration, globalization, economic corporation, the geopolitical balance.

References

1. Ayvazov A. Itogi Deliyskogo sammita stran BRICS [The Results of the New Delhi Summit of the BRICS Countries] // Institut evolyucionnoy ekonomiki [Institute of Evolutionary Economics]. – April, 2012/ - Available at: <http://iee.org> (in Russian).
2. Voskresenskiy A. D. Kitay i Rossiya d Evrazii. Istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimosvyazey [China and Russia in Eurasia. The Historical Dynamics of Political Interferences]. – Moscow, 2006 (in Russian).
3. Voskhodyashie gosudarstva-giganty BRICS: rol v mirovoy politike strategii modernizatsii [Rising BRICS Countries: Their Role in World Politics Modernization Strategy: Proceedings] // Executive editor L. S. Okuneva, A.A. Orlov / MGIMO (University). – Moscow, 2012 (in Russian)/
4. Davydov V. M. Voskhodyashie strany-giganty na sovremennoy mirovoy arene [Rising Big Countries on the Modern World Scene] // Latinskaya Amerika – 2009 – № 7.
5. Kheyfets B. BRIC: mif ili realnost? [BRIC: Fact or Fiction?] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2010 – №9.
6. Krugliy stol: BRIC kak novaya kontseptsiya mnogovectornoy diplomatii [BRIC as a new concept of multi-vector diplomacy] // Vestnik MGIMO (U). – 2010. – № 1.
7. Lukov V. BRICS – factor globalnogo znacheniya [BRICS – a factor of global significance] // Mezhdunarodnaya zhizn. – 2011. – № 6.
8. Panchenko M. U. Ekonomicheskie osnovy strategicheskogo partnerstva Rossii, Brazili i Kitaya [The Economic Basis of Strategic Partnership between Russia, Brazil and China] // Problemy Dalnego Vostoka – 2010.
9. Radyushin V. Medvedev Wants South Africa in BRIC [electronic resource] // The Hindu. – August 2010. Mode of access: <http://www.thehindu.com/news/international/article553840.ece>.
10. The World Factbook: GDP – real growth rate [electronic resource] // Central Intelligence Agency. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2003.html?countryName=World&countryCode=xx&regionCode=oc&#>.

About the author

Alla N. Vergun – PhD student at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Activity in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), leading specialist at MGIMO School of Business and International Proficiency. E-mail: alla_vergun@mail.ru

СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ ВИНК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА

В.И. Голомедов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье проводится анализ основных направлений стратегического развития российских вертикально интегрированных компаний (ВИНК), включая расширение контактов с зарубежными партнерами и инвесторами, политику в области слияний и поглощений, глобальный обмен технологиями и квалифицированными специалистами, инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. С развитием глобального рынка процессы вертикальной интеграции выходят на международный уровень, поэтому одна из актуальных задач, стоящих перед современными российскими ВИНК, – разработка новой оптимизированной стратегии, соответствующей глобальным вызовам и национальным приоритетам, способствующей увеличению нефтедобычи и росту производства нефтепродуктов. Для компаний, аккумулировавших значительные финансовые ресурсы, приоритетным является активный выход на глобальный рынок и формирование транснациональных структур, что связано не только с факторами глобализации, но и с крайне низким уровнем эффективности и защищенности инвестиций в ТЭК России. Создание вертикально интегрированных компаний способствует эффективному применению факторов экономической глобализации. На смену классическим факторным преимуществам приходят глобальные конкурентные преимущества. В первую очередь это умение максимально эффективно разместить во времени (определенная стадия жизненного цикла продукции и производства) и пространстве (определенная страна приложения капитала) воспроизводимые факторы хозяйственной деятельности, пользуясь преимуществами, даваемыми их мобильностью. Выход российских ВИНК на зарубежные рынки диверсифицирует риски и делает компании более устойчивыми. Можно ожидать дальнейшего активного участия российских компаний в диверсификации деятельности и интеграции как в «прямом», так и в «обратном» направлении. Применение стратегии вертикальной интеграции обеспечивает эффективную экономическую деятельность с высоким уровнем отдачи инвестиций, значительным сокращением издержек, достижением высокой рентабельности производства, достижением глобальных целей.

Ключевые слова: вертикально интегрированные нефтяные компании, глобализация экономики, слияния и поглощения, стратегическое управление ВИНК.

В условиях глобализации мирохозяйственных отношений происходит постоянное укрупнение бизнес-структур, их выход за рамки отдельных предприятий, государств и континентов. В процессе вертикальной интеграции различные технологически взаимосвязанные производства объединяются на финансово-экономической основе. В структуру современной вертикально интегрированной нефтяной компании (ВИНК) входят предприятия, реализующие последовательные стадии технологического процесса: разведка и добыча, транспортная инфраструктура, переработка, нефтехимия, маркетинг и сбыт.

Российские ВИНК начали формироваться с начала 1990-х гг. и по состоянию на 1 марта 2013 г. из 325 российских нефтедобывающих компаний 120 являются дочерними компаниями девяти ВИНК: ОАО НК «ЛУКОЙЛ», ОАО НК «Сургутнефтегаз», ОАО НК «ТНК-ВР Холдинг», ОАО НК «Газпром нефть», ОАО АНК «Башнефть», ОАО НК «Славнефть», ОАО НК «Русснефть», ОАО НК «Роснефть», ОАО НК «Татнефть». На их долю приходится более 90% производимой в России нефти и нефтепродуктов.

С развитием глобального рынка и включением России в систему международных связей процессы вертикальной интеграции выходят на международный уровень, поэтому одна из актуальных задач, стоящих перед современными российскими ВИНК, – разработка новой оптимизированной стратегии, соответствующей глобальным вызовам и национальным приоритетам, способствующей увеличению нефтедобычи и росту производства нефтепродуктов. Данная стратегия может быть реализована только при ориентации на внешние рынки, вытеснении конкурентов и при постоянном технологическом лидерстве. Стратегическое планирование нефтяных компаний выделяет такие цели, как обеспечение устойчивого роста производственного потенциала и осуществление комплексной рационализации управления компаниями.

В наборе стратегий российских ВИНК приоритетным является активный выход на международные глобальные рынки. Усилению зарубежной экспансии способствуют не только факторы глобализации, но и низкая эффективность инвестиций в ТЭК России из-за неблагоприятного налогового режима, нестабильного ценообразования, длительного срока окупаемости проектов. Аккумуляция значительных финансовых ресурсов при ограниченных возможностях их инвестирования внутри страны позволило компаниям приступить к расширению бизнеса вне национальных границ, к формированию транснациональных структур.

Расширение контактов с зарубежными партнерами и инвесторами

Основными направлениями стратегического развития российских ВИНК становится расширение контактов с зарубежными партнерами и инвесторами, участие в освоении месторождений

за рубежом, реализация совместных проектов с глобальными ВИНК. В утвержденной стратегии развития на среднесрочную перспективу одной из ведущих российских ВИНК «ЛУКОЙЛ» основным направлением структурного роста и необходимым условием устойчивого развития нормативно закреплён «интенсивный выход на зарубежные рынки с последующим созданием нескольких центров добычи и нефтепереработки за пределами РФ» [1].

Компания целенаправленно и поэтапно выстраивает цепочку от производства топлива до выхода на его конечного потребителя. В сфере интересов – освоение и разработка месторождений в Латинской Америке и Центральной Азии, объекты нефтепереработки в странах Западной и Восточной Европы, сети АЗС в большинстве европейских стран, США, в Турции, Грузии, Азербайджане. В 2009 г. «ЛУКОЙЛ» участвовала в проектах в Колумбии, Казахстане, Саудовской Аравии, Азербайджане, Узбекистане, Кот-д'Ивуаре, Гане, Египте и Венесуэле.

В конце 2009 г. совместно с норвежской Statoil выиграла тендер на разработку месторождения «Западная Курна-2» в Ираке. Несмотря на то что норвежские нефтяники считаются наиболее опытными в плане работы на арктическом шельфе, технологический уровень компании позволил ей создать три альянса с норвежскими нефтяными компаниями для совместного участия в разработке шельфа Норвегии. Также развиваются проекты «ЛУКОЙЛ» на шельфе Западной Африки.

Развитие бизнес-сегмента «переработка и сбыт», наращивание нефтеперерабатывающих мощностей за рубежом позволяют ВИНК снизить зависимость от высокой ценовой волатильности на мировом нефтяном рынке. Наращивая портфели профильных активов в различных регионах мира, одновременно участвуя в зарубежных проектах и по добыче, и по переработке, и по сбыту нефтепродуктов, компания стремится смягчить политические и минимизировать экономические риски на территории России.

«Роснефть» также считает стратегически важным выход на зарубежные рынки. Перспективные направления развития компании – вхождение в нефтеперерабатывающие активы итальянской ВИНК ENI в Европе, которая в обмен предлагает вхождение «Роснефти» в проекты по нефтепереработке в Европе и добыче на севере Африки. В зарубежной активности «Роснефть» проявляет большой интерес к участию в местных инфраструктурных проектах, которые создадут реальную взаимозависимость партнеров и, как следствие, служат гарантией стабильности. Подобный альянс ВИНК заключила с китайской корпорацией Petrochina, создав совместное предприятие по переработке и маркетингу нефтепродуктов в Китае.

«Русснефть» также основывает свою долгосрочную стратегию развития на активном вхождении в мировые сырьевые рынки, расширении географии международной деятельности. В сфере

интересов компании – месторождения углеводородного сырья стран Африки и СНГ, расширение участия в перспективных нефтегазовых проектах Алжира.

В стратегические планы крупнейших российских ВИНК входит активизация деятельности по африканскому направлению. Стратегические цели здесь не только расширение зарубежных активов в целях повышения добычи нефти и газа, но и имиджевые интересы, укрепление бренда на мировых рынках. Трудно не согласиться с мнением Р.И. Томберга о том, что «владение зарубежными активами в крупнейших центрах нефтедобычи – таких, как Северная Африка и Гвинейский залив, – это возможность влиять на ценообразование и конъюнктуру рынка. Появляется и другая возможность – маневр в сложных геополитических отношениях картелей покупателей и поставщиков энергоресурсов» [2, с. 105].

Влияние глобализации также проявляется в расширении сотрудничества российских ВИНК с зарубежными партнерами в разработке российских недр. Так, основным стратегическим направлением «Роснефти» является приобретение наиболее перспективных месторождений на территории России, не принадлежащих крупным нефтегазовым компаниям с государственным участием. Стратегическая дальновидность корпорации проявляется в создании ощутимого задела для будущего роста, поскольку значительная часть запасов «Роснефти» находится на ранней стадии разработки.

«Роснефть» развивает партнерские отношения с крупнейшими иностранными компаниями: американская ExxonMobil, британская BP, норвежская Statoil, итальянская ENI, японская SODECO, индийская ONGC, китайская Sinopec, корейская KNOC. В создаваемых СП и консорциумах используются диверсифицированные схемы взаимодействия: «Роснефть» владеет миноритарной долей в проекте «Сахалин-1»; является мажоритарным участником в шельфовых проектах с ENI, ExxonMobil и Statoil; работает на паритетных основах с BP в проектах «Сахалин-4» и «Сахалин-5». Большинство крупных проектов «Роснефти» на арктическом шельфе и Дальнем Востоке с привлечением иностранного капитала реализуется по схеме, минимизирующей экономические риски. Зарубежные партнеры финансируют работы на стадии лицензирования, геологоразведки и разработки в обмен на перспективные поставки нефти. В обмен на долю в разработке российских шельфовых месторождений «Роснефть» получает право купить долю в зарубежных проектах своих иностранных партнеров.

В сахалинских проектах «Роснефть» работает с крупнейшими нефтегазовыми компаниями Индии, КНР, Кореи, Японии. Привлекая в капиталоемкие добывающие проекты партнеров из стран-потребителей, «Роснефть», «с одной стороны, создает взаимные гарантии поставок добываемого сырья на рынки этих стран, а с другой стороны, получает гарантии переработки и сбыта

своей продукции непосредственно в странах-потребителях» [3, с. 224].

Таким образом, под влиянием глобализации нефтяные компании во всем мире стремятся, с одной стороны, преодолеть становящиеся узкими национальные рынки и, с другой стороны, получить (расширить) доступ к иностранным ресурсам и рынкам.

Слияния и поглощения

С ростом активности российских ВИНК как в стране, так и за рубежом, увеличением прозрачности отечественного рынка, стабилизацией политической ситуации и приходом в Россию иностранных инвесторов происходит бурный рост рынка слияний и поглощений (M&A). Российские ВИНК превратились в промышленно-финансовые корпорации, на смену операционной модели их развития приходит финансовая модель. Чем значительнее активы компании, тем выше ее капитализация, поэтому на протяжении последнего десятилетия активизируются процессы продажи, покупки, обмена активов в нефтяном секторе как в России, так и за рубежом.

Участие российских ВИНК в сделках M&A вызвано необходимостью реализовывать технологически сложные проекты, которые могут осуществляться только совместно с глобальными компаниями. Покупателями долей активов ведущих российских ВИНК могут быть только глобальные компании. Стратегической целью ведущих российских ВИНК становится превращение их в мировые энергетические компании, что требует приобретения опыта управления активами крупных нефтяных компаний, осуществляющих зарубежную экспансию в условиях глобализации нефтяного бизнеса. Такой опыт они могут получить только во взаимодействии с глобальными нефтяными компаниями.

Первым опытом стало создание совместной транснациональной корпорации (ТНК-BP) в 2003 г. Вносимые активы по договору распределялись между ТНК и BP в пропорции 50% на 50%. Однако после событий с ЮКОСом значительно усилился контроль за подобными сделками в стратегически важных отраслях экономики со стороны государства. Рост рисков не остановил приобретение долей российских ВИНК глобальными компаниями, но привел к изменению тактики их сделок с российскими нефтяными активами. Первым приобретается небольшой пакет акций, затем размер актива постепенно наращивается, одновременно зарубежная компания осуществляет прямые инвестиции в объекты российской ВИНК, идет взаимный обмен долями компаний.

В период 2003–2006 гг. происходит усиление позиций «Роснефти». Стратегической целью ВИНК становится превращение в транснациональную энергетическую компанию, соответственно происходит консолидация и расширение активов. При резко возросших активах ВИНК стала представлять интерес для участия в ней глобальных нефтяных компаний. В 2006 г. в

число акционеров «Роснефти» вошли английская BP, голландская Shell, малазийская Petronas, китайская CNPC, индийская национальная нефтяная компания ONGC и т.д.

В 2007 г. основной формой сделок по слияниям и поглощениям стал обмен активами, например: «Газпром» – ТНК-ВР, «Газпром» – Total и др. Большую активность в outbound deals проявила в этот период «ЛУКОЙЛ», которая после приобретения латвийской местной дистрибьюторской сети поставила целью расширять свою долю на рынках стран Западной Европы.

В 2008 г. глобальный экономический кризис внес коррективы в инвестиционные стратегии глобальных нефтяных компаний. Если до мирового кризиса основным направлением движения капитала в сделках M&A был выход глобальных ВИНК на российский рынок, то в период кризиса усилилась деятельность российских ВИНК в сфере M&A как на территории РФ, так и за рубежом. В связи с падением спроса на продукцию нефтепереработки и сокращением маржи с 45 до 6 долл./барр. глобальные ВИНК приступили к продаже своих активов, которые давно уже представляли интерес для российских ВИНК – экспортеров нефти на рынки этих стран.

Приобретение долей в нефтеперерабатывающих предприятиях Европы обеспечивало российским ВИНК дополнительную маржу за счет переработки своей нефти на современных европейских НПЗ, дающих высокий выход продукции с высокой добавленной стоимостью и возможность приближения своего бизнеса непосредственно к основным европейским потребителям.

В 2009 г. увеличилось число приобретаемых нефтяных активов за рубежом. Российские ВИНК приобретают мажоритарные доли у иностранных нефтяных компаний. «Газпром» получил 55% в уставном капитале Sibir Energy, «Газпромнефть» – 20% акций итальянской компании ENI и 51% акций сербской компании «Нефтяная индустрия Сербии». Самой крупной стала сделка на сумму 0,58 млрд долл. компании Lukoil Overseas, которая приобрела государственную узбекскую компанию SNG Holdings.

В 2011 г. «Роснефть» выделила на приобретение новых активов более 90 млрд руб. – почти в 15 раз больше, чем в 2010 г. Главным событием конца 2012 г. стала новость о покупке «Роснефтью» 100% акций у совладельцев ТНК-ВР – третьей по размерам ВИНК России. Благодаря этой сделке «Роснефть» получит уникальный опыт по разработке морских месторождений, а британская компания – доступ к российским недрам. Стратегические позиции российского нефтяного гиганта на мировом рынке значительно усилятся – российская ВИНК станет крупнейшей публичной нефтяной компанией в мире, соответственно увеличится и ее влияние на мировых рынках.

С выходом России на рынок крупных слияний и поглощений отечественные компании перестраивают свои экономические стратегии,

приводя их в соответствие с международными стандартами и вызовами глобального экономического сообщества. В продолжающихся в России процессах приватизации государственного имущества бизнес-структуры получают возможность решить проблему доступа к недостающим звеньям технологических цепочек, установления контроля над собственностью.

Глобальный обмен технологиями и квалифицированными специалистами

Российские ВИНК активно развивают стратегические преимущества глобального обмена технологиями и квалифицированными специалистами

с международными ВИНК. Особую значимость приобретают опыт и знания зарубежных партнеров, их высококвалифицированный персонал и перспективные инновационные разработки. Так, «Стратегическое соглашение о сотрудничестве» между «Роснефтью» и ExxonMobil предполагает обмен экспертизами и технологиями, совместное участие в исследованиях и опытно-конструкторских разработках в России, Соединенных Штатах и других частях мира. неотъемлемая часть этой научно-исследовательской работы – развитие новых безопасных, соответствующих современному техническому уровню и экологичных систем защиты. Сделка «Роснефти» и ExxonMobil в перспективе очень актуальна для России, поскольку дает доступ к современным технологиям бурения, разработанным в последние десятилетия для американских сланцевых месторождений.

«Соглашение о сотрудничестве», подписанное «Роснефтью» и норвежской Statoil 5 мая 2012 г., включает обмен управленческими и инженерными кадрами, ценным опытом в основных направлениях разведки и добычи углеводородов. Большие перспективы в сфере обмена технологиями и специалистами у сотрудничества «Роснефти» с итальянской ENI, с американской многоотраслевой корпорацией General Electric (GE). «Роснефть» особенно заинтересована в инжиниринговых услугах и в опыте ENI по реализации совместных проектов в Африке.

Соглашение о сотрудничестве с GE предусматривает реализацию совместных проектов в сфере разработки, изготовления и реализации оборудования для нефтегазовой отрасли. Внедрение технологий GE приведет к значительному повышению эффективности работ по разведке, добыче и переработке нефти и газа, монтажных и пусконаладочных работ в ходе капитального строительства, реконструкции и технического перевооружения производственных нефтегазовых объектов. В рамках соглашения также предусматривается оценка потенциальных возможностей создания технологий и оборудования для разработки прибрежных месторождений арктического шельфа, усовершенствования методов нефтедобычи на месторождениях с трудно извлекаемыми запасами. Планируются обмен специалистами и

совместные проекты в области повышения квалификации и переподготовки кадров.

Подобное сотрудничество будет способствовать повышению экологической и промышленной безопасности предприятий «Роснефти», что является одним из основных стратегических приоритетов современной ВИНК в условиях глобализации.

Инвестирование в сферу НИОКР

В глобальном мире становится все более актуальным вопрос доступа к новым технологиям. По мнению Б.А. Хейфеца, «покупать лицензии – это получать достижения вчерашнего дня» [4, с. 45]. Поэтому мощным конкурентным преимуществом ВИНК становится инвестирование в сферу НИОКР. Новейшие инновационные разработки позволяют ускорить открытие, разработку и вовлечение в хозяйственный оборот новых месторождений; обеспечивают эффективное освоение месторождений, ранее признанных нерентабельными; увеличивают извлекаемый потенциал разрабатываемых месторождений за счет переоценки величины их запасов. Российские ВИНК повышают расходы на НИОКР, приобретают современное оборудование, совершенствуют методики и экспериментальную базу.

Крупнейшие российские ВИНК в обмен на доли в месторождениях получают от иностранных партнеров новейшие технологии, способные значительно повысить эффективность и рентабельность многих проектов, в том числе и законсервированных в настоящее время. Также российские ВИНК организуют собственные подразделения, научные центры, занимающиеся инновациями в области технологий разведки, добычи, транспортировки и переработки нефти и газа. Чтобы эффективно применять новые знания и интегрировать их в свою структуру, должна измениться сама организация. Модернизация производств и технологическое развитие требуют также введения в состав менеджмента высшего уровня руководителей, персонально отвечающих за инновационное развитие компании.

Благодаря стратегии модернизации и инновационному развитию в 2011 г. в лидеры по переработке нефти вышла «Татнефть». Высокие финансовые результаты компании были достигнуты за счет продажи дополнительных объемов нефтепродуктов, произведенных на ТАНЕКО, запущенном в конце 2011 г. Среди удачных примеров получения передовых технологий через инвестиции в зарубежные предприятия – приобретение в 2009 г. «Газпром нефтью» у Chevron Global Energy завода по производству масел и смазок Chevron Italia S.p.A. в Италии. Вместе с заводом компания получила лицензию на использование технологий производства масел и смазок, а также патентные права на торговую марку Техасо для реализации продукции на итальянском рынке.

Высокотехнологичные решения позволили

«Роснефти» приступить к созданию розничной товаропроводящей сети из плавучих станций, соответствующих жестким требованиям международных экологических стандартов. Современные технологии исключают возможность разлива топлива, что ранее считалось неизбежным при заправке маломерных судов. Летом 2012 г. успешно заработала первая плавучая АЗС для маломерных судов между озерами Ильмень и Ладогой на маршруте 220 км.

Инвестиции в разработку и внедрение новых технологий, в модернизацию испытанных технологий являются одним из основных конкурентных преимуществ «ЛУКОЙЛа». Постоянно растут объемы финансирования научно-технических работ. К началу 2012 г. завершились организационные преобразования научно-проектного комплекса «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг», который включает 4 региональных института, сформированы 5 филиалов по разным сферам деятельности [5].

Концентрация научных идей в одном центре в рамках корпорации позволяет разработать и внедрить новые технологии, что повышает конкурентоспособность ВИНК и делает ее независимой от западных технологий.

Создание вертикально интегрированных компаний способствует эффективному применению факторов экономической глобализации. На смену классическим факторным преимуществам приходят глобальные конкурентные преимущества. В первую очередь это умение максимально эффективно разместить во времени (определенная стадия жизненного цикла продукции и производства) и пространстве (определенная страна приложения капитала) воспроизводимые факторы хозяйственной деятельности, пользуясь преимуществами, даваемыми их мобильностью. В рамках глобального рынка возможна любая территориальная комбинация звеньев воспроизводственного процесса ВИНК и, что немаловажно, «применение единых маркетинговых, инновационных и производственных стратегий по всему миру» [6, р. 127].

Стратегии российских вертикально интегрированных компаний основаны на двух базовых процессах современной глобальной мировой экономики: рост мобильности как возможности перемещения в пространстве и рост воспроизводимости как возможности повторить, скопировать, воспроизвести – относительно ресурсов, продуктов, технологий и, что самое важное, образцов хозяйственного поведения.

Важнейшие направления стратегического развития российских ВИНК в свете повышения их глобальной конкурентоспособности:

- расширение участия в освоении высокоэффективных месторождений за рубежом и совместная разработка российских недр;
- развитие партнерских отношений с международными компаниями во всех сферах деятельности;

– наращивание профильных активов вне России, повышение конкурентоспособности за счет выхода на новые рынки и освоения нетрадиционных для ВИНК рыночных ниш;

– усиление инновационной активности, модернизация производств и технологическое развитие.

Выход российских ВИНК на зарубежные рынки диверсифицирует риски и делает компании более устойчивыми. Можно ожидать

дальнейшего активного участия российских компаний в диверсификации деятельности и интеграции как в «прямом», так и в «обратном» направлении. Применение стратегии вертикальной интеграции обеспечивает эффективную экономическую деятельность с высоким уровнем отдачи инвестиций, значительным сокращением издержек, достижением высокой рентабельности производства, достижением глобальных целей.

Список литературы

1. Официальный сайт ОАО НК «ЛУКОЙЛ». URL: www.lukoil.ru (дата обращения: 20.10.2012).
2. Томберг Р.И. Российский нефтегазовый бизнес в Африке // Вестник МГИМО. 2011. №3. С.5.
3. Долгов В.В. Взаимодействие с государством как составляющая стратегии развития нефтегазовых компаний в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №6. С.12.
4. Материалы ежегодной научно-практической межвузовской конференции по проблемам конкурентоспособности России в мировой экономике. МГИМО, 22 апреля 2010 г. 122 с.
5. Porter M.E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. N.Y., 2003. 397 p

Об авторе

Голомедов Вячеслав Игоревич – преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: vyacheslav.golomedov@yahoo.com

STRATEGIES OF RUSSIAN VERTICALLY INTEGRATED OIL COMPANIES IN THE GLOBAL MARKET

V.I. Golomedov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In this article the analysis of the main directions of the strategic development of Russian vertically integrated oil companies is made including international expansion and development of relations with foreign partners and investors, mergers and acquisitions policy, global technology and qualified employees exchange, investments into research and development. Development of the global market brings processes of vertical integration to the international level, therefore one of the most urgent challenges facing the modern Russian vertically integrated oil companies is development of the new optimized strategy corresponding to global challenges and national priorities. The main strategic development's directions of the Russian vertically integrated oil companies are described. For the companies accumulated significant financial resources, the priority is to actively enter the global market and to create the formation of transnational structures, which is due not only to the factors of globalization, but with very low efficiency and security of investments in the energy sector of Russia. The new strategy should promote increase the volume of oil production and petroleum products. Creation of vertically integrated companies leads to effective distribution of the factors of economic globalization. Instead of classic advantage factors comes global competitive advantages. First of all it is the ability to effectively distribute in time and place factors of economic activity using their advantage caused by their mobility. International expansion of Russian vertically integrated oil companies diversifies risks and makes the companies more sustainable. Further diversification and integration of Russian companies is expected both in straight and reverse directions. Applying the strategy of vertical integration provides effective economic activity with high investment return.*

Key words: Oil, oil production, oil refining, Vertically Integrated Oil Companies (VIOC), economy globalization, mergers and acquisitions, strategic management of vertically-integrated oil companies (VIOC).

References

1. Official site of OJSC «Lukoil» URL: www.lukoil.ru
2. Tomberg R.I. Rossiyskiy neftegazoviy biznes v Afrike [Russian oil and gas business in Africa]. Vestnik Mgimo. 2011. №3. 5 p.
3. Dolgov V.V. Vzaimodeystviye s gosudarstvom kak sostavlyayushaya strategii razvitiya neftegazovih kompaniy v sovremennoy Rossii. [Interaction with the state as part of development strategy of oil and gas companies in modern Russia]// Aktualniye Problemy Gumanitarnih I Estesstvennih Nauk. 2009. №6. 12 p.
4. Materiali ejegodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvuzovskoy konferencii po problemam konkurentosposobnosti Rossii v mirovoy ekonomike. [Materials of intercollegiate science conference on problems of competitiveness of Russia in international economy] // MGIMO, 22 April 2010. 122 p.
5. Porter M.E. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. N.Y., 2003. 397 p.

About the author

Viacheslav I. Golomedov – teacher at the chair of Languages of Middle East countries at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). E-mail: vyacheslav.golomedov@yahoo.com

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КИРГИЗИИ К ТС: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

О.М. Евдокимова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

На смену дезинтеграционным процессам на постсоветском пространстве пришло стремление к объединению в новых интеграционных структурах, таких как СНГ и ЕврАзЭС. Данная статья посвящена проблеме развития и углубления взаимосвязей между странами СНГ в таких объединениях, как ЕврАзЭС и ЕЭП, этапам формирования интеграционных группировок. Особое внимание уделено одному из наиболее актуальных вопросов – перспективе присоединения Киргизии к Таможенному союзу. Среди благоприятных последствий принятия решения о присоединении для Киргизии выделены следующие аспекты:

- устойчивое развитие экономики и сотрудничество со странами-участницами ТС в долгосрочной перспективе;
- привлечение дополнительных инвестиций в экономику страны;
- либерализация законодательства о миграции, улучшение условий работы мигрантов, рост бюджетных доходов принимающих стран, образование новых рабочих мест;
- экономическая и политическая поддержка России и других стран-участниц ЕЭП.

В качестве негативных последствий названы вероятность оттока квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы из Киргизии и возможное падение объемов импорта китайских товаров из-за отмены упрощенного порядка декларирования. В статье говорится об основных мерах, принятых странами-участницами ТС и Киргизией для ускорения процесса включения Кыргызской Республики в состав Таможенного союза. В заключение автор приходит к выводу, что интеграция Киргизии в Таможенный союз поднимет на новый качественный уровень экономику Кыргызстана, которая станет составной частью огромного межконтинентального экономического объединения – ТС и ЕЭП. Этот фактор повысит инвестиционную привлекательность страны для иностранных партнеров, станет гарантом развития долгосрочных взаимовыгодных отношений.

Ключевые слова: интеграционные процессы, перспективы, Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество, Киргизия, Единое экономическое пространство.

На смену дезинтеграционным процессам на постсоветском пространстве пришло стремление к объединению в новых интеграционных структурах, таких, как СНГ и ЕврАзЭС [12]. Содружество Независимых Государств (СНГ) было создано в 1991 г. и стало попыткой реинтеграции бывших советских республик. Изначально в состав СНГ входили лишь Россия, Белоруссия и Украина, но в дальнейшем к Содруеству присоединились все бывшие советские республики, за исключением прибалтийских. Однако 18 августа 2009 г. Грузия официально перестала быть членом СНГ. Тем не менее Грузия остается участницей около 70 подписанных ею договоров в рамках СНГ и выполняет по ним свои обязательства [2].

26 февраля 1999 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. В данном документе не указывались конкретные сроки развития интеграционных отношений, однако были оговорены три этапа развития взаимоотношений:

- на первом этапе предусматривалось обеспечение реализации в полном объеме режима свободной торговли, устранение административных, фискальных и иных препятствий на пути свободного передвижения товаров. В частности, говорилось о неприменении тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле, введение единой системы взимания косвенных налогов;

- на втором этапе планировалось формирование Таможенного союза, предполагающего единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. При этом предполагалось, что страны-участники Таможенного союза введут единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами;

- на третьем этапе предполагалось создание Единого экономического пространства, предусматривающего проведение общей экономической политики и формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала, унификацию национального законодательства, проведение согласованной социальной и научно-технологической политики.

10 октября 2000 г. в Астане главами Белоруссии, Казахстана, России, Таджикистана и Киргизии был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Он вступил в силу 30 мая 2001 г. и содержал в себе концепцию тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества. В 2006 г. к Договору присоединился Узбекистан, однако в 2008 г. Президент Узбекистана И.А.Каримов уведомил Интеграционный комитет о приостановлении членства Узбекистана в Сообществе.

6 октября 2007 г. в Душанбе Беларуссией, Казахстаном и Россией подписан Договор о создании

Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза. В 2009 г. на уровне глав государств и правительств были приняты и ратифицированы около 40 международных договоров, составивших основу Таможенного союза [14]. 27 ноября 2009 г. участники саммита «тройки» ТС подписали Договор о Таможенном кодексе ТС и согласовали план по введению его в действие. Таким образом, по решению глав государств ЕврАзЭС в течение 2008 – 2010 гг. был сформирован Таможенный союз трех государств – Белоруссии, Казахстана и России.

С 1 января 2012 г. введен в действие пакет из 17 базовых соглашений, формирующих Единое экономическое пространство (ЕЭП), следующего после формирования ТС этапа развития интеграции. К 1 января 2015 г., согласно Декларации о евразийской экономической интеграции, планируется создать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Реализация поэтапного углубления интеграционных процессов будет сопровождаться присоединением к ТС и ЕЭП и других государств-участников ЕврАзЭС, что будет происходить по мере готовности их экономик.

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных тенденций является вопрос о присоединении к ТС Киргизии. Последние два года Правительство Кыргызской Республики ведет переговоры с представителями стран Таможенного союза по поводу присоединения Кыргызстана к данной организации. За это время этот вопрос очень активно обсуждался в обществе и средствах массовой информации страны. По мнению советника Президента РФ Сергея Глазьева, присоединение Киргизии к Таможенному союзу в перспективе даст увеличение темпов роста ее экономики в полтора раза.

По большому счету, вступление Киргизии в ТС поможет ей обеспечить устойчивое развитие экономики в долгосрочной перспективе. Киргизия обладает существенным гидроэнергетическим потенциалом, представляемого в первую очередь Нарынским каскадом (Токтогульская ГЭС мощностью 1200 МВт, Курпсайская ГЭС мощностью 800 МВт), Ташкумырская ГЭС, Шамалдысайская ГЭС, Уч-Курганская ГЭС, строящиеся Камбаратинская ГЭС-1 и Камбаратинская ГЭС-2). Республика обладает месторождениями золота (Кумтор), урана, сурьмы и ртути. Присоединение Киргизии к ТС привлечет дополнительные инвестиции в экономику страны, в частности в текстильную и швейную промышленность, что вызовет рост потенциала смежных отраслей, таких, как производство кожаных изделий, шерсти, хлопка, развитие индустрии моды и дизайна. Со стороны стран-участниц ЕЭП может вызвать интерес и аграрно-промышленный комплекс Киргизии. Инвестиции позволят республике выйти на мировую арену в качестве экспортера продукции АПК.

При вступлении Кыргызстана в ТС ожидается усиление контроля стран-участников, что приведет к установлению порядка на границе и в таможенных процедурах в стране. Как следствие,

можно ожидать снижение уровня коррупции и увеличение притока средств от таможенных сборов. Однако при вступлении в ТС существует перспектива снижения потока товаров через Кыргызстан, так как таможенный тариф увеличится до уровня России и Казахстана, которые имеют более благоприятные условия для принятия импортных товаров на своих границах.

В случае вступления Киргизии в ТС можно будет наблюдать существенные изменения на рынке труда и человеческого капитала страны. Данный шаг открывает перспективу для улучшения условий правового статуса трудовых мигрантов из Кыргызстана в странах ТС, в частности России и Казахстана, где работают порядка 500 тыс. и 200 тыс. граждан КР соответственно.

Существуют неоспоримые плюсы наличия подобной миграции. Например, многие трудовые мигранты приобретают во время работы в ЕЭП не только ценный опыт, но и дополнительные знания (иностранные языки), трудовые навыки, образование, что повышает их производительность как за рубежом, так и на родине. Это видно по данным приведенной ниже таблицы. 66,1% опрошенных выучили за время работы за границей русский язык, более 70% – приобрели новые навыки (см. табл. 1).

Таблица 1
Миграция и устойчивое развитие: дополнительная квалификация [9]

	Число ответов	%
Не приобрел новую квалификацию	371	58,9
Выучил русский язык	416	66,1
Выучил английский язык	12	1,9
Приобрел новые профессии и получил сертификат без экзамена	11	1,7
Приобрел новые профессии и получил сертификат после сдачи экзамена	26	4,1
Приобрел новые навыки без сертификата	435	69,2
Окончил ПТУ за рубежом	13	2,1
Окончил университет/колледж за границей	2	0,3
Получил диплом о высшем образовании	4	0,6
Нет ответа	9	1,4

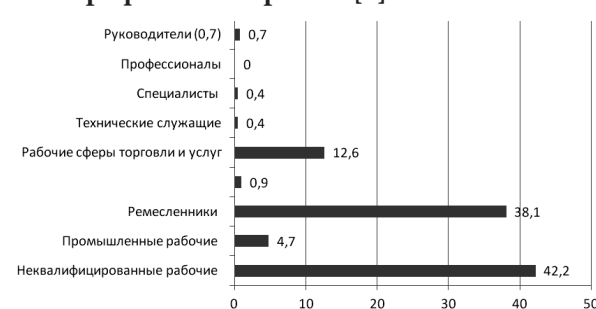
При условии либерализации законодательства о миграции будет замечен рост доходов бюджетов принимающих стран за счет уплаты подоходного налога. На сегодняшний день, согласно исследованиям Евразийского банка развития, Россия недополучает порядка 10 – 40 млрд руб. в год только от налога на доходы физических лиц. Дополнительным плюсом станет уменьшение издержек по сдерживанию нелегальной миграции. Сами мигранты будут чувствовать себя более защищенными на территории принимающих государств, работая на законных основаниях и получая фиксированные доходы. Оптимизация

распределения рабочей силы на территории ЕЭП, безусловно, повысит рост ВВП стран-участниц, а также даст возможность повысить потенциал финансирования инвестиций из частных сбережений населения. Денежные переводы трудовых мигрантов – крупнейший компонент валового продукта республики, он составляет примерно треть ВВП Киргизии.

70% киргизских мигрантов занимаются неквалифицированным трудом или ремеслом (мелким ручными производством) и продажей соответствующих изделий, а 20% мигрантов с более высоким уровнем образования работают на рынках и в сфере обслуживания или операторами на заводах (см. табл. 2). При условии либерализации миграционной политики, данные служащие могли бы претендовать на более престижные вакансии, соответствующие уровню их образования. В этом случае повысился бы доход конкретных граждан, а их труд приносил более ощутимую пользу экономике страны.

Таблица 2

Профессии мигрантов [9]

С другой стороны, возможное обеспечение благоприятных условий для трудовых мигрантов на территории стран ЕЭП повлечет за собой еще больший отток квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы из Киргизии, а ведь ценные кадры необходимы и внутри страны [1]. Чтобы этого избежать, в Кыргызстане должны быть созданы адекватные условия для цивилизованного вхождения в международный рынок труда. Необходимо отслеживать поток мигрантов, подготовить законодательную базу, регулирующую выезд на работу за границу трудящихся, обеспечить профессиональную подготовку кадров. Необходимо проводить политику повышения привлекательности занятости в национальной экономике. Для предотвращения оттока специалистов с высоким уровнем образования возможно субсидирование рабочих мест в качестве временной меры политики трудовой миграции.

Если наряду с перемещением трудовых ресурсов, будет проведена работа по перемещению капитала внутри стран ЕЭП, что будет способствовать образованию новых рабочих мест на территории Киргизии. Это, в свою очередь, будет способствовать ограничению выезда граждан на работу из Киргизии. Инвестиции, в частности, будут направлены на развитие энергетической отрасли промышленности, что также повлечет

создание новых рабочих мест. Потребность в подготовленных кадрах на территории Киргизии возрастет, уровень зарплат повысится и для многих мигрантов отпадет необходимость покидать страну.

Стоит рассмотреть возможность введения системы двойного гражданства, что будет способствовать облегчению процесса выездов за границу, выведет существенную часть трудовых ресурсов из теневого бизнеса.

При условии присоединения Киргизии к ТС республика получит экономическую и политическую поддержку России и других стран-участниц ЕЭП в реализации инвестиционных и экономических проектов в Кыргызстане. На сегодняшний день Россия уже оказывает поддержку в развитии гидроэнергетики (строительство Камбар-Ата 1 и ГЭС в верховье реки Нарын). В данных проектах Россия не только выступает в качестве инвестора, но она также поддерживает политику Кыргызстана по данному вопросу.

Также положительными последствиями присоединения Киргизии к ТС можно считать: укрепление внешних границ Кыргызстана в интересах безопасности всего ТС, реальное ускорение структурных изменений в экономике страны, что позволит повысить эффективность производства, прибыль и эффективность хозяйственной деятельности, создаст возможность реального расширения производства по переработке полезных ископаемых и сельхозпродукции внутри страны, обеспеченных за счет дешевой рабочей силы достаточными трудовыми ресурсами[3].

Основной стратегией развития Киргизии должна стать ориентированность экономического роста на экспорт. Вступление в ЕЭП во многом упростит и сделает понятным для бизнеса правила игры, что, безусловно, увеличит поток прямых инвестиций со стороны резидентов ЕЭП. В целях аккумуляции денежных средств населения и укрепления доверия банковскому сектору возможны инвестиции со стороны крупнейших российских банков в банковский сектор Киргизии [10].

Один из основных минусов вхождения КР в ТС связан с падением объемов импорта из-за отмены упрощенного порядка декларирования. В результате Киргизия может утратить привлекательность в качестве базы для реэкспорта китайских товаров на территорию ТС. Это снизит товарные потоки через территорию Киргизии, а население, работающее в этой сфере, лишится работы. Однако вследствие вступления Киргизии в ТС республика сможет реализовать проекты по экономическому росту с учетом тех плюсов, которыми обладает. Приток инвестиций из стран ТС будет вызван и наличием дешевой рабочей силы и низкой стоимости энергии. Создание новых производств позволит не только обеспечить занятость населения, но и поможет поднять экономику Киргизии на новый уровень. Наряду с инвестициями из стран ЕЭП, в Киргизию начнут поступать и инвестиции из других государств, так

как республика станет частью крупной интеграционной организации и уровень доверия к ней со стороны иностранных инвесторов будет повышен.

В рамках Таможенного союза существует возможность установления льготных периодов по некоторым чувствительным для Киргизии позициям. При создании ТС в 2010 г. по ряду товаров были согласованы льготные периоды сроком до трех лет для всех стран-участников союза. В настоящее время ведется активная работа по разработке плана присоединения Киргизии к ТС. Можно выделить следующие важные события, позволившие ускорить процесс интеграции и сделать возможным установление плановой даты включения Киргизии в состав ТС – 1 января 2015 г.:

- 12 апреля 2011 г. Киргизия официально заявила о своей готовности присоединиться к Таможенному союзу[4], вследствие чего 19 мая 2011 г. на уровне глав правительств было принято Решение № 558 «О присоединении Киргизской республики к ТС». Позднее было решено создать Рабочую группу по данному вопросу (РГ), что было зафиксировано в Решении Межгоссовета ЕврАсЭС № 570[8] от 19 октября 2011 г. Основная задача РГ – выработка Плана мероприятий, реализация которого создаст необходимые условия для присоединения Киргизии к ТС. Отдельно было оговорено, что при создании плана необходимо учитывать особенности внутреннего рынка Киргизской Республики.

«План мероприятий по вопросу присоединения Киргизской Республики к Таможенному союзу» был разработан РГ и утвержден 12 октября 2012 г. Советом ЕЭК. В феврале 2012 г. начала свою работу Евразийская экономическая комиссия, в компетенцию которой входят и вопросы о присоединении к ТС и ЕЭП новых государств. В конце текущего года планируется представить на рассмотрение президентов стран-участников ТС проект «дорожной карты» с указанием сроков исполнения конкретных мер по присоединению Киргизии к ТС.

На очередном заседании РГ свои предложения высказали представители ЕЭК и представители киргизской стороны. Предложения ЕЭК предусматривают включение в «дорожную карту» мероприятий по:

- приведению национального законодательства КР в сфере санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер, технического регулирования в соответствие с договорно-правовой базой Таможенного союза;

- гармонизации методологических подходов ведения статистики внешней и взаимной торговли товарами;

- приведению таможенной и приграничной инфраструктуры на киргизском участке будущей внешней границы в соответствие с требованиями ТС;

- решению проблемы, связанной с обязательствами Бишкека в рамках ВТО, поскольку по 40% позиций уровень ставок Единого таможенного тарифа ТС выше, чем уровень ставок в КР. Иными

словами, после присоединения КР к ТС придется осуществить сложную процедуру пересмотра или отзыва тарифных уступок КР в ВТО на основании статьи 28 ГАТТ 1994 г.

31 мая 2013 г. в Минске Председатель коллегии ЕЭК В.Б. Христенко и первый вице-премьер Киргизии Д. Оторбаев подписали Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Кыргызской Республикой. В меморандуме, текст которого был одобрен главами государств ТС на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Астане 29 мая 2013 г., говорится о желании КР в последующем стать полноправным членом Евразийского экономического союза и предусматривается возможность участия КР в работе органов ЕЭК. Первый вице-премьер Киргизии заявил, что подписание меморандума позволит значительно улучшить конкурентоспособность кыргызского бизнеса и инвестиционный климат страны.

Киргизия сначала получит статус наблюдателя при Евразийской экономической комиссии и других форматах Единого экономического пространства, а затем присоединится к формируемому Евразийскому экономическому союзу. Президенты России, Белоруссии и Казахстана окончательно подтвердили, что 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз заменит ЕврАзЭС и станет наиболее продвинутой формой экономической интеграции трех государств.

На сегодняшний день о желании вступить в состав Таможенного союза заявила и другая страна на постсоветском пространстве – Армения. По итогам встречи глав государств России и Армении 3 сентября 2013 г. Президент Армении Серж Саргсян подтвердил готовность Армении предпринять все необходимые практические шаги для вступления в ТС, а в последующем – участвовать в формировании Евразийского экономического союза. Таким образом, вопрос присоединения

Киргизии к Таможенному союзу приобретает еще большую актуальность, так как опыт интеграции Киргизии может быть полезным и для других стран.

Подводя итоги всему сказанному, можно сказать, что главную роль в решении о присоединении Киргизии к Таможенному союзу играет тот фактор, что республика исторически тесно интегрирована и успешно развивалась в едином экономическом пространстве Советского Союза. Экономика новой Киргизии по-прежнему ориентирована на рынки стран-участниц Таможенного союза, и прежде всего России. По данным НСК, страны ЕврАзЭС занимают в структуре экспорта и импорта КР 50%, из которых основными партнерами являются Россия и Казахстан.

Интеграция Киргизии в Таможенный союз не только увеличит и углубит имеющиеся экономические связи с ТС, но и поднимет на новый качественный уровень экономику Кыргызстана, которая станет составной частью огромного межконтинентального экономического объединения – ТС и ЕЭП. Этот фактор повысит инвестиционную привлекательность страны для иностранных партнеров, станет гарантом развития долгосрочных взаимовыгодных отношений. Немаловажным плюсом для принятия решения о присоединении к ТС стала и возможность решить проблему с урегулированием миграционной политики. Ведь благодаря совместной деятельности правительств Киргизии и стран ТС существенная часть трудовых ресурсов, ушедших в теневую экономику, могут быть легализованы. Это, в свою очередь, привлечет дополнительную прибыль для экономик всех заинтересованных стран и позволит взять под контроль трудовую миграцию населения, обеспечить профессиональную подготовку и трудоустройство ценных кадров как внутри страны, так и на территории ЕЭП.

Список литературы

1. Отчет о круглом столе «Вступление Кыргызстана в Таможенный союз ЕврАзЭС: выгоды и потери». Центр исследований Центральной Азии Кыргызско-Турецкого университета «Манас». 15 марта 2013 г.
2. Либман А.М. Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии. Санкт-Петербург, 2012. 64 с.
3. Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. Экономические интересы и задачи России в СНГ. М.: Библиотека Института современного развития, 2010. 120 с.
4. Сайт РИА Новости. См.: <http://ria.ru/economy/20130531/940588929.html#ixzz2WxhYglc3>
5. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: «Правительство Кыргызстана одобрило решение о вступлении республики в Таможенный союз». См.: <http://www.webcitation.org/6BfqAC8Zp>.
6. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: «О присоединении Кыргызской Республики к Таможенному союзу в рамках ЕврАзЭС». <http://www.webcitation.org/6BfqBso7g>.
7. Сайт Евразийской экономической комиссии: «Об участии Кыргызской Республики в Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». См.: http://www.tsouz.ru/eeek/RSEEK/RKEEK/24z/Dokuments/P_163-1.pdf.
8. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: «Состоялось 24-ое заседание Коллегии Евразийской экономической комиссии». Пресс-релиз. См.: <http://www.tsouz.ru/news/Pages/18-09-2012-1.aspx>.

9. Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. Санкт-Петербург, 2013. 122 с.
10. Сайт Евразийского банка развития: Винокуров Е. (2012) «Таможенный союз – полезный и важный инструмент. Использовать его или нет – дело Кыргызстана. Вечерний Бишкек, 30 апреля 2012. См.: http://www.eabr.org/r/research/publication/articles/index.php?id_4=10068&from_4=1
11. Таможенный союз и соседние страны: модели и инструменты взаимовыгодного партнерства. Санкт-Петербург, 2013. 80 с. Евразийское экономическое сообщество. 2000–2009.
12. Справочник / Секретариат интеграционного комитета Евразийского экономического сообщества. М., 2010. 112 с.
13. «Оценка экономического эффекта присоединения Республики Таджикистан к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству». Презентация к докладу № 16. Центр интеграционных исследований ЕАБР. Апрель 2013.
14. Доклад «Итоги деятельности Минэкономразвития России в 2009 году и задачи на 2010 год» // Министерство экономического развития России. 2010. 256 с.

Об авторе

Евдокимова Ольга Михайловна – аспирант кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: o.m.evdokimova@mail.ru

ACCESSIONS OF KYRGYSTAN TO THE CUSTOMS UNION: PRECONDITIONS, PROBLEMS, PROSPECTS

O.M. Evdokimova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The aspiration to associate in new integration structures, such as the CIS and EurAsEC, came to change to dezintegratsionny processes after disintegration of the Soviet Union. This article is devoted to a problem of development and deepening of degree of interrelation between CIS countries in such associations, as EurAsEC and EEP, to stages of formation of integration groups. The special attention is paid to one of the most topical issues – prospect of accession of Kyrgyzstan to the Customs Union. The following aspects are distinguished from favorable consequences of decision-making on accession for Kyrgyzstan:*

- sustainable development of economy and cooperation with other countries from Custom Union in long-term prospect;*
- attraction of additional investments into national economy;*
- liberalization of the legislation on migration, improvement of working conditions for migrants, growth of the budgetary income of host countries, formation of new workplaces;*
- economic and political support of Russia and other participating countries of EEP.*

As negative consequences are called probability of outflow of the qualified and unqualified labor from Kyrgyzstan and possible falling of Chinese goods' import because of cancellation of the simplified order of declaring. In the article it is spoken about the main measures accepted by the participating countries of the Custom Union and Kyrgyzstan for acceleration of inclusions process of the Kyrgyz republic in structure of the Customs union. The author comes to the conclusion that integration of Kyrgyzstan into the Customs union will lift economy of Kyrgyzstan which becomes a component of huge intercontinental economic association – the Custom Union and EEP - on new qualitative level. This factor will increase investment appeal of the country for foreign partners, becomes the guarantor of development of the long-term mutually advantageous relations.

Key words: Integration processes, prospects, Customs union, Eurasian economic community, Kyrgyzstan, Common economic space.

References

1. Otchet o kruglom stole «Vystuplenie Kyrgystana v Tamojennyi soiuz EvrAzEC: vygody i poteri». Zentr Issledovaniy Zentralnoi Azii Kyrgyzsko-Turezkogo universiteta «Manas». [The report of the round-table discussion "The entry of Kyrgyzstan in the Customs Union of Eurasian economic community: benefits and losses". Center of researches of Central Asia of Kyrgyz-Turkish university Manas] 15 march 2013.
2. Libman A.M. Issledovaniya regionalnoi integratsii v SNG I Zentralnoi Azii. [Researches of regional integration into the CIS and in the Central Asia.] St.-Petersburg, 2012. – 64p.
3. Kulik S.A., Spartak A.N., Yurgens I.Y. Ekonomicheskie interesy I zadachi Rosii v SNG. [Economic interests and goals of Russia in the CIS.] Moscow.: Library of Institute of modern development, 2010. – 120p.
4. Available at RIA Novosti news agency site: <http://ria.ru/economy/20130531/940588929.html#ixzz2WxhYglc3>
5. Official site of Eurasian economic commission: «Pravitelstvo Kyrgystana odobrilo reshenie o vstuplenii respubliki v Tamojennyi sojuz». [The government of Kyrgyzstan approved the decision on the entry of the republic in the Customs union.] Available at: <http://www.webcitation.org/6BfqAC8Zp>.
6. Official site of Eurasian economic commission: «O prisoedinenii Kyrgyzskoi respubliki k Tamojennomu sojuzu v ramkah EvrAzES». [About accession of the Kyrgyz Republic to the Customs union within Eurasian economic community.] Available at <http://www.webcitation.org/6BfqBso7g>.
7. Official site of Eurasian economic commission: «Ob uchastii Kyrgyzskoi respubliki v Tamojennom sojuze Respubliki Belarus, Respubliki Kazahstan I Rossiskoi Federazii». [About participation of the Kyrgyz Republic in the Customs union of Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.] Available at: http://www.tsouz.ru/eeK/RSEK/RKEK/24z/Dokumenty/P_163-1.pdf.
8. Official site of Eurasian economic commission: «Sostojalos 24 Zasedanie Kollegii Evrazijskoi ekonomicheskoi komissii». [The 24th meeting of Board of the Euroasian economic commission took place.] Available at: <http://www.tsouz.ru/news/Pages/18-09-2012-1.aspx>.
9. Posledstviya vstupleniya Kyrgystana v Tamojennii sojuz i EEP dlja rynka truda I chelovecheskogo kapitala strany. [Consequences of the entry of Kyrgyzstan in the Customs union and Common economic space for the labor market and the human capital of the country] St.-Petersburg, 2013. – 122 p.
10. Official site of Eurasian Development Bank: Vinokurov E. (2012) «Tamojennyi sojuz – polezny i vajnyi instrument. Ispolzovat ego ili net – delo Kyrgystana». [The Customs union – the useful and important tool. To use it or not – it will be the decision of Kyrgyzstan]. Vechernii Bishkek, 30 april 2012. Available at: http://www.eabr.org/r/research/publication/articles/index.php?id_4=10068&from_4=1
11. Tamojennyi sojuz i sosednie strany: modeli I instrument vzaimovыgodnogo partnerstva. [Customs union and neighboring countries: models and instruments of mutually advantageous partnership]. – St.-Petersburg, 2013. – 80 p. Eurasian economic community. 2000 – 2009.
12. Directory / the Secretariat of Integration Committee Eurasian economic community. – Moscow. 2010 – 112 p.
13. «Ozenka ekonomicheskogo efekta prisoedineniya respubliki Tadjikistan k Tamojennomu sojuzu i edinomu ekonomicheskomu prostranstvu». [Assessment of economic effect of accession of the Republic of Tajikistan to the Customs union and the Common economic space]. Presentation to the report № 16. Center of integration researches . April 2013.
14. Report «Itogi deyatel'nosti Minekonomrazvitiya Rossii v 2009 i zadachi na 2010». [Results of activity of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in 2009 and tasks for 2010]. // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2010 – 256 p.

About the author

Olga M. Evdokimova – graduate student of the Department of World Economy of MGIMO-University. E-mail: o.m.evdokimova@mail.ru

РЕИНКАРНАЦИЯ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА – ВОЗМОЖНА ЛИ?

М.Д. Колганова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье приводится хронология исторических событий, повлекших кризис современной финансовой системы – несовершенство принципов современной Ямайской валютной системы, развитие рынка производных финансовых инструментов и т.д. Дискуссии о перспективах восстановления золота в своих монетарных правах начались еще в 1980-х гг. В США была создана специальная комиссия по золоту, которая занялась изучением вопроса возможности возвращения к золотому стандарту. Также автором делается предположение относительно дальнейшего развития мировых финансов. Среди возможных путей реформирования мировой валютной системы особое внимание обращает на себя идея реанимирования золота в качестве универсального и естественного эталона стоимости (функция меры стоимости), позволяющего оценить и сопоставить свойства, а в конечном счете – стоимость различных товаров (в том числе активов). Так, текущий объем золотых резервов стран мира является достаточным для построения современной электронной международной системы клиринга (безналичных расчетов) по международным торговым операциям. В статье описаны возможные трудности, связанные с восстановлением золотого стандарта в полной или частичной форме, а также делается предположение относительно возможности введения золотого стандарта в рамках регионального объединения БРИКС. Многополярность мира приводит к ослаблению гегемонии США – экономики стран БРИКС, ЕС сопоставимы с американской экономикой. Безусловно, вопрос о возможном полном либо частичном восстановлении золотого стандарта относится к области не только и не столько экономики, сколько затрагивает политические интересы. Учитывая данную особенность, перспектива реинкарнации золотого стандарта на международном либо (что представляется более вероятным) региональном уровне зависит непосредственно от геополитического «веса» участников данного соглашения.

Ключевые слова: золото, золотой стандарт, мировые финансы, мировая финансовая система.

За всю историю существования мировой финансовой системы, начавшей формироваться с конца XVII в. в Амстердаме как мировом финансовом центре, экономическая роль золота претерпела ряд преобразований с соответствующим изменением набора реализуемых им функций – мера стоимости, средство обращения, средство накопления (тезаурационная), средство платежа, мировые деньги. В силу ряда причин, в большей степени неэкономического характера, монетарные функции золота были существенно сокращены. В современном мире золото играет скорее роль финансового актива, используемого экономическими агентами – инвесторами, с целью хеджирования рисков – валютного, процентного, инфляционного.

Однако нестабильность, сотрясающая мировую финансовую систему на протяжении последних 20 лет, служит существенным основанием для все чаще поднимаемого вопроса о:

- необходимости реформирования существующего финансового порядка;
- поиске более эффективных форм денег;
- иных принципах устройства мировых и национальных финансов.

С момента становления действующей Ямайской валютной системы, утвержденной Соглашением 1976 г., условия существования мировых финансов претерпели существенные изменения. Структурные принципы, положенные в основу Ямайской валютной системы под действием процесса глобализации, изменения в расстановке сил в пользу многополярного мира, постепенного ослабления гегемонии США и выдвижения на мировой арене новых экономических и политических центров [1], перестали соответствовать новым условиям мирохозяйствования, порождая серьезные структурные потрясения.

Поистине безграничная либерализация, положенная в основу существующей мировой финансовой системы, спровоцировала резкое и быстрое развитие финансовых рынков, капитализация которых выросла в тысячи раз. Транснациональное движение капитала принесло с собой как колоссальные прибыли, так и колоссальные кризисы, обусловленные отнюдь не внутристрановыми факторами. Рост фиктивного капитала посредством развития рынка производных финансовых инструментов – деривативов – усугубляет противоречия. Фактически действующая Ямайская финансовая система поставила перед мировым сообществом проблему коллективной ответственности за состояние мировой экономики. Среди основных противоречий Ямайской финансовой системы, свидетельствующих о необходимости ее реформирования, следует выделить несовершенство системы плавающих валютных курсов и неконтролируемый рост фиктивного капитала. Монетаристский подход и идея либерализации экономики провозгласили существенное ослаблению государственного валютно-кредитного регулирования.

Между возможными вариантами реформирования мировой валютной системы особое внимание обращает на себя идея реанимирования золота в качестве универсального и естественного эталона стоимости (функция меры стоимости), позволяющего оценить и сопоставить свойства, а в конечном счете стоимость различных товаров (в том числе активов). Так, текущий объем золотых резервов стран мира является достаточным для построения современной электронной международной системы клиринга (безналичных расчетов) по международным торговым операциям. Валютные клиринги получили широкое применение в международных расчетах в годы Великой депрессии (30-е г. XX в.). Также клиринговые расчеты использовались в рамках международных расчетов стран СЭВ. Привлекательность клиринга заключается, во-первых, в избежании физического перемещения золота, а во-вторых, необходимое количество золота (в условиях его текущей цены) значительно меньше, нежели при осуществлении физических платежей.

Однако следует определить ряд возможных трудностей использования золота в качестве стандарта. Основная из них заключается в том, что большая часть запасов золота сосредоточена в узкой группе стран. Так, согласно данным World Gold Council, на январь 2013 г. крупнейшими хранителями золота в официальных резервах являлись США – 8133,5 т (76,3% общего объема официальных резервов страны), Германия – 3391,3 т (73,5%), МВФ – 2814 т. Объем золота в международных резервах Российской Федерации составляет 937,8 т. (9,9%).

Самым весомым аргументом в пользу идеи восстановления золотого стандарта стала потеря доверия инвесторов к доллару США на фоне разразившегося в 2008–2010 гг. финансового кризиса. Летом 2012 г. в прессе стала появляться информация о стремлении Китая реструктурировать свои международные резервы в пользу золота и довести долю принадлежащего государству желтого металла до уровня 6000 т [2]. Учитывая, что объем международных резервов страны превышает 3 млрд долларов США, очевидно, какой удар может быть нанесен по курсу американской валюты в случае такого масштабного его выброса на рынок. Современная мировая финансовая система основывается на долларе США, который выступает в качестве резервной валюты, является средством расчетов по основному объему международных сделок, выступает в качестве меры стоимости товаров, в том числе и золота.

И если еще несколько лет назад идеи восстановления золотого стандарта казались утопическими, то в настоящее время все большее число экономистов всерьез склоняются к мысли о целесообразности возврата к золоту в качестве основы построения мировой финансовой системы или, как один из вариантов, построению регионального золотого стандарта. В частности,

в исламском мире существует проект создания единой валюты – золотого динара. Страны-экспортеры нефти в обмен на реальные природные ресурсы получают фидуциарные, то есть необеспеченные, «зеленые бумажки» (или же, как их еще именуют, – «*fiat money*» – деньги, не имеющие внутренней стоимости), поскольку расчеты на рынке энергоресурсов происходят в долларах США. Возврат к золотому стандарту позволил бы свести монополию США на нет и сделать возможным для стран-экспортеров получать за свои природные богатства эквивалентное количество товара, каковым является золото. В пользу возврата к золотому стандарту в мусульманском мире также свидетельствует вопрос менее прозаичный, чем мировой экономический порядок, ибо речь идет о религиозном порядке. В исламском мире существует особый ежегодный налог «в пользу бедных» – закят, выплата которого по нормам шариата должна осуществляться только золотом или серебром, а не бумажными деньгами.

Дискуссии о перспективах восстановления золота в своих монетарных правах начались еще в 1980-х гг. В США была создана специальная комиссия по золоту, которая занялась изучением вопроса возможности возвращения к золотому стандарту. Однако в 1982 г. комиссия пришла к заключению, что возвращаться к золотому стандарту нет необходимости. И тем не менее обсуждение данного вопроса происходило весьма бурно. В 1981 г. будущий председатель ФРС Алан Гринспен в *Wall Street Journal* высказался за то, что США должны обеспечивать свои казначейские обязательства золотом.

В течение долгого времени доллар США был обеспечен золотом, представляя собой «золотой сертификат». Однако в 1971 г. власти страны принимают решение об отмене обмена доллара на золото. К такому решению США привел начавшийся в 1965 г. кризис. До этого, в 1965 г., генерал де Голль произнес ставшую знаменитой речь, в которой заявил, что Бреттон-Вудские соглашения создали США несправедливые преимущества перед другими странами и потребовал их изменения. Генерал считал, что доллар должен быть смещен с центрального места, которое он занял в мировой финансовой системе и замещен золотом.

Начиная с 1965 г. доллар попал под давление на рынке золота, инвесторы всего мира старались дифференцировать свои активы в пользу золота. Они ожидали девальвации доллара по отношению к золоту. По Бреттон-Вудским соглашениям цена доллара к золоту была фиксированной, ее невозможно было изменить на свободном рынке. Но центральные банки стран стали обменивать аккумулированные долларовые запасы на золото. Это сделала Франция (в полной мере), Испания, Португалия, Голландия, Италия, Бельгия и даже Великобритания. К ав-

густу 1971 г. обстановка настолько ухудшилась, что президент Никсон сделал специальное заявление об отказе от Бреттон-Вудских соглашений, от конвертируемости доллара в золото. Как он тогда сказал – о «временном» отказе. Никсон тогда представил отказ от конвертируемости как чрезвычайную временную меру.

Однако «временный» характер данной меры сохраняется и по сей день. И несмотря на то что Ямайская конференция официально провозгласила демонетизацию золота, желтый металл по-прежнему остается последним оплотом финансовой стабильности, «тихой гаванью», к помощи которой прибегают инвесторы и «простые смертные» во имя сохранения своих накоплений.

В 2009 г. в прессе появилась информация о том, что якобы представители ряда стран (России, Китая, Германии, Бразилии и Индии), в том числе и производителей нефти, проводили встречи, на которых обсуждался вопрос о возможности ослабления роли доллара в мировой экономике, о частичном отказе от использования данной валюты в международной торговле. В частности, поднимался вопрос о создании некоего подобия валютной корзины. В марте 2012 г. в рамках очередного саммита БРИКС руководителями банков развития стран-участниц было подписано Соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах и подтверждении аккредитивов между этими банками. Данное соглашение послужило реальной основой достигнутых ранее договоренностей о создании системы прямых взаиморасчетов в национальных валютах между странами БРИКС [3].

Как уже говорилось ранее, в последнее время наблюдается тенденция наращивания рядом стран своих золотых запасов, что свидетельствует о снижении доверия в мире к доллару. Однако при каждом сокращении запасов доллара в одной стране должны найтись страны, желающие пополнить свои долларовые запасы, в противном случае общемировые запасы долларов должны сократиться. Описанные процессы создают определенное давление на учетные ставки в США, в ответ на которое ФРС эмитирует все больше долларов. Этот путь неизбежно приводит к системному монетарному кризису, в основе которого – постепенная утрата долларом статуса резервной валюты. Многополярность мира приводит к ослаблению гегемонии США – экономики стран БРИКС, ЕС сопоставимы с размером американской экономики.

Безусловно, вопрос о возможном полном либо частичном восстановлении золотого стандарта относится к области не только и не столько экономики, сколько затрагивает политические интересы. Учитывая данную особенность, перспектива реинкарнации золотого стандарта на международном либо, что представляется более вероятным, региональном уровне зависит непосредственно от геополитического «веса» участников данного соглашения.

Список литературы

1. Помыткин Павел. Многополярный мир – геополитическое будущее//Военное обозрение. 01.03.2012.
2. Китай хочет озолотиться//Независимая газета 09.08.2012// http://www.ng.ru/economics/2012-08-09/4_gold.html.
3. Страны БРИКС договорились о кредитовании в национальных валютах//Ведомости. 29.03.2012.

Об авторе

Колганова Мария Дмитриевна – магистр экономики, главный специалист Департамента регионального развития «Газпромбанк» (открытое акционерное общество). E-mail: vestnik@mgimo.ru

THE POSSIBILITY OF THE GOLD STANDARD REINCARNATION

M.D. Kolganova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article provides a chronology of events that led to the crisis of the modern financial system. Also, the author makes an assumption for the further development of global finances. Restoration of the gold standard in a particular seems to be one of these scenarios. The article describes the possible difficulties associated with the restoration of the gold standard in complete or partial form as well as the assumption of the possibility to introduce the gold standard in the framework of the regional integration BRICS.*

Key words: gold, gold standard, global finances.

References

1. Pomytkin Pavel. Mnogopolyarny mir – geopoliticheskoye budushee [“Multipolar world – geopolitical future”]//Voennoe obozrenie 01/03/2012// <http://topwar.ru/11887-mnogopolyarnyy-mir-geopoliticheskoe-budushee.html> (accessed 17 May, 2013).
2. “Kitay khochet ozolotit’sya” [“China wants to get rich”]//Nezavisimaya gazeta 09/08/2012// http://www.ng.ru/economics/2012-08-09/4_gold.html (accessed 1 July 2013).
3. “Strany BRICS dogovorilis o kreditovanii v nacional’nyh valyutah” [“BRICS countries agreed on lending in local currencies”] //Vedomosti 29/03/2012. // http://www.vedomosti.ru/politics/news/1577664/strany_briks_dogovorilis_o_kreditovanii_v_nacionalnyh (accessed 1 July 2013)

About the author

Maria D. Kolganova – Senior specialist of the Regional development department, Gazprombank (Open joint-stock company). E-mail: vestnik@mgimo.ru

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

В.А. Горбанев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются принципиальные различия между традиционной экономикой и геоэкологической экономикой. Чем глубже экономика внедряется в экосистему, чем сильнее она будет оказывать на нее давление, выходящее за пределы возможности экосистемы, тем более разрушительной оказывается такая несовместимость. В работе делается вывод о том, что геоэкологически устойчивая экономика требует, чтобы законы геоэкологии стали основой формирования экономической политики. Без понимания единства общества и природы, их сопряженного исторического развития рациональное природопользование невозможно. Задача создать новую экономику, действующую в соответствии с геоэкологическими законами, вполне выполнима, но только в том случае, если нам удастся заставить рынок называть истинную цену товаров и услуг, то есть с учетом экосистемных услуг. В статье показано, что человечество в настоящее время сталкивается с двумя взаимосвязанными проблемами: во-первых, это проблема рационального использования геоэкологических услуг, в том числе и природных ресурсов, а во-вторых, проблема охраны окружающей среды от загрязнения и спасения геоэкологических услуг. В ней также рассматривается взаимосвязь концепции рационального природопользования, разработанной советскими учеными еще в середине XX в., и концепции устойчивого развития, предложенной западными учеными. Автор при этом исходит из того, что устойчивое развитие – это скорее лозунг, чем научная концепция, которая вряд ли может быть осуществлена на локальном уровне, в то время как концепция рационального природопользования вполне осуществима в регионах или в отдельных государствах. Но автор полагает, что нет смысла отказываться от идеи устойчивого развития, поскольку она сама по себе весьма гуманна, не несет с собой никаких негативных последствий, нужно лишь всегда помнить, что в таком случае речь идет о рациональном природопользовании в том или ином районе земного шара.

Ключевые слова: рациональное природопользование, постиндустриализация, геоэкология, геоэкоэкономика, окружающая среда, экосистемные услуги, природоемкость ВВП, устойчивое развитие, индикаторы устойчивого развития.

Одной из серьезнейших глобальных проблем современности является усиленный рост потребления и использования как самих природных ресурсов, так и экосистемных услуг, что объясняется, с одной стороны, ростом численности населения планеты, а с другой – ростом экономики и технической вооруженности человечества. Одновременно с ростом потребления усиливается глобальная деградация окружающей среды. В то же время темпы роста мероприятий по охране окружающей среды явно отстают от этого процесса [10].

Американский ученый Лестер Браун пишет в своей книге: «Вопрос заключается в том, является ли окружающая среда частью экономики или, наоборот, экономика является частью окружающей среды... Именно современные взгляды экономистов создали экономику, не согласующуюся с экосистемой, от которой она зависит» [4, с.30]. Пропасть между экономистами и геоэкологами по-прежнему широка, хотя в последние 10–15 лет проявились некоторые сдвиги в сторону их взаимодействия. И глобальные изменения климата в значительной степени способствовали этому сближению. Экономисты традиционно смотрят на рост мировой экономики, на рост торговли товарами и услугами, рост капиталовложений как средство для увеличения прибыли, в результате чего растет благосостояние людей, с глубоким удовлетворением.

Геоэкологи же смотрят на тот же рост с глубокой тревогой, так как понимают, что он является результатом сжигания огромного количества топлива, цена на которое искусственно занижена, и что этот процесс ведет к дестабилизации климата на планете. Результатом же этого станут усиление жары, штормов, ураганов, паводков, деградация почвы, опустынивание, повышение уровня Мирового океана, ускорение процессов сокращения биоразнообразия нашей планеты.

Например, традиционная экономика всегда положительно отзывалась о рынке. А геоэкология смотрит на рынок с большой осторожностью. Когда потребитель покупает хлопчатобумажное изделие, он платит за определенное количество убранного хлопка, за переработку хлопка, за труд по доставке этого товара потребителю. Но он не производит оплату за лечение заболевания огромного количества женщин и детей, которые собирают хлопок и травятся химикатами, он не платит за использованную воду при орошении, причем большая часть этой воды просто испарилась или ушла в почву, не платит за деградацию почв в результате неправильного землепользования и не расплачивается за то, что огромные пространства почв засаливаются и становятся непригодными. Кто, например, заплатил за уничтожение Аральского моря и земель вокруг него?

И чем глубже экономика внедряется в экосистему, чем сильнее она будет оказывать на нее давление, выходящее за пределы возможности экосистемы, тем более разрушительной оказывается такая несовместимость. Лауреат Нобелев-

ской премии мира А. Гор высказался еще резче: он подчеркнул, что необходимо изменение тех черт нашей экономической философии, которые ущербны, поскольку они узаконивают и даже поощряют разрушение окружающей среды [7, с. 13]. Геоэкологически устойчивая экономика или геоэкоэкономика требует, чтобы законы геоэкологии стали основой формирования экономической политики. Мы сегодня дожили до ситуации, когда антагонистический характер во взаимодействии общества с природой сделался очевидным фактором. Совершенно ясно, что человечество должно осознать, что оно есть часть природы и что общественное производство и потребление должны «вписываться» в окружающую среду как ее компоненты. Без понимания единства общества и природы, их сопряженного исторического развития рациональное природопользование невозможно.

Поэтому, отвечая на вопрос, поставленный в самом начале статьи, можно ответить, что в настоящее время экономика должна стать составной частью окружающей среды и соответственно геоэкологии. В последнее время рыночные механизмы постепенно внедряются в область геоэкологии. Создано Международное общество экологической экономики (основано в 1989 г.), членом которого является и Россия. Перед нами стоит очень сложная задача – создать новую экономику, действующую по геоэкологическим законам. Эта задача экономически выполнима в том случае, если нам удастся заставить рынок называть истинную цену товаров и услуг, то есть с учетом геоэкологических (или геоэкологических) услуг [3,5,16].

В настоящей работе часто используются термины геоэкология, экология, окружающая среда, природная среда, природопользование. Наверное, нужно пояснить, что понимается под этими терминами, хотя у разных ученых интерпретация этих терминов иногда несколько расходится. Что такое географическая оболочка, или, по-другому, ландшафтная оболочка? Это внешняя по отношению к человеку природная среда (хотя человек, как биологический вид, тоже в нее входит), где взаимодействуют литосфера, гидросфера, атмосфера и биосфера. Географическая оболочка была до человека и может существовать без человека. Одна ее часть остается не затронутой человеческой деятельностью, хотя эта часть все время сокращается, то есть это неосвоенная часть природы. Другая часть географической оболочки – объект человеческой деятельности, понятие соотносительное, немыслимое вне существования общества. Это и есть окружающая (или географическая) среда (*environment*). Окружающая среда насыщена результатами человеческой деятельности, по-другому – это очеловеченная природа. Еще ее иногда называют «второй природой». Окружающая среда – это результат взаимодействия трех сфер: физической, то есть природной, техногенной (или экономической), созданной человеком, и социальной, сферы общественных отношений.

Отсюда нетрудно видеть, что изучение законов развития окружающей среды – суть взаимодействия естественных и общественных наук.

Процесс современного производства настоятельно требует усиления комплексного развития естественных и общественных наук, установления связей между ними. И в этом отношении нужно сразу сказать, что единственная наука, изучающая одновременно физическую природу и социально-экономическую сферу, – это география. Именно география призвана всесторонне изучать окружающую среду [1;8]. Таким образом окружающая среда (или географическая среда) – особая часть земной природы, которая в значительной степени изменена целенаправленной человеческой деятельностью, насыщена результатами процесса труда, в которой интенсивно развиваются различные формы социального взаимодействия людей.

В узком смысле можно сказать, что окружающая среда – это часть географической оболочки Земли, где общество непосредственно развивается и взаимодействует с природой [1]. Говоря об окружающей среде, хотелось бы отметить еще один важный момент. Российские переводчики сплошь и рядом, даже в международных документах, переводят с английского языка слово «environment» как «экология», а прилагательное «environmental» как «экологический», что абсолютно неверно и в корне искажает смысл.

Теперь несколько слов об экологии и геоэкологии [8; 6; 14]. Слово «геоэкология» слышится реже, а вот «экология» – на каждом шагу. Причем, как правило, неуместно. Что такое экология? На этот вопрос ответил великий ученый Э. Геккель еще в 1866 г. Под этим термином он подразумевал раздел биологии, исследующий взаимоотношения живого организма с окружающей его биотической (живой) и абиотической (неживой) природой. И мы должны исходить из того, что экология – это наука, именно биологическая наука. Поэтому, когда мы очень часто слышим выражения типа «в таком-то районе плохая (или хорошая) экология», получается полная бессмыслица.

В то же время геоэкология имеет дело не только с биотической и абиотической природой, но и с антропогенной средой, и с социальной средой, то есть, по-другому, – с окружающей средой (географической средой – по В.А.Анучину). А это уже не биология, а география. Поэтому можно заключить, что геоэкология – это раздел географии, изучающий взаимодействие человека с окружающей средой, или, иначе, – с системой трех сфер: природной, антропогенной и социальной [8].

И последнее понятие – природопользование. Очень часто понятия «природопользование» и «геоэкология» смешивают или подменяют их друг другом. Этого делать нельзя. На наш взгляд, природопользование – это не наука, это – деятельность, но деятельность, опирающаяся на результаты, полученные различными науками: той же геоэкологией, почвоведением, климатологией, геологией, экономикой, культурологией и другими науками, и направленная на использование

обществом природных ресурсов и «геоэкосистемных услуг».

Природопользование может быть двух типов: рациональное и нерациональное. Под рациональным природопользованием обычно понимают такую систему деятельности по использованию природных ресурсов, при которой обеспечивается экономия ресурсов, повышается эффективность их воспроизводства, обеспечивается охрана окружающей среды, включая охрану экосистем. В то же время нерациональное природопользование – это такая деятельность, которая не способствует осуществлению указанных целей.

Концепция рационального природопользования впервые была разработана советскими географами, и прежде всего Д.Л. Армандом, который еще в 60-х гг. прошлого века писал: «Моральный долг каждого поколения – оставить следующему поколению природные богатства в лучшем состоянии и в большем количестве, чем оно получило от предыдущего» [2, с.36]. В дальнейшем эта концепция была развита в работах советских и российских ученых: В.А. Анучина, В.С. Преображенского, Н.Ф. Реймерса, Э.В. Гиурсова, С.Н. Бобылева, Н.Ф. Глазовского, Н.Н. Ключева, А.А. Тишкова и др. Впоследствии идеи рационального природопользования получили свое развитие сначала за рубежом, а позже и в России в виде концепции устойчивого развития [9, 13, 16,19].

По В.А. Анучину, рациональное природопользование, включающее в себя воспроизводство и охрану природы, подразумевает «такое использование богатств природы, которое, обеспечивая общество необходимой энергией и материалами, одновременно улучшает или во всяком случае не ухудшает среду общественного развития» [1, с.214]. В последние годы ученые всего мира все чаще говорят не столько о вышеперечисленных традиционных природных ресурсах, сколько об экосистемных услугах. Начало этому процессу было положено в результате реализации в 2002 – 2005 гг. Глобальной программы ООН «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» [18]. Экосистемные (или геоэкосистемные) услуги включают: обеспечивающие, регулирующие, культурные и поддерживающие (табл. 1).

Главный вывод Глобальной программы ООН – за последние 50 лет антропогенные изменения экосистем происходили более быстро и глубоко, чем в любой другой аналогичный период в человеческой истории, что привело к коренным изменениям экосистем зачастую к необратимым потерям. Многие достижения последних лет были получены за счет деградации геоэкосистемных услуг, которая явилась результатом резкого увеличения потребления природных ресурсов. В связи с процессом природопользования необходимо иметь в виду еще один важный момент, имеющий противоречивый характер, а именно: потребности людей растут быстрее, чем численность населения.

Важнейший показатель геоэкологической нагрузки – производство численности населения на величину потребления экосистемных услуг

(или природных ресурсов) на душу населения. Следовательно, регулировать геоэкологическую нагрузку (антропогенное воздействие) на окружающую среду можно, как показал Г. Голубев, путем регулирования этими двумя показателями [6]. Если за индикатор всемирного потребления взять объем промышленного производства и за единицу принять 1900 г., то в 1938 г. оно равнялось 3,1, в 1953 г. – 5,7 и в 1980 г. уже 20,4, то есть за 80 лет выросло более чем в 20 раз. Причем наиболее быстрый рост наблюдается во второй половине XX в. В то же время рост населения мира с 1950 по 1980 г. составил с 2,5 млрд человек до 4,2 млрд человек соответственно и за те же 80 лет увеличился только в 1,7 раза.

Таблица 1

Экосистемные услуги

Обеспечивающие – ресурсы, производимые или поставляемые экосистемами	Регулирующие – польза или выгода, получаемые от регулирующего действия экосистемных процессов, т.е. услуги, воздействующие на климат, стихийные бедствия, качество воды	Культурные – нематериальные выгоды, получаемые от экосистем
– Пища – Пресная вода – Древесина – Волокно – Минеральные ресурсы – Генетические ресурсы – Энергия – Стройматериалы	– Защита от заболеваний – Защита от паводков – Обеззараживание воздуха – Регулирование климата – Регулирование водного стока – Очистка воды и почв	– Эстетические – Рекреационные – Образовательные – Духовные
Поддерживающие – услуги, поддерживающие жизнь на Земле		
– Круговорот воды и питательных веществ – Первичная продукция – Фотосинтез – Почвообразование – Опыление – Циркуляция атмосферы и вод Мирового океана – Обмен энергией между атмосферой и океаном		

В эпоху постиндустриализации резко увеличилось потребление полезных ископаемых. Добыча нефти с 1950 по 2007 г. выросла почти в 8 раз, природного газа – почти в 15 раз, угля – в 3,5 раза, железных руд – в 7,5 раз, а бокситов с 1938 по 2006 г. – в 46 раз, золота – в 2,5 раза. Если говорить о лесных ресурсах, то деревья вырубают или сжигают быстрее, чем они самовосстанавливаются. Мировая заготовка леса с 1950 по 2005 г. возросла в 2,4 раза, в результате чего падает уровень грунтовых вод; в то же время потребление воды за этот период выросло более чем в 2 раза. Из-за неправильного управления природными ресурсами, их хищнического потребления уничтожаются леса, пастбища, пахотные земли, места обитания рыбы, а это – четыре основные экосисте-

мы, которые обеспечивают нас пищей, и сегодня мы также зависим от этих природных экосистем, как зависели и наши предки.

С другой стороны – человеческое общество возвращает в природу отходы своей деятельности, загрязняя окружающую среду и подрывая геоэкосистемные услуги. Серьезнейшая проблема современности – глобальное изменение климата [8; 9]. Еще точно не установлено, решающая или не решающая роль человека в этом изменении, но то, что антропогенная деятельность в значительной мере влияет на изменение климата – это абсолютно точно. Выбросы в атмосферу парниковых газов возросли на 70% с 1970 по 2004 г., выбросы углерода с 1950 по 2000 г. – в 2,5 раза вследствие сжигания минерального топлива, изменения землепользования и вырубки лесов. В результате за последние 100 лет средняя температура атмосферы выросла на 0,75 °С. Тают ледники Арктики, пересыхают крупнейшие реки мира, колодцы, моря, повышается уровень Мирового океана, усиливаются бури и штормы, понижается уровень грунтовых вод.

В биосфере сокращается биоразнообразие, в том числе сокращаются популяции промысловых рыб, сокращаются площади лесов (в XX в. она сократилась с 5 млрд га до 2,9 млрд га, то есть в 1,7 раза), половина всех пастбищ и лугов пришла в упадок. Серьезнейшая мировая проблема современности – деградация почв, прежде всего ветровая и водная эрозия вследствие чрезмерного вспахивания. Сегодня 65% пахотных земель подвержены деградации. Процесс эродирования почвы в конечном счете приводит к антропогенному опустыниванию, которое уже захватило 10 млн кв.км.

Таким образом, можно сделать вывод, что мы сталкиваемся с двумя взаимосвязанными проблемами: во-первых, это проблема рационального использования геоэкосистемных услуг, в том числе природных ресурсов и, во-вторых, проблема охраны окружающей среды от загрязнения и спасения геоэкосистемных услуг, то есть имеют место две «стороны медали» – ресурсная и геоэкологическая.

Наступающая эпоха постиндустриализации коренным образом меняет суть природопользования. Если раньше речь шла о состоянии отдельных видов природных ресурсов, то в настоящее время человечество сталкивается с глобальной геоэкологической проблемой, где все компоненты окружающей среды – природные, техногенные, социальные – переплетаются в единый узел.

В постиндустриальных, развитых странах в последние 20 – 30 лет наблюдается резкое сокращение потребления сырья и материалов. «Экономика знаний» способствует смягчению проблем окружающей среды. В то же время в индустриальных и тем более в доиндустриальных странах сохраняется бедность, усиливается деградация окружающей среды, учащаются геоэкологические катастрофы. В странах Евросоюза на природоохранные проекты выделяется 3–6% ВВП, в США меньше – около 2,5% ВВП, причем этот показатель

растет. В результате природоохранных мероприятий в этих странах удалось снизить нагрузку на окружающую среду при одновременном росте объемов производства. По оценкам МВФ, потребление природных ресурсов в развитых странах на единицу готовой продукции сокращается ежегодно на 1,23%. Расширяется использование вторсырья: в ФРГ сельскохозяйственные отходы, отработанные масла утилизируются на 90%, корпуса автомобилей – на 98%. Одновременно рациональное природопользование достигается за счет географических сдвигов в структуре экономики: энерго- и материалоемкие производства заменяются наукоемкими, причем первые все чаще перемещаются в развивающиеся страны.

Конечно, объективности ради следует подчеркнуть, что постиндустриальные функции в развитых странах сложно переплетаются с индустриальными, что характерно в первую очередь для средних и малых предприятий и компаний. Потребности населения в развитых странах отнюдь не уменьшились, наоборот, они все время растут. Сегодня один житель развитых стран потребляет столько же ресурсов, сколько 20 человек в развивающихся, а потребление энергии одним американцем эквивалентно ее потреблению 14 китайцами или 531 эфиопами. В целом развитые страны потребляют 50% общемировой энергии и 80% сырьевых ресурсов.

И тем не менее интенсивная экономика постиндустриальных стран демонстрирует гибкость и способность переориентации к меняющимся условиям природопользования. В результате внедрения ресурсосберегающих технологий им удалось за 25 лет в 1,5–2,0 раза снизить природоемкость своего ВВП (табл. 2) [10].

Таблица 2

Динамика природоемкости ВВП ряда стран (долл. США, на 100 долл. ВВП)

Страна	1970 г.	1995 г.
США	13	8
Канада	19	10
Япония	9,3	4,2
ФРГ	6,6	3,2
Франция	7,7	3,3
Италия	10,9	4,5
Великобритания	8,7	4,9
Россия	16	15

В развивающихся странах в целом за 2000-е гг. потребление энергии выросло почти на 70%, в то время как в развитых странах – только на 5%, и это при том, что ВВП в развивающихся странах вырос на 60 – 70%, а в развитых – на 25 – 30%.

Постсоциалистические и развивающиеся страны продолжают развиваться экстенсивным путем догоняющего развития, то есть объемы потребления ресурсов у них меняются параллельно (или даже более высокими темпами) с ростом экономики.

Видимо, правы те ученые, которые полагают, что в эпоху постиндустриализации экономика должна стать эконимикой и перейти от парадигмы роста к парадигме развития. Только в этом случае мы сможем обеспечить рациональное природопользование [1,3,4,5,7,9].

В 1972 г. в Стокгольме состоялась Конференция ООН по окружающей среде. Важнейший вывод, сделанный конференцией, – признание существования неразрывной связи между безопасной окружающей средой и социально-экономическим развитием. Итогом конференции явилось создание Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) под председательством бывшего премьер-министра Норвегии, г-жи Харлем Брундтланд, подготовившей к 1987 г. доклад об оптимальном развитии человечества «Наше общее будущее» [13]. В докладе доказывалась необходимость и возможность устойчивого триединого развития, объединяющего окружающую среду, социальную и экономическую составляющие, как единственного реального пути дальнейшего развития цивилизации.

Основной вывод комиссии, как заявила Х. Брундтланд, заключается в том, что «окружающая среда – это место нашей жизни, а развитие – наши действия по улучшению нашего благосостояния в ней. Оба эти понятия – неразделимы». И как следствие, возникает необходимость достижения устойчивого социально-экономического развития, при котором решения принимались бы с полным учетом экологических факторов. Комиссия сформулировала определение устойчивого развития. Это – «такое развитие, которое способно обеспечить удовлетворение потребностей настоящего времени, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [13, с.50]. Нетрудно видеть, что данное определение очень близко идеям, высказанным советскими географами Д.Л. Армандом и В.А. Анучиным еще 60 – 70-х гг. прошлого века, о чем говорилось выше.

Таким образом, устойчивое развитие – это идеология баланса интересов поколений в рамках геоэкологической парадигмы, предписывающей справедливое распределение ограниченных геоэкологических услуг. Она предполагает наличие баланса трех компонентов: социальной стабильности, экономического развития и высокого качества окружающей среды. Согласование этих компонентов и их перевод на язык конкретных мероприятий, являющихся средствами достижения устойчивого развития, – задача огромной сложности, поскольку все три элемента устойчивого развития должны рассматриваться сбалансированно [16, 19]. На основе концепции устойчивого развития Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) приняла Декларацию Рио, включающую основные принципы поведения глобального сообщества в XXI в.

Однако по отношению к концепции устойчивого развития имеются и серьезные возраже-

ния как среди некоторых зарубежных, так и российских ученых. В принципе идея устойчивого развития – крайне гуманная и благородная, и ей нет альтернативы. Но ряд ученых считают, что эта концепция, несмотря на ее огромную гуманистическую роль, скорее лозунг, чем научная концепция [8]. Условия и цели УР весьма утопичны. В частности, задача снижения ресурсопотребления – весьма правильная, но может быть осуществлена в очень далекой перспективе. Или необходимость сохранения устойчивой биосферы – это в принципе некорректная постановка проблемы, так как биосфера как система всегда устойчива, иначе она давно бы погибла. То есть биосфера вполне справляется со своими обязанностями, ей просто не надо мешать. Поэтому в обозримом будущем вряд ли удастся снизить нагрузку на биосферу и реализовать принципы УР для всего мира в целом.

Российский ученый Д.И. Люри пишет, что концепция устойчивого развития должна состоять из системы ограничений: ограничения роста численности населения, ограничения роста индивидуального потребления, ограничения роста эффективности ресурсопользования, ограничения на уничтожение экосистем, ограничения демократии и свобод, ограничения (как это не прискорбно) научно-технологического развития. И далее Д. Люри делает вывод, что человечество в ближайшие десятилетия не сможет согласиться, а тем более реализовать эти ограничения. Поэтому наиболее вероятным, по Д. Люри, будет дальнейшая дестабилизация обстановки, которая приведет к глобальному экологическому кризису, а концепция УР останется «светлым будущим всего человечества». При этом данный кризис – не ошибка развития человечества, а закономерный этап развития цивилизации. «Поэтому, – заключает Д. Люри, – нам нужно, надеясь на «светлое будущее» – УР, готовиться к реальной перспективе – контролируемому кризису» [11, с.91].

Безусловно, УР – это цель, к которой нужно стремиться, это – идеал. УР – это глобальный процесс, и устойчивое развитие может быть достигнуто только на глобальном уровне. Не может быть устойчивого развития в отдельно взятой стране или в одном регионе. Устойчивое развитие – процесс крайне сложный, который может быть осуществлен исключительно в развитых странах, обладающих высокими технологиями. Только такое общество способно сознательно пойти на серьезные ограничения и при этом сохранять и приумножать свой социально-экономический потенциал. Нетрудно сделать вывод, что такую функцию может выполнить исключительно постиндустриальное общество. Индустриальное общество, а уж тем более доиндустриальное об устойчивом развитии не может даже мечтать. Поскольку, как было изложено выше, постиндустриальное общество только начинает формироваться в наиболее развитых странах, а в остальном мире о нем говорить не приходится, то и об устойчивом развитии в глобальном масштабе также не может быть и речи.

Другое дело – в отдельных регионах, в отдельных странах могут и должны осуществляться проекты рационального природопользования: проекты по рациональному использованию природных ресурсов, по охране экосистем и окружающей среды. Но эти проекты не могут быть проектами по реализации устойчивого развития, это, скорее, проекты, которые в состоянии взять под контроль экологический кризис, то есть проекты по «контролируемому кризису». Тем не менее, учитывая ту поддержку, которую получила концепция устойчивого развития в мире и ее огромный воспитательный потенциал, видимо, нет смысла от нее отказываться, но при этом всегда иметь в виду, что фактически речь идет о рациональном природопользовании в том или ином районе земного шара [8].

Разработка индикаторов устойчивого развития представляет собой сложную научную проблему. Для характеристики устойчивого развития, или, правильнее, – степени рациональности природопользования, имеется ряд показателей, которые можно рассматривать на разных географических уровнях: глобальном, национальном, региональном, локальном и даже для отдельных населенных пунктов. Однако предполагаемые показатели во многом носят дискуссионный характер и не получили однозначного признания в мировой практике [15].

В настоящее время можно выделить следующие широко известные индикаторы устойчивого развития:

- Индекс мер по охране окружающей среды (EPI), разработанный Йельским и Колумбийским университетами. Каждая страна оценивается на основе 25 индикаторов, собранных в 10 групп, которые разделены на две части: жизнеспособность экосистем и здоровье окружающей среды.

- Индекс устойчивости окружающей среды (ESI) разработан теми же университетами и рассчитывается по 21 индикатору, которые включают наличие природных ресурсов, уровень загрязнения, меры по охране окружающей среды, вклад в защиту глобальных ресурсов и др.

- Система экологических индикаторов ОЭСР, получившая в Европе широкое признание, включает более 50 социально-экономических индикаторов и индикаторов состояния окружающей среды. Показатели сгруппированы по следующим разделам: изменение климата, озоновый слой, состояние воздуха, отходы, качество и ресурсы пресных вод, лесные ресурсы, рыбные ресурсы, энергоресурсы, биоразнообразие. Система индикаторов ОЭСР представляет собой модель «давление–состояние–реакция», которая выявляет причинно-следственные связи между экономической деятельностью, экологическими и социальными условиями, помогает лицам, принимающим решения, и общественности увидеть взаимосвязь этих сфер и выработать политику для решения возникающих проблем. Эта модель работает следующим образом: человек своей деятельностью оказывает «давление» на окружающую среду, в результате

происходит изменение количества и качества природных ресурсов (состояние), а общество в свою очередь реагирует на это путем изменения государственной политики, общественного сознания, поведения (реакция).

– Индикаторы устойчивого развития, разработаны также Комиссией по устойчивому развитию ООН (КУР). В системе КУР были выделены четыре подсистемы индикаторов: экономическая, социальная, экологическая и конституциональная. Выбор 134 индикаторов, предназначенных для международных сравнений, осуществлялся по модели ОЭСР «давление–состояние–реакция». Однако позже количество индикаторов было сокращено. В итоге была принята более простая модель «тема–подтема–индикатор». В каждой области определяются главные темы. Затем темы детализируются по подтемам и в дальнейшем сводятся к минимальному набору индикаторов.

– Экологически скорректированный ВВП представляет собой откорректированный традиционный ВВП с учетом истощения природных ресурсов и ухудшения качества окружающей среды («Зеленый ВВП»). По предварительным оценкам, в среднем величина экологически скорректированного ВВП составляет около 60 – 70% от суммарного ВВП. Первыми этот показатель ввели в практику китайские специалисты. В Китае расчет «Зеленого ВВП» практически свел к нулю темпы экономического роста. Правительство КНР сделало из этого незамедлительные выводы, поэтому начало активную работу над тем, чтобы снизить ущерб от загрязнения окружающей среды, добиться высоких темпов роста именно «Зеленого ВВП».

– Английские экономисты Дж. Атkinson и Д. Пирс, а чуть позднее экономисты Всемирного банка К. Гамильтон и Д. Диксон рассчитали показатель «истинных сбережений» по формуле: $ИС = ВВС - АОК + РО - ИПР - УЗОС$ [17]. Истинные сбережения (ИС) являются результатом последовательной коррекции экономических показателей. На первом этапе определяется величина чистых внутренних сбережений как разница между валовыми внутренними сбережениями (ВВС) и величиной амортизации основного капитала (АОК). На втором этапе чистые внутренние сбережения

увеличиваются на величину расходов на образование (РО) и уменьшаются на величину истощения природных ресурсов (ИПР) и ущерба от загрязнения окружающей среды (УЗОС). Формула демонстрирует темпы увеличения национального богатства за счет прироста сбережений, однако скорректированных на потери от истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Все показатели берутся в процентах от ВВП.

Проведенные на основе этих методик расчеты по отдельным странам показали огромное расхождение традиционных экономических и экологически скорректированных показателей. Для многих стран мира актуальна ситуация, когда при формальном экономическом росте происходит экологическая деградация и экологическая коррекция может привести к значительному сокращению традиционных экономических показателей вплоть до отрицательных величин их прироста. Так, в России в 2000 г. при росте ВВП на 9% показатель истинных сбережений составил отрицательную величину – (-13%). Для России как страны, расходующей свои минеральные ресурсы, показатель «истинных сбережений» особенно важен. Он показывает лицам, принимающим решения, необходимость компенсации истощения природного капитала ростом вложений в человеческий и физический капиталы.

Как видно из приведенной табл. 3, показатель «истинных сбережений» положителен для большинства стран, причем в Китае и Индии этот показатель наивысший. Такая ситуация складывается за счет того, что в этих странах очень большие валовые внутренние сбережения и невысокая степень истощения природных ресурсов. В то же время в России отрицательная величина возникает из-за значительного истощения природных ресурсов, особенно минерального сырья [17].

В рамках «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (Указ Президента РФ № 440 от 1.04.1996 г.) разрабатываются «Национальные планы действий по охране окружающей среды Российской Федерации». Для этих целей была создана система индикаторов устойчивого развития РФ, которая включает 42 индикатора, большинство которых рассчитывается в целом по стране на основе официальных

Таблица 3

Годовые значения «истинных сбережений» в ряде стран (в % от ВВП)

Страна	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
США	8,3	9,3	9,2	6,4	4,7	4,0	3,0	2,4	5,2	0,9	- 0,8	0,4	0,9
ФРГ	14,9	10,2	9,6	9,5	9,3	9,7	10,1	12,1	14,3	--	11,4	13,2	13,8
Швеция	17,1	14,0	14,5	16,0	16,7	19,4	18,6	19,4	19,6	20,5	16,0	17,0	18,7
Австралия	11,4	4,3	4,2	5,4	4,9	6,0	3,9	2,4	5,2	15,0	--	8,2	6,8
Япония	16,3	18,0	14,2	14,4	13,5	14,4	14,6	15,8	19,5	15,3	12,1	12,3	10,1
КНР	29,4	26,8	26,6	30,7	34,4	27,8	31,8	36,1	36,8	35,1	39,7	36,3	35,1
Индия	9,0	12,2	11,8	9,8	13,5	12,0	18,6	20,6	26,4	24,2	24,1	21,8	22,5
Бразилия	12,2	6,3	7,0	9,0	7,4	10,7	8,0	3,5	4,5	5,2	4,6	6,1	6,6
ЮАР	10,5	4,5	3,3	5,2	6,5	5,6	0,3	- 0,3	0,4	- 3,4	0,3	1,6	1,5
Россия	12,2	-13,4	- 9,8	- 5,7	-10,7	- 4,4	-10,4	-13,8	1,4	1,5	- 0,8	4,5	7,1

статистических данных, ведомственной информации и разовых обследований. Система состоит из четырех разделов по геоэкологии (атмосфера, земля, пресная вода, биоразнообразие – всего 21 показатель), раздела «Экономическая структура» (8 показателей), раздела «Модели потребления и производства» (13 показателей). Однако эта система пока не получила широкого распространения, так как не была достоверно опробована и не имеет статистической базы по регионам страны.

Для того чтобы человечество смогло перейти к новой экономической парадигме – геоэкоэкономике, человечество должно завершить демографический переход к современному типу воспроизводства, в результате чего народонаселение должно стабилизироваться на уровне примерно 8 – 10 млрд человек. Это – первое, и, во-вторых, геоэкологическая экономика должна принимать во внимание геоэкологические ценности. К ним относятся: необходимость ведения хозяйственной деятельности в соответствии с законами природы, экологически справедливые цены на природные

ресурсы и геоэкологические услуги, налоги на загрязнение окружающей среды и на использование природных ресурсов и услуг, использование только прироста возобновляемых природных ресурсов. Иными словами, главной задачей экономики должно стать улучшение качества жизни без дальнейшего роста объема экономики; главная стратегия экономики должна измениться от роста к развитию.

Перед нами стоит крайне сложная задача по созданию экономики, действующей по геоэкологическим законам. По-новому устроенная экономика должна вписаться в геоэкосистему Земли таким образом, что отношения между ними станут равными. Это и будет залогом экономического прогресса. Очень хорошо сказал по этому поводу бывший вице-президент компании «Эссо» по Норвегии Э.Дале: «Социализм погиб из-за того, что его цены не отражали экономическую реальность, а капитализм может погибнуть из-за того, что его цены не отражают реальность экологическую» [4, с.53].

Список литературы

1. Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978. 293 с.
2. Арманд Д.Л. Нам и внукам. М.: Мысль, 1964. 251 с.
3. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. М.: ИНФРА-М, 2010. С.500.
4. Браун Л. Экоэкономика. Как создать экономику, сберегающую планету. М.: Весь мир, 2003. С. 392.
5. Голуб А.А., Маркадия А., Струкова Е.Б. Экономика окружающей среды и природных ресурсов: вводный курс. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 268.
6. Голубев Г.Н. Геоэкология. М.: ГЕОС, 1999. 337 с.
7. Гор А. Неудобная правда. Санкт-Петербург: Амфра, 2007. 328 с.
8. Горбанев В.А. Общественная география зарубежного мира и России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2014. 400 с.
9. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М.: МНФРА-М, 2005. 223 с.
10. Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б. География мирового хозяйства. М.: Владос, 1999. 399 с.
11. Люри Д.И. Устойчивое ресурсопользование и концепция глобального ресурсно-экологического перехода // Природопользование и устойчивое развитие. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 78-91
12. Медоуз Д., Рандерс Й, Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2007. 342 с.
13. Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989. 372 с.
14. Розанов Л.Л. Геоэкология. М.: Дрофа, 2010. 270 с.
15. Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Материалы Международной конференции «Устойчивое развитие: природа–общество–человек», Т. 1. М.: 2006. С. 127-144.
16. Daly Herman. Ecological Economics and Sustainable Development. 268 p.
17. Kirk Hamilton. Genuine Saving as a Sustainability Indicator // The World Bank Environment Dep., Environmental Economics Series. Oct. 2000. 28 p.
18. Millennium Ecosystem Assessment, 2005. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis, Island Press, Washington, DC. 128 p.
19. Sustainable Development: Concepts, Rationalities and Strategies. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht/Boston/London, 1998. 336 p.
20. Stavrus R. Economics of the Environment: Forth edition. WW. Norton&Company, 2000.

Об авторе

Горбанев Владимир Афанасьевич – к.и.н., д.г.н., профессор кафедры мировой экономики Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.
E-mail: gorbanyov@is-net.ru

NATURE-USE AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

V.A. Gorbanyov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The fundamental difference between a traditional economy and geoecological economy is discussed in the article. The deeper the economy is being introduced into the ecosystem, the stronger it will be pressure on it that is outside the ecosystem, the more destructive is this incompatibility. It is concluded that the geoecological sustainable economy requires that the laws of geoecology became the basis of economic policy. Rational nature-use is impossible without an understanding of the unity of society and nature, their historical development of mutual. Our challenge is to create a new economy, acting on geoecological laws, this task is quite feasible, but if we can make the market called the true price of goods and services, that is taking into account the ecosystem services. The article shows that humanity is now faced with two interrelated problems: First - this is a problem of rational use of geoecosystem services, including natural resources, and secondly - the problem of environmental protection of pollution and save geoecosystem services, that is there are two "sides of the coin" - geoecological and resource. The relationship of the concept of rational nature-use, developed by Soviet scientists in the mid-twentieth century, and the concept of sustainable development, suggested by Western scientists is studied. It is shown that sustainable development - this is more a slogan than a scientific concept, which is unlikely to be implemented at the local level. At the same time, the concept of rational nature-use is feasible in regions or individual countries. At the same time, it is concluded that there is no sense to abandon the idea of sustainable development, as it is in itself a very humane, has received wide international recognition, does not carry negative consequences, but you should always keep in mind that essentially - we are not talking about sustainable development but about rational nature-use in a given area of the globe. The examples of indicators of sustainable development are given in the article.*

Key words: Nature-use, rational nature-use, post-industrialization, geoecology, economy, geoeconomy, environment, ecosystem services, nature-capacity of GDP, sustainable development, genuine savings, indicators of sustainable development.

References

1. Anuchin V.A. Osnovy prirodopolzovaniya. Teoretical aspect [Basis for Using Natural Resources. Theoretical aspects]. Moscow, Mysl. 1978. 293 p.
2. Armand D.L. Nam i vnukam [For us and our grandchildren]. Moscow, Mysl. 1964. 251 p.
3. Bobylev S.N., Khodjaev A.Sh. Ekonomika prirodopolzovaniya [Economy for nature-use]. Moscow, INFRA-M. 2010. 500 p.
4. Brown Lester R. Eco-economy. Building an Economy for the Earth. Earth Policy Institute. Norton&Company, New-York, London, 2001. 224 p. (Russ.ed.: Lster Braun. Ekoekonomika. Kak sozdat ekonomiku, oberegajuschuju planet. Moscow, Ves Mir Publ., 2003. 392 p.)

5. Golub A.A., Markadia A., Strukova E.B. *Ekonomika okruzhaiushchei sredy i prirodnikh resursov: vvodnyi kurs* [Environment and natural resources economy: introductory course]. Moscow, Higher School of Economics, 2003. 268 p.
6. Golubev G.N. *Geoekologija* [Geoecologia]. Moscow, GEOS, 1999. 337 p.
7. Gore Al. *An Inconvenient Truth. The Planetary Emergency of Warming and What we can do about it*. Rodale Press, 2006. 325 p. (Russ. Ed.: Al.Gor. *Neudobnaja Pravda. Globalnoe poteplenie: kak ustanovit planetarnuju katastrofu*. St.Petersburg, Amfora Publ., 2007. 328 p.).
8. Gorbanyov V.A. *Obschestvennaja geografia zarubeznogo mira i Rossii* [Human Geography of foreign world and Russia] Moscow, OLMA-PRESS, 2014. 400 p.
9. Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S., Reif I.E. *Pered glavnym vyzovom tsivilizatsii. Vzglyad iz Rossii* [Before the main challenge of civilization. A view from Russia]. Moscow, INFRA-M, 2005. 223 p.
10. Lipets U. G., Pulyarkin V.A., Shlikhter S.B. *Geografiya mirovogo khozyaistva* [Geography of World Economy]. Moscow, Vldos, 1999. 399 p.
11. Liuri D.I. *Ustoichivoe resursopolzovanie i kontseptsiya globalnogo resursno-ekologicheskogo perekhoda* [Sustainable use of resources and Conception of global resource-ecological transition]. *Prirodopolzovaniye i ustoichivoe razvitiye* [Nature-use and Sustainable development]. Moscow, Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2006. PP. 78-91
12. Meadows D., Randers J, Meadows D. *Limits to Growth. The 30-year update*. Chelsea Green Publishing Company, Vermont, 2004. 368 p. (Rus. ed.: Medouz D., Randers I., Medouz D. *Predely rosta. 30 let spustya*. Moscow, Akademkniga, 2007). 342 p.
13. *Our Common Future*. Oxford University Press, 1987. 383 p. (Russ.ed.: *Nashe obschee buduscheye*. Moscow, Progress, 1989). 372 p.
14. Rozanov L.L. *Geoekologiya* [Geoecology]. Moscow, Drofa, 2010. 270 p.
15. Tarasova N.P., Kruchina E.B. *Indeksy i indicatory ustoichivogo razvitiya* [Indices and indicators of sustainable development]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Ustoichivoe razvitiye: Priroda, obschestvo, chelovek»*. [International Conference Proceedings "Sustainable Development: Nature, Society, Man"]. Vol. 1 Moscow: 2006. PP. 127-144.
16. Herman D. *Ecological Economics and Sustainable Development*. Edward Elgar, 2007. 268 p.
17. Hamilton K. *Genuine Saving as a Sustainability Indicator*. The World Bank Environment Dep., Environmental Economics Series. Oct. 2000. 28 p.
18. *Millennium Ecosystem Assessment, 2005. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis*, Island Press, Washington, DC, 2005. 137 p.
19. *Sustainable Development: Concepts, Rationalities and Strategies*. Kluwer Academic Publishers, 1998. 336 p.
20. Stavrus R. *Economics of the Environment: Forth edition*. WW. Norton&Company, 2000.

About the author

Vladimir A. Gorbanyov – Doctor of History and Geography. Professor of World Economy Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) for the Russian Foreign Ministry.
E-mail: gorbanyov@is-net.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ ЯПОНИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

А.И. Банчева

Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д.1.

В статье приводится характеристика современной ситуации в сфере экологических инноваций в Японии. Рассмотрено понятие «экологические инновации», которое в Японии понимается в соответствии с традиционным принципом производства товаров и услуг «монодзукури», и включает не только технологические, но также и социальные, и институциональные нововведения. На основе анализа государственных программ развития, а также открытых информационных баз данных выявлены наиболее значимые и перспективные в настоящее время инновационные направления в экологической сфере. Первым таким направлением для Японии является низкоуглеродная энергетика, энергосбережение и энергоэффективность – решения, касающиеся проблемы изменения климата. Второе представлено мерами борьбы с загрязнением сред (в т.ч. утилизацией отходов) – традиционным для Японии направлением с 1970-х гг. Третье направление (относительно новое для мирового сообщества) – информационные и коммуникационные технологии, применяющиеся для решения экологических проблем. В рамках первого направления более подробно рассмотрена государственная программа «Охладим Землю» (The Cool Earth). В данной работе обозначены ключевые моменты институциональной организации экологических инноваций, вопросы финансирования и взаимодействия между действующими субъектами, механизмы внедрения экоинноваций в экономику. Обозначена роль Управления науки и техники Японии (JST), Национального института научной и технологической политики (NISTEP) в экоинновационной политике государства. Обозначен актуальный вопрос верификации новых экотехнологий, реализуемых в Японии министерством окружающей среды. Охарактеризованы основные блоки информационной поддержки трансфера «зеленых» технологий, приведены примеры открытых баз данных с информацией о современных экотехнологиях.

Ключевые слова: экологическая политика, «зеленые» технологии, экологические инновации, низкоуглеродная энергетика, верификация экологических технологий, Япония.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется третий цикл долгосрочного прогноза научно-технологического развития до 2030 г., в том числе нацеленный на выявление наиболее перспективных для России областей развития науки и технологий на средне- и долгосрочную перспективу. Одной из задач прогноза для приоритетного направления «Рациональное природопользование» является определение тематических областей и пакетов технологий, которые могут в перспективе оказать радикальное воздействие на формирование рынков, появление продуктов с новыми свойствами и инновационных услуг. В этой связи анализ опыта Японии, занимающей ведущие позиции в части экоинноваций, управления и внедрения «зеленых» технологий в экономику, может быть востребован и для России.

«Экоинновации» в официальных документах правительства Японии

Япония – один из мировых лидеров по финансированию научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических разработок (НИОКР), числу патентов, доле высокотехнологичной продукции в экспорте. Государственные и частные инвестиции в НИОКР составляют 3,4 % от ВВП – один из самых высоких показателей в мире. К 2020 г. планируется увеличение этого показателя до 4% [8]. По числу патентов страна занимает второе место в мире [14]. Доля высокотехнологичных товаров (электроника, продукция машиностроения, химическая продукция) составляет 80% экспорта Японии [3]. Особо стоит отметить достижения Японии в создании новых коммерческих продуктов, то есть в реализации последней стадии инновационного цикла. Для этого в стране созданы условия не только для эффективных исследований и разра-

боток, но также существуют налаженные сети передачи знаний и их практического использования с участием науки и бизнеса. Так, Япония, используя результаты отечественных исследований или покупая патенты у других стран, умеет усовершенствовать изобретение до успешного, конкурентоспособного продукта на внутреннем и мировом рынках.

Важное место в сфере НИОКР Японии занимают экологические технологии. «Новая стратегия развития», основной документ в Японии, определяющий направление развития страны до 2020 г. (The New Growth Strategy, Japan, 2010 г.), относит экологически ориентированные инновации к наиболее активно развивающимся направлениям в Японии и к одному из семи стратегических секторов развития страны. Предполагается, что к 2020 г. объем рынка «зеленых» инноваций составит 50 трлн йен, что эквивалентно около 500 млрд долл. США в ценах 2012 г. [8]. В отличие от российского бизнеса для крупных японских компаний характерны долгосрочные вложения в экологически ориентированные исследования: они обеспечивают конкурентоспособность компании в будущем.

Технологии, позволяющие эффективно решать экологические проблемы, ввиду сложности требуют не только инновационных инженерных идей, но и инновационных подходов в управлении и организации жизни общества. Именно такой подход прослеживается в экологической политике Японии, основной вектор которой – создание общества с устойчивым социальным и экономическим развитием. Именно поэтому для понимания места современных экологических инноваций в развитии экономики Японии следует учитывать как научно-технологические, так и административные («управленческие») инновационные решения (рис. 1).

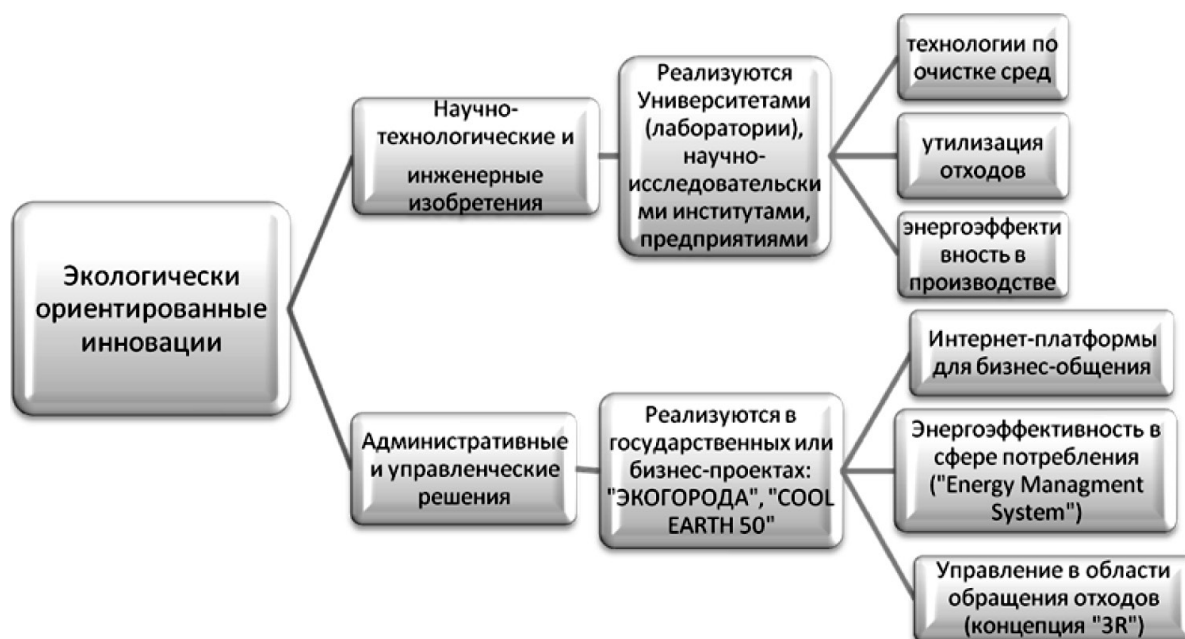

Рис.1. Классификация экологических инноваций

Подобный подход законодательно закреплён в соответствующих нормативно-правовых документах. Под инновациями в Японии понимают широкий круг технологических, социальных и институциональных изменений, которые по-новому организуют жизнедеятельность государства в той или иной сфере.

Министерство экономики, торговли и промышленности Японии определяет экологические инновации как технологические и социальные инновации в сфере охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и формирования экологических ценностей у граждан в рамках совместного развития экономики и экологии [9]. Похожая формулировка приводится в ежегодном отчете «Экономические и финансовые реформы 2007 г. – основные направления политики» [5]. В этом документе рациональность природосбережения проявляется в решениях, объединяющих в себе технологическое развитие и социальные реформы, приоритетами в которых являются передовые технологии, позволяющие достичь максимально благоприятных для природы и человека способов производства товаров и услуг для формирования общества с устойчивым развитием.

Как следует из правительственных документов, термин «экологические инновации» имеет достаточно обширные формулировки. Однако, на наш взгляд, самой главной частью в определении экоинноваций может быть любой вид инноваций, обеспечивающий «максимально благоприятный для природы и человека способ производства товаров и услуг». Этот принцип необходимо отметить особо, так как он отображен в японском языке одним словом «мондзукури». Оно обозначает основную концепцию производства товаров и услуг в Японии – искусство производства настолько совершенного и эффективного товара и услуг, насколько это возможно, с постоянным его усовершенствованием и достижением максимально благоприятных для природы и человека способов производства. Необходимо также отметить, что в экологической политике Японии акцент ставится не только на рациональном использовании природных ресурсов (что характерно для европейского подхода в определении экоинноваций), но и на формирование экологического сознания у граждан и охрану природы.

Основные направления развития «зеленых» технологий

В последнее время приоритет в фундаментальных исследованиях в сфере экологических технологий отдается разработкам в энергосбережении, энергоэффективности, низкоуглеродном производстве энергии – широкому спектру отраслей, объединяющихся общей проблемой изменения климата. С 1990-х гг. отмечается рост финансирования и числа исследований в области «устойчивой» (в первую очередь альтернативной) энергетики (green energy, clean energy technologies). Так, на долю Японии приходится 40% патентов

гибридных двигателей и электрических автомобилей в мире (2000–2008 гг.), 33% патентов в области энергоэффективности зданий и освещения, 10% патентов в сфере возобновляемых источников энергии [9].

В рамках блока административных технологий реализуется «Программа по поддержке инновационных технологий в области энергетики «Охладим Землю» (The 2008 Cool Earth Innovative Energy Technology Program). В рамках программы разрабатывается 21 инновационная технология в области низкоуглеродной энергетики и эффективного производства и потребления энергии [13]. Все технологии программы можно представить в матричной форме, где каждая из них будет являться примером альтернативной энергетики или решением энергоэффективности, с одной стороны, и примером в сфере существующего производства технологий или спроса на нее – с другой. Итак, технологические разработки в рамках программы ведутся по нескольким направлениям. В направлении «Производство и передача электроэнергии» исследования и разработки сконцентрированы на шести технологиях: высокоэффективные теплоэлектростанции по сжиганию газа и угля, установки для улавливания и депонирования углекислого газа, инновационные солнечные фотовольтаические станции, модернизированные атомные электростанции, высокоэффективные сверхпроводящие линии электропередачи.

Вторая группа технологий, нацеленная на модернизацию транспортного сектора, включает в себя разработки систем «умного» транспорта, транспортных средств на топливных элементах, гибридных двигателей (со вставной перезаряжающейся электрической трансмиссией), производство биотоплива для транспорта.

Инновационные технологии в металлургии и в секторе производства новых материалов входят в направление «Индустрия». В группу «Коммерческое внедрение» включены проекты, касающиеся зданий и сооружений с высокоэффективными системами освещения нового поколения, сверхвысокоэффективными тепловыми насосами, стационарными топливными элементами, высокоэффективными информационными устройствами и системами, системами управления и рационального использования электроэнергии в частных домах и сооружениях. Последнее направление «Комплексные технологии в пограничных областях знаний» нацелено на разработки высокопроизводительных элементов для накопления энергии, электронных приборов-инверторов с полупроводниками, использующихся при производстве, передаче, распределении и хранении электроэнергии.

Отметим, что политика развития альтернативной энергетики, энергосбережения и энергоэффективности – одно из приоритетных направлений общего курса экологической политики Японии. Она нацелена на борьбу с антропогенными эмиссиями парниковых газов, которую Япония активно проводит с 1990-х гг. Также прио-

ритетным направлением в Японии традиционно остается развитие технологий по предотвращению загрязнения природных сред (прежде всего воздуха, а также воды и почв) и технологий в области управления отходами. На протяжении последнего десятилетия Япония сохраняет лидерство по изобретательской активности в указанных секторах: на ее долю приходится около 20% изобретений в мире. Это составляет около 50% всех патентов Японии в области «зеленых» технологий [9]. Третьим приоритетным направлением в последние годы стали «зеленые» информационные и коммуникационные технологии. Так, в 2008 г. министерство экономики, торговли и промышленности запустило проект «Зеленые инициативы» в информационных технологиях для поддержки развития технологий в области дистанционного управления, в том числе интеллектуальных транспортных систем для жилых и офисных зданий (Home and Building Energy management system).

Реализацией научно-технологических приоритетов в области экологических технологий занимаются государственные структуры, выполняющие стратегические функции по координации крупных проектов и программ, и непосредственно научно-исследовательские центры, осуществляющие «генерацию и производство» технологий. В ведении подразделений государственных структур находятся законодательная деятельность, запуск экологических программ, связующая деятельность между «донорами» и потребителями изобретений, оценка рыночной эффективности технологий, также частичное финансирование разработок. Важное место в системе инновационного развития страны занимает научно-технологическое предвидение, которым в Японии занимается Национальный институт научно-технической политики, публикующий раз в 5 лет отчеты по форсайту с горизонтом планирования 30 лет [7].

Собственно разработками и продвижением новых технологий в Японии занимаются:

- 1) исследовательские центры при предприятиях;
- 2) государственные научно-исследовательские центры;
- 3) университеты и их исследовательские центры и технические колледжи.

Известно, что большая часть финансирования НИОКР (около 70–80%) в Японии приходится на бизнес, остальная часть – на органы центрального и местного самоуправления [12]. Институциональную и финансовую поддержку развитию экологических инноваций предоставляют министерства и ведомства Японии: министерство окружающей среды (МОЕ), министерство экономики, торговли и промышленности и его структурные подразделения (МЕТ), министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (МEXT), министерство земельных территорий, инфраструктуры, транспорта и туризма (MLIT), Управление науки и техники Японии (JST), Национальный институт научно-технической политики (NISTEP) и некоторые другие.

Ключевую роль в эффективном продвижении инноваций по цепочке «изобретение – производство» играет Управление науки и техники Японии, координирующее сотрудничество между университетами, сферой бизнеса и государством (рис. 2).

В качестве платформы для диалога между университетами и исследовательскими центрами, с одной стороны, и предприятиями реального сектора экономики, с другой, выступают совместные научно-исследовательские программы [7]. Среди них важное место занимают разработка и продвижение стратегически значимых инновационных проектов (S-Innovation), а также программ комплексных исследований, базирующихся на

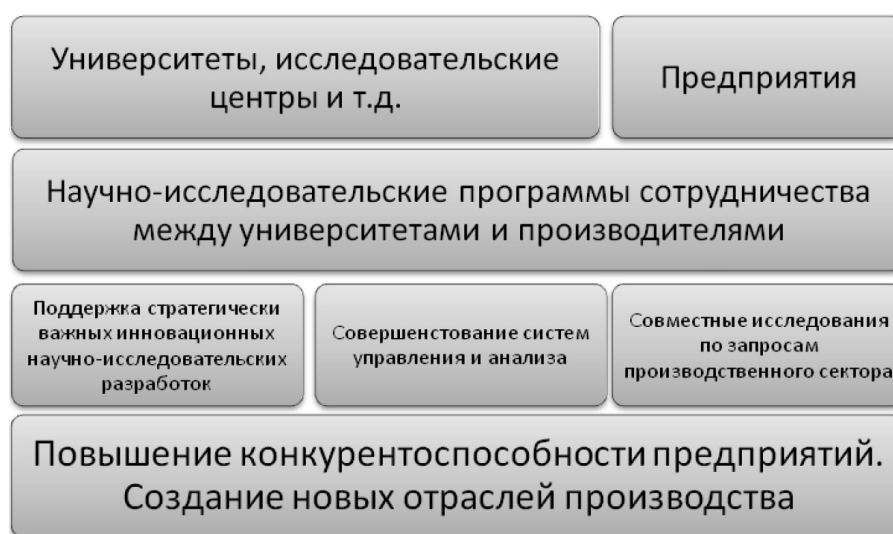

Рис.2. Платформа для взаимодействия системы «производство–университеты–правительство» (источник: Japan Science and Technology Agency)

потребностях производства. Такая модель предназначена для «стыковки» идей, разработанных университетами (University seeds), и для потребностей индустрии (Industry needs), в результате чего повышается конкурентоспособность научных разработок, создаются и развиваются новые направления в производстве товаров и услуг.

Министерство окружающей среды Японии с 2003 г. реализует проект по верификации новых экологических технологий (the Pilot Project of the Environmental Technology Verification (ETV)), продолжающийся и в настоящее время [11]. Значимость проекта объясняется тем, что инновационный продукт, готовый к выходу на рынок, должен пройти проверку технико-экономических параметров и получить сертификат, который подтверждал бы эффективность технологии, ее рыночную востребованность и практическую ориентацию на сохранение окружающей среды. Одним из примеров реализуемых в стране экологических проектов (в основе которых лежат передовые экологические технологии) является совместный проект министерства экономики, торговли и промышленности и министерства окружающей среды «Экогорода Японии» [6].

Под экологическими понимаются города, в которых комплексно используются инструменты городского планирования и управления природопользованием, имея в виду оптимизацию охраны природы, экономическое развитие и утилизацию отходов. Для 26 городов Японии разработаны индивидуальные планы устойчивого развития, которые базируются на трех принципах: концепции нулевых эмиссий (CO_2), принципе 3R в сфере обращения отходов, экологически ориентированном образе жизни населения (снижение уровня потребления, «зеленый» маркетинг, ориентация на экологически чистые продукты). Концепция утилизации и обращения отходов 3R разрабатывается и внедряется в Японии с 1990-х гг. и предполагает максимально возможное сокращение отходов в производстве (Reduce), повторное их использование (Reuse) и утилизацию с дальнейшим рециклингом (Recycle).

Важным моментом является также то, что развитие сектора экологических технологий происходит не только через продвижение государственных программ, но и благодаря инициативам со стороны частного сектора. Примером успешной инициативы «снизу», поддержанной правительством Японии, может быть «План добровольных действий в сфере защиты окружающей среды», принятый Федерацией предпринимательских организаций в ответ на поставленные государством цели по Киотскому протоколу. В результате к 2009 финансовому году в 34 отраслях первичного сектора промышленности и энерге-

тики было достигнуто совокупное сокращение уровня эмиссии двуокиси углерода на 16,8 % по сравнению с уровнем 1990 г. [1]. В рамках реализации государственной инициативы «Автомобили и топливо нового поколения» с 2012 г. фирма «Судзуки» начала серийное производство систем топливных элементов на новом заводе в г. Иокогама [2].

В целом нельзя не отметить характерную для Японии экологическую ответственность бизнеса. Она складывается в постоянном стремлении:

- сделать продукт лучше;
- повысить его конкурентоспособные качества;
- проявить при этом моральные обязательства перед государством, потребителем и «не быть хуже других».

В Японии существует эффективная система информационной поддержки трансфера экологических технологий. Результаты исследований коммерческих фирм, университетов и общественных организаций, занимающихся разработкой «зеленых» технологий, представлены на официальных сайтах или же систематизируются в базах данных на сайтах экологических организаций, где после списка технологий обязательно дается список авторов и ссылки на домашние сайты (компаний или университетов) для более подробного знакомства с технологиями. Примером может служить база «Новые экологические технологии 21 века» [10] и др.

Япония являет собой пример государства, успешно движущегося по пути к модели устойчивого развития, соединяя интересы экономики и экологии. «Зеленые» технологии и экологические инновации являются важными инструментами для достижения целей экологической политики страны. На сегодняшний день в Японии сформирована и функционирует налаженная система разработки и внедрения технологий экологического развития, которая складывается из государственных программ и ответных инициатив бизнеса и населения. Основными направлениями политики Японии в области экологических инноваций являются прежде всего:

- низкоуглеродное производство энергии и ее рациональное потребление;
- энергоэффективность;
- замкнутый ресурсно-отходный цикл производства и потребления;
- информационно-коммуникационные технологии;
- продвижение экологических товаров.

Развитие этих направлений позволяет Японии сохранять конкурентные преимущества на быстро растущих глобальных рынках «зеленых» технологий.

Список литературы

1. Стрельцов Д.В. Япония как «зеленая сверхдержава» [Текст] / Д.В.Стрельцов. М.: МГИМО-Университет, 2012. 212 с.
2. Информационный портал Green Evolution. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greenevolution.ru/2013/02/27/lidery-avtoproma-stavyat-na-vodorod-mirovoj-trend-podxvatile-kompaniya-suzuki/> (дата обращения: 06.05.2013).
3. Capozza I. Greening Growth in Japan, Environment Working Papers. [Электронный ресурс] / OECD Publishing, 2011, no. 28. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/5kggc0rpw55l-en> (дата обращения: 06.05.2013).
4. Contribution of Science and Technology to Future Society- Summary on the 9th Science and Technology Foresight. [Электронный ресурс] / NISTEP, 2010. – Режим доступа: <http://data.nistep.go.jp/dspace/handle/11035/1183> (дата обращения: 06.05.2013).
5. Economic and Fiscal Reform 2007 - Basic Policies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/english/publication/pdf/070628_basic_policies_summary.pdf (дата обращения: 06.05.2013).
6. Global Environment Centre Foundation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gec.jp/main.nsf/en/Publications-Others-eco_towns04-05 (дата обращения: 06.05.2013).
7. Japan Science and Technology Agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jst.go.jp/tt/EN/platform.html> (дата обращения: 06.05.2013).
8. Jones R. S. and Yoo. B. Japan's New Growth Strategy to Create Demand and Jobs. [Электронный ресурс] / OECD Publishing, Department Working Papers, 2011, no. 890. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/5kg58z5z007b-en> (дата обращения: 06.05.2013).
9. Leflaive, X. Eco-Innovation Policies in Japan. [Электронный ресурс] / Environment Directorate, OECD, 2008. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/japan/42876953.pdf> (дата обращения: 06.05.2013).
10. New Environmental Technology Transfer in the 21st Century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nett21.gec.jp/gec/database/> (дата обращения: 06.05.2013).
11. Pilot Project of the Environmental Technology Verification (ETV). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.env.go.jp/policy/etv/en/index.html> (дата обращения: 06.05.2013).
12. Survey on Research and Development in Japan 2012: 1st Increase in Expenditures in Four Years. [Электронный ресурс] / National Science Foundation, Tokyo Regional Office, 2013. – Режим доступа: <http://www.nsf-tokyo.org/rm13-01.pdf> (дата обращения: 06.05.2013).
13. The 2008 Cool Earth Innovative Energy Technology Program. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.meti.go.jp/english/newtopics/data/pdf/031320CoolEarth.pdf> (дата обращения: 06.05.2013).
14. World Intellectual Property Organization. Statistical country profiles. Japan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/countries/jp.html (дата обращения: 06.05.2013).

Об авторе

Банчева Александра Ивановна – аспирант географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Научная специализация: глобальные экологические проблемы, вопросы устойчивого развития, экологические инновации Японии. E-mail: ban-sai@mail.ru
Работа выполнялась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках Государственного контракта № 13.521.11.1013 от 10.06.2011 г.

ECO-INNOVATIONS IN JAPAN: THE MAIN DIRECTIONS

A.I. Bancheva

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991.

Abstract: The paper presents the main aspects of the environmental technologies sector nowadays in Japan. Basing on the governmental definition of «ecological innovations», eco-innovations are developed according to the traditional Japanese concept of value creation – «monozukuri». Ecological innovations include technological improvements as well as social reforms. So far the paper draws an attention on two types of innovations: engineering technologies and social reforms (programms, education etc.). Basing on governmental Programs and open data bases the most important environmental technologies for nowadays in Japan are defined. From author's point of view the first vector for Japan is «green energy» (alternative energy, energy efficiency) – innovations concern the challenge of climate change. Regarding this issue the aspects and technologies from «The Cool Earth Innovative Energy Technology Program» are described. The second vector is eco-innovations for pollution control and waste utilization – the traditional sector for Japan from 1970s. And the third one is defined as information and communication technologies for environmental challenges («green ICT») – the new vector for Japan as well as for the other countries. In the paper the issues of research and development activities, financial issues eco-innovations' management and transfer are considered. The role of Japan Science and Technology Agency (JST) and National Institute of Science and Technology Policy (NISTEP) is discussed. The significant issue of verification of new technologies realized by Ministry of Environment in Japan is mentioned.

Key words: Environmental management, green technologies, eco-innovations, energy efficiency, Cool Earth Program, verification of green technologies, Japan.

References

1. Strel'cov, D.V. Japonija kak «zelenaja sverhderzhava» [Japan: Green Superpower] / D.V.Strel'cov. – M.: MGIMO-Universitet, 2012. – 212 s.
2. Green Evolution. Available at: <http://greenevolution.ru/2013/02/27/lidery-avtoproma-stavyat-na-vodorod-mirovoj-trend-podxvatila-kompaniya-suzuki/> (Accessed: May 2013).
3. Capozza, I. Greening Growth in Japan, Environment Working Papers. OECD Publishing, 2011, no. 28. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5kggc0rpw55l-en> (Accessed: May 2013).
4. Contribution of Science and Technology to Future Society- Summary on the 9th Science and Technology Foresight. NISTEP, 2010. Available at: <http://data.nistep.go.jp/dspace/handle/11035/1183> (Accessed: May 2013).
5. Economic and Fiscal Reform 2007 - Basic Policies. Available at: http://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/english/publication/pdf/070628_basic_policies_summary.pdf (Accessed: May 2013).
6. Global Environment Centre Foundation. Available at: http://gec.jp/main.nsf/en/Publications-Others-eco_towns04-05 (Accessed: May 2013).
7. Japan Science and Technology Agency. Available at: <http://www.jst.go.jp/tt/EN/platform.html> (Accessed: May 2013).
8. Jones, R. S. and Yoo. B. Japan's New Growth Strategy to Create Demand and Jobs. OECD Publishing, Department Working Papers, 2011, no. 890, Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5kg58z5z007b-en> (Accessed: May 2013).
9. Leflaive, X. Eco-Innovation Policies in Japan. Environment Directorate, OECD, 2008. – Available at: <http://www.oecd.org/japan/42876953.pdf> (Accessed: May 2013).
10. New Environmental Technology Transfer in the 21st Century. Available at: <http://nett21.gec.jp/gec/database/> (Accessed: May 2013).
11. Pilot Project of the Environmental Technology Verification (ETV). Available at: <http://www.env.go.jp/policy/etv/en/index.html> (Accessed: May 2013).
12. Survey on Research and Development in Japan 2012: 1st Increase in Expenditures in Four Years. National Science Foundation, Tokyo Regional Office, 2013. Available at: <http://www.nsftokyo.org/rm13-01.pdf> (Accessed: May 2013).
13. The 2008 Cool Earth Innovative Energy Technology Program. Available at: <http://www.meti.go.jp/english/newtopics/data/pdf/031320CoolEarth.pdf> (Accessed: May 2013).
14. World Intellectual Property Organization. Statistical country profiles. Japan. Available at: http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/countries/jp.html (Accessed: May 2013).

About the author

Alexandra I. Bancheva – PhD student at Lomonosov Moscow State University, World physical geography and geocology department, graduated in 2011. Primary research interests lie in global environmental issues, indicators of sustainable development, green innovations with focus on Japan. E-mail: ban-sai@mail.ru

УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е.В. Вершинина, Ю.А. Стахеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

DLA Piper Rus Limited. Россия, 125009, Москва, Леонтьевский пер. д.25.

В рамках настоящей статьи дается общая характеристика условий действительности сделки в российском и французском законодательстве и юридической доктрине. Как в России, так и во Франции несоответствие сделки (договора) одному из таких условий может повлечь ее недействительность в целом или только в части. Российское законодательство, в отличие от французского, прямо не называет условия действительности сделки. Однако в правовой доктрине России сложилось единое мнение о том, что к ним следует относить следующие положения:

- в сделке содержание и правовой результат не должны противоречить закону;
- субъекты права, в частности физические и юридические лица, должны обладать способностью к участию в сделке;
- должно быть совпадение воли и волеизъявления; волеизъявление участника сделки должно быть в надлежащей форме.

Французское законодательство, в частности Французский гражданский кодекс в ст. 1108, непосредственно перечисляет следующие условия действительности сделки (договора): сторона, принимающая на себя обязательство, должна выразить свое согласие; стороны должны обладать способностью заключить соглашение; наличие определенного предмета, составляющего содержание обязательства; наличие законного основания в обязательстве. В ст. 1108 Французского гражданского кодекса не включены положения о форме сделки. Тем не менее, как и в России, соблюдение надлежащей формы сделки обязательно для ее действительности. В статье дается анализ основных сходств и различий как в законодательном, так и в доктринальном закреплении условий действительности сделок в России и Франции.

Ключевые слова: сделки, недействительные сделки, условия действительности сделки, воля, волеизъявление, кауза, основание сделки, правоспособность, дееспособность, форма сделки.

Сделки служат основным способом установления, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. См. подробнее ст. 153 Гражданского кодекса РФ «Понятие сделки»: «Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Этим объясняется важнейшая и определяющая роль сделок в современном обществе. Благодаря такой роли в правовой доктрине, законодательстве и судебной практике тема сделок всегда была и остается одной из наиболее актуальных. Данная проблема достаточно глубоко рассматривалась в работах таких российских ученых, как М.И. Брагинский, В.В. Витрянский [4], Е.А. Суханов [21], В.С. Ем [13], О.В. Гутников [12], Д.О. Тузов [26], а также французских ученых Жюллио де ла Морандьер [14, 15], Р. Саватге [23] и ряда других специалистов по данной проблематике. Следует также отметить, что данная проблема была предметом исследования классиков российской цивилистики, таких, как Е.В. Васильевский [5], Д.И. Мейер [17], И.Б. Новицкий [18], В.А. Рясенцев [22], Г.Ф. Шершеневич [30]. См. подробнее статью Вершининой Е.В., Стахеевой Ю.А. [6, с. 53 – 54].

Исследователи В.В. Витрянский [7] и К.И. Скловский [24, 25] в последнее время отмечают значительное увеличение в судах количества дел, связанных с недействительностью сделок, как одну из тенденций современной судебной практики. Кроме того, обращается внимание на особую сложность рассмотрения таких дел, как в материальном, так и в процессуальном аспектах. Практическая актуальность различных вопросов, связанных с недействительностью сделок, обусловила повышенное внимание к ним и в современной юридической литературе. В российской доктрине нет единого взгляда на такие вопросы, как, например, условия действительности сделок, а также классификация недействительных сделок.

Предметом исследования настоящей статьи являются условия действительности сделки в гражданском праве России и Франции. Основная цель статьи – дать сравнительную характеристику условий действительности сделки в праве России и Франции. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- дать общую характеристику условиям действительности сделки в российском и французском законодательстве и доктрине;
- определить сходства и различия как в законодательном, так и в доктринальном закреплении условий действительности сделок в России и Франции.

Основным источником настоящей статьи, касающейся условий действительности сделок в праве России, послужила часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), глава 9. Сделки, § 2. Недействительность сделок [8]. Что касается условий действительности в праве Франции, то для их описания использовалась глава 3 Французского гражданского кодекса

(далее – ФГК) «О договорах и об обязательствах в целом» и ряд других положений кодекса [9].

Общие положения условия действительности сделки

Е.А. Суханов определяет действительность сделки как «признание за ней качеств юридического факта, порождающего тот правовой результат, к которому стремились субъекты сделки» [21, с. 344]. Е.А. Васильев, рассматривая договоры как двусторонние или многосторонние сделки, пишет о том, что условиями действительности договора называют «требования, которые предъявляет право к соглашениям, чтобы они стали защищаемым правом гражданско-правовых договоров» [10, с. 529]. В соответствии со ст. 1134 ФГК, «соглашения, заключенные надлежащим образом, имеют силу закона для сторон, его заключивших».

В Гражданском кодексе РФ, в отличие от права Франции, условия действительности сделки прямо не перечислены. Однако в правовой доктрине России сложилось единое мнение о том, что к ним следует относить следующие положения:

- содержание и правовой результат сделки не должны противоречить закону;
- физические и юридические лица, совершающие сделку, должны обладать способностью к участию в ней;
- волеизъявление участника сделки должно соответствовать его действительной воле;
- волеизъявление должно быть совершено в форме, предусмотренной законом для данной сделки.

Французский гражданский кодекс содержит ст. 1108, в которой непосредственно говорится об условиях действительности сделки (соглашения):

- согласие стороны, принимающей на себя обязательство;
- способность заключить соглашение;
- наличие определенного предмета, составляющего содержание обязательства;
- наличие законного основания в обязательстве.

В данную статью ФГК не включает положения о форме сделки. Однако перечисленные условия являются общими для всех видов соглашений (без учета индивидуальных особенностей каждой отдельной сделки). Поэтому отсутствие в указанной статье положений о форме не означает, что форма сделки не является обязательной для действительности договора по французскому праву. В России и во Франции несоответствие договора одному из указанных условий может повлечь недействительность договора в целом или только в какой-то его части. Так, К. Ларруме утверждает, что во французском праве, «когда закон устанавливает какое-либо условие действительности договора, договор считается недействительным в отсутствие этого условия, даже если недействительность прямо не подтверждается в законе» [3, с. 507–508].

Рассмотрим каждое из условий действительности сделки по отдельности.

Требования, предъявляемые законом к субъектному составу

Во Франции, пишет Л. Жюллио де ла Мораньер, «для того, чтобы кто-нибудь мог при помощи юридической сделки создать, перенести на другое лицо, изменить или прекратить право, он должен быть способен к участию в гражданских правоотношениях» [14, с. 87]. В российском гражданском праве есть похожие нормы. Субъектами сделки признаются субъекты гражданского права, обладающие дееспособностью.

В том, что касается способности совершать сделки, ст. 1123 – 1125 ФГК устанавливают некоторые основные принципы. Согласно ст. 1123, способность совершать сделки является общим правилом, а неспособность – исключением, так как «договор может быть заключен любым лицом, если только оно не признано недееспособным в силу закона». В ст. 1124 ФГК указывается перечень лиц, неспособных совершать сделки. В него входят «несовершеннолетние, не объявленные полностью дееспособными и совершеннолетние, находящиеся под защитой закона, в смысле статьи 488» (если они «своей расточительностью, неумеренностью или праздношеством» [9] подвергают себя опасности впасть в нужду или ставят под угрозу выполнение своих семейных обязанностей). В частности, потому что, в соответствии со ст. 489 ФГК, для заключения действительной сделки необходимо быть в здравом уме. В данных случаях лица, являющиеся стороной в договоре, не могут выказать свою действительную волю на совершение сделки в силу слабости или недостаточного развития своего рассудка.

Сделка по французскому праву может быть признана недействительной в определенных случаях порока субъекта:

- если лицо, совершившее сделку, не находилось в здравом уме (над ним было установлено попечительство);
- если лицо было признано недееспособным (над ним была установлена опека);
- если лицо не достигло определенного возраста.

Ст. 489 ФГК допускает признание недействительности сделки, совершенной лицом, которое не находилось в здравом уме. Однако бремя доказывания наличия душевного расстройства в момент заключения сделки лежит на тех, кто обращается с иском о признании сделки недействительной по этому основанию. Если же установлена недееспособность лица и над лицом установлена опека, то его недееспособность в момент совершения сделки подразумевается, ее не нужно доказывать. Некоторые французские авторы выражают мнение, что несовершеннолетние являются недееспособными ввиду ограниченности своего рассудка из-за возраста, поэтому сделки, совершаемые ими, должны являться абсолютно недействительными в силу отсутствия действительного согласия [3, с. 292].

Однако этот вывод не учитывает защиту прав несовершеннолетнего, который согласился

совершить сделку, хотя его воля была несвободна. Поэтому по инициативе лица, предложившего совершить сделку, если оно способно действовать, или по инициативе его представителя, опекуна или попечителя следует признавать только относительную недействительность такой сделки. Следует отметить, что Закон от 3 января 1968 г., принятый во время реформы законодательства в области прав совершеннолетних недееспособных лиц, ввел еще одно основание признания сделки недействительной. Оно затрагивает лиц, которые «исполняют обязанности или занимают должность в учреждении для престарелых или в психиатрическом лечебном учреждении» [9]. Таким лицам запрещено приобретать имущество или права, которые принадлежат лицу, помещенному в такое учреждение, а также брать внаем жилье, которое это лицо занимало до его помещения в это учреждение.

В России, как было указано выше, совершать сделку могут только дееспособные граждане. Лица, обладающие частичной или ограниченной дееспособностью, вправе самостоятельно совершать только те сделки, которые разрешены законом. Следует указать, что 30 декабря 2012 г. Президент РФ подписал федеральный закон [29], который представляет собой «первый пакет» изменений, вносимых в ГК РФ в рамках реализуемой в настоящее время реформы гражданского законодательства (далее – Закон об изменениях в ГК РФ), вступивший в силу с 1 марта 2013 г.). Указанные изменения предусматривают в том числе расширение перечня оснований для ограничения граждан в дееспособности в судебном порядке. Необходимость этого изменения возникла после принятия Конституционным судом РФ Постановления от 27.06.2012 г. №15-П "По делу о проверке конституционности пп. 1 и 2 ст. 29, п. 2 ст. 31 и ст. 32 ГК РФ в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой". Теперь ограниченно дееспособным может также признаваться гражданин, который «вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение» (абз.1 п.2 ст.30 ГК РФ).

Юридические лица, обладающие общей правоспособностью, могут совершать любые сделки, не запрещенные законом. Юридические лица, обладающие специальной правоспособностью, могут совершать сделки, не запрещенные законом, за исключением противоречащих установленным законом целям их деятельности. Отдельные виды сделок могут совершаться юридическими лицами при наличии специального разрешения (лицензии). Однако Е.А. Суханов отмечает то, что способность лица к участию в сделке нельзя сводить к вопросу о дееспособности или недееспособности физического лица либо к вопросу о характере правоспособности юридического лица. Способность участия в сделке шире и заключается в «легитимности (то есть соответствующей закону способности) лица к совершению сделки» [21, с. 345]. Поэтому способность лица к участию в

сделке также означает наличие у лица права распоряжения предметом сделки. Так, для передачи вещи в залог залогодатель должен владеть этой вещью на праве собственности, а для совершения сделки субаренды лицо должно обладать правами арендатора.

Дееспособность юридических лиц характеризуется целями деятельности юридического лица, очерченными в учредительных документах, с одной стороны, и полномочиями органа юридического лица, имеющего право на совершение сделок от имени юридического лица, – с другой. Во Франции не все юридические лица, в отличие от физических, обладают полной правоспособностью. Объем правоспособности различен в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица. Так, товарищества пользуются общей правоспособностью, они имеют право владения, пользования и распоряжения всем принадлежащим им имуществом [2].

Другие союзы и частные учреждения условно можно разделить на две категории. Те из них, которые получили признание их общественной полезности, обладают широкой правоспособностью, однако не вправе приобретать недвижимое имущество, кроме того, которое необходимо для осуществления их задач. Союзы, которые возникли в порядке простого заявления префектуре об их создании, обладают ограниченной правоспособностью. Они вправе (в соответствии с Законом 1901 г.) искать и отвечать на суде, обладать и управлять денежными средствами, поступившими к ним в качестве взносов их членов, помещениями для своих органов и недвижимостью, строго необходимой для осуществления их целей. Они не вправе приобретать имущества в порядке дарения и по завещаниям [15, с.237].

В России граждане могут участвовать в сделке лично либо через представителя. Личное участие возможно при условии соответствия объема его дееспособности характеру совершаемой сделки (ст.21, 26–30 ГК РФ). А. Эрделевский пишет, что, «если в силу закона собственное волеизъявление участника – необходимое, но недостаточное условие совершения сделки (несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет), воля такого участника должна получить подкрепление волей другого, определенного в законе лица (родителя, усыновителя, попечителя)» [31, с. 5]. В этом заключается теория представительства. Она является общей как для российского, так и французского права.

Юридические лица по российскому праву совершают сделки через свои органы (п. 1 ст. 53 ГК РФ), представителей (ст. 183, 184 ГК РФ), а в случаях, предусмотренных законом, через своих участников (п. 2, ст. 53 ГК РФ). Органы и участники выступают от имени юридического лица в силу закона или учредительных документов. В этом случае они обязаны действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Убытки, причиняемые ими юридическому лицу, они обязаны возмещать по тре-

бованию учредителей (участников), если иное не предусмотрено законом или договором (п. 3, ст. 53 ГК РФ).

Похожая ситуация наблюдается и во французском законодательстве. Юридические лица также осуществляют свои права при посредстве своих органов, которые уполномочены законом или уставом на ведение его дел и выступления от его имени. Таким образом, мы видим значительное сходство права двух стран по требованиям, предъявляемым к субъектному составу совершаемой сделки.

Совпадение воли и волеизъявления

Известно, что воля является проявлением психической саморегуляции поведения лица; волеизъявление – внешним выражением воли [19, с. 16]. Воля должна исходить от дееспособного человека (что исключает несовершеннолетних детей, умалишенных и любых лиц с нарушениями рассудка, даже временными, например в состоянии алкогольного опьянения). Кроме того, подчеркивают французские ученые, воля должна быть реальной, серьезной, осознанной и свободной. Лицо должно на самом деле желать заключения сделки.

Чтобы порождать юридические последствия, воля должна быть выражена. Буффелан-Ланор пишет, что «волеизъявление состоит из двух элементов: мысленного действия и проявления его вовне» [1, с. 33]. Российские специалисты в области права соглашались с ним, говоря, что «сделка, являясь волевым актом, содержит в себе два необходимых момента: внутренний (субъективное намерение лица совершить сделку) и внешний (объективированное выражение воли лица)» [19, с. 16]. Мысленное действие (действительная воля) требует от стороны в договоре, с одной стороны, согласия на совершение сделки и, с другой стороны, намерения ее совершить. Вовне воля проявляется явно или подразумеваемо. Явно выраженная воля – это воля, выраженная в устной или письменной форме. Волеизъявление подтверждается подписями сторон.

Ст. 1316-4 ФГК говорит о том, что «подпись, необходимая для надлежащего оформления юридического акта, идентифицирует лицо, которое ее ставит. Она свидетельствует о согласии сторон с обязательствами, вытекающими из этого акта». Волеизъявление может быть подразумеваемым, если оно вытекает из сделки, которая подразумевает наличие воли для ее совершения. Например, автоматическое продление договора аренды: арендатор продолжает пользоваться арендуемым имуществом, таким образом выражая свою волю пролонгировать договор аренды. Подразумеваемое волеизъявление имеет такую же юридическую силу, как и явно выраженное, но часто его сложно доказать. Такое понимание подразумеваемого волеизъявления характерно как для французского, так и для отечественного права.

Пример автоматического пролонгирования договора аренды показателен еще в двух случаях: относительно молчаливого согласия на соверше-

ние сделки и конклюдентных действий. Так, воля арендодателя на продолжение арендных отношений выражается молчанием, а воля арендатора на это выражается путем осуществления конклюдентных действий (продолжение пользования арендованным имуществом). Французское и российское право в принципе склонны к тому, чтобы не считать молчание проявлением согласия. Однако в некоторых случаях молчание может иметь правообразующую силу. Прежде всего, по словам И. Буффелан-Ланора, это случаи, когда «закон предусматривает возможность молчаливого продления договора (аренды, страхования), а также, если торговые обычаи или обычаи делового оборота, существующие между сторонами, допускают возможность молчаливого волеизъявления» [1, с. 34].

Конклюдентные действия же – это действия, посредством которых обнаруживается намерение лица вступить в сделку. В России (во Франции аналогично), согласно ст. 158 ГК РФ, сделка считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершать сделку. Совпадение между волей и волеизъявлением выступает необходимым условием действительности сделки. Поэтому несоответствие между реальными намерениями лица и их выражением вовне может служить основанием признания сделки недействительной. При этом, как утверждает Е.А. Суханов, следует учитывать, что до обнаружения судом указанного несовпадения действует презумпция совпадения воли и волеизъявления [21, с. 345].

Французское право не употребляет терминов «совпадение воли и волеизъявления». Вместо этого французская доктрина говорит о взаимном согласии сторон совершить сделку. Такое согласие является существенным элементом сделки в силу принципа автономии воли сторон. Этот принцип (утвержден ст. 1134 ФГК, которая была процитирована выше) заключается в том, что лица вправе совершать любые юридические сделки, и эти сделки будут иметь юридическую силу. Л. Жюллио де ла Морандьер указывает, что «их последствия будут иметь силу потому, что этих последствий желали лица, совершившие сделку» [14, с. 76].

Несоответствие между волей и волеизъявлением субъекта может быть результатом как ошибки или существенного заблуждения относительно предмета и условий сделки, так и умышленных действий, например, субъектов, совершающих притворные и мнимые сделки. Случаи несоответствия между волей и волеизъявлением субъекта, пишет Е.А. Суханов, необходимо отличать от случаев упречности (дефектности) воли лица, совершающего сделку [21, с. 346]. Упречная (дефектная) воля субъекта формируется несвободно под влиянием обмана, насилия, угрозы, стечения тяжелых обстоятельств или искажается в результате злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой. Такая воля может совпадать с волеизъявлением, но она формируется несвободно или искажается представителем. Упреч-

ная (дефектная) воля не отражает действительные желания и устремления субъекта.

Во Франции употребляют термин не «упречности» или «дефектности», а «порочности» воли. Пороки воли по французскому праву перечислены в ст. 1109 ФГК: «Действительное согласие полностью отсутствует, если оно было дано в результате заблуждения или если оно было получено путем насилия или обмана». К порокам воли иногда добавляют убыточность, принимая во внимание, что речь идет не прямо о пороке воли, но скорее о неравенстве сторон договора [1, с. 39]. Убыточность приводит к недействительности сделок лишь в определенных сделках или в отношении определенных лиц (ст. 1118 ФГК).

Любой порок воли должен быть доказан. Доказательство может осуществляться любыми законными способами. Сделка, совершенная с пороком воли, не является недействительной в силу закона. Согласно ст. 1117 ФГК, она «лишь создает основание для иска о признании его недействительным на общем основании ввиду убыточности». По российскому праву упречность (дефектность) воли лица, совершающего сделку, также является основанием для признания сделки недействительной.

Законность содержания сделки

Если сделка противоречит нормам объективного права, то она признается недействительной. Ст. 6 ФГК в качестве общей нормы устанавливает запрет частными соглашениями нарушать публичный порядок, а ст. 1133 ФГК провозглашает обязательство недействительным, если оно противоречит публичному порядку. Л. Жюллио де ла Морандьер указывает на то, что ряд императивных норм изымает известные права из гражданского оборота. Так, изъяты из гражданского оборота личные права, права семейные, изъяты из оборота имущества, состоящие в публичной собственности государства, они неотчуждаемы, на них не обращаются взыскания [14, с. 88]. Частные лица не вправе совершать сделки (или определенные сделки) по поводу этих прав.

В России законность содержания сделки означает ее соответствие требованиям законодательства. По ст. 168 ГК РФ в редакции Федерального закона от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ, вступившего в силу с 1 сентября 2013 г. (далее –ФЗ №100), сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, является оспоримой. Если только из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса РФ, ничтожными являются сделки, совершенные с це-

лю, заведомо противной основам правопорядка и нравственности. Пленум Высшего арбитражного суда РФ дал разъяснения по статье 169 ГК РФ [20]. Так, при определении сферы ее применения необходимо исходить из того, что в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые не просто не соответствуют требованиям закона или иных правовых актов, а нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. То есть «необходимо доказать, что цель сделки, права и обязанности, которые стороны стремились установить при ее совершении, либо желаемое изменение или прекращение существующих прав и обязанностей заведомо противоречили основам правопорядка и нравственности». При этом цель сделки может быть признана заведомо противной основам правопорядка и нравственности только в том случае, если в ходе судебного разбирательства будет установлено наличие умысла на это хотя бы у одной из сторон.

Поэтому можно видеть, что законность сохранения сделки является общим условием действительности сделки как в российском, так и во французском праве (даже несмотря на отсутствие данного условия в ст. 1108 ФГК).

Правовая цель (causa)

Ст. 1108 ФГК причисляет основание (ближайшую правовую цель, *causa proxima*, на достижение которой направлено обязательство) к существенным условиям действительности договора. ФГК исходит из того, что все гражданско-правовые обязательства являются каузальными, то есть основание в них всегда усматривается. Сложности возникают в случаях, если обязательство сформулировано таким образом, что цель из зафиксированного текста обязательства установить невозможно. Чаще всего это происходит в практике торгового оборота при оформлении расписок, чеков, векселей. Юридическим основанием для признания действительности таких обязательств является ст. 1132 ФГК. В ней устанавливается, что обязательство является действительным, если основание в нем не выражено. Соответственно ФГК признает возможность существования абстрактного обязательства.

Е.А. Васильев обращает внимание, что французская судебная практика после некоторых колебаний уже давно придерживается принципа, что расписка, чек, вексель и другой документ, подписанный обязанным лицом, сами по себе являются достаточными доказательствами существования основания [10, с. 543 – 544]. Поэтому должник, желающий освободиться от ответственности по такому обязательству, должен доказывать отсутствие, ложность или недозволенность основания.

Кауза в российском праве также относится к необходимым условиям действительности сделки. Однако следует обратить внимание на определенные особенности. Сделки в российском праве де-

лятся на каузальные и абстрактные. Каждая сделка имеет цель (основание). Но из каузальной сделки видно, какую правовую цель она преследует, а абстрактные сделки – это сделки, порождающие права и обязанности, как бы оторванные от основания сделки [21, с. 351]. Примером каузальной сделки может служить договор купли-продажи. Из него всегда можно определить, на какое имущество хочет приобрести право собственности покупатель и в связи с продажей какого имущества у продавца возникает право требования оплаты.

Примером абстрактной сделки может быть выдача векселя, который удостоверяет ничем не обусловленное обязательство векселедателя или предложение указанному в векселе плательщику выплатить векселедержателю при наступлении определенного срока денежную сумму. Из векселя не видно, на основании чего возникло право векселедержателя требовать выплаты денежных сумм. Так, в Российской Федерации по действующему гражданскому законодательству все сделки по выдаче и передаче ценных бумаг в России также отнесены к разряду абстрактных сделок [21, с. 352]. Согласно п. 2 ст. 147 ГК РФ, отказ от исполнения обязательства, удостоверенного ценной бумагой, со ссылкой на отсутствие основания обязательства либо его недействительность не допускается.

Следует также указать, что само определение сделки как действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, является абстрактным. Благодаря правовой цели, преследуемой лицом, совершающим сделку, она приобретает конкретную юридическую определенность, позволяющую ответить на вопрос, к какому признаваемому действующим гражданским законодательством типу волеизъявлений относится эта сделка.

Требования, предъявляемые законом к форме сделки

Законодательство и большинство доктринальных источников сходятся во мнении, что волеизъявление лица, направленное на установление, прекращение или изменение прав и обязанностей, должно быть совершено в требуемой законодательством форме. Требования к форме сделки могут иметь императивный характер либо стороны могут сами определить, в какой форме они намереваются совершить сделку. Чаще всего договоры заключаются в устной или письменной форме. Письменная форма может быть простой и квалифицированной. Стороны, заключая договор в простой письменной форме, составляют его текст на бумаге и подписывают в количестве экземпляров по числу участников соглашения. Квалифицированная письменная форма означает необходимость совершения дополнительных действий: удостоверения подписи у нотариуса, нотариального подтверждения каких-либо фактов и т.д.

Договоры могут также заключаться в результате совершения конклюдентных действий, по своему характеру показывающих явное намерение лица заключить договор. Молчание может признаваться

формой совершения сделки только в отдельных случаях. Во Франции ст. 1108 ФГК не упоминает форму в качестве необходимого условия действительности соглашения. Однако, как утверждает К. Ларруме, это общее правило не означает того, что в ФГК и последующих законах и подзаконных актах отсутствуют положения, ставящие действительность той или иной сделки в зависимость от совершения ее в определенной форме, в рамках которой должно быть выражено согласие сторон [3, с. 481].

Данный принцип носит во французском праве название консенсуализма, то есть договор является действительным вне зависимости от того, в какой форме он заключен. Согласие сторон может выражаться любым способом, самое главное – чтобы оно было серьезным и определенным. Простого обмена словами, даже простого жеста (например, поднятия руки на аукционе) может быть достаточно для заключения договора. Молчание может являться согласием в определенных ситуациях. Но тогда необходимо, чтобы молчание было лишено любой двусмысленности.

Однако существуют исключения из общего правила консенсуализма сторон. Так, например, простая письменная форма необходима при совершении сделки на сумму свыше установленного в законе минимума, во Франции – для всех видов договоров свыше 5 тысяч евро (ст. 134 ФГК). Жюлио де ла Морандьер говорит о том, что выделяется форма конститутивного значения, при применении которой волеизъявление не имеет силы, сделка недействительна. Требование применения такой формы составляет исключительное явление в классическом имущественном праве [14, с. 84].

Так, законом установлена обязательная нотариальная форма договора дарения между живыми, договора об установлении ипотеки, брачного договора, определяющего режим имущественных отношений супругов. Целью этой формы является охрана лица, совершающего сделку или его семьи, нотариус обеспечит серьезную оценку сделки и ее надлежащее совершение. Завещание обязательно должно быть совершено либо у нотариуса (удостоверенное завещание), либо в олографической форме (завещание написанное, датированное и подписанное самим завещателем), либо в форме тайного завещания.

В России, в отличие от Франции, соблюдение формы сделки является необходимым условием ее действительности. Форма сделок бывает устная или письменная. Устно могут совершаться сделки, если:

- законом или соглашением сторон для них не установлена письменная форма;

- они исполняются при самом их совершении (исключение составляют сделки, требующие нотариальной формы, а также сделки, для которых несоблюдение простой письменной формы влечет их недействительность);

- сделка совершается во исполнение письменного договора и имеется соглашение сторон об устной форме исполнения (ст. 159 ГК РФ).

Все остальные сделки должны совершаться в письменной форме. Письменная форма быва-

ет простой и нотариальной. Простая письменная форма представляет собой выражение воли участников сделки путем составления документа, отражающего содержание сделки и подписанного лицами, совершающими сделку. Нотариальная форма отличается от простой письменной тем, что на документе, отвечающем перечисленным выше требованиям, совершается удостоверительная надпись нотариусом или другим должностным лицом, который имеет право совершать такое нотариальное действие (ст. 160, 163 ГК РФ).

Согласно ст. 161 ГК РФ (в редакции ФЗ №100), в простой письменной форме (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения) должны совершаться все сделки юридических лиц между собой и с гражданами, а также сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей. А в некоторых случаях, предусмотренных законом, – независимо от суммы сделки.

Нотариальная форма требуется для совершения сделок, прямо предусмотренных законом, а также соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма и не требовалась бы (п. 2 ст. 163 ГК РФ). Она обычно предусматривается для сделок, в которых волеизъявление сторон необходимо зафиксировать определенно (например, завещание, дарение, купля-продажа недвижимости). Наряду с вышеперечисленными формами совершения сделок существует еще одна – государственная регистрация (например, для сделок с землей и другим недвижимым имуществом). Если законом [28] предусмотрено, что та или иная сделка подлежит государственной регистрации, то до момента государственной регистрации сделка не считается совершенной. При этом, согласно ст. 165 ГК РФ (в редакции ФЗ №100), если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда.

В последние годы XX столетия в гражданском праве проблема формы договора в условиях научно-технического развития очень остро встала в новом аспекте. Наличие мировой сети Интернет, позволяющей размещать и получать информацию, в том числе и коммерческого характера, использование компьютеров и электронной почты позволяют участникам гражданского и торгового оборота обмениваться не только предварительной информацией, необходимой для заключения договоров, но и делать оферты и акцептовать их с использованием технических средств компьютерной индустрии. Использование электронных средств для заключения договоров было порождено торговым оборотом. В праве появились новые понятия: «договор в электронной форме», «электронная подпись», неизвестные гражданскому и торговому законодательству [10, с. 539].

Во Франции 13 марта 2000 г. была изменена глава VI Гражданского кодекса, устанавливающая общие принципы доказывания существования

обязательства. Электронные документы и подписи признаны юридически эквивалентными документам и подписям, сделанным от руки. Ст. 1316 ФГК в настоящее время признает в качестве письменного доказательства обязательств письма, рисунки, цифры или любые другие знаки или символы, наделенные понятным значением, независимо от вида носителя этой информации и способа передачи.

В соответствии с новой статьей 1316-1 ФГК документ в электронной форме допустим как доказательство, если он позволяет идентифицировать его с лицом, от которого он происходит, без нарушения целостности самого документа. Требования, которым должна отвечать подпись, установлены в ст. 1316-4 ФГК, в соответствии с которой электронная подпись может быть признана надлежащей, если она позволяет идентифицировать сторону, снабдившую документ такой подписью и позволяет установить согласие стороны с обязательствами, возникающими из такого документа.

В России термин «электронный документ» используется в Федеральном законе «Об электронной подписи» [27]. А.П. Сергеев указывает на то, что законом, иными правовыми актами или соглашением сторон могут быть дополнительно введены требования к простой письменной форме [11, с. 288]. Так, например, такие требования могут относиться к бумаге, на которой должен составляться документ, например бланки установленной формы, бумага с водяными знаками либо иными способами защиты. Возможно введение особой гербовой бумаги для составления отдельных документов. Кроме того, они могут быть связаны с дополнительным подтверждением полномочий лица на совершение сделки путем удостоверения его подписи печатью организации либо скрепления печатью какой-либо третьей стороны самого документа. Могут быть предусмотрены случаи факсимильного воспроизведения подписи, электронно-цифровой подписи либо иного аналога

собственноручной подписи (пп. 1 – 2 ст. 160 ГК РФ). В законодательстве России электронно-цифровая форма электронного документа по своим юридическим последствиям приравнивается к письменной форме. К такому выводу приходит Я.А. Карев, анализируя правовое регулирование электронных документов в договорных отношениях [16].

Как мы можем видеть из вышеприведенных сопоставлений и сравнений, условия действительности сделки в России и Франции в целом одинаковы, хотя имеется ряд отличий, обусловленных историческими, культурными, юрисдикционными особенностями этих стран. Подводя итоги, следует отметить, что сделки в наше время приобретают актуальное значение, так как их объем и значимость с каждым годом возрастают. В связи с этим особую важность приобретают и нормы, касающиеся условий их действительности, порядка признания их недействительными, различий между оспоримыми и ничтожными сделками.

И особое внимание должно быть уделено правовому просвещению граждан по поводу совершения сделок. И так как в настоящее время появилось большое количество организаций и физических лиц, вступающих во взаимоотношения между собой, правильность оформления и совершения сделки с юридической точки зрения приобретает большой смысл. Это способствует правильному развитию делового оборота, общественным отношениям в гражданско-правовой сфере. Поэтому для дальнейшего развития института недействительной сделки в России целесообразно изучать правовое регулирование данного института в развитых странах и, учитывая их опыт, заимствуя определенные положения в целях совершенствования национального законодательства, углубляться в проблематику и максимально улучшать как теоретические положения, так и практику совершения, признания недействительными, применения последствий недействительности сделок.

Список литературы

1. Buffelan-Lanore Y. Droit civil: Deuxieme annee. – 7 ed. – Paris: Armand Colin, 2000, 660 p.
2. Code de commerce français 1807, version consolidée au 8 mai 2010 <http://www.legifrance.gouv.fr>
3. Larroumet C. Droit Civil. T. 3 : Les Obligations. Le Contrat, Paris : Economica, 1996, 285 p.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М., 2011. 847 с.
5. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М., 2003. 382 с.
6. Вершинина Е.В., Стахеева Ю.А. Классификация недействительных сделок в России и Франции: сравнительно-правовой анализ. Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / Сост.и науч.ред. С.Н.Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. 382 с.
7. Витрянский В.В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства. Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. 559 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (ред. от 26 декабря 2012 г.). Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. №32. Ст. 3301.

9. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) : пер. с франц. В.Захватаев / Отв. ред. А.Довгерт. К.: Истина, 2006. 1008 с. Code Civil Français 1804, version consolidée au 1 janvier 2013. <http://www.legifrance.gouv.fr>
10. Гражданское и торговое право зарубежных государств/ учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2008. 560 с.
11. Гражданское право.: учебник: в 3 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ПРОСПЕКТ, 2005. 632 с.
12. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). М., 2007. 491 с.
13. Ем В.С. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. 958 с.
14. Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции: в 3 т. М.: Иностранная литература, 1958. Т. 1. 742 с.
15. Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции: в 3 т. М.: Иностранная литература. 1960 . Т. 2. 728 с.
16. Карев Я.А. Правовое регулирование использования электронных документов в договорных отношениях: анализ основных понятий // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В.А. Кабатова: Сборник статей / Под ред. профессора С.Н. Лебедева. М.: Статут, 2006. 284 с.
17. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2003. 831 с.
18. Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2006 . Т. 1, 460 с.
19. Павлова И. Воля и волеизъявление участников сделки // Закон. 2002. №1.
20. Постановление Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации». Первоначальный текст документа опубликован в издании «Вестник ВАС РФ». 2008.№ 5, май.
21. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв.ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 956 с.
22. Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006 . 603 с.
23. Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972 . 440 с.
24. Скловский К.И. Действие сделок и пределы реституции. Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., Статут, 2011. 559 с.
25. Скловский К.И. Сделка и ее действие // Вестник гражданского права. Изд.дом Владимира Ема. 2012.№3, Т. 12.
26. Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006 . 204 с.
27. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «Об электронной подписи». Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ». 11.04.2011. № 15. Ст. 2036.
28. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (принят ГД ФС РФ 17.06.1997) (ред. от 05.04.2013). Первоначальный текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ». 28.07.1997. № 30. Ст. 3594.
29. Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
30. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. 461 с.
31. Эрделевский А. Недействительность сделок: условия, виды, последствия // Закон. 2002. №1.

Об авторах

Вершинина Елена Валерьевна – доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД России, член Ассоциации международного права, член Ассоциации юристов России.
E-mail: elena.v.vershinina@gmail.com

Стахеева Юлия Александровна – помощник юриста DLA Piper Rus Limited, , магистр юриспруденции, аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД России. E-mail: julia.stakheeva@gmail.com

CONDITIONS OF TRANSACTION VALIDITY UNDER RUSSIAN AND FRENCH LAW

E.V. Vershinina, J.A. Stakheeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

DLA Piper Rus Limited 25 Leontievsky Pereulok, Moscow, 125009, Russian Federation.

Abstract: *In the article the authors give the main characteristics of conditions of transaction validity according to the Russian and French law. In Russia, as well as in France, a transaction (agreement) which does not meet any of these conditions may be recognized as invalid in part or in full. The conditions of transaction validity are not specified directly in Russian laws, in contrast to the French legislation. Russian lawyers share the opinion that the conditions of transaction validity include the following: the content and the legal result of the transaction must not contradict to law; individuals and legal entities performing the transaction, must have capacity to be a party to the transaction; the expressed will of the transaction party must correspond to its actual will; the will of the transaction party must be expressed in due form. French legislation, in particular, the French Civil Code in the Article 1108 directly specifies the following conditions of transaction (agreement) validity: the party, which undertakes its obligations, must express its consent; the parties must have the capacity to make an agreement; certain subject, which represents the obligation's content; causa of the obligation. Article 1108 of the FCC does not contain direct provisions regarding the form of the transaction. However, in order to be valid, the transaction must be executed in certain legally established form. Also the article deals with the main common and different features in Russian and French legislation and doctrine.*

Key words: Transactions, invalid transactions, conditions of validity of a transaction, will, expression of will, causa, consideration, legal capacity, active legal capacity, form of the transaction.

References

1. Buffelan-Lanore Y. Civil Law: Second Year. - 7 ed. Paris: Armand Colin, 2000, 660 p.
2. French Commercial Code of 1807, consolidated version of 8 May 2010 <http://www.legifrance.gouv.fr>
3. Larroumet C. Civil Law. T. 3 : Obligations. Contract. Paris : Economica, 1996, 285 p.
4. Braginskij M.I., Vitjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaja. Obshhie polozhenija, [Contract Law. Book 1. General Provisions] M.: 1999, 847 p.
5. Vas'kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo prava [Manual of Civil Law], Moskva, 2003, 382 p.
6. Vershinina E.V., Staheeva Ju.A. «Klassifikacija nedejstvitel'nyh sdelok v Rossii i Francii: sravnitel'no-pravovoj analiz» [Classificaion of invalis transactions in Russian and in France: comparative and legal analysis]. Voprosy mezhdunarodnogo chastnogo, sravni-tel'nogo i grazhdanskogo prava, mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha: LIBER AMI-CORUM v chest' A.A. Kostina, O.N. Zimenkovoj, N.G. Eliseeva [Issues of international private, comparative and civil law, international commercial arbitration: LIBER AMICORUM in the name of A.A. Kostin, O.N. Zimenkova, N.G. Eliseev] / Sost.i nauchn.red S.N.Lebedev, E.V. Kabatova, A.I. Muranov, E.V. Vershinina. M.: Statut, 2013, 382 p.
7. Vitjanskij V.V. «Nekotorye aspekty uchenija o grazhdansko-pravovom dogovore v uslovijah reformirovanija grazhdanskogo zakonodatel'stva» [Certain aspects of studies re civil contract in conditions of civil law reform]. Problemy razvitija chastnogo prava: sbornik statej k jubileju Vladimira Saurseevicha Ema [Problems of private law development: collection of articles to the jubilee of Vladimir Saurseevich Em]. / otvetstvennyj redaktor E.A. Suhanov, N.V. Kozlova, M. : Statut, 2011, 559 p.
8. Civil code of the Russian Federation (Part 1) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (adopted by the State Duma of the Russian Federation on 21.10.1994) (version of 26 December 2012). First text of the document published in «Corpus of Laws of the Russian Federation», 05.12.1994, No. 32, p. 3301.
9. Civil code of France (Napoleon Code) / Transl. from French. V.Zakhvataev / Otv. Red. A.Dovgert. K.: Istina, 2006, 1008 p. Code Civil Français 1804, version consolidée au 1 janvier 2013. <http://www.legifrance.gouv.fr>
10. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv [Civil and commercial law of foreign states]. Uchebnik. V 2 t. T. 1 / otv. red. E.A. Vasil'ev, A.S. Komarov. - 4-e izd., pererab. i dop. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2008, 560 p.
11. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Uchebnik. V 3 t. T. 1 / pod red. A.P. Sergeeva, Ju.K. Tolstogo. - 6-e izd., pererab. i dop. M.: PROSPEKT, 2005, 632 p.

12. Gutnikov O.V. Nedejstvitel'nye sdelki v grazhdanskom prave (teorija i praktika osparivanija) [Invalid transactions in civil law: theory and practice of challenging], M.: 2007, 491 p.
13. Em V.S. Rossijskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law]: uchebnik v 2 t. T. 1: Obshhaja chast'. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushhestvennye prava [General part. Law of property. Law of inheritance. Intellectual rights. Personal nonproperty rights] / Otv. red. E.A. Suhanov. M.: 2010, 958 p.
14. Zhjullio de la Morand'er L. Grazhdanskoe pravo Francii [French civil law]. V 3 t. T. 1. M.: Inostrannaja literatura, 1958, 742 p.
15. Zhjullio de la Morand'er L. Grazhdanskoe pravo Francii [French civil law]. V 3 t. T. 2. M.: Inostrannaja literatura, 1960, 728 p.
16. Karev Ja.A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovanija jelektronnyh dokumentov v dogovornyh odnoshenijah: analiz osnovnyh ponjatij [Legal regulation of using electronic documents in contractual relations: analysis of main terms] // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava. K 80-letiju V.A. Kabatova: Sbornik statej / Pod redakciej professora S.N. Lebedeva. M.: Statut, 2006, 284 p.
17. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 chastjah) [Russian civil law (in 2 parts)], M.: 2003, 831 p.
18. Novickij I.B. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu v 2 tomah. [Selected works in civil law in 2 volumes] T. 1, M.: 2006, 460 p.
19. Pavlova I. «Volja i voleizjavlenie uchastnikov sdelki» [Will and expression of will of the parties to the transaction]. // Zakon, 2002, №1.
20. Regulation of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation dated 10.04.2008 No. 22 «O nekotoryh voprosah praktiki rassmotrenija sporov, svjazannyh s primeneniem stat'i 169 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [On certain questions of court practice in relation to applying Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation]. First text of the document published in «Vestnik VAS RF», N 5, May, 2008
21. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T.1: Obshhaja chast'. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushhestvennye prava [Russian civil law: Manual: in 2 volumes. Volume 1: General part. Law of property. Law of inheritance. Intellectual rights. Personal non-property rights] / Otv.red. – E.A. Suhanov. M.: Statut, 2010, 956 p.
22. Rjasencev V.A. Predstavitel'stvo i sdelki v sovremennom grazhdanskom prave [Representation and transactions in modern civil law], M.: 2006, 603 p.
23. Savat'e R. Teorija objazatel'stv [Theory of obligations], M.: 1972, 440 p.
24. Sklovskij K.I. «Dejstvie sdelok i predely restitucii». Problemy razvitiya chastnogo prava: sbornik statej k jubileju Vladimira Saurseevicha Ema [Transactions validity and limits of restitution. Problems of private law development: collected works to the jubilee of Vladimir Saurseevich Em]. / otvetstvennyj redaktor E.A. Suhanov, N.V. Kozlova, M.: Statut, 2011, 559 p.
25. Sklovskij K.I. «Sdelka i ee dejstvie» [Transaction and its validity]. // «Vestnik grazhdanskogo prava». Publishing house of Vladimir Em. №3, 2012. Volume 12.
26. Tuzov D.O. Nichtozhnost' i osporimost' juridicheskoi sdelki: pandektnoe uchenie i sovremennoe pravo [Invalidity and voidability of a legal transaction: pandect study and modern law], M.: 2006, 204 p.
27. Federal Law dated 06.04.2011 N 63-FZ (version of 05.04.2013) «Ob jelektronnoj podpisi» [On electronic signature]. First text of the document published in «Corpus of Laws of the Russian Federation», 11.04.2011, No. 15, p. 2036.
28. Federal Law dated 21.07.1997 No. 122-FZ «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushhestvo i sdelok s nim» [On state registration of rights to immovable property and transactions therewith] (adopted by the State Duma of the Russian Federation on 17.06.1997) (version of 05.04.2013). First text of the document published in «Corpus of Laws of the Russian Federation», 28.07.1997, No. 30, p. 3594.
29. Federal Law dated 30.12.2012 No. 302-FZ «O vnesenii izmenenij v glavy 1, 2, 3 i 4 chastj pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [On amending Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part 1 of Civil Code of the Russian Federation].
30. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Manual of Russian civil law]. T. 1, M.: 2005, 461 p.
31. Jerdelevskij A. Nedejstvitel'nost' sdelok: uslovija, vidy, posledstvija [Transactions' invalidity: conditions, types, consequences] // Zakon, 2002, №1.

About the authors

Elena V. Vershinina – associated professor of the International Private and Civil Law Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: elena.v.vershinina@gmail.com

Julia A. Stakheeva – paralegal in DLA Piper Rus Limited, Master in Law, post-graduate student of the International Private and Civil Law Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: julia.stakheeva@gmail.com

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Д.Н. Карпова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Постоянное пребывание в Интернете стало одним из маркеров молодежного образа жизни. В статье проанализирована проблема полной «погруженности» молодежи в виртуальное пространство. Автор предлагает определение понятия «онлайн-молодежь» для характеристики молодых людей, которые в течение дня постоянно пользуются электронными носителями для поддержания интернет-коммуникации со сверстниками. Вопреки неоспоримым преимуществам Интернета, таким, как быстрый доступ к информации, дистанционное обучение и многое другое, в данной работе раскрываются некоторые формы девиантного поведения, а также социально-психологических деформаций, происходящих при активном использовании виртуальных средств массовой коммуникации. В ходе вторичного анализа эмпирических данных показано, что у молодых пользователей Интернета наблюдаются определенная потеря связи с реальным миром, информационные перегрузки, технострессы. Так, при отсутствии возможности выйти в Интернет пользователи испытывают «компьютерный голод», что может свидетельствовать об их киберзависимости. Использование технологических новинок в домашних условиях к тому же может неблагоприятно сказываться на межличностной коммуникации членов семьи. На основе данных проведенного кафедрой социологии МГИМО(У) эмпирического исследования показано, сколько времени студенты проводят в Сети ежедневно, а также на что именно они тратят эти часы. Была предпринята и попытка выяснить, осознает ли молодежь свою ответственность за публикуемую информацию в Интернете, что для них означает виртуальная безопасность в целом. В статье обращается внимание на то, что гораздо больший риск таит в себе деятельность киберпреступников, наносящая вред не столько неопытным пользователям Интернета, но и системам безопасности крупных организаций и даже государств. Именно поэтому к проблеме безопасности в Интернете особенно внимательно относятся международные организации, в частности ООН, ЕС и все государства. Активно пропагандируется идея создания интернет-пространства для детей с максимально сокращенной незаконной информацией на сайтах. Отмечается, что деятельность большинства международных организаций направлена на предотвращение деструктивных форм использования Интернета.

Ключевые слова: Интернет, онлайн-молодежь, молодежная безопасность, эскапизм, киберзависимость, кибербезопасность.

Постоянное пребывание в сетевом интернет-пространстве стало одним из маркеров молодежного стиля жизни. Молодого человека все реже можно увидеть без портативного компьютера, мобильного телефона, планшета или электронной книги. Благодаря гаджетам, имеющим высокоскоростной выход в Интернет, стало возможным осуществлять непрерывную Интернет-коммуникацию. За свое новое качество – быть постоянно на связи – молодые люди получили в социологии свое определение – онлайн-молодежь (youth go online) [1, с.1-2].

Влияние Интернета на молодое поколение стало предметом активной научной дискуссии. Одни ученые говорят о бесспорных достоинствах Интернета, называя его новым общественным благом. Благо, потому что каждый может найти для себя свою нишу в Интернете: эффективно хранить и передавать информацию, торговать, общаться [2, с. 27]. Общественное, потому что Интернет не попадает ни под какую юрисдикцию существующих суверенных государств. Сеть не принадлежит конкретно одному человеку или стране.

О преимуществах Интернета трудно спорить. Он обеспечивает равный и быстрый доступ к информации различных слоев населения, позволяет осуществлять мгновенную коммуникацию, предоставляет новые возможности в образовании (дистанционное образование). Отметим также, что Интернет оказывает влияние и на развитие методов социологических исследований, предоставляя возможность проводить интерактивные онлайн-фокус-группы, веб-опросы, форумные дискуссии, онлайн-сообщества и т.п.

Тем не менее другие ученые отмечают и дисфункциональное влияние Интернета, подчеркивая его воздействие на психику, образ жизни и социальные качества молодых людей.

Возможные социально-психологические деформации молодежи под влиянием интенсивной интернет-коммуникации

Можно выделить социально-психологические деформации от постоянного пребывания «online».

Первое. Результатом гипервключенности молодых людей в интернет-пространство является определенная утрата связей с реальным миром. Киберзависимость приводит к таким эффектам, как информационные перегрузки, технострессы, игровая и интернет-зависимость, идентификация себя с киберперсонажем, стремление к эскапизму [3, с. 72]. Согласно исследованию Т.В. Кондратьевой о воздействии искусственного интеллекта на личность, молодые люди испытывают психологический дискомфорт – своеобразный «компьютерный голод», если хотя бы один день не имеют доступа к компьютеру [4, с. 101].

Второе. Интернет-коммуникации деформируют межличностную коммуникацию, создавая принципиально новые качества общения. Так, в коммуникативной области отклонением от традиционной нормы общения (во дворах, кружках, секциях) считается то, что молодежи легче общаться

с компьютером, чем с реальными людьми [5, с. 140]. В определенном смысле технологическая продвинутость молодых людей делает их «профессионалами» в виртуальном общении, но в реальной жизни «калечит» межличностную коммуникацию лицом к лицу не только со сверстниками, но и в семье. Времяпрепровождение членов семьи с «технологическими новинками» в домашних условиях «расщепляет» и обедняет общесемейную коммуникацию [6, с. 25-26].

Третье. Активное обращение к «сжатой» интернет-информации приводит к деформации когнитивной сферы, формированию фрагментарного знания и «клипового» мышления. Приведем некоторые результаты исследования, проведенного кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России в ноябре–декабре 2012 г. В рамках проекта «Виртуальная свобода и безопасность студентов в Интернете» было опрошено более 700 студентов (бакалавров и магистров социально-гуманитарных специальностей) московских вузов (МГИМО(У) МИД России, МГУ им. Ломоносова, РУДН). Выяснилось, что студенты бакалавриата всех вузов используют Интернет прежде всего для работы и учебы. Более 80% опрошенных учащихся указали этот пункт при ответе на вопрос: «Чем вы чаще всего занимаетесь в Интернете?» На втором месте по популярности (примерно 60%) оказалось использование социальных сетей, форумов, сайтов знакомств [7]. Однако здесь очень важно понимать четкую разницу между информационной и образовательной функциями Интернета. Восприятие студентами Интернета как единственного достоверного источника знаний при подготовке к учебным занятиям и экзаменам – ложное. Поисковые сайты устроены таким образом, что предоставляют нам узкую подборку информации и ссылок на другие сайты, помогая сразу найти то, что интересует пользователя, и максимально исключить лишнее. Французский ученый А. Моль под такой «механической исключительностью» понимал «мозаичную культуру», пествуюющую поверхностные знания, которые соприкасаются, но не пересекаются [8].

Подобная «мозаичность» и стремление к «быстрым» знаниям особенно явно накладывает отпечаток на современный образ жизни и молодежи, и общества в целом. Так, под руководством А.А. Возьмителя, ведущего российского ученого в области исследования образа жизни, было проведено сравнительное исследование видоизменения образа жизни россиян. Выяснилось, что в 8 раз уменьшилась (по сравнению с советским периодом) доля «микросред», в которых все люди уверены в завтрашнем дне. На 40% сократилась доля микросред, состоящих из отзывчивых людей. Напротив, в более чем 4 раза стало больше людей, в ближайшем окружении которых все озабочено исключительно личным благополучием [9, с. 20]. Общий вектор изменений показывает, что «лучше работать» постепенно заменяется на «лучше потреблять», а уверенность в завтрашнем дне сменяется на социальную напряженность. Обоснованием подобных скоростных социальных изменений занимается

эксперт в области изучения процессов сложного социума С.А. Кравченко. Основным фактором он отметил увеличивающуюся долю короткоживущего социума и уменьшение долгоживущего. Это особенно касается времени, ценностей, идеалов и знания [10, с. 27–30].

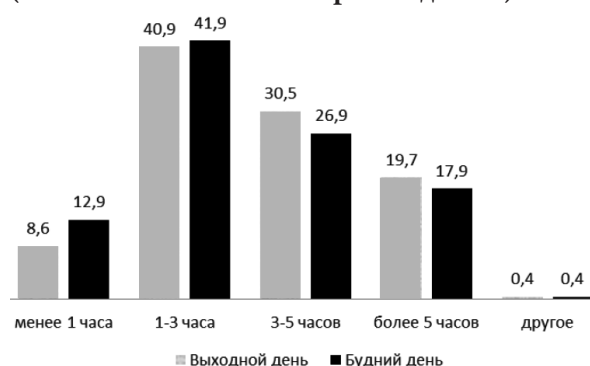
Четвертое. Также претерпевает качественные изменения процесс социализации детей и молодежи. Интернет «перетягивает» на себя функции социализации, ослабляя влияние на ребенка семьи, родителей, школы. Данная тенденция ярко проиллюстрирована результатами лонгитюдного исследования (1997–2005 гг.) поведения подростков в информационном пространстве С.Б. Цымбаленко. Опрос подростков в возрасте 10–17 лет показал явную «девальвацию» (обесценивание) большинства существующих информационно-коммуникационных ресурсов в сознании подростков. В частности, уменьшилась роль друзей, подружек, родителей, школы, книг как источников полезной информации для подростка (с 62,1 до 54,4%). При этом значительно повысилась, более чем в 2 раза, значимость компьютерных источников – с 14,6 до 30,9% [11, с. 25–30]. Хотя это и не удивительно, ведь сегодня почти каждый школьник, имеющий доступ к компьютеру и Интернету, может «загуглить» (от глагола «to google») любую интересующую его тему из школьной программы и получить краткий ответ на запрос.

Информационная безопасность в понимании молодежи

Помимо социально-психологических угроз не менее злободневной становится проблема отношения молодежи к информации, размещаемой ими в Интернете. Согласно данным проведенного кафедрой социологии МГИМО исследования, современная молодежь тратит на Интернет значительную долю своего «полезного» времени. Большинство наших респондентов (41,9%) указали, что они в будние дни проводят в Интернете в среднем от одного до трех часов.

Рис. 1.

Время, проводимое студентами в Интернете (в % от числа ответивших респондентов)

Более пяти часов в сутки общаются в сети почти 18% учащихся студентов. При этом в выходные дни количество проводимого времени в Интернете увеличивается. Так, 30,5% студентов посвящают Интернету от 3 до 5 часов своего времени в субботу

и воскресенье (рис. 1). Более пяти часов находятся в сети около 20% респондентов [7].

На первый взгляд Интернет может показаться пространством безграничной свободы. Так, в 2005 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, выступая на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества отметил, что основой «информационного общества является свобода» [12]. Она позволяет людям во всем мире приобретать знания, а государства–члены организации должны стремиться к защите, укреплению и обеспечению того, чтобы благами Интернета пользовались все.

А что думают студенты по поводу это самой свободы? В ходе нашего исследования задавался вопрос: «Можете ли вы без опаски и стеснения выражать в повседневной жизни мысли, которые свободно высказываете в Сети?» Результаты распределились следующим образом. Около 80% респондентов ответили на этот вопрос положительно. Из них 50%, ответив «да», отметили, что они свободно высказываются в Интернете, так же как и в повседневной жизни, а 30% – потому что они не делятся в сети ничем сокровенным. И только около 4% респондентов отрицательно ответили на этот вопрос. В ходе исследования мы столкнулись с парадоксальным явлением: чем старше становятся студенты, тем свободнее и охотнее они готовы делиться своими мыслями в Сети. Студенты магистратуры оказались менее осторожными в высказывании своих мыслей в Интернете, нежели студенты младших курсов бакалавриата. 63% учащихся без опаски выражаются в Сети. Младшекурсники более осторожны – 56% соответственно [7].

С понятием Интернет-свободы неразрывно связано осознание ответственности молодежи за размещаемую в сети информацию. Около половины опрошенных (48,6%) осознают существование ответственности за размещенную информацию в Интернете. 35,2% отрицают всякую ответственность, считая Интернет пространством полной свободы. Остальные 16,2% затруднились ответить на вопрос.

Стоит отметить, что интернет-ответственность не ограничена высказываниями, «выброшенными» в Сеть. Большие угрозы связаны с усиливающейся киберпреступностью. Киберпреступники, пользуясь безграничными свободами виртуального поля, наносят вред как простым гражданам, так и системам обеспечения безопасности разных уровней бизнеса и государства.

Таким образом, виртуальная свобода имеет амбивалентный характер: с одной стороны, она кажется общественным благом, предоставляя «безграничные» ресурсы для общения, с другой стороны, виртуальная свобода представляет угрозу (в виде киберпреступников, интернет-зависимости) для общества в целом и молодого поколения в частности. Поэтому к проблеме безопасного использования Интернета и ограничения ряда свобод особенно ответственно подходят международные организации, в состав которых входят десятки и сотни стран мира.

Генеральной Ассамблеей ООН был принят ряд резолюций по вопросам кибербезопасности. Так, «О создании глобальной культуры кибербезопасности и оценке национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур», в которой ООН признает, что «безопасность в использовании информационно-коммуникационных технологий относятся к главным опорам информационного общества и что необходимо поощрять, формировать и активно внедрять устойчивую глобальную культуру кибербезопасности». Помимо ООН, Совета Европы, «Большой восьмерки» проблемой преступного использования Интернета озабочены и другие международные организации. Под эгидой Европейского союза (ЕС) была создана специальная программа под названием «Safer Internet Programme» [13], основной целью которой является защита детей в онлайн-среде. ЕС, пожалуй, одним из первых затронул вопрос защиты детей в Интернете. Основной целью программы является сокращение незаконного онлайн-содержимого сайтов. Речь идет о сайтах с порнографией. Официально программа разработана для того, чтобы повысить уровень знания детей и их родителей при использовании новых технологий, а также распознавать и бороться с рисками, которые могут возникнуть при использовании новых технологий.

Выработка правовых норм регулирования Интернета является задачей номер один не только в аспекте международной информационной безопасности, но и федеральной программы в России. Несмотря на общую «информационную неграмотность» молодежи в вопросах виртуальной безопасности, в целом в стране ведется обширная работа по развитию и обеспечению безопасного функционирования информационного общества. Один из основополагающих документов в этой области был принят в 2000 г. – Доктрина информационной безопасности (ИБ) России [14]. Под ИБ понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. На микроуровне безопасность заключается в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность. Однако слишком общий термин «информационная безопасность» не объясняет всю сложную, амбивалентную природу Интернета, в особенности конкретную безопасность молодежи в виртуальном пространстве.

Список литературы

1. Wakefield Marie A., Rice Cynthia J. The Impact of Cyber-Communication on Today's Youth // Professional Counseling Digest, 2008.
2. Нюсбаум Х., Интрона Лукас Д. Интернет в общественной жизни, М.: Идея-Пресс, 2006.
3. Коротникова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования, 2010. №3.
4. Кондратьева Т. В. Воздействие искусственного интеллекта на личность // Человек в системе социокультурных отношений. Сб. науч. ст. М., 2000. Вып. 3.
5. Лапченко Н.Н. Проблемы информационной безопасности в молодежной среде // Социологические исследования. 2009. №8.
6. Носкова А.В. Семейная тематика в Европейской социологии // Социологические исследования. 2012. № 3.
7. Интервью зав. кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России Кравченко С.А. «Что угрожает студентам в Интернете?» // <http://mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml> (дата обращения: 20 мая 2013 г.).
8. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1995.
9. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. №1.
10. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2012. С.304.
11. Цымболенко С.Б. Подросток в информационном мире: практика социального проектирования. М.: НИИ школьных технологий, 2010.
12. Выступление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/sg05.htm> (дата обращения: 13 мая 2013 г.).
13. Safer Internet Programme http://ec.europa.eu/information_society/activities/sip/index_en.htm (дата обращения: 02 мая 2013 г.).
14. Доктрина информационной безопасности http://www.rg.ru/OFFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM (дата обращение: 1 мая 2013г.).

Об авторе

Карпова Дарья Николаевна – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: d.n.karpova@yandex.ru

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Many social scientists are deeply concerned with the problem of youth cyber dependency. It is primarily caused by people's "submergence" into the newest technological gadgets and virtual reality. In sociological lexis one can even meet such a term like "youth go online". The author proposes a definition for that term applied to describe people who use electronic smartphones most part of their day (in some cases even like a background all day long). However we can't diminish all advantages associated with the Internet using. It is both quick access to any information and distance education, the possibility to transfer money in a second through the whole world and other. But here the author stresses upon another side of Internet using. The paper reveals some forms of social and psychological challenges and deviance behavior while active using of virtual mass communication tools. Moreover, the article observes the most fundamental research in the sphere of sociology of youth and mass communication conducted by famous Russian and International scientists. Their studies reveal that young internet users sometimes lose a strong connection with the real world which is caused by informational overloading or "computer hunger". On the base of the empirical data made by the Sociological School of The Moscow State University of International Relations (MGIMO-University), there was made an attempt to clarify the youth understanding of such phenomenon like internet-responsibility for the content users post and what do students mean by the term "cybersecurity"? Besides above-mentioned personal security, special attention is paid to the problem of international cyber terrorism which can cause more damage not only to companies but the whole governments. In that connection the article discloses the functioning of international organizations like United Nations, European Union and Council of Europe aimed to the prevention of destructive forms of internet using and creation of global culture of cybersecurity.

Keywords: Internet, youth-online, youth security, escapism, cyber dependency, cyber security.

References

1. Wakefield Marie A., Rice Cynthia J. The Impact of Cyber-Communication on Today's Youth // Professional Counseling Digest, 2008.
2. Niussbaum Kh., Introna Lukas D. Internet v obshchestvennoi zhizni [Internet in Social Life], M.: Ideia-Press [Idea-Press], 2006.
3. Korytnikova N.V. Internet-zavisimost' i deprivatsiia v rezul'tate virtual'nykh vzaimodeistvii [Internet Dependency and Deprivation as a result of virtual interaction] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2010. №3.
4. Kondrat'eva T.V. Vozdeistvie iskusstvennogo intellekta na lichnost' [The Influence of Artificial Intelligence on person] // Chelovek v sisteme sotsiokul'turnykh otnoshenii. [A Man in the System of Social and Cultural Relations] Sb. nauch. st. M., 2000. Vyp. 3.
5. Lapchenko N.N. Problemy informatsionnoi bezopasnosti v molodezhnoi srede [Problems of Informational Safety of Youth] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2009. №8. c. 139-142
6. Noskova A.V. Semeinaia tematika v Evropeiskoi sotsiologii [Family in the European Sociology] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2012. № 3. C. 21-27.
7. Interv'iu zav. kafedroi sotsiologii MGIMO (U) MID Rossii Kravchenko S.A. «Chto ugrozhaet studentam v Internet?» [Head of Sociological Department of MGIMO-University S. Kravchenko interview "What can threaten young people in the Internet?"]. Available at: <http://mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml> (accessed: 20 May 2013).
8. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury [Social and Cultural Dynamics]. M [Moscow]. 1995.
9. Voz'mitel' A.A., Osadchaia G.I. Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmenenii [The Way of Living in Russia: Dynamics of Changes] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies], 2010. №1. C. 17-27.
10. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniiu gumanisticheskoi teorii slozhnosti [Becoming of Complex Society: Humanistic Theory of Complexity]. Monografiia. M.: MGIMO-Universitet [MGIMO-University], 2012. C.304.
11. Tsybolenko S.B. Podrostok v informatsionnom mire: praktika sotsial'nogo proektirovaniia [Teenager in the Informational World: The Practice of Social Projection]. M.: NII shkol'nykh tekhnologii [Moscow], 2010.
12. Vystuplenie General'nogo sekretaria OON Kofi Annana na Vsemirnoi vstreche na vysshem urovne po voprosam informatsionnogo obshchestva [K. Annan Speech on the World Summit of Informational Society]. Available at: <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/sg05.htm> (accessed: 13 May 2013).
13. Safer Internet Programme Available at: http://ec.europa.eu/information_society/activities/sip/index_en.htm (accessed: 02 May 2013).
14. Doktrina informatsionnoi bezopasnosti [The Doctrine of Informational Safety]. Available at: http://www.rg.ru/OFFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM (accessed: 1 May 2013).

About the author

Daria N. Karpova – postgraduate student of the Sociological Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). E-mail: d.n.karpova@yandex.ru

МАНУЭЛЬ КАСТЕЛЬС: ВЛИЯНИЕ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА НА ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Л.А. Бобова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается теория общества сетевых структур Мануэля Кастельса, скорректированная и дополненная ученым с учетом новейших явлений, произошедших за последние 10 лет. Автор теории называет основные важнейшие сигналы изменений в социуме, происходящие ввиду экспансии сетевых структур в век технологических новаций. Изменения коснулись мировой экономики, финансов, структуры труда, миграционных процессов, скорости, роли и восприятия индивидами времени, выразились в беспрецедентном росте урбанизации во всем мире и мультиэтничности населения стран. Сетевая структура общества приводит к зарождению и принципиально новой формы коммуникации – массовых самокоммуникаций. Начавшийся процесс означает снижение элитарной роли официального эмитента информационных сообщений – то есть движения информационных потоков «по вертикали» – и повышение релевантности информационных сообщений, публикуемых в открытых пространствах сети Интернет отдельными индивидами – то есть движения информации «по горизонтали» от индивида к индивиду. С появлением новых технологий любой индивид, имеющий доступ к сети Интернет, может построить свою собственную информационную систему, используя продукты Интернета и мобильной связи. Несмотря на появление массовых самокоммуникаций в условиях повышенной социальной нестабильности, данный тип коммуникаций оказывается эффективным инструментом в матрице социального взаимодействия в сети Интернет. В статье отмечается ускоренный темп роста числа пользователей массовыми самокоммуникациями, обусловленный революционными сдвигами последних лет в области коммуникационных технологий. Беспроводная коммуникация становится доминантной формой коммуникации в мире, являясь самой быстрораспространяющейся технологией в истории коммуникации. В этой связи происходят изменения роли и формы подачи информации в средствах массовой информации. Происходит синергия между средствами массовой коммуникации и всеми другими формами коммуникации. Результатом таких процессов становится появление принципиально новой культуры коммуникации в современном обществе.

Ключевые слова: сетевое общество, миграция, массовые самокоммуникации, современное российское общество.

Мануэль Кастельс, автор трехтомного труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [11], положившего начало теории сетевого общества, в 2010 г. опубликовал третье издание книги с новым предисловием. В нем ученый проанализировал новейшие тенденции сетевого общества, которые произошли за десять лет с момента первого издания книги, а также внес существенные коррективы в свою теорию. Социолог впервые озвучил свою теорию общества сетевых структур еще 20 лет назад. Уже в середине прошлого века начавшаяся компьютеризация и глобализация привели его к мысли о зарождении качественно новой морфологии общества.

В XXI в. процессы глобализации и компьютеризации интенсифицируются, спровоцировав радикальные, никогда ранее не зафиксированные в истории изменения в социуме. Сетевая теория Кастельса стала требовать своего пересмотра и дополнения в контексте усиливавшихся кризисов, конфликтов и протестных движений во всем мире. В связи с такими проявлениями нестабильности возрастает актуальность выработки инновационных подходов к пониманию и исследованию современного социума, культуры, экономики сетевого характера.

По мнению ученого, важнейшим сигналом структурных изменений в обществе является пережитый в 2008–2009 гг. мировой финансовый кризис. Причины такого масштабного и неожиданного кризиса коренятся, по Кастельсу, в техническом обновлении инструментария финансовых систем, вызвавшем усложнение, ускорение и повышение рискогенности производимых финансовых операций и появление новых финансовых продуктов и инструментов (деривативы, фьючерсы, опции, секуляризованное страхование), элиминировавшие транспарентность рынка и практически полностью виртуализировавшие его. Компьютеризация и виртуализация финансового сектора во всем мире привели к созданию глобального финансового рынка, который в купе с национальной политикой дерегуляции и либерализации экономик вызвал бесконтрольное движение капитала в мире. Кроме того, недостаточный контроль над торговлей ценными бумагами и финансовым рынком способствует появлению все большего числа брокеров, практикующих рискованное кредитование для получения максимального личного дохода. Секьюритизация всех организаций, деловых сделок и имущества превратила финансовую оценку в основной показатель стоимости предприятий, правительств и даже экономик стран.

Кастельс также называет в комплексе причин возникшего кризиса рост кредитования на крупные суммы денег и ипотечный кризис 2007 г., разгоревшийся в США. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. показал невозможность контролировать экономику, плотно базированную на сетях: национальные институты власти практически потеряли способность контролировать и регулировать мировые потоки материальных ценностей и информации. Глобальная автоматизация

финансовых процессов поставила собственную логику функционирования полностью над нуждами экономики и общества, что в итоге привело к разгору мирового финансового кризиса [11].

Данный кризис является ярчайшим примером «нормальной аварии» [13], суть которой, по Ч. Перроу, автору данной концепции, в «системной неизбежности» аварий, являющихся естественным результатом взаимодействия человека со сложными системами, выходящими из-под его контроля. Именно поэтому заявленные политиками прогнозы на многократное увеличение ВВП страны представляются не более чем популистическим способом привлечения голосов избирателей. Век прогнозов уступает место участвующимся «нормальным авариям».

Другим важнейшим сигналом изменений в социуме ввиду экспансии сетевых структур в век технологических новаций, по мнению Кастельса, становятся трансформация структуры и формата труда, а также занятости во всем мире. Такие изменения произошли в связи с внедрением технических новшеств в организации, автоматизацией производства, эмансипацией женщин, с утверждением равноправия между мужским и женским трудом, соответствующим логике глобализации элиминированием жестких национальных границ, повлекших за собой иммиграционные процессы и возросшую мультиэтничность населения, экспансией транснациональных корпораций, утверждением глобального рынка и интернационализацией производства [11].

Внедрение высоких технологий в организации в целом не привело к сокращению рабочих мест, хотя многие профессии исчезли [11] – в XXI в. окончательно невостребованными оказались такие специалисты ручной, неавтоматизированной работы, как ткачи, свечники, скорняки, лудильщики, коماشники, гужевники, выдувальщики стекла, секретари-машинисты, сборщики деталей на заводах, чертежники и многие другие. В сфере обслуживания и на транспорте все чаще люди заменяются на проекции людей – к примеру, в некоторых аэропортах городов Европы вместо реального сотрудника стойки информации или кассира, выдающего талоны на посадку, мы найдем соответствующие автоматы или проекции роботов-ассистентов.

Но одновременно с исчезновением сотен профессий возникло множество новых специальностей, требующих высокого уровня образования – маркетологи, системные администраторы, разработчики программного обеспечения, специалисты по информационной безопасности, экологии, нанотехнологии, логисты, аудиторы, графические дизайнеры, специалисты по цифровой рекламе, специалисты по роботостроению, искусственному интеллекту, спутниковой связи [11]. В этой связи общий уровень образования населения растет во всем мире.

Отмеченные тенденции характерны и для России. Так, сравнивая результаты Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., россиян с высшим образованием стало на 41% больше. Согласно данным

Росстата, в 2002 г. высшее образование имели 19,4 млн человек, а в 2010 г. их стало уже 27,5 млн. При этом, согласно все той же последней переписи, общее количество граждан РФ уменьшилось на 2261,5 тыс. человек [2].

Интернационализация процесса производства товаров и услуг уничтожила тысячи рабочих мест в развитых странах в связи с автоматизацией или переносом производства в развивающиеся страны. В то же время появились сотни тысяч новых рабочих мест в странах с развивающейся экономикой. В сумме в первой декаде XXI в. рабочих мест на мануфактурном производстве в мире оказалось больше, чем когда-либо. Тем не менее уровень жизни жителей развивающихся стран не улучшился в связи с дорогостоящим медицинским обслуживанием и ограничениями социальных благ в частном секторе. Лишь массовая феминизация рабочей силы позволила многим хозяйствам поддержать имеющийся уровень жизни [11].

В России также снизился уровень безработицы. Интернационализация производства положительно влияет на ее экономику. К примеру, открытие новых автомобильных заводов иностранных марок в регионах привело к появлению несколько тысяч новых рабочих мест, различной квалификации, что положительно сказалось на динамике снижения безработицы. По данным Федеральной службы по труду и занятости (Роструд), в 2012 г. официальная безработица в России составила чуть больше 1 млн человек и составила 5,5 % [8] – это самый низкий показатель регистрируемой безработицы в стране за прошедшие 10 лет. Этот показатель в два раза ниже, чем в странах Евросоюза. В Евросоюзе безработица стабилизировалась на уровне 10,7% еще в октябре 2012 г., достигнув рекордного показателя за все время существования ЕС. К началу 2013 г. в 27 странах ЕС Eurostat насчитал 25,926 млн безработных, из которых 18,715 млн проживают в странах еврозоны [4]. Что касается США, то «за первый месяц 2013 г. армия американских безработных пополнилась на 126 000 человек (до 12,332 млн), что составляет 7,9% экономически активного населения США» [5]. Таким образом, за последние 10 лет произошел сдвиг в мировой структуре безработицы: в странах с развивающейся экономикой ситуация стабилизируется, тогда как развитые страны достигают порой рекордно критических отметок. Это совершенно новая тенденция.

Внедрение новых технологий в организации и производство привело к одновременному росту как рабочих мест, требующих высокой квалификации, так и низкоквалифицированной работы, правда, с огромными разрывами в уровне заработной платы. Кастельс в этой связи выделяет два типа современных работников: «самопрограммируемые (информационные) работники» и «работники общего типа (многофункциональные, «исполнители»)». Дуальная структура рынка труда, по мнению социолога, связана со структурными условиями информационной экономики, развивающейся в контексте экономики низкоквалифицированных услуг, и это является источником стратификаци-

онных процессов, наблюдаемых в обществе [11]. По нашему мнению, стратификация обуславливается качеством доступа к информации и информационным технологиям: «исполнители» реже располагают материальной и инфраструктурной возможностью качественного и постоянного доступа к сети Интернет, представляющий основную информационную базу современного общества.

По замечанию Кастельса, в связи с возможностями, предоставленными сетью Интернет и мобильными беспроводными устройствами, растет гибкость рабочей силы, исчезает и пространственно-географическая зависимость. Доступность и распространенность новых технологий вызвала рост числа трудящихся свободных профессий, людей, работающих не по найму [11]. Таким образом, портрет работающего человека видоизменяется во всем мире – для него стала характерна качественно новая социальная мобильность.

По мнению Кастельса, иммиграционные процессы по-прежнему играют значительную роль в экономике и обществе во всем мире. Практически повсеместно растет мультиэтничность и мультикультурализм. Тем не менее, как считает ученый, иммиграция не является всеобъемлющим феноменом. В начале 2010-х гг. в мире насчитывается почти 250 млн мигрантов, и они составляют часть мировой рабочей силы, в разной степени влияющей на разные страны. Однако бесспорно, что концентрация мигрантов в узловых городах мира повышает социальную напряженность [11], ведь чаще всего это низкоквалифицированные рабочие с полным отсутствием понимания местной культуры.

Столкновения культур, ставшие нормой, всегда происходят социально болезненно. К примеру, отмечен рост ксенофобии в нашей стране [6]. В официальных отчетах и заявлениях ФМС России звучат резонные обоснования такой эскалации ксенофобии [9]. В большинстве своем молодые мигранты, приезжающие на работу в Россию, не владеют русским языком, не знакомы с российским законодательством, что приводит к росту числа межнациональных конфликтов, нарушению прав самих мигрантов, к криминализации миграционной сферы, образованию теневого рынка труда. В то же время растет недовольство не только со стороны основной этнической группы, но и представителей меньшинств. И все чаще проявляется реакция на «исключенность» из общей системы, не позволяющая пользоваться благами и ресурсами наравне с остальными членами общества, выраженная в виде религиозного фундаментализма [11]. Его жертвами все чаще и все более массово становятся невинные люди во всем мире.

Мануэль Кастельс, используя терминологию, введенную им еще в 1989 г. в книге «Информационный город» [10], обращает внимание на то, что, несмотря на «стирание национальных границ», в сознании и социальной практике индивидов пространство потоков не ликвидировало значимость пространства мест. Крупные узлы концентрируют все больше капитала, власти, инноваций на планете, но в то же время немного людей в мире идентифи-

цируют себя с единой глобальной, космополитичной культурой, построенной вокруг пространств потоков: большинство людей чувствуют свою жесткую локальную идентичность. Несмотря на то что пространства потоков пересекаются с пространствами мест, культурное и социальное значение определяется в терминах мест, локальности, в то время как функциональность, ресурсы и власть определяются в терминах потоков. По мнению социолога, это самое фундаментальное противоречие, появляющееся в глобализованном, урбанистичном, сетевом мире: в мире, построенном по логике пространства потоков, люди живут в пространствах мест [11].

По нашему мнению, такое противоречие не может просуществовать долгое время: в сложном обществе с сетевой структурой именно пространства потоков становятся несравнимо мощной силой, заставляющей индивидов, живущих в пространствах мест, следовать логике и действовать в соответствии с пространством потоков – и данный процесс с каждым годом интенсифицируется; пространства мест все больше существуют в умах индивидов и в век глобальных сетевых структур практически являют собой атавизм. Однако стоит признать, что пока, как отмечает Кастельс, «гражданами мира» считают себя лишь небольшая доля населения, остальные ассоциируют себя с определенной территорией. Мультиэтничность и мультикультурализм во всем мире приводит к новым, до сих пор слабо разрешимым проблемам [11]. Нам представляется это особенностью «переходного» периода от индустриального общества к новому типу сетевого общества, в котором мы в данный момент находимся.

Кастельс также называет такой фактор радикального изменения общества в последнем десятилетии, как самая мощная волна урбанизации в истории человечества. Используя метод простой экстраполяции существующих показателей, социолог предполагает, что 2/3 населения планеты станут городскими жителями к 2030 г., 3/4 – к середине века. Коммуникационные технологии привели к большей концентрации людей в ограниченном количестве мест на Земле, откуда с остальной частью планеты можно взаимодействовать посредством телекоммуникационных компьютерных сетей и быстрых систем передачи данных [11].

По нашему мнению, процесс урбанизации и должен стать выходом из названного ученым противоречием между пространством мест и пространством потоков, особенно если учитывать проявляющуюся во всем мире новейшую тенденцию, о которой говорит Кастельс. Дело в том, что пространства потоков становятся связанными ресурсными узлами не только в виде городов, но и целых «регионов-метрополий». По наблюдению ученого, создается новая пространственная архитектура из глобальных сетей, соединяющих регионы-метрополии с остальными регионами мира. Таким образом, выявлена прямая связь между технологическими изменениями в обществе и эволюцией его пространственных

форм, в частности такой формы, как регион-метрополия.

Такой регион возникает в результате двух взаимосвязанных процессов – децентрализации крупных городов и объединение существующих городов-центров, которые интегрируются благодаря новым коммуникационным возможностям. Это новая пространственная форма, поскольку в одной пространственной единице вмещаются одновременно городские и сельские районы, открытые пространства и густонаселенные жилые территории, множество городов на территории прерывистой сельской местности. Такие регионы имеют несколько центров и не отвечают традиционной логике разграничения центральных городов и их пригородов. В регионах-метрополиях существуют несколько центров, каждый из которых несет свою функцию. В XXI в. регион-метрополия становится универсальной городской формой. Пространственная структура стала полицентричной и одновременно иерархичной, поскольку каждый из районов выполняет собственную функцию. Такая форма стала возможной благодаря сетевому взаимодействию – ключевой пространственной чертой общества сетевых структур становится сетевое взаимодействие локального и глобального [11].

По мнению Кастельса, фактором изменений в социуме является возникновение «вневременного времени». За последние годы наука совершила прорыв в попытках остановить и биологическое время: отныне при определенном медицинском вмешательстве женщины не ограничены в сроках планирования семьи и деторождения. В условиях распространения мобильных средств коммуникации и сети Интернет, позволяющих быть на связи 24 часа в сутки 7 дней в неделю, стираются границы между личным, семейным и рабочим временем. Нарушается последовательность социальных практик. Люди пытаются справиться с множеством задач одновременно, стараясь сократить при этом время на выполнение каждой из них [11].

Концепция Кастельса созвучна концепции темпоральности «кристаллизованного времени» английских социологов Скотта Лэша и Джона Урри [12]. Кристаллизованное время – это медленно текущее время, с помощью которого человечество воспринимает процесс эволюции планеты. Этой концепции темпоральности придерживаются активисты «зеленых» движений, призывающих к солидарности поколений в борьбе за экологию. По мнению Кастельса, новые концепции темпоральности позволяют отражать тип последовательности, который появляется в современном мире. Концепции «вневременного времени» и «кристаллизованного времени» отражают противоборствующие тенденции в обществе сетевых структур: попытки «укротить» технологии и коллективное подчинение автоматизированным процессам, вышедшим из-под контроля своих авторов [11].

Глобализация ускорила темпы производства, управления и распределения ресурсов и услуг во всем мире, измеряя продуктивность и конкурентное преимущество минимальным затраченным

временем. Мировые финансовые рынки изобрели деривативы, по сути продающие время с риском разрушить экономику, рост которой они были призваны стимулировать. Акселерация использования природных ресурсов, отказ продумать способы их повторной утилизации сокращают срок жизни человека как биологического вида, одновременно увеличивая ожидаемый срок жизни каждого индивида. По замечанию Кастельса, люди живут в мире своих вездесущих аватаров – виртуальная реальность становится основной жизни, уничтожая понятие «время». Масштабные голод и катастрофы напоминают об уязвимости биологического времени, но генетическая инженерия питает человечество иллюзиями, что оно способно отодвинуть смерть до неопределенных сроков. В последние 10 лет, по мнению ученого, попытка отменить время породила глубокий конфликт в социуме – новой культуры отношения к окружающей среде с культурой уничтожения времени [11].

Одним из важнейших сигналом происходящих изменений в социуме является совершенно новый характер и никогда не существовавшие ранее формы коммуникации, возникшие в первом десятилетии XXI в. По наблюдениям Кастельса, наибольшие трансформации с момента первой публикации книги коснулись именно коммуникаций. В последние годы революционные сдвиги в области коммуникационных технологий происходят ускоренными темпами. Темп распространенности сети Интернет ускоряется с каждым годом: в 1995 г. число пользователей Сети в мире составляло 40 млн человек, в 2009 г. – достигло 1,5 млрд. Особенно быстро идет темп проникновения Интернета в развивающиеся страны. В 2008 г. интернет-пользователи составляли 1/5 населения земного шара, менее 10% из них имели доступ к широкополосному Интернету. Тем не менее с 2000 г. цифровое неравенство с критерием доступа к Сети неизменно снижается [11].

С 1990-х гг. развивается еще одна мировая коммуникационная революция: беспроводная коммуникация с постоянно растущим числом возможностей и функций и усовершенствованием соответствующих устройств. Беспроводная коммуникация стала самой быстро распространяющейся технологией в истории коммуникации. Для сравнения: в 1991 г. было около 16 млн пользователей мобильных телефонов, в середине 2008 г. их число превысило 3,4 млрд, что составляет около 52% населения земного шара. Интересно, что в Китае, Латинской Америке и Африке бедные слои населения отдают значительную часть своего заработка на расходы, связанные с коммуникацией. В XXI в. появляется множество мобильных беспроводных устройств, дающих доступ к Интернету. В новой модели коммуникации беспроводная коммуникация является доминантной формой коммуникации [11]. В 2013 г. в России мобильным телефонным устройством владеют 98% населения, из них 49% имеют техническую возможность выходить в сеть Интернет с помощью устройства [3]. Аудитория мобильного Интернета в крупных городах России,

по итогам 2012 г., выросла на 35% и составила 16,7 млн человек – это почти 27% всего населения этих городов [7]. По данным TNS Web Index Установочное Исследование, Россия (города 100 тыс.+, август 2012 г., 12 лет и старше, % от пользователей соответствующего мобильного устройства), мобильные пользователи сети Интернет около 67% времени находятся на сайтах электронных социальных сетей [1].

Кастельс считает, что Интернет и беспроводная коммуникация не являются средствами массовой информации в традиционном смысле, он называет их средствами интерактивной коммуникации. Тем не менее границы между средствами массовой коммуникации и всеми другими формами коммуникации все больше стираются. Более того, Интернет и его производные являются коммуникационным каркасом повседневной жизни все большего числа индивидов, их работы, личного времяпрепровождения, основой их информирования, развлечения, предоставления и пользования государственными услугами, технологическим каркасом функционирования политики и религии. Все больше СМИ и продуктов культуры и информации становятся оцифрованными и находятся в Сети. Например, Интернет уже полностью изменил телевидение: по результатам исследования, проведенного Центром имени Анненберга при Южнокалифорнийском университете, подростки уже не пользуются традиционными устройствами для просмотра телепередач, но прибегают для этого к компьютерам. Телевидение остается самым распространенным средством массовой информации, но способ передачи информации и его формат изменились, его восприятие стало индивидуализированным. Транслирование видеопотоков становится все более и более распространенной формой потребления и производства СМИ. В 2007 г. 48% американцев регулярно просматривали видеофайлы в Интернете, в то время как год ранее доля потребителей видеофайлов составляла 33% [11].

Подобных изменений претерпела и печатная пресса: неотъемлемым компонентом прессы, присутствующей в Сети, стало сетевое взаимодействие, синергия с другими новостными организациями и СМИ. Более того, комбинация новостных сетевых служб с интерактивным блоггингом и электронной почтой, а также система «очень простой сводной информации» (RSS) превратили газеты в компонент другой формы коммуникации: массовой самокоммуникации [11]. Таким образом, массовая коммуникация, как производство содержания, так и его доставка до аудитории, также базируется на возможностях Интернета.

Реальность средств массовой информации меняется, подтверждая значимость роли массовых самокоммуникаций – новейшей формы коммуникации. Самокоммуникация именуется массовой, поскольку достигает потенциально глобальной аудитории посредством пиринговых сетей и подключения к сети Интернет [11]. Такая форма коммуникации возникла вместе с методиками Веб 2.0 и Веб 3.0 – кластеров технологий, устройств, приложений,

■ Социология

которые поддерживают распространение социальных пространств в Интернете благодаря возможностям широкополосного Интернета, открытому программному обеспечению и улучшенными компьютерной графике и интерфейсу, включающему взаимодействие аватаров в формате виртуальных пространств в трехмерном измерении. Массовая самокоммуникация – мультимодальная, позволяющая переформатировать ее содержание благодаря бесплатному свободному в доступе программному обеспечению, все чаще распространяемому беспроводными сетями. Содержание такой коммуникации пополняется пользователями, управляется пользователями в плане публикации сообщений и выбирается пользователями в плане получения данных сообщений «от многих ко многим». Массовые самокоммуникации – это новое средство коммуникации, созданное компьютерными сетями с цифровыми компонентами и охватывающее весь мир в последнее десятилетие. Это освобождение от посредников в процессе передачи информации – любой индивид, имеющий доступ в сеть Интернет, может построить свою информационную систему [11].

В XXI в. индивиды построили собственные системы массовой самокоммуникации, используя продукты Интернета и мобильной связи: SMS, блоги, видеоблоги, подкасты, вики-страницы и функции выражения одобрения/неодобрения опубли-

кованного сообщения нажатием на виджет «Мне нравится» («Like»). Файлообменники и пиринговые сети («Peer-to-peer») способствуют циркуляции, смешиванию и переформатированию любой цифровой информации [11]. «YouTube», веб-сайт, позволяющий любому индивиду или группе индивидов делиться любыми видеофайлами, самостоятельно загружая на него собственное содержимое, в 2007 г. стал самым распространенным средством массовой коммуникации в мире.

Горизонтальные сети коммуникации, построенные вокруг индивидуальных инициатив, интересов и желаний, мультимодальны и включают в себя множество видов документов, от фотографий и масштабных проектов типа Википедии (энциклопедия, заполняемая пользователями) до музыки и фильмов и сетей социальных/политических/религиозных активистов в виде форумов с видео-, аудио- и текстовым содержанием [11].

Электронные социальные сети (например, международные MySpace, Facebook) становятся повседневным обязательным элементом жизни сотен миллионов людей меньше 30 лет. Сетевые сообщества распространяются не только как виртуальная реальность, но и как явление, интегрированное в повседневную реальную жизнь и изменившее многие сферы жизнедеятельности людей [11].

Таким образом, создается новая коммуникационная культура.

Список литературы

1. Беляев А. Состояние и развитие мобильного Интернета в России // Аналитический Центр Видео Интернетшнл. URL: <http://www.vi.ru/Files/pubs/740/1.pdf> (дата обращения: 07.03.2013).
2. Герасимова Е. Высшее образование доминирует // Независимая газета, 1997-2013. URL: http://www.ng.ru/education/2011-12-20.8_perepis.html (дата обращения: 14.04.2012).
3. Леонтьев С. Использование мобильных в разных странах // Информационный портал cossa.ru, 2010-2013. URL: <http://www.cossa.ru/articles/152/37433/> (дата обращения: 13.04.2013).
4. Безработица в США и ЕС не снижается // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/career/news/8666571/bezrabotica_v_ssha_i_evrosoyuze_prodolzhit_rost (дата обращения: 14.02.2013).
5. Безработица в США и ЕС не снижается // Экономическая правда, 2005-2008. URL: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/02/1/359606/> (дата обращения: 07.03.2013).
6. Данные пресс-конференции 05/04/2013, доклад заместителя главы ФМС РФ Анатолия Фоменко.
7. Мобильным Интернетом пользуются 27 % жителей крупных городов России // Runet Media Holding, 2011-2013. URL: <http://therunet.com/news/722-mobilnym-internetom-polzuyutsya-27-zhiteley-krupnyh-gorodov-rossii> (дата обращения: 10.04.2013).
8. Уровень безработицы в России вдвое ниже, чем в странах Евросоюза // Официальный сайт партии Единая Россия, 2005-2013. URL: <http://er.ru/news/2013/4/5/uroven-bezraboticy-v-rossii-vdvoe-nizhe-chem-v-stranah-evrosoyuza/> (дата обращения: 14.04.2013).
9. ФМС: незнание мигрантами русского приводит к росту ксенофобии // «Вести». Интернет-газета, 2001-2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073491&cid=7> (дата обращения: 10.04.2013).
10. Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. The Wiley-Blackwell, 1992.

11. Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
12. Lash, Sc., Urry, J. Economies of Signs and Space (Theory, Culture & Society). Sage Publications, 1994.
13. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

Об авторе

Бобова Лидия Алексеевна – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России по специальности «Теория, методология и история социологии». E-mail: lydia.bobova@gmail.com

MANUEL CASTELLS: THE IMPACT OF THE NETWORK SOCIETY ON THE NATURE OF SOCIAL COMMUNICATIONS

L.A. Bobova

Abstract: *The article deals with Manuel Castells' theory of network society, corrected and updated according to the new events happened during the last 10 years. The author of the theory registers the major signals of the changing processes in the modern society, happening due to the expansion of networks in the age of technological innovations. Changes affected the global economy, finance, structure of labor, migration, the velocity, role and individual's perception of time. An unprecedented increase of urbanization in the world happened as well. The society became multiethnic. The network structure of the society leads to the uprise of a fundamentally new form of communication called mass self-communications.*

The launched process reduces the elitist role of the official issuer of information i.e. the information flows going vertically, and increases the importance of information published in open spaces on the Internet by individuals i.e. information flows going horizontally from individuals to individuals. New technologies let any individual create its own informational system using the Internet and mobile communication tools. Despite the appearance of mass self-communications in an atmosphere of high social instability, this form of communication turns up to be an effective tool in the matrix of social interaction in the Internet.

An accelerated growth in number of mass self-communications' users is being registered due to the revolutionary changes in the field of communication technologies which made wireless mobile communication devices able to stay connected to the Internet almost continuously. Wireless communication becomes the dominant form of communication in the world, being the fastest-spreading communication technology in history. In this regard the role and form of issue of information in mass-media changes. Synergy between mass-communication and all other forms of communication appeared. The result of this process is the emergence of a radically new culture of communication in modern society.

Keywords: network society, migration, mass self-communication, modern Russian society.

References

1. Beljaev A. Sostojanie i razvitie mobilnogo internet v Rossii (Situation and development of the mobile Internet in Russia) Available at: <http://www.vi.ru/Files/pubs/740/1.pdf> (accessed 07 March 2013).
2. Gerasimova E. Vysshee obrazovanie dominiruet (Higher education dominates). Available at: http://www.ng.ru/education/2011-12-20/8_perepis.html (accessed 14 April 2012).
3. Leont'ev S. Ispol'zovanie mobil'nykh v rzhnykh stranakh (The use of mobile phones in different countries) Available at: <http://www.cossa.ru/articles/152/37433/> (accessed 13 April 2013)/
4. Bezrobotitsa v ES i SSHA ne snizhaetsa (Unemployment in the U.S. and the EU is not reduced) Available at: http://www.vedomosti.ru/career/news/8666571/bezrobotica_v_ssha_i_evrosoyuze_prodolzila_rost (accessed 14 February 2013).
5. Bezrobotitsa v ES i SSHA ne snizhaetsa (Unemployment in the U.S. and the EU is not reduced) Available at: <http://www.epravda.com.ua/rus/news/2013/02/1/359606/> (accessed 07 March 2013)/
6. Materials of the press-conference (05/04/2013), report of the head deputy of the Federal Migration Service of Russia Anatoliy Fomenko.
7. Mobil'nym Internetom pol'zujutsa 27% zhitelej krupnykh gorodov Rossii (27% of the inhabitants of large cities in Russia use mobile Internet). Available at: <http://therunet.com/news/722-mobilnym-internetom-polzuyutsya-27-zhiteley-krupnyh-gorodov-rossii> (accessed 10 April 2013).
8. Uroven' bezrobotitsy v Rossii dvroe nizhe, chem. V stranakh Evrosojuza (The unemployment rate in Russia is twice lower than in the EU) Available at: <http://er.ru/news/2013/4/5/uroven-bezroboticy-v-rossii-vdvoe-nizhe-chem-v-stranah-evrosoyuza/> (accessed 14 April 2013)/
9. FMS: neznanije russkogo privodit k rostu ksenofobii (FMS: the ignorance of Russian language of the immigrants leads to an increase in xenophobia) Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1073491&cid=7> (accessed 10 April 2013).
10. Castells, M. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. The Wiley-Blackwell, 1992.
11. Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
12. Lash, Sc., Urry, J. Economies of Signs and Space (Theory, Culture & Society). Sage Publications, 1994.
13. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.

About the author

Lidia A. Bobova – is a graduate student of the Sociology Chair of the Moscow State Institute of International Relations (University), specialty "Theory, methodology and history of sociology".
E-mail: lydia.bobova@gmail.com

КРАТКАЯ КРИТИКА РАССМОТРЕНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРОМ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА „БЫТИЕ”

Б. Братина

Приштинский университет, философский факультет. Сербия, 38220, Косовская Митровица, ул. Филипа Вишничича б. н.

Статья рассматривает предпринятую М. Хайдеггером во «Фрайбургских лекциях» (1935) попытку дать онтологический анализ трех корней термина «бытие» (es-, bhu-, wes-). По мнению автора статьи, Хайдеггер сознательно не учитывает специфику присутствия данных корней и их модификаций в славянских языках, в связи с чем рассматриваются возможные идейные и даже идеологические причины подобной «невнимательности». В то же время обращение автора статьи к самостоятельному онтолого-лингвистическому анализу славянских языков помогает восполнить те философские «лакуны», которые образовались за счет игнорирования их богатого смыслового содержания. Лингвистическое богатство славянских корней – один из слабо разрабатываемых пока источников знания о философском потенциале целого ряда важнейших философских понятий, включая понятие «бытие». Внимание к этимологической составляющей полноценного онтолого-лингвистического анализа, разумеется, одна из заслуг М. Хайдеггера. Однако дополнительные ракурсы этого подхода, возникающие при обращении к материалу славянских культур, радикально меняют практические проекции, вытекающие из данных рассуждений на уровне культуры и политики. Важнейший вывод, предложенный автором статьи, состоит в необходимости учитывать детерминированность нейтральных по виду философских позиций, нередко слабо осознаваемую самим мыслителем, со стороны политики, в целом властных отношений, а также общекультурного контекста создания той или иной философской концепции. Призывая к интеллектуальной добросовестности, автор статьи убедительно обосновывает методологические и содержательные следствия, исходящие из данного положения.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, онтолого–лингвистический анализ, бытие, семантический потенциал понятия, славянские культуры, маргинализация, политическая и идеологическая ангажированность, идеология расизма, философская истина.

Современный посткризисный мир сложен и неоднозначен как в политическом смысле, так и в смысле поиска человеком своего места в нем [11, с. 8–11]. Отличается он и своей идентификационной составляющей, выражаемой в том числе в языке. В свою очередь, язык культуры и философии концентрирует подобные поиски. Именно поэтому интерес к этим языкам в различных «лингвистических проекциях» остается в центре внимания современных гуманитарных исследований, несмотря на очевидную «несъедобность» и кажущуюся непрактичность подобных исследований. С этой точки зрения язык культуры – одна из наиболее насущных проблем современной науки, ибо она разыскивает то, что делает человека человеком.

Данное исследование касается понятия «бытие» и тех его интерпретаций, которые непосредственно связаны с политикой – как в историческом контексте, так и с точки зрения новейших прикладных проекций социального, политического, экономического и других профилей. Понятно, что изучение данного вопроса не может быть абстрактным. Оно должно опираться на конкретный материал, отобранный по критерию достоверности и осмысленный с помощью общенаучных и специальных научных методов (таких, как анализ и синтез, единство исторического и логического, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, обобщение, уточнение; этимологический анализ, онтолого-лингвистический анализ, философская компаративистика и т.д.).

Исследователям, как и широкой научной общественности, широко известна попытка Хайдеггера во «Фрайбургских лекциях 1935-го года» проникнуть в смысл бытия посредством языка. Идея этой попытки состояла в том, чтобы, исходя из тезиса, что язык и сам является чем-то существующим, можно перейти к утверждению доступности бытия через грамматический и/или этимологический анализ самого слова «бытие». По нашему мнению, эта попытка имела отрицательный результат, хотя сама по себе и обладала значительным (и весьма резонансным) исходным импульсом. Обстоятельное изучение причин этой неудачи, вопрос оправданности самой попытки Хайдеггера, как и поиск трансцендентальных условий и методов возможной успешной реализации такого проекта, не являются темой данной работы.

Наше намерение – указать на нечто совсем иное: описанная выше затея, какой ее замыслил и стремился осуществить Хайдеггер, имеет, с нашей точки зрения, не научный, а идеологический характер. Выполненный им этимологический анализ слова «бытие» неаккуратен, и этот факт – не столько следствие недостаточной лингвистической подготовки (так как о Хайдеггере вряд ли можно сказать, что он не был, по крайней мере, достаточно информирован в данной области), сколько результат именно идеологических влияний. Как известно, даже сообщество ученых-лингвистов не было единодушно в оценке полученных им результатов; естественно, «политкорректные» представители

профессии в Германии 1930–1940-х гг. готовы были поддержать эти результаты, учитывая базовую теорию нацистского движения и ее парафилософскую составляющую (как и разнообразные интеллектуализированные «изводы»).

Мы бы с удовольствием сказали, что Хайдеггер – представитель так называемого онтологического империализма, который лучше всего можно увидеть через анализ его рассмотрения отношения с Другим. Это отношение подчинено отношению с бытием как «отношению всех отношений». В более поздней части изложения фундаментальной онтологии Хайдеггер связывает бытие с понятиями, кажущимися еще более побочными с точки зрения его основных философских интуиций. Однако они, хотим мы того или нет, непосредственно ассоциируются с его участием в Национал-социалистической партии (речь идет о понятиях «народ», «борьба», «общность на фронте» и т.д.).

Тем временем политическая «активность» Хайдеггера зачастую ослепляет современных критиков, затрудняя обнаружение более глубокого историко-теоретического значения. В отличие от Розенберга (концепция «крови и почвы» которого победила в нацистской партии, так как была более подходящей для недалеких народных масс), он хотел утвердить расовое превосходство в понятии как таковом. Именно эта заявка, по нашему мнению, и делает его концепцию нацизма превосходящей официально идеологию «крови и почвы».

Однако с трудом понимаемый партийной массой «бытийный» расизм не был принят в качестве руководства к действию. Возможно, именно в этом и заключается причина отказа Хайдеггера принять денацификацию, хотя, как известно, он позднее дистанцировался от участия в «преступном мероприятии». Вольная историко-философская аналогия: И.Г. Фихте, который почти на два века раньше также «сел на интеллектуальную мель», разрабатывая модели практического приложения теоретической мысли в таких понятиях, как *Deutschung* и подобных, по крайней мере, не отказался от идей, которые отстаивал.

Принимая во внимание вышесказанное, становится возможным уточнить, почему Хайдеггер обходит славянские языки в сравнительном анализе трех этимологических корней слова «бытие». Это понятно уже на основании того, что он называет первые два индоевропейских корни (*es-*, *bhu-*) «индогерманскими» (что в его время было общепринятым, хотя и касалось языков гипотезированных индоевропейцев в более узком смысле). Относительно третьего корня (*wes-*) Хайдеггер все же говорит, что он появляется «только на территории изменения германского глагола «быть»» [13, с. 69].

Последний тезис мы и намерены оспорить, опираясь при этом на примеры из тех языков, которые Хайдеггер неоправданно обходит вниманием. Более того, кто-то может задаться вопросом, относятся ли вообще германцы в строгом смысле (*Deutsch*) к индоевропейской группе народов, когда, например, у них нет своего слова для «моря», которое является одним из ключевых индоевропейских

слов. Так, для стоячей воды они используют слова Loch и See в значении лужи, озера или моря, но у них нет mare (латинский) или море.

Сдругой стороны, даже по сравнению с латинским и современными романскими языками (итальянским, французским или, скажем, испанским) славянские языки обладают большим семантическим потенциалом в интерпретации индоевропейского слова «море», тогда как у германцев, напомним, в строгом смысле этого слова просто нет. Мы говорим «большой семантический потенциал», так как в славянских языках, например в сербском, корень мор- непосредственно семантически связан с утоплением (слова морить, сморить, смерть, и эта семантическая связь видна и в богине Морани, и даже в глаголе норить, в смысле погружаться; об этом свидетельствует и современное сербское жаргонное словечко сморити (рус. – надоедать).

Вообще, слово «бытие» не является самым старым среди индоевропейских слов, оно важно лишь с философской точки зрения. Существует целая группа индоевропейских слов, представляющих общую индоевропейскую языковую связку, и слово «море» – одно из них. Добавим, что не следует упускать из виду и тот факт, что лингвистический подход, позиции которого мы оспариваем, не является случайностью. Это – одна из парадигм культуры, претендующей на универсальность собственных взглядов по меньшей мере последние 1200 лет. Неслучайно и то, что лингвистические поиски М. Хайдеггера разделили лингвистическую общественность как раз в то время, когда он отождествил греческое λέγειν с немецким *lessen*, исполняя герменевтику λόγος-а как «собирающую собранность» вполне в духе легко выводимой отсюда «теории масс».

Даже когда речь идет о первом пракорне слова «бытие» – корне *es-*, от которого происходят греческие *eimí* (в третьем лице единственного числа настоящего времени: *estí*), *eīnai* и др., латинские *est*, *estis*, *essum*, *esse*, *essentia* и т.п., германские *is* (английский), *ist*, *sind*, *seid*, *sein* (немецкий), французские *es*, *est*, *être*, *étez*, испанские *ser*, *estar* и т.д.), сравнение со славянскими языками весьма интересно. Слова, которые происходят из этого корня, преимущественно имеют функцию копулы и/или смысла сущности этой функции. Именно с этой онтологической коннотацией они появляются и в славянских языках. Например, в сербском глаголе *jesam* (рус. – я есть) как вспомогательное *je*, что является самой формой константива, затем в русском есть, церковнославянском *jest*, *jestество*, а также в сербских словах *истина*, *искон* и др.

Второй индоевропейский корень слова «бытие» – *bhu-* еще интересней. В греческом это *phý-*, как в *phýō*, *phýein*, *phýsis*, но и *pha-*; в латинском оно осталось в перфекте *fui*, *fuo*, а в германских языках – только в английском *be*, *been* и немецком *bin*, *bist*, *bis*. В славянских языках тем временем этот корень соответствует целому ряду слов: церковнославянское *bytie*, сербское *биће*, бити, бит, бивствовање, (пре)бивање, бивство,

бивствујуће и т.д., затем будем, буди, будимо и др., в которых *bhu-* сохраняется в первозданной форме. Соответственно в сербском этот корень, в отличие от других языков, присутствует как смысл вспомогательного глагола (который устанавливает связь) и как само название бытия. В этом смысле корень *bhu-* в славянских языках демонстрирует более широкое семантическое распространение по сравнению с другими современными европейскими языками, что само по себе является преимуществом, когда речь идет о выражении онтологических деликатностей.

Специфика славянских языков весьма выразительна при выяснении важного и для Хайдеггера аспекта, связанного с понятиями света, блеска, а также и вид-а, вид-имости. Славянский корень *вид-* соответствует греческому корню „*fid-*” (*wid-*, совпадает с *phý-*), который затем превратился в (ε)*id-*, как в *id-éa*, *id-ein*, *eid-os* и др., поскольку „*f*” (*digamma*) со временем потерялась или была замещена, чаще всего дифтонгом „*ei*”. Кроме того, он коннотирует ту же самую группу значений: аорист глагола *horáo* – это именно *eídon*, основа *fid-*. В славянских языках эта связь видна в прародственности глаголов *ведети* и *видети*, где *ведети* означает знание как последствие внутреннего знания: «ведети» означает «знаю, так как я видел». Подобная связь сохранилась сегодня и в польском языке, где различаются *wiemu*, *wiedzie* – знать внутренним знанием и *znamu*, *zna* – знать поверхностно, извне. Не говоря уже о таких сербских словах, как «увид» (рус. уведомление) и «привид» (рус. – иллюзия).

Если говорить о третьем индоевропейском корне слова «бытие», корне *wes-*, то в греческом ему соответствует целая группа слов: *hestia*, *hestíama*, *hestiátor*, *hestiōnhos* и другие; в конечном итоге и центральное философское понятие, *οὐσία*, которое изначально связывается с той же группой значений (ср. в латинском – *Vesta*, *vestibulum*). Что касается германских языков, Хайдеггер приводит *gewesen*, *was*, *war*, *wesend*, *Wessen*, *anwesend*, *abwesend*. В английском, скажем, этому соответствует прошедшее время глагола *was*.

Вопреки мнению Хайдеггера о том, что корень *wes-* появляется только в германских языках, мы можем обнаружить этот корень и в славянских языках, особенно в сербском, хотя и с немного измененным, но все же с явно присутствующим сущностным онтологическим значением. Так, лингвистический корень *wes-* (сербский *вес-*) имеет смысл приведения самого бытия, знания о бытии или его призывания прежде всего в словах *свест* (рус. – сознание) и *савест* (рус. – совесть), то есть свесность, савесность и сущностное *вест*, затем *весна*, *весник*, *наговестити*, *веселье* и др.

Без понятия сознания уже более чем 300 лет нельзя говорить о понятии бытия; оно не имело бы никакого смысла вне сознания, предметом которого оно может быть. Уже из первых двух примеров видно, что один союз как префикс

в своих двух формах отделяет область теоретического (осознаваемое сознание) от области практического, конкретно, этического (совесть). К этому следует добавить и факт, что зачастую в главном корне может произойти перераспределение звуков таким образом, что с тем же смыслом к упомянутой группе слов могут добавиться: све (рус. – все), свет (рус. – мир), светлост (рус. – свет), светина (рус. – простой народ) и т.д. Более того, согласно свидетельству Анте Кнежевича, который ссылается на релевантные анализы этимолога Петра Скока, здесь особенно видна связь с корнем вид-, то есть с тем смыслом бытия, которое подразумевает его объявление, обнаружение; значение глагола «смотреть» развилось «по отношению к семантическому закону результата. Из освещения следует смотрение. Одно без другого невозможно» [9, с. 662]. «Человек познает то, что видит или усматривает... Познаваемым является то, что (у)видено, увидено – то, что освещено, а это – свет, «освещенное». Это подтверждает и русское слово свет, имеющее два значения: 1) «свет» как освещение и 2) «свет» как мир... Полабский *sjot* значит «мир», но также и «день». Опять же в кашубском языке *swiatlo* и *wid* являются синонимами, как у нас это близкие по смыслу светло, видело и дан...» [5, с. 884].

Индоевропейский корень *wes-* в славянских языках появляется в первоначальной звуковой форме, при этом в смысле конкретного существующего бытия – в смысле вещи, латинский *res*, которая удовлетворяет критерии Аристотеля для *οὐσία*-у. Это подтверждает русское слово вещь, болгарское *vešt*, чешское *věs* – вещь, но также и в немного измененной форме сербская повесть (рус.–история) – бытие, которое прошло и которое реально только в той мере, в которой оно отмечено, записано. Наконец, о том, что существует связь корня *wes-* с культом очага и имущества, как в случае термина „*οὐσία*“, свидетельствует и его присутствие в форме с перераспределением звуков в слове Сварга, то есть Сварог, имени старославянского верховного божества, бога солнца (санскр.– *svar*), целой вселенной и домашнего очага как солнца в доме.

Неоспоримо, что Хайдеггер, – впрочем как и многие другие немецкие авторы, которые оставили в западной культуре глубокий и значительный след, – был приверженцем идеи о индогерманском происхождении языка и народа Европы (братья Гримм, Гердер, фон Гумбольдт...). Название «индоевропейский», которое часто используется в нашей культуре, является последствием влияния французской лингвистики, которая пробуждается на сто лет позже, чем в Германии. С появления этой идеи и до нашего времени комментаторы и аналитики из неславянских странах регулярно избегают обращаться

к рассмотрению славянских языков, маргинализируя их лингвистически и необоснованно дискриминируя теоретически, – возможно, от банального незнания либо высокомерного невнимания.

Иная ситуация – в самих славянских странах. В частности, в Сербии к его рассмотрению обращался известнейший лингвист Милан Будимир [1, 2, 3, 4]. Строго научное обращение к данной теме убедительно показывает, что славянские языки не только опровергают положение Хайдеггера об онтолого-лингвистической эксклюзивности германских языков, но также делают несостоятельной всякую попытку маргинализации славянских языков в лингвистике и философии. Корни этих попыток, по нашему глубокому убеждению, имеют идеологическое происхождение даже в том случае, когда подобный ненаучный подход камуфлирует себя в сознании исследователя с помощью «рассеянности внимания».

Из сказанного очевидно, что существующие неясности и разрывы в лингвистике могли бы быть устранены в значительной мере с помощью неангажированного анализа славянских языков. Более того, когда речь идет о философском потенциале этих языков, как таковых, обнаруживается их «онтологическая плодovitость», ничуть не меньшая, чем в случае с немецким языком. Скорее, наоборот: скажем, сербский язык изобилует онтологическими терминами, «поставляющими» думающему аналитику богатейший материал для его онтолого-лингвистических размышлений и поисков.

Весьма плачевно на этом фоне выглядит совет М. Хайдеггера студентам: лучше учить легендарную праисторию и раннюю историю Германа, чем грамматику классических языков [14, с. 53–54]. Пристрастность данной позиции можно обосновать и с помощью выводов научной политологии, которая настаивает на необходимости учитывать приверженность сознания ученого тем или иным властным отношениям вне зависимости от того, насколько он сам осознает подобную приверженность. Сходную позицию отстаивает и современная культурология, указывая на зависимость позиции ученого от историко-культурного контекста его жизни и деятельности [10, с. 168–171].

Разумеется, первой и единственной целью нашей науки должна оставаться истина. Но мысль не может «отвязаться» от действительности так, как ей, возможно, хотелось бы. Грамотный и четкий анализ рефлексивных моментов, связанных с деятельностью сознания в «горизонте бытия», – один из важных путей, предложенных философией для спасения мысли от пут бесплодного самолюбования.

Список литературы

1. Будимир М. Проблема буквы и протославянской родины/ Работа югославской академии наук и искусств. Кн. 282 (1951). Загреб: Югославская академия наук и искусств (Отдел филологии). 1951. С. 5—32
2. Будимир М. Сварог-Хелиос. Белград: САНУ, 1976. 338 с.
3. Будимир М. Pelasto-slavica / Предраг Р. Драгич Кижук, (1992)I, Catena Mundi: сербская хроника на мировых веригах. Кн. 1. Матица сербов и эмигрантов Сербии. Белград: Ибарске новости; Краљево. 1992. С. 74–82.
4. Будимир М. С балканских источников/Предраг Р. Драгич Кижук, (1992)II, Catena Mundi: сербская хроника на мировых веригах. Кн. 2, Матица сербов и эмигрантов Сербии. Белград: Ибарске новости; Краљево. 1992. С. 852–855.
5. Кнежевич, А. Филозофија и славянские языки/философского исследования 18. Год. 6. Кн. 3 (1986), С. 873–892.
6. Мартинет А. Основы общей лингвистики. Загреб: ГЗХ, 1982. 188 с. [Martinet, A. Éléments de linguistique générale, Paris, Armand Colin, 1960].
7. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 1. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1971. 788 с.
8. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 2. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1972. 700 с.
9. Скок П. Этимологический словарь хорватского или сербского языка. Кн. 3. Загреб: Югославская академия наук и искусств, 1973. 703 с.
10. Шестопап А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО(У). 2013. №6 (27). С.168–171.
11. Торкунов А.В. Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России // Вестник МГИМО(У). 2013. №3 (30). С.8–11.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. Загреб: Наприед, 1988. 509 с. [Heidegger, M. Sein und Zeit, Fünfte, an Hand der Gesamtausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbemerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979.]
13. Хайдеггер М. Введение в метафизику. Врнячка Баня: Ейдос, 1997. 210 с. [Heidegger, M. Einführung in die Metaphysik, Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1966].

Об авторе

Борис Братина – доктор философии, доцент философского факультете Приштинского университета (Косовская Митровица). E-mail: uranela@EUnet.rs

A SHORT CRITICISM OF HEIDEGGER'S ONTOLOGICAL ANALYSIS OF THE TERM "BEING"

B. Bratina

Faculty of philosophy University of Priština (Kosovska Mitrovica), w.n., Filipa Višnjića St., Kosovska Mitrovica 38220, Serbia.

Abstract: The text scrutinizes Heidegger's attempt of ontological analysis of three linguistic roots of the term "being" (es-, bhu-, wes-) from The Freiburg lectures (1935). In author's opinion, Heidegger deliberately ignored the presence of the roots and their modifications in the Slavic languages. Notional and even ideological reasons of such «inattention» are presumed, the reasons which determine linguistic conclusions of German philosopher (and not the other way around, as supposed when stated that linguistic became an absolutely independent scientific means of Heidegger's ontological «investigations»). At the same time, the author argues for an independent ontological and linguistic analysis of Slavic languages, to fill the philological «gaps», originated from ignoring the rich

semantic content of those languages. The linguistic richness of Slavic radices is one of so far loosely developed means of knowing the important philosophical notions, including the notion «being». Turning the attention towards ethimological components of ontological and linguistical analysis is, of course, one of Heidegger's merits. But the different perspectives of that endeavour, which show up in research of Slavic culture's material, radically change the practical consequences of those theses in the cultural and political plane. On the whole, they prevent the insight into aspirations of some contemporary political powers in marginalizing the Slavic cultures, ignoring their real position in global community, as well as the contributon of the Slavic cultures to the tresury of world cultures. The most important conclusion of the article is stressing of necessity to consider political conditionalities (residua) in philosophical positions, which the authors themselves are often unaware of. Calling to intellectual consciousness, Boris Bratina convincingly substantiates the methodological and research of content that follows from given positions.

Key words: M. Heidegger, ontological and linguistic analysis, “being”, sethmantic potential of the concept, Slavic cultures, marginalization, political and ideological engagement, ideology of racism, philosophical truth.

References

1. Budimir M. Problema bukvi I protoslavianskoi rodini [Problem of the Beech and Protoslavie Matherland, in: Papers of Yugoslav Academy of Sciences and Arts, Vol. 282 (1951)], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts (Philological Department), 1951, pp. 5–32
2. Budimir M. Svarog-Helios [Svarog-Helios], Beograd: SANU, 1976. 338 p.
3. Budimir M. Pelasto-slavica [Pelasto-slavica] / Predrug R. Dragich Kiuk, (1992)I, Catena Mundi: serbskaja khronika na mirovih verigah [Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains]. Vol. 1, Matitza Srba i iselyenika Srbiye [Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants]. - Beograd: Ibarskiye Novosti, Kraljevo, 1992, pp. 74–82.
4. Budimir M. «S balkanskih istochnikov» [«From Balkanian Sources»] / Predrug R. Dragich Kiuk, (1992)II, Catena Mundi: serbskaja khronika na mirovih verigah [Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains]. Vol. 2, Matitza Srba i iselyenika Srbiye [Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants]. - Beograd: Ibarskiye Novosti, Kraljevo, 1992, pp. 852–855.
5. Kneszhevich A. «Филозофија и славянские языки» / Философское исследования 18, Год. 6, Кн. 3 (1986) [«Philosophy and the Slavic Languages», in: Philosophical Investigation 18, VI/3 (1986)], pp. 873 – 892.
6. Martinet A. [Éléments de linguistique générale, Paris, Armand Colin, 1960]. (Serb. ed.: Osnovi obschey lingvistici [Elements of General Linguistics]. Zagreb: GZH, 1982. 188 p.)
7. Skok P. Etimologicheskyy slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 1 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1971. 788 p.
8. Skok P. Etimologicheskyy slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 2 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1972. 700 p.
9. Skok P. Etimologicheskyy slovar horvatskogo ili serbskogo jasika. Kn. 3 [Etimological Dictionary of Croat or Serbian Language, Vol. 1], Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1973. 703 p.
10. Shestopal A.V., Silantjeva M.V. Intercultural Communication in the Light of Current Modernization Process, "Soft Power" Cultural Modulators. – The Journal of MGIMO University, 2013, no 6 (27), pp. 168-171 (in Russian).
11. Torkunov A.V. International relations in the post-crisis world: a view from Russia. – The Journal of MGIMO University, 2013, no 3 (30), pp. 8-11 (in Russian).
12. Haidegger M. Sein und Zeit. Sein und Zeit, Fünfzehnte, an Hand der Gesamtausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbenerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979. (Serb. ed.: Bytije i vreme. Zagreb: Napried. 1988. 509 p.
13. Haidegger M. Sein und Zeit, Fünfzehnte, an Hand der Gesamtausgabe durchgesehene Auflage mit den Randbenerkungen aus dem Handexemplar des Autors im Anhang. Tübingen: Max Niemeyer, 1979. (Serb. ed.: Vvedenie v metaphiziku. – Beograd: Kultura, 1976. 225 p.)
14. Haidegger M. Einführung in die Metaphysik, Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1966 (Serb. ed.: Vvedenie v metaphiziku. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – Vrnjachka Banya: Eidos, 1997. 210 p.).

About the author

Boris Bratina – Doctor of Philosophy, Assistant Professor at Faculty of Philosophy, University of Priština (Kosovska Mitrovica, w. n., Filipa Višnjića St., Kosovska Mitrovica 38220, Serbia. E-mail: uranela@EUnet.rs

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ю.С. Денисенкова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Данная статья посвящена диахроническому анализу концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах. Автор исследует процесс появления и развития денег в России и Великобритании, а также изучает становление денежной терминологии в соответствующих языках. В ходе исследования установлено, что историческое развитие концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах имеет ряд схожих черт: ядра концептов, лексемы «деньги» и “money”, являются заимствованием и входят в лексический инвентарь соответствующих языков в одно и то же время; использование иностранных денежных единиц, прежде всего византийских монет, до введения собственной национальной валюты существенно сказалось как на денежной терминологии языков, породив множество лексем иноязычного происхождения, так и на внешнем виде денежных единиц. В статье приводится и анализируется этимология наименований в русском языке основных денежных единиц, таких, как гривна, куна, деньга, рубль, полушка, копейка, алтын, червонец, в английском языке – стерлинг, фунт, пенни, шиллинг, фартинг, юнит, нобль, соверен. Помимо того, устанавливается взаимосвязь между особенностями развития денег как элемента культуры и эволюцией денежной номенклатуры в русском и английском языках. В частности, выявлено, что способ чеканки монет в некоторых случаях находит отражение в названии той или иной денежной единицы, как, например, рубль или фартинг. В заключение автор выявляет сходные и различные черты, а также общие закономерности формирования концепта «деньги» в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, деньги, лингвокультурология, этимология, диахронический анализ.

Понятие «деньги» во все времена имело исключительную важность для человеческого общества и входило в систему ключевых ценностей людей. В данной статье будет рассмотрено становление и развитие концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах. Актуальность работы обусловлена, в первую очередь, процессом глобальной интеграции, происходящим в современном мире, а также растущим интересом к проблемам этнокультурного характера. Создание еврозоны, приведшее к появлению единой валюты, евро, до сих пор вызывает противоречивые оценки, ставящие под сомнение целесообразность существования унифицированной денежной единицы и самого Европейского союза. Как известно, ряд стран, членов ЕС, таких, как Великобритания, отказались от принятия евро в качестве национальной валюты, мотивируя свое решение стремлением сохранить свою самобытность. Таким образом, изучение национальной валюты и ее истории позволяет найти ответы не только на вопросы культурологии, но и экономики.

Цель работы – изучить, проанализировать и сравнить развитие концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах. В ходе исследования использованы метод анализа с целью определения и конкретизации понятия «лингвокультурологический концепт»; системный метод в рамках изучения взаимосвязи между языком и культурой; сравнительный метод с целью выявления общих и различных черт в развитии концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах.

Прежде чем говорить об историческом развитии данного лингвокультурологического феномена, необходимо определить, что такое концепт. Согласно Н.Н. Панченко, концепт – это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект [3, с. 5].

Ю.С. Степанов, в свою очередь, определяет лингвокультурологический концепт как «культурно-ментально-языковое» образование, «сгусток» культуры в сознании человека, то в виде чего культура входит в ментальный мир человека, «пучок» представлений, понятий знаний и ассоциаций, сопровождающих слово [5, с. 43].

Таким образом, анализ исторического развития концепта «деньги», состоит в том, чтобы изучить эволюцию денег, как элемента культуры, а также рассмотреть становление денежной номенклатуры, т.е. лексических единиц русского и английского языков, употреблявшихся для номинации денежных средств.

Рассмотрим развитие концепта «деньги» в русской лингвокультуре. Слово «деньги» является одним из ранних тюркских заимствований. «Деньга» также «тенка» (монета) происходит от татарского «täñkä» (деньги, серебряная монета). Необходимо отметить, что слово «деньга», употре-

бляясь в единственном числе, обозначало старинную русскую серебряную монету достоинством в полкопейки, которая была в обороте в период с XIV – XVIII вв. [6]. Впоследствии «деньга» приобрела общий терминологический смысл, вытесняя древнее слово «куна» (денежная единица, равная 1/22 гривны) [4, с. 29]. Необходимо отметить, что первоначально данное слово означало кунный мех, что отражает ранее использование пушнины в качестве денег [6].

Таким образом, слово «деньги» было заимствовано в XIV в. Для того чтобы понять, какие названия носили денежные единицы в более ранний период, обратимся к истории денег. В VII – IX вв. в денежном обороте Киевской Руси преобладали византийские монеты – милиаренсы, к концу VIII в. стали также использоваться куфические дирхамы арабских султанов и шахов Ирана. С X в. в Киевской Руси начали чеканить собственные монеты из серебра, внешне напоминавшие византийские [4, с. 12].

В конце X в. по приказу Владимира Мономаха в оборот входят «златники» и «сребреники» [4, с. 13], этимология данных слов ясна, так как их значение прослеживается из названия: первые чеканились из золота, вторые – из серебра.

Наряду с монетами в качестве средства платежа использовались серебряные слитки – гривны. Слово «гривна» (фунт, золотая или серебряная нашейная медаль) происходит от древнерусского «гривьна» (ожерелье, кольцо, гиря, монета) и является производным от «грива». Первоначальное значение – «ожерелье, украшение, кольцо, мера веса, монета», с XI в. – «денежная единица» [6]. В Киевской Руси было два вида гривен: гривна кун и гривна серебра. Слово «гривна» было названием драгоценного орнаментного ожерелья, которое представляло собой обрядные ритуальные деньги. Золотые, серебряные и бронзовые ожерелья постепенно стали основной платежной единицей на Руси, изначально имея форму шестигранного слитка [4, с. 14]. Впоследствии «гривна» преобразовалась в «гривенник» (десятикопеечная серебряная монета). В русском языке слово известно с XVIII в. [6].

В период с 1243 по 1480 г. в обращение вошла новая денежная единица – рубль. Слово «рубль» имеет древнерусское происхождение, изначально оно вошло в язык со значением «обрубок, затычка», позже стало применяться для обозначения новой монеты, которая с 1316 г. использовалась вместо гривен. Данное слово происходит от глагола «рубить», таким образом, «рубль» может трактоваться как «обрубок гривны» [6]. Как отмечает В.И. Попырин, вышеприведенная версия происхождения «рубля» является ошибочной, так как серебряная гривна и серебряный рубль имели одинаковую массу – около 200 г. Новгородская гривна стала называться «рублем» с середины XIII в. Так как «рубль» имеет славянский корень «руб» (шов), данный термин мог впервые быть применен для обозначения слитков, выплавленных со швом на поверхности [4, с. 21].

В 1613 г., после восхождения на престол Михаила Федоровича, началась чеканка новой монеты – серебряной копейки. Слово «копейка» имеет значение «мелкая медная монета, равная одной сотой рубля» [7, с. 427]. Копейку в Новгороде называли сабленицей, так как на ней чеканилось изображение всадника с саблей, когда чеканка была перенесена в Москву, стали называть копейкой «по изображению копыя». Копеечную серебряную монету делили на части, которые, в свою очередь, называли «сечеными» [4, с. 28].

Во времена правления Петра I в обороте находились следующие денежные единицы: рубль, полтина (полрубля), полуполтина (четверть рубля), гривенник (десять копеек), алтын (три копейки), полушка «четверть копейки», деньга «полкопейки», червонец или дукат (около двух с половиной рублей) и двойной червонец [4, с. 50]. Интересно отметить этимологию некоторых из вышеупомянутых слов, обозначающих денежные единицы. «Алтын» представляет собой древнерусское заимствование из татарского, где «алтын» имеет значение «золото, монета»; «полушка» происходит от «пол уха» или «полмонеты»; «червонец» (красный, золотой) – заимствование из польского языка [5].

Во времена правления императрицы Елизаветы в денежное обращение был выпущен медный пятак, а также пяти- и десятирублевые золотые монеты под названием «полумпериалы» и «империалы».

Выпуск бумажных денег, ассигнаций, был начат в 1769 г. по приказу Екатерины II [4, с. 55]. В период правления Временного правительства появляются «керенки», получившие свое название по фамилии председателя Временного правительства А.Ф. Керенского [4, с. 96].

Обратимся к истории появления и развития денег в Великобритании. Согласно этимологическому словарю английского языка, слово “money” появилось в середине XIII в. со значением «монета, металлическая валюта». Слово произошло от старофранцузского “monnaie” – «деньги, монета, валюта, мелочь» (совр. франц. – monnaie), которое, в свою очередь, было образовано от латинского “moneta” – «место для чеканки монет, монетный двор; металлические деньги». Интересно отметить, что последнее произошло от имени римской богини Юноны Монеты (Juno Moneta), рядом с храмом которой находился монетный двор [9]. На сегодняшний день национальной валютой Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии является фунт стерлингов. Данная денежная единица появилась в XII в. Существует мнение, что слово «стерлинг» (серебряный пенни) произошло от среднеанглийского “sterre” (совр. англ. – star), из-за изображения звезд на некоторых нормандских монетах. Согласно другой теории, слово восходит к древнефранцузскому “estredre” (статир – золотая или серебряная монета в Древней Греции и Персии) [9].

В Англии национальные монеты начали выпускаться в первой половине VII в., начиная с 675 г. в обращение стали входить монеты из серебра. Де-

нежная система Великобритании основывалась на счетном фунте (pound troy), который использовался в сделках с золотом и серебром [1, с. 7].

В англосаксонский период использовались следующие денежные единицы: стика (styca) – самая мелкая медная монета, скеат (sceat) – серебряная монета и тремисс (thremissas) – первая золотая англосаксонская монета, которая находилась в обращении до появления серебряного скеат [1, с. 10]. Слово sceat переводится с древнеанглийского как «благополучие», а сама монета приравнивалась к 1/20 шиллинга (shilling) и являлась прообразом пенни [9]. Серебряный скеат был заменен новой денежной единицей – стиком. Введенный впоследствии пенни вытеснил их из обращения и стал главной расчетной единицей.

С VIII по XIII в. главной расчетной единицей являлся пенни (penny). Слово “penny” происходит от древнеанглийского “pening”, “penig”, которое было образовано от протогерманского “panningaz”. Изначально пенни приравнивался к 1/12 шиллинга и производился из серебра, меди или бронзы. Данное слово также использовалось для обозначения различных иностранных монет мелкого достоинства, в частности динара (Latin denarius), откуда и происходит его сокращение – d [9].

К концу VI в. Англия стала христианской страной. Это стимулировало торговлю со странами континентальной Европы [2, с. 21]. С принятием христианства англосаксонские королевства постепенно заимствовали денежную систему Византии, в оборот вошли такие монеты, как безант (bezant), шиллинг (shilling) и пенс (pence). Данные слова имеют следующую историю: “bezant” – золотая монета, вошедшая в обращение в 1200 г., слово происходит от латинского “byzantius nummus” (византийская монета) [8]; “shilling” образовано от древнеанглийского “scilling”, некоторые этимологи выделяют корень слова “skell” – звучать, звенеть, другие – “skel” – разделять, суффикс – ing является уменьшительным [11, с. 481].

В XIII в. единственной чеканенной монетой был серебряный пенни. Потребность в меньшем номинале решалась делением пенни на две или четыре части, так появилась новая разновидность денежных единиц – фартинг (farthings), который изначально назывался “fourthings” [1, с. 20].

В Шотландии и Ирландии также развивалось монетное дело. Так, Шотландия чеканила свои монеты с 1603 г. вплоть до закрытия монетного двора в 1707 г. [8, с. 57]. В Ирландии выпуск монет датируется 1177 г., когда начали чеканить пенсы, полпенни и фартинги, изготавливаемые из серебра, а позже исключительно из меди, а также смеси цинка и олова [1, с. 20].

В 1257 г. появляется золотой пенс, широкое распространение которого приходится на XIV в. [10, с. 133]. Еще одной золотой монетой был флорин (florin), появившийся в 1344 г. Интерес представляет этимология данного слова: “florin” образовано от старофранцузского “florin”, от итальянского “florino”, от латинского “flore” (цветок).

■ Культурология

Золотая флорентийская монета XIII в. с изображением лилии – символа города [9].

В XIV в. появляется еще одна денежная единица – золотой нобль (noble). В XV в. – реал (real) и роузнобль (rosenoble), ангел-нобль (angel noble), последняя так называлась из-за дизайна аверса, изображающего Св. Михаила, убивающего дракона [1, с. 27]. “Real” происходит от испанского “regal” (царский) и имеет значение «небольшая серебряная испанская монета». Слово “noble” (человек высокого положения, ранга) образовано от прилагательного “noble” (достойный почета и уважения), которое, в свою очередь, восходит к старофранцузскому “noble” (благородного происхождения) и латинскому “nobilis” (знаменитый, превосходный). С XIV в. – название монеты, выпускаемой во времена Эдварда III. Монета роузнобль (rosenoble) получила данное название из-за изображения восьмилепестковой розы на реверсе [9]. В этом же веке начинается чеканка золотой монеты – соверена (sovereign), название которой происходит от старофранцузского “soverain” и латинского “superanus” (главный) [9].

В XVII в. в связи с присоединением Шотландии и Ирландии по приказу Иакова I стала чеканиться новая монета – юнит (unit), получившая свое название в честь объединения королевств [1, с. 33].

В XVIII в. началось внедрение в оборот кредитных орудий расчетов – коммерческих векселей и банкнот (banknotes) [1, с. 38].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

- развитие концепта «деньги» в русской и английской лингвокультурах, равно как и этимология денежной номенклатуры в соответствующий языках, имеет много общих черт;

- в Древней Руси, как и в Англии, первоначально использовались иностранные деньги (динары и безанты – в Англии, милиаренсы и дирхамы – на Руси), следует особо отметить важную роль ви-

зантийских монет (в Древнерусском государстве милиаренсы находились в обороте в VII – IX вв., безант стал использоваться в Англии в англосаксонский период, после принятия христианства);

- русское слово «деньги», как и английское “money” являются заимствованием (так, «деньги» пришли в русский язык из тюркского, а слово “money” имеет латинский корень). Стоит подчеркнуть, что данные слова вошли в словарный состав вышеупомянутых языков с разницей всего в 50 лет («деньги» – в XIV в., “money” – в середине XIII в.);

- национальные монеты Древней Руси и Англии начали чеканиться с разницей в 300 лет (на Руси – с X в., в Англии – с VII в.). Необходимо заметить, что первые монеты в обоих государствах изготавливались из серебра;

- выпуск бумажных денег в России и Англии был начат в одно и то же время, а именно – в XVIII в.;

- особый интерес представляет сравнение этимологии русского слова «рубль» и английского “farthings” (фартинг). Обе монеты получили свое название в честь способа изготовления: «рубль» – от глагола «рубить», “farthings” – от слов “four” и “things” (четыре части);

- сравнивая этимологию денежной номенклатуры, можно прийти к заключению, что общей и наиболее часто встречающейся причиной присвоения названий тем или иным денежным единицам России и Англии является изображение, выгравированное на ней (копейка – копьё, фунт стерлингов – звезда, флорин – лилия, роузнобль – роза, ангел-нобль – Св. Михаил);

- к другим причинам присвоения названий денежным единицам могут быть отнесены: материал изготовления (златники, сребреники); фамилия государственного деятеля, учредившего производство новой деньги (керенки); предмет, представляющий собой обрядные ритуальные деньги (гривна); важное событие в истории страны, к которому приурочен выпуск новых денег (юнит).

Список литературы

1. Алексеев В.А. История и современные реалии фунта стерлингов. СПб.: Инфо-Да, 2011. 107 с.
2. Воевода Е.В. Великобритания: история и культура = Great Britain: Culture across History: учебное пособие по английскому языку для студентов II курса факультета МЭО. М.: МГИМО-Университет, 2009. 221 с.
3. Панченко Н.Н. Средства объективизации концепта «обман» (на материале русского и английского яз.): автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 24 с.
4. Попырин В.И. Очерки истории денег в России. М.: Финансы и статистика Инфа-М, 2010. 224 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/>
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [В 2т.] /П.Я. Черных. М.: Русский язык, 1999. 623 с.
8. Checkland S.G. Scottish Banking: A History, 1695–1973. Glasgow: Collins, 1975. 785 p.
9. Harper D. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>
10. Sinclair D. The Pound: A biography: The Story of the Currency That Ruled the World. L.: Century, 2000. 298 p.
11. Walter W. Skeat A Concise etymological dictionary of the English language. L.: Oxford Clarendon press, 1972. 663 p.

Об авторе

Денисенкова Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: miracles-happen@yandex.ru

A DIACHRONIC ANALYSIS OF THE CONCEPT "MONEY"

Y.S. Denisenkova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article provides a diachronic analysis of the concept "money" in the Russian and English linguacultures. The author studies the genesis and development of money in Russia and Great Britain, and conducts a research on the formation of "money" terminology in the corresponding languages. As part of the study it has been found out that the historical development of the concept "money" in the Russian and English linguacultures has a number of common features: the cores of the concepts, the lexical items «деньги» and "money" are borrowings that entered the vocabularies of the corresponding languages at the same time; the usage of foreign monetary units, in the first place, Byzantine coins, before the introduction of national currencies, influenced "money" terminology, breeding numerous words of foreign origin, as well as the design of money. The article also outlines the etymology of basic monetary units, such as the grzywna, the kuna, the denga, the ruble, the polushka, the kopeck, the altyn, the chervonets – in Russian, the sterling, the pound, the penny, the shilling, the farthing, the unit, the noble, the sovereign – in English. The author finds a correlation between peculiarities of money development and the evolution of money nomenclature in Russian and English. The concluding section presents similar features and common laws of the concept "money" in the two linguacultures.*

Key words: concept, money, linguacultural studies, etymology, diachronic analysis.

References

1. Alekseev V.A. Istoriya i sovremennyye realii funta sterlingov [The history and present-day realia of the British pound]. Saint-Petersburg, Info-Da, 2011. 107 p.
2. Voevoda E.V. Velikobritaniya: istoriya i kul'tura = Great Britain: Culture across History : uchebnoe posobie po anglijskomu yazyku dlja studentov II kursa fakul'teta MJeO. [Great Britain: Culture across History : an English coursebook for second-year students of the Faculty of International Economic Relations] – Moskva: MGIMO-Universitet, 2009. – 221 s.
3. Panchenko N.N. Sredstva ob'ektivizatsii kontsepta «obman» (na materiale russkogo i angliyskogo yaz.). Doct., Diss. [Objectification means of the concept "deceit" (in the Russian and English languages). Doct. Diss.]. – Volgograd, 1999. 24 p.
4. Popyrin V.I. Ocherki istorii deneg v Rossii [Essays on money history in Russia]. Moscow, Finansyi i statistika, Infa-M, 2010. 224 p.
5. Stepanov Yu.S. Konstantyi: Slovar russkoy kultury: 3-e izd. [Constants: A Dictionary of Russian Culture, 3rd ed.]. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2004. 982 p.
6. Fasmer M. Etimologicheskiiy slovar russkogo yazyika (An etymological dictionary of the Russian language) Available at: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/> (accessed 25 May 2013)
7. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskiiy slovar sovremennogo russkogo yazyika [V 2 t.] [A Historical-etymological dictionary of the contemporary Russian language, Vol. 2]. Moscow: Russkiy yazyik, 1999. 623 p.
8. Checkland S.G. Scottish Banking: A History, 1695-1973. – Glasgow: Collins, 1975. 785 p.
9. Harper D. Online Etymology Dictionary Available at: <http://www.etymonline.com/> (accessed 25 May 2013)
10. Sinclair D. The Pound: A biography: The Story of the Currency That Ruled the World. – L.: Century, 2000. 298 p.
11. Walter W. Skeat A Concise etymological dictionary of the English language. – L.: Oxford Clarendon press, 1972. 663 p.

About the author

Yulia S. Denisenkova – lecturer at Moscow State Institute of International Relations (University).
E-mail: miracles-happen@yandex.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

В.С. Водопьянов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Данная статья посвящена изучению сотрудничества государств Северной Европы в сфере культуры и образования как одной из основ североевропейской интеграции. Взаимодействие в указанных областях активно развивается сегодня не только в силу общих культурно-исторических корней и ценностей северных стран, но и имеет четкие прагматические цели. Так, оно выполняет важную утилитарную функцию по обслуживанию потребностей общего рынка труда в Северо-Европейском регионе, ситуация на котором усложняется в связи с низкой рождаемостью и старением населения. Задача по повышению его эффективности решается путем формирования и развития общего культурного, языкового, образовательного и социального пространства. Особое внимание в статье уделяется конкретным механизмам и формам взаимодействия в указанных областях, цель которого – подготовка высококвалифицированной рабочей силы и облегчение адаптации мигрантов из других государств региона к условиям жизни в каждой из них. Широкий инструментарий включает совместно финансируемые специализированные организации, комитеты, межгосударственные культурные фонды, тематические программы культурного сотрудничества, региональные проекты и программы мобильности, Северные культурные форумы, премии Северного Совета и т.д.

.....

Ключевые слова: «северное сотрудничество», североевропейская интеграция, Северная Европа, Хельсинское соглашение 1962 г., культурное сотрудничество, образовательное сотрудничество.

Страны Северной Европы – Швеция, Норвегия, Исландия, Финляндия, Дания и три автономные территории – Фарерские острова, Гренландия и Аландские острова – осуществляют тесное региональное взаимодействие в политической, экономической, социальной, экологической, культурной и других сферах. Оно получило название «северное сотрудничество». В условиях глобализации объединение усилий государств региона является ответом на ее вызовы и имеет целью продвижение общих и национальных интересов на региональной и международной арене.

В активную фазу сотрудничество между северо-европейскими государствами вошло с 1930-х гг. Еще в середине XX в., то есть намного раньше, чем в ЕЭС/ЕС, северными государствами был введен безвизовый режим (1952 г.), созданы общий рынок труда (1954 г.) и единое социальное пространство (1955 г.). Так, Конвенция о социальной защите 1955 г. предоставила равные социально-экономические права всем гражданам региона [1, с. 391]. Однако не все амбициозные интеграционные проекты в Северной Европе были реализованы: не увенчались успехом, например, идеи по созданию оборонного союза (1949 г.), экономической интеграции в рамках плана НОРДЭК (1969 г.). Сегодня для экономической интеграции северных стран не существует препятствий. Как известно, три из них (Дания, Финляндия и Швеция) являются членами Европейского союза, а Исландия и Норвегия входят в Европейское экономическое пространство (ЕЭП).

Тем не менее сегодня уровень межгосударственных связей между северными странами по ряду направлений более высокий, чем во многих других интеграционных группировках, в том числе и в Европейском союзе [2, с. 631]. Как отмечает профессор МГИМО Л.С. Воронков, «по достижениям северо-европейской интеграции можно судить об основных направлениях будущего развития интеграционных процессов в ЕС» [3, с. 3 – 21]. Важными предпосылками северо-европейской интеграции стали географическая близость, культурно-историческая, этническая, религиозная и языковая общность северо-европейских народов. Государства Северной Европы имеют богатое общее историческое прошлое, на протяжении которого происходило культурное сближение и взаимопроникновение. Так было в эпоху династических и военно-политических союзов (Кальмарская уния 1397–1523 гг., Датско-норвежская уния 1536–1814 гг., Шведско-норвежская уния 1814–1905 гг.), в период нахождения Финляндии в составе Швеции, а Исландии – под властью Норвегии, а затем Дании и т.д.

Все народы Северной Европы, кроме финнов, относятся к атлантико-балтийской «малой» расе. Коренное население региона преимущественно исповедует лютеранство. Шведский, датский, норвежский, исландский и фарерский языки, входящие в северогерманскую группу индоевропейских языков, произошли от древнескандинавского.

Первые три языка настолько похожи, что их носители могут понимать друг друга. При этом на них говорит около 80% населения региона. Таким образом, Северная Европа представляет собой «локальную цивилизацию», единое культурное пространство. Именно поэтому общая для государств региона культура является фундаментом северо-европейской интеграции.

Однако культурное сотрудничество северных государств активно развивается сегодня не только в силу их общих культурно-исторических корней и ценностей, но и имеет четкие прагматические цели. Так, культурное сотрудничество, в широком понимании включающее в себя сферу образования, выполняет важную утилитарную функцию по обслуживанию потребностей общего рынка труда в Северной Европе, ситуация на котором усложняется в связи с низкой рождаемостью и старением населения в регионе. Взаимодействие в вышеуказанных сферах имеет целью подготовку высококвалифицированных кадров и облегчение адаптации мигрантов из других государств региона к условиям жизни в каждой из них. При этом очевидно, что правительства государств Северной Европы заинтересованы в притоке рабочей силы в первую очередь из других стран региона, учитывая их единую северо-европейскую идентичность. Таким образом, интерес представляет изучение наработанного опыта сотрудничества государств Северной Европы в сфере культуры и образования: его юридической базы, конкретных механизмов, инструментария и форм.

Правовой основой регионального взаимодействия в сфере культуры и образования является базовый для всего «северного сотрудничества» Хельсинкский договор 1962 г., зафиксировавший магистральные направления развития всей северо-европейской интеграции, которые планомерно реализуются с момента его подписания и по настоящее время. Данным документом предусмотрены обмены в области музыки, литературы, кино, живописи, театра и других областях посредством радио и телевидения [4]. Северные страны также обязались поощрять изучение в школах языков, культуры и быта других северных народов, предоставлять учащимся возможности получать образование и сдавать экзамены в учебных заведениях любой из них, признавать школьные аттестаты и дипломы выпускников [3].

Важную роль также играет Соглашение о культурном сотрудничестве 1971 г. с поправками 1983, 1985, 1989 гг. Его цель – углубление культурных связей между северо-европейскими государствами, продвижение общей северной культуры, а также повышение эффективности совместных инвестиций в образование, научные исследования и культурную деятельность [5]. За разработку региональной политики в области образования и культуры отвечают Совет министров образования и науки и Совет министров культуры в рамках Совета министров северных стран (СМСС) – межправительственного органа «северного сотрудничества». 31 октября 2012 г.

■ Культурология

последним была принята очередная стратегия развития культурного сотрудничества в период на 2013–2020 гг. [6]

В рамках Северного совета – органа межпарламентского сотрудничества – действует Комитет по вопросам культуры и образования, в сферу ответственности которого входит также языковая, культурная и медийная политика. Кроме того, созданы комитеты в области начального, среднего и высшего образования, а также образования взрослых [2]. Северными странами создан широкий инструментарий в сфере культурного сотрудничества:

- во-первых, это двусторонние культурные фонды: датско-исландский, финско-датский, норвежско-финский и другие (всего 16). Крупнейшим из них является шведско-финский культурный фонд, общий бюджет которого составляет более 32 млн евро [7]. Важно отметить, что подобные фонды создаются совместно северными странами и их автономными территориями. Так, например, существуют датско-гренландский и датско-фарерский культурные фонды;

- во-вторых, речь идет об общественных культурных фондах, к которым в первую очередь относится Северный культурный фонд, созданный в 1966 г. Управление им осуществляет Секретариат по вопросам культуры в Копенгагене. Каждый год фонд выделяет полученные из бюджета СМСС средства (более 3,6 млн евро в 2012 г.) на реализацию совместных проектов в области искусства и культуры [6]. В общей сложности ежегодно финансирование получают порядка 250 проектов. Обязательным условием является участие в проекте не менее трех северных стран или автономных территорий. При этом соискателями грантов могут быть как любители, так и профессионалы в сфере культуры и искусства. За финансовой помощью они могут обратиться и в другие североевропейские организации, однако общий объем финансирования не должен превышать 85% стоимости проекта, а для проектов стоимостью свыше 100 тыс. датских крон – не более 50% [6].

Одним из приоритетов Северного культурного фонда является поддержка культурной деятельности среди молодежи и детей, а также ее стимулирование в малонаселенных частях региона. Примером проекта, поддержанным Северным культурным фондом, является совместная художественная выставка в Северном павильоне Венецианской биеннале, а также выставка «Северное искусство сегодня» в Санкт-Петербурге. Помимо всего прочего, раз в два года фонд выделяет средства на проведение культурного мероприятия года в Северной Европе (Nordic Cultural Event of the Year);

- в-третьих, существует несколько частных культурных фондов, в том числе Леттерштедтское общество. Оно было образовано в 1875 г. в соответствии с завещанием предпринимателя и шведско-норвежского консула в Кейптауне Якоба Леттерштедта, пожертвовавшего 50 млн шведских крон (около 24 млн евро в современ-

ном эквиваленте) на развитие «скандинавского единства» между Швецией, Данией и Норвегией [8, с. 62]. Одним из направлений деятельности данного общества стало издание с 1878 г. Северного журнала науки, искусства и промышленности [8, с. 62]. Другим примером является частный фонд вдовы датского промышленника Клары Лахман, созданный в 1920 г. с целью укрепления культурного сотрудничества между североевропейскими государствами.

Другими формами регионального культурного сотрудничества являются:

1. Ежегодные премии Северного совета – литературная, музыкальная и кинопремия – в размере 350 тыс. датских крон (47 тыс. евро), основная цель которых заключается в привлечении внимания к североевропейскому искусству и культуре. В Северной Европе литературная премия Северного совета практически равноценна Нобелевской премии [9, с. 104 – 108].

2. Тематические программы культурного сотрудничества. Так, в настоящее время действует программа в области культуры и искусства (Culture and Art Programme) и балтийско-североевропейская программа мобильности в сфере культуры (Nordic-Baltic Mobility Programme for Culture) на 2012–2014 гг., которые направлены на оказание в разных формах поддержки культурным проектам. Ежегодный бюджет данных программ составляет 2,1 млн евро и 1,6 млн евро соответственно [6]. В роли секретариата этих двух программ выступает Северный культурный пункт (Nordic Culture Point) в Хельсинки. Помимо того, в настоящее время также реализуется грантовая программа Комитета по вопросам детей и молодежи (NORDBUK) – совещательного и координационного органа в рамках СМСС. Цель ее заключается, в частности, в поддержке культурных проектов с участием детей и молодежи, а также в усилении их североевропейской идентичности.

3. Северные культурные форумы (Nordic Culture Forum), организуемые с 2007 г. в форме конференций и семинаров и представляющие собой площадку для обмена мнениями и информацией между североевропейскими чиновниками в сфере культуры и искусства и теми, кто непосредственно работает в этих областях. В настоящее время культурные форумы также используются для ежегодного обсуждения хода реализации стратегии по развитию культурного сотрудничества в период на 2013–2020 гг.

4. Северная программа по созданию компьютерных игр (Nordic Game Programme). Ее суть заключается в поддержке североевропейских разработчиков по созданию игр на одном из национальных языков, их производству и сохранению за ними прав на интеллектуальную собственность. В 2013 г. бюджет программы составит 3 млн датских крон [10].

5. Фонд Хасселби (Hässelby Foundation), созданный в 1963 г. в качестве форума для культурного обмена между столицами пяти североевропейских государств (Стокгольм, Хельсинки, Осло,

Копенгаген и Рейкьявик) и трех автономных территорий (Нуук, Мариехамн и Торсхавн). С 2000 г. ответственность за развитие культурных связей между городами перешла на местный уровень [6].

Государства Северной Европы создали многочисленные совместные организации, которые содействуют региональному культурному сотрудничеству, а также развитию как национальной, так и общей североевропейской культуры. К ним относятся:

- Северные дома (Nordic House) в Рейкьявике (Исландия) и Торсхавне (Фарерские острова). Они регулярно организуют различные культурные мероприятия, в том числе концерты, театральные и танцевальные представления, литературные фестивали, а также выставки. К числу наиболее крупных мероприятий относятся Биеннале Северной моды и Международный кинофестиваль в Рейкьявике [11]. Кроме того, Северный дом на Фарерских островах выступает организатором музыкальной премии Северного совета;

- Северные институты в Финляндии, Гренландии и на Аландских островах, имеющие целью, с одной стороны, распространять информацию о национальной культуре и языке в остальных североевропейских странах, с другой стороны – просвещать местное население по вопросу о культуре других государств и автономных территорий Северной Европы;

- Информационные бюро Совета министров северных стран в России (в Калининграде и Санкт-Петербурге), посредством которых популяризуется культура Северной Европы и распространяется информация о региональных культурных программах;

- Северный фонд кино и телевидения (Nordic Film & TV Fund) предоставляет частичное финансирование творческих работ, в том числе художественных и документальных фильмов, а также сериалов;

- Северный центр журналистики (Nordic Journalist Centre), в задачи которого входит стимулирование в средствах массовой информации интереса к североевропейской идентичности и культурной общности.

Особое место в области культурного взаимодействия в Северной Европе занимает языковое сотрудничество, которое призвано сохранить редкие североевропейские языки, а также облегчить понимание гражданами региона друг друга. Так, например, в школах Финляндии, Исландии, в Гренландии и на Фарерских островах обязательным является изучение одного из скандинавских языков. Преподавание северных языков и культуры ведется в более чем в 200 учебных заведениях Северной Европы. Координацией работы по изучению языков занимается Информационный центр северных языков, Секретариат северных языков, а также литературные курсы по северным языкам [2, с. 631].

В 1996 г. была принята Конвенция о языках, согласно которой граждане северных стран имеют право говорить на родном языке, а также получить

перевод при обращении в государственные органы другого североевропейского государства. Ответственными за выполнение данного юридически обязывающего соглашения являются министры по северному сотрудничеству [6]. Долгосрочные цели и задачи в области языковой политики зафиксированы в Декларации о Северной языковой политике 2006 г. Северные страны осуществляют совместное финансирование языковых проектов в регионе. Так, например, соответствующие гранты можно получить по языковой и культурной программе «Нордплюс», а также из Северного культурного фонда. Стоит отметить, что, несмотря на все применяемые меры в рамках единой языковой политики, граждане Северной Европы испытывают все большие трудности в языковом понимании друг друга, особенно это касается молодежи. К таким выводам пришли исследователи из Лундского университета в Швеции [6].

Одним из достижений североевропейской интеграции является создание единого образовательного пространства. В соответствии с Хельсинкским соглашением 1962 г. в северных странах унифицированы образовательные системы и действует взаимное признание дипломов на всех уровнях обучения. Студенты могут не только проходить учебные курсы и сдавать экзамены в учебных заведениях всех северных стран, но и имеют возможность получить финансовую помощь во время обучения. Однако интересно отметить, что в Финляндии, например, на основании местного Закона об иностранцах, граждане северных стран выделены в отдельную группу. Они могут получить государственное пособие на учебу только в том случае, если получение финского образования не является их основной целью пребывания в стране. Требуется также получить у себя на родине свидетельство о переезде (*muutokirja*), что, по сути, является формальностью. Стоит также отметить, что на основании родственных связей данный вид пособия может быть выдан только после обязательной процедуры регистрации в Финляндии. Данное требование является логичным механизмом сохранения рабочей силы, получившей образование за счет бюджетных средств, на финском рынке труда.

Одной из форм северного сотрудничества в сфере образования являются совместные магистерские программы североевропейских университетов (Nordic Masters Programme). Данный вид сотрудничества обеспечивает уникальность образовательных курсов и повышает привлекательность региона как международного образовательного и исследовательского центра. С 2007 г. уже было организовано более 16 совместных межвузовских программ. В 2013 г. на реализацию каждого из подобных проектов предусмотрено финансирование до 1,1 млн датских крон [12]. Обязательным условием программы является участие в ней минимум трех высших учебных заведений из трех стран Северной Европы, а также двухгодичный период обучения в магистратуре (120 ECTS). Для обеспечения полноценного вовлечения вузов–

■ Культурология

участников проекта выдвигается требование об организации каждым из них нескольких учебных курсов, успешное окончание которых предоставит студентам минимум 20 кредитов (20 ECTS). Схема выделения средств выглядит следующим образом: на подготовительном этапе вуз-координатор магистерской программы получает 50% финансирования, а остальная половина поступает только после предоставления отчета о реализации проекта [12].

В целом же вопросы развития сотрудничества между высшими учебными заведениями Северной Европы обсуждаются в рамках Ассоциации ректоров североευропейских университетов (The Association of Nordic University Rectors Conferences, NUS) [13]. В свою очередь, рамочная программа «Нордплюс» (Nordplus) нацелена на укрепление сотрудничества в сфере образования в Северной Европе, а также на:

- создание единого балтийско-североευропейского образовательного пространства [14];
- повышение общего уровня образования населения региона;
- развитие сотрудничества и обменов в сфере дошкольного, школьного и высшего образования, а также образования для взрослых;
- установление имеющих отношение к этой сфере сетевых партнерств между образовательными учреждениями, бизнес-сектором и государственными органами [15].

Северные страны совместно финансируют региональные программы мобильности учащихся и студентов, преподавателей школ и вузов. Ежегодно в них участвуют более 10 тыс. человек. Бюджет «Нордплюс» на период 2012–2016 гг. составляет около 9 млн евро [16].

Платформой для междисциплинарных исследований, а также форумом для обмена мнениями и идеями между учеными из стран Северной

Европы является Северо-Европейский летний университет (Nordic Summer University), существующий уже более 50 лет. В основном финансирование, предлагаемое данным учреждением, предоставляется для организации научных симпозиумов и конференций, которые обычно проходят в зимний и летний периоды [17]. Помимо того, на основе подписанного в 1982 г. Соглашения о профессиональной подготовке трудящихся действуют такие организации, как Северный институт профессионального обучения и здоровья в Финляндии и единый Северный центр профессионального обучения рабочей силы в Швеции [2, с. 631]. Все это отражает согласованный курс государств Северо-Европейского региона на развитие единого рынка труда и углубление интеграции.

В целом культурное и образовательное сотрудничество между государствами Северной Европы является одной из основ североευропейской интеграции. В своей политике страны региона исходят из общего понимания того, что развитие данных сфер является ключом к решению надвигающихся социально-экономических проблем и других вызовов, которые несет с собой глобализация. В первую очередь речь идет о совместной подготовке высококвалифицированных кадров и повышении эффективности общего рынка труда путем формирования и развития общего культурного, языкового, образовательного и социального пространства. Для реализации этой цели северными странами проводится долгосрочная целенаправленная политика. В частности, создан широкий инструментарий, включающий совместно финансируемые специализированные организации, комитеты, фонды, региональные проекты и программы мобильности. Таким образом, создаются все условия для успешной адаптации рабочей силы из северных стран к условиям жизни в любом государстве региона.

Список литературы

1. Северная Европа. Регион нового развития / под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М.: Весь Мир, 2008. С.391.
2. Буторина О.В. Интеграционные процессы на Севере Европы // Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В.Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. С. 631.
3. Воронков Л.С. Страны Северной Европы, «Северное измерение» и Россия // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России. 2009. Вып. 1 (41). С.3-21.
4. Хельсинкский договор о северном сотрудничестве 1962 года. Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nordic.htm
5. Соглашение о культурном сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией 1971 года. Режим доступа: <http://www.norden.org/en/about-nordic-co-operation/agreements/treaties-and-agreements/culture/agreement-concerning-cultural-co-operation>
6. Официальный сайт «северного сотрудничества». Режим доступа: <http://www.norden.org/fi>
7. Официальный сайт шведско-финского культурного фонда. Режим доступа: <http://www.kulturfonden.net/>
8. Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. №6 / Сост. Т.Н.Гончарова. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2011. С.62.

9. Лютикова Г.В. Северное культурное сотрудничество продолжается // Обсерватория культуры. 2006. №4. С.104-108.
10. Официальный сайт Северной программы по созданию компьютерных игр (Nordic Game Programme). Режим доступа: <http://www.nordicgameprogram.org/>
11. Официальный сайт Северного дома в Рейкьявике (Исландия). Режим доступа: <http://www.nordichouse.is/>
12. Call for Proposals Nordic Master Programme 2013. Available at: <http://www.siu.no/eng/content/download/10934/107024/file/NMP%20-%20Call%20for%20proposals%202013.pdf> (Retrieved May 26, 2013)
13. Research collaboration at university and institutional level // Official site of Nordforsk. Available at: <http://nordforsk00.fe.rzob.gocept.net/en/policy/norden/forskningssamarbeid-pa-universitets-og-institusjonsniva> (Retrieved May 26, 2013).
14. Official site of Nordplus. Available at: http://www.nordplusonline.org/eng/nordplus/about_nordplus (Retrieved May 26, 2013).
15. Nordplus 2012–2016. Handbook 2012. Available at: <http://www.nordplusonline.org/eng/content/download/400/3276/file/Nordplus%20Handbook%202012%20eng%20-%20final.pdf> (Retrieved May 26, 2013).
16. Call for Proposals. Nordplus Programme 2012. Available at: <http://www.nordplusonline.org/eng/content/download/369/2810/file/Call%20for%20Proposals%20-%20Nordplus%202012.pdf> (Retrieved May 26, 2013).
17. Official site of Nordic Summer University. Available at: <http://www.nsuweb.net/wb/pages/information/briefly-in-english.php> (Retrieved May 26, 2013).

Об авторе

Водопьянов Виктор Сергеевич – аспирант кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vsvodopyanov@rambler.ru

NORDIC COOPERATION IN CULTURE AND EDUCATION

V.S. Vodopyanov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is dedicated to the Nordic cooperation in culture and education as a basis of the subregional integration. Nordic countries actively develop interaction in these spheres today both because of the common historical and cultural roots and values and due to pragmatic reasons. Thus, it performs an important utilitarian function by serving the needs of the common labour market in the Nordic region, which faces challenging problems, such as low birth rates and aging of the population. It is formation and development of the common cultural, linguistic, educational, and social space that increase the effectiveness of the Nordic labour market. Special attention in the article is paid to specific tools and forms of cooperation in culture and education aimed at expert personnel training and easy enculturation of Nordic citizens in any country of the region. Wide range of instruments includes co-funded specialized organizations, committees, inter-state cultural funds, theme-based cultural programmes, regional projects and mobility projects, Northern cultural forums, the Nordic Council Prize, etc.*

Key words: Nordic cooperation, Nordic integration, Northern Europe, the Helsinki Treaty 1962, cultural cooperation, cooperation in education.

References

1. Severnaja Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe. Region of New Development] / pod red. Ju.S. Derjabina, N.M. Antjushin. M.: Ves' Mir, 2008. S.391.
2. Butorina O.V. Integratsionnye protsessy na Severe Evropy [Integration processes in the Northern Europe] in Evropeyskaia integratsia. Uchebnik [European integration. Textbook] pod red. Butorina O.V., Moscow, Izd dom "Delovaia literatura", 2011. S 631.
3. Voronkov L.S. Strany Severnoj Evropy, «Severnoe izmerenie» i Rossija [Countries of Northern Europe, Northern Dimension and Russia] // Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinacionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovanijam MGIMO(U) MID Rossii [MGIMO analytical note]. - 2009. - Vyp. 1 (41). S.3-21.
4. Treaty of Co-operation between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden (the Helsinki Treaty, 1962). Available at: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nordic.htm.
5. Agreement between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden concerning cultural co-operation, 1971. Available at: <http://www.norden.org/en/about-nordic-co-operation/agreements/treaties-and-agreements/culture/agreement-concerning-cultural-co-operation>
6. Official site of the Nordic cooperation. Available at: <http://www.norden.org/fi>
7. Official site of the Swedish-Finnish Cultural Foundation. Available at: <http://www.kulturfonden.net/>
8. Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Letters of the Chair of History of Sankt Petersburg State University]. № 6. 2011 / Sost. T. N. Goncharova – Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGA, 2011. C.62.
9. Ljutikova G.V. Severnoe kul'turnoe sotrudnichestvo prodolzhaetsja [Nordic cultural cooperation continues] // Observatorija kul'tury. 2006. №4. S.104-108.
10. Official site of the Nordic Game Programme. Available at: <http://www.nordicgameprogram.org/>
11. Official site of the Nordic House in Reykjavik (Iceland). Available at: <http://www.nordichouse.is/>
12. Call for Proposals Nordic Master Programme 2013. Available at: <http://www.siu.no/eng/content/download/10934/107024/file/NMP%20-%20Call%20for%20proposals%202013.pdf> (Retrieved May 26, 2013)
13. Research collaboration at university and institutional level // Official site of Nordforsk. Available at: <http://nordforsk00.fe.rzob.gocept.net/en/policy/norden/forskningssamarbeid-pa-universitets-og-institusjonsniva> (Retrieved May 26, 2013).
14. Official site of the Nordplus. Available at: http://www.nordplonline.org/eng/nordplus/about_nordplus (Retrieved May 26, 2013).
15. Nordplus 2012–2016. Handbook 2012. Available at: <http://www.nordplonline.org/eng/content/download/400/3276/file/Nordplus%20Handbook%202012%20eng%20-%20final.pdf> (Retrieved May 26, 2013).
16. Call for Proposals. Nordplus Programme 2012. Available at: <http://www.nordplonline.org/eng/content/download/369/2810/file/Call%20for%20Proposals%20-%20Nordplus%202012.pdf> (Retrieved May 26, 2013).
17. Official site of the Nordic Summer University. Available at: <http://www.nsuweb.net/wb/pages/information/briefly-in-english.php> (Retrieved May 26, 2013).

About the author

Viktor S. Vodopyanov – Ph.D. student, Department of European Integration, MGIMO-University.
E-mail: vsvodopyanov@rambler.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

В.В. Матюшина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

*Способность примирительного взгляда на чужое
есть высочайший и благороднейший дар природы,
который дается очень немногим
Ф.М. Достоевский*

В статье рассматриваются представления о толерантности в философии и языкознании. Раскрывается философская и социально-политическая сущность понятия «толерантность», а также изучаются особенности употребления слова «толерантность» в русском языке и ее место в системе ценностей. Определяется место толерантности в теории диалога культур. Актуальность исследуемого феномена определяется дискуссией, ведущейся в последнее время в отечественном научном сообществе. Терминология, связанная с проблематикой толерантности, как и само слово «толерантность» представляет собой английское заимствование. На базе материалов по проблематике толерантности проводится анализ употребления слов «терпимость» и «толерантность» в современном русском языке. Также предпринимается попытка определить статус толерантности как ценности современного общества, так как современная философия рассматривает толерантность как одну из фундаментальных ценностных установок нынешнего времени. Поскольку взаимодействие культур в основе своей является диалогом, то современному человеку для постижения другой культуры необходимо преодолеть стереотипы и стать толерантным. Современному обществу нужны новые приемы коммуникации, в основе которых лежит уважение к культурам разных народов.

Ключевые слова: толерантность, аксиология, ценность, культура, социальное поведение, мировоззрение, диалог культур.

Предметом настоящей статьи является освещение современных дискуссий по проблеме толерантности, определение ее места в системе ценностей, а также выяснение собственно аксиологической сущности данного понятия. Полемика, широко ведущаяся в последнее время в отечественном научном сообществе, отражает актуальность исследуемого феномена. Актуальность проблемы толерантности вызвана настоящей ситуацией в обществе, когда происходит обострение межэтнического, межконфессионального противостояния, конфликты, в основе которых лежит неприятие чужих мыслей, взглядов, традиций, верований. Для философии обращение к осмыслению, разработке проблемы толерантности явилось началом поиска путей к преодолению в мире нетерпимости, насилия, преследования инакомыслия.

Без выработки взаимной терпимости и уважения идентичности каждого сталкивающиеся и противоборствующие сегодня цивилизации, культуры, государства, социальные группы, а также отдельные личности могут просто истребить друг друга в непримиримом тотальном конфликте. «Терпимость ныне в большей степени, чем когда бы то ни было в истории, – не просто отвлеченный идеал, а совершенно практическое условие выживания» [1, с.3]. Специфика понятия «толерантность» обусловлена и определяется междисциплинарным интересом к нему со стороны философии, психологии, социологии, лингвистики. Цель статьи состоит также в сопоставлении представлений о толерантности в философии и языкознании. Для достижения цели следует рассмотреть философскую и социально-политическую проблематику понятия «толерантность», а также изучить особенности употребления слова «толерантность» в русском языке и ее место в системе ценностей.

Философское понимание толерантности в работах российских исследователей, включая работы В.М. Золотухина, В.А. Лекторского, М.П. Мчедлова, А.И. Панченко, В.В. Шалина и ученых Уральского института толерантности, в том числе М.Б. Хомякова, Э.Ю. Соловьева и других, позволяет судить о том, что в отечественной философии изучение проблематики толерантности носит практически исчерпывающий характер. Об этом свидетельствуют многочисленные работы по данной теме. Важнейшее определение толерантности предлагает В.В. Шалин: «В условиях многополярного мира, а именно глобализации хозяйственной деятельности, создания новых видов социализации, национальной и этнической дивергенции... толерантность обнаруживается как интенция общечеловеческих интересов и потребностей. Терпимое отношение к проявлениям другого, иного – это та культурная норма, которая приумножает и улучшает результаты социального сотрудничества и общечеловеческого общения» [2, с.7].

На языковом уровне при интерпретации понятия «толерантность» (или «терпимость») обнаруживаются лишь некоторые черты специфического понимания данного понятия, свойственного рос-

сийским исследователям. В целом, терминология, связанная с проблематикой толерантности, как и само слово «толерантность», представляет собой английские заимствования. Выводы по поводу разграничения понятий «терпимость» и «толерантность» основываются на определении их в словаре Ушакова, где слово «толерантность» рассматривается как более формальный по употреблению синоним слова «терпимость». Анализ употребления слов «терпимость» и «толерантность» в современном русском языке на базе материалов по проблематике толерантности позволяет выделить их следующие употребления:

- они могут употребляться как полные синонимы в значении «уважительное отношение к чему-либо или кому-либо»;

- «толерантность» употребляется как философское понятие или как эквивалент терпимости (но вместо слова «терпимость» часто употребляется только «толерантность») в основном в научных статьях и в материалах международных организаций (ООН, ЮНЕСКО).

Следовательно, крайне часто «толерантность» в современном употреблении выступает как латинское заимствование, по сути ничем не отличающееся от привычного русского «терпимость» и отражающее современную тенденцию к употреблению заимствованных методом калькирования иностранных слов, зачастую употребляемых для произведения особого впечатления или придания весомости высказанной мысли.

Перейдем теперь к рассмотрению «толерантности» в аксиологическом аспекте, то есть к определению ее статуса как ценности. В аксиологии ценности рассматриваются как смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, конкретным деяниям и поступкам. Ценность не существует вне связи мысли и объекта, она понимается как соответствие объекта утверждению о том, каким он должен быть, следовательно, ценность есть соответствие объекта мысли о нем. По определению А.А. Ивина, «оценки являются языковым выражением ценностного отношения между мыслью и ее объектом. Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой целей, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы и стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного или второстепенного. Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит и всей человеческой жизни» [3, с.16].

Ценности как элемент культуры составляют основу ценностно-нормативного механизма регуляции социального поведения. При реформировании общественной системы они также подвержены трансформации. Ценности соотносимы с целостностью образа жизни и, «выступая отражением социальных интересов, выражают субъективную общественную позицию, мировоззрение и нравственные принципы социальных субъектов» [4, с.3]. Судьба цивилизаций зависит от целей и ценностей,

которым они следуют, «потому что ценности определяют отношение человека и общества к себе, к своей деятельности, окружающему миру» [5, с.7].

Потребности социальной жизни определяют ценности. Социальная деятельность, движимая потребностями людей, формирует отношение к объектам деятельности. Деятельность целенаправленна и опирается на нормы и правила, требует от человека следования образцам и стремления к идеалам. «Исток ценностей – не разум, а жизнь и ее потребности» [6, с.12]. На основе потребностей, их осознания, удовлетворения, а также возобновления и многократного повторения таких циклов формируются в личностях, общностях, в поколениях человечества соответствующие ценностные ориентации.

Универсальные нравственные принципы и нормы – это и есть общечеловеческие ценности. В соответствии с социокультурным подходом, под ценностями понимаются обобщенные представления людей относительно норм и идеалов общественного устройства. Данные нормы и идеалы устанавливают приоритеты в восприятии действительности, задают ориентации в действиях и поступках, а также формируют стиль жизни общества. Ценности как порождение жизнедеятельности социума вмещают в себя все особенности, которые характерны для данного социума.

Н.И. Лапин определяет ценности как «обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Это они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях» [7, с.5]. Д.А. Леонтьев настаивает на психологической природе индивидуальных ценностей и определяет ценность как мнение, представление, убеждение. Также ценность может быть разновидностью или подобием социальных установок (отношений) или интересов. Иногда ценность выступает в роли потребности и мотива (побудительной силы).

Человек ориентируется на ценности в своем поведении, в принятии решений, в суждениях. Самые важные для человека ценности определяют его систему ценностных ориентаций. Если предмет, событие или явление отвечают интересам и потребностям человека, то их можно определить как ценность. Социологический подход к иерархии ценностей определяет как высшие те ценности, которые ориентируют человека на благо общества в целом. Толерантность осознается как значимая ценность общества, лежащая в основе воспитания взаимопонимания между людьми разных рас, национальностей и вероисповеданий. В наши дни толерантности понимается как взаимная свобода – верить и говорить то, что кажется истиной, включающая уважение человеческого достоинства, не допускающая использования человека как средства.

Для европейского мышления сегодня толерантность – не только необходимая составляющая современной культуры, но и универсальная ценность человечества. По мнению И.В. Цветковой,

толерантность вплоть до нашего времени остается в значительной мере явлением чуждым для русского мышления. Наше мышление характеризует скорее полярность, категоричность, нетерпимость. «Современный этап российской истории дает шанс для преодоления утвердившихся логических схем. И этот шанс может быть использован для перехода от «нетерпимости» к «толерантности» [8, с.151].

Согласно Б.Э. Риэрдону, толерантность является основополагающим принципом социальных отношений, она представляет собой ценность, необходимую и фундаментальную для реализации прав и достижений человека в мире. В современной философии толерантность выступает как одна из фундаментальных ценностных установок современных людей. Без нее ни в одном социуме и государстве не может сложиться целостная система ценностных ориентаций, а следовательно, не могут быть выработаны идеалы и цели общественного развития.

В книге «Толерантность: идея, образы, персоналии» Л.В.Баева пишет, что «в новой системе ценностей важнейшую роль стали играть индивидуальные смысложизненные ориентиры. В обществе, которое представляет собой множество автономных личностей, оказался необходим новый принцип для общения и коммуникации – толерантность, то есть уважительное отношение к Другому, к другой культурной традиции, признание за другим ценности, равной себе. Толерантность – это открытость человека для общения и взаимодействия с другими индивидами и системами» [9, с.4].

Аксиологический аспект толерантности состоит в понимании ее как самодостаточной личной и общественно-моральной ценности. «Толерантность может интерпретироваться ... как одна из базовых культурных ценностей, универсальных поведенческих образцов, предполагающих не только сохранение и преумножение многообразия социокультурной реальности, но и живую заинтересованность в специфике другого, ее творческое использование и преумножение ради общего блага» [10, с.160]. Еще Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» включил толерантность как ценность в систему социального регулирования отношений. Толерантность как ценность предписывает в этой связи определенные правила:

- умение не навязывать свои взгляды другим;
- отказ от борьбы с теми, кто «не такой, как я»;
- неприменение насилия;
- отстаивание собственной свободы и свободы другого, соблюдая от-ношения равенства.

Толерантность не означает отказа от своих взглядов, а наоборот, призыв к более глубокому пониманию себя и партнера. «Межличностные отношения толерантной личности характеризуются принятием других людей, уважением, открытостью, доверием, отсутствием стремления к доминированию, напористости; отказом от категоричности оценок и интерпретаций в процессе общения; способностью и готовностью к сотрудничеству, что проявляется в диалогическом общении» [11, с.237].

В XXI в. толерантность становится одной из нравственных основ мирового сообщества, данный термин оказывается ключевым понятием для осознания политических, социальных, культурных процессов и тенденций. «Ей (толерантности) способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным постижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [12, с.21].

Толерантность есть свойство открытости и свободного мышления, понимание того, что мир является многомерным. Толерантный подход означает, что та или иная позиция личности или группы признается лишь одной из многих, следовательно, не может подчинять себе все остальные. Толерантность не позволяет явлениям неравенства, состязательности, доминирования проявиться в насильственных формах. «Толерантность есть приобретаемая и намеренно культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и условие существования сложных обществ. Это есть проявление зрелости и жизненности человеческих коллективов, государств и политических образований, а также международного сообщества в целом» [13, с.10].

Впервые термин «толерантность» упомянут в Большом энциклопедическом словаре 1991 г., где акцент в определении сделан на социальном аспекте толерантности: она понимается как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. Современный словарь философских терминов определяет толерантность как нравственное качество, характеризующее отношение к человеку, принадлежащему к другой расе, национальности, культурной традиции, религиозной конфессии как к равно достойной личности. Краткая философская энциклопедия определяет толерантность «как терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность есть отношение к Другому как к равному себе, основанное на свободном выборе, невзирая на расхождения в мышлении и ценностях, образе жизни. Формирование толерантного сознания возможно только в условиях свободы выбора, демократии, гарантии прав человека, его социальной защищенности» [14, с.457].

Существует некое общее понимание толерантности во многих словарях и энциклопедиях. Оксфордский словарь определяет толерантность как готовность и способность принимать без протеста или вмешательства личность или вещь. Российский энциклопедический словарь определяет толерантность как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. В обобщенном виде можно представить многочисленные определения толерантности как терпение, терпеливость, терпимость к чужому, чужеродному. В качестве синонима в русском языке эквивалентна понятию «терпимость».

Понятие «толерантный» также может включать в себя такие характеристики человека, как

тактичный, деликатный, уважительный, уживчивый. Однако следует заметить, что «терпимый» в русском языке скорее характеристика негативная, а сам термин не отражает в полной мере смысла толерантности, заложенного изначально европейскими мыслителями. «Толерантность» и «терпимость» как понятия не эквивалентны ни по объему, ни по содержанию. Смыслы этих понятий пересекаются, но не перекрываются. Понятие «толерантность» в различных языках имеет разный смысл, в разных культурах ему придается различное значение (например, в английском языке толерантность трактуется скорее как готовность без протеста воспринимать любую личность).

Толерантность все же не равна терпению, поскольку последнее может быть описано как чувство со стороны испытывающего насилие. Толерантность же, наоборот, подразумевает уважение и признание равенства других, отказ от доминирования и насилия. «Между терпимостью и толерантностью имеется существенное различие. Толерантность имеет оттенок терпения, но терпения активного, принципиального, что отличает его как от пассивного безразличия, так и от безоговорочного принятия и уважения» [15, с.39].

Слово «терпимость» в русской культуре ассоциируется с пассивным принятием окружающей реальности, с непротивлением «злу насилием», со способностью «подставить правую щеку», получив удар по левой. В русском языке корректнее было бы переводить толерантность не как терпимость, а как «уважение», «понимание», «принятие». К синонимам понятия «толерантность» можно отнести:

- взаимопонимание;
- уважение прав и свобод;
- признание;
- культурный плюрализм;
- ненавязывание взглядов;
- обеспечение равноправного подхода;
- согласие;
- право отличаться друг от друга;
- открытый диалог;
- равенство в достоинстве;
- уважение самобытности.

Еще В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» отмечал, что «высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей, ...то прямой логический вывод отсюда есть тот, что мы должны любить все народности, как свою собственную» [16, с.378]. Знаменитый философ Н.С. Трубецкой также подчеркивал общность исторического развития населяющих Россию народов и близость их культур. Евразийство, с его точки зрения, есть свидетельство глубоко укорененной в чувственно-эмоциональной и ментальной практике русских идей терпеливости по отношению к любой инокультуре.

Современный исследователь В. Лекторский трактует толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог, который позволяет не только уважать позицию Другого, но и изменять свою в результате критического диалога.

Это есть наиболее желательное и адекватное понимание понятия «толерантность» в современном мире. Если говорить о толерантной личности, то к чертам такой личности исследователи относят: расположенность к другим, снисходительность, терпение, чуткость, доверие, терпимость к различиям, доброжелательность, умение владеть собой, умение не осуждать других, способность к сопереживанию так понимает; Для В.М. Золотухина толерантная личность – это личность, критически смотрящая на самое себя, готовая к восприятию всего многообразия мира. Она непременно должна быть равна другой, и это равенство должно быть не только санкционировано, но и установлено государством. Именно так возникают толерантные отношения. Следовательно, толерантность присуща демократичной личности без этнических предрасудков, с открытым мышлением, которая признает равенство людей. Толерантность понимается не как подавление собственных негативных эмоций, а как добровольный отказ судить другого, это есть своего рода самоконтроль, не позволяющий превышать свои функции относительно другого. Толерантностью можно считать такое отношение, при котором человек может мыслить и понимать этот мир, как считает нужным, за каждым сохраняется право на собственное видение окружающего, и это собственное видение только дополняет существующее многообразие мира.

Данное условие может считаться условием диалога в широком смысле, имея в виду, что фундаментальным законом человеческого бытия и культуры является диалогизм (еще Ю.М. Лотман указывал на присущую всем людям потребность в другом). Установки толерантного сознания создают почву, условия для истинного диалогического взаимодействия и понимания. Культура толерантности может быть названа культурой диалога. Диалогическое отношение к другому человеку, к другой культуре есть смысл философской и этической проблемы толерантности. Определение толерантности в теории диалога культур звучит как открывающее широкие перспективы основание для плодотворного диалога с Другим.

В Новой философской энциклопедии В.С. Степин пишет: «В выработке новых смысложизненных ориентиров и поиске новых стратегий цивилизационного развития важную роль может сыграть диалог культур, использование современной культурой достижений традиционных культур. Многообразие культур и их взаимодействие выступает условием их развития, потому что любое взаимодействие культур, как показывает историческая практика, является благотворным для развития. Унификация и уничтожение культурного многообразия может приводить к вырождению культур» [17, с.347].

Натиску глобализации может противостоять только содружество культур, основанное на принципах взаимодействия, приверженности идеям толерантности, на уважении прав разных народов, признании равноценности всех культур. По мнению С.Н. Гаврова, «взаимодействие культур имеет

диалоговый режим. Диалог подразумевает равноправие партнеров и имеет ценностную природу. Это всегда обмен идеями, смыслами. Культура в качестве информации существует на уровне процесса, она бесконечно изменяется и выступает фоном для самоопределения человека, генезис и существование смысла связаны с субъектом, его отношением к миру и самому себе. Культура обладает смысловым потенциалом, который заложен в нее человеком, а человеческая деятельность и бытие определяются смыслом. Диалог по своей природе – это обмен смыслами» [18, с.145].

Методология диалога культур была разработана в трудах М. Бахтина. Диалог, по мнению этого автора, – это взаимопонимание участвующих в диалогическом, и в то же время сохранение своего мнения, слияние с ним и сохранение дистанции (своего места)» [19, с.430]. Диалог культур может быть назван мировоззрением XXI в. В психологическом плане, в результате постижения другой культуры человек учится преодолевать свои стереотипы, принимать другое мнение, видеть детали для постижения сути явления, сопереживать, находить взаимопонимание. «Диалог культур – это проникновение в систему ценностей той или иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонационального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в мировой культурный контекст» [20, с.151].

В данный момент общество нуждается в новом механизме коммуникации, в основе которого лежит уважение к лучшим достижениям культуры каждого народа. В наше время толерантность необходимо понимать как отказ от ксенофобии, подозрительности, недоверия к другим нациям и культурам. Толерантность выступает как моральный императив культуры современного человечества. Толерантность понимается как новая культура бытия, с которой связываются оптимистические взгляды на будущее для всего человечества. «Принципы толерантности, существующие еще со времен античности, направлены на социальную стабилизацию, на примирение людей и многообразных конфессиональных и культурно-исторических образований» [21, с.237].

Многие исследователи признают толерантность частью эмоционального интеллекта, таким образом, толерантность представляет собой способность адаптироваться к новым социальным ситуациям и условиям. М.С. Мириманова полагает, что «личность, не обладающая толерантностью, ограниченная определенными рамками, не допускающая или отвергающая иные точки зрения, лишаясь возможности не только успешного взаимодействия, но и развития, готовности к самоизменению, освоению и практическому применению более гибких моделей, расширяющих границы собственной индивидуальной толерантности» [22, с.54].

Открытость для настоящего диалога, уважение к непохожести Другого предполагает толерантность как составляющую в структуре сознания. Насколько один человек может понять другого человека,

■ Культурология

принимая его взгляды, убеждения, формы поведения, как такую же ценность, зависит от уровня развития сознания, в котором толерантность играет важную роль. Сознание, ограниченное определенными установками, рамками, не допускающими или отвергающими все иные точки зрения, лишается возможности успешного взаимодействия и развития. Сегодня толерантность рассматривается в ряду ценностей, которые понимаются как идеи, которым человек придает особый положительный смысл, как представления о желаемом.

Ценности есть важнейший компонент структуры личности, они выполняют функцию регуляторов поведения. В списке ценностей в тесте Рокича толерантность занимает четвертое место. М.С. Мириманова в книге «Толерантность как феномен индивидуальный и социальный» утверждает, что «толерантность способствует принятию Другого и осознанию границ своего Я; развитию креативности, уходу от стереотипности и авторитаризма. Она необходима для успешной адаптации к новым, быстро меняющимся услови-

ям как способности принимать решения и действовать в условиях неопределенности, риска, стресса, фрустрации; толерантность как готовность к изменениям способствует эмоциональной устойчивости» [23, с.5].

В целом толерантность представляет собой явление достаточно многомерное и даже многоаспектное, она часто описывается как сложная психическая реальность, которая захватывает сознание индивидуальное и коллективное. Понимая толерантность как ценность, следует отметить, что в этом случае, как всякая ценность, она дает импульс познавательным, эмоциональным и волевым процессам, которые играют важную роль в программе потребностей. Чтобы толерантность стала ценностью в структуре сознания личности, субъекту надо «запрограммировать» ее как ценность в своем сознании, чтобы направить свою деятельность на овладение ею, поскольку ценности ориентируют человека в природном и социальном мире, создавая осмысленную картину в тезаурусе личности.

Список литературы

1. Толерантность: материалы летней школы молодых ученых «Россия-Запад: философские основания социокультурной толерантности»: в 2 ч. Ч.1/ Под ред. М.Б.Хомякова. Екатеринбург, 2000. 290 с.
2. Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). Краснодар: Периодика Кубани, 2000. 230 с.
3. Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М. 2010. 122 стр.
4. Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство. М. 1999. 180 с.
5. Ефимов В.И., Таланов В.М. Общечеловеческие ценности. М.: Академия естествознания, 2010. 249 с.
6. Ильин В.В. Аксиология. М.: Издательство МГУ, 2005. 213 с.
7. Лапин Н.И. Социологические исследования. 1996. № 7. 89 с.
8. Цветкова И.В. Идея толерантности и русская культура. Философия культуры – 97: Тезисы докладов на Российской научной конференции «Человек в культуре и культура в человеке», посвященной 60-летию проф. В.А. Конева – май 1997. Самара. 250 с.
9. Баева Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии. Изд-дом «Астраханский университет», 2009. 217 с.
10. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем/ Под ред. И.Г.Тюлина. М.: Изд-во МГИМО, 2004. 304 с.
11. Мириманова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М.: Прометей, 2004. 256 с.
12. Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004. 340 с.
13. Тишков В.А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах (в кн. Толерантность и культурная традиция / Под ред. М.Ю. Мартыновой). М.: РУДН, 2003. 447 с.
14. Краткая философская энциклопедия. М., 1994. 620 с.
15. Толерантность: материалы летней школы молодых ученых «Россия-Запад: философские основания социокультурной толерантности»: в 2 ч. Ч.1/ Под ред. М.Б.Хомякова. Екатеринбург, 2000. 290 с.
16. Соловьев В.С. Оправдание добра: Соч. в 2 т. Т.1. М., 1990. 420 с.
17. Степин В.С. Новая философская энциклопедия. В 4 т., Т.2. М.: Мысль, 2001. 480 с.
18. Гавров С.Н. по кн. Многообразие культур как основа толерантности/ Отв. ред. М.Г. Котовская. М., 2010. 212 с.

19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 430 с.
20. Липартелиани О.Н. Принципы взаимодействия культур как основа мировоззрения современного общества. В кн. Толерантность в России: история и современность. М.: Глобус, 2008. 300 с.
21. Мириманова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М.: Прометей, 2004. 256 с.
22. Мириманова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М.: Прометей, 2004. 256 с.
23. Мириманова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М.: Прометей, 2004. 256 с.

Об авторе

Матюшина Василиса Валерьевна – ст.преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО(У) МИД России. E-mail: matjushina-vasilisa@rambler.ru

THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE NOTION "TOLERANCE"

V.V.Matyushina

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The conception of tolerance in philosophy and linguistics is considered in the article. The article shows the philosophical and sociopolitical nature of the notion "tolerance" together with a special stress on the usage peculiarities of the word "tolerance" in the Russian language. The place of tolerance in the system of values is studied and also its place in the theory of cultural dialogue is defined. There has lately been a discussion among Russian researchers about the phenomenon under consideration - that of tolerance – and its top-importance. The whole terminology, connected with the problems of tolerance, as well as the very word "tolerance", are borrowed from English. The analysis of the usage of the Russian equivalents for the term "tolerance" is carried out with the help of the materials devoted to the problems of tolerance. Moreover, an attempt is made to define the status of tolerance as a value of modern society because contemporary philosophy considers tolerance to be one of the fundamental values of the present. As the interaction of cultures is basically a dialogue a modern human being has to overcome stereotypes and become tolerant to realize and appreciate other cultures. Modern society needs some new communication methods based on the respect for different cultures.*

Key words: tolerance, axiology, value, culture, social behavior, world outlook, cultural dialogue.

References

1. Tolerance: the materials of the Summer School for young scientists "Russia-West: the philosophical grounds for socio-cultural tolerance" [Tolerantnost: materialy dlya letney shkoly molodyh uchenykh "Rossia-Zapad: filosofskye osnovania soci-okulturnoy tolerantnosti], September 2000, Ekaterinburg, in 2 parts, part 1, edited by M.B.Homyakov, 290 p.
2. Shalin V.V. Tolerance (a cultural norm and a political necessity) [Tolerantnost (kulturnay norma i politicheskay neobhodimost)], Krasnodar: Periodika Kubany, 2000, 230 p.
3. Ivin A.A. Human preferences. [Chelovecheskie predpochtenia], Moscow, 2010, 122 p.

■ Культурология

4. Surina I.A. Values. Value orientations. The area of values. [Tsenosy. Tsen-nostnye orientatsyi. Tsennostnoe prostranstvo]. Moscow, 1999, 180 p.
5. Ephimov V.I., Talanov V.M. Humankind values. [Obshechelovecheskie tsen-nosty]. Moscow, The Academy of natural sciences, 2010, 249 p.
6. Iliin V.V. Axiology. [Aksiologia] Moscow, The MGU Publishers, 2005, 213 p.
7. Lapin N.I. Research in Sociology. [Sociologicheskie issledovaniya], 1996, № 7, 89 p.
8. Tsvetkova I.V. The Idea of Tolerance and Russian culture. The Philosophy of culture – 97: the points of the reports at the Russian scientific conference “A human being in culture and culture in a human being”, devoted to the 60-anniversary of professor Konev V.A. [Idea tolerantnosti I russkaya kultura. Filosofiya kultury-97: teziy dokladov na rossiyskoy nauchnoy konferentsii “Chelovek v culture I kultura v cheloveke”, posvyashchennoy 60-letiyu professor Koneva V.A.]. May 1997, Samara, 250 p.
9. Baeva L.V. Tolerance: ideas, images, people. [Tolerantnost: idei, obrazy, personalii], The Publishing House “The University of Astrahan”, 2009, 217 p.
10. The culture of tolerance: the experience of diplomacy for solving problems in modern management. [Kultura tolerantnosti: opyt diplomatii dlya resheniya sovremennyykh upravlencheskiykh problem], edited by I.G. Tjul'in. Moscow, The MGIMO Publishers, 2004, 304 p.
11. Mirmanova M.S. Tolerance as an individual and social phenomenon. [Tolerantnost kak fenomen individualnyy I sotsialnyy], Moscow, Prometey, 2004, 256 p.
12. Tolerance. [Tolerantnost] Edited by M.P. Mchedlov, Moscow, 2004, 340 p.
13. Tishkov V.A. Tolerance and harmony in transforming societies (in the book “Tolerance and cultural tradition” edited by M.U. Martynova). [Tolerantnost I soglasie v transformirovannykh obshchestvakh (v knige “Tolerantnost I kulturnaya traditsiya)], Moscow, The RUDN Publishers, 2003, 447 p.
14. A condensed encyclopedia of philosophy. [Kratkaya filosofskaya entsiklopediya], Moscow, 1994, 620 p.
15. Tolerance: the materials of the Summer School for young scientists “Russia-West: the philosophical grounds for socio-cultural tolerance” [Tolerantnost: materialy dlya letney shkoly molodykh uchenykh “Rossiya-Zapad: filosofskie osnovaniya soci-okulturnoy tolerantnosti], September 2000, Ekaterinburg, in 2 parts, part 1, edited by M.B. Homyakov, 290 p.
16. Soloviev V.S. The justification of good. [Opravdanie dobra], complete works in 2 volumes, Vol.1, Moscow, 1990. 420 p.
17. Stepin V.S. The new encyclopedia of philosophy. [Novaya filosofskaya entsiklopediya], in 4 volumes, vol.2. Moscow, Mysl, 2001, 480 p.
18. Gavrov S.N. according to the book “A variety of cultures as a basis of tolerance” [Mnogoobrazie kultur kak osnova tolerantnosti], the chief editor M.G. Kotovskaya, Moscow, 2010, 212 p.
19. Bahtin M.M. The esthetics of verbal creativeness. [Estetika slovesnogo tvorchestva], Moscow. 1986, 430 p.
20. Liparteliani O.N. The principles of the interaction of cultures as a ground for modern society world outlook. [Printsipy vzaimodeystviya kultur kak osnova mirovozzreniya sovremennogo obshchestva] in the book “Tolerance in Russia: the history and the present time” [Tolerantnost v Rossii: istoriya I sovremennost], Moscow, Globus, 2008, 300 p.
21. Mirmanova M.S. Tolerance as an individual and social phenomenon. [Tolerantnost kak fenomen individualnyy I sotsialnyy], Moscow, Prometey, 2004, 256 p.
22. Mirmanova M.S. Tolerance as an individual and social phenomenon. [Tolerantnost kak fenomen individualnyy I sotsialnyy], Moscow, Prometey, 2004, 256 p.
23. Mirmanova M.S. Tolerance as an individual and social phenomenon. [Tolerantnost kak fenomen individualnyy I sotsialnyy], Moscow, Prometey, 2004, 256 p.

About the author

Vasilisa V. Matyushina – Senior Lecturer at the Department of the English language № 2 at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), a post-graduate in the Institute of Linguistics under the Russian Academy of Sciences. E-mail: matyushina-vasilisa@rambler.ru

О СЕМАНТИКЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Цыбова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Цель данной статьи – отметить основные направления исследования семантики словообразования и показать, как решать эти сложные проблемы в новой парадигме знаний. Одной из причин сложности словообразовательной семантики является промежуточный характер словообразования. Такие не нашедшие объяснения вопросы, как приращение значения производных, их многозначность, предлагается решать методами когнитивной лингвистики (когнитивно-дискурсивный подход), введением таких понятий, как концепт, инференция, пропозиция, прототип. Результат: словообразовательная парадигма может быть представлена как пропозициональная структура. Текст помогает выбрать ЛСВ многозначного слова. Благодаря инференции получаем знания о слове, выходящие за пределы текста. Прототипический подход позволяет рассматривать отдельный словообразовательный тип как прототип соответствующей словообразовательной категории, а многозначное производное – как прототипическую структуру, имеющую центр и периферию. Можно говорить о наличии синонимичных формантов во французском языке. Словообразовательную антонимию предлагается рассматривать как часть модусной категории отрицания. Каждый из затронутых вопросов заслуживает отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: семантика словообразования, когнитивные методы, концепт, прототип, пропозиция, инференция, полисемия, синонимия, антонимия, паронимия.

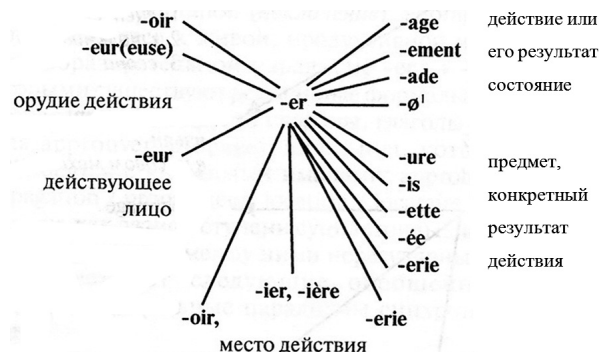
Промежуточный статус словообразования (между грамматикой и лексикой, отмеченный еще в 50-х гг. XX в. [3, с. 155–156]), является одной из причин сложности его семантики. Словообразование «скорее грамматично по своей внутренней организации, но явно лексично по своим задачам, целям и непосредственным функциям» [1;2]. Грамматический характер словообразования проявляется в наличии комплексных единиц словообразования (словообразовательный тип, словообразовательная парадигма (СП), словообразовательная цепочка), а также в выводимости лексического значения синтаксических дериватов (термин Е. Куриловича).

Следует отметить, что перечисленные выше проблемы системности, регулярности словообразования успешно решались в структуралистской парадигме лингвистических исследований. Однако при структуралистском подходе многие проблемы семантики (в частности, семантики словообразования) не нашли своего решения. Компонентный или семный анализ (при всех своих достоинствах) тоже не всегда оправдан, поскольку семы неоднородны. Если представители дескриптивной лингвистики вопросами семантики вообще не занимались, то попытки генеративистов в этом направлении можно признать неудачными. Обращение, помимо анализа, к синтезу производных [9;16;15;19;20] и, следовательно, в связи с этим к проблеме выводимости лексического значения (ЛЗ), производного из значения его компонентов, к производным с идиоматической и неидиоматической семантикой, к семантическим приращениям синтаксического и лексического типов [5;6;20] представляет собой начало подхода к новой научной парадигме.

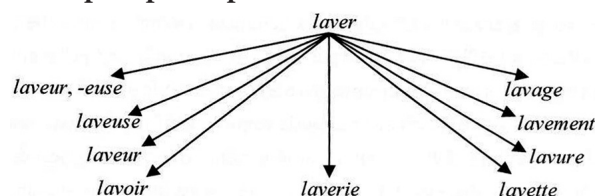
В рамках современной когнитивной парадигмы при когнитивно-дискурсивном подходе (Е.С. Кубрякова, Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков и др.) целью исследования ставится не только описание, но и объяснение таких явлений, как приращение значения и многозначность производных с помощью таких понятий, как концепт, прототип, пропозиция, инференция. Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Концепт служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека». Если рассматривать слово как концепт, «схваченный знаком», то производное слово «схватывает» объединение концептов [8, с.425] производящего слова и форманта, создавая/ воссоздавая новое/ другое слово и концепт. Так, семантическая структура слова *chanteur* (personne qui chante) представляет собой объединение концептов глагола *chanter* и суффикса производителя действия *-eur*. Одним из типов концептов, лежащих в основе семантики производных и сложных слов, являются пропозициональные структуры [8, с.408]. Например: *Il fait ses études à l'école* – *Il est écolier*. Он учится в школе – Он школьник. Можно заметить, что пропозициональная структура с ее базовым

предикатом и аргументами, семантические отношения между которыми функционируют как агенс, пациенс, бенефициант, инструмент, находит свое отражение в структуре отглагольной словообразовательной парадигмы.

Отглагольная СП на народной основе

Пример конкретной отглагольной СП

Особенностью производного слова, в отличие от простого, является его двойная референция: к миру вещей и к миру слов [7, с. 90-91]. Несомненно, референтность по отношению к миру слов, мотивированность производного слова его производящим снимает полностью или частично проблему произвольности языкового знака по отношению к производным словам с неидиоматической семантикой, например: *centralizer* – *centralisation*.

Текст, если его рассматривать как вербальное представление фрейма, может помочь в определении ЛЗ производных. В тексте слушающий (читающий) делает выбор нужного ЛСВ многозначного слова, определяет категориальное значение производного (существительное или прилагательное), уточняет ЛЗ лексико-синтаксического деривата (например, действующее лицо или орудие действия). Производное с отличными от исходной формы содержанием и синтаксической функцией [26, с. 16].

С помощью текста определяется ЛЗ тех идиоматических производных, которые, в свою очередь, помогают раскрыть смысл текста, например:

- Je ne fais pas toujours le goudron. Je suis *coffreur*.
- Coffreur?
- J'arrange le *coffrage* pour le béton.

Непонятное студенту слово *coffreur* (опалубщик) рабочий поясняет словом *coffrage* (обшивка, опалубка).

Когнитивная лингвистика вводит понятие инференции – получения «выводных данных в процессе обработки информации /или языка и само выводное знание, умозаключение». Речь, следовательно, идет о знании, лежащем за пределами текста. Получить эти выводные знания можно и

при отсутствии текста, зная ситуацию, при которой создавалось это слово. Так, *balkanisation* – это раздробление, расчленение (подобное тому, что происходило на Балканах), *arabisation* – переход в бывших французских колониях системы образования, СМИ и пр. на арабский язык; а во время американской войны во Вьетнаме США предпочитали вести ее руками вьетнамцев, отсюда слова *vietnamiser* (la guerre), *vietnamisation*.

Большой интерес вызывает сложный вопрос многозначности производящих и производных. Между значениями многозначного слова существует определенная связь, чего не наблюдается в омонимах [14, с. 382]. Производное передает обычно не все значения производящего слова. Так, из шести значений слова *structure*, отмеченных в словаре *Petit Larousse* 2005, лишь одно передается производным *structurel* (относящийся к экономическим, общественным, демографическим структурам), тогда как *structural* относится к геологическим структурам и к структурной лингвистике. В современных словарях *structural* и *structurel* рассматриваются как разные слова. Аналогично с этим: *cultural/ culturel, éclaircissage/ éclaircissement, programmeur/ programateur, atterrissage/ atterrissage, plafonnage/ plafonnement, effleurage/ effleurement*. Их можно считать словообразовательными паронимами, поскольку у них разная референтность и разная концептуализация. С другой стороны, такие слова, как *creusage* и *creusement*, следует признать словообразовательными вариантами, так как они выражают один концепт. Кстати, в словарях они представлены в одной статье.

Что касается синонимии в словообразовании, то есть все основания говорить о синонимичных формантах: *-age, -ement, -ation* для обозначения

имен действия, *-ien, -ais, -ois, -ain* для этнических имен, *sur-, super-, ultra-, extra-, hyper-* для наименования высокой интенсивности. Однако возможность синонимии проводных вызывает сомнения.

Проблемы словообразовательной антонимии при когнитивном подходе можно рассматривать как часть проблемы модусной категории отрицания. Во французском словообразовании эта категория находит свое выражение в производных с префиксами *in-* (*certain/incertain*), *dé-* (*centraliser/décentraliser*), *non-* (*agression/ non-agression*), *mé-* (*content/ mécontent*), *anti-* (*fasciste/ anti-fasciste*).

К словообразовательным категориям возможен прототипический подход. Так, для категории действующего лица при отглагольном образовании на народной основе прототипичным является словообразовательный тип (СТ) на *-eur* (*travailleur*), для обозначения этнических имен – СТ на *-ien* (*autrichien*), в словообразовательной категории действия это СТ на *-age* (*lavage*) для отглагольных образований на народной основе и СТ на *-ation* (*accélération*) для отглагольных производных на книжной основе.

Многозначное производное слово может рассматриваться как прототипическая структура в «расширенной версии (version étendue)» – в терминологии Ж. Клебера – [17; 18, с.58–63], имеющая центр и периферию. ЛСВ, представляющий главное значение, можно считать прототипом этого слова. Например, в слове *représentation* прототипическим является ЛСВ со значением «action de rendre sensible qqch au moyen d'une figure, d'un symbole, d'un signe» (воспроизведение, отображение).

Разумеется, каждый из затронутых вопросов заслуживает отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. информ. исслед. отд. языкознания. М., 2006. С.67-85.
2. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка, вып. 7. Типы категорий в языке. Москва–Тамбов, 2010. С.45-59.
3. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
4. Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке. М.: Высш. школа, 1984. 128 с.
5. Дорошевский В. Элементы лексикологии семиотики. Пер. с польского. М.: Прогресс, 1973, 286 с.
6. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1973. 152 с.
7. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, С. 81-155.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во МГУ, 1980. 296 с.
10. Новиков Л.А. Антонимия. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 35-36.
11. Полянчук О.Б. Динамические аспекты анализа производного слова. Воронеж: Полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2008. 199 с.

12. Цыбова И.А. О вариативности в словообразовании(на материале суффиксации во французском языке)// Лексико-семантические структуры в языке и речевой деятельности.М.: АН СССР – МГИМО, 1983.С. 241-250.
13. Чинчлей Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке Кишинев: Штиинца, 119 с.
14. Шмелев Д.Н. Полисемия//Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия.С. 382 .
15. Corbin D.Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique, Tübingen: Niemeyer, vol. 1, 2,1987, 912 p.
16. Guilbert L. La créativité lexicale,P: Larousse, 1975. 285 p.
17. Kleiber G. La sémantique de prototype: Catégorie et sens lexical. P.: PUF, 1990, 199 p.
18. Kleiber G. Problèmes de sémantique. La polysémie en questions, Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 1999,220 p.
19. Tsybova Irina Problèmes du prédictible et du potentiel dans la formation de mots en français, Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2006. 123 p.
20. Tsybova I. Lexicologie française, M: URSS, 2010. 224 p.

Об авторе

Цыбова Ирина Александровна – д.филол.н., профессор кафедры французского языка №1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ABOUT SEMANTICS OF WORD FORMATION ON FRENCH MATERIAL

V. A. Iovenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The purpose of the paper is to show how to study the semantics of word-formation by new paradigm. The intermediate character of word-formation is one of causes of the complexity of its semantics. Structural linguistics did not find the explanation of such questions as addition of the sense of derived words, semantics of polysemantic derived words by its methods. So these problems can be settled by new methods: cognitive paradigm (cognitive-discursive approach) using such notions as concept, inference, proposition, prototype. Results: the derivational paradigm can be represented as a propositional structure and one of derivational type as the prototype of derivational category. Text facilitates to determine the meaning of polysemantic derived words. Thanks to inference we receive knowledge about words beyond the text. It is possible to deal with synonymic formants and antonymy of derived words. Each of these problems deserves to be studied separately.*

Key words: semantics of word-formation, cognitive method, concept, prototype, proposition, inference, polysemy, antonymy, synonymy, paronymy.

References

1. Beliaevskaia E.G. 2006 Semantika v trjokh paradigmatkakh lingvisticheskogo znanija (kriterii vybora metoda) [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge (Criteria of choice of method)] In Paradigmy nauchnogo znanija v sovremennoj lingvistike. Sbornik nauchnykh trudov [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Collection of scientific works] Russian Academy of Science INION. Center of humane informative research. Department of linguistics. Moscow, 2006. PP. 67-85.
2. Boldyrev N.N. Categorical level of representation of knowledge in language category of negation. Kognitivnyje issledovania yazyka [Cognitive research of language]. 2010. No 7. PP. 45-59

3. Vinogradov V.V. 1975 Researches on Russian grammar. Moscow: Nauka, 1975. 559 p. (in Russ.)
4. Vishniakova O.V. Paronymy in Russian, Moscow: Vysshaja shkola, 1984. 128 p.
5. Doroszewski W. Elements of lexicology and semiotics, Moscow: Progress, 1973. 286 p. (in Russ.)
6. Ermakova O.P. Lexical meanings of derived words in Russian. Moscow: Russki iazyk, 1984. 152 p. (in Russ.)
7. Kubriakova E.S. Semantics of derived word. Aspekty semanticheskikh issledovaniy [Aspects of semantic researches]. Moscow: Nauka, 1980. PP. 81-155.
8. Kubriakova E.S. Language and knowledge: By the way of getting knowledge about language. Parts of speech from cognitive point of view. Role of language in perceiving of the world. Russian Academy of science. Institute of linguistics,
Moscow: Languages of Slavic culture, 2004, 560 p. (in Russ.)
10. Miloslavskiy I.G. Problems of derivational synthesis, Moscow: Publishing House of Moscow University, 1980. 296 p. (in Russ.)
11. Novikov L.A. Antonymy. Antonyms. Linguistic Encyclopedic Dictionary, Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. PP. 35-36. (in Russ.)
12. Polianchuk O.B. Dynamic aspects of analysis of derived words, Voronej: Publishing House of polygraphic center of State University of Voronej, 2008. 199 p. (in Russ.)
13. Tsybova I.A. Variation in word-formation (on the material of suffixation in French. Lexical-semantic structures in language and in speech, Moscow: Academy of Sciences of USSR Institute of Linguistics, 1983. PP. 241-250. (in Russ.)
14. Cincilei G.S. Essays on derivation in contemporary French, Chişinău: Ştiinţa, 1991. 199 p.
15. Shmelev D.N. Polysemia. Linguistic Encyclopedic Dictionary: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 382 (in Russ.)
16. Corbin D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. Tübingen: Niemeyer, vol. 1-2, 1987. 912 p.
17. Guilbert L. La créativité lexicale, P: Larousse, 1975. 285 p.
18. Kleiber G. La sémantique de prototype: Catégorie et sens lexical. P: PUF, 1990. 199 p.
19. Kleiber G. Problèmes de sémantique. La polysémie en questions. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 1999. 220 p.
20. Tsybova I. Problèmes du prédictible et du potentiel dans la formation de mots en français. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2006. 123 p.
21. Tsybova I. Lexicologie française. Moscow, 2010. 224 p.

About the author

Irina A. Tsybova – professor of chair of French No. 1 of MGIMO(U) MFA of Russia. E-mail: vestnik@mgomo.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ UNDERSTATEMENT В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В.Г. Иванова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется сущность концепта Understatement как лингво-культурологической категории, рассматриваются основные языковые средства реализации данного явления, в том числе некоторые стилистические и прагматические аспекты Understatement как стратегии дистанцирования. Для исследователя Understatement представляет интерес в первую очередь как лингвокультурологическая категория, за которой стоят исторически сложившиеся культурные традиции англосаксонского общества и ими сформированный британский национальный характер. Автор в своей статье не использует русские варианты перевода Understatement, так как рассматриваемый концепт является лингвоспецифическим, отражающим особенности национального менталитета англосаксов и перевод не может в полном объеме передать все аспекты его денотативного и коннотативного значения. В статье подчеркивается, что структура Understatement сложна, многообразна и может быть выражена целым спектром как лексических, так и грамматических средств, среди которых часто встречается двойное отрицание, модальные глаголы, наречия степени и частицы и которые в большинстве случаев оказываются контекстозависимыми. С прагматической точки зрения Understatement может использоваться для того, чтобы скрыть смущение, беспокойство, волнение или обиду. Understatement также используется при выделении положительных аспектов коммуникативной ситуации. Преуменьшение положительных характеристик объекта речи находит свое отражение в так называемом «эффекте скромности», который выливается в такую стратегию, как «fishing for compliments», то есть преднамеренное занижение своих положительных качеств с целью «выуживания» комплиментов. Understatement как прием играл и продолжает играть совершенно особую роль в англоязычном речевом поведении. Его цель – преуменьшить воздействие отрицательных факторов на получателя сообщения, уменьшить категоричность высказывания и учесть интересы собеседника.

Ключевые слова: преуменьшение, отрицание, смягчение высказывания, аппроксимация, деинтенсификаторы, хезитация, дистанцирование, литота, мейозис.

Как зарубежные, так и отечественные ученые по-разному подходили к изучению явления *Understatement* и в разных исторических перспективах. В работах У. Болла, Г. Фаулера, Х. Шпитцбардта, Р. Чэпмэна, И.В. Гюббенет, Н.Б. Гвишиани, А. Хюблера, К.Л. Стоуна, Е.А. Ивановой выделяется лингвистическое направление. И.В. Гюббенет, Т.А. Ивушкина, Д.В. Крюков, И.А. Тисленкова внесли большой вклад в социолингвистическое направление исследования. Труды Дж. Майкса, У. Болла, Х. Филдинга, А. Смита, А. Хюблера, Т.В. Лариной, Ю.Б. Кузьменковой представляют лингвокультурологическое направление изучения *Understatement*. В данной статье мы постараемся раскрыть некоторые лингвистические аспекты концепта *Understatement*.

Предваряя лингвистический анализ изучаемого нами явления, необходимо отметить, что английское слово *understatement* на русский язык может передаваться как недооценка, преуменьшение, смягчение, недосказание, умолчание и т.д. Мы же не используем русские варианты перевода *Understatement*, так как рассматриваемый нами концепт является культурно- и лингвоспецифическим, отражающим особенности национального менталитета англосаксов, и, следовательно, перевод не может в полном объеме передать все его аспекты денотативного и коннотативного значения.

Для нас *Understatement* представляет интерес в первую очередь как лингвокультурологическая категория, за которой стоят исторически сложившиеся культурные традиции англосаксонского общества и ими сформированный британский национальный характер и которая отражает возрастные, гендерные и социальные различия англичан. Очень детально и иллюстративно описал квинтэссенцию и некоторые особенности явления *Understatement* У. Болл в своей статье «*Understatement and Overstatement in English*» [1], которая является первой лингвистической работой в этом русле. Автор выделяет стилистически окрашенное использование *Understatement* в разговорной речи, создаваемое наречиями и фразами типа *rather, quite, a bit of a spot of, a sort of, well*. По его мнению, со временем эти фразы превратились в разговорные штампы, которые постоянно используются в современной английской речи. Интересно выделение им двух типов *Understatement*, первый из которых определяется как результат смущения, застенчивости или замешательства. Другой тип представляет собой своего рода игру, участие в которой предполагает знание игроками определенных правил, которых они добросовестно и последовательно придерживаются.

Итак, *Understatement* – лучшее средство сохранения дружеских и деловых отношений между собеседниками: «*It is a compromise between good manners and truthfulness*» [1]. Она имеет место: 1) в случае смущения (*it is a sign of embarrassment*); 2) беспокойства и волнения (*to conceal anxiety*); 3)

обиды (*to avoid offense*). Л.М. Осокина называет данное явление преуменьшением и с точки зрения языка и речи разделяет примеры его употребления на узуальные и окказионально-авторские. Под узуальными понимаются зарегистрированные в словарях и являющиеся своего рода клише, например, такие лексические единицы, как *rather, quite* и т.д. [2].

При этом интересно отметить, что маркер *quite* по-разному трактуется в американском и британском вариантах английского языка: «*In American English, quite can be used to mean 'very' in sentences where in British English it means 'fairly': 'That dress is quite nice' means 'very nice' in American English and 'fairly nice' in British English*» [3].

Окказионально-авторские примеры преуменьшения представляют собой лексические единицы, создаваемые в процессе речи и выражающиеся целым рядом лексико-грамматических средств. Проанализируем следующий пример:

«*I'm Gatsby*», he said suddenly.

«*What!*» I exclaimed. «*Oh, I beg your pardon*».

«*I thought you knew, old sport. I'm afraid I'm not a very good host*» [4, с. 65].

В данном случае эффект преуменьшения достигается с помощью отрицания *not a very good host* (actually meaning *bad*), вводной лексической единицей *I'm afraid*, смягчающей высказывание, а также использованием прошедшего времени в предыдущем предложении, которое служит в качестве оправдания в этой ситуации. Кроме того, как отмечает большинство исследователей (И.Р.Гальперин, М.Д.Кузнец, Ю.М. Скребнев, У. Болл, Г. Шпитцбардт), к языковым средствам выражения приема *Understatement* в английском языке относятся эвфемизмы, наречия степени и частицы. Г. Шпитцбардт [5] объединяет вышеупомянутые языковые средства выражения *Understatement* и классифицирует их по десяти различным типам:

1) количественная недооценка;

He knows a thing or two = a good deal

2) литота в узком смысле, представленная антонимом с отрицанием;

3) сравнительное преуменьшение;

I think we might do worse = this is the best we can do

4) средства ослабления (*downtoning attachments*);

К ним относятся ограничительные наречия степени типа *rather, fairly, somewhat, half, almost; far from, a little bit, not quite* и т.д.

5) глагол *to fail*: he failed to see it;

6) сослагательное наклонение;

I should think so! = never!

I trust that this arrangement may meet with your approval.

7) предложения с псевдоадвербальной ослабляющей функцией, такие,

как: *I'm afraid, I should think, I suppose, will you please* и т.д.;

8) случаи намеренного избегания выражений с гиперболой;

В этом контексте Г. Шпитцбардт [6] приводит следующий пример, демонстрирующий, по его мнению, чисто английское преуменьшение: джентльмен показывает друзьям коллекцию вин, называя одно из них *delicious*, другое – *superior*, третье – *exquisite*. Когда же он приближается к четвертому, самому лучшему, то восклицает: *This wine, gentlemen, is good!*

9) иронический контраст. Например, таким преуменьшением является ироническое прозвище *tiny*, употребляемое по отношению к крупному, широкоплечему человеку;

10) эвфемизмы.

Рассмотрим более подробно грамматические способы выражения *Understatement*, основными из которых являются наречия степени, которые А. Хюблер [7] и Р.Кверк [8] называют детенсификаторами (*adverbs of degree + intensifiers = detensifiers*) или смягчителями тона (*downtoners*). Детенсификаторы, в свою очередь, подразделяются на 4 группы:

1) аппроксиматоры, отрицающие значение правды у утверждений: *eg. «He is basically a good politician»*. К их числу можно отнести наречия *almost, basically, nearly, practically, technically, virtually*;

2) диминизаторы, интенсифицирующие утверждение: *eg. «He is in some respects a good politician»*. В их число входят: *a little, in many respects, in some respects, in part, mildly, moderately, partially, partly, pretty, slightly, somewhat*;

3) минимизаторы, имеющие эффект несомненного отрицания

значения правды. В эту группу входят наречия *a bit, barely, hardly, scarcely*. *eg. «He is hardly a good politician»*;

4) компромизаторы, ослабляющие функцию глагола: *eg. «He is comparatively a good politician»*. В данной категории можно выделить наречия *comparatively, enough, kind, more or less, quite, rather, relatively, sort of*.

Итак, данные наречия в сочетании с прилагательным, как правило, служат для создания *Understatement* в речи англичан. Кроме того, А. Хюблер указывает на образование *Understatement* с помощью двойного отрицания. Автор определяет также такое отрицание, как трехморфемное или аффиксальное [7]. Проанализируем следующий пример: «*She had gone from curiosity. She had nothing else to do and after looking for so many days at the walled city across the water she was not unwilling to have at least a glimpse of its mysterious street*» [9, с. 133].

В данном контексте *Understatement*, выраженный двойным отрицанием, усиливает значение прилагательного, придавая ему дополнительную эмоциональную окраску, а выбор лексических единиц (*curiosity, the walled city, mysterious*) создает атмосферу загадочности и таинственности.

Таким образом, структура *Understatement* сложна, многообразна и может быть выражена целым спектром как лексических, так и грам-

матических средств, которые в большинстве случаев оказываются контекстозависимыми и способствуют созданию определенного образа или даже фрейма.

С точки зрения семантики, по мнению Л.М. Осокиной, примеры можно разделить на две группы: преуменьшение эвфемистического характера (сглаживание отрицательного) и преуменьшение иронического характера (умалчивание положительного) [2]. Первое имеет целью сокрытие истинного положения вещей или смягчение значения слов с отрицательной коннотацией. Второе может являться либо результатом скромности говорящего, либо утешением или самоутешением по поводу чьей-то неудачи или удачи. Мы полагаем, что, хотя *Understatement* и может выражаться посредством иронии, однако мы не можем согласиться с прагматическими функциями этой конструкции, предложенными Л.М. Осокиной, так как ирония далеко не всегда ассоциируется с эффектом скромности и умалчиванием положительного.

Л.В. Азарова анализирует данное явление с прагмалингвистической позиции и выделяет ситуации, когда может использоваться *Understatement* [10]. Согласно результатам ее исследования, преуменьшение (в ее терминологии) отрицательных характеристик объекта речи имеет место в этикетных высказываниях, объединенных общей коммуникативной задачей – ослабить, преуменьшить воздействие отрицательных факторов на получателя сообщения. Примеры этой группы характеризуются отсутствием категоричности, стремлением учесть интересы собеседника. Преуменьшение используется в коммуникативных ситуациях, связанных с вежливым (некатегоричным) отказом, извинением, некатегоричной критикой.

Как показывают наши наблюдения, типичным примером речи, изобилующей *Understatement*, является речь Дживва из романа П.Г. Вудхауза. Как известно, по роману слуга намного умнее и образованнее своего хозяина, и это не может не проявляться в его высказываниях на лексическом уровне. К тому же, соответствуя нормам и правилам этикета, Дживв звучит всегда предельно (иногда даже до абсурда) вежливо, сдержанно и некатегорично.

Например: «*Any ideas, Jeeves?*» «*Why, yes, sir. Since we had our recent conversation I fancy have found what may prove a solution. I do not wish to appear to be taking a liberty, sir, but I think that we have, overlooked His Grace's potentialities as a source of revenue*» [11, с. 84]. В приведенном выше высказывании такие выражения, как *I fancy, I do not wish to appear, I think*, а также модальный глагол *may* служат для смягчения высказывания и введения ненавязчивого предложения.

Довольно распространенным случаем использования *Understatement* является преуменьшение отрицательных характеристик ситуации, связанной с эмоциональным напряжением в мо-

мент опасности, беды, каких-либо трудностей и т.д. Речевое поведение коммуникантов детерминируется такими психолингвистическими факторами, как стремление скрыть страх, тревогу, смущение, а преуменьшение рассматривается как защитный механизм, ослабляющий воздействие отрицательных эмоций. Часто в момент напряжения или эскалации конфликта англоязычные коммуниканты прибегают к довольно нечетким определениям, принижая значимость чего-то серьезного или преуменьшая величину трагедии.

«Oliver, the problem is more serious than that. Jenny is very sick».

«Would you define 'very sick' please?»

«She's dying» [12, с.142].

В данном примере смягчение высказывания достигается путем подмены лексической единицы dying на very sick, которые являются явно не равнозначными. Кроме того, Understatement используется при выделении положительных аспектов коммуникативной ситуации. Преуменьшение положительных характеристик объекта речи при целенаправленной заниженной оценке собственных действий, свойств, качеств и других признаков находит свое отражение в так называемом «эффекте скромности», который выливается в конечном итоге, по выражению А. Хюблера [7, с.86], в стратегию «fishing for compliments», то есть преднамеренное занижение своих положительных качеств с целью «выуживания» комплиментов. Например:

«Wise up. Barrett, wouldja, please. I play okay. Not even 'All-Ivy.' Just okay. Okay?» [12, с.55]

В приведенной ситуации героиня явно приуменьшает свои способности игры на музыкальном инструменте, доводя их до средних или даже посредственных, в то время как сама играет на скрипке почти виртуозно. Это приуменьшение выражается эмоционально нейтральным словом okay, подкрепленным лексическим повтором, а эмоционально раздраженное состояние героини при этом передается фразовым глаголом 'wise up' и изменением норм орфографии wouldja.

Кроме того, Understatement может использоваться для разъяснения авторской позиции и является непрямым способом передачи авторской точки зрения, которая подразумевает намного больше, чем выражает. Например:

«It was more of a command than an invitation, yet it was not unfriendly - I might have been one of his employees who was accustomed to stand and to whom he was showing a small favour» [13, с. 27].

Данный пример иллюстрирует авторскую оценку ситуации с помощью двойного отрицания, которое в данном случае свидетельствует о смешанных, неопределенных, неуверенных чувствах автора, что находит свое подкрепление в последующем сравнении автора с использованием модального глагола might have been.

Итак, как это продемонстрировано выше, Understatement выражается в языке с помощью целого ряда грамматических средств, среди ко-

торых часто встречается двойное отрицание, модальные глаголы, наречия степени и частицы. Что касается стилистического аспекта Understatement, то некоторые зарубежные авторы рассматривают данное явление как стилистический прием, определяемый не только литотой, но и термином «мейозис». При этом литота либо отождествляется с мейозисом, либо признается его структурной разновидностью. Р. Чэпмэн дает следующее определение: «Мейозис – сознательное преуменьшение, разновидностью которого является литота, использующая отрицательную конструкцию с целью подчеркнуть утверждение» [14, с.78]. Г. Фаулер не делает различия между литотой и мейозисом, отмечая, что литотой иногда считается один из типов Understatement, выражаемый антонимом с отрицанием [15]. Тут же отметим, что литота является лишь одним из многочисленных средств выражения концепта Understatement.

Необходимо отметить тот факт, что до сих пор отсутствует четкое понимание лингвистической сущности мейозиса и достаточно аргументированных критериев определения данного языкового явления. Это дает основание полагать, что четких границ между мейозисом и литотой нет. Говоря о стилистической грани Understatement, необходимо отметить, что данное явление иногда связывают с иронией. Б. Аллеманн сравнивает Understatement с аристотелевской концепцией иронии, где ирония представляет «hintergrundige Bescheidenheit» [16], то есть по сути это форма неискренности, направленная на избежание высокопарных фраз, результатом которой является «эффект скромности».

Д. Мюке дает другое толкование термину «ирония», по крайней мере в контексте Understatement. По его мнению, ирония не только отличается тонкостью и утонченностью в высказывании или характеристике, но и иногда едва уловимой грубостью. Это дало ему право высказаться об Understatement следующим образом: «With sarcasm it makes up a large part of the eloquence of the unsophisticated». Эта же особенность проявляется и в шотландском юморе: «Scottish humour is particularly rich in understatement and especially in dry off-hand expressions of mock-commiseration that are grossly inadequate to the cruel or grim situations that call them forth» [17, с. 80].

Связывая Understatement с концепцией иронии Д. Мюке, которая близка общепринятому значению термина, можно утверждать, что ирония передает значение, которое свойственно эмфатической интерпретации Understatement. Например:

«He's nothing!» Jenny called back. Which did wonders for my confidence» [12, с.84].

В данном контексте лексема wonders обозначает противоположное ему по смыслу, являясь при этом тонким намеком на сложившуюся ситуацию и эмоциональное состояние героя. К

тому же парцелированная конструкция придает дополнительную экспрессивную окраску этой фразе.

Явление Understatement сопоставляют также с понятием «сарказм». А. Хюблер указывает на различие между Understatement и сарказмом [7]. Сарказм, по мнению исследователя, не имеет ничего общего с Understatement, так как является более агрессивным вербальным действием, в то время как функцией Understatement является уменьшение любого агрессивного воздействия содержания на слушателя. Следовательно, эти два явления обладают различной природой и функциями. Мы полностью согласны в этом отношении с А. Хюблером, что не позволяет нам согласиться с мнением Д. Мюке о том, что Understatement, как и сарказм, связан с едва уловимой грубостью и является «the eloquence of the unsophisticated» [17].

Во-первых, данное утверждение в корне противоречит сути Understatement. Во-вторых, говоря о социальной принадлежности этого приема, необходимо подчеркнуть, что в основном это привилегия аристократии и высших или, в крайнем случае, средних слоев общества. Однако социальный фактор не является для нас релевантным в данной статье, и мы его не будем рассматривать отдельно.

Ю.Б. Кузьменкова рассматривает явление Understatement как реализацию негативной вежливости, а точнее, стратегии дистанцирования, которая в свою очередь выражается стратегией намека [18]. Основная цель этой антиконфликтной стратегии – регулировать степень эмоционального воздействия на собеседника, сглаживая «острые углы» посредством снижения значимости высказывания, особенно в эмотивных речевых актах, с помощью различного рода «допущений» и предположений. Следует при этом отметить, что, поскольку по своей сути understatement – это преуменьшение значимости или значительности сообщаемого, когда говорится меньше, чем подразумевается, семантическое значение understatement расхожится с прагматическим. Обращение к данной стратегии вызвано стремлением продемонстрировать бережливо-уважительное отношение к чувствам собеседника.

Соответственно необходимость обращаться к этой стратегии возникает, когда речь идет либо о чем-то сугубо личном, требующем деликатного обхождения, либо же о чем-то неприятном. В таких ситуациях целью является поддерживать дружелюбно-безобидную беседу, всячески избегая любых неловкостей и шокирующих эффектов, потенциально заложенных в сообщении. На уровне речи желаемый результат достигается с помощью целенаправленного использования модальных модификаторов и ряда других лексико-синтаксических структур. Ю.Б. Кузьменкова выделяет конкретные тактики в рамках стратегии намека, которая в свою очередь является частью более глобальной стратегии дистанци-

рования: тактику регуляции значимости высказывания (Understatement through downtoning information) и тактику использования отрицания как намека (Understatement through negation) [18]. Они, в свою очередь, реализуются с помощью ряда специальных техник. В нашем анализе мы используем некоторые названия тактик и техник, предложенных Ю.Б. Кузьменковой.

Рассмотрим примеры Understatement, которые реализуют тактику регуляции значимости высказывания, с тем чтобы удерживать разговор в русле общепринятых норм вежливого общения. Данная функция Understatement реализуется с помощью техники минимизации или техники снижения определенности. Что касается техники минимизации, то надо отметить, что она призвана регулировать степень воздействия фразы на слушателя. Данный прием может осуществляться посредством минимизаторов (minimizing adverbs) just, only, a bit/a little, very, а также различных модификаторов степени (assertive words) типа somehow, somewhat, которые помогают как бы свести на нет нежелательные эмоции. Например, при необходимости оправдываться или извиняться, сгладить остроту критики, скрыть неприязнь. Рассмотрим ряд примеров, наглядно демонстрирующих технику минимизации:

«I must admit that the last party was perhaps a little crude» [13, с.78].

«I think you would also have found her educational methods a little trying, sir. I have glanced at the book her ladyship gave you - it has been lying on your table since our arrival - and it is, in my opinion, quite unsuitable. You would not have enjoyed it» [12, с.28].

«He appeared a trifle agitated». What, pipped? He gave that impression, sir» [12, с.73–74].

Все приведенные выше примеры демонстрируют стремление героев сдерживать негативные эмоции, смягчать критику, сглаживать «острые углы», что достигается с помощью использования минимизаторов a little, quite, a trifle.

Для того чтобы достичь высокой степени неоднозначности высказывания, используется также техника снижения определенности, основанная на разнообразных вербальных допущениях и предположениях. При этом незаменимыми инструментами являются так называемые заполнители пауз (fillers and hedges) типа kind of, sort of, so to speak, more or less и пр., которые делают речь менее категоричной и резкой и при необходимости дополнительно смягчают негативное отношение. Eg. «She was sort of cute, the blonde one, and I started giving her the old eye a little bit, but just then the waiter came up for my order» [19, с.80] «It sort of suggests that you think us mercenary friends» [13, с. 121]. В первом случае sort of описывает неуверенное, неопределенное отношение героя к происходящему. Во втором случае выражение sort of используется для смягчения высказывания, делая его более дипломатичным, деликатным и осторожным.

Для снижения категоричности высказывания могут также использоваться модификаторы с глаголами намерения типа *to be inclined, to tend, to intend*, которые употребляются также и в сочетании с глаголами мышления и значительно снижают резкость высказываемого мнения, переводя беседу в менее реальную плоскость тенденций и склонностей. В эту группу входят глаголы, которые сами по себе выражают мнение: *believe, feel, guess, suppose, presume, gather, appear*. Например:

«Well, as everybody seems to know all about it, there's no need to try to keep it dark» [12, с.77].

«I'm bound to say I was not feeling entirely at my ease. There is something about the man that is calculated to strike terror into the stoutest heart» [12, с.139].

«I cannot find it downstairs; and it has, therefore, occurred to me that he may have left it in tin room. I will - er - just take a look round» [12, с.24].

В приведенных выше контекстах помимо глаголов с псевдоадвербиальной ослабляющей функцией *seem, be bound, occur*, используются еще и модальный глагол *may have left*, и диминизатор с отрицанием *not entirely*, что способствует смягчению высказывания и снижению категоричности. Этой же цели служит истинно английский *disjunctive or tag question*: «Fine weather, isn't it?», который очень редко встречается в русском языке и звучит крайне неестественно. В английском языке он является чисто формальным признаком этикета, однако предполагает, что у собеседника может быть и другое мнение, поэтому навязывать свое является просто неприличным.

Итак, приведенные выше примеры *Understatement* являются в основном узуальными и представляют собой так называемый «cautious language».

Вторая тактика – тактика отрицания как намек реализуется с помощью техники прямого, скрытого или двойного отрицания. При этом отрицательные конструкции часто опираются на использование модификаторов степени типа *very, too, particularly, quite* и слов неопределенного значения типа *anything, anywhere* и т.п., снижающих отрицательный эффект. Такого рода фразы незаменимы при выражении негативного отношения, жалоб, объяснений, извинений и др. Например: «The scheme which I took the liberty of suggesting to Mr Bickersteth and yourself has, unfortunately, not answered entirely satisfactorily, sir» [12, с.81]. Этот пример подтверждает нашу мысль о том, что для англосаксов не типично выражать критику и выплескивать негативные эмоции прямо «в лоб», а свойственно выбирать для этого более деликатные выражения.

В то же время простое отрицание может использоваться для целенаправленного преуменьшения качественных или количественных характеристик объекта, как в примере ниже:

«Dear Freddie,

Well, here I am in New York. It's not a bad place.

I'm not having a bad time. Everything's not bad. The cabarets aren't bad. Don't know when I shall be back. How's everybody? Cheerio!» [12, с. 104]

В этом случае отрицательная частица в сочетании с прилагательным означают фактически противоположное (*not bad=good*).

Часто отрицание переносится на глагол мышления или состояния для более деликатной и осторожной подачи информации: «I'm not sure this didn't make me feel worse. It kind of deepened the pathos. It was like what somebody or other wrote about the touch of a vanished hand» [12, с. 112]. В данном контексте первое предложение, по сути, содержит двойное отрицание и может быть трансформировано в положительное предложение: *It made me feel worse*.

Скрытое отрицание может выражаться «не-явно» в утвердительных предложениях путем замены прямого отрицания, например, наречиями негативного значения типа *hardly, barely, scarcely*, наречиями минимизирующего значения (*few, little*) или соответствующими глаголами и причастиями. Например: «This was hardly what I intended. What I had meant, of course, was, that I should boss the job, and that Harris and George should potter about under my directions» [20, с. 59].

Таким образом, как мы видим, в английском языке существует великое множество слов и конструкций, которые служат той же цели – смягчению категоричности утверждения.

Е.В. Падучева [21] рассматривает *Understatement* как распространенную коммуникативную стратегию, которая состоит в том, чтобы сделать более слабое утверждение, но такое, из которого более сильное вытекает как имплицатура дискурса или даже в силу регулярных механизмов семантической деривации. Возникает своего рода прием «не вся правда». Так, в своей статье «*Understatement* и смещенное отрицание» [21] она утверждает, что смещенное отрицание как одно из средств выражения *Understatement* свойственно английскому языку в большей степени, чем русскому, и анализирует специфику перевода этих конструкций. В статье приводятся примеры, в которых переводчик тем или иным способом освобождается от английского смещенного отрицания:

1. a. They didn't seem very impressed.

б. Им глубоко по фигу.

2. a. You should have heard him holler! So we didn't do too badly.

б. Так что мы их неплохо отделали.

3. a. Mason said: «You didn't eat much, Dianne».

б. Мейзон сказал: «Дайанн, вы практически ничего не съели».

4. a. It will not last long, thank God.

б. Благодарение богу, скоро все это должно кончиться.

Итак, по мнению Е.В. Падучевой, некоторые конструкции, порождающие *Understatement* (такие, как смещенное отрицание), действительно, свойственны английскому языку в большей степени, чем русскому. Однако и в русском при-

ем Understatement достаточно широко распространен и, на наш взгляд, становится все более популярным. Возможно, это связано с такими современными тенденциями, как глобализация, демократизация и изменение гендерных ролей. Однако едва ли это продиктовано стремлением к большей точности выражения.

Заключая анализ изучаемого нами явления, можно сделать вывод о том, что Understatement как прием играл и продолжает играть совершенно особую роль в англоязычном речевом поведении, представляя собой социолингвистическую проблему, в основе которой лежит как идиоэтнический, так и прагматический фактор. Существуют разные лингвистические способы создания Understatement: лексические, грамматические, морфосинтаксические, синтаксические, стилистические, которые призваны реализовывать стратегию намека и смягчать высказывание, снижая его категоричность. Проведенный нами

анализ позволяет нам выделить целый ряд моделей, характерных для Understatement. В их число входят, например, такие паттерны, как:

- 1) глагол в отрицательной форме плюс прилагательное;
- 2) существительное или наречие оценочного характера с положительной или отрицательной коннотацией;
- 3) глагол в отрицательной форме плюс интенсификатор или детенсификатор;
- 4) структуры I'm afraid, I don't think, not exactly;
- 5) лексические единицы mere, quite/ rather;
- 6) переспрос;
- 7) эллипсис;
- 8) разделительный вопрос и др.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что этот список не является исчерпывающим, он лишь открывает перспективу для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Ball W.J. "Understatement and Overstatement in English" // English Language Teaching, 1970. V.XXIV. №3. P.203–208
2. Осокина Л.М. Виды преуменьшения в современном английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27. С. 86–88.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Group UK Limited. P. 1095.
4. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. СПб.: КАРО, 2012. 256 с.
5. Spitzbardt, H. Overstatement and Understatement in British and American English / H. Spitzbardt // Philologica Pragensia 6:45, 1963. P. 277–286.
6. Spitzbardt H. English adverbs of degree and their semantic fields / H. Spitzbardt // Philologica Pragensia 8:47, 1965. P. 349–359.
7. Hubler, A. Understatement and hedges in English / A. Hubler. Amsterdam: Philadelphia: Benjamins, 1983. 192 с.
8. Quirk R. Toward a description of English usage / R. Quirk // Transactions of the Philological Society Oxford, 1960. P. 40–61.
9. Maugham W.S. The Painted Veil. М.: «Менеджер», 2004. 272 с.
10. Азарова Л. В. Прием преуменьшения и его функции в современном английском языке: автореф. дис. к. фил. н. / Азарова Людмила Всеволодовна. Л., 1981.
11. Wodehouse P.G. Carry on, Jeeves. М.: Юпитер-Интер, 2009. 252 с.
12. Segal E. Love Story. М.: Айрис-Пресс, 2008. 224 с.
13. Greene G. Doctor Fisher of Geneva or the Bomb Party. – Penguin books, 1980. 144 p.
14. Chapman R. Linguistics and Literature / R.Chapman // An Introduction to Literary Stylistics. Totowa, New Jersey: Littlefield, Adams and Co., 1973. 119 p.
15. Fowler R. Linguistics and the Novel. Methuen London and New York, 1977. 127 с.
16. Allemann B. Ironie / B. Allemann / Ed. by H. Friedrich and W. Killy, Fisher Lexikon Literatur. Frankfurt/M.: Fisher, vol. 2:1, 1965; P. 305–312.
17. Muecke D. C. The Compass of Irony / D. C. Muecke. London: Methuen, 1969. 276 с.
18. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 315 с.
19. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. СПб., Антология; КАРО, 2006. 288 с.
20. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) СПб.: Издательство «КАРО», 2007. 256 с.
21. Падучева Е.В. Understatement и смещенное отрицание. 2007. – Электронный ресурс. URL: [http://lexicograf.ru/files/understatement BASEES Cambridge.pdf](http://lexicograf.ru/files/understatement%20BASEES%20Cambridge.pdf)

Об авторе

Иванова Виктория Геннадьевна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: curator51@rambler.ru

LINGUISTIC ASPECTS OF UNDERSTATEMENT IN MODERN ENGLISH

V.G. Ivanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on the concept of Understatement as a lingua-cultural category and analyses the main linguistic means of realization of this phenomenon. Besides, some stylistic and pragma-linguistic aspects of Understatement are analyzed from the perspective of a distancing strategy. The researcher is primarily interested in Understatement as a lingua-cultural category relying on historically stipulated cultural traditions of Anglo-Saxon society which gave rise to the forming of the British national character, and which reflect age, gender and social differences of the English. The author does not use the Russian variants of the translation of Understatement in the article, as they do not fully convey all the aspects of denotative and connotative meaning of this concept. Further on it is emphasized that the structure of Understatement is complex, diverse and can be expressed by a variety of lexical as well as grammatical means, among which double negation, modal verbs, the adverbs of degree and particles can often be encountered which are in most cases dependent on the context. From the pragmatic angle Understatement can be used to conceal embarrassment, anxiety or offence. Moreover, Understatement is used while singling out the positive aspects of the communicative situation. The understatement of the positive characteristics of the speaker is reflected in the so called «effect of modesty», which finally boils down to such a strategy as «fishing for compliments», that is an intentional understatement of one's positive qualities in order to «fish for compliments». Understatement used to and continues to play a special role in the English speech behavior. Its aim is to minimize the impact of the negative factors on the message addressee, to lower the categoricity of the utterance and to take the interlocutor's interests into account.*

Key words: Understatement, negation, downtoning, approximation, detensifiers, hesitation, distancing, litotes, meiosis.

References

1. Ball W.J. "Understatement and Overstatement in English" // English Language Teaching, 1970. V.XXIV, №3, P.203–208.
2. Osokina L.M. Vidy preumen'sheniia v sovremennom angliiskom iazyke [Types of understatement in modern English] // Vestnik Cheliabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2009. № 27. pp. 86–88. (In Russ.).
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Group UK Limited. P. 1095.
4. Fitsdzherald F.S. The Great Gatsby. St. Petersburg, KARO Publ., 2012. 241 p.
5. Spitzbardt, H. Overstatement and Understatement in British and American English / H. Spitzbardt // Philologica Pragensia 6:45, 1963. P. 277–286.
6. Spitzbardt, H. English adverbs of degree and their semantic fields / H. Spitzbardt // Philologica Pragensia 8:47, 1965. pp. 349-359.

7. Hubler, A. Understatement and hedges in English / A. Hubler. Amsterdam: Philadelphia: Benjamins, 1983. 192 p.
8. Quirk, R. Toward a description of English usage / R. Quirk // Transactions of the Philological Society Oxford, 1960. pp. 40–61.
9. Maugham W.S. The Painted Veil. Moscow, «Manager», 2004. 272 p.
10. Azarova, L. V. Priem preumen'sheniia i ego funktsii v sovremennom angliiskom iazyke [Understatement and its functions in modern English]: avtoref. dis. ... k. fil. n. / Azarova Liudmila Vsevolodovna. L., 1981. (In Russ.).
11. Wodehouse P.G. Carry on, Jeeves. М., Юпитер-Интер, 2009. 252p.
12. Segal, E. Love Story. Moscow, Airis-Press, 2008. 224 p.
13. Greene G. Doctor Fisher of Geneva or the Bomb Party. – Penguin books, 1980. 144 p.
14. Chapman, R. Linguistics and Literature / R.Chapman // An Introduction to Literary Stylistics. Totowa, New Jersey: Littlefield, Adams and Co., 1973. 119 p.
15. Fowler, R. Linguistics and the Novel. Methuen London and New York, 1977. 127 p.
16. Allemann, B. Ironie / B. Allemann / Ed. by H. Friedrich and W. Killy, Fisher Lexikon Literatur. Frankfurt/M.: Fisher, vol. 2:1, 1965; P. 305–312.
17. Muecke, D. C. The Compass of Irony / D. C. Muecke. – London: Methuen, 1969. 276 pp.
18. Kuz'menkova lu.B. Ot traditsii kul'tury k normam rechevogo povedeniia britantsev, amerikantsev i rossiian [From cultural traditions to the norms of speech behavior of the British, Americans and Russians]. М.: Izd. dom GUVShE, 2005. 315 pp. (In Russ.).
19. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. СПб., Антология, КАРО, 2006. 288 p.
20. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) St. Petersburg, KARO Publ, 2007. 256 p.
21. Paducheva E.V. Understatement i smeshchennoe otritsanie [Understatement and transferred negation]. Available at: [http://lexicograf.ru/files/understatement BASEES Cambridge.pdf](http://lexicograf.ru/files/understatement%20BASEES%20Cambridge.pdf) (In Russ.).

About the author

Victoria G. Ivanova – assistant lecturer of English Language Department № 1 at MGIMO – University.
E-mail: curator51@rambler.ru

ВОСПРИЯТИЕ И РАСПОЗНАВАНИЕ КОНЦЕПТОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.И. Григорьев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Вопросы концептуализации понятий являются ключевыми в распознавании смыслов, формирующихся в процессе коммуникации. Все уровни языковой системы участвуют в концептуализации окружающего нас мира. В сознании людей имеются концепты, репрезентируемые лексически, морфологически и синтаксически. Совершенно не исследованной остается роль просодии в формировании концептов. Задачей статьи является обоснование процесса концептуализации иллокутивных актов на основании восприятия просодической структуры устного высказывания в речевой интеракции. В современной лингвистике имеются разные подходы к определению понятия «концепт». В данной статье кратко анализируются отдельные дефиниции, характерные для отечественного языкознания. Понятие «концепт», лежащее в основе настоящего исследования, представляет собой ментальный образ действительности окружающего нас мира, который хранится в сознании человека и возникает при устном или визуальном восприятии языкового знака. Речевой акт следует рассматривать как концепт речевого действия / поведения в конкретной ситуации. Формируется он как на уровне лексики, так и с участием просодических компонентов речи. Особенно роль просодии возрастает в случае использования в коммуникативном общении односторонних иллокутивов с одинаковым лексическим составом, но с разными просодическими структурами. В качестве факторов, определяющих формирование концептов речевых актов, выступают уровневые стратификации тона и громкости, темпоральная компрессия или растяжение отдельных зон высказывания, ритм и характер слоговой выделенности. Данные явления имеют национально обусловленную специфику и могут влиять на протекание межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, речевой акт, концептуализация, концепт, просодия речи.

Процесс концептуализации объектов окружающего нас мира является одним из ключевых направлений исследований когнитивной лингвистики. В период развития указанного направления возникло достаточно большое количество определений понятия «концепт» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Специфика всех дефиниций заключается в том, что все они в той или иной мере отражают сущность содержания термина, а их многообразие может объясняться сферой научных интересов их авторов. В понимании Р. Джекендоффа концепт – это ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения [14, с. 26]. В дефиниции других авторов концепт представляется и как «оперативная единица памяти, ментального лексикона» [10], и «интерпретация объективного значения и понятия» [15], и «фрагмент жизненного опыта человека» [8], и, наконец, «этнокультурная идея предмета» [5; 9].

Как видно из процитированных подходов к пониманию данного термина, при исследовании концептов языковед исходит из характера поставленных задач. Одним из основополагающих положений в разработке лингвистических идей концептуализации является постановка вопроса о связи языка и мышления. На разных этапах развития учения о языке эти вопросы более или менее успешно освещались с позиций исследовательских задач. Базовые положения современного развития науки о языке и мышлении были разработаны В. Гумбольдтом. Говоря о связи языка и мышления, он утверждает первичность языка, который, в его понимании, «есть орган, образующий мысль», то есть является обязательным условием человеческого мышления [16, с. 75].

Эту же мысль высказывает в своих трудах Э. Бенвениста. Одно из свойств языка, по его мнению, заключается в том, что «мыслительные операции, независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [17, с. 104]. Наряду с этим автор выделяет «категории языка» и «категории мышления», устанавливая между ними четкую границу. Если категории мышления являются универсальными, то вербальные категории всегда привязаны к конкретному языку [17, с. 106].

Дальнейшее развитие теории о соотношении языка и мышления приводило к убеждению уже об их различиях [18; 19; 20; 21; 22; 23]. Актуальная проблема получила новый импульс развития в связи с появлением когнитивной лингвистики. В рамках когнитивного подхода язык и мышление рассматриваются «как производные предметно-практической познавательной деятельности человека. Такая интерпретация позволила изменить представление о том, как человек категоризует и концептуализует окружающий его мир, и вплотную подойти к созданию теории концептуализации» [24, с. 82].

На современном этапе лингвистических исследований вопросы концептуализации разрабатываются особенно активно. В них вовлекаются

глубинные процессы взаимодействия языка и речи. Это позволит, как представляется, проникнуть в глубь процессов восприятия и переработки как языковой, так и речевой информации, вскрыть механизмы речевого взаимодействия. По словам В.В. Красных, «лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке» [9, с. 64].

И как отмечает Кацнельсон, «язык – это «потенциал речи, это инвентарь средств выражения мысли, набор строевых единиц и динамических операционных схем, служащих целям преобразования этих единиц в определенным образом организованный поток речи» [25, с. 194]. Помимо того, в сферу концептуального анализа включаются также концептуальные структуры не языкового характера, а такие, которые «способны описать метафизические составляющие человека – эмоции, традиционно относящиеся к сфере его внутреннего мира» [26, с. 163].

Не углубляясь в полемику относительно достоинств того или иного определения, следует остановиться на одном из них, чтобы обосновать базу настоящего исследования. Под термином «концепт» понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [27, с. 58].

Концептуализация объектов касается, прежде всего, лексического уровня языка: в языкознании разработана достаточно подробная типология концептов окружающего нас мира. Однако на уровне межличностной коммуникации функционируют когнитивные процессы, объединяющие отдельные лексически формируемые концепты в более сложные структуры. Поэтому в сферу концептуального анализа вовлекаются сегодня единицы более высокого порядка, чем слово, это – словосочетания и предложения [10; 28; 24; 29; 30].

В устном высказывании в процесс концептуализации включается также просодия речи. Также задача лингвиста-когнитолога сводится к тому, чтобы проанализировать и описать процессы концептуализации в процессе коммуникации, то есть в устном дискурсе. В этой связи Е.С. Кубрякова полагает, что когнитивно-дискурсивное направление является логическим развитием всей современной лингвистики в целом. «Каждое языковое явление может, – пишет она, – считаться

адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когнитивной лингвистики и коммуникации». Цель когнитивной лингвистики – «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуры (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру, структуру мнения или знания), но и объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [10, с. 33].

Таким образом, устный дискурс, реализуемый в конкретной ситуации и при наличии свойственных только ей экстралингвистических условий, следует полагать как объект анализа реальной концептуализации понятий, проявляемых в речи. Как пишут Баранов и соавторы, дискурсивные и текстовые данные выступают для когнитолога, с одной стороны, как факты, позволяющие судить о языке и его употреблении в особых целях, в определенных ситуациях; с другой стороны, они позволяют судить об обмене информацией, ее получении и осмыслении в актах коммуникации и, наконец, несомненно, они существуют и как, косвенные данные о мыслительной, интеллектуальной, ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении. [31, с. 11].

Первой ступенью концептуализации является звуковое в о с п р и я т и е языковой конструкции. Восприятие как одна из категорий деятельности в психологии – это целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств [32, с. 66]. Ее механизмы и роль в распознавании устной речи относятся к одному из сложных феноменов аудитивной фонетики. До сих пор нет четкого ответа, какие когнитивные процессы лежат в основе смысловой обработки устного высказывания. Возникновение и развитие когнитивной лингвистики дает надежду на эффективный анализ процессов переработки и понимания звуковой информации с применением новых знаний, а именно таких, которые связаны с познавательной деятельностью человека. Данное обстоятельство вполне правомерно позволяет утверждать, что восприятие и переработка фонетической формы высказывания в части ее просодической организации, несомненно, должны являться также объектом когнитивной лингвистики. И особенно настоящее утверждение актуально для прагмафонетики. Несмотря на очевидность связи высказывания с его прагматическим содержанием и формированием концептов действий (всякое семантическое содержание одновременно есть некое осознаваемое нами действие: описание факта, требование совершить / прекратить реализацию намерения, порицание, похвала и т.д.), эта, прагматическая, сторона остается на периферии когнитивных исследований, что является, как представляется, одной из слабых сторон современной когнитивистики.

Известно, что речевой акт – одна из форм действий человека. А когнитивный мир человека изучается по его поведению, по осуществляемым видам деятельности, подавляющее большинство которых протекают при участии языка. Ориентация в окружающем мире и поведение индивидуума тесным образом связана с уровнем развития его концептуальной системы, становление которой – процесс перманентный. Р.И. Павленис пишет, что в развитии концептуальной системы следует выделить два этапа – доязыковой и собственно языковой. Первичная ориентация в мире, включающая доязыковой период, осуществляется через каналы чувственного восприятия. На нем базируются процессы расширения концептуального мира, в частности этапы, связанные с процессами языковой концептуализации. Глубина и точность восприятия органически связаны с адекватностью оценки внешнего сигнала, что определяется характером сформированности концептуальной системы. По мере введения новых концептов в сознание индивидуума повышается его способность к верной интерпретации сигналов окружающей действительности [33, с. 105].

Это же утверждение делает М. Бирвиш, рассматривающий концептуальный уровень как уровень интерпретации значения языковой единицы [34, с. 127].

По словам Р.М. Фрумкиной, процедура концептуализации представляет собой «поиск смысла» [26, с. 63].

Апресян полагает, что концептуализация объекта – это «способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке» [35, с. 39].

По мнению Е.С.Кубряковой, процесс концептуализации «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» [10, с. 33].

Таким образом, в многочисленности несколько отличающихся толкований содержится одна мысль: концептуализация – это процесс познания окружающего мира, обеспечивающий коммуникативное взаимодействие между индивидуумами. А концепты, будучи единицами когнитивных структур, понимаются как оперативные содержательные единицы памяти, которые обеспечивают умение ориентироваться в постоянно изменяющемся мире путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы [36, с. 90]. Однако языковая система представляет собой комплексное образование. Языковые выражения могут быть выделены в самой разной форме. Учитывая многоуровневость языковой системы, Н.Н. Болдырев пишет о существовании различных типов концептов. Он делит их на три группы. Первую объединяют концепты, представляющие знания о реальном мире. Сюда автор относит лексически репрезентируемые концепты. Во вторую группу входят морфологически репрезентируемые концепты, которые представляют знания о языке. В третьей группе объединены синтаксически репре-

зентируемые концепты, соединяющие знания об окружающем мире и языке [37].

В данной типологии не отражены концепты, формируемые просодическими структурами и выражающие конкретные речевые действия.

Известно, что сферы функционирования речевой просодии (интонации в широком понимании) многоплановы. Интонация как элемент грамматики является «синтаксически значимой единицей» [30, с. 27], важной составляющей смысловой структуры предложения. Но она совершенно не учитывается в когнитивных исследованиях как компонент прагматической направленности высказывания. А в этом случае просодия / интонация действует уже как автономный фактор речи. Поэтому она также с полным правом может быть отнесена к элементам концептуализации речевого пространства.

Как отмечалось выше, один и тот же лексико-грамматический корпус может быть и просьбой, и приказанием, и мольбой, и угрозой. Подобно фонемным противопоставлениям, изменяющим восприятие лексически репрезентируемых концептов, следует признать наличие в языковой системе просодико-контурных противопоставлений, формирующих концепты прагматически релевантных действий в процессе коммуникации.

Концептуальное пространство речевых действий формируется исключительно на чувственном уровне. Слушающий фиксирует изменение тона, громкости, протяжности высказывания и наряду с этим отмечает качество звучания. В одних случаях изменения могут носить плавный характер, в других – резкий, высказывание может быть одобрительным или порицательным. Эта сторона звучания относится к тембру речи. Несмотря на активно проводимые исследования супrasegmentного уровня высказывания, метаязыка для описания тембральных свойств голоса еще не разработано. Характеристика тембрального звучания осуществляется с привлечением лексем, обозначающих эмоциональное состояние говорящего: говорить мягко, грубо, весело, печально и т.д. Но в этом случае происходит смешение эмоционального и модального аспектов высказывания, что нельзя считать допустимым. Поэтому необходимо определить, что считать модальным, а что эмоциональным планами высказывания, поскольку, как отмечалось ранее, единого мнения в лингвистике относительно данных понятий не существует. Сказанное, однако, относится исключительно к описательной стороне языка и не затрагивает процесс концептуализации, который происходит под воздействием обозначенных воспринимаемых свойств.

Как принято считать в когнитологии, при восприятии высказывания в распознавании смысла участвуют разные концептуальные пространства, в пределах которых объект категоризуется. Представляется логичным выделить три вида концептуальных пространств устного высказывания: лексическое (представляет предмет речи, ее объект), синтаксическое (представляет логику рас-

положения объектов, их связь) и просодическое (указывает на характер совершаемого действия, то есть функцию высказывания в интеракции). В концептуальном пространстве просодии выделяются следующие субпространства: тональное, включающее все регистры речевой фонации, независимо от гендерного фактора, динамическое, отражающее воспринимаемые диапазоны громкости человеческой речи, темпоральное, дающее ориентацию в скорости фонации, и тембральное, указывающее на отношение говорящего к предмету речи и позволяющее соотносить речевое произведение с конкретным видом действия. Все четыре пространства присутствуют в коммуникации синхронно, формируя соответствующий иллюкутивный акт.

Таким образом, анализ устной речи показывает, насколько сложным является процесс восприятия и распознавания высказывания, которое следует рассматривать как конструкции цельных комплексных единиц, обладающих формальным и содержательным планом. Об этом пишет Дж.Андерсон. Он выделяет также два основных типа репрезентации знаний: репрезентации, основанные на восприятии, и репрезентации, основанные на значении [38].

В соответствии с теорией цельного восприятия, «части целостной конфигурации распознаются, воспроизводятся, приобретают свое значение, только находясь в составе целого» [39, с. 80].

А.А. Леонтьев полагает, что восприятие представляет собой «процесс отражения в сознании человека внешних признаков предметов и явлений», «процесс, совершающийся с помощью органов чувств и завершающийся созданием образа воспринимаемого предмета и оперирование этим образом» [40, с. 76]. Восприятие конкретного объекта активизирует набор представлений о его обобщенных свойствах и проявлениях, сформировавшихся на основе предыдущего опыта человека.

Таким образом, аудитивно воспринятый объект переживает стадию анализа и понимания. В действие вступают когнитивные механизмы обработки информации. В первую очередь происходит сличение поступившего звукового образа с иным образом, имеющимся в концептуальном пространстве слушающего, и определение его значения. Суть мыслительной деятельности человека в том и заключается, чтобы найти определенные точки опоры для мысли, которые облегчают понимание мира. По мнению Т.Винограда и Ф.Флореса, «общие процессы познания опираются на понимание «как узнавание шаблона» [41, с. 223]. Однако совпадение признаков сопоставляемых объектов необязательно ведет к верной оценке высказывания применительно к возникшим экстралингвистическим условиям коммуникативного общения. Среди многообразия аудитивно воспринимаемых признаков существуют такие, которые в данной ситуации более важны, имеются и менее значимые. По словам Р.М.Фрумкиной, «человек может анализировать объекты с целью

выделения в них существенных признаков и оценивать, какое значение принимают эти признаки на рассматриваемых объектах» [42, с.54]. Иначе говоря, когнитивная деятельность данного этапа направлена на категоризации объекта с учетом релевантности одних и нерелевантности других признаков. Дж. Бруннер, подчеркивая когнитивную сторону восприятия, считает, что оно представляет собой «процесс категоризации, в ходе которого организм осуществляет логический вывод, относя сигналы к определенной категории» [43, с. 23]. В качестве релевантных факторов выделяются те, которые обеспечивают распознавание и понимание иллокутивного образа. К таковым относятся характеристики звучания, проявляемые у всех говорящих при реализации соответствующего иллокутива, независимо от индивидуальных признаков фонации. К нерелевантным признаком должны быть отнесены все индивидуальные, то есть статистически незначимые свойства говорения. Они не влияют на восприятие концепта полагаемого иллокутива, его категоризацию.

Под категоризацией применительно к объекту настоящего исследования нужно понимать отнесение высказывания к одному из типов речевого действия и характеру воздействия на слушающего. Так, обычная просьба отличается от настойчивой просьбы, мягкая просьба от императивного требования. В данном случае слушающий испытывает различные формы воздействия, что может вынудить его использовать разные виды ответных реакций.

Следующим этапом когнитивной обработки устного высказывания является осмысление его значения. В основе осмысления лежит процесс интерпретации. По словам Н.Д. Арутюновой, «значения не образуют отдельного царства, а появляются только в результате удачной интерпретации. Интерпретация – попытка создать значение в соответствии с некоторыми целями, для чего используются стратегии. Тогда только языковое выражение и обретает речевое значение, которое, актуализируясь в виде смысла, дополняет, сужает или даже в корне меняет уже сложившийся внутренний мир интерпретатора. Речевое значение гармонизирует высказывание с предшествующим контекстом» [1, с. 57].

Аналогичную точку зрения высказывает Р.И. Павиленис, утверждающий, что понимание языкового знака представляет собой его интерпретацию в определенной концептуальной системе [33, с.116]. Автор считает, что одно и то же высказывание может интерпретироваться по-разному, в зависимости от концептуальных структур, содержащихся в одной и той же концептуальной системе. Более упрощенно данную мысль можно интерпретировать таким образом, что различное понимание одного и того же объекта зависит от концептуальных структур, задействованных в осмыслении факта, но и, безусловно, в значительной мере от степени сформированности концептуальной системы индивидуума. По этому поводу Н.А. Беседина заявляет, что «концептуальная си-

стема может не только дать ряд интерпретаций языкового выражения, но и выбрать адекватную, соответствующую интуиции носителя языка интерпретацию, тем самым в определенной мере разрешая неоднозначность выражения» [24, с. 94].

Приведенные точки зрения разных авторов свидетельствуют о том, что интерпретация определяет уровень понимания языкового факта и адекватность отражения зависит от концептуальных структур, участвующих в анализе речевого объекта.

Если проследить ход мыслительной деятельности человека при восприятии устного высказывания, то его можно представить как целостный динамический акт симультанно протекающих действий. Схематично данный процесс выглядит следующим образом:

- Аудитивно человек воспринимает определенный акустический поток, который периодически меняет высоту, силу и протяженность звучания.
- Концептуальная система лексического уровня на основании распознавания фоном вычленяет концепты разного содержания, в результате чего воспринимается объект коммуникации, то есть предмет речи.
- Концептуальная система синтаксиса отражает связи слов, их функцию в рамках высказывания.

– Концептуальная система оценки ситуации общения анализирует экстралингвистические факторы протекания процесса коммуникации.

– На следующем этапе действует когнитивный процесс, связывающий две концептуальные системы: происходит сличение ситуации, функциональной нагруженности слов и характера просодической манифестации высказывания.

Складывающиеся ситуации можно воспринимать в терминах «благоприятная», «напряженная», «тревожная», «спокойная» и др. В сходных терминах можно обозначить характер просодической манифестации: «спокойно», «сердито», «вежливо», «радостно», «настойчиво», «недовольно» и т.д. Воспринимаемый звуковой поток определяется слушающим как благозвучный либо неблагозвучный, что сразу же позволяет его оценивать в качестве благоприятного либо, напротив, тревожного или даже угрожающего речевого акта.

Далее следует категоризация типа высказывания и его интерпретация слушающим в данной ситуации. В качестве весьма важного фактора просодия речи выступает в порождении и разграничении многообразия речевых актов однонаправленного действия, например иллокутивов побудительного свойства. Просодическая структура позволяет концептуализовать их как сходные по побуждаемому воздействию, но различные по характеру осуществления действия, дифференцируя, например, мольбу и требование, просьбу и приказание и т.д.

Иллокутивы оценочного свойства проходят ту же стадию когнитивного анализа. Суждение о позитивной или негативной оценке выносится часто на основании лексического корпуса соот-

ветственно при фиксировании нейтральности или маркированности (положительно / отрицательно) просодической структуры. Искренность или неискренность оценки устанавливается только на основании диссонанса между лексическим содержанием и его просодической манифестацией. Слушающий может делать умозаключения относительно неискренности утверждения (или сомнения в искренности), сопоставляя результат устной оценки и сложившуюся ситуацию.

Подводя итог данному разделу, можно сделать следующие выводы:

Концепты, формируемые просодическими структурами, дают возможность ориентироваться в реальной семантике и смысловом содержании высказывания.

Наиболее важная функция является прагматически обусловленной и состоит в передаче речевого действия в процессе коммуникации, так как

абсолютно любую реплику можно рассматривать в качестве того или иного типа действия, направленного на воздействие на интерактанта.

Оценка события или факта также является продуктом сложного когнитивного анализа.

Искренность и неискренность оценки устанавливается на основании когнитивного анализа семантического содержания высказывания, его просодической манифестации, где важной составляющей является тембральная аранжировка.

Помимо обозначенных когнитивных процедур распознавания устного высказывания следует упомянуть еще одну. В сознании слушающего имеется так называемая «когнитивная карта», образ знакомого фрейм-сценария, на основании которой возникает антиципация хода мышления, и идентификация намерения говорящего облегчается, в результате чего распознавание акустического речевого образа протекает без затруднений.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
2. Базылев В.Н. Сублогический анализ языка: перспективы исследовательской парадигмы // Текст, дискурс, когниция: коллективная монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. С.76–104.
3. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Вот лучшее ученье! М.: Златоуст, 2010. 64 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т русс.яз. им. А.С.Пушкина, 1999. 84 с.
5. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2007. С.8–93.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: 1997. 43 с.
7. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005. С. 234–244.
8. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.,: ГНОЗИС, 2013. 319 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 64 с.
10. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: изд-во «Знак», 2012. С.13–35.
11. Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 1996. №2. С. 64–68.
12. Степанов Ю.С. Понятие «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб.науч.трудов. М. – Калуга: Эйдос, 2007. С. 19–26.
13. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65–69.
14. Jackendoff R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / Jackendoff R. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1996. 200 p.
15. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. СЛЯ. 1993. №1. С. 3–9.
16. Гумбольдт. В. фон . Избранные труды по языкознанию / В.фон Гумбольдт. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Бенвенист Э. М.:Прогресс, 1974. 447с.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике /Потебня. М., 1958. 536 с.
19. Мещанинов И.И. Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. М., 1967. С.7–16.

20. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Сепир Э. М.: Прогресс, 1993. 655 с.
21. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Серебренников Б.А. М.: Наука, 1988. С.242.
22. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Щерба Л.В. Л.: Наука, 1974. 428 с.
23. Есперсен О. Философия грамматики / Есперсен О. 2-е изд. М.: Едиториал; УРСС, 2002. 408 с.
24. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография. М.; Тамбов; Белгород, 2006. 212 с.
25. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
26. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
27. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Восток–Запад, 2007. 320 с.
28. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. Москва–Тамбов: изд-во ТГУ им Г.Р.Державина, 2003. 264 с.
29. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. Монография. М.: Тамбов, 2008. 222 с.
30. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Монография. Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 166 с.
31. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики// Известия АН, СЛЯ, 1997. т. 56, №1. С. 11–21.
32. Психология. Словарь. М., 1990. 495 с.
33. Павиленис Р.И. Проблемы смысла : современный логико-философский анализ языка / Павиленис Р.И. М.: Мысль, 1983. 286 с.
34. Bierwisch M. Formal and lexical semantics // Proc. of the XIII – th International Congress of Linguistics, Tokyo, 1982. Tokyo, 1983. pp. 122–131.
35. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Апресян Ю.Д. Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
36. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. 90 с.
37. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: изд-во Тамб. университета, 2001. 123 с.
38. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
39. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996. 600 с.
40. Леонтьев А.А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. 1974. №5.
41. Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М.: издат. группа «Прогресс», 1996. С. 185–229.
42. Фрумкина Р.М. Проблема «язык и «мышление» в свете ценностных ориентаций // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 59–71.
43. Бруннер Д. Психология познания. М., 1977. С.23.

Об авторе

Григорьев Евгений Иванович – д.филол.н., профессор кафедры немецкого языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: ev_grig@mail.ru

PERCEPTION AND RECOGNITION OF CONCEPTS OF SPEECH ACTS IN VOCAL COMMUNICATION

V. A. Iovenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Questions of conceptualization of notions are main in recognizing the meanings emerging in the communication process. All levels of the linguistic system are involved in the conceptualization of the surrounding world. In people's minds there are concepts represented lexically, morphologically and syntactically. The role of prosody in the formation of concepts is not investigated yet. The aim of the paper is to validate the process of conceptualization of illocutionary acts on the basis of the perception of the prosodic structure of spoken utterances in a speech interaction. In modern linguistics there are different approaches to the definition of the concept. This article briefly reviews some definitions specific for native linguistics. The notion of the concept being the basis of the present research is a mental image of reality around us, which is stored in the human mind and arises at verbal or visual perception of the linguistic sign. Speech act should be seen as a concept of the speech actions / behavior in a particular situation. It forms both at the level of vocabulary, and at the participation of the prosodic components of speech. Especially the role of prosody increases in the case of one-way communication in the illocutives with the same lexical composition but different prosodic structures. The factors that determine the formation of concepts of speech acts, are the level stratifications of tone and volume, temporary compression or extension of different zones of expression, rhythm and character of syllabic stress. These phenomena are due to national features and may influence the flow of cross-cultural communication.

Key words: Cognitive Linguistics, speech act, conceptualization, concept, speech prosody.

References

1. Arutyunova, N. D. 1976, Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problem [The sentence and its meaning Logical-semantic problems], Moscow, Nauka. 382 s.
2. Bazylev, V.N. 2010, Sublogicheskij analiz yazyka: perspektivy issledovatel'skoj paradigm [Sublogical analysis of language: Perspectives of research paradigm] // Tekst, diskurs, kognitsiya: kollektivnaya monografiya. Nizhnij Tagil. S.76-104.
3. Burvikova, N.D., Kostomarov, V.G. 2010, Vot luchshee uchen'e! [Here is the best learning!] Moscow, Zlatoust. 64 s.
4. Vereshagin, E.M., Kostomarov, V.G. 1999, V poiskakh novykh putej razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya rechepovedencheskikh taktik. [Looking for new ways to develop linguistic area studies: concept of tactics in speech behavior] Moscow.: In-t russ.yaz. im. A.S.Pushkina. 84 s.
5. Vorkachev S.G. 2007, Napolnenie kontseptosfery [The filling of concept purview] // Lingvokul'turnyj kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya: monografiya. Volgograd : izd-vo VolGU. S.8-93.
6. Vorobyev, V.V. 1997, Lingvokulturologiya: teoriya i metody. [Cultural linguistics: theory and methods] Moscow. 43 s.
7. Zalevskaya, A. A. 2005, Kontsept kak dostoyaniye individua [Concept as a property of the individual] // Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy. Moscow. S. 234-244.
8. Karasik, V.I. 2013, Yazykovaya matritsa kultury. [Language matrix of culture] Moscow. GNOZIS. 319 s.
9. Krasnykh V.V. 2003, «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? [«Insider» among «Strangers»: "Myth or Reality?"] Moscow. 64 s.
10. Kubryakova, Ye.S.2012, Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [About directions of cognitive science and actual problems of cognitive] // V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnyye issledovaniya. Moscow, izd-vo Znak. S.13-35.
11. Popova, Z. D. 1996, Semanticheskoye prostranstvo yazyka kak kategoriya kognitivnoy lingvistiki [The semantic area of language as a category of cognitive linguistics] // Vestnik VGU - Seriya 1. Gumanitarnyye nauki. №2. S. 64-68.
12. Stepanov, Yu.S. 2007, Ponyatiye «Kontsept», «Antikontsept». Vektornyye yavleniya v semantike [The notions of "Concept", "Antikontsept." Vector phenomena in semantics] // Kontseptualnyy analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya: sb.nauchn.trudov. Moscow- Kaluga, Eydos. S. 19-26.
13. Sternin, I. A. 2004, Kognitivnaya interpretatsiya v lingvokognitivnykh issledovaniyakh [Cognitive interpretation in cognitive research] // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. № 1. S. 65-69.

14. Jackendoff, R. 1996, Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / Jackendoff R. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press. 200 s.
15. Likhachev, D. S. 1993, Kontseptosfera russkogo yazyka [The scope of the concepts of Russian language] // Izv. RAN - SLYa, №1. S. 3-9.
16. Gumboldt, V. fon 2000, Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics] / V. fon Gumboldt. – 2-e izd., Moscow, Progress. 400 s.
17. Benvenist, E. 1974, Obshchaya lingvistika [Overall Linguistics] / Benvenist E., Moscow, Progress. 447s.
18. Potebnya, A.A. 1958, Iz zapisok po russkoy grammatike [From the notes about Russian grammar] / Potebnya, Moscow. 536 s.;
19. Meshchaninov, I.I. 1967, Sootnosheniye logicheskikh i grammaticheskikh kategoriy [The ratio of logical and grammatical categories] // yazyk i myshleniye, Moscow. S.7-16.;
20. Sepir, E. 1993, Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii [Selected Papers in Linguistics and Cultural Studies] Sepir E., Moscow, Progress. 655 s.
21. Serebrennikov, B.A. 1988, Rol chelovecheskogo faktora v yazyke [The role of the human factor in language: Language and Intellection] Yazyk i myshleniye / Serebrennikov B.A., Moscow, Nauka. 242 s.
22. Shcherba, L.V. 1974, Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [System of language and speech activities] / Shcherba L.V. Leningrad, Nauka. 428 s.
23. Yespersen, O. 2002, Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar] / Yespersen O. – 2-e izd. Moscow, Yeditorial, URSS. 408 s.;
24. Besedina, N.A. 2006, Morfologicheski peredavayemye kontsepty. [Morphologically transmitted concepts] Monografiya, Moskva-Tambov-Belgorod. 212 s.
25. Katsnelson, S.D. 2001, Kategorii yazyka i myshchleniya [Categories of language and thought: From the scientific heritage] : Iz nauchnogo naslediya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 864s.
26. Frumkina, R.M. 2001, Psikholingvistika [Psycholinguistics], Moscow, Akademiya. 320 s.
27. Popova, Z.D., Sternin, I.A. 2007, Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Vostok-Zapad. 320 s.
28. Babina, L.V. 2003, Kognitivnyye osnovy vtorichnykh yavleniy v yazyke i rechi [The cognitive basis of secondary phenomena in language and speech] : Monografiya. Moskva-Tambov: izd-vo TGU im G.R.Derzhavina. 264 s.
29. Magirovskaya, O.V. 2008, Reprezentatsiya subyekta poznaniya v yazyke [Representation of the subject of knowledge in the language]. Monografiya, Moskva-Tambov. 222 s.
30. Furs, L. A. 2004, Sintaksicheski reprezentiruyemye kontsepty [Syntactically represented concepts] : Monografiya.- Tambov: izd-vo TGU im. G.R.Derzhavina. 166 s.
31. Baranov, A.N., Dobrovolskiy, D.O. 1997, Postulaty kognitivnoy semantiki [Postulates of cognitive semantics] // Izvestiya AN, SLYa, tom 56, №1. S. 11-21.
32. Psikhologiya. Slovar. [Psychology. Dictionary] Moscow, 1990. 495 s.
33. Pavilenis, R.I. 1983, Problemy smysla : sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka [The problems of meaning: the modern logical and philosophical analysis of language] / Pavilenis R.I. Moscow, Mysl. 286 s.
34. Bierwisch, M. 1983, Formal and lexical semantics // Proc. of the XIII – th International Congress of Linguistics, Tokyo, 1982. Tokyo. P. 122-131.
35. Apresyan, Yu.D. 1995, Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [The image of human according to language] / Apresyan Yu.D. Voprosy yazykoznaniya. № 1, s. 37-67.
36. Kubryakova, Ye.S., Demyankov V.Z., Luzina L.G., Pankrats Yu.G. 1996, Kratkiy slovar kognitivnykh terminov [Concise dictionary of cognitive terms] , Moscow, izd-vo MGU im. M.V.Lomonosova. 90 s.
37. Boldyrev, N.N. 2001, Kognitivnaya semantika [Cognitive Semantics] : Kurs lektsiy po angliyskoy filologii, Tambov, izd-vo Tamb. Universiteta. 123 s.
38. Anderson, Dzh. 2002, Kognitivnaya psikhologiya, [Cognitive Psychology] Sp-b.: Piter. 496 s.
39. Solso, R.L. 1996, Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive Psychology] , Moscow, Trivola. 600 s.
40. Leontyev, A.A. 1974, Evristicheskiy printsip v vospriyatii, porozhdenii i usvoyenii rechi [Heuristic principle in perception, forming and assimilation of speech] // Voprosy psikhologii. №5. 76 s.
41. Vinograd, T., Flores F. 1996, O ponimanii kompyuterov i poznaniya [On Understanding computers and cognition] // Yazyk i intellect, Moscow, izdat. gruppа «Progress». S. 185-229.
42. Frumkina R.M. 1989, Problema «yazyk i «myshleniye» v svete tsennostnykh oriyentatsiy [The problem of "language" and "intellection" in the light of the value orientations] // Yazyk i kognitivnaya deyatel'nost, Moscow. S. 59-71.
43. Bruner, D. 1977, Psikhologiya poznaniya [Psychology of cognition] , Moscow. 23 s.

About the author

Evgeny I. Grigoriev – Doctor of Linguistics, Professor of the Department of German Language. MGIMO-University.
E-mail: ev_grig@mail.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ БУХГАЛТЕРСКОМУ УЧЕТУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е.Ю. Воронова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются дидактические особенности компетентностного и междисциплинарного подходов к обучению бухгалтерскому учету студентов высших учебных заведений:

- обосновывается необходимость совершенствования отечественного бухгалтерского образования, направленного на уменьшение разрыва между теорией и практикой, производство новых знаний, их распространение и использование через инновационную деятельность;*
 - критикуется традиционное решение однотипных задач, связанных с расчетами и направленными на запоминание бухгалтерских проводок, которые ограничивают студентов в возможности развивать аналитические навыки;*
 - предлагается активное использование кейсов (с целью привития студентам знаний и умений профессионально решать реальные проблемные ситуации, с которыми они могут столкнуться на практике) и проведение семинарского занятия с позиции организации коммуникации по обсуждаемому вопросу (в целях ознакомления студентов с инновационными теоретическими концепциями в области бухгалтерского учета);*
 - уделяется внимание изменениям, которые претерпевает роль преподавателя по бухгалтерскому учету, а также формы и методы обучения студентов данной дисциплине вследствие доступа к новейшим компьютерным и телекоммуникационным технологиям;*
 - подчеркивается рост автономии и самостоятельности студента, значение профессиональной литературы как важнейшего информационного ресурса бухгалтерского учета.*
- Наконец, следует сказать, что важнейшим преимуществом компетентностного и междисциплинарного подходов к обучению бухгалтерскому учету является то, что знания, умения и навыки, полученные студентами в ходе обучения, активно применяются ими в практической деятельности.*
-

Ключевые слова: бухгалтерский учет, дидактика, обучение, компетентностный подход, междисциплинарный подход, расчетная задача, бухгалтерская проводка, тест, ситуационное задание, коммуникация.

Высшее образование в настоящее время переживает период, когда происходит качественное изменение образовательного пространства, меняются содержание и методы обучения и преподавания. Это находит свое отражение и в развитии дидактических принципов обучения в высшем профессиональном образовании, которые кроме общедидактических принципов, традиционных для высшей школы (включающих наглядность, самостоятельность, доступность, научность и др.), включают психодидактические принципы (сознательность, активность, единство внутренней и внешней деятельности, разностороннее развитие познавательных сил), а также акмедидактические принципы (активность как условие развития личности, развитие личности как субъекта деятельности, личностно-профессиональное развитие и др.) [4, с. 178–182]. Такие более широкие теоретические основания дидактики приводят к новым тенденциям в преподавании отдельных дисциплин, в первую очередь составляющих профессиональное содержание обучения.

В Концепции развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 г. (Письмо Минобрнауки РФ от 22.02.2011 № 13–91) сказано, что «университеты становятся активными игроками не только в производстве новых знаний, но и в их распространении и использовании через инновационную деятельность». В том же документе отмечается, что «на протяжении последних двух десятилетий связи вузов с реальной экономикой в основном разрушились, не замещались новыми механизмами, адекватными системе рыночной экономики, основанной на знаниях».

В указанном ключе необходимо совершенствование отечественного образования, в том числе и бухгалтерского образования. В Концепции развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу (Приказ Минфина от 01.07.2004 № 180) сказано: «С одной стороны, задача заключается в подготовке достаточного количества квалифицированных бухгалтеров и аудиторов, понимающих концепции и конкретные правила формирования информации в бухгалтерском учете и отчетности, владеющих современными навыками ведения бухгалтерского учета, подготовки и аудита бухгалтерской отчетности. С другой стороны, качественная система бухгалтерского учета и отчетности предполагает наличие достаточного числа пользователей, нуждающейся в информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности, имеющих потребность и навыки ее использования при принятии экономических решений».

Обучение бухгалтерскому учету важно не только для тех студентов, которые в дальнейшем выберут профессию бухгалтера, аудитора или финансового аналитика, но и для студентов, которым необходимо стать грамотными пользователями бухгалтерской информации для успешной работы в бизнесе, государственных структурах. Использо-

вание бухгалтерской информации полезно и для личных целей, например при оценке инвестиционных проектов и связанных с ними рисков.

В настоящей статье исследуются дидактические особенности компетентностного и междисциплинарного подходов к обучению бухгалтерскому учету студентов высших учебных заведений. Основная цель исследования состоит в определении наиболее перспективных и эффективных с позиции сокращения разрыва между теорией и практикой способов обучения бухгалтерскому учету. Для решения поставленной цели была применена совокупность методов наблюдения и опроса. Метод наблюдения был выбран для того, чтобы проследить ход процесса обучения бухгалтерскому учету в высшей школе, понять его реальное состояние в новых и постоянно изменяющихся условиях, выявить слабые и сильные стороны. Метод опроса был применен в качестве универсального средства обратной связи со студентами, а также получения различного рода данных об учебном процессе. Опросы проводились как в форме беседы, так и в форме письменного анкетирования. Ожидаемые результаты данного исследования внесут вклад в современную дидактическую концепцию (В.А. Давыдов, Д.Ю. Эльконин, В.В. Краевский, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, А.В. Хуторский, М.Н. Скаткин, В.А. Сластенин), которая предполагает системный подход к процессу обучения бухгалтерскому учету, акцент на самостоятельное обучение и инициативу студентов, сочетание традиционных и инновационных подходов к обучению.

В ходе реализации указанных методов в исследовании процесса обучения бухгалтерскому учету в высшей школе были получены следующие данные. Прежде всего, следует констатировать, что значительно изменились формы и методы обучения бухгалтерскому учету вследствие доступа к новейшим компьютерным и телекоммуникационным технологиям. Возникло и непрерывно расширяется обучение через Интернет, и, прежде всего, онлайн-обучение. В настоящее время многие российские университеты, как минимум, предлагают онлайн-тестирование по бухгалтерскому учету, а также позволяют студентам отрабатывать различные аспекты предмета самостоятельно. Интернет-обучение и дистанционное обучение позволяют сделать обучение бухгалтерскому учету доступным из любого местоположения и обойти ограничение по времени.

С другой стороны, было выявлено, что, несмотря на появившиеся возможности применения компьютерных и телекоммуникационных технологий, сохраняется традиционный подход к обучению бухгалтерскому учету, включающий чтение лекций и проведение семинаров. На лекциях преподаватель старается охватить как можно больше материала по соответствующей теме, что не стимулирует студента к самостоятельному поиску и чтению профессиональной литературы. Семинарские занятия в большей степени основываются на решении однотипных задач, связанных

с расчетами и направленными на запоминание бухгалтерских проводок. Такие задания важны, но их одних уже становится недостаточно.

Безусловно, любая программа обучения направлена на то, чтобы студенты овладели теоретическими положениями дисциплины, набором методов, техник, практических приемов, и, возможно, другими навыками, которые могут помочь им в профессиональной карьере. Однако при традиционном подходе к обучению бухгалтерскому учету разрыв между теорией и практикой может оказаться весьма существенным. Опросы показали, что студенты, прослушав курс бухгалтерского учета и сдав экзамены, считают, что обучение бухгалтерскому учету сводится к работе с цифрами и знанию бухгалтерских проводок. Таким образом, студенты нередко оказываются ограниченными в возможности развивать аналитические навыки, часто не понимают, как соотносятся новые концепции и идеи с ранее приобретенными сведениями и как применять их на практике.

В настоящее время становится популярным оценивать работу студентов путем проведения тестирования (в том числе и компьютерного), содержащего вопросы с множественным выбором ответа. Проведение опросов выявило, что такое тестирование легче для студентов по сравнению с ответом на вопросы, требующие развернутого изложения. По мнению самих студентов, оценка, которую они получают за такое тестирование, далеко не всегда соответствует их реальным знаниям, поскольку при подобном тестировании присутствует элемент везения, когда студент, не зная ответа на вопрос, может дать правильный ответ наугад. Проверка знаний студентов в виде вопросов с множественным выбором ответа легче и для преподавателей в части проверки теста.

Применение совокупности методов наблюдения и опроса показало, что в большинстве учебников (учебных пособиях) по бухгалтерскому учету часто рассматриваются лишь собственно методы и техники бухгалтерского учета, без которых, безусловно, обучение бухгалтерскому учету невозможно. В то же время причинам использования конкретных профессиональных приемов в определенных ситуациях, и обстоятельствам, при которых они могут быть эффективно применены, должного внимания не уделяется. Бухгалтерский учет не рассматривается в более широком контексте управления организацией, деятельность которой изменяется в контексте изменений в законодательстве, социально-экономической ситуации, что приводит к изменениям в учетном процессе, который принимает новые формы и использует новые методики и инструменты. Российские организации сталкиваются со структурными изменениями в экономике и вынуждены адаптироваться к новым условиям; их бухгалтерам во многом приходится пересматривать свои первоначальные знания [3, с. 100].

При обучении бухгалтерскому учету следует учитывать, что на практике бывшие студенты столкнутся с различными проблемами и с необ-

ходимостью принятия собственных решений. Им потребуются знания законодательства в области бухгалтерского учета и ряда смежных областей, умение определять целесообразность и эффективность применения конкретных методов и техник метода бухгалтерского учета в той или иной ситуации, осознавать целесообразность и эффективность их применения и наоборот. Поэтому то, в чем нуждаются студенты, – это процедуры решения проблем. Студенты должны быть готовы к работе бухгалтера в любых условиях, которые могут измениться с тех пор, когда они обучались бухгалтерскому учету, и к которым их готовили в высшей школе.

В результате исследования данного вопроса можно констатировать, что для решения проблемы наблюдаемого разрыва между теорией и практикой необходимо развивать обучение бухгалтерскому учету, основанное на компетенциях, которое прежде всего нацелено на то, чтобы привить студентам знание и умение профессионально решать реальные проблемные ситуации, которые могут возникнуть в их дальнейшей практической деятельности. Компетенции можно определить как способность применять знания, навыки, умения и интуицию для решения конкретных проблемных ситуаций. Следует отметить, что в рамках рассматриваемой нами дисциплины еще предстоит выявить и систематизировать новые компетенции, необходимые как для успешного освоения бухгалтерского учета, как и для других профессионально значимых дисциплин в новых образовательных и социальных условиях [7, с. 9].

Проведенное исследование также показало, что в обучении бухгалтерскому учету компетентностный подход должен сочетаться с междисциплинарным подходом. Подобный подход означает, что бухгалтерский учет должен рассматриваться не как исключительно техническая дисциплина, а воспринимается как предмет, который связан с политическими, экономическими, социальными, юридическими, культурными и этическими областями знаний. Система бухгалтерского учета не изолирована – напротив, она является частью институциональной среды, которая определяет общие условия, в которых компании должны функционировать и, следовательно, формировать свою систему бухгалтерского учета. Представление методов и техник бухгалтерского учета в надлежащем контексте – один из ключевых моментов, положенных в основу компетентностного и междисциплинарного подходов.

Помимо того, важно понимать, что проблемы из реальной жизни никогда не могут быть отнесены к какой-нибудь одной дисциплине. Деятельность организации зависит от выбранной концепции управления, от организационной структуры, системы оценки деятельности, качества учетной информационной системы и др. [2, с. 9]. При ведении бухгалтерского учета все эти факторы необходимо принимать в расчет, оценивать их важность и отслеживать взаимодействие. Бухгалтер должен уметь формулировать проблему, оценивать об-

стоятельства проблемы, идентифицировать все задействованные стороны, находить возможные решения и, наконец, принимать правильное решение. Таким образом, бухгалтерский учет становится все более междисциплинарный по своей природе. Обучение данной дисциплине должно строиться таким образом, чтобы студенты, прослушавшие курс, могли успешно применять знания, умения и навыки не только бухгалтерского учета, но и ряда других смежных областей при решении профессиональных проблем, с которыми сталкиваются бухгалтеры.

Курс бухгалтерского учета содержит пересечения с различными дисциплинами, например со статистикой. Учебные планы целесообразно составлять таким образом, чтобы курс статистики, представляющий собой учет на макроуровне, предшествовал курсу бухгалтерского учета, который ведется на уровне организации. Студенты должны знать, какая именно информация требуется от бухгалтера для представления в статистические органы и как эта информация будет использоваться. Например, в МГИМО(У) курсу «Бухгалтерский учет внешнеэкономической деятельности и отчетность» предшествует курс «Статистика внешнеэкономических связей». Это важно, поскольку все фактические данные, характеризующие развитие внешней торговли страны, собираются и обрабатываются в относительно обособленной системе учета и статистики, эти виды учета представляют собой взаимосвязанные уровни сбора, накопления и обобщения фактических данных о внешнеэкономических операциях [5, с. 9].

В результате исследования по рассматриваемой проблеме было выявлено, что большое значение в приобретении студентами различных навыков, ознакомлении с инновационными идеями в области бухгалтерского учета, понимании взаимодействия теории и практики бухгалтерского учета, имеют следующие виды заданий. Во-первых, это – решение ситуационных заданий (кейсов), моделирующих возможные практические ситуации, с которыми выпускники могут столкнуться на работе, во-вторых – организация семинарского занятия с позиции коммуникации по обсуждаемому вопросу.

Курс бухгалтерского учета должен включать решение различных ситуационных заданий. Сочетание компетентностного и междисциплинарного подходов основывается на понимании того, что ведение бухгалтерского учета может быть подвержено влиянию нескольких взаимозависимых факторов. Ситуационные задания должны составляться по темам, поэтому в их решении задействованы как конкретные методы и техники бухгалтерского учета (умение), так и внутренние убеждения студентов (точка зрения). Это является хорошей проверкой знаний студентов, изучающих бухгалтерский учет, определения, какого уровня развития компетенций они достигли. В ситуационных заданиях должны присутствовать образовательные цели и ожидаемые результаты,

чтобы студенты знали, в каком направлении следует прикладывать полученные умения и какие знания они должны приобрести, решая ситуационное задание.

При решении ситуационных заданий студентам необходимо использовать профессиональную литературу. При компетентностном и междисциплинарном подходах к обучению бухгалтерскому учету роль литературных источников значительно возрастает. Следует учитывать, что реформирование российского бухгалтерского учета в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) сопровождается изданием большого количества учебников, статей и научных трудов, переведенных с иностранных языков. Происходит принятие не только новых правил, вводящих в обращение новые термины, но и новых знаний, ценностей, убеждений. Литературные источники играют важную роль поддержки процесса обучения (знание), выполняя функцию важнейшего информационного ресурса бухгалтерского учета.

Но не только прочтение профессиональной литературы оказывает помощь студентам в обучении бухгалтерскому учету. Гораздо важнее представляется проведение семинарского занятия с позиции организации коммуникации по обсуждаемому вопросу, позволяющее ознакомить студентов с инновационными концепциями в области бухгалтерского учета. Подобная работа нацелена на демонстрацию того, как получить необходимые знания, что о них написано в периодических изданиях и учебниках и как они входят в повседневную практику бухгалтерского учета.

Преподаватель, ведущий семинарское занятие, выступает в роли «модератора». Он рекомендует студентам литературу по обсуждаемой тематике, в том числе оригинальную литературу на иностранном языке. Такую литературу студенты могут найти в интернет-изданиях и онлайн-электронных ресурсах, включающих зарубежные периодические издания по различным отраслям знаний, книги, статистические данные, обзоры рынков, потребителей и т.д.

Преподаватель должен четко представлять цель семинара, например расширение возможностей традиционного подхода к изучению бухгалтерского учета, позволяющее кардинально изменить понимание природы бухгалтерского учета. Преподаватель приводит дискуссию к ожидаемому результату, например, к тому, что студенты должны прийти к выводу, что бухгалтерский учет следует рассматривать не только как совокупность нейтральных калькуляционных методов и техник, но и осознать, что его роль значительно расширилась, и бухгалтерский учет стал неотъемлемой частью социальной и экономической жизни общества.

Из числа студентов преподаватель выбирает «автора», которому дает задание на основе подобранной преподавателем литературы сделать доклад на 7–10 минут. Доклад должен отражать новую научную идею. Преподаватель также го-

товит «критика» – студента, который представляет на семинаре традиционную точку зрения на бухгалтерский учет, оперируя законодательными и нормативными документами. Оставшиеся студенты группы играют роль «понимающих», они принимают участие в дискуссии, задавая уточняющие и развивающие тему вопросы «автору» и «критику».

Несомненно, при сочетании компетентностного и междисциплинарного подходов роль преподавателя по бухгалтерскому учету претерпевает существенные изменения. Преподаватель все больше «удаляется» от студента. Во-первых, преподавателям больше нет необходимости читать полный курс лекций, рекомендуя для изучения некоторое количество глав учебника к каждой теме. Лекции становятся установочными. Студенты должны научиться находить свой метод изучения учебной и научной литературы, поскольку им придется этим заниматься на практике. Во-вторых, студентам рекомендуется активное использование веб-сайта, которым

сопровождается курс бухгалтерского учета. На сайте должны размещаться презентации лекций, практические задания, предлагаемые решения к заданиям для самопроверки, ссылки на нормативные документы, другие сайты по бухгалтерскому учету. Это означает, что роль преподавателя в традиционном смысле этого слова меняется на роль научного руководителя, который поощряет студентов работать с изучаемым материалом, выражать собственные мысли и выдвигать новые идеи. Для студента это означает большую автономию, рост самостоятельности [1, с. 119–127]. Указанные аспекты ведут к росту общей профессиональной мотивации студентов [6, с. 207–212].

Подводя итог, следует сказать, что важнейшим преимуществом компетентностного и междисциплинарного подходов к обучению бухгалтерскому учету является то, что знания, умения, навыки, полученные студентами в ходе обучения, активно применяются ими в практической деятельности.

Список литературы

1. Воевода Е.В. Социокультурные компетенции в профессиональной подготовке специалиста–международника // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2007. № 8. С. 119–127.
2. Воронова Е.Ю. Управленческий учет: учебник. М.: ЮРАЙТ, 2012. 551 с.
3. Воронова Е.Ю. Формы и способы институционализации управленческого учета в России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. С. 100–107.
4. Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Образование и развитие личности в информационно-коммуникационной деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 178–182.
5. Григорук Н.Е. Статистический учет внешнеторговых операций: международный опыт и российская практика: учебное пособие. М.: ООО Анкил, 2001. 112 с.
6. Раицкая Л.К. Мотивация познавательной деятельности в Интернете // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 7. С. 207–212.
7. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 7–11.

Об авторе

Воронова Екатерина Юрьевна – д.э.н., профессор кафедры учета, статистики и аудита МГИМО(У) МИД России, научная специализация: бухгалтерский и управленческий учет. E-mail: voronovaeu@gmail.com

DIDACTIC ASPECTS OF TEACHING ACCOUNTING IN HIGHER SCHOOL

E.Y. Voronova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article considers didactic aspects of competence-based and interdisciplinary approaches to teaching accounting for university students. The author proves the necessity to improve the national accounting education aimed at cohesion of theory and practice, production of new knowledge, its spread and usage via innovation activities. The article criticizes traditional approach to typical problem-solving connected with calculations and memorizing double-entries for failing to develop student's analytical skills. It also promotes case-studies to infuse knowledge and skills enabling students to professionally solve real life like problems which they are likely to face. The article also considers seminars in the light of communication and its frame to inform students of innovation theoretical concepts of accounting. In addition the author looks into changes in the role of the lecture teaching accounting as well as forms and methods of teaching accounting as well as forms and methods of teaching accounting due to access to IT. The article underlines the importance of increased autonomy and self-reliance of students. It also describes professional literature as a key information resource in accounting.*

Key words: accounting, didactics, teaching, competence-based approach, interdisciplinary approach, problem-solving connected with calculations, double-entry, test, case-study, communication.

References

1. Voevoda E.V. Sociokul'turnye kompetencii v professional'noj podgotovke specialist-mezhdunarodnika [Social and Cultural Competences in Professional Training of Specialists in International Relations] // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo architecturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Sovremennye lingvisticheskie issledovanija. 2007. № 8. S. 119-127.
2. Voronova E.Yu. Upravlentskij uchët: uchebnyk. [Management Accounting: textbook.] – M.: URAJT, 2011. – 551 s.
3. Voronova E.Yu. Formy i sposoby institutsionalizatsii upravlencheskogo ucheta v Rossii [Forms and Methods of Institutionalization of Management Accounting in Russia] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. № 3. S. 100-107.
4. Gagarin A.V., Raitskaya L.K. Obrazovanie i razvitie lichnosti v informacionno-kommunikacionnoj dejatel'nosti [Education and Development of Personality in Information and Communication Activity] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 2. S. 178-182.
5. Grigoruk N.E. Statisticheskij uchët vneschnetorgovih operatsij: mezhdunarodnij opyt i rossijskaja praktika: uchebnoe posobie. [Statistics of Foreign Trade Transactions: International Experience and Russian Practice: textbook.] – M.: OOO Ankil. 2001. 112 s.
6. Raitskaya L.K. Motivacija poznavatel'noj dejatel'nosti v Internetе [Motivation of Cognitive Activity in the Internet // Actual Problems of Humanities and Natural Sciences.] // Aktual'nye problem gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2011. № 7. S. 207-212.
7. Torkunov A.V. Sozdanie universitetov mirovogo urovnja: novye tendencii v rossijskom vysshem obrazovanii [Setting up World Class Universities: New Trends in Russian Higher Education] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013 № 2. S. 7-11.

About the author

Ekaterina Y. Voronova – Doctor of Economics, Professor at Department of Accounting, Statistics and Audit of MGIMO-University. Academic specialization: financial and management accounting. E-mail: voronovaeu@gmail.com

МЕТОДЫ ИСПРАВЛЕНИЯ ОШИБОК В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

С.А. Чеканова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Исправление ошибок – важный элемент методики обучения иностранному языку. Очень важно делать это правильно и своевременно, для того чтобы студенты запомнили грамматически верный вариант. При этом необходимо обратить внимание на психологическую сторону вопроса. Некоторые студенты очень болезненно реагируют на большое количество пометок преподавателя в своих тетрадях. В этом случае можно четко разделить ошибки на серьезные и незначительные. Кроме того, преподаватель в первую очередь должен отметить успехи студентов в том или ином разделе, а потом указать на пробелы в их знаниях. Ошибки обязательно нужно обобщить, прокомментировать, проанализировать. Это важно не только для повышения языкового уровня студентов, но и для преподавателя, который может использовать эти сведения при объяснении аналогичного материала другим студентам. Преподаватель сконцентрирует их внимание на определенных моментах, чтобы избежать типичных ошибок. Данная статья посвящена различным способам исправления грамматических ошибок в письменной речи. Целью статьи является выбор методов, которые позволят повысить уровень грамотности студентов в письменной речи. Кратко описывается каждый метод, целесообразность его применения в учебном процессе, а также чем он может быть полезен для студентов с разным лингвистическим опытом.

Ключевые слова: исправление ошибок, письменная речь, грамматика, методика, грамотность, лингвистический опыт.

Исправление ошибок является неотъемлемой частью учебного процесса. Как сделать так, чтобы у студентов не возникало чувство бесполезности прилагаемых ими усилий и в конечном итоге привело к хорошему знанию лексики и грамматики, к четкому и логическому изложению своих мыслей на иностранном языке? В данной статье мы попытаемся ответить на этот вопрос.

Как показывает опыт многих преподавателей, письменная речь представляет определенные трудности даже для студентов продвинутого потока. Казалось бы, у студентов есть достаточно времени, для того чтобы обдумать и проверить написанное, тем не менее количество сделанных ошибок в письменных работах часто неприятно удивляет и преподавателей, и студентов. Поэтому необходимо использовать разные методы исправления ошибок, чтобы научить студентов видеть свои ошибки и не повторять их.

Исправление всех ошибок

Подчеркиваются все ошибки и дается правильный вариант. Особенно часто этот метод применяется со студентами, начинающими учить иностранный язык с нулевого уровня, с тем чтобы они быстрее запоминали правильный вариант. Иногда из-за отсутствия необходимого лингвистического опыта им очень трудно сразу идентифицировать ошибку, и потому они могут применить неправильный вариант.

Некоторые зарубежные коллеги считают, что большое количество исправленных ошибок может оказать негативное психологическое воздействие на студентов. Эти педагоги рекомендуют исправлять ошибки выборочно и концентрировать внимание студентов только на ключевых ошибках [1]. При таком подходе у студентов может сложиться впечатление, что некоторые ошибки можно проигнорировать, в связи с чем они будут принимать свой неправильный вариант за норму. Более разумно в данном случае классифицировать ошибки на серьезные и незначительные и разъяснить студентам, как они оцениваются.

Исправление ошибок по выбору или по договоренности со студентами

Например, если студенты проходят определенный раздел грамматики (The Present Perfect Tense) или дается перевод на активную лексику, исправляются ошибки, связанные с этими языковыми явлениями. По желанию преподавателя при этом можно подчеркнуть и другие ошибки, но не выносить их на поля и не учитывать при оценке работы.

Выделение всех ошибок или ошибок по выбору без их исправления

В этом случае ошибки подчеркиваются, вводятся или помечаются на полях галочкой напротив соответствующей строки. Целесообразнее применять этот метод со студентами продолжающего и продвинутого потоков, так как они обла-

дают достаточным знанием иностранного языка для самостоятельного анализа своих ошибок. Этот метод позволяет студентам лишиться раз активизировать свои знания, ликвидировать пробелы и повторить пройденный материал. При возникновении сомнений относительно правильного варианта студенты всегда могут обратиться за помощью к преподавателю.

Нумерация ошибок и комментарии на отдельном листе бумаги

Метод исправления ошибок может варьироваться в зависимости от того, какой вид письменной работы выполняют студенты. Например, если это эссе, суммирование текста, изложение или сочинение, можно пронумеровать ошибки на полях и затем, используя те же номера, подробно прокомментировать каждую ошибку на отдельном листе бумаги и приложить его к работе студента. Преимущество данного способа заключается в том, что это выглядит более аккуратно и сразу не шокирует студентов большим количеством исправлений.

Обсуждение типичных ошибок

Это можно сделать в виде упражнения в аудитории. Предложения с типичными ошибками выносятся на доску, или студенты получают их в виде раздаточного материала. Студенты находят ошибки в предложениях и исправляют их, объясняя правило. После каждого такого предложения можно указать количество сделанных в нем ошибок. Например: I was to London yesterday and stay there during 8 hours (3). Данный метод вырабатывает у студентов очень полезный навык – видеть свои ошибки при проверке написанных ими работ.

Исправление ошибок самими студентами в парах

После написания небольшой лексико-грамматической работы можно попросить студентов обменяться тетрадями и исправить ошибки друг у друга. Затем вместе обсудить полученные результаты. Этот метод так же, как и предыдущий, позволяет студентам обнаруживать и идентифицировать ошибки, учиться на ошибках друг друга и выделять общие ошибки, характерные для всей группы.

Исправление ошибок студентами по ключу

Преподаватель дает студентам ключ, с которым они сверяют свои работы и исправляют ошибки. Но в некоторых случаях даже при наличии ключа студенты не могут понять, в чем заключается ошибка. Такие ошибки требуют пояснений. Данный метод развивает внимательность у студентов и стимулирует их использовать различные источники знаний (художественную литературу, средства массовой информации, носителей языка и т.д.).

Для обозначения ошибок многие преподаватели используют определенные сокращения на полях письменных работ. Например:

■ Педагогика

GR = grammar, SP= spelling,
T = tense, WO= word order,
WW= wrong word, A = article,
NP = new paragraph, ? = doesn't make sense и т.д.

Желательно, чтобы эти обозначения были едиными у всех преподавателей кафедры. Студенты должны узнать о существовании этой системы обозначений уже на первом курсе. Это экономит

много времени, так как студенты не будут постоянно уточнять, что означает то или иное сокращение на полях.

Необходимо постоянно поощрять студентов, чтобы активизировать процесс познания и совершенствования. После проведения анализа ошибок, исправленных любым из перечисленных способов, сначала следует отметить те разделы, в которых студенты улучшили свои результаты и затем указать на материал, который нужно доработать.

Список литературы

1. Paul Seligson English File / Paul Seligson. 2005. Режим доступа: seligson04@yahoo.co.uk

Об авторе

Чеканова Светлана Анатольевна – к.филол.н., доцент кафедры английского языка № 5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: s.chek@mail.ru

METHODS OF CORRECTING MISTAKES IN WRITTEN SPEECH

S.A. Chekanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Mistake correction is an important element of teaching a foreign language. It is important to do it in the right way and in a proper time so that students can remember a grammatically correct variant. Here it is necessary to pay attention to a psychological aspect. Some students negatively react to a great number of the teacher's corrections in their notebooks. In this case it is possible to classify mistakes into grave and minor ones. Besides the teacher should first mention his students' progress in a particular unit and then the material they ought to revise. Mistakes must be generalized, commented on and analyzed. It is essential not only for improving students' linguistic knowledge but also for the teacher who can use the data to explain the same material to other students. The teacher will call their attention to certain points so that they can avoid typical mistakes. The article is devoted to various ways of correcting grammar mistakes in writing. The aim of the article is to choose methods that will enable students to improve their writing skills. It briefly describes each of the methods and explains why it may be reasonable to apply it to teaching and why it may be useful for students with different language experience.*

Key words: correcting mistakes, written speech, grammar, methods of teaching, grammatical correctness, language experience.

References

1. Paul Seligson English File / Paul Seligson. 2005. Available at: seligson04@yahoo.co.uk

About the author

Svetlana A. Chekanova – doctor of philology, assistant professor of English language chair №5 of MGIMO University. E-mail: s.chek@mail.ru

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕНИНГОВЫХ ПРОГРАММ

А.В. Лазарева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье автор исследует возможность повышения мотивации и развития коммуникативных компетенций студентов посредством осуществления групповой работы в форме психолингвистического тренинга, проводимого на языке специальности. Психолингвистический тренинг, в свою очередь, рассматривается автором как метод активного психолого-педагогического воздействия, в дальнейшем способствующий оптимизации взаимодействия в профессиональной деятельности, личностному росту, развитию лидерских качеств и навыков сотрудничества. Проведение данного тренинга на английском языке, то есть языке специальности его участников, способствовало не только повышению их мотивации к освоению иностранного языка, развитию их речевых способностей, снятию языковых барьеров в условиях искусственно созданной языковой среды, но также и приобретению позитивного опыта отношения к себе и окружающим, взаимодействию с ними. Во время осуществления поэтапной тренинговой работы участники группы демонстрировали все стадии групповой динамики, хорошую работоспособность, высокий уровень эмоциональной вовлеченности в процесс. Автор отмечает, что именно последнее в большей степени благоприятным образом сказалось на взаимодействии участников, способствовало их самореализации, формированию навыков наблюдения за эмоциями и поступками других людей, а также снятию языковых барьеров в общении. В процессе взаимодействия были широко задействованы такие методы организации групповой работы, как групповая дискуссия (в виде брейнсторминга, кейсов, метода синектики), ролевые и деловые игры, элементы арт-терапии и метафоризации полученного опыта. В целом результаты данного эксперимента свидетельствуют о высокой эффективности подобного рода комплексных программ в Высшей школе.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции, психолингвистический тренинг, межличностное взаимодействие, тренинговая группа, общение.

Актуальность проведенного нами исследования продиктована прежде всего необходимостью соответствовать тем высокими требованиями, которое современное общество предъявляет к подготовке специалистов и высшему образованию в целом. Креативность преподавателя и представляет собой тот механизм, который помогает преподавателю адаптироваться к происходящим социальным изменениям.

Креативность определяется как потребность генерировать и апробировать новое, заинтересовывать студентов, вдохновлять и воодушевлять, а следовательно, необходима своего рода эволюция, чтобы профессиональный человек соответствовал требованиям современности. Кроме того, учитывая парадигму современного образования, и сам профессионал-выпускник вуза должен уметь самостоятельно вырабатывать алгоритмы решения новых задач [9, с. 148]. Это то, на чем и основывается инновационное развитие вузов, а именно: постоянный процесс развития и обновления знаний и навыков как обучающихся, так и обучаемых [13, с. 87].

Поэтому психолингвистический тренинг как метод активного психолого-педагогического воздействия был неслучайно выбран нами для решения поставленных задач. А именно актуальным на сегодняшний день является, во-первых, усовершенствование коммуникативных компетенций учащихся, уже на этапе профориентации помогающих им сформировать представление о способах оптимизации и повышения продуктивности взаимодействия в коллективе, о возможностях личностного развития, а также развития лидерских качеств, навыков сотрудничества, поведения в стрессовых бизнес-ситуациях, основанного на эмпатии и взаимопомощи. Во-вторых, учитывая процесс глобализации, происходящий в первую очередь в экономической сфере человеческой деятельности, весьма актуальным является владение английским языком – основным языком делового общения. В связи с чем разработанный нами психолингвистический тренинг в магистратуре I-го курса был проведен на английском языке, что, безусловно, послужило дополнительной мотивацией для подавляющего большинства студентов.

Необходимо отметить, что проблема развития коммуникативных навыков приобрела в последнее время большое значение. Она интенсивно разрабатывается в трудах многих известных отечественных и зарубежных психологов (А.А. Бодалев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.А. Реан, К. Фоппель, Е.И. Фадеев, И. Кидрон, Ф. Брунард, Т. Зинкевич-Евстигнеева и др.), постепенно специализируясь и разделяясь на различные направления.

К большому количеству методов и средств формирования коммуникативных навыков у студентов относится специально организуемая психологом групповая работа, реализующаяся в проведении психолингвистического тренинга. Поэтому нами была проведена работа, направленная на исследование особенностей форми-

рования коммуникативных навыков средствами психолингвистического тренинга, проводимого на английском языке.

Психолингвистические тренинги направлены на развитие речевых способностей человека, часто они комбинируют в себе работу с иностранными языками на основе развития психологической готовности к их восприятию. Такие тренинги состоят из трех компонентов – психологического, психолингвистического и лингвистического.

Психологический компонент: снятие языкового барьера, формирование ориентированности на собеседника, работа с собственным имиджем в межкультурной среде, нормы и этикет делового общения.

Психолингвистический компонент: формирование общего представления об английском языке, раскрытие языкового потенциала, общение в условиях ограниченных коммуникативных средств.

Лингвистический компонент: грамматика, например, английского языка [11, с. 345].

Как правило, на таком тренинге, во время групповой работы, участники пополняют свои психологические знания, у них появляется определенный опыт позитивного отношения к себе, к окружающим людям и к миру в целом. Во время занятий, овладевая различными способами межличностного взаимодействия, они становятся более компетентными в сфере общения, повышается их уровень доверия к окружающим людям, формируются навыки поведения в конфликтных ситуациях [15, с. 187].

Это особенно важно сегодня, так как произошел своеобразный коммуникационный «взрыв» – значительная интенсификация отношений в сфере общения. Новейшие методы внушения, убеждения, манипулирования все чаще применяются в деловом общении, заставляя людей учиться сопротивляться, уходить от их воздействия и при этом не испытывать негативные эмоции и чувства, не терять цель и свои собственные интересы. Поэтому компетентность в сфере общения стала одной из главных составляющих высокого профессионального уровня. Да и в обычной жизни у человека, не понимающего себя, не знающего сильных и слабых сторон своего характера, а тем более не умеющего общаться с другими людьми, могут возникнуть весьма серьезные проблемы. Неподготовленным людям трудно решать возникающие проблемы без «потерь», нервных срывов и даже заболеваний. На преодоление этих проблем, их ликвидацию или предупреждение направлена работа на социально-психологическом тренинге [12].

Группа оказывается обществом в миниатюре, отражающим в себе весь внешний мир и придающим реалистичность искусственно создаваемым отношениям.

Второе потенциальное преимущество группы состоит в возможности получить обратную связь и поддержку от других ее членов. В процессе происходящих в группе взаимодействий

осознается ценность других людей и потребность в них.

Следует отметить, что в дружественной и контролируемой обстановке лучше усваиваются умение слушать, эмпатировать, доверять другим.

В-третьих, в группе можно быть не только участником событий, но и зрителем. Наблюдая со стороны за ходом групповых взаимодействий, можно идентифицировать себя с активными участниками и использовать результаты этих наблюдений при оценке собственных эмоций и поступков.

В-четвертых, группа может способствовать личностному росту. В группе личность неизбежно ставится в положение, вынуждающее ее к самоисследованию и интроспекции [10].

Таким образом, группа облегчает процессы самораскрытия, самоисследования и самопознания; иначе, чем в группе, иначе, чем через других людей, эти процессы в полной мере невозможны; открытие себя другим и открытие себя самому себе позволяют понять себя, изменить себя и повысить уверенность в себе.

Во время проведения психолингвистического тренинга наша группа проходила через определенные стадии процесса фасилитации.

Первой стадией групповой работы было знакомство и командообразование. Основной задачей на данном этапе было создание благоприятной атмосферы, в которой участники чувствовали бы себя комфортно. Необходимо отметить, что, поскольку студенты привыкли к диктаторско-наставническому стилю преподавания в стенах института, групповая динамика происходила с неким торможением. Студенты изначально были замкнуты, осторожны в своих высказываниях, большинство из них демонстрировали закрытые позы. Совершенно очевидно, что они не представляли себе, в каком русле пойдет предполагаемое взаимодействие, в связи с чем была снижена и концентрация присутствия. Участники на начальном этапе опасались высказываться, некоторые говорили очень тихо, как бы заранее опасаясь ситуации двойного оценивания их активности – как психологом, так одновременно и преподавателем английского языка. Поэтому на командообразование на начальном этапе проведения тренинга пришлось потратить несколько больше времени, чем изначально предполагалось.

Однако на определенном этапе командообразования, за счет ряда интенсивных упражнений на запуск групповой динамики и эмоциональной составляющей, удалось достичь достаточно высокой сплоченности группы. Таким образом, участники получили необходимую для себя психологическую безопасность. Необходимо отметить, что именно в это время ведущий как бы отошел на задний план и нивелировал свое присутствие, предоставив участникам тренинга возможность самим наладить свободное и открытое взаимодействие.

На втором этапе (начальной стадии уже сформировавшейся «Мы»-группы) осуществ-

лялся анализ предыдущего опыта участников группы – таким образом, участники раскрылись друг перед другом, обозначили свои приоритеты, интересы, а также предъявили свои запросы. Итак, стал возможен переход от данной стадии принятия друг друга к новой стадии – рабочей.

Третья стадия групповой динамики – рабочая стадия или стадия самореализации. Эта стадия, как и предполагалось, была самой трудоемкой и динамичной. Необходимо отметить, что практически все студенты были полностью вовлечены и эмоционально раскрепощены именно на этой стадии. Все упражнения и кейсы, групповая дискуссия, а также ролевые и деловые игры воспринимались участниками с энтузиазмом. Целью всех упражнений являлась стимуляция процесса обучения.

Рабочая стадия развития тренинговой группы в большей степени, чем предыдущая, помогла участникам тренинга активизироваться, поскольку, безусловно, именно на этой стадии участники в полной мере осознали свою ответственность за происходящее и за результат. На этой стадии ведущий и участники действовали в большей степени на равных, одинаково время от времени участники ждали своего рода указаний от ведущего, в большей степени – одобрения. Когда же группа намеренно оставалась без отклика или поддержки со стороны ведущего, неизбежно возрастал уровень конфликтности в группе, когда каждая из конфликтующих сторон претендовала на определенное лидерство «на смену» ушедшего в тень ведущего тренинга.

Необходимо отметить, что те участники тренинга, которым удалось достичь уровня самореализации через последовательное эмоциональное раскрытие, овладение эффективными приемами взаимодействия с другими участниками, безусловно, высоко оценили полученный опыт. Таких было большинство. Именно благодаря обратной связи, которую участники прочувствовали на себе во время основной стадии работы, была достигнута высокая работоспособность и высокий уровень взаимодействия.

Отдельно следует отметить, что именно эмоциональная вовлеченность благоприятнейшим образом сказывается на взаимодействии именно на иностранном языке, а именно снимаются языковые барьеры в общении.

На этой стадии было реализовано большинство поставленных целей, поскольку на пользу сыграл тот факт, что сами участники были ориентированы на достижение результата.

На завершающей стадии групповой динамики во избежание кризиса участникам были предложены для выполнения наиболее динамичные и положительно-окрашенные в эмоциональном плане упражнения. Таким образом, поскольку все были вовлечены, заинтересованы выполнением данных упражнений, а также сосредоточены на процессе работы, устранилась возможность некачественного выполнения задания, как это порой бывает под конец тренинговой программы. На

этом этапе закрепились все полученные навыки, и было создано положительное последствие от группы [3, с. 256].

В ходе решения поставленных задач ведущему и группе удалось соблюсти все принципы, необходимые для формирования группы высокого уровня развития. Здесь он опирается на ряд принципов в организации занятий:

1) принцип активности участников: в ходе занятий члены группы постоянно вовлекаются в различные действия;

2) принцип исследовательской позиции: создаются такие ситуации, когда участникам необходимо самостоятельно найти решение проблемы;

3) принцип объективации поведения: в начале занятий поведение участников группы переводится с импульсивного на объективированный уровень и поддерживается на этом уровне в ходе их проведения;

4) принцип партнерского общения: предполагает признание ценности личности другого человека, его мнений и интересов [4].

Участники психолингвистического тренинга во время занятий, овладевая различными способами межличностного взаимодействия, становятся более компетентными в сфере общения.

Общая цель психолингвистического тренинга конкретизируется в следующих задачах:

1) овладение психологическими знаниями;

2) формирование умений и навыков в сфере общения;

3) коррекция, формирование и развитие установок, необходимых для успешного общения;

4) развитие способности адекватного и полного познания себя и других людей;

5) коррекция и развитие системы отношений личности [14].

Успешность опыта пребывания в группе зависит от отношения членов группы к этим вопросам и от способности их решать.

В целом любой социально-психологический тренинг – это такой вид групповой работы, который позволяет его участникам пополнить свои психологические знания, приобрести определенный опыт позитивного отношения к себе и окружающим людям. Но все это требует активной позиции самого участника процесса, а для этого у него должна быть сформирована высокая мотивация для работы (это может быть интерес или стремление к саморазвитию), которая стимулируется ведущим [6].

Поэтому первые, вводные, занятия должны быть максимально понятными и интересными. Они выполняют мотивирующую и диагностическую функцию [5].

В основной части психолингвистического тренинга используемые игры имеют вид специальных упражнений, заданий на невербальную коммуникацию, разыгрывание различных ситуаций, конструирование проблемных моделей общения.

Каждое занятие основной части тренинга направлено на развитие определенной стороны одной коммуникативной сферы. Особенностью

проводимых занятий является то, что последующие занятия содержат в себе элементы повторения и закрепления полученного на предыдущих занятиях опыта.

Завершающий этап групповой работы должен быть направлен на стимулирование самостоятельной активности участников в применении и пополнении полученного на тренинге опыта межличностного взаимодействия и на дальнейшее повышение компетентности в сфере общения [2].

Базовыми методами социально-психологического тренинга являются групповая дискуссия и ролевая игра в различных модификациях и сочетаниях.

Большинство методов предполагают не только исследование, диагностику или моделирование социально-психологических явлений, но и их оптимизацию и развитие.

При организации групповой работы широко используется групповая дискуссия, деловая игра, модификация социального поведения, а также методы арт-терапии и сказкотерапии.

Применение метода групповой дискуссии для развития коммуникативных умений позволяет, сопоставляя противоположные позиции, дать возможность участникам увидеть проблему с разных сторон, повысить уровень групповой сплоченности, снять коммуникативные барьеры, существующие из-за возможной эмоциональной предвзятости в оценке позиции партнеров. Мы учимся воплощать в словах свои чувства. Механизм групповой дискуссии направлен на удовлетворение потребности человека в признании и уважении [7].

Существует большое количество групповых дискуссий, используемых для работы по развитию коммуникативных умений. К ним относятся различные модификации «мозгового штурма»: «брейнсторминг», помогающий научиться слушать оппонента и контролировать свои эмоции; метод «синектики», способствующий формированию умения конструктивно конфликтовать и проч. [1].

На тренинге также могут быть использованы методы рассмотрения и решения кейсов – проблемных ситуаций, требующих ответа и нахождения решения. Основная задача кейса – научиться анализировать информацию, выявлять основные проблемы и пути решения, формировать программу действий.

Игра как метод развития коммуникативных умений применяется как в индивидуальной, так и в групповой работе. Но только специально организованные игры, проводимые в рамках социально-психологических тренингов, являются наиболее эффективными для формирования коммуникативных умений [16].

Игры способствуют созданию близких отношений между участниками группы, снимают напряженность, тревогу, страх перед окружающими, повышают самооценку, позволяют проверить себя в различных ситуациях общения, снимая опасность социально значимых последствий [8, с. 368].

Коммуникативные умения учащихся могут быть развиты также с помощью большого количества игр, которые направлены на формирование различных умений и навыков, таких, как, например, умение сотрудничать, умение работать в команде, умение творчески мыслить и действовать.

Коммуникативные умения формируются в процессе комплекса различных игр, упражнений и дискуссий, каждый раз в новом сочетании и последовательности, результатом чего служит социально-психологический тренинг.

Исходя из нашего опыта преподавательской деятельности, установлено, что большинство студентов чувствуют себя на занятиях, а также при общении в профессиональном кругу достаточно скованно, зачастую возникают проблемы в коммуникации на разных уровнях, как-то: сложность в формировании и передачи мыслей, сложность приема и обработки информации, адекватное (ожидаемое) реагирование и эмоциональная составляющая общения (невербальная коммуникация) как один из основных критериев эффективности взаимодействия.

В связи с этим основной целью разработки и проведения нашего тренинга явилась реальная необходимость регуляции психоэмоционального состояния, снятие агрессии и напряжения, а также снятие барьеров в общении через различные игры на взаимодействии, сотрудничество и доверие. Также в ходе тренинга было установлено, что проведение подобных программ способствует улучшению мотивации в освоении и практике иностранного языка.

Подготовка и проведение подобного рода тренинговой программы вызывают неизбежное противоречие между положением, что при проведении психологических тренингов все высшие психические функции человека осуществляются на родном для испытуемых языке, и тем, что предполагаемые психолингвистические тренинги потребуют от их участников погружения в языковую среду, а следовательно, взаимодействие, анализ, рефлексия, а в идеале и мышле-

ние также должны происходить на английском языке. Поэтому для апробации тренинга были отобраны группы студентов с продвинутым уровнем владения английским языком.

Безусловно, благоприятным фактором явилось и то, что во время проведения тренинговой программы было задействовано большое количество разнообразных методов:

1. Тренинговые методы работы с прошлыми событиями: метод регрессии, метод обмена опытом и метод имитации.

2. Тренинговые методы работы со случаем событиями: метод концентрации присутствия, метод групповой рефлексии и метод построения диспозиций.

3. Наибольшее внимание, безусловно, было уделено тренингам с прогнозируемыми событиями, в которых студенты могут принять непосредственное участие при выполнении своих профессиональных обязанностей: метод символического выражения и метод группового решения проблем.

Таким образом, тренинговая программа была направлена на устранение практически всех возможных сложностей при общении.

Практические цели тренинга заключались в развитии коммуникативных компетенций студентов за счет активации вербальных и невербальных составляющих общения.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать выводы о безусловно высокой практической значимости психолингвистического тренинга при обучении иностранным языкам и формировании коммуникативных компетенций студентов. В частности, он способствовал:

– раскрытию личностных ресурсов, направленных на самоопределение и профориентацию студентов;

– выявлению лидерских и творческих качеств личности;

– формированию умений взаимодействия, анализа и групповой рефлексии на языке специальности (английском языке);

– развитию навыков сотрудничества в рамках делового и межличностного общения.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
2. Бурнард Ф. Тренинг межличностного взаимодействия. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
3. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М.: Ось-89, 1999. 256 с.
4. Зинкевич-Евстегнеева Т., Фролов Д., Грабенко Т. Технология создания команды. СПб.: Речь, 2002. 216 с.
5. Игры – обучение, тренинг, досуг: В 4 книгах/Книга 3: Коммуникативно-лингвистические игры / Под ред. В. В. Петрушинского. М.: Новая школа, 1994. 368 с.
6. Кристофер Э., Смит Л. Тренинг лидерства. СПб., 2002. 320 с.
7. Крысько В.Г. Социальная психология. М., 2002. 320 с.
8. Леванова Е.А., Соболева А.Н., Плешаков В.А. Игра в тренинге. Личный помощник тренера. СПб., 2011. 368 с.
9. Раицкая Л.К. Самостоятельная учебно-познавательная деятельность в информационно-образовательной среде Интернет: дидактическая концепция : Монография / Под науч. ред. А.В. Гагарина. М.: МГОУ, 2012. 268 с.

10. Рудестам К. Групповая психотерапия. СПб.: Питер, 1998. 384 с.
11. Синицина С.К. Психолингвистический тренинг как способ развития эмоциональной сферы учащихся. Киев, 2009. 345 с.
12. Сохранов В.В., Мирясова Н.В. Эффективность использования игр в процессе формирования коммуникативных умений на социально-психологическом тренинге в юношеском возрасте // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Т. 2. Тула–Пенза, 2003. С. 137–144.
13. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 87.
14. Ушакова Т.Н. Психолингвистика // Психология: Учебник для гуманитарных специальностей. СПб., 2000. 528 с.
15. Хавайсис Р. Факторы развития коммуникативной сферы личности // Сборник статей зарубежной литературы. М., 2008. С. 187.
16. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978. 304 с.

Об авторе

Лазарева Анастасия Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры английского языка № 5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: asyalazarava@gmail.com

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCES IN STUDENTS BY TRAINING PROGRAMS

A.V. Lazareva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author of the article considers the possibility of enhancing students' motivation and development of their communicative competences in a group work, carried out as a psycholinguistic training in the language of speciality. A psycholinguistic training is treated by the author as an active psychological as well as pedagogical method of influence which further on optimizes professional interaction, self-growth, development of leadership qualities and skills of cooperation. The training carried out in the language of speciality (namely English) significantly enhanced the participants' motivation to language learning, oral skills development, language barriers removing, as well as accumulation of positive experience towards oneself and others, communication at large. During the training group work all the participants demonstrated all the stages of group dynamic, high level of performance and emotional involvement into the process. As the author marks out, it is the emotional involvement that positively effected the participants' interaction, their self-realization and language barriers removing. In the training program the following methods were involved: discussion (braistorming, case study, method of synectics), role plays, business role plays, art-therapy and metaforization of the accumulated experience. The results of this experiment prove that such combined programs could be effectively applied in Higher education curriculum.*

Key words: communicative competences, psycholinguistic training program, interpersonal interaction, training group, communication.

References

1. Andreeva G.M. Social'naja psihologija [Sociopsychology]. M.: Aspekt Press, 2001. 376 s.
2. Burnard F. Trening mezhlichnostnogo vzaimodejstviya [Training of interpersonal communication]. SPb.: Piter, 2002. 304 s.
3. Vachkov I.V. Osnovy tehnologii gruppovogo treninga. Psihotekniki [Basic techniques of group training. Psychotechniques]. M.: Os'-89, 1999. 256 s.
4. Zinkevich-Evstegneeva T., Frolov D., Grabenko T. Tehnologija sozdaniya komandy [Technologies of group-making]. SPb.: Rech', 2002. 216 s.
5. Igrы – obuchenie, trening, dosug [Games - teaching, training, leisure time] / Pod red. V.V. Petrusinskogo // V 4 knigah. Kniga 3. Kommunikativno-lingvisticheskie igry [Communicative-linguistic games]. M.: Novaja shkola, 1994. 368 s.
6. Kristofer Je., Smit L. Trening liderstva [Leadership training]. SPb.: 2002. – 320 s.
7. Krysko V.G. Social'naja psihologija [Sociopsychology]. M.: 2002. 320c.
8. Levanova E.A., Soboleva A.N., Pleshakov V.A. Igra v treninge. Lichnyj pomoshchnik trenera [Game in training. Personal helping hand of a trainer]. SPb., 2011. 368 s.
9. Raitskaya L.K. Samostojatel'naja uchebno-poznavatel'naja dejatel'nost' v informacionno-obrazovatel'noj srede Internet: didakticheskaja koncepcija [Self-organized studies and learning in informational and educational sphere of the Internet: didactic concept] : Monografija / Pod nauch. red. A.V. Gagarina. M.: MGOU, 2012. 268 s.
10. Rudestam K. Gruppovaja psihoterapija [Group psychotherapy]. SPb.: Piter, 1998. 384 s.
11. Sinicina S.K. Psiholingvisticheskij trening kak sposob razvitiya jemocional'noj sfery uchashhihsja [Psycholinguistic training as a method of emotional development of its participants]. Kiev 2009. 345 s.
12. Sohranov V.V., Mirjasova N.V. Jefferektivnost' ispol'zovanija igr v processe formirovanija kommunikativnyh umenij na social'no- psihologicheskom treninge v junosheskom vozraste [Effectiveness of using games in the process of communicative skills development in youngsters at a social-psychological training] // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. T. 2. Tula-Penza, 2003. S. 137-144.
13. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Education as an instrument of "mild force" in foreign policy of Russia] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2012. №4. S. 87.
14. Ushakova T.N. Psiholingvistika // Psihologija: Uchebnik dlja gumanitarnyh special'nostej [Psychology: textbook for humanitarian specialties]. SPb., 2000. 528 s.
15. Havajsis R. Faktory razvitiya kommunikativnoj sfery lichnosti // Sbornik statej zarubezhnoj literatury [Factors of personal communicative sphere development]. M.: 2008. S. 187.
16. Jel'konin D.B. Psihologija igry [Psychological games]. M.: 1978. 304c.

About the author

Anastasia V. Lazareva – the PhD of linguistics, an associate professor of the English language chair № 5 of MGIMO University. E-mail: asyalazareva@gmail.com

РОЛЬ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ ЭКОНОМИСТОВ- МЕЖДУНАРОДНИКОВ

М.В. Гринева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Одной из ключевых парадигм совершенствования системы преподавания иностранного языка в вузах, специализирующихся на подготовке специалистов-международников, является профессионализация всех аспектов языковой подготовки. В статье рассматривается роль занятий по курсу домашнего чтения с точки зрения возможностей его эффективной интеграции в систему профессионально ориентированной языковой подготовки студентов-экономистов. Актуальность темы определяется тем, что изучение английского языка для специальных целей, равно как и распространение коммуникативных методик, ведет к тому, что художественные тексты зачастую рассматриваются как избыточные и лишь «отягощающие» языковую программу. Поэтому возникла необходимость оценки роли и места таких текстов в преподавании английского языка с учетом установки на его профессионализацию. Специфика чтения иноязычной художественной литературы делает его незаменимым ресурсом формирования всего комплекса языковых навыков учащихся. Однако обучающий потенциал такого чтения в полной мере может быть реализован только при условии соблюдения общих и специальных профессиональных критериев отбора текстового материала для курса профессионально ориентированного домашнего чтения. К ним относятся: эмоциональная сопричастность читателя к проблемам, поднимаемым в книге; низкая степень лингвистических и культурологических девиаций; жанровая доступность художественного произведения; ярко выраженный профессиональный контент. Руководствуясь этими обстоятельствами, а также установкой на профессионализацию языкового преподавания, автор статьи обращается к «производственной» прозе на примере романов Дж. Гришема и Дж. Мид. Автор приходит к выводу, что эти произведения, удовлетворяющие всем вышеуказанным критериям отбора художественного текста, являются уникальным ресурсом формирования широкого комплекса профессионально значимых компетенций будущего экономиста-международника. При этом принципы, лежащие в основе составленных автором учебных пособий по данным книгам, ориентируют студентов на анализ текста именно с точки зрения наличия в нем профессионально значимой информации.

Ключевые слова: профессионально ориентированное чтение, профессиональные компетенции, экономист-международник, критерии отбора, мотивация.

Магистральным направлением совершенствования языкового образования в вузах, готовящих специалистов-международников, на современном этапе признана его профессионализация. В рамках компетентностного подхода как современной парадигмы языкового образования языковая подготовка предполагает формирование комплекса взаимосвязанных профессионально значимых компетенций, в частности языковой (или лингвистической), речевой и коммуникативной [2, с. 11]. Это, в свою очередь, подразумевает, во-первых, активное целенаправленное формирование не только общеязыковых, но и специальных или предметных языковых компетенций (так называемый «язык профессии») и, во-вторых, использование учебного языкового дискурса для формирования более широкого круга неязыковых профессионально значимых компетенций, например столь необходимых в работе специалиста-международника аналитической и социокультурной компетенций. Для успешного достижения этой цели требуется переосмысление работы по каждому аспекту языковой дисциплины, в том числе и по курсу домашнего чтения.

Домашнее чтение традиционно было и остается неотъемлемой частью языковой подготовки студентов вузов и факультетов с усиленным языковым компонентом, специализирующихся на подготовке специалистов-международников. Основной задачей, решаемой при этом в ходе занятий, помимо знакомства с иноязычной художественной литературой, является приобщение студентов к текстовому материалу, обобщающему знания, приобретаемые на основе поаспектного изучения иностранного языка (фонетика, грамматика, лексика общего характера). Очевидно, что домашнее чтение дает возможность общения с изучаемым языком во всем его лексическом, грамматическом и стилистическом разнообразии, причем контекстуальный фон и эмоциональная вовлеченность читателя-студента расширяют возможности дедуктивного понимания содержания и запоминания нового материала, знакомят его с социокультурными особенностями страны изучаемого языка. Не менее важен и тот факт, что «в студенческие годы у молодых людей формируются мировоззренческие ценности и взгляды», в том числе через чтение художественной литературы [5, с. 86].

Кроме того, обильное и регулярное чтение художественной литературы на иностранном языке, по мнению как отечественных, так и зарубежных специалистов, позволяет эффективно формировать навыки как самого чтения, так и навыки «смежных» с ним продуктивных видов речевой деятельности. Механизмом, реализующим взаимозависимость формирования всех видов речевой деятельности в процессе чтения, является так называемый «перенос» (термин, предложенный Н.И. Житинкиным) [4]. А в известной работе С.К. Фоломкиной дается развернутый анализ роли различных видов чтения в формировании всего комплекса языковых знаний, умений и навыков [6].

Вместе с тем все чаще можно услышать мнение как студентов, так и преподавателей, что занятия по домашнему чтению следует отменить, так как они ничего не дают для профессиональной языковой подготовки студентов-экономистов, но занимают время студентов, которое может быть использовано более эффективно. Таким образом, актуальность исследования обусловлена как новыми требованиями к качеству и формам профессиональной языковой подготовки экономистов-международников, так и психолого-педагогической спецификой материала, предлагаемого на занятиях по домашнему чтению. Цель исследования – проанализировать эффективность использования художественных текстов в обучении иностранному языку для специальных целей («языку профессии»). В ходе исследования использованы следующие методы: анализ отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования, педагогические наблюдения, педагогическая интерпретация реального опыта языковой подготовки экономистов-международников, обобщение опыта реализации компетентностного и лингвокультурологического подходов к преподаванию иностранных языков.

Обучающий и навыкообразующий потенциал чтения иноязычной художественной литературы в значительной степени определяется самим характером такого чтения. Самостоятельное чтение иноязычной художественной прозы по способу понимания содержания является синтетическим, то есть это беспереводное, неподготовленное, в основном ознакомительное чтение, когда языковая форма текстов в процессе чтения остается вне внимания и анализа читателя, при этом его основные усилия направлены на извлечение информации. Обильное и регулярное чтение такого рода дает возможность пропустить через сознание учащегося значительное количество языковых комбинаций – грамматических структур и лексических единиц, а интересный сюжет и эмоциональная вовлеченность в сюжетную канву делают упражнения в таком чтении увлекательным. Это, в свою очередь, повышает мотивацию к чтению и изучению языка в целом. Такое чтение максимально приближено к настоящему чтению для удовольствия, присущему носителям языка. Оно освобождает учащегося от зависимости от словаря, стимулирует языковую догадку и доверие к своим знаниям.

Однако, как показывает собственная практика преподавания английского языка в вузе, а также результаты исследований, публикуемые в специальной педагогической литературе, обучающий потенциал художественной литературы может быть в полной мере реализован лишь при наличии позитивного отношения и интереса к книге со стороны читателя, релевантностью поднимаемых в ней проблем его интересам и чаяниям. Степень позитивности отношения читателя к книге определяется его психологическими и возрастными особенностями, его собственным жизненным и читательским опытом, уровнем образования. В случае чтения на иностранном языке принятие или неприятие книги

читателем зависит также от адекватности ее языка уровню его знаний, однако это не является определяющим фактором, так как, по данным ряда работ и по нашим наблюдениям, интерес к содержанию позволяет читателю с энтузиазмом преодолевать лексико-грамматические трудности.

Именно в плоскости максимизации учета этих факторов, по нашему мнению, лежит решение проблемы повышения эффективности курса домашнего чтения. Применительно к вузам это предполагает первоочередной учет того обстоятельства, что наши студенты, особенно студенты младших курсов (это главным образом подростки), зачастую, с еще не сформировавшейся профессиональной идентификацией и часто без навыка регулярного чтения «добротной» литературы на родном языке [1, с. 46]. При этом проблематика англоязычной классической прозы, традиционно предлагаемой в рамках курсов домашнего чтения в вузах, мало сопрягается с интересами и устремлениями юного читателя и требует от него дополнительных усилий по преодолению лексических, грамматических и культурологических трудностей.

Учет низкой степени подготовленности студентов младших курсов к обильному и регулярному чтению «добротной» литературы возможно реализовать путем выработки и реализации критериев отбора крупноформатных текстов в качестве ресурсной базы для новой программы профессионально ориентированного курса домашнего чтения. Соображения касательно таких критериев содержатся в работах как российских, так и зарубежных исследователей.

Так, британские специалисты С. Брамфит (C.Brumfit) и Р. Картер (R.Carter) отмечают, что отбор литературы во многих случаях определяется скорее традицией и предпочтениями преподавателей, «нежели является целенаправленным поиском текстов, которые в наибольшей степени отвечают интересам учащихся» [7, с. 22]. Этот главный критерий расширяется в работах отечественных и зарубежных специалистов – это не столько обучающий потенциал книги в плане ее возможностей для лексического, грамматического и стилистического обогащения речи учащихся, а в первую очередь соотносимость проблематики литературного произведения с интересами и устремлениями молодого читателя. Это обеспечивает его эмоциональную вовлеченность в контекст, интерес к его освоению, без которых, по мнению исследователей Дж. Колли (J.Collie) и С. Слейтер (S.Slater), невозможно формирование «устойчивой позитивной реакции на чтение» [8, с. 6]. Только на основе работы над произведением, которое по-настоящему интересно и важно для учащихся, и может формироваться «общая лингвистическая уверенность», утверждает исследователь Дж. Скривенер (J. Scrivener). И, что особенно важно, эмоциональная сопричастность облегчает выстраивание компетентностного учебного дискурса на аудиторных занятиях и побуждает студентов к участию в дискуссии [9, с. 188].

К критериям второго порядка относится уяснение степени лексической и культурологической

приемлемости художественного произведения для конкретной группы учащихся. На этой стадии «потенциальный» текстовый ресурс требуется проанализировать по двум параметрам. Это, во-первых, определение степени лингвистической «прозрачности», а вернее, допустимой степени «непрозрачности» текста, то есть возможности преодоления учащимися лингвистических трудностей в процессе чтения при сохранении синтетического, беспереводного характера этого чтения («чтение для удовольствия»). На стадии отбора, как считает британский исследователь Г. Кук (G.Cook), такой анализ текста необходим для выявления плотности языковых девиаций – отклонений от общепринятых лексических и грамматических норм, используемых как средство решения художественных задач [7, с. 159–160]. Как показывает практика, при избыточной лингвистической нагрузке самостоятельная работа студента сводится либо к избирательному чтению событийных отрывков, либо к изнуряющей расшифровке текста с помощью словаря.

Второй параметр, по которому необходимо проанализировать художественный текст, заключается в выявлении степени насыщенности художественного произведения различного рода лингвострановедческой информацией, составляющей естественные фоновые знания читателей – носителей языка. В классической литературе обилие историзмов вкупе со стилистическими девиациями может существенно ограничивать приемлемость таких текстов для решения задачи по повышению эффективности курса домашнего чтения. Исследователи С. Маккей, К. Донелсон и А. Нилс (S.Mckay, K.Donelson, A.Nilse) полагают, что при отборе оригинальной литературы на иностранном языке необходимо учитывать ее доступность, которая, в свою очередь, зависит от времени ее создания и избранного писателем жанра [7, с. 193–194]. Это соображение подтвердило и наш вывод о целесообразности поиска текстового ресурса для домашнего чтения на «суженном» жанровом поле, так как детективы, любовные романы, триллеры дают возможность работать с оригиналами на более ранних стадиях обучения и быстрее находят отклик у молодого читателя в силу их захватывающего сюжета, подводя его при этом к последующему знакомству с произведениями классики.

Руководствуясь пониманием недостаточной готовности студентов к чтению и восприятию классических литературных произведений, неразвитостью навыков работы с текстом вкупе со стремлением к усилению профессионализации всех аспектов программы преподавания иностранного языка студентам-экономистам, мы обратились к англоязычной «производственной» прозе, которая представлена произведениями таких авторов, как Дж. Гришем и Дж. Мид. Если первоначально нас привлекла ее насыщенность экономической лексикой и описаниями конкретных бизнес-ситуаций, то затем стали очевидны и другие сильные стороны:

– близкая молодому читателю проблематика (перипетии профессионального становления героев, начинающих свою карьеру экономистов и

юристов, анализ их поведения в критических ситуациях и т.д.);

- захватывающие сюжеты жанра «производственный триллер», основанные на коллизиях личной и профессиональной жизни героев;

- стилистическая нейтральность и современность языка, вытекающие из документальности в подаче ситуаций деловой жизни;

- незначительное – по той же причине – количество девиаций, профессионализм в трактовке экономических явлений (в нашей терминологии – «профессиональная аутентичность»).

«Производственная проза» рассматривается нами как уникальный источник формирования широкого комплекса профессиональных компетенций будущего экономиста-международника, причем как языковых, так и неязыковых. Поэтому при подготовке учебных пособий по романам Дж. Гришема и Дж. Мид нами была поставлена задача использования преимуществ беспереводного, синтетического, эмоционально мотивированного, регулярного и обильного чтения для «культивирования» таких компетенций.

В работе над пособиями можно выделить следующие принципиальные подходы:

1. Профессиональное комментирование фоновой и специальной профессиональной информации, включая разъяснение содержания экономических терминов и информации о тех реалиях, которые можно отнести к «специальному» лингвострановедению. То есть к тем знаниям, которые являются обязательными для представителей западной бизнес-культуры и, следовательно, не требуют дополнительной расшифровки. Предметом комментирования в данных учебных пособиях стали культурные и исторические реалии США и Великобритании, включая имена известных личностей, информация об учебных заведениях и органах государственной власти, национальные праздники, цитаты из известных книг, географические названия и даже названия блюд национальной кухни. Такие знания, хотя напрямую и не связаны с профессией, опосредованно влияют на эффективность деловых контактов, располагая партнеров друг к другу, облегчая ведение обязательного *small talk* и преодоление трудностей, неизбежных при общении с представителями другой культуры. Овладение этими знаниями, несомненно, облегчит интеграцию будущих экономистов-международников в западное бизнес-сообщество, позволит им почувствовать себя членами «одного цеха».

Толкование некоторых специальных профессиональных терминов и явлений, напрямую относящихся к сфере экономики и бизнеса, также вынесено в комментарии в силу их частотности и сложности для понимания. Комментируются, например, такие понятия, как «corporation», «tax evasion vs. tax avoidance», «stock option», «assets swap», «the Internal Revenue Service», «the Bank of England», «the Maastricht Treaty», «the Financial Times» и т.д. [3]. Знакомство с этими комментариями позволяет студентам не только уяснить английские эквиваленты, известных им из специальных

курсов экономических терминов, но и уточнить «физический смысл» новой для них профессиональной терминологии.

Общая и профессиональная страноведческая информация представлена также в виде списков тематической лексики: «Food and Cooking», «Travelling by Air», «Cars and Traffic», «Job Interviews», «Taxation», «Corporate Culture and Documents», «Negotiating a Contract», «Mergers and Acquisitions», «Investment Banking» и др. [3]. Таким образом, справедливым представляется вывод о том, что художественный текст профессиональной направленности, «сопровожаемый» компетентностно-ориентированным учебным пособием, может способствовать становлению не только общей и специальной (предметной) лингвистической, но также социокультурной и специальной профессиональной компетенций будущего экономиста-международника.

2. Анализ речевого поведения героев в типичных ситуациях делового общения. Нами выявлялись современные наиболее употребимые формы такого поведения с выделением характерной для них лексики и вынесением ее в списки «Active Vocabulary» и «Topical Vocabulary». Особое внимание уделялось профессиональным жаргонизмам и идиоматике, широко употребляемым в деловом общении: «ballpark figure», «cutthroat competition», «to cut a deal», «the bottom line», «to call the shots», «blue-chip client», «Chinese walls», и т.д. (упражнения группы «Match the Meaning») [3].

В процессе чтения романов «Фирма» и «Хедхантер» студент «пропускает через себя» такие бизнес-ситуации, как получение ипотечного кредита, прохождение интервью при устройстве на работу, анализ условий контракта о найме, открытие банковского счета, подготовка бухгалтерской отчетности, распределение прибыли по итогам работы компании и т.д. Анализ таких ситуаций позволяет студентам:

- во-первых, расширить знания по избранной ими специальности;
- во-вторых, уяснить страновую специфику экономических процессов и явлений;
- в-третьих, познакомиться с моделями речевого поведения в типичных бизнес-ситуациях (отработка таких моделей предусмотрена в разделе пособия «Role-play»).

Другими словами, в процессе чтения и работы с пособием происходит параллельное формирование социокультурной, лингвистической и специальной профессиональной компетенций.

3. Анализ экономических проблем и явлений, описываемых в книге с точки зрения их сущности и используемой лексики. Помимо списков «Topical Vocabulary», эта лексика включена в упражнения группы «Bring out the Economic Meaning», где студентам предлагается дать собственные формулировки экономических терминов. «Активизировать» аналитические способности студентов призван и раздел пособия по роману «Хедхантер», в котором студентам предлагается завершить данную фразу, исходя из контекста и логики развития экономических процессов. Кроме того, вопросы для обсуж-

дения («Questions for Discussion») предполагают уяснение студентами сути экономических процессов, описанных в тексте (в том числе и на основе раздела «Commentaries») [2]. Постигание сути экономических явлений необходимо и для понимания мотивации действий героев, что также отражено в данном разделе. Это самым непосредственным образом связано с формированием аналитической компетенции, являющейся обязательной составляющей профессиональных качеств будущего экономиста-международника. При этом контекст «приземляет» экономические категории, зачастую воспринимаемые студентами как отвлеченные, чисто теоретические, таким образом облегчая понимание ими материала специальных теоретических курсов.

4. Грамматический анализ текста с акцентом на «амбициозную» грамматику, то есть те структуры, которые изучаются в курсе экономического перевода и представляют известную трудность и для письменного перевода, и для их использования в речи. Выполнение соответствующих упражнений предполагает анализ грамматических структур текста и их использование при переводе предложений с использованием активной и профессиональной лексики. Данный раздел пособий, таким образом, призван решать задачу становления лингвистической компетенции студентов.

Мы рассчитываем, что единообразие структуры каждого раздела, откладываясь в памяти студента, будет постепенно приучать его к анализу текстов с точки зрения наличия в них профессионально

значимой информации, намечая позиции и направления для такого анализа. По результатам работы с профессионально ориентированными пособиями по домашнему чтению на III курсе факультета МЭО МГИМО(У) в течение шести семестров позволяет сделать следующие выводы:

- отмечается усиление позитивного отношения студентов к курсу домашнего чтения;
- повышается речевая готовность студентов к неподготовленным высказываниям (продуцирование спонтанной устной речи);
- удлиняются неподготовленные высказывания на аудиторных занятиях;
- дискуссии на занятиях по домашнему чтению переходят в плоскость обсуждения экономических проблем на основе содержания романа;
- студенты самостоятельно обращают внимание на «переключку» экономической проблематики романа с реальной экономической жизнью и материалом специальных теоретических курсов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что профессионально ориентированный курс домашнего чтения существенно способствует формированию комплекса профессионально значимых компетенций. По ряду позиций правильно подобранное литературное произведение служит уникальным ресурсом для их формирования, который не может быть заменен никаким другим. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий и методических рекомендаций при обучении будущих экономистов-международников иностранному языку.

Список литературы

1. Воевода Е.В. Основные направления профессионально ориентированной языковой подготовки специалиста-международника. М.: МГОУ, 2009. 141 с.
2. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка специалистов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО. 201. № 1(28). С. 9-12.
3. Гринева М.В. Пособие по домашнему чтению по роману Дж.Гришема «Фирма». [Электронный ресурс] / Режим доступа: mgimo.ru/study/faculty/meo/eng2/docs/119558/
4. Житинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. 158 с.
5. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4(25). С. 86.
6. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 253 с.
7. Brumfit Ch. and Carter R. Literature and Language Teaching. Oxford University Press, 1991. 289 p.
8. Collie J. and Slater S. Literature in the Language Classroom. Cambridge University Press, 2005. 266 p.
9. Scrivener J. Learning Teaching. Macmillan Education, 2011. 431 p.

Об авторе

Гринева Мария Владимировна – ст. преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: maria.grineva@mail.ru

THE ROLE OF HOME READING CLASS IN THE LANGUAGE TRAINING OF STUDENTS OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

A.V. Lazareva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Nowadays the growing professional orientation of all the aspects of foreign language teaching is widely recognized as the main trend in the process of enhancing the system of foreign language teaching at higher education institutions which specialize in training students majoring in international economic and political relations. In view of the above the article focuses on the role of teaching home reading and analyzes the possibility of its integration into the professionally oriented process of teaching English as a foreign language to would-be economists. Another reason why the issue of teaching home reading is of utmost importance is that due to the prevailing communicative approach in teaching English as a foreign language, coupled with teaching English for professional purposes, some researchers and practising teachers are of the opinion that large-sized literary works are «incompatible» with an efficient foreign language curriculum. Hence, the importance of analyzing the role of such texts in teaching English given its increasing professionalization. According to the author, the specific features of reading literature in a foreign language make it an irreplaceable and useful resource for a wide range of linguistic competences. However, its competence forming potential can only be fully realized if certain general and specifically professional criteria for choosing a literary text for a home reading class are implemented. Such criteria are as follows: the reader's emotional involvement with the plot and the problems raised in a book; a low degree of linguistic and cultural deviations; popular literary genres; clear professional orientation of a text. The author goes on to analyze the professionally oriented novels by J. Grisham and J. Mead and concludes that they can be successfully incorporated into professionally oriented process of teaching English, as they fully satisfy all the above criteria and, moreover, represent a unique resource for a wide spectrum of professional competences of a future economist, both linguistic and non-linguistic (e.g. sociocultural and analytical competences). In addition, the learning aids written by the author encourage students to treat the text of the books as a source of professionally meaningful information.

Key words: professionally oriented home reading; literature; professional competences; a would-be economist; criteria for choosing a literary text; motivation.

References

1. Voevoda E.V. Osnovnye napravleniya professional'no orientirovannoj jazykovoj podgotovki specialista-mezhdunarodnika [The Main Trends in the Development of Professionally Oriented Language Teaching] M.: MGOU, 2009. 141 s.
2. Voevoda E.V. Professional'naja jazykovaja podgotovka specialistov-mezhdunarodnikov: voprosy didaktiki [Professional language training of students of international relations: didactics] // Vestnik MGIMO. 201. № 1(28). S. 9-12.
3. Grineva M.V. Posobie po domashnemu chteniju po romanu Dzh.Grishema «Firma». [Home reading resource book on hre novel «The Firm» by G. Grisham] / Available at: mgimo.ru/study/faculty/meo/eng2/docs/119558/ (Accessed 28 August 2013).
4. Zhitinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. [Language. Speech. Creativity] – M., 1998. 158 s.
5. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Education as an instrument of 'soft power' in Russia's foreign policy] // Vestnik MGIMO. 2012. № 4(25). S. 86.
6. Folomkina S.K. Obuchenie chteniju na inostrannom jazyke v neязыkovom vuze. [Teaching Reading in a Foreign Language at a Non-Linguistic Higher Education Institution] – M.: Vysshaja shkola, 2005. 253 s.
7. Brumfit Ch. and Carter R. Literature and Language Teaching. Oxford University Press, 1991. 289 p.
8. Collie J. and Slater S. Literature in the Language Classroom. Cambridge University Press, 2005. 266 p.
9. Scrivener J. Learning Teaching. Macmillan Education, 2011. 431 p.

About the author

Maria V. Grineva – the senior lecturer of chair of English № 2, MGIMO(U) at the MFA of Russia.
E-mail: maria.grineva@mail.ru

ЗОНОВА Т.В. – ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.А. Мелихов

Татьяна Владимировна Зонova с отличием окончила факультет МО МГИМО по специальности «специалист по международным отношениям, референт по странам Запада». Наилучшие воспоминания остались от лекций и семинаров такого замечательного правоведа, как Марат Викторович Баглай, который в новой России возглавлял Конституционный суд. Интерес к философии пробуждали Александр Федорович Шишкин и Юрий Александрович Замошкин. Сохранились в памяти лекции по ИМО Абдулхана Абдурахмановича Ахтамзяна, по истории России – Веры Николаевны Фирсовой. Блестящие лекции по отечественной литературе читал Сидорин, а по литературе Запада – Злата Михайловна Потапова. Интерес к дипломатии Ватикана, вылившийся затем в монографию «Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы», возник благодаря сотрудничеству с известным ватиканистом Николаем Александровичем Ковальским.

Поступив в МГИМО, начала изучать финский язык. Но через некоторое время, видимо, в связи с бурным развитием экономических связей с Италией, в институте приступили к срочному формированию группы итальянского языка. Переводу в эту группу способствовала Юлия Абрамовна Добровольская, преподававшая тогда итальянский язык. Созданная Добровольской группа упоминается в предисловии к ее прекрасному и впоследствии неоднократно переизданному учебнику «Практический курс итальянского языка». На долгие годы сохранилась дружба с другим преподавателем и замечательным человеком – Тамарой Захаровной Черданцевой, известным ученым, автором многих учебников и словарей итальянского языка. Углубленному изучению языка способствовали приехавшие из Италии преподаватели Эльза Гуэрра и Адриана

Муши. Впоследствии совершенствованию языка, приобретению навыков синхронного перевода и знакомству с жизнью почти всех советских республик способствовала работа переводчиком с группами, каждое лето посещавшими СССР по приглашению Международного отдела ЦК КПСС, а также поездки в Италию (тоже переводчиком) по линии Комитета молодежных организаций и Государственного комитета по науке и технике. Накануне выпускных экзаменов Зонova прошла многомесячную стажировку в посольстве СССР в Италии. Это позволило не

Мелихов Игорь Александрович – д.и.н, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

только ознакомиться с практикой дипломатии, но и собрать материал для будущей дипломной работы.

После окончания института была оставлена в МГИМО. Окончила аспирантуру и в 1972 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Так началась преподавательская карьера: преподаватель, старший преподаватель, доцент. В 1977 г. известный специалист по проблемам европейской интеграции Всеволод Борисович Княжинский, возглавлявший в то время кафедру истории международных отношений, предложил отправиться в научную командировку в недавно созданный Европейский университетский институт. Институт готовил кадры для Европейских сообществ и располагался на одном из холмов, окружающих Флоренцию, в здании, где когда-то находилось аббатство Сан Доменико ди Фьезоле. До сих пор вспоминается высокий уровень этого института, где преподавали лучшие профессора из Европы, США, Канады и многих других стран. Уже в те годы институт был оснащен новейшей техникой, его библиотека была связана компьютерной сетью с наиболее значимыми библиотеками Европы.

В разгар кампании, последовавшей за постановлениями 1978 г. о «необходимости усиления надзора за политическим, идейным и моральным уровнем выезжающих за рубеж», наряду со многими оказалась невыездной (привезла в страну запрещенную тогда книгу Бжезинского). Продолжала преподавать, подготовила курс лекций по межвоенному периоду международных отношений, работала над тематикой европейской интеграции, проблемами социалистического движения в Италии, опубликовала несколько статей в научных изданиях и ряд разделов в учебных пособиях.

В 1991 г. перешла для подготовки монографии и докторской диссертации на должность старшего научного сотрудника МГИМО. В том же году была приглашена читать лекции по внешней политике России в университете норвежского города Ставангер. Затем отправилась в Италию для сбора материала. Работала в библиотеках Италии и Ватикана. Докторская диссертация «Дипломатическая служба Италии: эволюция структур и методов» была защищена в 1995 г. После защиты ректор Анатолий Васильевич Торкунов предложил перейти на кафедру дипломатии. Читала курсы по истории дипломатии. Вечерами приезжала в МГИМО для занятий со слушателями курсов редких языков историей европейской цивилизации и историей христианства.

В 2001 г. в связи с болезнью, а затем кончиной заведующего кафедрой дипломатии д.и.н. профессора Владимира Марковича Матвеева была назначена заведующим кафедрой. Работать с высококвалифицированным коллективом кафедры было интересно и поучительно. Профессора, опытные практические работни-

ки – Юрий Владимирович Дубинин, Вячеслав Иванович Долгов, Павел Федорович Лядов, Владислав Петрович Терехов, Всеволод Леонидович Олеандров, Евгений Михайлович Астахов, Игорь Григорьевич Усачев, Олег Владимирович Басторин, Иван Иванович Елисеев, Николай Николаевич Леонов – неизменно были готовы помочь советом и оказать содействие в решении тех или иных задач.

Придя на кафедру, Т.В. Зонова разработала новую учебную программу для факультета МО, где проблемами дипломатии стали заниматься студенты всех курсов – с первого по пятый. Расширилось число студентов, стремящихся защитить дипломные работы по проблемам дипломатии. Преподаватели кафедры принимали активное участие в проводимых в МГИМО днях науки, конференциях РАМИ, международных конференциях, печатались в периодических изданиях.

В 2003 г. вышел в свет учебник «Историческая модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития». За эту работу Ученый совет МГИМО присудил автору премию И.Д. Удальцова. Отмечалось, что премия присуждена также за подготовку авторских курсов «Дипломатия и дипломаты Отечества» и «Компаративная история и теория дипломатии», читаемых с применением мультимедийных средств. Действительно, впервые в презентации курсов в формате Power Point демонстрировались отрывки из фильмов, подготовленных МИД России на основе архивов в связи с празднованием 200-летия Министерства иностранных дел.

В 2004 г. под редакцией Т.В. Зоновой было подготовлено учебное пособие «Дипломатия иностранных государств», в котором ею были написаны три главы: по дипломатии Италии, Святого Престола и Европейского союза. В 2007 г. в МГИМО развернулась подготовка Инновационной программы. В частности, руководство программой вновь создаваемой магистратуры «Внешняя политика и дипломатия России» было поручено Т.В. Зоновой совместно с заведующим кафедрой международных отношений и внешней политики России профессором М.М. Наринским. Т.В. Зоновой была также разработана выигравшая конкурс новая программа курса «Модели дипломатии и тренды их эволюции», к которой прилагалось инновационное учебное пособие.

В настоящее время Т.В. Зонова читает курсы лекций по дипломатии на факультетах МО, ФП и МЖ. Она также является научным руководителем магистратуры «Внешняя политика и дипломатия России», в рамках которой читает курс «Модели дипломатии». Т.В. Зонову хорошо знают и студенты, специализирующиеся по Италии. На факультете МО и МЖ она читает курсы по истории и культуре, политическому строю, внешней политике Италии.

Т.В. Зонова приглашалась для чтения лекций в Дипломатическую академию МИД России, в

■ Золотой фонд МГИМО

МГУ (факультет мировой политики). В течение нескольких последних лет Т.В. Зонова является также профессором кафедры теории и истории международных отношений» Российского государственного университета дружбы народов, где ведет курс по теории дипломатии (на английском языке) для магистрантов и курс по истории дипломатии для бакалавров.

Труды Т.В. Зоновой на английском и итальянском языках издаются солидными зарубежными издательствами и журналами. Татьяна Владимировна принимает участие в международных конференциях по проблемам дипломатии и внешней политики в России, Англии, Голландии, Швейцарии, Италии, Словении, Турции, Армении, Украины и Молдавии.

В настоящее время она член Научного совета журнала *Rivista di Studi Politici Internazionali*, Редакционного совета по изданию трудов по истории европейской интеграции (Германия), член Экспертного совета журнала *The Hague Journal of Diplomacy*.

За заслуги в области изучения дипломатии Т.В. Зоновой присвоен ранг советника 1-го класса. В 2008 г. за научную и преподавательскую деятельность и разработку новой концепции формирования модели современной дипломатии в России Т.В. Зонова удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Она в качестве приглашенного профессора читала лекции в университетах Ставангера (Норвегия), Флоренции (факультет политических наук Чезаре Альфьери), Мессины (Европейская магистратура), Рима и в Абхазском государственном университете.

Сфера научных интересов Т.В. Зоновой охватывает область компаративных исследований

мировой политики и дипломатии, в том числе процессов интеграции и ее влияния на институты дипломатического взаимодействия. Она также изучает международную деятельность субнациональных образований. Ее внимание привлекают проблемы этических основ международных отношений, проблемы церковной дипломатии и кросс-культурной коммуникации. Профессор Т.В. Зонова также один из ведущих исследователей дипломатии Италии и дипломатических отношений между Россией и Италией. Она является экспертом Российского совета по международным делам, постоянно публикуется на сайте «Эксперты МГИМО».

Проф. Т.В. Зонова – член Диссертационного совета по политическим наукам (МГИМО), Диссертационного совета по историческим наукам (МГИМО), Диссертационного совета Института Европы РАН, член Российской ассоциации международных исследований. Она в течение многих лет выступает в роли научного руководителя аспирантов. В последние годы ее аспиранты подготовили исследования по широкому спектру современных проблем. Речь идет о многосторонней дипломатии, дипломатии Ватикана, миротворческих операциях ООН, отношениях Россия – НАТО, проблемах толерантности в теориях постмодернизма, истории дипломатической службы России и др.

Т.В. Зонова в течение многих лет координирует студенческий обмен МГИМО – Молодежный фонд Дж. Ла Пира (Италия), МГИМО – факультет политических наук университета Мессины (Италия). Она также является координатором совместного проекта *Ad Fontes*, реализуемого МГИМО и Международной ассоциацией «София: идея России, идея Европы».

ОДИН ИЗ САМЫХ КОМПЕТЕНТНЫХ УЧЕНЫХ-ЛИНГВИСТОВ – Б.П. ЛАВРЕНТЬЕВ

С.В. Чиронов

Вспоминая занятия у Бориса Павловича Лаврентьева, многие действующие японисты в системе МИД и вне ее рассказывают похожие истории. Например, как именитый корифей «навскидку» пересказал озадаченному отделу заключенную в редком иероглифическом сочетании древнюю китайскую притчу и как это пролило свет на значение непереводаемого заголовка. Или как совершенно блестящий ответ на экзамене бледнел перед комментарием о какой-нибудь детали – она вдруг раскрывала глаза на бездну еще не выученного, такого, что и в голову не приходило, а этому спокойному, доброжелательному человеку уже давно было известно.

В том, что называется «владение языком», Борису Лаврентьеву действительно не было равных. Это был эталон, к которому следовало стремиться. И своим примером Борис Павлович показывал: это возможно. Ведь своего легендарного, недостижимого уровня он добился сам, собственным упорным трудом.

В отличие от плеяды востоковедов довоенного и послевоенного времени, имевших значительный «японский след» в биографии (так называемые «харбинцы»), Б.П. Лаврентьев происходил из совершенно другой среды. Родился в 1929 г. в Тбилиси. Со школьных лет проявил способности к языкам, углубленно занимался английским и французским. Сдав школьный курс экстерном (в этот год в Грузии как раз вводилась 11-летняя система), в 1946 г. поступил в Московский институт востоковедения. Абитуриентов тогда знакомили с вузом, и Борис Павлович среди других посетил и ту кафедру, где проработает большую часть жизни, но вот документы первоначально подал на персидское отделение. «Перенаправил» его случай: для автоматического зачисления баллов оказалось

недостаточно, и нужно было пройти дополнительное собеседование, где присутствовал и академик Н.И. Конрад. Комиссии Лаврентьев понравился, и ему предложили японский язык.

О том, с какими сложностями сталкивалось изучение языков в то время, написано и сказано много: это и нехватка материалов и пособий, и практически полностью исключенные контакты с языковой реальностью страны... Однако, похоже, именно сложность овладения материалом помогла, а не помешала сформироваться новому поколению чрезвычайно сильных ориенталистов. Да и педагоги были первоклассные – среди

Чиронов Сергей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

преподавателей на японском направлении трудились Н.И. Фельдман-Конрад, Е.Л. Наврон-Войтинская, М.С. Цын. А с семьей Н.И. Конрада Борис Павлович поддерживал особые отношения, чтит его как своего главного учителя и был вхож в их дом.

После окончания – с отличием – института Лаврентьев поступает в аспирантуру и начинает работу над диссертацией. В качестве темы он выбирает китайскую иероглифику и китайские заимствования в общественно-языковой практике Японии. Вообще роль китаизмов в японском языке сравнима с присутствием латинских и греческих корней в европейских языках или же отпечатком арабского в языках широкого ареала от африканских до австронезийских. «Китайский» пласт, по оценкам, составляет более 70% лексического материала современного японского языка. На этот класс приходится практически вся терминология, значительная часть этикетных клише, то есть именно он является необходимостью для полноценного делового и официального общения. При этом, как и в других языках, древний слой заимствований начинает жить своей собственной жизнью, развиваться по законам языка-реципиента. В диссертации как раз уделялось внимание именно таким явлениям, связанным, кроме того, с процессами словообразования, опрощения, аббревиации в лексике китайского происхождения. В этом смысле уже на раннем этапе в выборе темы проявился особый интерес молодого ученого к практической стороне исследования, общественно полезным результатам «на выходе». Диссертация, уже вобравшая в себя массу собранного в поездках и переосмысленного с учетом практической деятельности материала, была защищена в 1966 г.

Приход Бориса Павловича в институт связан со слиянием МИВ с МГИМО в 1954 г. В результате реорганизации в Институте международных отношений был образован восточный факультет и созданы девять кафедр восточных языков, прежде в институте не преподававшихся. Кафедру японского, корейского, индонезийского, монгольского и тагальского языков возглавила Е.Л. Наврон-Войтинская. С 1956 г. Б.П. Лаврентьев получает должность доцента, а в 1988 г. становится профессором кафедры. С 1972 по 1998 г. Борис Павлович возглавлял эту кафедру. В этот период он участвовал в деятельности Ученого совета, Совета факультета международных отношений. В 1980-х гг. возглавлял Научно-методический совет МГИМО по иностранным языкам. Среди отраженных в документации тем, поднимавшихся на заседаниях этого органа, фигурирует и вопрос профессионализации образования в преломлении изучения иноязыков – задача, актуальность которой со временем только возросла.

И.А. Латышев в книге «Япония, японцы и японоведы» (2001 г.) называет Б.П. Лаврентьева «одним из самых компетентных отечественных ученых-лингвистов». Несомненно, росту

Лаврентьева как ученого немало способствовала обширнейшая языковая, и прежде всего переводческая, практика. Первый опыт такой работы Лаврентьев получил в лагерях японских военнопленных в Грузии уже на младших курсах института. Позже, еще будучи студентом, Борис Павлович направлялся на Дальний Восток для участия в подготовке Хабаровского процесса над японскими военнопленными (среди них были и сотрудники печально известного «отряда 731», который в пригороде Харбина занимался работками бактериологического оружия). Рассказывают, что иногда он даже поправлял «неправильно выразившихся» японцев, и те бывали поражены лингвистическим чутьем молодого специалиста, практически не имевшего опыта непосредственного общения с носителями языка. Кстати, с некоторыми из пленников, благополучно вернувшихся на родину, Б.П. Лаврентьев общался потом долгие годы.

Переводческая практика продолжилась и после прихода на работу в МГИМО. С первых лет работы Борис Павлович не только переводил ответственные переговоры на различных уровнях в Москве, но и регулярно привлекался к переводу по линии МИД и Министерства культуры СССР, выезжал в Японию в составе делегаций союзной Академии наук, сопровождал на гастролях И.Д. Ойстраха, сына гениального скрипача. В 1960–1970-х гг. тематика поездок расширяется: Борис Павлович сопровождает в Японию производственные и научно-технические делегации, гастроли Большого театра. В 1970 г. во время Всемирной выставки ЭКСПО в г. Осака он становится лектором советского павильона, за что получает благодарность и памятную медаль.

С 1980-х гг. как переводчик высшего класса Б.П. Лаврентьев работает на переговорах в Москве, во время визитов в Японию делегаций ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Комитета защиты мира, ВЦСПС. Участвует он и в международных конференциях, в том числе в качестве синхронного переводчика, привлекается к обслуживанию фестивалей советского искусства в Японии, мероприятий Совинцентра, советского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Именно он был официальным переводчиком во время визита М.С. Горбачева в Токио в 1991 г. Борис Павлович оказался среди очень немногих иностранцев и, вероятно, единственным советским переводчиком, которому – с учетом безупречного владения языком – было поручено переводить во время аудиенции у японского императора.

Много занимался Б.П. Лаврентьев и письменным переводом. В его переводе появились на русском языке фундаментальная «Грамматика японского языка» М. Киэды, труды известного японского фольклориста К. Янагиды, роман Т. Исикавы «Стена человеческая», новелла О. Мори «Дикий гусь». Его перу принадлежат рецензии на книги Т. Дои, Ю. Мисимы, ряд обзоров по

тематике современной японской философии, истории японской мысли и искусства. Интересно, что именно как переводчик трудов японских философов Б.П. Лаврентьев был отмечен в Большой Советской энциклопедии выпуска 1978 г.

Насыщенная переводческая практика сочеталась с активной педагогической деятельностью. Вместе с Е.Л. Наврон-Войтинской, С.Ф. Зарубиным, С.В. Неверовым Б.П. Лаврентьев по праву считается одним из тех, кто стоял у истоков самостоятельной школы преподавания японского языка, сложившейся в МГИМО. Ее особенностями и сегодня остаются повышенное внимание речевому и коммуникативному аспектам, упор на страноведческие и переводческие дисциплины, широкое использование аутентичных материалов МИД. В 1960–1965 гг., будучи приглашен на работу в советское посольство в Токио, Лаврентьев пристально изучает постановку лингвистических дисциплин в японской системе высшего образования, организует при посольстве языковые курсы. Еще десятилетия после того, как его трудовая книжка снова вернулась в кадровый отдел МГИМО, Борис Павлович преподавал на Высших курсах иностранных языков МИД. Именно он разбирал с дипломатами профильных подразделений тонкости речевого поведения на переговорах, именно его подписью стояла на справках об уровне владения японским у нескольких поколений кадровых работников нашего внешнеполитического ведомства. Естественно, такой постоянный контакт с мидовской средой в полной мере использовался для того, чтобы более эффективно заточивать под потребности министерства институтскую учебную программу.

Широкой публике в нашей стране Лаврентьев известен прежде всего как автор культового «Самоучителя японского языка». Вышедшая в 1982 г., эта книга, построенная оригинальным способом и увлекательная даже для тех, кто не ставит себе целью овладеть азами японского, сразу стала библиографической редкостью и выдержала не одно переиздание. За годы работы в МГИМО Борис Павлович также подготовил ряд других учебных пособий, в том числе базовый «Курс общественного перевода». Единственной в своем роде стала «Практическая грамматика японского языка» 1998 г., неоднократно переизданная. Написанная ясным и четким языком, снабженная ясными, остроумными, живыми примерами, эта работа стала наиболее удобным и авторитетным справочником для поколений лингвистов и изучающих японский язык.

Пожалуй, главное место в деятельности Бориса Павловича в зрелые годы заняла лексикографическая работа. Еще в 1975 г. в соавторстве с С.В. Неверовым был выпущен «Русско-японский разговорник». В 1984 г. вышел «Японско-русский словарь», где Б.П. Лаврентьев был соавтором, редактором и автором грамматического очерка. В конце 1980-х гг. увидел свет «Учебный словарь японских иероглифов», к которому Борис

Павлович написал обзорный очерк о современной японской иероглифике, а также выступил редактором издания. Б.П. Лаврентьев составил совместно с С.В. Неверовым учебный «Японско-русский и русско-японский словарь», стал одним из авторов нового 160-тысячного «Современного японско-русского словаря». А в 2000-х гг. Лаврентьев подключился к работе по составлению электронного русско-японского словаря, развернутой на базе Института востоковедения АН.

Работа эта невидимая, незаметная, она предполагает годы тщательного труда над картотечкой, детального сравнения и анализа материала. Однако присутствие этого неявного пласта, скрытая глубина тем не менее всегда очень чувствовались. Возникали вопросы: «А можно так сказать?», «А так?».

«Сказать можно вообще все что угодно», – в своей доброжелательной, слегка ироничной манере предостерегал профессор старшекурсников, окрыленных первыми успехами в постижении экзотического языка. И в самом деле, сильно ли задумывались новоиспеченные «восточники», что «не беспокойтесь» – совсем не то же самое, что «успокойтесь», что «слышал, что она пела» и «слышал, как она пела» – заметно различаются даже в русском языке? Вдумчиво, не ограничиваясь заученными схемами, подходить к языковым явлениям учил мэтр, и это было даже важнее, чем тонкости значений, в которых ему тоже не было равных. Недаром продвинутый курс, который вел Лаврентьев, курс, ломающий привычные, упрощенные представления, носил полуофициальное название «корректирующей грамматики». Притом происходило все это без какого-либо принуждения или подавления своим авторитетом, а наоборот, с предельным уважением, мягким юмором, почти на равных, в жанре свободной дискуссии.

«Вы сами не знаете, сколько вы уже можете!» – всегда умел заинтересовать, стимулировать он. Удивительно ли, что пропускать занятия у Бориса Павловича всегда считалось дурным тоном даже у самых-самых занятых выпускников МЭО. Профессиональный авторитет Б.П. Лаврентьева не ограничивался кругом специалистов и выпускников в СССР и России. Его занятия, будучи стажерами, посещали многие из ныне работающих японских дипломатов среднего и старшего звена. Некоторые из них и сейчас с восхищением признаются, что эти занятия позволили им лучше понять свой язык. И в посольство на перевод «господина Лаврентьева» звали только по самым ответственным и торжественным поводам, просто так беспокоить мэтра было неудобно.

Одним из «фирменных знаков» Лаврентьева-сэнсэя была особая чуткость к звуковой природе языка. Японцы, будучи по своим коммуникативным особенностям склонны поддерживать, задобрить собеседника, не пожалеют уверений, будто вы говорите «совсем как токиец». Но стоило услышать Бориса Павловича – и станови-

■ Золотой фонд МГИМО

лось понятно истинное значение этой фразы: в отношении его это не была пустая лесть. При всем сходстве и простоте самого набора речевых звуков японский язык значительно отличается от русского по мелодике и интонации, отсюда – устойчивый русский акцент. Конечно, «придирки» насчет какой-нибудь долготы гласного или нечеткого интонационного контура порой даже сердили – ведь мысли уже все были на «высоком» плане выражения сложных логических конструкций! Но в этом-то и проявлялась профессиональная ответственность за безупречное качество высказывания, которое должно быть абсолютно четко и понятно. И одновременно – внимание и учтивость к собеседнику как ценная «подсмотренная» у японцев черта.

Настоящий мастер перевода, Борис Павлович никогда, как правило, не критиковал другого переводчика, в крайнем случае – высказывал позже, в корректной форме, часто – будто рассуждая вообще, конструктивные замечания. Такой же принцип соблюдался и в общении с коллегами. На кафедре ее многолетний лидер всегда был любезен, предпочитал пошутить или улыбнуться в усы, но не показать тревоги или раздражения. Не только для учеников, но и для младших коллег Борис Павлович оставался последней инстанцией, в стихийно возникшем споре всегда готов был дать справку по любому, даже непредвиденному, вопросу.

Но в то же время это отнюдь не был небожитель, благосклонно вззирающий на бренную суету. Даже в преклонные годы Лаврентьев живо интересовался новыми тенденциями как в

японском, так и в русском языке, держал руку на пульсе и в сленге, и в финансовой терминологии. Быстро освоил компьютер и активно использовал его для подготовки к занятиям, находя в режиме «встречного движения» материалы по актуальным темам на обоих языках. Когда в институте заработал цветочный киоск, приносил «своим дамам» на кафедру небольшие букеты. Не стеснялся сделать комплимент – не дежурный или показной, а тонкий, поэтичный, какой запомнится надолго.

В 1984 г. Б.П. Лаврентьев был отмечен орденом «Знак Почета», в 1987 и 1989 гг. – почетными грамотами МИД СССР. А в ноябре 2011 г. ему был вручен японский орден Восходящего Солнца. Из наших соотечественников эту правительственную награду, традиционно вручаемую деятелям культуры, искусства, в свое время получили М.Л. Ростропович, М.М. Плисецкая, Ю.Б. Норштейн (всемирно известный аниматор получал награду вместе с Б.П. Лаврентьевым), среди японистов – Л.А. Стрижак, О.П. Фролова, Г. Ш. Чхартисвили, Т.Л. Соколова-Делюсина; награды также удостоивались ректор МГУ В.А. Садовничий и директор ИСАА МГУ М. Мейер. В формулировке грамоты отмечалось, что награждаемый «посвятил более половины столетия японскому языку, заложил основы его преподавания в Советском Союзе и в России».

Tshironov S.V. Boris Pavlovich Lavrentyev (1929 - 2010) – "one of the most competent domestic scientists-linguists".

СЕРГЕЕВ РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – ПРЕЗИДЕНТ АССОЦИАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ МГИМО В 1991–2004 гг.

А.А. Ахтамзян, И.А. Павленко

Президент Ассоциации выпускников МГИМО в 1991–2004 гг. Родился 22 августа 1926 г. в белорусском г.Бобруйске в семье командира Красной армии Александра Николаевича Сергеева и учительницы Татьяны Ивановны Сергеевой. В 1928 г., когда отец стал слушателем артиллерийской академии, семья переехала в Ленинград. В 1932 г. по окончании академии отец получил диплом военного инженера – специалиста по вооружениям. В последующие годы семья переезжала во многие места службы отца, в том числе в Голутвин, Тулу, Анапу, на военные полигоны.

Накануне Великой Отечественной войны семья жила в Москве, а А.Н. Сергеев был начальником полигона стрелкового оружия в Московской области. В первые дни войны отец Ростислава Александровича был назначен заместителем народного комиссара вооружения. В конце июля 1941 г. Ростислав Александрович Сергеев вместе с матерью был эвакуирован сначала в Ульяновск, затем в Молотов (Пермь). Дом, в котором они жили в Москве, был разрушен во время ночной бомбардировки немецкой авиацией. В мае 1942 г. Ростислав Александрович вместе с матерью вернулся из эвакуации и продолжил учебу в 175-й московской школе. После завершения учебы в конце 1943 г. был принят на открывшийся в том же году факультет международных отношений МГУ, который в следующем году был преобразован в МГИМО. В студенческие годы был комсомольским агитатором и лектором по международному положению комитета ВЛКСМ МГИМО, на 3–5-м курсах избирался в бюро комсомола курса (был заместителем секретаря бюро).

В 1948 г., окончив МГИМО с отличием, был направлен на работу в МИД СССР в 3-й Европейский отдел (референтура по германским делам) в

качестве старшего референта. Осенью 1948 г. на три месяца был командирован в составе советской делегации на демаркацию границы между СССР и Венгрией (секретарь советской части подкомиссии на участке в 100 км). По возвращении из командировки продолжил работу в германской референтуре 3-го Европейского отдела. В марте 1949 г. на собрании парторганизации 3-го ЕО был принят кандидатом в члены ВКП(б).

В апреле 1949 г. Управление кадров министерства предложило Р.А. Сергееву поехать в миссию СССР в Швейцарии (в 1955 г. миссия была преоб-

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgiomo.ru

Павленко Игорь Алексеевич – начальник отдела «Музей истории МГИМО» Управления по работе со студентами и выпускниками МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgiomo.ru

разована в посольство). В Берне, куда он приехал с женой Нинель Петровной (выпускница МГИМО 1951 г.) и дочерью, проработал с 1949 по 1952 г. как референт-переводчик, а затем – атташе. Ростислав Александрович освоил все виды дипломатической работы в центре и за рубежом: составление справок, подготовку нот, протокольные вопросы, осуществление переводов и составление обзоров швейцарских газет, выходивших на немецком языке, прием посетителей, выпуск еженедельного бюллетеня миссии, дневное и ночное дежурство по миссии и даже демонстрацию фильмов в качестве киномеханика. Профессиональные достижения Р.А. Сергеева не остались незамеченными руководством МИД СССР.

Р.А. Сергеев вспоминает: «В начале 1980 г. министр иностранных дел СССР Громыко пригласил меня в кабинет на седьмом этаже здания на Смоленской площади и предложил подумать о том, чтобы поехать в Мексику на работу в качестве Посла СССР. Министр сказал, что в последние годы Мексиканские Соединенные Штаты все более энергично проявляют себя на международной арене. Данное обстоятельство становится важным фактором интенсификации также и двусторонних отношений между СССР и Мексикой. Опыт работы в этой сфере, а также в области двусторонних отношений у меня есть. Перед беседой с министром на эту тему у меня состоялся разговор с заместителем министра иностранных дел по кадрам В.А. Стукалиным. К беседе с министром я был подготовлен и дал согласие на назначение.

Управление кадров направило бумаги в ЦК КПСС. В середине марта того же 1980 г. состоялось заседание Секретариата. На заседании присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, заведующие отделами ЦК и ответственные сотрудники аппарата ЦК. Мне было задано несколько общих вопросов. Решение Политбюро было принято быстро. Утвержденное Политбюро ЦК КПСС решение о назначении послом было направлено для официального утверждения в Президиум Верховного Совета. Вскоре Председатель Президиума Брежнев подписал Указ о моем назначении Послом СССР в Мексиканских Соединенных Штатах. МИД СССР направил сообщение в МИД Мексики о назначении с просьбой выдать агреман. Согласие мексиканского правительства поступило через три недели». В Мексиканских Соединенных Штатах Р.А. Сергеев проработал 10 лет. В 1990 г. вернулся из Мексики и вышел в отставку. О работе в

Мексике написал книгу «В сотрясаемой Мексике. Посольские будни», вышедшую в издательстве «РОССПЭН» в 2002 г. В 2007 г. вышла книга Р.А. Сергеева «В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади».

В 1991 г. стал главным советником созданной в тот год Внешнеполитической ассоциации (ВПА) и председателем Совета ее экологической ассоциации. В настоящее время – вице-президент ВПА. В 1991 г. был избран президентом Ассоциации выпускников МГИМО, одним из создателей которой он был, в настоящее время – член ее Совета, являясь также президентом клуба «Первенец», созданного в 2004 г. выпускниками 1948 г. Р.А. Сергеев награжден пятью орденами СССР, медалью «За трудовую доблесть» и другими медалями. Имеет иностранные награды. Ему присвоено звание «Почетный работник МИД России».

Особое место в жизни и дипломатической службе Р.А. Сергеева занимают годы работы рядом с А.А. Громыко. Сначала как одного из его помощников (1953–1955 гг.) во время Берлинского совещания (1954 г.) министров иностранных дел четырех великих держав, женевских конференций по германскому (1959 г.) и лаосскому (1961 г.) вопросам, а затем (1962–1975 гг.) – в качестве советника министра (1962–1966 гг.) и руководителя группы его советников (1966–1975 гг.).

Среди вопросов, которыми занимался в эти годы Р.А. Сергеев, были ежедневные устные доклады (иногда ночью) министру о произошедших в течение суток международных событиях: заявлениях государственных деятелей иностранных государств; произошедших в мире переворотах и техногенных катастрофах, в первую очередь о тех, что требовали быстрой реакции с советской стороны. При подготовке таких докладов использовались сообщения международных телеграфных агентств, материалы, поступающие из ведомств, имевших отношение к внешним делам.

Другое направление работы в эти годы было связано с подготовкой материалов к выступлениям министра. По поручению А.А. Громыко выезжал за рубеж для проведения консультаций в МИД государств Европы, Ближнего и Среднего Востока, Африки. Участвовал в составах советских делегаций на сессиях ГА ООН.

И по сей день Ростислав Александрович ведет активную общественно-политическую деятельность.

Ahtamzyan A.A., Pavlenko I.A. Rostislav Aleksandrovich Sergeyev.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ, ПРОФЕССОР ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОРИСОВ

(1921 – 2013)

Г.Г. Силласте, А.Н. Джуринский

Юрий Васильевич Борисов, заслуженный деятель науки РФ, почетный доктор Дипломатической академии МИД РФ, профессор, доктор исторических наук, академик Международной академии информатизации при ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник отметил в июле 2011 г. свой 90-летний юбилей.

Сознательная жизнь Ю.В. Борисова началась в далекие военные годы. Лето 1943 г. – грозное, но победное. Разгромлены гитлеровцы под Сталинградом. Уничтожены немецкие танковые дивизии под Орлом и Курском. Стало острым предчувствие победы. Именно об этом, скорее всего, и говорили слушатели нового набора Высшей дипломатической школы МИД СССР, стоявшие у здания в Большом Козловском переулке. Среди них находился молодой человек 22 лет Юрий Борисов. Он с отличием окончил философский факультет Московского университета и был направлен в ВДШ. В отличие от многих сверстников, юноша серьезно относился к своему будущему и говорил, что у него две иконы: дипломатия и наука. На вопрос, чем объяснить такой необычный союз, отвечал, что успешная дипломатия невозможна без научных знаний, а наука обогащается за счет дипломатического опыта.

И Ю.В. Борисов пошел таким путем. Став сотрудником МИД, поступил в аспирантуру Института истории Академии наук СССР. В 1949 г. защитил и затем издал в виде книги кандидатскую диссертацию на тему «Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. 1871–1875 гг.» (под общей ред. академика Е.В. Тарле. М., 1951). В работе впервые обобщался огромный материал архива внешней политики России.

Ю.В. Борисов предстал в ней как один из последователей школы академиков Е.В. Тарле, В.М. Хвостова, А.З. Манфреда, для которых безопасность Европы в историческом плане

требовала от России и Франции совместной борьбы против германской агрессии. Первая книга молодого ученого привлекла внимание специалистов и определила главные направления его научной работы.

Много нового внес Ю.В. Борисов в освещение борьбы Советского Союза за коллективную безопасность в Европе. Советская дипломатия последовательно, шаг за шагом ограничивала возможность агрессивной политики Германии и Италии, что угрожало им международной изоляцией. Именно эта цель ставилась в переговорах с Францией о договоре о ненападении и нейтралитете в 1932 г., пакта о взаимопомощи в 1935 г. Ю.В. Борисов обстоятельно исследовал и историю

Силласте Галина Георгиевна – д.филос.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Джуринский Александр Наумович – д.педаг.н., профессор, член-корреспондент РАО. E-mail: vestnik@mgimo.ru

советско-французских переговоров о предвоенном сотрудничестве, закончившихся безрезультатно.

На протяжении 1950–1960-х гг. Ю.В. Борисов вел активную педагогическую и научную работу: заведовал кафедрами истории Европы и Америки, кафедрой всеобщей историей в МГИМО, редактировал учебные пособия по истории зарубежных государств. Особенность этого издания состояла в том, что авторы уделяли особое внимание анализу взаимосвязи внутренней и внешней политики отдельных стран Европы, изучали массовые народные движения и деятельность политических партий. Ю.В. Борисов в это время был заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории», параллельно с этой трудоемкой работой он подготовил и успешно защитил докторскую диссертацию по истории советско-французских отношений в 1924–1945 гг., опубликованную в качестве монографии (Советско-французские отношения. 1924–1945 гг. М., 1964). Эта же тема затрагивалась и в других его книгах (Советско-французские отношения и безопасность Европы. М., 1960; Новейшая история Франции 1917–1964. М., 1966).

Книга Ю.В. Борисова, посвященная отношениям Советского Союза с антифашистским движением «Сражающаяся Франция», вызвала неожиданную реакцию, причем не с французской, а с американской стороны. Двое молодых ученых из Нью-Йорка обвинили Ю.В. Борисова в том, что он неправильно понимает мотивы критики американским президентом Ф. Рузвельтом де Голля и его политики. Главной, по их мнению, причиной было неверие президента США в возрождение Франции как военной державы.

Ю.В. Борисов в своем ответе американцам писал, что после капитуляции Франции в 1940 г. она перестала для США быть великой самостоятельной державой. Рузвельт прямо заявил: «Мое намерение никогда не состояло в том, чтобы французский Комитет национального освобождения действовал на том же уровне, что и правительства Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, или принимал участие в их переговорах по всем вопросам» (Борисов Ю.В. Советско-французские отношения. 1924–1945 гг. С. 481). Однако не американцы, а студенты МГИМО оказались самыми горячими участниками дискуссий по вопросам отношения главных держав антигитлеровской коалиции к Франции в годы войны. Дискуссия проходила в учебных аудиториях МГИМО на семинарских занятиях с активным использованием дипломатических документов на трех языках: английском, русском и французском.

Напряженную учебную и научную работу в Институте международных отношений профессор Ю.В. Борисов сочетал с общественной деятельностью по линии общества дружбы «Франция – СССР». Он неоднократно выезжал во Францию для чтения лекций в университетах этой страны, участия в семинарах и круглых столах, в международных встречах и дискуссиях. И, как правило, итоги этих поездок подводились в статьях Ю.В. Бо-

рисова, опубликованных в научных и общественно-политических изданиях.

Так в жизни Ю.В. Борисова сложилось органическое единство дипломатии, науки и преподавания в высшей школе. Это была осуществленная мечта 1943 г. Но жизнь брала свое. В Европе наступила политическая разрядка. Это было время Хельсинкских соглашений, способствовавших, хотя и не без огромных трудностей, укреплению доверия между государствами разных общественных систем. Официальное приглашение на работу в Париже было сделано Ю.В. Борисову в конце 1970 г. и он его принял. Работа на посту советника Посольства СССР во Франции продолжалась с 1971 г. до конца 1978 г. Это было время бурного расцвета советско-французских культурных связей. Никогда ранее культурное сотрудничество двух стран не было таким плодотворным. Советское посольство проделало огромную работу, руководили которой сменявшие друг друга послы – В.А. Зорин, П.А. Абрахимов, С.В. Червоненко. Это были люди с огромным политическим, дипломатическим и организационным опытом.

Произошли огромные перемены прежде всего в организации межгосударственных культурных обменов. Была создана постоянная смешанная советско-французская комиссия по культурным связям, которая раз в два года собиралась поочередно в Москве и Париже и принимала совместный протокол, определявший главные направления культурного сотрудничества, его формы, сроки, основные мероприятия, число участников. Культурные обмены между двумя странами стали массовыми. В них участвовали тысячи людей, наиболее крупные и известные художественные коллективы обеих стран. Как неоднократно говорил нам Юрий Васильевич, его самая сложная задача состояла в общении с выдающимися деятелями культуры СССР и Франции. «Это непростое дело одновременно иметь деловые отношения с Марком Шагалом и Луи Арагоном, с одной стороны, и Майей Плисецкой и Владимиром Васильевым – с другой. Разные характеры, разные честолюбия, разные стили поведения». Очевидно, что дипломату, особенно по вопросам культуры и печати, без налаживания личных дружеских контактов работать невозможно», – говорил Ю.В. Борисов.

И приводил перечень проблем, с которыми приходилось сталкиваться советнику посольства:

- это и «война перьев» с чиновниками Министерства культуры по вопросам приезда Марка Шагала в СССР;

- и гастроли театра на Таганке во Франции;
- и конфликт Ю. Григоровича с М. Лиэпа;
- и награждение М. Растроповича французским орденом;
- и сложности Б. Спасского, чемпиона мира по шахматам, в связи с его женитьбой на французке;
- и обида М. Плисецкой по поводу постановки в Авиньоне балета Р. Щедрина «Кармен»;
- и снова Лиэпа, опоздавший на самолет из Парижа в Москву.

«Тяжелый хлеб», – говорил о работе Ю.В. Борисова Жорж Сория, директор Парижского литературно-артистического агентства. И добавлял: «В день вашего рождения подарю вам кольчугу и меч со щитом». И обещание свое выполнил. С 1958 по 1968 г. только по линии Парижского литературно-артистического агентства в 128 провинциальных городах Франции состоялось 1560 концертов советских коллективов и отдельных солистов, на которых присутствовало 3,5 млн зрителей. С огромным успехом выступили балетные труппы Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета им Кирова; коллективы МХАТ, театров им А.С. Пушкина и Моссовета. В течение десяти лет Московский цирк четыре раза гастролировал во Франции.

И французское театральное искусство было представлено в СССР своими лучшими силами. Театр «Комеди франсез» выступил в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге. Театр «Ателье» под руководством режиссера Барсак представил свои спектакли. Совершенно новыми и необычными для французской публики были концерты Ансамбля Советской армии под руководством Б.А. Александрова, Государственного академического ансамбля народного танца СССР под руководством И.А. Моисеева, ансамблей Московского военного округа и Военно-морского флота.

Большое значение имело развитие деловых связей режиссеров, композиторов, музыкантов. Гостями Франции были Д. Шостакович и А. Хачатурян. В Москве принимали французских композиторов Андре Жоливе и Анри Соге. Выдающиеся советские исполнители Давид Ойстрах, Леонид Коган, Святослав Рихтер, Генрих Нейгауз были частыми гостями во французской столице.

Можно пополнить этот список многими выдающимися музыкальными и оперными коллективами, театрами, исполнителями. Но и сказанного достаточно, чтобы оценить объем и сложности работы советника по культуре Посольства СССР во Франции. Одна из его первостепенных задач заключалась в продвижении русского языка в этой стране. Сделано было очень многое. Советские специалисты преподавали русский язык в университетах Парижа, Бордо, Дижона, Гренобля, Лилля, Клермон-Феррана Пуатье, Ренна, Нантера. Французские лингвисты работали в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Харькове.

Успешное продвижение русского языка и советской культуры во Франции требовало от советника по культуре постоянных контактов с французскими правительственными учреждениями, местными властями, известными деятелями культуры. «Договоренности давались нелегко, но и успехи были немалыми», – вспоминает Ю.В. Борисов. Так, уже в конце 1960-х гг. начал налаживаться обмен преподавателями русского и

французского языков в средних учебных заведениях обеих стран. К этому времени русский язык изучали 12 тыс. французских лицеистов.

Мы уже говорили о тесной взаимосвязи дипломатии и науки в деятельности Ю.В. Борисова. Перу Ю.В. Борисова принадлежат монографии и брошюры, свыше 300 статей в научных и общественно-политических изданиях. Он историк и публицист с широким кругозором. Его работы, написанные легко, образно и очень убедительно, посвящены разным периодам французской внешней и внутренней политики, русско-французским и советско-французским отношениям, начиная с Людовика XIV и до наших дней. (Дипломатия Людовика XIV. М., 2002).

Он обычно не ограничивается анализом событий и фактов, а воссоздает удивительно живые литературные портреты государственных деятелей и известных дипломатов, для каждого из которых находит свои краски и тона. В монографии «Дипломатия Людовика XIV» (М., 2009) нарисованы портреты персонажей из ближайшего окружения короля: министров финансов Фуке и Кольбера: первый – самовлюбленный авантюрист, без страха запускающий руку в королевский кошелек; второй – мудрый экономист с широким кругозором, способный управлять хозяйственной жизнью страны. Монография «Шарль Морис Талейран» (М., 2003) переведена на несколько иностранных языков. В ней воссоздается многогранный образ всемирно известного патриарха французской дипломатии.

В портретной галерее Ю.В. Борисова особое место занимают женщины, представительницы королевских династий, влиятельных буржуазных и военных семей. Одной из них – Жанне де Помпадур – автор посвятил несколько своих работ, в том числе «Осуществленная мечта маркизы де Помпадур» (М., 2010). Нельзя не назвать замечательный биографический очерк, посвященный А.З. Манфреду – выдающемуся ученому и благородному человеку (Новая и новейшая история. 1993. №5).

Научно-педагогическая деятельность Ю.В. Борисова отмечена государственными наградами, в том числе орденом Трудового Красного Знамени. Прямо скажем, трудно поверить в цифру 90, когда видишь Юрия Васильевича – человека энергичного, с неиссякаемым чувством юмора, и мы гордимся тем, что можем сказать: «Я – его бывший аспирант, а я – его ученица». Пожелаем нашему дорогому профессору Юрию Васильевичу Борисову долголетия, бодрости духа, новых творческих успехов и благодарной памяти его коллег и учеников.

Sillaste G.G., Dzhurinsky A.N. Professor Yuri Vasilyevich Borisov.

ЗАЛМАН МОВШЕВИЧ ДЫМШИЦ

А.М. Кадакин

В мае 2011 г. широко отмечалось 90-летие со дня рождения выдающегося ученого-востоковеда, доктора филологических наук, профессора Залмана Мовшевича (более привычно – Семена Моисеевича) Дымшица. Торжественные мероприятия прошли в Нью-Дели, Мумбаи, Калькутте и Ченнаи. Памятное собрание, посвященное юбилею З.М. Дымшица, состоялось и в стенах МГИМО, которому он посвятил большую часть жизни. Профессор Дымшиц, без преувеличения, был подлинным «гуру» индологии, воспитавшим не один десяток дипломатов-востоковедов, создателем фундаментальной учебной базы для изучения языков хинди и урду в нашей стране. Память об этом талантливом человеке сохраняется в сердцах всех тех, кто знал его, учился у него, у всех, кто прошел «школу З.М. Дымшица».

Профессор Залман Мовшевич Дымшиц родился в 1921 г. в белорусском местечке Яновичи Витебской области. Трудовую деятельность он начал в Красной армии, куда был призван в октябре 1940 г. и в которой прослужил по июль 1946-го. Семен Моисеевич прошел всю Великую Отечественную войну, с июля 1941 г. по 9 мая 1945 гг. Он участвовал в боях под Ленинградом, Сталинградом, на Кавказе, в освобождении Варшавы и взятии Берлина, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, 12 боевыми и трудовыми медалями, благодарственными грамотами.

После демобилизации в 1946 г. З.М. Дымшиц поступил в Московский институт востоковедения, который окончил с отличием в июне 1950 г. С июля 1950 г. по сентябрь 1951 г. работал старшим редактором в Государственном издательстве иностранных и национальных

словарей. Педагогическую и научную деятельность Семен Моисеевич начал в 1951 г., когда был приглашен на преподавательскую работу в Московский институт востоковедения, где работал сначала преподавателем, а с 1953 по 1954 г. старшим преподавателем кафедры индийских языков. С 1954 г., после объединения МИВ и МГИМО МИД СССР, З.М. Дымшиц стал старшим преподавателем, а с 1959 г. – доцентом кафедры индийских языков МГИМО, в 1956 г. был назначен заместителем заведующего кафедрой индийских языков. В 1960 г. он защитил

Кадакин Александр Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Индия. E-mail: vestnik@mgimo.ru

кандидатскую диссертацию, а в 1962 г. ему было присвоено ученое звание доцента. В сентябре 1968 г. Семен Моисеевич был избран на должность профессора кафедры индийских языков. В июне 1969 г. защитил докторскую диссертацию. В марте 1970 г. ему было присвоено ученое звание профессора. С 1975 по 1990 г. З.М. Дымшиц заведовал кафедрой индийских языков МГИМО.

Семен Моисеевич – крупнейший индолог-лингвист, специалист по языкам хинди и урду. Свыше 40 лет он занимался научно-педагогической деятельностью, являясь одним из лучших методистов по преподаванию индийских языков. Профессор З.М. Дымшиц – автор более 80 работ, многие из которых изданы в Индии. Он около десяти лет руководил научно-педагогической и методической работой сотрудников кафедры индийских языков, где были разработаны уникальные учебные пособия: учебники по языкам хинди, урду, бенгальскому, по политическому переводу; двуязычные словари, разговорники; учебные пособия по сингальскому языку и др. З.М. Дымшиц также подготовил ряд кандидатов наук.

Свыше 25 лет он вел преподавательскую деятельность на Высших курсах иностранных языков МИД, где разработал методику поддержания на высоком практическом уровне языковых знаний выпускников института – работников министерства. Теоретические и практические разработки З.М. Дымшица оказали большое влияние на уровень изучения индийских языков в нашей стране. За плодотворную научно-педагогическую деятельность он был награжден орденом «Знак Почета», неоднократно отмечался почетными грамотами МИД и МГИМО.

Профессор много времени уделял общественной работе. Являясь вице-президентом Общества советско-индийской дружбы, З.М. Дымшиц содействовал укреплению научных и культурных связей между нашими странами. Многократно Семен Моисеевич направлялся в научные и служебные командировки в Индию и Пакистан, где вел большую научную и педагогическую работу. Вклад профессора Дымшица в российскую индологию невозможно переоценить. Его перу принадлежат шесть фундаментальных учебников по языкам хинди и урду, ряд хинди-русских и русско-хинди словарей и разговорников. Высокую оценку получил первый в мировой практике стабильный учебник языка хинди, опубликованный в издательстве «Наука» в 1969 г. Именно по этому «Учебнику языка хинди» по сей день занимаются многие поколения индологов-дипломатов. Общий объем его работ превышает 400 п.л.

Много лет он занимался переводческой деятельностью и редакторской работой. Им переведен с языка хинди ряд художественных и поэтических произведений. Под его редакцией вышли словари, многие учебные пособия, научные сборники, переводы. Учебники и теоретические работы, вышедшие из-под пера

З.М. Дымшица, стали популярным не только в СССР, но и во многих других странах, включая Индию. Высокий профессиональный уровень и глубокое знание материала способствовали тому, что книга профессора Дымшица «Очерк грамматики хинди» принята в качестве учебного пособия в ряде университетов Индии. Его книги «Язык урду» и «Современная грамматика хинди» были изданы в Великобритании и Индии. Многие поколения индологов, молодых ученых овладевают языками хинди и урду в учебных заведениях и научных учреждениях нашей страны и других стран по трудам Семена Моисеевича.

Нередко случается так, что не все работы талантливых ученых видят свет при жизни авторов. Один из фундаментальных трудов профессора – «Грамматика языка урду» – был напечатан в 2001 г., иными словами, более десяти лет после его ухода. Отрадно сознавать, что именно ученики и коллеги довели до конца дело, которое он не успел завершить. Семен Моисеевич никогда не был кабинетным ученым. В полной мере Бог наделил его талантом организатора науки – он объединял коллег в осуществлении новых проектов и концентрировал их усилия на ключевых аспектах реализации. Профессор Дымшиц никогда не удовлетворялся достигнутым, а шел к усовершенствованию уже сделанного, находил новые повороты в, казалось бы, полностью изученном предмете.

Семен Моисеевич был человеком удивительно широкой и щедрой души. Для кого-то он был хорошим и верным другом и товарищем, делившим в жизни не только радости, но и случавшиеся невзгоды, для иных – надежным и добросовестным партнером по совместным научным разработкам и проектам. Мы знаем, каким он был заботливым и внимательным мужем и отцом. Он был человеком высочайшей порядочности, глубинной житейской мудрости и проницательности, сродни одному из главных героев великого Шолом Алейхема – Тевье-молочнику.

Для меня Залман Мовшевич был, прежде всего, «гуру» – учителем и мудрым наставником, который благодаря педагогическому таланту и увлеченности Индией не только вложил в нас глубокие знания языка хинди, но и во многом привил интерес к стране как феномену. Он учил принять этот великий народ в качестве своей профессии и «заразиться» этой страной на всю жизнь. Десятки выпускников профессора Дымшица сегодня занимают важные посты на дипломатической службе, работают на ответственных правительственных должностях. Наш министр иностранных дел С.В. Лавров – тоже выпускник кафедры З.М. Дымшица, хотя и с сингальским языком. Это ли не свидетельство редкого наставнического дара Семена Моисеевича, тот самый оселок, где проверяются качества настоящего учителя, не только передающего подопечным теоретические знания, но и воспитывающего молодежь на личном примере!

■ Золотой фонд МГИМО

Благодаря научному энтузиазму, открытости характера и доброжелательности наш «гуру» обрел множество настоящих друзей и соратников в Индии, которые и поныне хранят память об этом замечательном человеке. Тем самым он не только внес ощутимый вклад в лингвистическую науку, но и активно способствовал укреплению российско-индийской дружбы, гуманитарного сотрудничества и культурных связей. Эти заслуги профессора Дымшица были высоко оценены правительствами СССР и Индии – в 1971 г. он стал лауреатом Международной премии им. Джавахарлала Неру.

О Семене Моисеевиче можно говорить очень много. Уверен, что у каждого, знавшего его лично, учившегося у него найдется что вспомнить об этом поистине уникальном человеке. И у каждого это будут свои воспоминания – столь многогранными были таланты этого человека и столь богата редкими человеческими качествами была его душа! Неслучайно в день 90-летнего юбилея профессора З.М. Дымшица в адрес МГИМО и членов семьи Семена Моисеевича поступили многочисленные послания от его бывших студентов из числа руководителей российских и иностранных дипломатических миссий за рубежом,

руководящих сотрудников ООН и ее специализированных учреждений, выпускников кафедры из Болгарии, Польши, Германии, Украины.

В частности, послания были получены от министра иностранных дел России С.В. Лаврова, послов России в Индии, Бангладеш, Непале, Пакистане, Замбии, Лаосе, Мьянме, генеральных консулов России в Мумбаи, Ченнаи, Дананге, постоянных представителей России при ОБСЕ и Совете Европы. Лейтмотивом всех приветственных посланий звучали слова о редком преподавательском даре З.М. Дымшица, оставленном им огромном научном наследии, подчеркивались уникальные человеческие качества профессора, строгие нравственные принципы, которые передались подавляющему большинству его учеников.

Его имя и дело, которому он посвятил жизнь, продолжают жить в бывших студентах, которые связывают воедино великие народы России и Индии узами дружбы и сотрудничества. А это, пожалуй, наивысшая дань памяти выдающемуся ученому, педагогу, общественному деятелю и просто замечательному человеку – профессору Семену Моисеевичу Дымшицу.

Kadakin A.M. Zalman Movshevich Dymshits.

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ЕФИМОВА

А. Кан, Ада Кан

Лариса Михайловна Ефимова, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, известный специалист по проблемам малайского мира Юго-Восточной Азии, член российского научного общества Нусантара, ассоциированный член Британского общества исследования Юго-Восточной Азии, Европейской ассоциации специалистов по Юго-Восточной Азии, посвятила жизнь Московскому государственному институту международных отношений. Ее основной научный интерес связан с изучением особенностей политического развития стран Юго-Восточной Азии, системы «азиатских ценностей», а также проблем ислама в регионе.

Лариса Михайловна родилась и выросла в Москве. Еще учась в четвертом классе средней школы, она, проходя по Крымскому мосту, увидела на старинном здании под мостом вывеску с выгравированной на ней надписью «Московский государственный институт международных отношений». Это название поразило ее воображение настолько, что она уже тогда решила, что после окончания школы будет поступать только в этот институт, и ни в какой другой. Завершив в 1956 г. среднее образование с золотой медалью, Лариса Михайловна без экзаменов после ряда собеседований с преподавателями МГИМО была зачислена на восточный факультет Института своей мечты.

Это было время расцвета отношений Советского Союза со странами Азии и Африки, недавно освободившимися от колониальной зависимости. Летом 1956 г. в СССР с официальным дружеским визитом находился президент Республики Индонезии Сукарно. Совершая поездку по Советскому Союзу, индонезийский президент, блестящий оратор, умевший простыми словами буквально заворожить публику, повсюду выступал с пламенными речами на массовых митингах. Один из таких митингов проходил в Москве и транслировался по радио. Чаше всего в речи президента Сукарно звучало слово «мердека» – свобода. «Какой интересный язык», – подумала новоявленная

студентка МГИМО. Каковы же были ее изумление и радость, когда оказалось, что она зачислена как раз в группу, которая будет специализироваться по малайскому региону Юго-Восточной Азии и изучать индонезийский язык.

По окончании МГИМО с «красным дипломом» Л.М. Ефимова была направлена на работу в Посольство СССР в Индонезии. Работа в посольстве в столице страны – Джакарте, а затем в консульстве в крупнейшем портовом городе Сурабае предоставляла уникальную возможность на практике познакомиться со спецификой индонезийской общественно-политической жизни, непростыми взаимоотношениями между партиями и их лидерами, а также с религиозными воззрениями, культурными традициями и обычаями индонезийского народа. Все это пробуждало интерес к более глубокому изучению социаль-

Александр Кан – почетный доктор и профессор Уппсальского университета (Швеция), профессор Университета (Осло), член-корреспондент Шведской академии древности, истории и словесности, член Шведской академии народной культуры имени Густава Адольфа, действительный член Норвежской академии наук.

Ада Кан – библиограф Уппсальской университетской библиотеки, член правления общества «Женщины с университетским образованием» (Уппсала). E-mail: vestnik@mgimo.ru

но-политической и религиозной сфер индонезийского общества, к научным исследованиям.

Как-то во время длительной пятичасовой поездки на поезде из Джакарты в Сурабайю Лариса Михайловна оказалась в одном купе с группой индонезийцев, мужчин и женщин, которые оживленно обсуждали актуальные политические проблемы, рассматривая их с позиций ислама. В ходе знакомства с попутчиками выяснилось, что эти мужчины и женщины – члены крупнейшей в то время мусульманской партии Нахдатул Улама, возвращающиеся с партийной конференции. За время поездки Л.М. Ефимовой посчастливилось познакомиться с видными лидерами и активистами этой партии. Они много рассказывали о деятельности влиятельной исламской партии, ее идеологии, особенностях организационной структуры. Случайная встреча стала знаменательной для научных интересов Л.М. Ефимовой, обратив их к изучению важнейшей проблемы – роли и места мусульманской религии в общественно-политической жизни Индонезии, а затем и всего малайского мира.

Возвратившись из командировки в Индонезию, Л.М. Ефимова год работала в Комитете молодежных организаций СССР при ЦК ВЛКСМ. Затем она вернулась в МГИМО, поступив в очную аспирантуру. Обратившись к своему опыту и знаниям, полученным во время работы в Посольстве СССР в Джакарте, она избрала областью своего диссертационного исследования влияние ислама на общественную и политическую жизнь в Индонезии, в то время обладавшей самым большим в мире мусульманским населением. И совсем неслучайно центральным «героем» ее кандидатской диссертации стала влиятельная политическая партия Индонезии Нахдатул Улама. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук была подготовлена Ларисой Михайловной под руководством выдающегося дипломата и ученого академика Сергея Леонидовича Тихвинского, который щедро делился со своей аспиранткой энциклопедическими знаниями, приемами точного политического анализа и методами глубокого научного исследования. После успешной защиты диссертации и присвоения Л.М. Ефимовой ученой степени кандидата исторических наук она была приглашена на работу в МГИМО в качестве преподавателя на кафедру всеобщей истории.

С 1967 г. Лариса Михайловна читает лекции, ведет семинарские занятия и коллоквиумы по проблемам истории Востока, политическому культуру и политическим процессам в странах Азии и Африки, этнопсихологии малайских народов, культурно-религиозным традициям Востока. Но основным направлением ее педагогической деятельности все эти годы был и остается регион Юго-Восточной Азии. В 1962 г. она опубликовала учебное пособие «История Малайзии», подготовила целый ряд программ, семинарских и методических разработок по читаемым ею учебным курсам.

Именно Ефимова с первого курса и до окончания магистратуры своими лекциями, семинарами и просто путем дружеского общения со студентами способствует превращению бывших школьников в высококласных специалистов-страноведов по Индонезии, Малайзии, Сингапуру, Брунею, Филиппинам, Бирме/Мьянме, Таиланду. Среди ее бывших учеников – ответственные сотрудники Министерства иностранных дел России, в том числе чрезвычайные и полномочные послы, посланники, секретари.

В течение ряда лет Л.М. Ефимова успешно выполняла обязанности ученого секретаря Диссертационного совета МГИМО по историческим наукам. Главным научным интересом Л.М. Ефимовой неизменно оставался ислам в Юго-Восточной Азии. Связанные с этой темой проблемы были практически неизученными как отечественными, так и зарубежными специалистами по ЮВА. По сути, Лариса Михайловна стала вторым после сотрудника Института востоковедения АН СССР Ионовой А.И. исследователем, вплотную занявшимся данной проблематикой. Она активно участвовала в научных семинарах в ИВ АН под руководством видного индолога-исламоведа д.и.н. Л.Р. Гордон-Полонской, конференциях и международных конгрессах востоковедов в Душанбе, Тбилиси, Будапеште, Монреале.

Л.М. Ефимова стала постоянным участником научных мероприятий, проводимых Европейской ассоциацией по изучению Юго-Восточной Азии. Ее многочисленные статьи публиковались в научных востоковедных и исторических журналах, сборниках статей как внутри страны, так и зарубежных. Об ее авторитете в научных кругах зарубежного индонезиеведения свидетельствует ее участие в составлении энциклопедии по Юго-Восточной Азии “A Historical Encyclopedia from Angkor to East Timor” ed. Ooi Keat Gin, ABC CLIO, Santa Barbara, 2004, где помещены ее восемь статей.

В 1993 г. Л.М. Ефимова успешно защитила в МГИМО докторскую диссертацию на тему «Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии», по материалам которой была опубликована одноименная монография. В 1993 г. ей было присвоена ученая степень доктора исторических наук, а в 1995 г. – звание профессора. Серьезное внимание Л.М. Ефимова уделяет воспитанию молодого поколения ученых. Под ее руководством работает группа аспирантов и соискателей. Пять из них в разные годы успешно защитили диссертации и стали кандидатами исторических наук, опубликовали собственные научные статьи и монографии.

Новый этап ее научной деятельности начался с конца 1990-х гг. в связи с открытием советских исторических архивов. Итогом ее кропотливой работы в архивах стала монография «Сталин и Индонезия. Политика СССР в отношении Индонезии в 1945–1953 годах: неизвестные страницы», изданная МГИМО в 2004 г. Впервые в отечественной и зарубежной историографии

были введены в научный оборот материалы из архивов ЦК ВКП(б)–КПСС, МИД СССР и Архива И.В. Сталина. Монография открывает доселе незнакомые даже специалистам страницы в истории становления советско-индонезийских отношений, позволяет по-новому взглянуть на ряд важных моментов начального этапа их складывания.

Особую важность и научную новизну представляет анализ материалов Архива И.В. Сталина, связанных с Индонезией, прежде всего, написанных Сталиным лично писем индонезийским коммунистическим лидерам, а также многочисленных комментариев советского вождя к программным документам Коммунистической партии Индонезии. Вопреки утвердившимся в западном индонезиеведении представлениям о том, что после неудавшегося коммунистического мятежа 1948 г. советское руководство предало Индонезию полному забвению, введение указанных документов в научный оборот демонстрирует, что Москва, и персонально Сталин, не выпускали из поля зрения ни события в этой стране, ни судьбы индонезийского коммунизма. Это во многом предопределило на многие годы идейные и политические установки руководства Компартии Индонезии.

Данная работа важна не только для специалистов по Индонезии, но и для историков, занимающихся проблемами холодной войны и международными отношениями в послевоенный период в целом. Монография привлекает внимание и всех тех, кто интересуется лично И.В. Сталина, чертами его характера и формами общения с представителями азиатских коммунистических партий. Для облегчения доступа зарубежных ученых к результатам своих исследований Л.М. Ефимова перевела на английский язык свою работу *Indonesia and the Malay World* и опубликовала ее в виде отдельных статей в ведущих иностранных научных журналах: Школы востоковедных и африканских исследований Лондонского университета; издаваемого Центром изучения холодной войны Лондонской школы экономики *Cold War History*; Национального университета Сингапура *Journal of Southeast Studies*. В журнале *Indonesia* Корнельского университета США была помещена рецензия на вышеназванную монографию Л.М. Ефимовой, в которой был высоко оценен вклад автора в мировое индонезиеведение, а

также одна из ее статей по материалам монографии с предисловием специалиста по проблемам коммунистического движения в Индонезии с мировым именем Рут МакВей.

Монография привлекла также внимание индонезийской общественности и в 2010 г. была опубликована в Индонезии на индонезийском языке под названием *Dari Moscow ke Madiun?*, вызвав немалый интерес читателей страны. Л.М. Ефимова получила международную известность как знаток отношений между СССР и Индонезией, ее попросила написать комментарий к публикуемым на английском языке советским документам МИД СССР такая авторитетная организация, как *Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International Project* под руководством известного американского исследователя Кристиана Остермана. Всего ею было опубликовано около 100 научных работ общим объемом более 150 п.л.

Профессор Ефимова востребована не только как вдумчивый исследователь, но и как опытный высококвалифицированный педагог. Она приглашена преподавать также в Институт стран Азии и Африки при МГУ.

Многолетняя плодотворная работа Л.М. Ефимовой получила высокую оценку российских и индонезийских государственных органов. Она награждена медалью МГИМО(У) «За заслуги», юбилейным знаком МИД РФ, нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», а также почетным знаком и грамотой Посольства Индонезии в РФ.

Все, что написано выше, характеризует Ларису Михайловну как блестящего исследователя и педагога. Однако необходимо сказать и несколько слов об этой замечательной женщине-ученом, теплом и сердечном друге с тонкой, ранимой, романтической русской душой, любящей людей вообще и студентов в частности. Лариса Михайловна всегда готова прийти на помощь, оставаясь при этом деликатным человеком, и получается так, будто бы именно она принимает, а не оказывает помощь. Это человек необычайной выдержки и большого терпения. И благодаря этим качествам, своему природному дарованию, таланту ученого и трудолюбию Лариса Михайловна занимает достойное место в ряду лучших педагогов МГИМО.

Kan A., Kan Ada. Larisa Mikhaylovna Efimova.

ПРОФЕССОР МГИМО(У) МИД РОССИИ НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВНА КАПИТОНОВА

В.О. Печатнов

Наталья Кирилловна Капитонова окончила факультет «Международные отношения» МГИМО, аспирантуру по кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР и работает в МГИМО с 1976 г. Вся ее научная и педагогическая деятельность связана с университетом, где она прошла путь от рядового преподавателя до доктора исторических наук и профессора кафедры истории и политики стран Европы и Америки (работу в должности профессора она начала в 1995 г., а звание профессора получила в 2002 г.). Наталья Кирилловна достойно продолжает традицию преподавания в МГИМО страноведения, у истоков которого стояли такие корифеи, как академики Е.И. Тарле, А.Л. Нарочницкий и родоначальник школы англоведов, ее научный руководитель академик В.Г. Трухановский. Профессор Н.К. Капитонова считает его своим учителем. Оба они родом из Белоруссии. Отличительной чертой школы академика В.Г. Трухановского является анализ внешней политики и дипломатии стран Запада, в том числе Великобритании в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и внутривнутриполитическими процессами.

Продолжая его школу, Наталья Кирилловна внесла заметный вклад в развитие отечественного англоведения. Она является автором более 60 публикаций, посвященных истории, внешней политике и политической системе Великобритании, а также истории международных отношений и внешней политике СССР и России. В 1979 г. в издательстве «Международные отношения» вышла ее первая книга, написанная в соавторстве с В.Г. Трухановским, «Советско-английские отношения, 1945–1978 гг.». До настоящего времени эта

работа является единственным в отечественной историографии комплексным исследованием отношений между Великобританией и Советским Союзом в послевоенный период, включая годы холодной войны. Основные публикации профессора Н.К. Капитоновой посвящены британской внешней политике послевоенного периода и написаны с использованием множества источников из британских и российских архивов.

Печатнов Владимир Олегович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Развивая традицию выпуска исследований по новейшей британской истории, Наталия Кирилловна опубликовала в 1996 г. монографию «Внешняя политика Великобритании 1979–1990 гг.» (МГИМО(У)), посвященную основным направлениям внешней политики правительства Маргарет Тэтчер. Характерный для «железной леди» жесткий внешнеполитический курс, являвшийся составной частью политики, названной впоследствии «тэтчеризмом», был подвергнут в этой работе всестороннему анализу. В 1999 г. издательство РОССПЭН выпустило монографию «Приоритеты внешней политики Великобритании 1990–1997 гг.», повествующую о деятельности последнего в XX в. консервативного правительства во главе с преемником Тэтчер Дж. Мэйджором. Политике консерваторов была посвящена защищенная Н.К.Капитоновой в 2000 г. докторская диссертация «Приоритеты внешней политики Великобритании в период правления консерваторов (1979–1997 гг.)». Еще одна монография вышла в 2003 г. – «Великобритания в конце XX – начале XXI века: от консерваторов к лейбористам». В ней подводились итоги британской истории и внешней политики минувшего столетия и перебрасывался мостик в XXI в. В этой монографии традиционный подход к изучению британской внутренней и внешней политики был дополнен анализом партийно-политического ландшафта страны.

Важным вкладом в развитие отечественного англоведения является опубликованная в 2007 г. фундаментальная работа Института Европы РАН «Великобритания. Эпоха реформ», обширная глава по внешней политике в которой – «Внешняя политика Великобритании в эпоху реформ» – принадлежит перу Н.К. Капитоновой. В ней содержится анализ британской политики по всем направлениям, включая трансатлантическое, европейское, советское /российское, а также политику в отношении стран третьего мира. Важно отметить, что в аналогичной фундаментальной работе «Великобритания», подготовленной Институтом мировой экономики и международных отношений и опубликованной более 20 лет назад (в 1981 г.), автором главы, посвященной британской внешней политике, был видный британский и российский исследователь, член знаменитой «кембриджской пятерки» Д. Маклэйн. Н.К. Капитоновой посчастливилось встречаться с Маклэйном, чьи ценные замечания и советы были учтены ею в ходе подготовки, положившей начало ее научной карьере кандидатской диссертации, которая была посвящена советско-английским отношениям периода правления лейбористского правительства Г. Вильсона (1964–1970 гг.).

Важное место в научном творчестве Наталии Кирилловны занимают биографические исследования. Так же, как ее учителя В.Г. Трухановского, являвшегося одним из родоначальников биографического жанра в нашей отечественной историографии, написавшего биографии

выдающихся британцев У. Черчилля, Б. Дизраэли, адмирала Нельсона, а также одного из самых слабых британских премьеров XX в. Э. Идена, ее привлекают яркие и противоречивые исторические лидеры. Продолжая традицию, она опубликовала серию работ, посвященных британским премьер-министрам второй половины прошлого столетия. Так, в 2007 г. в журнале «Новая и новейшая история», с которым профессора Капитонову связывает многолетнее сотрудничество, вышла солидная работа, посвященная одной из противоречивых фигур британской истории XX в. Маргарет Тэтчер, вошедшей, наряду с Черчиллем и Ллойд-Джорджем, в тройку выдающихся британских премьеров XX века – «Маргарет Тэтчер: человек и политик». В этой работе Тэтчер предстает перед нами не только в образе колоритного и жесткого политика и государственного деятеля, но и как необыкновенная женщина, обладающая редкими чертами характера, совокупность которых помогла ей подняться на высшую ступеньку власти в стране. Тэтчер посвящены еще две работы Капитоновой – «Дипломатический стиль Маргарет Тэтчер» (2001 г.) и «Персональный фактор англо-советских политических отношений 1980-х гг.» (2010 г.), –показывающие одержанные баронессой успехи на дипломатическом фронте, в том числе во взаимоотношениях с Горбачевым, признанным в мире экспертом по политике которого она стала уже после их первой встречи в декабре 1984 г. Конечно, Тэтчер была далека от дипломатии и гордилась этим, вместе с тем именно ее своеобразный «дипломатический стиль» позволил Великобритании решить ряд сложных международных проблем, и в первую очередь возможно самую сложную из них – проблему британского вклада в бюджет ЕС.

В 2009 г. в «Новой и новейшей истории» была опубликована работа Н.К. Капитоновой о преемнике Тэтчер на посту премьер-министра Джоне Мэйджоре – «Последний британский премьер-консерватор XX века Джон Мэйджор: по страницам его мемуаров». Преемнику баронессы не повезло, ибо после такой яркой личности, как Тэтчер, любой пришедший ей на смену политик выглядел бы невыразительно. Недаром она наградила его обидным прозвищем «серый». Затем последовала работа, посвященная еще одному премьер-министру – лейбористу Гордону Брауну, под руководством которого Великобритания довольно успешно боролась с последствиями международного финансово-экономического кризиса, что, впрочем, не помогло возглавляемой им партии победить на парламентских выборах 2010 г., – «Кто вы, мистер Браун?» («Современная Европа», 2007 г.).

В 2010 г. «Новая и новейшая история» публикует исторический очерк Наталии Кирилловны о нынешнем лидере консерваторов и премьер-министре страны, возглавившем после победы тори на парламентских выборах коалиционное правительство, – «Лидер британских консерваторов Дэвид Кэмерон: путь к власти».

Аналогично Тони Блэру, этот успешный политический лидер сделал в партии головокружительную карьеру и уже через пять лет после своего избрания на высший партийный пост стал премьер-министром. Последняя работа Н.К. Капитоновой, посвященная британским политическим и государственным деятелям, – это работа о Тони Блэре «Путешествия» с Тони Блэром по страницам его мемуаров» (2011 г.). В ней автор показывает взлеты и падения этого самого воинственного за последние 60 лет британского премьера. Он повторил рекорд Тэтчер – три победы подряд на парламентских выборах, опираясь при создании его портрета как на собственные признания одержимого манией величия Блэра, так и на реальные исторические факты, существенно корректирующие тот образ, который ему бы хотелось оставить о себе в британской истории.

В планах Н.К. Капитоновой – восполнить имеющийся в российской историографии пробел, написав политические портреты других известных британских премьер-министров – консерваторов – Макмиллана (1957–1963 гг.) и Хита (1970–1973 гг.), оставивших заметный след в англо-советских отношениях как со знаком плюс, так и со знаком минус.

Сфера интересов Наталии Кирилловны не ограничивается внешней политикой и историей Великобритании послевоенного периода. Она принимала активное участие в международных проектах, посвященных политике ведущих стран мира кануна Второй мировой войны. Результат этой работы, потребовавшей ознакомления с архивными советскими и британскими документами предвоенного периода, находящимися в Архиве внешней политики России, был опубликован в книге российских и польских историков, вышедшей в 2009 г. на польском и русском языках: «Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Молотова–Риббентропа – от умиротворения к политике гарантий?/ Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков». Эта публикация профессора Н.К. Капитоновой еще раз подтверждает то, что было известно ранее, но вновь потребовало на новом этапе развития нашей страны документального подтверждения, а именно что политика «умиротворения агрессора», проводимая правительством Чемберлена под прикрытием «политики гарантий» вплоть до начала Второй мировой войны и имевшая целью заключение с Германией договоренности по широкому кругу вопросов, была направлена против Советского Союза.

Работе в архивах Наталия Кирилловна уделяет существенное время, хорошо понимая важность являющихся источником высшей категории архивных документов для поднятия уровня любой научной публикации как по внешней политике СССР/России, так и по истории и внешней политике Великобритании. Помимо работы в Архиве внешней политики России, она рабо-

тала в Национальном архиве Великобритании, что позволило подготовить интересный доклад об Эдварде Хите и Суэцком кризисе 1956 г., с которым она выступила на конференции в Институте всеобщей истории РАН (2012 г.). В ходе одной из поездок в Кембриджский университет в Великобритании Н.К. Капитоновой посчастливилось работать в знаменитом Архиве Черчилля в Черчилль-колледж, который, помимо обширного наследия этого выдающегося британца – основателя колледжа, содержит архивы более 600 британских политических и государственных деятелей, в том числе и Маргарет Тэтчер.

Работа в архивах требует предельной концентрации внимания и четкого понимания того, что ты хочешь найти среди огромного количества документов. В Великобритании, как известно, существует 30-летний срок давности, но в то же время в отношении некоторых особо чувствительных документов он иногда существенно продлевается. Так, например, до сих пор ждут своего часа документы, относящиеся к переговорам британской стороны с Гессом, прилетавшим в Великобританию в мае 1941 г. с особой миссией перед нападением Германии на Советский Союз. До ста лет (вплоть до 2056 г.) продлен срок секретности документов, проливающих свет на эпизод, связанный с гибелью известного британского подводника Командера Крэбба, пытавшегося обследовать днище советского крейсера «Орджоникидзе» во время визита Хрущева и Булганина в Великобританию в апреле 1956 г. До этого времени мы можем только гадать, была ли эта секретная операция британской (или американской?) разведки санкционирована премьер-министром Иденом или же он, по его собственному утверждению, не был посвящен в планы ее осуществления.

Важное значение придается профессором Н.К. Капитоновой работе с документами Архива Президента России. Одним из итогов этой работы стала публикация о визите советских руководителей в Великобританию в апреле 1956 г., опубликованная в «Новой и новейшей истории» в 2010 г., а также еще одна публикация на ту же тему, увидевшая свет в 2013 г. в одном из ведущих британских научных журналов – «Cold War History». Рассекреченные документы позволили прояснить детали состоявшихся в тот период в Лондоне переговоров Хрущева и Булганина с руководством Великобритании, оценить степень откровенности лидеров обеих стран, выявить немногочисленные точки соприкосновения позиций сторон по проблемам мировой политики того периода, а также увидеть за официальным фасадом человеческую сторону взаимодействия британских и советских руководителей. Все это позволяет лучше понять причину того, почему состоявшаяся в 1956 г. историческая встреча не привела к существенному и продолжительному положительному сдвигу в англо-советских отношениях. Документы президентского архива, относящиеся к визиту советских руководителей

в Лондон, представляют большой интерес для британских исследователей, давая им возможность заглянуть за кулисы подготовки визита советской стороной, а также формируя свободное от различных домыслов, достоверное представление о целях и задачах советской дипломатии того периода.

Важной для исследователей британской проблематики, а также занятых изучением Великобритании студентов МГИМО является еще одна работа Наталии Кирилловны, опубликованная в 2006 г. журналом «Новая и новейшая история», – «Историографический обзор внешней политики Великобритании в 80-90-е гг. XX века». Она представляет собой анализ важных британских источников, а также многочисленных исследований британской внешней политики, принадлежащих перу зарубежных авторов и охватывающих два десятилетия истории страны, связанных с правлением консерваторов.

Сегодняшние научные интересы профессора Н.К. Капитоновой сосредоточены на проблемах внешней политики Великобритании. В ближайший год увидят свет еще две ее крупные работы: написанный в соавторстве с Е. Романовой (МГУ) учебник «История внешней политики Великобритании в XIX – XX вв.», продолжающий серию «Внешняя политика стран Запада», подготовленную кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У), а также крупный раздел о внешней политике Великобритании последних восьми лет в коллективной монографии Центра британских исследований Института Европы РАН, с которым Капитонову связывает многолетнее сотрудничество.

Кроме того, в 2014 г., который, как известно, является перекрестным годом Великобритании в России и России в Великобритании, будет опубликован первый том документов по истории англо-советских отношений периода холодной войны, составленный из архивных документов обеих стран, над созданием которого Наталия Кирилловна под руководством заведующего кафедрой ИПСЕА профессора В.О. Печатнова, совместно с рядом коллег из Института всеобщей истории работает вот уже несколько лет в рамках российско-британского проекта по линии Российской академии наук и британского Центра изучения холодной войны (Лондонская школа экономики и политических наук). Этот проект имеет важное значение, поскольку на протяжении ряда последних лет он, по существу, являлся единственным научным проектом в области истории, связывавшим Россию и Великобританию в не самый простой период их отношений. Документы первого тома сборника охватывают период с 1944 по 1954 г. и собраны из Архива внешней политики МИД России, Архива Президента РФ, РГАСПИ и Национального архива Великобритании. Подавляющее большинство документов будет опубликовано впервые, а многие из них были рассекречены специально для данного сборника.

В МГИМО Н.К. Капитонова разработала и с успехом читает на факультете международных отношений МО спецкурсы по Великобритании – «Новейшая история и этнография Великобритании», «Международные отношения и внешняя политика Великобритании», «Политическая система современной Великобритании», а также на факультете МЖ – «История и культура Великобритании». В своих лекциях она знакомит студентов не только с документами и фактологией, но также с биографиями ведущих британских политиков и государственных деятелей, работами российских специалистов – ее предшественников, а также зарубежных исследователей британской проблематики, при этом не ограничиваясь только историей и внешней политикой, но и охватывая по возможности литературу, искусство и другие важные сферы жизни Великобритании. Это делает лекции Капитоновой яркими и запоминающимися, а также пробуждает у студентов желание заняться углубленным изучением страны, знания о которой у них еще весьма поверхностны и тем более далеки от систематизации.

Из научных командировок и других поездок в Великобританию Наталия Кирилловна привозит большое количество литературы, включающей в себя не только монографии по различным аспектам британской внешней политики, но и мемуары премьер-министров и других политиков, которыми она так же, как ее учитель академик В.Г. Трухановский, с удовольствием делится со своими студентами и аспирантами. Большое внимание уделяется ею британской дипломатии, ее отличительным чертам и особенностям, деятельности таких государственных деятелей и политиков, как У.Черчилль, его далекий предок герцог Мальборо, У. Питт-младший, Дж. Каннинг, Пальмерстон, Дизраэли и других, обнаруживших куда больший талант, чем карьерные дипломаты и оказавших огромное влияние на британскую внешнюю политику и дипломатию. В разное время Н.К. Капитонова читала лекции по британской дипломатии (в рамках спецкурса «Дипломатия иностранных государств»), урегулированию североирландского конфликта (спецкурс «Конфликты в Европе и их урегулирование»), британской культуре («Культура и религия стран Запада»), в том числе политической («Политические системы и политическая культура стран Запада»).

В настоящее время, помимо ведения спецкурсов, она принимает участие в коллективных курсах «Роль СМИ и общественного мнения в политике стран Запада» (ф-т международной журналистики), «Зарубежная историография» (аспирантура), «Страны Запада в процессах глобализации», «Новейшая история стран Запада», «Современные политические процессы в странах Запада» и «Традиции политического лидерства в странах Запада» (все на факультете международных отношений). Профессор Н.К. Капитонова руководит работой аспирантов

и магистрантов МГИМО, является добросовестным официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, подготовленных российскими исследователями, работающими в различных научных центрах.

Наталия Кирилловна принимает активное участие в научной жизни нашей страны. Она – активный и частый участник международных научных конференций, международных форумов и других встреч российских и зарубежных ученых. Как член Ассоциации англоведов России, она принимает участие в мероприятиях, проводимых Ассоциацией в Институте всеобщей истории РАН, равно как в круглых столах, организуемых Центром британских исследований Института Европы, а также российскими высшими учебными заведениями, регулярно выступая с докладами по британской проблематике. Большое значение для профессионального роста Н.К. Капитоновой имели научные стажировки в центрах международных исследований Питтсбургского университета (США), Кембриджского университета (дважды),

а также Королевского института международных отношений (Великобритания). В течение нескольких лет она была экспертом Российского государственного научного фонда. Она выступает в качестве эксперта по британской проблематике в российских СМИ, на русской службе Би-би-си, а также является научным консультантом при создании документальных фильмов по советско/российско-британским отношениям.

Заслуги Наталии Кирилловны получили высокую оценку в нашей стране. Она награждена Памятной медалью к 850-летию Москвы, нагрудным юбилейным знаком «Министерство Иностранных Дел Российской Федерации. 200 лет», а также Почетной грамотой Министерства иностранных дел (2009 г.). Родной университет также отметил многолетнюю научно-педагогическую деятельность профессора Н.К. Капитоновой, наградив ее в 2004 г. к 60-летию МГИМО медалью «За заслуги».

***Pechatnov V.O. MGIMO-University Professor
Natalia Kirillovna Kapitonova.***

ЭНЕРГЕТИКА НАВСЕГДА, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПУСТЫНЮ?

А.И. Яковлев, И.Ю. Авдаков

Касаев Э.О. Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития [автор предисловия – академик РАН Н.П. Лаверов]. М.: Междунар. отношения, 2013. 182 с. Тираж 1000 экз. ISBN 978-5-7133-1435-4.

Небольшая по территории арабская монархия Персидского залива Катар получила широкую мировую известность в начале XXI столетия. Этому способствовало возросшее значение эмирата в качестве важного поставщика природного газа (прежде всего в сжиженном виде) на внешние рынки, а после начала «арабской весны» 2011 г. – активная политика правителя эмирата Хамада Аль Тани по поддержке оппозиционных движений в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии. Обращала на себя внимание очевидная стабильность политического режима Катара в условиях крайне неспокойной обстановки на всем Ближнем Востоке, а также высокие темпы роста национального хозяйства эмирата. В настоящее время Катар дает редкий пример устойчивого развития, являясь все более активным региональным актором, влияющим на процессы мировой политики. В чем его секреты?

Ответам на этот вопрос посвящена монография Э.О. Касаева. В центре внимания автора находятся проблемы современного экономического развития Катара в 2000–2010 гг. В первой главе обращено внимание на созданные к началу нового века предпосылки в сферах экономики, социальной жизни, правовой сфере и политики для продолжения развития. Автор не просто констатирует факт превращения Катара в одну из самых динамично развивающихся экономик мира, но анализирует

существовавшие объективные возможности для такого развития, параллельно исследуя экономическую политику эмирата. Именно государство стало главным субъектом стремительного социально-экономического развития этой арабской монархии за последние два десятилетия. Отдельный раздел книги посвящен проблеме законодательного регулирования привлечения иностранных инвестиций. Принятие в 2000 г. катарского закона об инвестициях стало важным элементом политики либерализации и продолжения индустриализации государства при активном участии иностранного капитала.

Частью обеспечения экономического развития является политика, и этим вопросам в монографии также уделено некоторое внимание. «Позиции катарского руководства в целом устойчивы, хотя за последние годы ему пришлось пережить две попытки заговора – в 1996 г. и 2002 г., – справедливо отмечает автор. – Основное преимущество главы государства – это поддержка населения, средний уровень жизни которого на порядок выше, чем в других странах. Достаточно напомнить, что по доходам на душу населения эмират к настоящему времени уверенно занимает лидирующее место в мире» (с. 29). Однако внешняя политика эмирата едва ли соответствует отведенному Катару первому месту в «рейтинге миролюбия» среди стран Ближнего Востока и Северной Африки, учитывая «мате-

Яковлев Александр Иванович – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: arabres@ivran.ru

Авдаков Игорь Юрьевич – к.э.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: profcom@ivran.ru

риальную и стратегическую помощь восставшим в Каире, Триполи и Дамаске» со стороны властей эмирата, как указывает сам автор (с. 31).

Вторая глава книги является центральной частью работы, поскольку насыщена новым, впервые используемым в отечественной арабистике материалом. Автор на основе анализа статистических данных удачно показывает главные тренды экономического и социального развития Катар, рассматривает основные отрасли промышленности и виды транспорта, характеризует инвестиционный климат этой страны, дает краткосрочные и среднесрочные прогнозы экономического и социального развития эмирата. Автор подробно описывает основные цели и направления «Национальной стратегии развития Катар 2011–2016», ставшей частью программы дальнейшей модернизации страны «Национальное видение – 2030» (с. 37).

«Краеугольный камень всех преобразований в Катаре – устойчивое экономическое развитие страны, стержнем которого является добыча углеводородов, а также последующий экспорт сжиженного природного газа и нефти», – указывает автор (с. 38). В то же время власти эмирата отдают себе отчет в том, что их главный природный ресурс является невозобновляемым и рано или поздно будет исчерпан. Добыча нефти в стране началась еще в 1940-х гг., к началу нового столетия в недрах эмирата оставалось 1,5% мировых запасов «черного золота» и 15% мировых запасов природного газа. Этим объясняется стратегия правительства, наметившего к 2016 г. добиться опережающих темпов развития углеводородного сектора при сохранении нынешнего уровня добычи углеводородов (с. 39).

В Катаре осуществляются ряд проектов, в числе которых и такие высокотехнологичные, как производство солнечных батарей. Немалые усилия прилагаются и для создания развитой современной инфраструктуры: автодорог, аэропорта, морского порта. Дело в том, что, несмотря на свое богатство, Катар – молодая страна (ее независимость была провозглашена в 1971 г.), еще не успевшая обзавестись всеми атрибутами государства индустриальной и постиндустриальной эпохи. В эмирате отменили рабство чуть более полувека назад. Развитие частного национального капитала ограничивается рамками малых и средних предприятий. В соответствии со стратегией государство оказывает им финансовую помощь и предоставляет льготы.

Некоторые разделы книги Э.О. Касаева посвящены рассмотрению состояния добывающего и перерабатывающего секторов национальной экономики, строительному и транспортному секторам. Наряду с характеристикой банковской системы Катар автор рассматривает позицию эмирата по вопросу создания валютного союза стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (с. 88–92).

Автор предлагает свой взгляд на будущее катарского хозяйства. В частности, он с обоснованным сомнением относится к планам существенного сокращения зависимости от газового экспорта к 2016 г., полагая более реалистичным рубежом

2030 г. (с. 39). Э.О. Касаев ненавязчиво наталкивает нас на мысль о том, что в более отдаленной перспективе (середина XXI в.), после исчерпания углеводородных запасов страны, Катар скорее пойдет по пути дальнейшего экономического развития, проложенного ранее диверсификацией экономической структуры и снижением зависимости от сбыта углеводородов (с. 39).

Но для этого, как справедливо отмечает автор, «надо, чтобы была значительно увеличена отдача от неуглеводородных отраслей промышленности и реализовывались проекты, связанные с альтернативной энергетикой» (с. 39). В обратном случае более вероятен другой вариант – экономический застой, регресс и увеличение доли традиционного уклада в социально-экономической жизни этой страны. Другими словами, в Катаре сохраняется многовариантность экономического и социального развития. Такой подход к сценариям развития арабских государств находится в русле современных исследований российских востоковедов, занимающихся среднесрочными и долгосрочными прогнозами экономического развития отдельных стран или групп стран Ближнего Востока.

Стоило бы указать, что характер экономической политики катарских властей и используемые ими методы заимствованы из сформировавшейся в 1970–1990-х гг. «арабской модели модернизации», в которой ключевая роль в планировании экономического будущего отведена государству. Именно оно обеспечивает развитие собственных проектов и оказывает поддержку частному бизнесу. Однако многие проблемы названной модели десятилетия спустя проявились в Катаре.

Так, политика диверсификации моноориентированной экономики с целью сокращения ее зависимости от экспорта углеводородов была начата в 1980-х гг. в Саудовской Аравии. Еще в 1970-х гг. в королевстве были созданы специальные государственные фонды для поддержания промышленных проектов частного сектора. Тревога из-за возрастания зависимости от иностранной рабочей силы и бесконтрольного притока десятков тысяч иноязычных работников возникла в 1970-х гг. в Кувейте, в 1980-х гг. в Саудовской Аравии. В этих странах было покончено со стихийной иммиграцией, и их опыт использовали власти Катар при выстраивании своей политики в этой сфере, учитывая стабильную и долгосрочную зависимость катарской экономики от иностранных рабочих рук. Автор указывает, что 85% населения страны и более 90% его экономически активного населения являются иностранцами (с. 98). Поэтому на пути дальнейшего развития Катар его власти могут успешно воспользоваться уже имеющимся опытом ускоренной модернизации, проведенной в десятках странах региона, в частности в соседних нефтяных монархиях Аравии.

Можно отметить, что колоссальные доходы государства от поставок нефти и газа позволили властям проводить щедрую социальную политику в отношении коренных катарцев. Следствием этого и стала социально-политическая стабильность. В

Катарской стратегии 2011–2016 гг. предусматривается не только сохранение уже достигнутого для коренного населения высокого уровня социального обеспечения (бесплатная медицинская помощь и образование), но также развитие гуманитарной сферы на основе национальных традиций. Это важно, учитывая мощный поток западной массовой культуры, идущий к населению арабских стран через разнообразные средства современных коммуникаций. В указанном пятилетнем плане подчеркивается важная роль семьи в воспитании молодого поколения; государство будет поддерживать проведение различных выставок, музыкальных фестивалей, спортивных соревнований.

Традиционность многих сторон жизни в эмирате сочетается с прорывами к современности. Например, показателем большого внимания власти к проблемам экологии стало создание специального министерства окружающей среды для поддержания «зеленых проектов» (с. 40). В 2004 г. был принят закон об учреждении Высшего совета по вопросам информации и коммуникационных технологий, в 2010 г. эмир утвердил решение кабинета министров об осуществлении программы электронного правительства (с. 93) – это реальные шаги на пути превращения Катара в постсовременное государство. Уже в 2010 г. в Катаре существовал самый высокий среди арабских стран уровень обеспечения населения компьютерами (85%) и пользователей Интернетом (70%) (с. 95).

Читая книгу, следует согласиться с взвешенной авторской оценкой перспектив введения общей валюты для «аравийской шестерки» (с. 105), при этом отметив, что основные опасения малых эмиратов вызывает Саудовская Аравия, чей потенциал позволяет ей в перспективе интегрировать экономики других стран ССАГПЗ под своей гегемонией.

В третьей главе книги Э.О. Касаев уделяет большое внимание анализу внешнеэкономических связей Катара с иностранными государствами. Например, стратегическое партнерство Катара и США далеко выходит за рамки экономического сотрудничества (с. 109–116). США привлекают не только запасы углеводородов и выигрышное географическое расположение эмирата, но также и его самостоятельная внешняя политика в регионе, в частности особые отношения с Израилем. Внешнеполитические амбиции Катара стали особенно заметны в правление прежнего эмира – Хамада Аль Тани. Самым важным показателем новой роли эмирата стала деятельность местного телеканала «Аль-Джазира», чьи сообщения подчас реально влияют на внешнюю политику и внутреннюю ситуацию в ряде арабских стран. Это «действенный инструмент межарабской политики Катара», выполняющий «политическую волю руководства эмирата» (с. 31). Страна стала главной военно-стратегической опорой американцев в регионе, там размещается хорошо оснащенная военная база вооруженных сил США «Аль-Удейд». Соединенные Штаты являются основным поставщиком вооружений и услуг военного назначения, но и в целом остаются крупным экспортером ма-

шин и оборудования. Несколько ведущих американских компаний, в том числе «Эксон Мобил» и «Оксидентал Петролеум», участвуют в разработке углеводородных месторождений на территории эмирата. В свою очередь, катарские государственные компании активно действуют на территории США («Катар Петролеум», «Катар Эйрвейз»). Автор заключает: «Акцент на развитие тесного экономического сотрудничества с Соединенными Штатами будет сохраняться и в дальнейшем, поскольку их значимость для Катара весьма высока: начиная от вопросов государственной безопасности и заканчивая различными технологическими новшествами, которые американские компании успешно реализуют при ведении деятельности на территории эмирата» (с. 158).

Э.О. Касаев также отмечает, что «азиатское направление является одним из приоритетов внешнеэкономической деятельности Катара. При этом многие страны Азии считают укрепление сотрудничества с эмиратом «локомотивом продвижения своих отношений с другими участниками ССАГПЗ» (с. 117). На основе статистических данных автор показывает, что за последние годы (2009–2011 гг.) катарский экспорт в денежном эквиваленте в крупные азиатские страны имел положительную динамику, однако импорт из этих стран за указанный период сократился вследствие возрастающего объема импорта из США и воздействия глобального финансового кризиса.

Э.О. Касаев справедливо полагает, что «в долгосрочной перспективе переориентации экономической политики Катара на европейское направление не произойдет, так как партнерство со странами Азии является традиционным и важным для эмирата, ведь азиатские государства обладают огромным потенциалом экономического развития и технологической эволюции, реализация которого в течение нескольких десятков лет непременно потребует поставок больших объемов энергоносителей, в том числе катарских» (с. 158).

Перспективы для расширения экономического сотрудничества Катара со странами Евросоюза также имеются. Вследствие затяжной рецессии в европейских странах Катар все стремительнее скупает активы крупных западных компаний. Кроме того, растет экспорт эмирата на рынки Европы.

Заслуживает внимания и то, что автор не проходит мимо проблемы непростых российско-катарских отношений, оценивая их перспективы очень сдержанно «по причине острых разногласий двух стран на мировой арене» (с. 160).

Новая по материалу, насыщенная большим объемом фактов и содержащая трезвые оценки, книга Э.О. Касаева достойна вдумчивого прочтения не только специалистов по Ближнему и Среднему Востоку, но и широкого круга международных политиков и экономистов.

A.I. Yakovlev, I.Yu. Avdakov. Power forever, or return to the desert? (Reflections over Eldar Kasayev's book) The World in 2013 as experts of the US National Intelligence Council see it.

КАКИМ ВИДЯТ МИР В 2030 ГОДУ ЭКСПЕРТЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА США

**А.И. Никитин, Е.С. Воронин, Е.К. Зведре, В.Н. Земсков,
М.А. Небольсина, А.П. Гржа, Д.Н. Новикова, О.Л. Сон**

Global Trends 2030: Alternative Worlds. A publication of the US National Intelligence Council, December 2012.

На рубеже 2012–2013 гг. Национальный разведывательный совет США (НРС) опубликовал пятый по счету прогностический доклад, посвященный тенденциям и возможным сценариям развития мира к 2030 г. под названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры». Мы считаем важным познакомить российского читателя с основными положениями этой разработки, поскольку она в наибольшей мере отражает «мэйнстрим», основное направление мышления экспертных сообществ, работающих на правительство США.

Прогностические доклады НРС США содержат анализ вероятных сценариев мирового развития на долгосрочную 15–20-летнюю перспективу. Эти документы выходят в свет уже в течение последних 15 лет в период между президентскими выборами и инаугурацией избранного президента и адресованы в первую очередь новому политическому руководству США. Они представляют собой плод коллективного труда аналитиков из 16 основных и ряда вспомогательных спецслужб, входящих в разведывательное сообщество США, и считаются наиболее полными и объективными

из всех работ подобного рода. Качество подготовки и содержания докладов НРС обеспечивается также благодаря учету мнений ведущих зарубежных и американских политиков, экспертов и бизнесменов, обстоятельному обсуждению поставленных проблем в ходе многочисленных семинаров, конференций, опросов и т.п.

В то же время нельзя не отметить, что хроническим недостатком рассматриваемого доклада, как и других аналогичных документов американских госведомств (министерств обороны, энергетики, сельского хозяйства) является заданная интересами официального Вашингтона геополитическая ограниченность в восприятии мира и происходящих в нем событий, а также вероятных тенденций в его развитии. Кроме того, в докладе недостаточное место занимает анализ ряда ключевых направлений политического и экономического развития мирового сообщества, таких как многомерная глобализация, изменение конфигурации многополярности, роль интенсивно развивающихся («восходящих») держав (emerging powers), долговременное влияние финансово-экономического кризиса на мировую систему.

Рецензию составили: **А.И. Никитин** – д.полит.н., профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО(У) МИД России, директор Центра Евро-Атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО(У) МИД России, **Е.С. Воронин** – к.ю.н., ведущий научный сотрудник ЦЕАБ, **Е.К. Зведре** – старший научный сотрудник ЦЕАБ, **В.Н. Земсков** – старший научный сотрудник ЦЕАБ, **М.А. Небольсина** – научный сотрудник ЦЕАБ, **А.П. Гржа** – младший научный сотрудник ЦЕАБ, **Д.Н. Новикова** – младший научный сотрудник ЦЕАБ, **О.Л. Сон** – выпускник кафедры публичной политики Национального Исследовательского Университета – Высшей Школы Экономики.

Соединение отдельных рассматриваемых параметров мирового развития в «логичные» сценарии производится весьма произвольно, без учета сложного взаимовлияния факторов. В результате авторы доклада представляют не столько аналитические сценарии, сколько «корзины – наборы» положительных и отрицательных с их точки зрения факторов и тенденций мирового и регионального развития. И, тем не менее, ознакомление с восприятием американскими специалистами этих факторов и тенденций, с тем, как они формулируются, группируются и оцениваются, представляет несомненный практический интерес для действующих политиков, представителей деловых кругов, аналитического сообщества других стран. Чтобы самим видеть сквозь десятилетия, необходимо знать, как контуры грядущего видят другие культуры и страны.

«Тектонические сдвиги» в международных отношениях

Основная идея доклада НРС сводится к тезису о том, что система международных отношений в очередной раз вступает в период коренных изменений, подобных тем, которые произошли в мире в 1815, 1919, 1945 и 1989 гг. Новый облик мира 2030 г., контуры которого просматриваются уже сегодня, будут формировать четыре «мегатенденции», а именно:

- (1) демографические сдвиги;
- (2) падение роли «стареющих экономик»;
- (3) рост урбанизации и увеличение численности среднего класса;
- (4) растущий дефицит продовольствия, воды и энергии.

Данные «мегатенденции» будут развиваться и взаимодействовать с рядом факторов, определяющих «правила игры» (game changers), в число которых авторы включают также трансформацию роли США в мировых делах. В докладе утверждается, что через 15–20 лет крупнейшие государства, в том числе США, Китай и другие державы, утратят способность проецировать свое влияние в глобальном масштабе. Кроме того, снижение уровня бедности, рост «глобального среднего класса», доступности образования, достижения в области здравоохранения и развития технологий дадут небывалый рост индивидуальных возможностей человека. Это, в свою очередь, приведет к распределению (или рассредоточению) контроля над положением дел в мире между государственными механизмами, социальными сетями и негосударственными игроками (актерами).

Эволюция «мегатенденций» приведет к потере Западом роли лидера мирового развития, которую он выполнял на протяжении почти 400 лет. Страны Азии займут лидирующие позиции, прежде всего в экономике, и обойдут Америку и Европу вместе взятые по объемам ВВП, численности населения, объемам суммарных военных расходов и инвестиций в НИОКР. За несколько лет до 2030 г. Китай обгонит США и станет крупнейшей экономикой мира. Из этого следует вывод: Рах

Americana, или эпоха монополистического господства США в мировой политике, начавшаяся с распадом СССР, уходит в прошлое. Отметим, что подобный вывод появляется в документе, подготовленном аналитиками разведывательного сообщества США впервые, да и то с оговоркой, что, дескать, возможность точного прогнозирования будущего не может быть стопроцентно корректной. Вместе с тем даже такое развитие событий вовсе не приведет к полной потере ведущей роли США в мировых делах. Если исходить из доклада, то «многогранность потенциала» позволит Америке оставаться «первой среди равных», сохраняя за собой превосходство в десяти ключевых областях, прежде всего в военной, и способность эффективно использовать как «жесткую», так и «мягкую» силу.

В условиях лидерства Китая в мировой экономике США сохраняют за собой передовые позиции в инновационных технологиях. В пользу такого предположения говорят следующие факты: ежегодно около трети всех запатентованных в мире изобретений создаются в США, при том, что их население составляет чуть более 5% от населения земного шара; в США находятся более 40% лучших университетов мира, в которых работает большинство Нобелевских лауреатов в области естественных наук. Принципиально важно, что, став мировым лидером по добыче сланцевого газа и существенно нарастив добычу нефти, США постепенно добьются полной энергонезависимости. Это, в свою очередь, позволит выровнять торговый баланс и обеспечит более устойчивый рост национальной экономики.

Основываясь на итогах обсуждения ключевых положений доклада с представителями зарубежных политических, деловых и экспертных сообществ, авторы приходят к выводу, что ни одна из так называемых интенсивно развивающихся держав (emerging powers) не вынашивает планов ревизии системы международных отношений так, как это пытались сделать в свое время Германия, Япония или Советский Союз. Сегодня трудно предсказать, какими будут отношения развивающихся держав с США, однако ясно, что в их интересах согласиться на роль Америки в качестве мирового лидера, доминирующий потенциал которого существенно снизится, нежели оказаться в мире, в котором не будет силы, способной взять на себя поддержание общего миропорядка.

США в долгосрочной (на 15–20 лет) перспективе, как утверждается, останутся единственной реальной силой, способной создавать коалиции из государств и негосударственных игроков и противостоять грядущим вызовам и угрозам. Вместе с тем НРС предупреждает, что нарастание таких угроз и вызовов чревато перенапряжением ресурсов государства. Вопрос же о том, как может сказаться уход США с мировой арены, отнесен к числу так называемых «черных лебедей» – гипотетических сценариев с далеко идущими, как правило негативными, последствиями. На него дается однозначный ответ: такой сценарий чре-

ват наступлением длительного периода «глобальной анархии», так как ни одно государство-лидер, какими бы ни были его возможности или же «стабильная международная система», не в состоянии адекватно заменить США в качестве «политического лидера» и «гаранта международной безопасности».

Авторы доклада считают, что Америке не стоит обращать слишком много внимания на постоянное недовольство партнеров по поводу заносчивости США в мировых делах или же применяемых ими двойных стандартов. При любом раскладе сил у США всегда будет больше союзников, чем противников. Вместе с тем, гласит доклад, Америке следует и дальше совершенствовать искусство создания альянсов и поддержания баланса сил. США необходимо помнить, что военная сила не всегда является лучшим аргументом при отражении новых угроз и вызовов транснационального характера, затрагивающих безопасность многих миллионов людей не меньше, чем прямые военные угрозы. Лидерство, по мнению аналитиков НРС, означает способность к сотрудничеству и взаимодействию с различными игроками, вовлечение всех заинтересованных сторон в решение общих проблем.

В докладе подчеркивается, что возможность успешного решения глобальных проблем, таких, как изменение климата, сокращение мировых ресурсов, кибербезопасность, формирование устойчивых международных институтов, использование атомной энергии и космического пространства, создание глобальной финансовой системы, напрямую будет зависеть от состояния американо-китайских отношений. Поэтому обязательным условием наиболее оптимистичного развития событий авторы считают позитивный фон взаимоотношений США и КНР. Очевидно, обеим странам потребуются приложить определенные усилия, чтобы избежать сползания к традиционному сценарию, по которому растущая, набирающая силу держава рассматривается существующим лидером как стратегическая угроза сложившемуся статус кво.

Перераспределение глобального влияния

Составители доклада прогнозируют кардинальное перераспределение влияния между существующими центрами силы. При этом, сдвиг баланса сил пойдет по двум направлениям и затронет как сами государства, так и сферу взаимоотношений государственных и негосударственных субъектов мировой политики (структуру влияния). В основе прогнозных оценок лежит расширенный индекс глобального влияния, включающий как традиционные показатели влияния – рост ВВП, численность населения, уровень военных расходов и технологических инвестиций, так и новые – уровень здоровья граждан, качество образования и системы управления.

Что касается первого направления перераспределения глобального влияния среди государств, то, как считают авторы, к 2030 г. Азия

займет место лидера на мировой арене, тем самым подводя черту под эпохой исторического подъема Запада. По прогнозам экспертов, к этому моменту по показателям глобального влияния, основанного на уровне ВВП, численности населения, раз мере военных расходов и технологических инвестиций, Азия обгонит страны Северной Америки и Европы. Китай станет ведущей экономической державой, обставив позади США, в то время как экономики стран Европы, Японии и России, скорее всего, продолжат тенденцию медленного спада. Говоря о странах средней величины, таких как Колумбия, Египет, Индонезия, Иран, ЮАР, Мексика, Турция и некоторые другие, авторы выделяют часть из них в отдельную группу государств, которые резко повысят уровень своего глобального участия и значимости к 2030 г. Среди лидеров расклад следующий: Германия (страны ЕС); Египет, Эфиопия и Нигерия (в Африке); Вьетнам (в Юго-Восточной Азии) и Бразилия (в Латинской Америке). В так называемых «проблемных» странах – Афганистане, Демократической Республике Конго, Сомали и др., – в ближайшие 15–20 лет ситуация едва ли улучшится. В этих странах сохранятся слабая система управления, низкий уровень безопасности и экономического развития, а также существенные демографические и экологические проблемы.

Как отмечается, в XXI в. изменение баланса сил на международной арене будет принципиально отличаться от существовавшего в предыдущие периоды. Во-первых, заметно возрастет количество государств, глобальное влияние которых в мире будет заметно выше. Во-вторых, динамика изменений в XXI в. будет значительно быстрее. Если на предыдущих этапах одновременно увеличивалось глобальное влияние только одной-двух мировых держав и сам процесс был растянут во времени, то к 2030 г. перераспределение глобального влияния между государствами будет весьма масштабным и сжатым по срокам. В итоге это не только приведет к перестройке системы международных отношений, но и создаст дополнительную нагрузку на нее

Другим принципиальным изменением в балансе сил мировой политики станет, как полагают авторы доклада, «фундаментальный сдвиг в природе силы и влияния государств», который приведет к тому, что к 2030 г. ни одно государство в мире, включая США, в принципе не сможет оставаться державой-гегемоном. С развитием коммуникационных технологий основными центрами силы станут многофункциональные сети, состоящие из государственных и негосударственных субъектов, образованные в целях оказания влияния на глобальную политику в различных сферах. Лидерство в подобных сетях будет основано на таких ресурсах, как статусное влияние, структура связей, дипломатические навыки и конструктивное поведение. Такие сети за счет включения в них разнообразных и многочисленных акторов, как полагают эксперты, будут в значительной степени определять и сдерживать

действия традиционных государственных субъектов. При этом понятие легитимности станет ключевым для определения влияния как государственных, так и негосударственных игроков. В итоге, с одной стороны, государства будут вынуждены повышать уровень своей ответственности и подотчетности гражданам, а, с другой – негосударственным игрокам придется доказывать свою состоятельность реальными результатами использования своего влияния.

Прогнозы тенденций конфликтогенности в мире

С точки зрения авторов доклада, исторические тенденции в течение последних двух десятилетий показывают, что количество серьезных вооруженных конфликтов в мире уменьшается, а там, где конфликты происходят, существенно сократилось число гражданских и военных потерь. Вместе с тем растущая глобализация приводит ко все большей взаимозависимости государств. Во многих странах экономический рост замедляется, мировая экономика становится все более нестабильной и может в перспективе систематически подвергаться кризисным явлениям. Эксперты считают, что растущая конкуренция в сферах добычи, распределения и использования ресурсов в сочетании с экологическими проблемами может привести к переломным моментам в развитии ряда государств, что, в свою очередь, закончится новыми крупными внутренними и межгосударственными конфликтами. Наконец, в отличие от предыдущих исторических периодов, насилие перестанет быть монопольной прерогативой государства. Отдельные индивиды и небольшие группы также будут способны нанести массированный ущерб и разрушения как государствам, так и союзам государств.

Здесь стоит отметить, что с 1970 г. примерно 80% всех вооруженных, гражданских и этнических конфликтов происходило в странах, в которых среди населения преобладали лица в возрасте 25 лет или младше. Средняя продолжительность внутригосударственных конфликтов, которые начались в период между 1970 и 1999 гг., составляет от 1 года до 6 лет. Активные фазы межгосударственных конфликтов, которые начались в период между 1970 и 1999 гг., продолжалось в среднем менее 2 лет. Начиная с 1990-х гг., отмечается увеличение количества операций по поддержанию мира (ОПМ), развернутых для стабилизации ситуации после окончания внутригосударственных конфликтов или их урегулирования. Доля «молодых» стран, в которых происходили внутригосударственные конфликты, снизилась между 1995 и 2005 гг. с 25 до 15%.

Заглядывая вперед, авторы доклада отмечают, что риск внутригосударственных конфликтов, безусловно, будет продолжать снижаться в странах со зрелой возрастной структурой (средний возраст выше 25 лет). Так, основная часть населения Латинской Америки и Карибского бассейна, за исключением Боливии, Гватемалы, Гаити

и Парагвая, будет приходиться именно на такие страны, поэтому риски возникновения конфликтов в них будут снижаться. Кроме того, риск возникновения внутригосударственных конфликтов, скорее всего, снизится и в Восточной Азии, где многие страны быстро «стареют». Однако вероятность появления новых конфликтов в течение следующих двух десятилетий останется высокой в Западной, Центральной и Восточной Африке, в странах Ближнего Востока и Южной Азии. Данный сценарий, по мнению аналитиков НРС, актуален также в нескольких азиатско-тихоокеанских горячих точках: Восточном Тиморе, Папуа-Новой Гвинее, на Филиппинах Соломоновых островах.

Количество межгосударственных конфликтов за последнее десятилетие, напротив, было небольшим. Тем не менее, авторы доклада отмечают, что риск возникновения межгосударственных конфликтов будет расти в связи с изменениями в системе международных отношений. Основы равновесия, установившиеся после окончания «холодной войны», начинают меняться. Если США, гласит доклад, не захотят или не смогут быть «глобальным поставщиком безопасности», то к 2030 г. мир станет менее стабильным. По мере того, как международная система становится все более фрагментированной, а существующие формы сотрудничества в меньшей степени выгодны многим ключевым глобальным игрокам, будет увеличиваться и потенциал для конкуренции и конфликтов.

Вместе с меняющимися прогнозами о будущем международной безопасности, более напряженными становятся и отношения государств в сфере использования природных ресурсов. Доступ к ключевым источникам минерального сырья вкупе с энергетикой будет иметь жизненно важное значение для продолжения поступательного экономического роста многих развивающихся государств, и эти государства будут все более зависимыми от внешних источников. Бросается в глаза растущий потенциал международных споров о правах на морское дно и его ресурсы в ряде регионов Южно-Китайского моря, Индийского океана, а также Арктики и Антарктики.

Как утверждается, к 2030 г. водные ресурсы могут стать более существенным источником возникновения споров, чем энергия или полезные ископаемые, как на внутригосударственном, так и на межгосударственных уровнях. Хотя дефицит воды существует в Соединенных Штатах, Мексике и вдоль западного побережья Южной Америки, основная зона дефицита воды в мире охватывает Северную Африку, Ближний Восток, Центральную и Южную Азию и Северный Китай. Конфликтогенность данных регионов будет расти еще и по той причине, что здесь находится зона самого быстрого прироста населения в течение двух ближайших десятилетий.

Следующие 15–20 лет будут характеризоваться развитием более доступных средств ведения войны, особенно кибернетического и биологического оружия. Распространение но-

вых видов вооружений, повышение точности и эффективности оружия повысит возможности не только государств, но и негосударственных акторов, о которых мы уже упоминали выше. Растущая взаимозависимость компьютерной техники и программного обеспечения, расширение интеграции этих систем повысит уязвимость мировых лидеров, в том числе США, в области технологий. Эксперты американского разведсообщества полагают, что скрытые и неуловимые взаимосвязи между различными системами программного обеспечения и компьютерной техники, вероятно, станут нормой, что позволит внешним игрокам получать удаленный доступ ко всем видам цифровых систем, в том числе с враждебными целями. По мере повышения зависимости общества от программного обеспечения и укрепления взаимосвязанности компьютерных систем увеличатся и потенциальный масштаб ущерба, который могут нанести киберпреступники.

Еще одна опасность повышения конфликтности также связана с «всемирной паутиной». Целью киберпреступников могут стать различные объекты, начиная от систем военного назначения и заканчивая электросетями, сетями связи и финансовыми системами. Пока террористы в основном сосредоточены на оружии, способном вызвать массовые жертвы, однако по мере расширения возможностей интернет-сетей, возникновение кибервойн тех или иных масштабов становится практически неизбежным. Со своей стороны, государства, обладающие ядерным оружием, вполне могут прибегнуть к использованию ОМУ для поражения противника в таком кибер-ядерном конфликте. Многие современные электронные системы не способны работать во враждебной электромагнитной окружающей среде. Возможности киберпространства и Интернета могут быть столь же важны с точки зрения создания условий для формирования альтернативных сетевых социальных движений, которые могут обладать серьезным потенциалом экономического, политического и силового влияния.

Как отмечается в докладе, вероятные межгосударственные конфликты в будущем, скорее всего, будут включать в себя несколько форм ведения войны. В потенциальных войнах в Азии с возможным участием России, Китая, Индии или Пакистана в дополнение к обычным вооружениям может использоваться и оружие массового уничтожения. Будущие конфликты на Ближнем Востоке могут также подразумевать применение ОМУ, если в регионе продолжится распространение ядерного оружия. Конфликты с участием радикальных группировок, поддерживаемых государствами таких, как «Хезболла» и ХАМАС, опасны в силу того, что в них сочетается тактика партизанской войны и современные вооружения. Характер будущих войн, в конечном счете, будет определяться опытом большинства продолжающихся сегодня вооруженных конфликтов. Динамика, создаваемая такими кон-

фликтами, определит характер международной безопасности в мире будущего, а также природу грядущих войн.

«Альтернативные миры»: четыре сценария будущего

Что касается вероятных направлений развития ситуации до 2030 г. в мире в целом и в отдельных странах и регионах, доклад предлагает четыре альтернативных сценария:

1. «Стагнация»: США и Европа концентрируются на своих внутренних проблемах, а процессы глобализации при этом замедлятся.

2. «Объединенное лидерство»: США и Китай сотрудничают и играют ведущую роль в совместном противостоянии глобальным вызовам и угрозам.

3. «Непредсказуемый сценарий»: преобладает влияние кризисных экономических механизмов.

4. «Мир негосударственных игроков»: внесистемные игроки получают ведущую роль в решении глобальных проблем.

Наиболее негативным сценарием авторам представляется «стагнация». С развитием данного сценария ожидается остановка глобальных процессов в связи с тем, что США и Европа сосредоточатся на решении своих внутренних проблем, перестав играть ведущую роль в мировых делах. Предполагается, что при этом США перестанут справляться с проблемами бюджетной политики, а, следовательно, и с экономической политикой в более широком смысле. «Стагнация» подразумевает также прекращение процессов европейской интеграции. Из еврозоны выйдет Греция, а за ней последуют и другие страны на периферии ЕС. В коалиционных правительствах европейских стран все больше будут преобладать партии националистической и ультраправой ориентации. К 2020 г. в Европе останется лишь небольшая зона свободной торговли, продолжится замедление темпов роста мировой экономики при одновременном повышении цен на продовольствие.

В крупных развивающихся странах темпы сохранятся достаточно высокие темпы экономического роста, обеспечив три четверти всего мирового экономического роста. Однако на фоне благоприятной экономической динамики фундаментальные экономические и политические реформы в таких крупных развивающихся государствах, как Китай и Индия, будут отложены на неопределенную перспективу. Напротив, такие явления, как коррупция, социальная нестабильность, неразвитые финансовые системы, а также слабость экономической инфраструктуры, будут негативно влиять на темпы роста развивающихся экономик. Экономический рост Китая снизится с 8 % в начале изучаемого периода до 3% к 2030 г. По мнению аналитиков НРС, давление вышеперечисленных факторов на государства повсеместно будет приводить к их разобщению и усилению национального протекционизма. В результате мировая система управления перестанет справляться с кризисами глобального масштаба, которые при-

ведут к панике. Развитые страны устроятся от решения проблем большинства развивающихся и слаборазвитых стран Азии, Африки и Ближнего Востока. Подобные тенденции приведут к росту социальной нестабильности в Юго-Восточной Азии, странах Африканского рога и Персидского залива. Сокращение туристических потоков и снижение масштабов мировой торговли повлекут за собой торможение глобальных процессов, хотя и не полностью остановят процессы глобализации. В результате чувство недоверия между странами Запада и Востока, а также Севера и Юга будет только увеличиваться.

При реализации первого сценария на Ближнем Востоке возникнет конфликт между мусульманами-суннитами и шиитами, в котором Иран будет противостоять Саудовской Аравии, а США и Европа не окажут содействия в его урегулировании. Кроме того, считают авторы доклада, Россия усилит свои позиции в странах ближнего зарубежья при одновременном ослаблении роли США в Афганистане и Центральной Азии. Произойдет ослабление позиций США в Азии. Индии придется своими силами противостоять растущей мощи Китая в регионе. Согласно докладу, Бразилия окажется той страной, для которой изменившаяся геополитическая ситуация создаст определенные преимущества на мировой арене. Как главный экспортер продовольствия, Бразилия выиграет от роста цен. Бразилия также будет стремиться заполнить вакуум силы, образовавшийся в связи с ослаблением лидерских позиций США и Европы. В целом, страны Латинской Америки наименьшим образом подвергнутся глобальным изменениям. Авторы доклада также предполагают, что в наибольшей степени при таком сценарии пострадают беднейшие страны, которых существенно затронет рост цен на продовольствие, а также распространение эпидемий. Помощь этим странам будет осложняться замедлением и сворачиванием мирового экономического и технологического сотрудничества.

Самым позитивным и благоприятным сценарием развития мировых процессов до 2030 г. экспертам НРС представляется «объединенное лидерство», при котором конфликты в Евразии вынудят США и Китай действовать совместно с целью урегулирования ситуации. При развитии этого сценария двусторонние отношения США и Китая ожидают трансформация в сторону расширения сотрудничества по глобальным проблемам. Такой сценарий возможен при наличии в обеих странах руководителей, способных преодолеть сопротивление внутриполитических групп интересов и сформировать мощные инструменты двустороннего взаимодействия. В результате произойдет рост взаимного доверия между обществами и цивилизациями двух государств. При развитии сценария «объединенного лидерства» экономический рост возможен на базе сотрудничества США и КНР в области безопасности, усиленного обмена интеллектуальной и инновационной составляющими. При росте взаимодействия

между государствами-лидерами международные институты вступят в период реформ и станут более гибкими. Иными словами, экономические и политические реформы будут происходить одновременно. Китай, в свою очередь, начнет осуществлять политические реформы. По мнению авторов, от реализации данного сценария выиграют все участники международных процессов. По темпам роста экономика развивающихся стран по-прежнему будут опережать экономику развитых государств, хотя ВВП последних также будет заметно подрастать.

Мировая экономика удвоит свои показатели к 2030 г. В США каждые десять лет доход на душу населения будет увеличиваться на 10 тыс. долл. В Китае доходы на душу населения хотя и останутся ниже в абсолютном выражении, но будут расти с сопоставимой скоростью, что поможет КНР избежать попадания в «ловушку среднего уровня доходов». В Европе кризис евро будет способствовать ускорению глубоких политических и экономических преобразований, благодаря которым должно произойти возрождение европейского проекта. Вместе с усилением политического лидерства государств, считают аналитики НРС, возрастет и роль негосударственных акторов. Развитие получают технологические инновации, усилятся обмен технологиями. Результаты разработок университетских научных центров и лабораторий позволят решить проблему нехватки продовольствия, возникшую в связи с быстрым ростом благосостояния. Как отмечалось выше, авторы доклада приходят к выводу, что лидерство США будет базироваться на опережающем развитии технологий, что, в свою очередь, будет способствовать наращиванию их сотрудничества с другими государствами, а не соперничеству с ними. Россия также начнет преобразования в научно-исследовательской сфере и станет развивать межкультурные связи.

В соответствии с данным сценарием, сотрудничество государств позволит прийти к единому соглашению в сфере использования «чистых» видов энергии и совместным действиям по обеспечению продовольственной безопасности. При поддержке США и стран Европы в странах Персидского залива будут созданы мощные университетские и исследовательские центры. Здесь появится новая предпринимательская элита. Тесное взаимодействие США и Китая будет способствовать тому, что Индия и Пакистан усилят стратегический диалог по открытию торговли и сумеют добиться мирного урегулирования продолжительного конфликта. Несмотря на то, что конфликты в Южной Азии и на Ближнем Востоке сохранятся, усиление многостороннего сотрудничества по проблемам преодоления бедности и изменения климата будет способствовать снижению нестабильности. Высокотехнологичные отрасли промышленности Индии только выиграют от сотрудничества США и Китая. Эксперты НРС предполагают, что рост сотрудничеству между США и Китаем будет способствовать демокра-

тизация и либерализация политической системы КНР. Кроме того, благодаря технологическим преобразованиям в области производства продовольствия и энергии положительное влияние на себе ощутят средние державы и бедные страны. Растущее американо-китайское взаимодействие станет важным условием реформирования институтов международного сотрудничества.

Развитие событий по «непредсказуемому сценарию» чревато существенным ростом межгосударственных противоречий, увеличением разрыва между развитыми и развивающимися странами. Политическая и социальная напряженность станет неизбежной в силу растущих различий между процветающими и беднеющими государствами. Страны Европы, составляющие основу зоны евро, сохраняют конкурентоспособность на мировом уровне, в то время как государства на периферии зоны евро замедлят темпы своего развития. США при этом сценарии сохраняют глобальное лидерство, достигнув экономического подъема благодаря новой энергетической революции, технологическим инновациям и разумной бюджетной политике при относительной слабости потенциальных конкурентов. Однако, сохранив лидерские позиции, США перестанут играть роль «мирового жандарма» при каждой возникающей угрозе.

Некоторые регионы Африки пострадают больше всего. Отделение Эритреи от Эфиопии, а также разделение Северного и Южного Судана – лишь начало процесса изменения границ на континенте, дробление которого продолжится по секторальным, племенным и этническим признакам. Революция в добыче сланцевого газа и нефти, которая столь выгодна США, приведет к катастрофе в тех африканских странах, которые зависят от экспорта нефти. «Несостоявшиеся государства» Африки и других регионов станут прибежищем для политических и религиозных экстремистов и террористов. Трансформация мирового энергетического рынка, а также неспособность Саудовской Аравии диверсифицировать свою экономику негативно отразятся на этой стране. Экономика Саудовской Аравии практически прекратит расти при одновременном сохранении темпов роста населения. Ожидается, что к 2030 г. доход на душу населения упадет с 20 тыс. долл. до 15–16 тыс. долл. или ниже. В свете этих изменений, по мнению авторов доклада, Саудовская Аравия перестанет претендовать на ведущую роль в регионе.

Прибрежные города Китая будут процветать, однако неравномерность развития экономики регионов будет вести к усилению социальной напряженности. Эксперты предполагают, что внутри китайского правящего класса произойдет раскол, так как соперничающие группировки будут стремиться увеличить благосостояние, подрывая контроль со стороны прежних государственных институтов. Не справляясь с управлением страны, КПК будет стремиться разжигать националистические настроения. При таком сценарии недостатки социального устройства внутри го-

сударств будут отражаться на международных отношениях. Ослабленная экономическим спадом Европа и пассивное поведение США на международной арене приведут к тому, что помощь наиболее нуждающимся странам будет сокращаться. Интересы крупнейших держав будут все острее сталкиваться и противоречить друг другу, а вероятность конфликтов между ними только увеличится. Несмотря на то, что экономический рост в ряде государств сохранится на прежнем уровне, он будет довольно медленным, тогда как мир в целом будет испытывать последствия политического и социального раскола на всех уровнях. Эксперты НРС предполагают, что темпы роста мировой экономики составят 2,7%, что является лучшим показателем, чем при сценарии «Стагнация», но худшим по сравнению со сценариями «Объединенного лидерства» или «Мира негосударственных игроков».

При реализации «Непредсказуемого сценария» Китаю вряд ли удастся избежать ловушки «среднего уровня дохода», а разобщенность внутри ЕС в результате приведет к распаду этой структуры. В руки террористов и экстремистов попадут беспилотники, кибернетическое и биоружие. Конфликты в Африке и на Ближнем Востоке будут усиливаться. В результате некоторые страны Африки распадутся, а на Ближнем Востоке границы изменят свое очертание с появлением государства Курдистан. Практически повсеместно – в Европе, Китае и Индии – будут вспыхивать политические и социальные конфликты.

Сценарий под названием «мир негосударственных игроков» предполагает, что многочисленные неправительственные организации, многонациональные корпорации, академические институты и просто обеспеченные люди начнут играть такую же роль в решении мировых проблем и поиске ответов на вызовы, как и страны, мегаполисы и государственные организации. Новые и зарождающиеся технологии будут только способствовать усилению негосударственных акторов. В основе их влияния будет лежать относительный консенсус мирового общественного мнения по главным проблемам современности. И хотя при развитии данного сценария роль государства как института не исчезнет, правительства будут преимущественно выполнять организующие и координирующие функции в отношениях с гибридными коалициями негосударственных игроков, которые будут видоизменяться и адаптироваться в зависимости от необходимости решать те или иные задачи.

При данном сценарии авторитарным режимам будет непросто укреплять свое положение и действовать во внешнем мире. Напротив, более гибкие режимы, чьи элиты включатся в глобальные процессы, смогут взаимодействовать более эффективно и оперативно. То же самое относится и к институтам и организациям глобального масштаба, которые будут исключены из мировых политических процессов, если не сумеют диверсифицировать свои функции. Здесь авторы Доклада

явно намекают на ООН. Средства коммуникации, СМИ и прочие элементы информационной инфраструктуры будут способствовать усилению взаимодействия как между самими негосударственными акторами, так и между ними и государствами. Благодаря развитию негосударственных связей в развивающихся странах темпы роста городов будут особенно высокими. При данном сценарии мир будет напоминать калейдоскоп связей несоразмерных и неравнозначных игроков на разных уровнях. При этом, с одной стороны, негосударственные акторы сумеют быстро справляться с глобальными вызовами благодаря высокой мобильности подобных структур и способности взаимодействовать друг с другом. С другой стороны, иногда эти объединения будут наталкиваться на сопротивление крупнейших государств. Кроме того, с появлением негосударственных акторов возникнут новые угрозы международной безопасности, так как благодаря развитию технологий и коммуникаций доступ этих акторов к ОМУ станет более вероятным.

Авторы доклада полагают, что страны Европы ожидает процветание, так как в соответствии с данным сценарием для укрепления своих позиций Европа будет опираться на «мягкую силу»: НПО, университеты, финансовые институты и бизнес. Россия, по мнению авторов, будет поглощена решением проблем безопасности в связи с активностью террористических и преступных организаций. К тому же, считают в НРС, Россия с трудом пойдет на сотрудничество с негосударственными игроками на мировой арене. То же самое актуально и для КНР, где авторитарный режим не позволит населению тесно взаимодействовать с различными негосударственными акторами на международной арене. Китай будет в большей степени озабочен политической ситуацией внутри страны. У Индии есть шансы преуспеть в развитии в условиях данного сценария, если национальные элиты сумеют интегрироваться в глобальный бизнес и образовательные сети. Кроме того, если Индии удастся справиться с быстрым ростом городов, то она смогла бы послужить примером для других развивающихся стран.

Выводы

Обзор представлений американских экспертов о ситуации в мире через 20 лет позволяет сделать вывод, что предложенные авторами доклада сценарии мирового развития являются приблизительными, а в ряде случаев довольно абстрактными, внутренне противоречивыми. Здесь следует также понимать, что опубликованный материал – лишь публичная версия умозаключений аналитиков разведсообщества, предназначенная для широкой аудитории. Сценарии предельно упрощены и «спрямлены», разделены на заведомо «хорошие» и определенно «плохие». Цели США в тех или иных регионах мира и кризисных ситуациях «приглажены», подчас искусственно приведены в соответствие с общественными ожиданиями. Сценарные компоненты, негативные для других стран и ци-

вильзаций, соединены в «корзины» негативных сценариев, а позитивные для всех или большинства стран тенденции увязаны в сценарии, предполагающие лидирующую роль США. При этом роль США в случае реализации любого сценария преподносится как «особая». Независимо от того, каким авторами доклада представляют себе мир в 2030 г., США достается роль единственной (или последней оставшейся) сверхдержавы («непредсказуемый сценарий»), «мир негосударственных игроков»), мирового лидера наряду с Китаем («объединенное лидерство»), либо Вашингтону прочится роль внутривластного лидера («стагнация»).

Такая позиция не нова. В США немало исследований (упомянем лишь недавно вышедшую книгу Брюса Джонса, Карлоса Паскуаля и Стивена Стедмана «Власть и ответственность: Построение миропорядка в эпоху транснациональных угроз»), основная идея которых сводится к тому, что ведущая роль США в мире суть важнейшая предпосылка стабильности мирового порядка. В то же время, судя по докладу НРС, в США серьезно относятся к растущей мощи Китая, а также неизбежности наращивания сотрудничества с этой страной, несмотря на авторитарный характер существующего в КНР режима. Представляется, что на деле сценарий под названием «объединенное лидерство» является не только самым благоприятным для США, но и наименее вероятным. К примеру, в интересах США формирование и поддержка проамериканских элит в странах Персидского залива. Однако трудно представить, что уже к 2030 г. в государствах исламского Ближнего Востока в обучении молодежи тон будут задавать университеты, созданные при поддержке США и Европы. Вывод из Ирака войск коалиции не принес социальный и межрелигиозный мир его народу. Неутешительны и результаты завершающейся международной операции в Афганистане. С другой стороны, растущий фактор Ирана, который активно примеряет на себя роль ядерной державы, не добавляет стабильности в регионе. Поэтому размышления о том, что через 20 лет в регионе Персидского залива установится не только мир, но и сформируются подлинные демократические общества, представляются утопичными. Этот же сценарий предполагает урегулирование индо-пакистанского конфликта как в целом, так и вокруг штата Кашмир, в частности. Данный сценарий, несмотря на его привлекательность с точки зрения снижения конфликтности в мире, является трудно реализуемым, по крайней мере, к 2030 г.

Несколько поверхностными представляются сценарные построения авторов доклада, в которых при рассмотрении того или иного варианта развития событий отсутствует анализ арабо-израильского конфликта. Ближний Восток видится авторам как единый регион, в котором перманентный конфликт не сопровождается сценариями по его разрешению. Заметно, что США воспринимают Израиль как продолжение собственной внешней политики, то есть скорее не как близкого союзника или партнера, а как «США в миниатюре» в ближневосточном регионе. Интересным представляется

и тот факт, что ни в одном из предложенных сценариев авторы доклада не упоминают такие международные политические и военно-политические организации, как ООН, МАГАТЭ и даже НАТО. Складывается впечатление, что к 2030 г., по мнению вашингтонских аналитиков, эти структуры либо претерпят сильные изменения, либо их роль в мире окажется малозаметной на фоне бурных мировых событий.

Важно подчеркнуть, что на ближайшие 20 лет американские эксперты не воспринимают Россию в качестве силы, которая могла бы составить достойную конкуренцию США или с которой США могли бы сотрудничать по тем или иным проблемам. Скорее Южная Азия, а не Россия им представляется достойным партнером. С точки зрения авторов доклада, в ближайшие 20 лет Россия будет занята решением внутренних проблем. Лишь в случае развития сценария «Стагнация», полагают разработчики доклада, она попытается вернуть себе позиции в Средней Азии и Афганистане. Однако ни один прогноз НРС США не подразумевает вероятности того, что к 2030 г. Россия сможет вернуть себе статус сверхдержавы.

Сценарий «мир негосударственных игроков» представляется не столько вероятным в перспективе, сколько констатирующим тенденции сегодняшнего дня. Благодаря развитию инноваций и коммуникаций, уровень взаимодействия настолько высок, что сетевые негосударственные структуры на сегодняшний день могут обходиться в ряде случаев без участия государств либо конкурировать с ними в тех областях, где услуги данных структур оказываются более привлекательными и доступными.

Самый общий и банальный вывод доклада НРС сводится к тому, что точного прогностического видения мира в 2030 г. построить невозможно. Однако, как подчеркивают эксперты НРС, развитие ситуации в мире по негативному или позитивному сценарию во многом зависит от того, какой политический курс руководство США выберет уже сегодня. Видимо, доклад должен послужить своего рода подсказкой для президента США Барака Обамы относительно того, как выстраивать курс администрации на протяжении второго срока. Долгосрочный же характер прогноза мировой системы как бы подводит к пониманию того, что последствия реализации стратегических задач, стоящих перед администрацией сегодня, будут выходить далеко за пределы второго президентского срока.

Выводы аналитиков американского разведсообщества о неизбежности участия негосударственных акторов в мировом управлении и в построении нового миропорядка представляются, в целом, справедливыми. Обоснованно и аргументированно в докладе рассматриваются проблемы и недостатки существующих моделей управления по 20-ти балльной шкале в 50 государствах мира. Также в целом можно согласиться с анализом характера государственного управления в ряде государств и, в частности, с критикой форм и методов управления в ряде стран Азии и Африки. Недостаточно проан-

ализирована, на наш взгляд, зависимость государственного управления (governance) и стабильности от природных катаклизмов, изменений климата и внутренних угроз, чреватых правительственными коллапсами. Подробный анализ экологических и техногенных катастроф (Япония, Мексика и т. п.) в увязке с качеством государственного управления в кризисных ситуациях в докладе отсутствует, что еще больше ослабляет аргументы его разработчиков.

Основные проблемы управления в докладе связываются, главным образом, с дефицитом демократии, задачу же преодоления «дефицита демократии» следует решать по известным американским рецептам. Прежде всего, имеется в виду содействие процессам революционного характера в странах с недостаточно развитыми, как представляется аналитикам НРС, демократическими институтами или в «несостоявшихся» государствах. Основные геостратегические направления подобной демократизации связываются, прежде всего, с перспективами внутренних политических перемен в Китае, странах Ближнего Востока, Центральной Азии и Кавказа. Как отмечается в докладе, упор будет сделан на существенном усилении роли так называемого гражданского фактора. При этом различия в национальном опыте и традициях государственного устройства, существующие в различных регионах мира, аналитики НРС учитывают слабо, что не позволяет говорить о целесообразности дифференцированного подхода к подобным преобразованиям.

Прогнозы о резком снижении роли государственных структур, на смену которым повсеместно придут НПО, представляются малоубедительными. Речь может идти скорее о незначительном изменении баланса между государственными и негосударственными игроками в пользу последних, да и то не во всех регионах планеты. Сам по себе «списочный состав» факторов, из которых формируются сценарии наилучших и наихудших вариантов развития мирового сообщества к 2030 г., достаточно обоснован. Авторы смогли подготовить работу, отражающую своего рода «усредненное» мнение аналитического крыла американского политического истеблишмента, хотя не всегда удавалось избежать противоречий и погрешностей в анализе взаимозависимости рассматриваемых факторов.

В целом доклад представляет собой достаточно ценный аналитический документ, способствует лучшему пониманию стратегических целей внешнеполитической деятельности США, а также угроз и вызовов в понимании американской политической элиты и методов реагирования на них в контексте развития мировой системы до конца третьей декады двадцать первого века.

A.I. Nikitin, Ye.S. Boronin, Ye.K. Zvedre, V.N. Zemskov, M.A. Nebolsina, A.P. Grzha, O.L. Slon, D.N. Novikova. *The World in 2013 as experts of the US National Intelligence Council see it.*